

**РОССИЯ
в контексте
мировой
истории**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ А. И. ГЕРЦЕНА

СБОРНИК СТАТЕЙ

Санкт-Петербург
«Наука»
2002

УДК 93/94

ББК 63.3

Р 76

Россия в контексте мировой истории. Сборник статей. — СПб.: Наука, 2002. — 454 с.

Книга представляет собой сборник статей, посвященный политической истории России и Запада преимущественно новейшего времени. Их объединяет стремление авторов показать общность исторического процесса и его особенные черты в различных странах, взаимное влияние событий в России и зарубежном мире, роль России и СССР в истории народов мира XX века. «Россия в контексте мировой истории» — так назывался лекционный курс профессора Ю. В. Егорова, памяти которого посвящен сборник.

Редакционная коллегия:

чл.-кор. РАН Р. Ш. ГАНЕЛИН, д. и. н. А. В. ГОГОЛЕВСКИЙ,
д. и. н. В. В. НОСКОВ, д. и. н. В. Н. ПЛЕШКОВ,
академик РАН А. А. ФУРСЕНКО
(ответственный редактор),
к. и. н. В. Л. ХЕЙФЕЦ,
к. и. н. Л. С. Хейфец (зам. ответственного редактора),
д. и. н. В. В. ЧУБИНСКИЙ

Составители:

Л. В. СЕРЕБРЯКОВА, Л. С. ХЕЙФЕЦ

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)
проект № 01-06-87039*

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Посвящая Юрию Васильевичу Егорову настоящий сборник статей, их авторы и редколлегия надеются, что он представляет собой воплощение научных взглядов, исследовательских приемов и жизненных идеалов Ю. В. Среди авторов — его ученики, многолетние коллеги по работе и специалисты, занимающиеся интересовавшей его тематикой. Все они, как и Ю. В., в центр своего исследовательского внимания при разнообразии тематики ставили роль России во всемирной истории. В сборник включены также воспоминания об Ю. В. коллег, учеников и друзей. Открывается издание тремя работами Ю. В., оставшимися не опубликованными при его жизни.

Р. Ш. ГАНЕЛИН

ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЕГОРОВ
(1932—1999)

Среди петербургских историков Ю. В. Егорову принадлежало особое место. Занимаясь историей Европы новейшего времени, он, как и все его коллеги и друзья, имел свои исследовательские интересы, связанные с изучением конкретно-исторических тем. Главными из них были политическая история Франции начиная с 1930-х гг. и история Югославии. Знание не только западно-, но и восточноевропейских языков делало его историком Европы в самом полном и широком значении этого понятия.

Отличительной его чертой как исследователя была склонность к глобально-историческому мышлению. И именно это делало его глубоким и блестящим профессором всеобщей истории. Он пользовался широкой известностью и признанием в различных кругах петербургской интеллигенции, в том числе среди крупных ученых, которые по своей профессиональной принадлежности не только не были историками, но, будучи физиками, биологами или медиками, гуманитарными науками интересовались лишь «в свободное от основной работы время».

Он был интересен им так же, как и коллегам по профессии. Место России в историческом процессе и в современном мире было предметом его постоянных размышлений, бесед, устных и печатных выступлений. Это, казалось бы, должно составлять естественную черту историков зарубежного мира, тех, кто изучает историю России. Но получалось так, что он был в этом уникален. За несколько дней до того, как его не стало, он по дороге с работы домой поделился со мной своими мыслями о европейских революциях после первой мировой войны. Он мыслил категориями не формационного, а этносоциального плана. Было очень интересно, но я плохо запомнил сказанное в уверенности, что Ю. В. уже написал об этом или в скором времени сделает это...

Как исследователь он обладал еще одним свойством, также уникальным: его научно-исторические оценки помимо многих обычных и необычных факторов всегда основывались и на нравственно-этическом начале, роль которого была для него особенно значительной. Очень твердый в своих жизненных принципах человек и тонкий интерпретатор исторической действительности, он мог позволить себе выступать перед студенческой аудиторией не только как повествователь, но и как судья. Слушатели понимали и ценили в нем это в течение нескольких десятилетий. Один из них писал: «Для меня Юрий Васильевич — живое воплощение „шестидесятиничества“, лучших качеств этого поколения — интеллект и романтизм, внутренняя свобода и вера в светлые идеалы, критический настрой ума и донкихотство. Жанр лирических отступлений, как бы невзначай брошенных фраз был очень характерен для Ю. В. Егорова. В мире, где все с детства учились читать между строк, это было отличным способом пробудить живое любопытство, интерес и сочувствие студентов».

В своеобразном сборнике воспоминаний и других материалов «И не прервется связь времен...», посвященном факультету социальных наук РГПУ им. А. И. Герцена, выпущенном в 1999 г., есть яркие, теплые, проникнутые искренним и обоснованным преклонением характеристики коллег Ю. В. по кафедре античников Л. М. Глускиной и В. Н. Андреева. Они окрашены тем чувством благодарности, которое ученики испытывают по отношению к своим покойным учителям. А Ю. В., живой, неутомимо бодрый и активный, бывший на глазах у всех своих слушателей и учеников (хотя после того как сборник был подписан к печати, ему оставалось всего три месяца жизни), был удостоен таких же слов, которыми пишут и говорят об ушедшем незабываемом человеке.

Группа студентов 60-х гг. сделала даже набросок совместного портрета так непохожих по виду друг на друга яркого и эффектного Ю. В. и внешне неказистого В. Н. Андреева, прозванного студентами «кузнечиком», которых объединял, однако, «дух свободы, демократизма, мощный интеллект, глубокая порядочность».

На протяжении сорока лет Ю. В. был всеобщим любимцем многих исторических аудиторий города, но основным местом его работы в течение всех этих десятилетий постоянно был герценовский истфак. Студенты-герценовцы многих поколений, которым он из года в год читал общий курс истории новейшего времени, курсы историографии, различные специальные курсы, были самыми преданными и благодарными его слушателями. «Его потрясающе интересные лекции запомни-

лись на всю жизнь». «Свободный, красивый, Юрий Васильевич знал столько, что непонятно было, как это можно запомнить». «Для меня — это образец интеллигента, высокоинтеллектуального и исключительно порядочного человека». Так получилось, что эти отзывы слушателей Ю. В. разных лет, собранные при его жизни, оказались воспоминаниями о нем, ушедшем.

Природная одаренность и яркость личности, нравственная требовательность в основе не только жизненного поведения, но и подхода к содержанию исследования и преподавания — все это делало нелегкой его жизнь историка новейшего времени. Впрочем, как это ни странно, занятия новейшей историей еще в студенческие годы стали для него прибежищем от неприятностей, случившихся с ним на кафедре истории СССР, где он то ли на втором, то ли на третьем курсе вызвал скандал курсовой работой, посвященной народникам. Подробности этой истории, едва не окончившейся для Ю. В. исключением из комсомола, трудно сейчас восстановить. Однако общие ее контуры состояли в том, что революционная жертвенность и романтизм народников, к тому же предшественников эсеров, вызывали тогда официальное неодобрение. На кафедре новой истории Ю. В. стал заниматься историей международных отношений, той отраслью исторических знаний, которая была поощряема еще с довоенных времен. Дипломная работа, защищенная им в 1956 г., на тему «Малая Антанта в годы мирового экономического кризиса» и по объему, и по исследовательскому значению была близка к кандидатской диссертации. Однако сама эта диссертация, защищенная в 1961 г., составила хронологическое продолжение дипломной работы. Она носила название: «Кризис и распад системы союзов в Дунайском бассейне. 1931—1935 гг.». Ю. В. оппонировали проф. Н. П. Полетика и В. Н. Белановский. Н. П. Полетика был крупнейшим советским исследователем истории международных отношений, уехавшим из Ленинграда в 1951 г. во избежание ареста. До эмиграции в 1973 г. в Израиль (там он и умер) он работал сначала в Ташкенте, а затем в Минске. Иногда приезжал в Ленинград, но в университете предпочитал не показываться. Однако в Педагогическом институте им. А. И. Герцена, где Ю. В. преподавал с 1959 г., Н. П. Полетика во время одного из своих приездов в Ленинград выступил на его защите вместе с В. Н. Белановским, знатоком истории балканских стран. Защита была очень успешной, но Ю. В. не продолжил своих занятий внешней политикой Франции в новейшее время. Трудно рассуждать о причинах этого. Одна из них была, по-видимому, в том, что дипломатические документы новейшего времени были для исследователя недоступны.

Возможно, впрочем, что была и еще одна причина этого. Революционный романтизм (мы приводили уже слова одного из учеников Ю. В. о том, как романтизм сочетался у него с интеллектуализмом) был не чужд Ю. В., как и многим представителям его поколения. Сферой, в которой романтическое отношение к революционной традиции в известной мере не считалось предосудительным, была история мирового революционного движения. Мало того. Занятия ею расширяли возможности, как бы парадоксальным это теперь ни казалось, заниматься историей не только коммунистических партий, но и вообще внутрисполитической жизни зарубежных стран, включая роль в ней социалистических движений и социалистической мысли. Некоторая объективность и рассудительность в отношении руководящих сфер к этому предмету проявлялась ими неспроста: настаивать, как это раньше традиционно делалось, на неизбежности победы коммунизма во всемирном масштабе было с некоторых пор невозможно. В несокрушимой, казалось бы, идеологической стене образовался проем. По отношению к проблемам российской истории требовалось неукоснительное соблюдение принципа социально-экономических формаций. В качестве его конечного воплощения рассматривалась детерминированная победа социализма, который с неизбежностью должен был прийти на смену высокоразвитому капитализму. Когда московские историки П. В. Волобуев, К. Н. Тарновский, А. М. Анфимов и другие исследователи российской экономики предреволюционного периода, не установив полного торжества капиталистических отношений, пытались опереться на формулу Ленина о многоукладности, им это не помогло. Зато, острили они, помогла «многоподъездность». Дело заключалось в том, что из двух отделов ЦК КПСС, помещавшихся в разных подъездах здания на Старой площади, — отделов науки и международного — во втором старались избегать догм «твердого марксизма», защиту которого ставили себе в заслугу в первом.

В результате этого применительно к новейшей истории зарубежных стран и существовавших в них коммунистических и рабочих партий, на изучение которой влиял международный отдел, оказывались возможными многие элементы реалистического подхода, которые в других отраслях встречали сопротивление отдела науки. Я очень хорошо помню, каким далеким и чуждым его сознанию был мой пересказ ограничительно-запретительного доклада возглавившего после проработки 1973 г. Институт истории СССР акад. А. Л. Нарочницкого. В том, что Ю. В. обратился к изучению близких к современности проблем европейской истории, сказалось несколько обстоятельств. Среди них были любовь к чтению

лекций в различных аудиториях (он делал это мастерски) и склонность к неустойчивой и регулярной аналитической работе в области текущей политики, ею он занимался на протяжении нескольких десятилетий.

В 1972 г. он выпустил яркую и смелую для того времени книгу «Народный фронт во Франции (1934—1938 гг.)», которая послужила ему докторской диссертацией, защищенной в 1973 г. Ему оппонировали крупнейшие советские специалисты по французской истории В. М. Далин и В. П. Смирнов и самый блестящий из послевоенного поколения ленинградских «новистов» историк Испании и Франции Д. П. Прицкер.

Защита проходила в ученом совете института Педагогического института им. А. И. Герцена, где защищались тогда и докторские диссертации. Она прошла блестяще. Сейчас мне яснее причины успеха этой работы Ю. В. Прежде всего они связаны с выбором темы. Французская печать 30-х гг. была безо всяких натяжек основным источником для этого исследования, а она в Москве имела, как и многие другие печатные материалы того времени, и Ю. В. сумел в большой мере все это использовать. Кроме того, применительно к народному фронту и связанным с ним сюжетам не употреблялось клеймо социал-реформизма, а то и социал-фашизма, которым обычно пользовались, говоря о социалистических партиях. Правда, Л. Блюма на одной из фотографий Ю. В. пришлось выдать за М. Кашена.

Вообще проблема народного фронта наложила свой отпечаток на подход к истории революционного движения и социалистической мысли, которая стала научной специальностью Ю. В. со всеми теми изменениями, которые жизнь внесла в характер и содержание этого движения и, разумеется, в изучающую его научную дисциплину. Они состояли в том, что это движение, носившее характер классовой борьбы с опорой на СССР как страну победившей диктатуры пролетариата, начало приобретать и иную направленность — против подчинения социалистических стран и коммунистических партий советскому сталинскому и послесталинскому руководству.

В общественной мысли нашей страны и, в частности, в мировоззрении молодежи все это приводило к сдвигам и потрясениям. Лекционные курсы, которые вел Ю. В., приобретали все более яркий, но не для всех удобный характер. Но ему, блестящему лектору, всесторонне образованному и одновременно очень скромному человеку, которому отнюдь не было свойственно политическое витийство, удавалось не идти против своей совести, воспитывая у своих слушателей реалистический взгляд на вещи, и при этом избегать серьезных непри-

ятностей для них и для себя. Вновь процитирую тех слушателей Ю. В., которые так выразительно описали роль, которую он играл для студентов, «в мире, где все с детства учились читать между строк». «Он вызывал восхищение всем: внешностью, манерами, легкой, образной речью, а главное, необычайным кругозором, полетом мысли, смелостью суждений... Импровизатор, прекрасно мог подать материал, легко переходя на другие языки. Лекции вел живо, эмоционально. Он специально снимал часы, чтобы не следить за временем... Живой, обаятельный, непосредственный и остроумный, он легко покорял аудиторию, тем более что говорил о вещах полузапретных (Югославия, венгерские события 1956 г., чешские события... отношение к КПСС, лидеры государств). Видимо, иногда ему объясняли на каком-то уровне, что так делать нельзя, вероятно, это чаще случалось после выхода студентов на практику. Он тогда на лекции говорил нам: „Ну, что же вы, лапушка, такие вещи в школе рассказываете? Там же дети...“».

Лекционную работу и другие формы деятельности в студенческой аудитории Ю. В. совмещал с ролью главы научной школы, которая состояла не только из его учеников из числа студентов Педагогического института им. А. И. Герцена, но и из представителей различных городов страны. Это была настоящая школа с ясно очерченной и вместе с тем широкой тематикой, опиравшаяся не только на Педагогический институт им. А. И. Герцена, где Ю. В. входил в два совета по защитам, но и Республиканский гуманитарный институт и Северо-Западную Академию государственной службы (в каждом из этих учреждений он также входил в диссертационные советы). Не организационными обстоятельствами, однако, определились закономерности развития этой школы. Она формировалась вокруг своего руководителя под влиянием его научных взглядов и нравственного авторитета. Руководство Ю. В. основывалось на собственных научных достижениях и терпеливо-благожелательном отношении к ученикам. Они работают в различных городах страны, преподавая новую и новейшую историю зарубежных стран «по Егорову», как выразился один из них.

Перестройка и распад СССР привели к появлению в творчестве Ю. В. двух новых тем. Раньше они лишь составляли предмет его размышлений, оказывавших постоянное влияние на содержание работ на другие темы и лекционных курсов. Теперь он стал автором целого ряда специальных работ по каждой из них. Темы эти были (употребляю формулировки Ю. В., которыми он озаглавил некоторые из своих работ) — «Россия в контексте мировой политики», «Кризис и распад Югославской федерации: значение и уроки». Их «доперестроечная» одиозность определялась именно тем обстоятельством, которое

связывало их между собой: в основе той и другой лежала как предмет изучения имперская политика и историческая судьба империй. Подход Ю. В. носил выраженный антиимперский характер, «государственники» были для него оппонентами.

В последние годы Ю. В. стал заниматься горбачевским и ельцинским периодами отечественной истории, написав посвященные им разделы в учебных пособиях. Это было очень трудное дело. Политические страсти кипели и кипят вокруг событий и исторических деятелей этого времени, полемическая ожесточенность — характерная черта сформировавшейся по отношению к ним публицистической традиции. А Ю. В. выступил как первопроходец-академист с аналитическим объективным изложением того, что называется историей современности. Не только профессиональная опытность, но и стойкость демократических убеждений помогли ему справиться с этой нелегкой работой.

На протяжении многих лет своей жизни Ю. В. был центральной фигурой в кружке историков, занимавшихся различными эпохами европейской истории. Это были его близкие друзья В. И. Райцес, Е. М. Тепер, А. Х. Горфункель, В. М. Алексеев. Его многолетними друзьями были и неисторики, которых связывали с ним не только личные отношения, но и общественные интересы и взгляды, — Г. С. Копыловский, Я. Ю. Багров, В. Л. Деглин, В. Е. Голант. Большую роль в интеллектуальной жизни Ю. В., во всем том, что относилось к его специальности, играла кафедра истории международного рабочего движения ленинградской Высшей партийной школы, возглавлявшаяся сначала Д. П. Прицкером, а затем В. В. Чубинским. Оба они, как и Ю. М. Чернецовский, были самыми близкими ему по научным интересам и верными соратниками во многих рискованных ситуациях.

Здесь следует отметить, что и в коллективе герценовской кафедры всеобщей истории при всей ее многопрофильности Ю. В. пользовался непререкаемым авторитетом ввиду своей разносторонней эрудированности. Со времени появления его на кафедре он держался независимо. Едва появившись там, он выступил на заседании кафедры в поддержку М. Б. Рабиновича, которого выдворяли по причине, вслух не произносившейся, но вполне понятной: помимо национальной принадлежности он был реабилитированным бывшим лагерником, а сочетание того и другого считалось особенным засорением кадров.

Через несколько лет после этого, в самом начале 70-х гг., Ю. В. стал было заведующим кафедрой, но не прошло и нескольких месяцев, как его с этой должности сняли. Данное ему частным образом во время прогулки по двору проректором института объяснение состояло в том, что он проводил непра-

вильную кадровую политику и не обращался за советами в обком КПСС. Вся ошибочность его кадровой политики заключалась в том, что он способствовал зачислению в заочную аспирантуру и на преподавание с почасовой оплатой нескольких, как тогда принято было официально выражаться, «лиц еврейской национальности». В ректорате сочли поведение Ю. В. по отношению к вышестоящей инстанции бестактным (ее нельзя было ставить перед необходимостью компромиссов в подборе кадров). На шуточные упреки друзей («мог бы вести себя по-тактичнее») Ю. В., не поддерживая иронического тона, отвечал, что так он воспитан своей матерью Еленой Федоровной.

Что касается его нежелания просить советов в обкоме (скорее всего, имелась в виду все та же злополучная кадровая тема), то здесь по аналогии с «многоподъездностью» в ЦК, о которой выше было сказано, дело заключалось в том, что к Ю. В., великолепному лектору, выступавшему во многих самых требовательных аудиториях города, очень хорошо относились в отделе пропаганды и агитации, или идеологическом отделе. Там советов, наоборот, просили у Ю. В. А в отделе науки, школ и вузов, где ему посоветовали бы кадровую осмотрительность, Ю. В. не бывал.

В целом эпизод с кратковременным заведованием кафедрой был, как представляется, закономерным: административный строй мышления даже в не столь одиозных обстоятельствах и соответствующий ему образ поведения были глубоко чужды самой натуре Ю. В. Это не могло быть иначе: он прожил свою жизнь «взахлеб», как выразилась о его преподавании группа слушателей последнего десятилетия. Этим же словом определили они и то, как слушали Ю. В.

Ему удалось главное из того, что составляет жизненную цель ученого, — оставить глубокий и благотворный след в памяти и в профессиональной деятельности многих сотен людей.

Ю. В. ЕГОРОВ

К ВОПРОСУ О РОЛИ НОВОЙ РОССИИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ КОНЦА XX в.*

Главный социально-политический итог XX в. заключается в том, что Россия, оказавшаяся во главе всемирно-исторического эксперимента, обозначила для всего человечества путь, по которому идти нельзя. Происшедшая одновременно ликвидация СССР фундаментально перекроила геополитическую карту мира, который стал однополюсным, так как у США нет больше достойных соперников и конкурентов. Однако, с другой стороны, мир по-прежнему в определенном смысле остается двухполюсным, потому что ракетно-ядерные потенциалы США и России не имеют себе равных.

Иными словами, Россия — это бывшая империя и в то же время все еще империя. Она — одновременно и развитая, и слаборазвитая страна («Верхняя Вольта с ракетами», как кто-то уже очень давно сказал о нашей стране).

Именно эта противоречивость нынешнего положения России и спровоцировала, по-видимому, острые споры о ее месте в современном мире, споры, которые, то затихая, то усиливаясь, ведутся в нашем обществе уже не первое столетие. Нередко при этом приходится слышать диаметрально противоположные точки зрения.

Одни безоговорочно причисляют Россию к европейским государствам. При этом они ссылаются на этническую общность (русский этнос — индоевропейский, как германский, романский, кельтский, а не азиатский), а также на общность религиозную, ибо русские — христиане, а не мусульмане или буддисты. Правда, при этом сторонники принадлежности России к Западу не считают нужным вспомнить, что помимо русских в России проживает еще не менее ста наций и на-

* Доклад на VIII российско-американском семинаре, проводившемся факультетом международных отношений СПбГУ (май 1999 г.).

родностей, многие из которых не имеют ничего общего с христианством.

Сторонники другой точки зрения заявляют, что наше вступление в Совет Европы вовсе не означает, что мы уже стали европейским государством, ибо Европа — это не только география, но и определенная культура, история, образ жизни и мысли. Все это нам еще предстоит приобрести. Здесь обычно вспоминают о том, как непросто проходила у нас ратификация Европейской конвенции по правам человека, о том, что у нас крайне медленно складывается гражданское общество, потому что в стране не существует критической массы людей, которые вообще понимали бы, что это такое — демократия и либеральные ценности.

Эти порой весьма эмоциональные lamentации в определенной мере являются отражением появившегося в российской политической элите ощущения нарастающего одиночества России в современном мире. Подобные ощущения были многократно усилены начавшимся процессом продвижения НАТО на Восток.

Как известно, этот процесс начался более четырех лет назад, когда в январе 1994 г. президент Клинтон — неожиданно даже для союзников по Атлантическому альянсу — заявил, что ведущиеся с 1993 г. разговоры о продвижении НАТО на Восток — это вовсе не отдаленная и гипотетическая перспектива, а вопрос, который следует решить в ближайшие два-три года. В качестве главной причины, побудившей его выступить с подобной инициативой, американский президент назвал упорное желание стран Восточной Европы обрести официальное членство в Альянсе. И это действительно так. Ведь неоднократно генеральный секретарь НАТО Хавьер Солана, не слишком скрывая своей иронии, повторял российским журналистам: «Мы никого не заставляем вступать силой. Пусть г. Примаков попытается убедить чехов, венгров, поляков не делать этого. Если он добьется успеха, мы не станем возражать».

К сожалению, наша дипломатия не последовала этому совету, предпочитая обсуждать проблемы расширения НАТО исключительно с Западом, через головы наших восточноевропейских соседей. Тем самым мы дополнительно продемонстрировали свое пренебрежение к ним, что не усилило добрососедских чувств, и так уже подорванных многочисленными историческими коллизиями. Мы так и не научились уважать своих бывших сателлитов по Варшавскому блоку и не научились им грозить. При этом чем громче Россия протестовала против расширения НАТО, тем больше восточноевропейские страны стремились ускорить его расширение. Неудачные

и потому неудавшиеся попытки Москвы предотвратить расширение Атлантического альянса на Восток не могли не вызывать определенного отчуждения в отношениях России как с членами Альянса, так — и особенно — со странами Восточной и Юго-Восточной Европы.

В то же время нельзя не признать, что ссылка лидеров Запада на то, что именно страстное стремление восточноевропейских государств спрятаться под натовским щитом явилось главной причиной продвижения Атлантического блока на Восток, нуждается в определенной корректировке.

Ведь и в прежние эпохи народы стран Восточной Европы не только проявляли желание, но по мере сил и пытались вырваться из советских объятий. Но на Западе всегда оставались глухи к просьбам и мольбам этих народов. Так было во время массовых волнений в ГДР в июне 1953 г., во время венгерского восстания в октябре—ноябре 1956 г. или в период «пражской весны» 1968 г. Тогдашние лидеры Запада и подумать не могли о том, чтобы вторгнуться в советскую сферу влияния и переступить знаменитую черту, проведенную на европейской карте сталинским карандашом во время Ялтинской конференции. И только тогда, когда по странам Восточной и Юго-Восточной Европы прокатилась волна победоносных антитоталитарных революций, рухнула «берлинская стена», исчез СССР, только тогда в Вашингтоне поняли, что пришло наконец время для исторического реванша за унижение, которое США испытали в Ялте перед указующим перстом победоносного Сталина.

Знаменательно, что этот реванш совпал с 50-летием плана Маршалла, в котором Сталин отказался участвовать сам и буквально оттащил от него восточноевропейские страны, которые были приглашены Западом. Кстати, именно тогда, пятьдесят лет назад, обнаружилась неизбежность конечного проигрыша Москвой с таким трудом завоеванного послевоенного мира и только что начавшейся «холодной войны». Почему? Да потому, что Сталин не смог противопоставить плану Маршалла ничего с ним сравнимого, ничего, кроме советского военного присутствия в Восточной Европе. Этот проигрыш был усугублен при Н. Хрущеве, подавившем народное восстание в Венгрии и приказавшем в 1961 г. возвести «берлинскую стену». Та же линия продолжалась при Л. Брежнев, который задушил «пражскую весну» и заставил генерала Ярузельского ввести в Польше военное положение в 1981 г. Что же касается расстрела в Вильнюсе (январь 1991 г.) и преступной чеченской войны, то все это только добавило новые аргументы нашим соседям в пользу скорейшего отделения и максимального удаления от Москвы.

Таким образом, победа Вашингтона в «холодной войне» и его исторический реванш за «ялтинское унижение» были в определенной степени predetermined.

Это, однако, не означает, что продвижение Атлантического альянса на Восток происходит совершенно безболезненно и без всяких проблем. Так, в самих США стала постепенно «размываться» на первых порах фактически единодушная поддержка общественным мнением включения в Альянс бывших союзников СССР. Сначала с первыми предостережениями выступили два патриарха американской внешнеполитической стратегии — Пол Нитце и Джордж Кеннан, назвавшие расширение НАТО «фатальной ошибкой», ибо когда-нибудь националистический кандидат в президенты России на выборах 2000 или 2004 гг. сделает продвижение НАТО к российским рубежам своим боевым антиамериканским кличем и победит, положив начало новой, куда более опасной, чем прежняя, «холодной войне».

Следом за ними 26 июня 1997 г. — буквально накануне Мадридского саммита, который официально пригласил Венгрию, Польшу и Чехию вступить в Атлантический союз, — с серьезными сомнениями относительно целесообразности этого решения выступила внушительная группа из пятидесяти бывших сенаторов, министров, послов и специалистов по вопросам внешней политики. В тексте, подписанном наряду с другими Сэмом Нанном, Гэри Хартом, Джеком Мэтлоком, Робертом Макнамарой, вновь говорилось о том, что предпринятая инициатива по расширению НАТО представляет собой «политическую ошибку исторических масштабов», которая снизит уровень безопасности союзников по Атлантическому договору и пошатнет стабильность в Европе.

На эти сомнения бывших политиков наложились подсчеты американских конгрессменов, которые обнаружили, что предполагаемые расходы на доведение до требуемого уровня боеспособности новых членов Альянса примерно в три раза превышают подсчеты Пентагона. А американские налогоплательщики не проявляют большой готовности нести дополнительные расходы по обеспечению своей безопасности в условиях, когда главный противник внезапно исчез. В результате, если еще в сентябре 1997 г. 63 процента американцев, по данным опросов общественного мнения, сочувствовали расширению НАТО, то в апреле 1998 г. — лишь 49 процентов. И хотя по-прежнему примерно 80 сенаторов поддерживают продвижение Атлантического блока на Восток, тем не менее против недавней поправки Джона Уорнера, предложившего в Сенате мораторий на дальнейшее расширение НАТО, проголосовало не 80, а 59 сенаторов, а «за» был подан 41 голос.

Проявляют определенное недовольство и некоторые европейские члены Альянса, особенно Франция. Пожалуй, со времен де Голля французские политики, принадлежащие к различным политическим партиям, не позволяли себе до такой степени откровенно антиамериканских высказываний, как в 1997—1998 гг. Так, Ю. Ведрин, ставший после победы левых на парламентских выборах в июне 1997 г. министром иностранных дел, уже не раз давал понять в своих публичных выступлениях, что нынешняя «атлантическая экспансия» вызвана отнюдь не «русской угрозой» (она отсутствует), а стремлением США в новых изменившихся условиях сохранить НАТО и свое присутствие в Европе. Именно Франция выступила с предложением о модернизации НАТО с тем, чтобы страны Западной Европы могли бы оказывать большее влияние на его структуры. В частности, Франция поставила вопрос о передаче ей поста командующего южным флангом НАТО. Вашингтон, однако, отверг все эти предложения.

Недовольство европейцев связано также с тем, что большая часть расходов, вызванных включением Чехии, Венгрии и Польши в военные структуры НАТО, падает на них, а не на США. (Присоединение этих трех стран к Альянсу должно обойтись в 35 млрд долларов. Из них Вашингтон собирается покрыть всего 2 млрд, 14 млрд должны взять на себя Чехия, Польша и Венгрия, а оставшиеся 19 млрд должна оплатить Западная Европа). Неудивительно поэтому, что Франция даже взяла обратно свое обещание вернуться в военную организацию Атлантического союза, откуда она вышла в 1966 г. — еще при де Голле: с июня 1997 г. процесс военной реинтеграции Франции в Атлантический блок был прекращен.

В то же время со стороны российской дипломатии было крайне неразумно попытаться использовать эти разногласия, которые ни в коем случае нельзя преувеличивать, для того чтобы попытаться вбить клинья между США и Европой.

Так, на Страсбургском саммите Совета Европы (октябрь 1997 г.) Б. Ельцин обратился к европейцам с призывом объединиться с Россией в «Большую Европу» и обойтись без США на европейском континенте. В несколько другой форме тот же призыв прозвучал из уст Б. Ельцина во время его встречи с Г. Колем и Ж. Шираком в марте 1998 г. В западной печати эти попытки Б. Ельцина были названы дилетантскими, так как они ни в коей мере не повлекут за собой усложнения отношений между США и Европой, но зато усилят скептическое отношение к российскому президенту, позволяющему себе непродуманные и весьма непоследовательные политические шаги.

В этой связи следует подчеркнуть, что становление новой российской внешней политики происходит очень непросто.

Это объясняется, в частности, тем, что ее делают отнюдь не новые политики, обремененные к тому же имперскими пред-
рассудками и традициями. Так, например, в январе 1998 г. российский министр иностранных дел Е. Примаков гордо заявил, что «ни одно мало-мальски крупное событие международной жизни не может осуществиться без непосредственного участия России». Это заявление было тут же растиражировано нашими средствами массовой информации.

Особенно часто об этих словах Е. Примакова вспоминали во время состоявшейся в Бирмингеме в середине мая 1998 г. встречи лидеров восьми наиболее влиятельных стран мира, в которой Россия впервые участвовала на правах полноправного члена: «Группа семи» превратилась в «Группу восьми». Своеобразным символом этого стал следующий эпизод. Во время короткой беседы с российским президентом Клинтон снял со своего пиджака значок «G—8» и приколот его к пиджаку Ельцина.

Впрочем, все эти символические жесты связаны отнюдь не с тем, что Россия достигла критериев, которыми определяется принадлежность к промышленно развитым демократиям. Просто Вашингтон по достоинству оценил следующие три важных шага, сделанных за последние два года российским руководством. Во-первых, пусть ворча и с большой неохотой, но Россия все-таки согласилась признать неизбежность расширения НАТО за счет Польши, Чехии и Венгрии; во-вторых, мирный договор с Чечней и, в-третьих, признание нынешних границ Украины. Именно благодаря этим шагам и вырос статус России на ежегодных саммитах «большой восьмерки». Иными словами, западные руководители пришли к выводу, что Кремль стал проводить более сбалансированный, менее подверженный давлению со стороны имперско-шовинистического лобби курс, и решили поощрить эту тенденцию, предоставив Москве отдельное кресло за столом переговоров.

Конечно, включение в «Группу восьми» не означает, что партнеры по группе признали нас «индустриальной демократией». Россия — в силу своего экономического состояния — остается, к сожалению, нетипичным участником этого форума. Так, уже в первый день конференции Б. Ельцин в назначенный час не нашел в зале для переговоров японского премьер-министра Хасимото и прямо перед телекамерами удивленно спросил: «Где же мой друг Рю?» Оказывается, Хасимото опоздал на встречу с Ельциным, так как затянулось заседание «семерки» — шести западных стран и Японии. Они собрались без России, в привычном формате с тем, чтобы поговорить о состоянии мировой экономики. И это понятно: ведь именно на эти семь государств опираются международные финансовые

организации, предоставляющие кредиты остальному миру, в том числе и России. Тем не менее для России диалог в Бирмингеме очень важен, поскольку он открывает возможности ее более тесного взаимодействия с ведущими мировыми державами. Да и Запад в рамках «восьмерки» сможет лучше узнать и понять Россию, что вполне компенсирует убытки, связанные с утратой «семеркой» изначальной однородности.

В то же время российским правящим кругам было бы лучше полностью отказаться от имперских амбиций и — вопреки Е. Примакову — понять, что вполне могут быть крупные события международной жизни, не требующие нашего непосредственного участия. Только там, где затрагиваются жизненно важные интересы нашей страны, участие России абсолютно обязательно. Во всех остальных случаях нам не стоит переживать, что мы остались в стороне от неких «крупных событий». В окружающем нас мире полно проблем, решение которых обойдется и без России. Все это вовсе не означает призыва к тому, чтобы Россия стала проводить изоляционистскую политику. Новую российскую политику было бы правильнее называть «ограниченным глобализмом».

Только отрешившись от имперских привычек и преодолев инерцию «всеприсутствия», Россия сможет, не позволяя себе роскоши конфронтации с остальным миром, успешно и эффективно отстаивать свои национальные интересы.

Впрочем, на вопрос о том, в чем же именно заключаются наши национальные интересы, пока нет определенного ответа. И это неудивительно. Ведь, как уже говорилось в начале моего доклада, у нас до сих пор продолжают никогда не прекращавшиеся споры о принадлежности или непринадлежности России к Европе. Наше общественное мнение в силу определенных особенностей российской истории, географии, спектра угроз нашей безопасности, национальной психологии само еще не решило для себя этот мучительный вопрос, ответ на который искали еще Чаадаев, Соловьев, Ильин и многие другие отечественные мыслители.

Интересно отметить, что их коллеги — философы стран Восточной Европы в отличие от наших никогда не задавались вопросом, принадлежат ли их государства и этносы к Европе. И понятно почему: ответ на данный вопрос был для них самоочевиден. Следовательно, своеобразное бегство этих стран сейчас на Запад нам было бы лучше воспринимать не как метафизическую угрозу, а как вполне естественный и органичный для этих государств цивилизационный выбор.

К сожалению, пока наблюдается прямо противоположная картина. Против расширения НАТО на Восток громкое «нет» говорят не только левые (что вполне понятно), но и боль-

шинство представителей центра и правой части российского политического класса. Столь редкое единодушие коммунистов и большинства демократов объясняется отнюдь не степенью тех или иных угроз безопасности России, действительных или мнимых.

Дело в том, что продвижение НАТО на Восток затронуло глубинные пласты нашего общественного сознания, которое никак не может изжить психологический, скорее даже геопсихологический комплекс, особенно часто выражающийся во фразе: «нас вытесняют из Европы». В отечественных средствах массовой информации нередко звучит обида в связи с тем, что перед нашей страной, добровольно выведшей войска из Восточной Европы и добровольно признавшей независимость бывших советских республик, теперь захлопываются двери евроатлантической цивилизации. Г. Старовойтова как-то даже сказала, что русские в Европе испытывают те же чувства, которые давно и хорошо знакомы чернокожим и евреям.

Подобные жалобы объясняются тем, что нами все еще до конца не решен ключевой вопрос о самоидентификации: действительно ли Россия является частью Европы не в поверхностно-географическом, а в подлинном, цивилизационном смысле, или же мы — отличная от европейской, особая, российская цивилизация.

Ответ на этот вопрос не так прост. С одной стороны, еще Екатерина Великая в своем «Наказе» от 1767 г. писала, что «Россия есть европейская держава». И действительно, трудно найти две другие цивилизации, чье взаимное культурное проникновение было бы столь интенсивным и глубоким, каким оно было у России и Запада. Русская культура, сама испытав огромное влияние западной культуры, в то же время стала частью культуры Запада, войдя в сознание каждого образованного европейца и американца. И это взаимопроникновение создавало порой в эмоциональном российском сознании ложную иллюзию относительно идентичности российской и западной цивилизаций. Но это не так.

Если русская культура несомненно является одной из лучших частей западной культуры, то русская государственность оставалась, к сожалению, вплоть до конца XX в. разновидностью восточной деспотии.

Короче говоря, мы — другие. Не лучше и не хуже, но другие — с учетом огромных размеров нашей территории, драматических потрясений, сопровождавших наше историческое развитие, с учетом, наконец, нашего менталитета. Поэтому Россия не может слиться с Западом, не изменив и своей и его цивилизационной сущности. Мы не можем стать частью Европы,

в которую так стремятся наши соседи. Маловероятно и то, что Россия в один прекрасный день станет членом Европейского Союза. Россия слишком велика для Западной Европы. С населением в половину нынешнего Сообщества и в пять с лишним раз больше его по территории мы раздавили бы существующие механизмы и институты европейской интеграции. Мы также не можем стать членами НАТО, так как статья 5-я Устава этой организации никогда не будет распространена на случай потенциальных конфликтов вдоль наших южных и восточных границ.

Однако из сказанного вовсе не следует, что мы должны броситься в другую крайность: искать союзников и партнеров только в Азии. В этой связи уместно сказать, что наше руководство совершенно напрасно пытается пугать Запад возможностью союза России с азиатскими странами, прежде всего с Индией и Китаем. Что бы ни утверждали отечественные средства массовой информации, наше заигрывание в последние годы с Пекином и Дели не дало сколько-нибудь заметных результатов. Переговоры с высшими руководителями этих двух великих азиатских государств показали, что им абсолютно не нужен прочный союз с Россией, который к тому же носил бы антинатовскую направленность. Россия интересуется Индией и Китаем прежде всего как покупатель их товаров, а также как поставщик оружия и военного сырья.

Россия всегда располагалась и сейчас располагается на перекрестке трех цивилизаций: европейской, переднеазиатской и дальневосточной. Поэтому наша страна — не только в силу своей географии, но и в силу своей истории и культуры — предрасположена к тому, чтобы играть роль своеобразного посредника, медиатора между этими тремя цивилизациями. Кто знает, может быть, именно в этом и заключается таинственная русская национальная идея, вокруг которой сейчас идут нескончаемые споры.

Однако роль медиатора между тремя соседствующими с нею цивилизациями Россия сможет играть только в том случае, если она перестанет смотреть на себя как на крепость, окруженную врагами. Иными словами, из нашей с Европой «инаковости» вовсе не следует автоматический вывод о неизбежности нашей взаимной враждебности. Наоборот, эта «инаковость» может служить предпосылкой для продолжения взаимного обогащения наших цивилизаций, культур.

Таким образом, России необходимо вырваться из мучительного круга блужданий вокруг ложной дилеммы: слияние с Западом или конфронтация с ним. На самом деле — ни то, ни другое, или, если перефразировать А. Блока, Россия не должна смотреть на Запад ни с ненавистью, ни с любовью. Как и рань-

ше, так и тем более теперь бессмысленно и вредно ставить под вопрос выбор стран Восточной и Юго-Восточной Европы, стелать о «неверности» наших бывших союзников по бывшему Варшавскому пакту. Вместо яростных инвектив и стенаний необходим спокойный диалог с нашими дальними и ближними соседями, многие из которых, кстати, стремятся вступить не только в НАТО, но и в Европейский Союз.

В этой связи уместно напомнить, что 31 марта 1998 г. начались переговоры о вступлении в Евросоюз пяти стран Центральной и Юго-Восточной Европы — не только Венгрии, Польши, Чехии, но также Словении и Эстонии. А это будет со временем означать изменение условий торговли России с этими государствами и практически неизбежное в обозримой перспективе ужесточение режима въезда и выезда.

Здесь следует подчеркнуть, что большинство стран, готовящихся вступить в ЕС, в настоящее время поддерживает либо весьма либеральный, либо более благоприятный, чем ЕС, режим торговли с Россией. С их вступлением в Евросоюз он изменится в сторону ужесточения, если с ЕС не будут согласованы новые правила торговли. О том, насколько серьезными могут быть последствия такого изменения, наглядно свидетельствует резкое падение традиционных экономических связей России с Финляндией после вступления последней в ЕС в 1995 г. О значении данной проблемы красноречиво говорит тот факт, что сейчас на долю европейских стран (включая государства Восточной и Юго-Восточной Европы) приходится до двух третей внешнеторгового оборота России. Поэтому необходимо добиваться соглашения о свободной торговле между Россией и ЕС. Только такое решение в состоянии обеспечить России сохранение благоприятного торгово-политического климата в отношениях с европейскими государствами, что очень важно с точки зрения решения стратегической задачи интеграции нашей страны в мировое хозяйство.

ГЕНЕРАЛ ДЕ ГОЛЛЬ*

В этом мире единственное,
за что стоит бороться, — это человек.

Шарль де Голль

Хотя французы очень любят историю и гордятся великим прошлым своей страны, они вообще скорее склонны иронизировать над своими героями и уж тем более не делают из них идолов. Но даже в их историческом сознании величественная фигура генерала де Голля занимает место, пожалуй, сразу же после Карла Великого, отодвинув на второй план Наполеона Бонапарта. Да и в нашей стране — особенно в нынешних политических баталиях — нередко вспоминают де Голля, который в кризисной ситуации конца 50-х гг. сумел консолидировать французское общество и создать государственные институты, обеспечившие стабильное развитие страны на последующие более чем 35 лет. Что же касается большинства французов, то для них имя де Голля, символизирующее честь и величие страны, связано прежде всего со второй мировой войной, которая выдвинула его на первый план французской и международной жизни.

Никто, разумеется, не спорит, что первостепенную роль в политике играют объективные факторы, но и они могут «не сработать», если государственные деятели не считаются с реальной действительностью, ее тенденциями и законами. Автоматизма в политике не существует. И здесь очень многое зависит от выдающихся личностей, которые оказывают влияние на ход событий, либо ускоряя, либо замедляя его. При этом именно на крутых поворотах истории часто (но, к сожалению, не всегда) появляются лидеры, ранее малоизвестные, которые становятся в ходе событий крупными политическими деятелями. К такого рода лидерам можно отнести и де Голля. До второй мировой войны его почти не знали за пределами Франции, да и внутри страны он был известен лишь в узком кругу военных специалистов.

* За время подготовки настоящего сборника к печати эта и следующая статьи Ю. В. Егорова вышли в свет в сборнике «XX век. Люди и судьбы» и публикуются здесь с разрешения издателей указанной книги. См.: *Егоров Ю. В.* 1) Генерал де Голль // XX век. Люди и судьбы: Книга для чтения по философии, истории, литературе и искусству. 10—11 классы. СПб., 2001. С. 462—488; 2) Франсуа Миттеран // Там же. С. 489—508.

Шарль де Голль родился 22 ноября 1890 г. в Лилле в солидном и прочном доме родителей его матери — урожденной Жанны Майо-Делоней. Ее две сестры постриглись в монахини, и она сама отличалась исключительной набожностью. Его отец — Анри де Голль — происходил из старинного дворянского рода. Позднее Шарль де Голль вспоминал, как в детстве он с восторгом слушал семейные предания о Жегане де Голле, который храбро сражался при Азенкуре и был одним из шести рыцарей, сопровождавших Жанну д'Арк в первый день ее визита в замок Шинон к дофину — будущему королю Карлу VII. Правда, в последующие века семья де Голлей не играла сколько-нибудь заметной роли в истории Франции. Отец Шарля в молодости участвовал во франко-прусской войне, был ранен под Парижем и тяжело переживал разгром Франции. Не имея большого состояния, он стал преподавателем философии и литературы в парижском католическом колледже Непорочного зачатия.

Это была образованная семья, в которой ценили науку, искусство, литературу. Неудивительно поэтому, что с юных лет Шарль де Голль увлекся литературой и особенно историей Франции, а также военного дела. Несмотря на учебу в католическом колледже, где преподавал его отец, де Голль рано понял иллюзорность монархических надежд своих родителей. Сохраняя веру в традиционные устои общества — Церковь и религию, Шарль де Голль проникся сознанием прочности республиканского строя во Франции. В то же время родители, преисполненные набожности и веры, воспитывали своих детей в духе патриотизма, верности долгу, родине. В памяти де Голля навсегда сохранились рассказы его родителей о том отчаянье, которое они пережили в связи с поражением Франции в 1870—1871 гг. «Инстинктивно у меня сложилось впечатление, — вспоминал де Голль, — что провидение предназначило Францию для великих свершений или тяжких невзгод».

При этом де Голль был далек от вульгарно-шовинистических, расистских взглядов, которые пропагандировала, например, «Лига патриотов». Его идея нации, родины была по-своему возвышенна и поэтична. Он искренно верил в нее, как и в то, что во Франции именно армия больше, чем кто-либо, хранит патриотические традиции. Понятно поэтому, почему вместе с тремя братьями де Голль избрал военную карьеру. В 1912 г. он окончил знаменитое Сен-Сирское военное училище — 13-м из 211 выпускников. Касаясь этого периода в своих мемуарах, де Голль признавал, что тогда война не внушала ему никакого ужаса: «...я превозносил то, чего мне еще не пришлось испытать. Я считал, что интерес жизни состоит

в том, чтобы совершить во имя Франции выдающийся подвиг, и что наступит день, когда мне представится такая возможность».

После окончания Сен-Сира де Голль в конце 1912 г. был направлен в чине младшего лейтенанта в 33-й пехотный полк, размещенный в Аррасе — на севере Франции. Командиром этого полка был в то время полковник Филипп Петэн — будущий глава коллаборационистского режима Виши, приговоренный после освобождения Франции к смертной казни (де Голль в качестве руководителя Временного правительства заменил ему смертную казнь пожизненным тюремным заключением).

По отзывам товарищей де Голля по полку, он служил старательно и добросовестно. Кстати, здесь, в Аррасе, де Голль — выходец из обеспеченной, интеллектуально высокоразвитой парижской семьи — близко узнал простых солдат. Это были шахтеры, крестьяне, рабочие, ремесленники. И когда позже де Голль хотел представить себе реакцию и мнение народа по тому или иному вопросу, он почти всегда вспоминал Аррас. Здесь его и застало начало первой мировой войны.

С первых же дней войны де Голль активно участвовал в боях и уже 15 августа 1914 г. был ранен. Новое ранение он получил в марте 1915 г. В сентябре того же года ему присвоили звание капитана, вскоре назначили командиром роты и направили под Верден, где в феврале 1916 г. немцы начали мощное наступление. 2 марта 1916 г. де Голль был тяжело ранен в рукопашной схватке. Его сочли мертвым и оставили на поле боя. Родных известили о его гибели и посмертном награждении орденом Почетного легиона. Но де Голль не погиб. Он был подобран немцами и провел в плену 32 месяца. Пять раз он пытался бежать, но его всегда быстро настигали: слишком высокий рост де Голля был той приметой, которую невозможно скрыть. В конце концов он попал в лагерь с особо строгим режимом, где вместе с ним оказались русский поручик Михаил Тухачевский, в будущем маршал Советского Союза, и майор Жорж Катру, ставший затем соратником де Голля.

Вскоре после окончания войны, 11 ноября 1918 г., де Голль был освобожден и вернулся на родину. Впрочем, во Франции он находился недолго: уже в апреле 1919 г. он принял предложение польского правительства и был принят в чине майора в армию Польши. Он не только обучал польских офицеров, но в августе—октябре 1920 г. вошел в состав военной миссии французского генерала Вейгана и принял непосредственное участие в сражениях с конницей Буденного: его заслуги были отмечены в приказе Вейгана.

Вернувшись во Францию, де Голль с октября 1921 г. становится преподавателем военной истории в Сен-Сире, где, пожалуй, впервые проявились его незаурядные лекторские и ораторские способности. Одновременно с преподаванием в Сен-Сире де Голль оканчивает Высшую военную школу (аналог нашей Академии Генерального штаба). В 1927 г. он получает чин майора, но его независимость, строптивый нрав (за что де Голль получил кличку «короля в изгнании»), неприятие угодничества и нежелание подлаживаться к начальству — все это не способствовало его военной карьере.

В еще большей степени ухудшило положение де Голля в армии его стремление добиться обновления военной доктрины Франции. В 1932 г. де Голль стал секретарем Высшего Совета национальной обороны. Занимая этот пост в течение пяти лет, он получил возможность до мельчайших деталей изучить все недостатки французской военной системы. Де Голль приходит к убеждению, что линия Мажино не спасет Францию от нового германского вторжения, что стране жизненно необходимы коренная военная реформа и создание высокомеханизированной профессиональной армии. Однако Вейган, Гамелен и другие французские генералы продолжали мыслить категориями первой мировой войны. Они дремали в своих кабинетах, упиваясь былой воинской славой Франции. Де Голль отчетливо понимал, что подобное ослепление высшего военного руководства грозит Франции страшной катастрофой. Поэтому он с таким упорством боролся за создание ударной танковой армии. Однако в высших военных кругах на де Голля смотрели как на сумасшедшего. За исключением нескольких журналистов и политиков, никто его не поддержал. Другой на месте де Голля стал бы во имя успешной военной карьеры конформистом. Но только не он: неудача в борьбе за танки не поколебала его решимости сделать все возможное для подготовки к войне с Германией, которую он считал неизбежной. Позднее де Голль вспоминал, что ему было «невыносимо тяжело наблюдать, как гитлеровская Германия обеспечивает себя всем необходимым для победы, а Франция не предпринимает ничего».

Не желая молчать, де Голль публикует статьи, книги, в которых он одним из первых предсказывает бронетанковым войскам большое будущее. Так, в вышедшей в 1934 г. книге «К профессиональной армии» он писал о том, что «танк переворачивает всю тактику», что необходимо свести в один кулак все распыленные по разным соединениям танки. Однако его идеи так и не получили поддержки во Франции. Зато книги и статьи де Голля внимательно читали в Германии, среди его читателей были Гитлер, Гудериан, Риббентроп. Что касается Франции, то здесь профессиональная бронетанковая ударная армия ос-

тавалась лишь мечтой, а война неотвратимо надвигалась. Де Голль возмущала «глупость ротозеев, приветствовавших мюнхенскую капитуляцию». Он был одним из немногих, кто сознавал близость войны и делал все от него зависящее, чтобы к ней готовиться. Тем более что в 1937 г., получив чин полковника, де Голль был назначен командиром 507-го танкового полка в Меце. Он снова становится требовательным и пунктуальным командиром, доводящим до совершенства подготовку своей воинской части. В тужурке и шлеме танкиста полковник, несмотря на свой огромный рост, умудряется влезать в тесный танк. Водители, механики, стрелки, радисты изнемогают от напряженных усилий, но зато 507-й полк становится образцовым, а де Голль получает прозвище «Полковник Мотор».

Многие противники и критики де Голля уверяют, что он стремился стать диктатором Франции чуть ли не сразу после первой мировой войны. Однако в действительности в 20—30-х гг. де Голль вовсе не собирался играть роль вождя. Его неучастие в борьбе политических партий тому лучшее доказательство. Но его огромное личное дарование, проявленная им способность реально оценивать существующее положение вещей в военном деле и в политике, его горячий патриотизм — все это подтолкнуло его к решительным действиям, когда разразилась ожидаемая де Голлем «буря истории», когда в сентябре 1939 г. началась вторая мировая война. Уже первый месяц войны, ознаменовавшийся быстрым разгромом Польши, подтвердил как худшие опасения де Голля, так и его идеи об огромной роли бронетанковых войск. Как раз за день до начала войны де Голль был назначен командующим танковыми войсками 5-й армии в Эльзасе. Однако это повышение не доставило де Голлю большого удовольствия. «На мою долю выпало, — говорил он, — играть роль в ужасной мистификации... Несколько десятков легких танков, которыми я командую, — это всего лишь пылинка {...} Мы проиграем войну самым жалким образом, если не будем действовать». Но действовать никто не собирался. Французская армия, совершенно не подготовленная к современной войне, оставалась все в том же состоянии. Официальные лица произносили успокаивающие речи о несокрушимой оборонительной мощи линии Мажино. Это была так называемая «странная война», во время которой французское военное командование питало фантастическую надежду на то, что до настоящей войны дело вообще не дойдет.

Однако 10 мая 1940 г. немцы внезапно нанесли страшный удар: 10 бронетанковых и 6 моторизованных дивизий устремились на запад, легко пройдя Арденны, которые во французском генштабе считались непроходимыми. Это был всепоглощающий натиск бронированной лавины, движение которой очень

напоминало описанные де Голлем в книге «К профессиональной армии» действия ударных танковых сил. В обстановке невероятной сумятицы, замешательства и беспорядка только возглавляемая де Голлем дивизия (ее командиром де Голль был назначен в конце апреля 1940 г.) добилась определенных успехов, захватив пленных и заставив немцев отступить. Однако эти успехи не могли, естественно, оказать большого влияния на ход событий. Тем не менее 28 мая де Голль становится исполняющим обязанности бригадного генерала, а 6 июня премьер-министр Поль Рейно, знавший де Голля и поддерживавший его военные концепции, предлагает ему — самому молодому генералу во Французской армии — стать заместителем военного министра. На этом посту де Голль оставался всего десять дней, в течение которых стал окончательно очевиден военный разгром Франции.

16 июля 1940 г. П. Рейно ушел в отставку, и главой правительства стал бывший начальник де Голля — пораженец Ф. Петэн, немедленно обратившийся к Гитлеру с просьбой о мире. И вот в этот критический момент де Голль, по его собственным словам, пренебрег «видимостью ложной дисциплины» и решился на смелый шаг. По договоренности с Черчиллем, с которым у него до этого было несколько встреч, де Голль вылетел в Лондон на одном из последних самолетов. Оттуда 18 июня он обратился по радио к французам с призывом продолжать войну против Германии и присоединившейся к ней Италии. Подчеркнув, что поражение Франции не является окончательным, так как она может использовать в борьбе силы и ресурсы своей колониальной империи, а также помощь Англии и США, де Голль завершил свое краткое выступление словами: «Что бы ни произошло, пламя французского Сопротивления не должно погаснуть и не погаснет».

18 июня 1990 г. вся Франция торжественно отметила 50-летие этого обращения. В центре Парижа, на площади Согласия, был сооружен гигантский макет довоенного лампового радиоприемника, из которого звучали музыка 40-х гг., военные сводки за 17 июня 1940 г., затем хриплый голос Петэна произнес: «С тяжелым сердцем я приказал прекратить сопротивление». И после этого французы вновь услышали обращение генерала де Голля (его запись сохранилась в архивах Би-би-си): «Верьте мне... Для Франции ничего не потеряно... Франция не одинока». В тот же день, 18 июня 1990 г., президент Ф. Миттеран открыл мемориальную доску у Триумфальной арки, на которой теперь навеки отлито это обращение де Голля к нации...

Следует подчеркнуть, что для человека его происхождения, воспитания и свойственных его среде предрассудков де Голль совершил подвиг, который сразу превратил его в личность из

ряда вон выходящую. В самом деле, де Голль осмелился бросить вызов военной дисциплине: ведь формально режим Виши (куда после капитуляции перебралось правительство Петэна) был тогда единственным законным правительством страны. Отказ от подчинения ему с юридической точки зрения являлся изменой, за которую, кстати, военный суд заочно приговорил де Голля к смертной казни. Отвергнув принцип дисциплины, повиновения, почтения к законной иерархии, де Голль оказался единственным французским генералом, единственным членом последнего законного правительства, который открыто и решительно осудил предательство Петэна и его клики, при этом не только осудил, но и стал бороться против него. Более того, почти никто из считавшихся тогда выдающимися деятелями не поддержал его. К нему примкнули люди, не пользовавшиеся тогда никакой известностью: Р. Плевен, Г. Палевский, М. Шуман, Ж. Бидо. Их имена в разных контекстах звучат после 1945 г.

Хотя дальнейшие события полностью оправдали мужественный шаг, предпринятый де Голлем 18 июня 1940 г., большинство офицеров так называемой «армии перемирия» не пошли за мятежным генералом, считая, что они остаются верны присяге. Горько раскаявшись в этом впоследствии, они никогда не простили де Голлю нарушения корпоративной армейской солидарности. И де Голль, чья драма заключалась в том, что ему часто приходилось идти против течения, преодолевая непонимание, сопротивление, а иной раз и ненависть не только врагов, но и собственной среды, тяжело переживал этот моральный разрыв, повторяя и после второй мировой войны своим соратникам: «Армия меня не любит».

Тем не менее именно 18 июня 1940 г. положило начало долгой и блестящей политической карьере де Голля. В ней проявились характерные для него и, казалось бы, неожиданные для профессионального военного политическая дальновидность и проницательность. В самый трагический для Франции час де Голль понял и страстно убеждал потрясенных капитуляцией французов, что проиграно лишь сражение, а не война, которая является мировой и в которую, как он предвидел, обязательно вступят США и СССР. Тем самым де Голль признавал, что судьба Франции зависит не столько от нее, сколько от факторов планетарного масштаба. Для человека, психологическая атмосфера вокруг которого была пропитана патриотическим духом, это горькое признание далось нелегко. Но без такой глубокой интеллектуальной и моральной внутренней ломки де Голль не сдал бы экзамен на вступление в Историю. Он остался бы всего лишь честным, смелым, но ограниченным кадровым офицером, обрекая себя и свою страну на безна-

дежный провинциализм, скрашенный лишь воспоминаниями о безвозвратно ушедшем прошлом.

Как известно, человек исключительной силы и таланта лучше всего проявляет себя в наихудшей ситуации. Де Голль не растерялся, не стал искать легких путей. В отличие от многих эмигрантских правительств он не хотел пассивно ждать поражения гитлеровской Германии, никогда не примирялся с оккупацией своей страны, не поступался ее национальным достоинством. Именно тогда, когда притязания Франции казались несопоставимыми с ее реальным политическим весом, генерал особенно упрямо настаивал на ее естественном праве быть равным партнером с другими участниками международного сообщества, партнером, без которого не может быть решена ни одна важная проблема. В своих мемуарах о второй мировой войне Уинстон Черчилль, отдавая должное особым качествам строптивого французского партнера, писал: «Я знал, что он не был другом Англии, но я всегда признавал в нем дух и идею, которые навсегда утвердят слово „Франция“ на страницах истории. Я понимал его и, негодуя, одновременно восхищался его высокомерным поведением. Эмигрант, изгнанный с родины, приговоренный к смерти, он находился в полной зависимости от доброжелательности сначала английского правительства, а затем правительства Соединенных Штатов. Немцы захватили его родину. У него нигде не было настоящей точки опоры. Тем не менее он противостоял всему. Всегда, даже тогда, когда он поступал наихудшим образом, он, казалось, выражал индивидуальность Франции — великой нации со всей ее гордостью, властью и честолюбием. О нем говорили в насмешку, что он считал себя живым воплощением Жанны д'Арк. Это не казалось мне таким нелепым, как выглядело». При этом чем неувереннее де Голль себя чувствовал, тем более резко он утверждал свои права.

Призывая французов внести максимальный вклад в общую победу антигитлеровской коалиции, генерал добивался не только освобождения своей страны. Он ставил перед Францией казавшуюся тогда нереальной сверхзадачу — выйти из войны, несмотря на поражение 1940 г., в единственно достойном ее ранге великой державы. И, несмотря на отсутствие де Голля на исторических конференциях в Тегеране, Ялте и Потсдаме (чем он был глубоко уязвлен), Франция стала наряду с СССР, США, Великобританией одной из четырех держав-победительниц, ответственных за судьбы Германии, постоянным членом Совета Безопасности ООН.

Столь впечатляющий результат потребовал от генерала не столько мужества и твердости военачальника перед лицом про-

тивника, сколько изощренного искусства дипломата, умеющего компенсировать слабость своих карт игрой на противоречиях более мощных союзников.

Игра эта была трудной, изматывающей, нередко унижительной. Президент США Рузвельт вообще не принимал всерьез руководителя «Свободной Франции» (так назвал де Голль свое движение, затем, в июле 1942 г., переименованное в «Сражающуюся Францию»). Американский президент испытывал к де Голлю непреодолимую антипатию. Даже Черчилля, быстро понявшего, что он имеет дело с сильной, достойной уважения личностью, раздражал гордый отказ «новоявленной Жанны д'Арк по одежке протягивать ножки». Как-то в сердцах британский премьер без особых церемоний напомнил гостю, что Англия оплачивает его немногочисленную армию и даже его штаны. «И если, — добавил Черчилль, — мне нужно будет выбирать между Рузвельтом и вами, я все же выберу Рузвельта».

Этот урок де Голль усвоил хорошо, сделав из него соответствующие выводы. Главный из них заключался в объективной необходимости сближения Франции с СССР — единственно возможным противовесом как германской агрессии, так и англосаксонской гегемонии. Недаром первым крупным международным документом, подписанным генералом в качестве главы Временного правительства Французской Республики после ее освобождения от оккупации, стал договор о союзе и взаимопомощи с СССР от 10 декабря 1944 г. Оценивая его значение, де Голль говорил на заседании французской Консультативной ассамблеи 21 декабря 1944 г.: «Для Франции и России (он избегал употреблять название «СССР». — Ю. Е.) быть едиными — значит быть сильными, быть разделенными — значит оказаться в опасности. Это воистину категорический императив географии, опыта и здравого смысла».

При этом следует помнить, что, подобно Черчиллю, де Голль не питал никаких иллюзий в отношении советского режима и самого Сталина, который в его военных мемуарах предстает отвратительным чудовищем. Однако, считал генерал, идеологии преходящи, а нации вечны.

После окончания войны де Голля особенно волновали судьбы освобожденной Франции, прежде всего вопрос о ее будущем государственном устройстве, вопрос о власти. Естественно, он действовал в соответствии со своими убеждениями и взглядами, отнесясь к парламентским режимам Третьей и Четвертой республик с глубоким презрением и враждебностью. «Режим партий, — говорил он в 1945 г., — зловреден. Он препятствует проведению большой внешней политики, нарушает стабильность и внутреннее спокойствие». Де Голль неоднократно напоминал, что за 21 год после первой мировой войны

во Франции сменилось 20 премьеров, возглавлявших 45 правительств. «В результате, — подчеркивал генерал, — мы вошли в состояние постоянного политического кризиса, единственный выход из которого — в президентском правлении с широкими правами президента». При этом он вовсе не стремился к созданию тоталитарного, антидемократического режима. Демократию генерал понимал по-своему: он считал, что она непременно должна сочетаться с твердой исполнительной властью, которая будет действовать строго в рамках республиканской законности. «Совещаться, — часто повторял де Голль, — могут многие. Действовать надо одному». Генерал был убежден, что партии по самой своей природе не что иное, как фактор «раскола нации», так как они всегда руководствуются в своей деятельности не общенациональными, а узкопартийными интересами.

Подчеркивая необходимость сохранения законодательной власти, де Голль считал, что центр тяжести должен приходиться на исполнительный аппарат. Поэтому генерал решительно отстаивал свое право быть полновластным военно-политическим руководителем страны как в период войны, так и сразу после освобождения. А когда в 1944—1946 гг. опять стали возрождаться партийные традиции, обычаи и нравы прежнего режима Третьей республики, ограничивавшие его власть, де Голль повел против этого непримиримую борьбу. И хотя вся послевоенная история Франции подтвердила, что именно такой подход отвечает ее национальным интересам, де Голлю тогда не удалось провести эту доктрину в жизнь. Оказавшись не в силах одолеть неприемлемый с его точки зрения порядок вещей, де Голль неожиданно для всех хлопнул дверью и 20 января 1946 г. ушел в отставку с поста главы Временного правительства, ожидая, впрочем, что скоро его позовут обратно и тогда он станет диктовать свои условия. Но ждать пришлось долго — более двенадцати лет, которые в основном он провел в своем небольшом поместье Коломбэ-ле-дез-Эглиз — это небольшая деревня Шампани в 280 км от Парижа. Здесь де Голль писал военные мемуары и, погруженный в думы, бродил по тенистому парку. Этот период его жизни сторонники генерала называли «переходом через пустыню». Как рассказывал впоследствии сам генерал, за эти годы он прошагал расстояние, равное длине окружности Земли (9 километров, помноженные на 4500 дней, что он провел в уединении, действительно составляют 40 с небольшим тысяч километров, или чуть больше длины экватора).

Интересно, что, уйдя в отставку, де Голль получал пенсию полковника, так как присвоение ему звания генерала в мае 1940 г. из-за суматохи накануне поражения не было должным

образом оформлено (к тому же, находясь у власти, он отказался от звания маршала Франции). И когда он обнаружил в своем поместье исчезновение каких-то фамильных драгоценностей и устроил скандал жене, она ответила: «А как вы думаете, Шарль, на какие деньги мы живем?» В отличие от многих де Голль умел разделять власть и ее материальные атрибуты.

Правда, в первые годы своей добровольной отставки он предпринял попытку вновь включиться в политическую жизнь, в частности с помощью созданной им «надпартийной» организации «Объединение французского народа» (по первым буквам французского названия — РПФ), но это были бесперспективные шаги, плохо вязавшиеся с его основными мировоззренческими установками. В то же время де Голль продолжал зорко следить за развитием событий, ожидая, по собственному признанию, «когда во мраке блеснет луч надежды». Он твердо верил, что его час наступит. Почти каждую неделю де Голль негласно навещался в Париж, где на тихой улице Сольферино в центре города, вблизи Бурбонского дворца, он располагал небольшой квартирой, служившей ему канцелярией.

А тем временем режим Четвертой республики, существовавший после принятия конституции 1946 г. и отличавшийся главенствующим положением парламента в системе государственной власти, полностью себя исчерпал. Стремительная чехарда премьеров, правительств, партийных коалиций, рождавшихся в недрах всемогущего парламента, превратила французскую политическую жизнь в абсолютный хаос. Все это происходило в условиях распада Французской колониальной империи.

Самой трудной проблемой, вызвавшей раскол общества, угрозу гражданской войны (что заставило всех вспомнить о «самом знаменитом из французов»), была война в Алжире. То была не первая колониальная война, которую вела Франция после 1945 г. В течение восьми лет — с 1946 по 1954 г. — продолжалась война в Индокитае, закончившаяся поражением и уходом французских колонизаторов. Однако начавшееся в ноябре 1954 г. восстание в Алжире оказало на события в самой Франции гораздо большее влияние, чем индокитайская драма. Дело в том, что, будучи старейшей и самой близкой к метрополии колонией, Алжир стал единственной колонией, которая привлекала столь большое количество переселенцев из метрополии: на 31 октября 1954 г. там из 9,5 млн жителей 1 млн были французами. На их долю приходилось более половины всей пригодной к обработке земли, в основном это были латифундии, поставлявшие на французский рынок дешевое вино и ранние фрукты. Французы привыкли считать Алжир такой же частью Франции, как Корсику, Бретань или Нормандию.

К тому же незадолго до начала войны в Алжире были найдены большие запасы нефти, что еще более усилило решимость проживающих в Алжире французских ультра и армейской верхушки подавить восстание любой ценой и «сохранить Алжир французским». Они крайне негативно относились к попыткам Парижа найти компромисс с алжирскими повстанцами, вступить с ними в переговоры.

Что касается де Голля, то он, судя по доверительному признанию советскому послу С. А. Виноградову, давно уже понял, что «колониализм отжил свой век», что крах Французской колониальной империи неизбежен: в этом его убедили войны в Индокитае и особенно в Алжире. Поэтому генерал считал, что в интересах Парижа добровольно, сверху предоставить независимость французским колониям при одновременном сохранении с ними экономических и военно-политических связей на новой основе. Однако в беседах со своими самыми доверенными сотрудниками он подчеркивал, что пока не будет публично высказывать свою точку зрения, так как французское общественное мнение тогда еще не было готово примириться с потерей Алжира: в августе 1958 г. за сохранение Алжира в составе Франции выступало более половины (52 процента) населения страны. По поводу заявлений своих бывших соратников, оказавшихся в стане ультра (например, бывшего алжирского генерал-губернатора Ж. Сустеля), де Голль говорил своим близким: «Их высказывания меня ни к чему не обязывают».

Незаурядное политическое мастерство де Голля выразилось в том, что он сумел сфокусировать на своей личности надежды и чаяния самых различных, часто противоборствующих слоев французского народа, представить себя единственно возможным избавителем от бед, обрушившихся на Францию. «Я, — убеждал генерал, — одинокий человек, который не смешивает себя ни с одной партией, ни с одной организацией... Я — человек, который не принадлежит никому и принадлежит всем».

Свой выход на сцену он готовил по всем правилам военного искусства, ведя операции по двум главным направлениям: во Франции и в Алжире, где назревал мятеж военной верхушки, тесно спаявшейся с ультра. Во Франции он активно налаживал контакты с представителями различных партий и групп. Уже в начале 1957 г. депутаты от социалистов, радикалов, католиков, «независимый» В. Жискар д'Эстен и другие деятели ставили вопрос о том, чтобы обратиться к де Голлю и призвать его прийти к власти. Президент Коти ответил, что готов уступить ему свое место, но от предложенной генералом встречи тогда уклонился, видимо считая, что время еще не настало.

Поводом к мятежу военных в Алжире 13 мая 1958 г. стало образование после длительного правительственного кризи-

са кабинета Пфлимлена — известного сторонника прекращения алжирской войны путем переговоров. Восставшие ультра, угрожая высадить парашютистов во Франции, потребовали немедленной отставки Пфлимлена и прихода к власти генерала. Уже 19 мая де Голль на пресс-конференции в Париже заявил о готовности «служить Франции» и начал переговоры с лидерами парламентских партий, создавая у них впечатление, что никто, кроме него, не может спасти Францию от гражданской войны. А тем временем алжирские ультра захватили Корсику. 28 мая Пфлимлен ушел в отставку, а 1 июня подавляющее большинство напуганных мятежом парламентариев утвердили де Голля главой правительства.

Критики де Голля, которых у него всегда хватало, считали, что его вступление во власть было абсолютно незаконным. В совершении государственного переворота генерала обвинял и будущий президент социалист Франсуа Миттеран, который, оказавшись со временем в Елисейском дворце, благополучно пользовался той президентской властью, которая была создана де Голлем.

Так или иначе, но 3 июня 1958 г. де Голль решительно потребовал и получил от парламента чрезвычайные полномочия на полгода для создания совершенно новых государственных институтов. Парламент полностью устранился от участия в разработке новой конституции, оставив это дело целиком в руках генерала. Созыв Учредительного собрания не предусматривался. Подготовку конституции осуществляла группа ближайших сотрудников де Голля при активном участии самого генерала. Де Голль смог воплотить в проекте своей конституции основные идеи, высказанные им еще в его знаменитой речи в Байе 16 июня 1946 г., идеи, которые тогда ему не удалось провести в жизнь: «Главе государства надлежит назначать премьер-министра. Ему следует обладать полномочиями арбитра в моменты серьезного смятения, дабы призвать страну высказать свое суверенное решение путем выборов. Если случится, что родина в опасности, ему принадлежит право быть гарантом национальной независимости и договоров, заключенных Францией».

Кроме того, по новой конституции президент получал право назначать референдумы, распускать Национальное собрание и назначать новые выборы, а в чрезвычайных обстоятельствах брать на себя всю полноту власти.

Работа над конституцией шла все лето, а затем подготовленный текст был представлен на рассмотрение Конституционного консультативного совета (из 39 человек), состоявшего на две трети из членов парламента, а на одну треть из специалистов, назначенных правительством. Правда, никаких решений этот консультативный совет принимать не имел права,

а мог лишь высказывать свое авторитетное мнение. После этого проект конституции был рассмотрен Государственным советом. 3 сентября проект был одобрен Советом министров, а на следующий день официально представлен де Голлем французскому народу. 28 сентября 1958 г. состоялся референдум, на котором текст деголлевской конституции был поддержан огромным большинством: почти 80 процентов французов высказалось за одобрение новой конституции, воздержалось около 15 процентов. Противники оказались в «сокрушительном меньшинстве». 23—30 ноября 1958 г. состоялись выборы в новый парламент, а в декабре голосами 80 тысяч выборщиков, куда входили парламентарии, сенаторы, депутаты местных органов власти, де Голль был избран на пост президента республики.

В 1962 г. генерал решил изменить конституцию и ввести всенародное избрание президента. Несмотря на то что основной закон требовал обязательного утверждения поправок к конституции Национальным собранием и сенатом, де Голль вынес проект реформы сразу на референдум: интересы Франции, заявил он, важнее любого закона. Так окончилась во Франции эпоха «абсолютного парламентаризма» и началась президентская республика — пятая по счету, существующая и ныне и не показывающая тенденций к кризису.

Придя к власти, де Голль с ходу взялся за решение жгучих проблем, доставшихся Франции после крушения ее обширной колониальной империи. Их неурегулированность тяжким грузом давила на любые усилия по нормализации жизни в стране и препятствовала выработке новой французской внешней политики. Опасаясь, что и в других французских колониях движение за освобождение может принять форму вооруженной борьбы, де Голль пошел на предоставление этим французским владениям независимости. «Для того чтобы делать политику, — подчеркивал новый глава Франции, — базируются не на утопиях, а на реальных фактах. А реальным фактом стало то, что в 1960 г. положение вещей, существующее уже 130 лет, не может больше продолжаться». Одновременно Париж с выгодой для себя сумел навязать ставшим независимыми 14 молодым африканским государствам договоры о сотрудничестве в области экономики, обороны, просвещения, культуры, о положении французов и их имуществе. Однако первым делом для де Голля встала задача прекращения войны в Алжире, где он искал такого урегулирования, которое сохраняло бы тесные связи с Францией, ее доступ к источникам нефти в Сахаре и другим природным богатствам.

Хотя де Голль вернулся к власти с твердым намерением предоставить Алжиру независимость, он понимал, что пока

такой точки зрения придерживаются далеко не все и что многие французы сочувствуют своим соотечественникам в Алжире, которым в случае его отделения пришлось бы уехать. Поэтому вначале де Голль высказывался очень осторожно и давал основания надеяться, что он намерен сохранить Алжир французским. Яркий пример тому — его выступление перед беснующейся толпой французских ультра в городе Алжире, который де Голль посетил в первые дни своего прихода к власти 4 июня 1958 г. Ревущая толпа, готовая растерзать любого, кто проявит хотя бы малейшее несогласие с ее лозунгами «Алжир французский!» и «Спасите Алжир!», ожидала немедленного ответа от генерала, представшего перед ней на балконе одного из зданий. И де Голль сказал: «Я вас понял». Толпа буквально завывала от восторга, услышав в этих словах то, чего в них на деле вовсе не было. Сказать так, чтобы каждый мог трактовать услышанное в удобном для него смысле, было излюбленным приемом де Голля.

Но с самого начала понимая абсолютную безнадежность алжирской войны, генерал постепенно повел дело к признанию независимости этой старейшей французской колонии. 16 сентября 1959 г. де Голль впервые публично заявил о праве Алжира на самоопределение. Этот поворот в политике главы Пятой республики был воспринят значительной частью офицерства, воевавшего в Алжире, как отречение. В глазах многих офицеров гибель 28 тысяч их товарищей, отдавших жизнь за «Французский Алжир», выглядела теперь напрасной. Они также считали, что де Голль бросает в беде алжирских французов, которые, живя в Алжире по два-три поколения, искренне считали его неотъемлемой частью Франции. Именно они, подняв мятеж 13 мая 1958 г., привели де Голля к власти; и теперь, когда де Голль не оправдал их ожиданий, повели против него беспощадную борьбу. Крушение Французской колониальной империи казалось им концом Франции как великой державы. Эвакуация из Алжира означала для офицерского корпуса уже третье — после капитуляции 1940 г. и ухода из Индокитая в 1954 г. — унижительное поражение.

Неудивительно, что все это травмировало значительную часть армии. Возложив ответственность за крушение «Французского Алжира» на де Голля, ультра сначала организовали в январе 1960 г. в Алжире так называемую «неделю баррикад», требуя от главы государства отказа от новой политики. Но де Голль продолжал взятый курс. «Нет ничего странного, — говорил он в середине 1960 г., — в том, что испытываешь ностальгию по Империи. В точности так же можно сожалеть о мягкости света, который некогда излучали лампы на масле, о былом великолепии парусного флота, о прелестной, но уже не

существующей возможности проехать на экипаже. Но ведь не бывает политики, идущей вразрез с реальностью».

Тогда в апреле 1961 г. в Алжире вспыхнул новый мятеж, возглавленный генералами Саланом, Жуо, Зеллером и Шаллем. Но де Голль был непреклонен. Одетый в военную форму, он появился вечером 23 апреля 1961 г. на экранах телевизоров. Резко осудив мятеж, он заявил: «Во имя Франции я приказываю использовать все средства, я подчеркиваю — все средства, чтобы преградить дорогу этим людям. Я запрещаю любому французу, и прежде всего любому солдату, выполнять их приказы». Мятеж подавили, хотя и это не было еще концом алжирской драмы. Во Франции начала действовать «Секретная вооруженная организация» (ОАС), объединившая сторонников «Французского Алжира». ОАС возглавил генерал Салан, избравший в качестве главного средства борьбы против мира в Алжире устройство многочисленных взрывов, что должно было ввергнуть Францию в панику, замешательство и политический хаос.

Именно эта организация подготовила самые опасные из всех пятнадцати покушений на жизнь де Голля. Генерал был мужественным человеком, он не страшился пуль ни в годы первой мировой войны, когда был тяжело ранен под Верденом, ни в годы второй мировой войны, ни в дни Освобождения, когда возглавляемый им кортеж попал под пулеметный обстрел с крыш в центре Парижа, ни, наконец, когда стоял один перед разъяренной толпой мятежных ультраколониалистов в Алжире. Когда разговор заходил о покушениях на его жизнь, де Голль, усмехаясь, говорил: «Лучше умереть от пули, чем от инфаркта в ватерклозете».

Случалось, де Голль бывал очень жестким, но никогда не был жестоким. Непреклонный в достижении поставленных целей, он даже в самые острые моменты никогда не прибегал к репрессиям по отношению к своим многочисленным политическим противникам и откровенным врагам. После того как группа террористов обстреляла в августе 1962 г. автомобиль, в котором де Голль ехал со своей супругой, он подтвердил смертный приговор лишь одному главарю банды — полковнику Бастьен-Тьери. Де Голль пошел на это не из мелочной мстительности, а потому, что он ставил гражданскую власть выше военной, а честью армии считал подчинение приказу, каких бы моральных испытаний это ни стоило.

«Я продвигался вперед по этапам», — сказал де Голль, завершив алжирскую операцию признанием права Алжира на самоопределение и независимость и подписанием в марте 1962 г. в Эвиане соглашений о прекращении огня. «Политика — это искусство, основанное на реальностях», — так прокомменти-

ровал он это событие. Когда полковник Пасси, старый соратник де Голля по Лондону, стал выражать сожаления и сомнения по поводу отказа от Алжира, он ответил: «Я не мог действовать иначе. Когда я пришел в 1958 г., Алжир был уже потерян. Вы думаете, что мне это было приятно? Я страдал еще больше, чем вы». На общенациональном референдуме 8 апреля 1962 г. Эвианские соглашения были одобрены французскими избирателями — за них был отдан 91 процент голосов.

Покончив с алжирской проблемой, де Голль взялся за осуществление своей политики возрождения «величия Франции», за обеспечение ей достойного места среди других держав. По мнению известного исследователя политической жизни Франции Жака Фовэ и некоторых других историков, внешняя политика Пятой республики вообще началась не в 1958 г., а в 1962—1963 гг., то есть после окончания алжирской войны. Но факты говорят о том, что де Голль приступил к осуществлению намеченной им программы восстановления величия Франции с первых же дней своего возвращения к власти — в июне 1958 г.

Отдавая себе отчет в том, что Францию того периода нельзя было сравнивать по военно-политическому значению и экономическому весу с другими натовскими государствами, де Голль рассчитывал осуществить свои планы возвращения ей ранга великой мировой державы на путях строительства единой Европы под французским морально-политическим влиянием. Но для этого Франции надо было сначала выйти из состояния военного, политического и экономического подчинения США и НАТО и проявить себя, проводя самостоятельную, независимую внешнюю политику.

Став главой правительства, де Голль сразу приступает к делу. При встречах с приехавшим познакомиться с ним в Париж английским премьер-министром Макмилланом и государственным секретарем США Дж. Даллесом де Голль в лоб поставил вопрос о необходимости реорганизации Североатлантического союза и всей системы франко-американского сотрудничества, с тем чтобы Франция могла играть роль державы с мировой ответственностью. Это требование прозвучало как гром среди ясного неба. Американцы и связанные с ними особыми отношениями англичане были уверены, что Франция смирилась с отведенным ей второстепенным местом в НАТО.

За устным демаршем последовал письменный. 17 сентября 1958 г. де Голль обратился к Эйзенхауэру с меморандумом, предлагавшим создать в НАТО трехсторонний директорат с участием США, Великобритании и Франции для обсуждения и принятия совместных решений по мировым проблемам и для

разработки стратегии их решения. По словам деголлевского министра иностранных дел Кув де Мюрвиля, суть меморандума де Голля заключалась в следующем: «Либо Франция будет тесно связана с США и, конечно, Великобританией в вопросах безопасности, начиная с проблемы использования стратегического оружия, либо она будет вынуждена пересмотреть свои позиции, и в частности участие в НАТО, которое обязывало ее следовать за Америкой без подлинных консультаций и, возможно, даже без ее согласия».

Наращивая давление на своих союзников по НАТО, де Голль говорил 16 сентября 1959 г. в Высшей военной школе: «Нужно, чтобы оборона Франции была французской... чтобы Франция защищала себя сама, и если ей придется воевать, то это должна быть ее война». В том же выступлении президент подчеркнул, что Франция должна иметь собственные ядерные ударные силы, «чтобы никто не мог на нас напасть, не рискуя получить ужасающие раны».

Стремление де Голля к защите национальных интересов Франции нередко рассматривалось в нашей литературе как крайнее проявление национализма. Между тем защита национальных государственных интересов — вполне нормальное дело. Национализм опасен и вреден, если противопоставляет одну нацию другой, одно государство другому, толкает к межнациональной и межгосударственной розни. Эти черты абсолютно не были присущи национальной политике де Голля.

Не получив удовлетворения своих требований, на которых де Голль продолжал настаивать, сознавая невозможность достичь договоренности с США и Англией, он делает крутой поворот и берет курс на выход Франции из военной организации НАТО. В марте 1966 г. он сообщает президенту США Линдону Джонсону и информирует правительства 14 стран — членов НАТО о решении Франции прекратить свое участие в интегрированном командовании и не передавать свои вооруженные силы в распоряжение блока. Обстановка, в которой был заключен Североатлантический договор, поясняет де Голль, претерпела существенные изменения, НАТО не отвечает новым условиям, Европа перестала быть центром международных кризисов, США утратили былую атомную монополию. В соответствующей ноте французского МИД устанавливались конкретные сроки вывода натовских штабов и американских войск с территории Франции, и де Голль твердо настаивал на их соблюдении, несмотря на неоднократные просьбы американской стороны продлить их. К осени 1967 г. было окончательно завершено отделение Франции от военной организации НАТО. Рухнула основная опора натовской инфраструктуры в Европе.

Возвращение полного контроля над всеми французскими вооруженными силами де Голль сопровождал созданием собственных ядерных сил страны. Еще в октябре 1958 г. он заявил: «Когда мы станем ядерной державой, мы сможем еще ощутимее заставить почувствовать нашу деятельность в тех областях, которые представляются нам наиболее важными и необходимыми для всех людей».

Не ограничиваясь вызволением Франции из сетей зависимости от США и НАТО, укреплением ее самостоятельности в военно-политической сфере, де Голль стал во всеуслышание осуждать опасные милитаристские акции США, предупреждая, чем грозит слепое подчинение их политике. Американский корреспондент Д. Шенбрун, автор книги «Три жизни Шарля де Голля», сетует на то, что де Голль «не упускал ни одного случая влить пощечину англосаксам». А поскольку США «подставлялись» часто, то и пощечин от него им досталось немало.

Особенно упорно преследовал де Голль американскую администрацию за войну во Вьетнаме. Еще в 1961 г. он убеждал президента Дж. Кеннеди не ввязываться в эту войну: никто не сможет выбраться из ее трясины, предостерегал генерал. Позже он изобличал «отвратительную» войну США во Вьетнаме в столь резких выражениях, что это привело к серьезному обострению франко-американских отношений. Выступая в Пномпене в сентябре 1966 г., де Голль потребовал прекратить бомбардировки и вывести американские войска из Вьетнама. Совершая турне по Латинской Америке в 1964 г., де Голль во всех 16 странах, которые он посетил, клеймил политику США. Негодование американцев вызвало и то, что он не нашел времени заехать в США, хотя президент Джонсон ожидал встречи с ним.

Видимо, как и в годы второй мировой войны, обострение отношений с США и Великобританией, а также с ФРГ из-за выхода из военной организации НАТО побудило де Голля сделать шаг к улучшению отношений с СССР. Никаких личных симпатий к Советскому государству генерал не испытывал (скорее, он был склонен к высокой оценке культурного вклада России в мировую цивилизацию). Но как реалист де Голль понимал, что определенное сближение с СССР даст Парижу преимущества в споре с Вашингтоном, в борьбе с гегемонией сверхдержав.

Его официальный визит в СССР проходил с 20 июня по 1 июля 1966 г., конечная дата совпала с начальной датой выхода Франции из военной организации НАТО. Де Голлю в СССР был оказан радушный, более того — восторженный прием, какого, пожалуй, не удостоивался ни один государственный деятель после второй мировой войны. Выводить людей на улицы

по райкомовской разрядке было не надо: они вышли сами. Достигнутые тогда франко-советские договоренности стали началом не только разрядки международной напряженности, но и исходным рубежом общеевропейского процесса, которому де Голль всегда уделял большое внимание.

При этом де Голль был решительным противником планов объединения европейских государств в одно сверхгосударство. Он выступал против ликвидации исторически сложившихся наций и слияния их в одну «европейскую» нацию. «Данте, Гёте и Шатобриан, — повторял де Голль, — говорили на итальянском, немецком и французском языках, а не на каком-то интегрированном эсперанто». Будущая Европа представлялась де Голлю не как наднациональное объединение, а как «Европа отечеств», в которой каждая страна сохранила бы свою самобытность. Только такая Европа, считал де Голль, будет достаточно жизнеспособной и прочной, чтобы уравновесить гигантов современного мира — США, СССР, Китай или Индию.

Однако генерал стремился пойти гораздо дальше, поставив под вопрос всю послевоенную структуру международных отношений в мировом масштабе. В своей речи в Страсбурге в 1959 г. он говорил: «Если Европа останется разделенной на две противостоящие части, то война рано или поздно уничтожит род человеческий». Как избежать этой угрозы? Никаких сомнений у де Голля на этот счет не было: «Не поддаваясь иллюзиям, которыми тешат себя слабые, нужно не терять надежды, что когда-нибудь свобода и человеческое достоинство людей в конце концов восторжествуют повсюду. Мы увидим день, когда в Варшаве, Праге, Восточном Берлине, Будапеште, Софии, Белграде, Тиране, Москве тоталитарный коммунистический режим придет к эволюции, совместимой с нашей собственной трансформацией. Тогда перед всей Европой откроются перспективы, достойные ее ресурсов и способностей». Тогда, предвидел де Голль, найдет свое справедливое решение и самая трудная европейская проблема — германская: «Воссоединение Германии станет нормальной судьбой германского народа». К этой теме президент возвращался многократно. Так, 9 сентября 1965 г. он говорил: «Мы без колебаний предвидим день, когда вся Европа от Атлантики до Урала захочет во имя согласия решить свои проблемы, и прежде всего германскую». Таким образом, сближение с Москвой вписывалось де Голлем в общую концепцию строительства того, что позднее стали называть «общеевропейским домом».

Однако через два года после визита де Голля в СССР по хрупкому зданию рождавшейся разрядки был нанесен страшный удар: 21 августа 1968 г. части Советской Армии были вве-

лены в Чехословакию. На месте де Голля другой, менее дальновидный государственный деятель пал бы духом, опустил руки. Реакция генерала была совершенно иной — он увидел в «пражской весне», в порыве народа Чехословакии к освобождению подтверждение своей правоты: «Эволюция неизбежно будет продолжаться... Слишком поздно, чтобы какая-либо идеология, в частности коммунизм, взяла верх над национальными чувствами». Генерал выразил уверенность, что будущее России и других стран советского блока не в тоталитаризме, а в «прогессе, осуществленном совместно свободными людьми и народами». Эти слова де Голля вспоминали, когда в 1989 г. в странах Восточной и Юго-Восточной Европы пали коммунистические режимы, рухнула Берлинская стена, а год спустя, осенью 1990 г., тридцать четыре главы государств и правительств поставили свои подписи под Парижской хартией для новой Европы.

Теперь особенно хорошо видно, что де Голль шел явно впереди своего времени. Поэтому соотечественники не всегда и не во всем понимали своего президента. Мало кого из государственных деятелей Франции так резко критиковала печать: и правая, обвинявшая де Голля чуть ли не во флирте с СССР, и левая — в склонности к диктатуре, даже к фашизму. В действительности генерал сочетал авторитарные методы управления с уважением демократических свобод и прав человека. Как справедливо отмечал известный историк и журналист Александр Верт, «если де Голль и был глубоко убежден, что на него возложена особая миссия, он, по-видимому, получал очень мало удовольствия лично для себя от своих успехов, будучи совершенно лишен плебейского тщеславия какого-нибудь Муссолини, Гитлера или даже Наполеона». При нем все институты парламентской демократии во Франции сохранялись и нормально функционировали. Президентская власть сдерживала и регламентировала бореение страстей многопартийной системы в рамках законов правового государства.

Конечно, с фигурой генерала плохо вяжется образ либерала, тем не менее де Голль был убежденным республиканцем. Несмотря на монархический стиль правления, он понял и безоговорочно принял основной принцип демократии: государство сильно доверием народа. Правда, де Голлю больше импонировала прямая демократия, то есть прежде всего прямые выборы главы государства, в ходе которых он ставил на карту все, заявляя: «либо я, либо хаос». Будучи по природе человеком эмоциональным, президент умел сдерживать себя и, когда это было нужно, выглядеть недоступным и суровым. Заботясь о соблюдении дистанции, де Голль сохранял вокруг себя «зону отчуждения» и в сущности оставался одиноким среди людей.

У него никогда не было личных друзей: де Голль считал, что удел стоящего на вершине власти, где дует ледяной ветер государственного интереса, — одиночество и печаль, ибо он не может рассчитывать на искренность окружающих его людей. В то же время он не был кабинетным работником. Он любил окунаться в людское море и чувствовал себя после этого, как он говорил, «обновленным». Но это было, скорее, не общение с народом, а «явление себя» ему. Де Голль много ездил и выступал перед массовыми аудиториями. За первые шесть лет своего президентства он посетил почти все 90 департаментов страны, произнес 600 речей, предстал перед 15 млн французов.

Однако чем большие полномочия сосредоточивал в своих руках президент, тем чаще блокировался механизм обратной связи между ним и гражданским обществом. В конце концов оппозиционные силы вышли на улицу. В мае—июне 1968 г. Францию потряс мощный социальный взрыв. Начавшись с бурных демонстраций студентов в Латинском квартале, события быстро переросли в массовые стачки на предприятиях.

События «красного мая» 1968 г. невозможно до конца понять вне контекста мировых событий. Начало 1968 г. ознаменовалось мощным «новогодним наступлением» Национального фронта освобождения Южного Вьетнама, которое перечеркнуло надежды США на военную победу в Индокитае и шансы Л. Джонсона на переизбрание. Мстя за пережитые унижения (вьет-конговцы на время захватили даже американское посольство в Сайгоне), американские каратели под командованием лейтенанта Колли в марте 1968 г. сожгли деревню Сонгми, учинив там жуткую бойню, что вызвало ужас и возмущение во всем мире. Волна молодежных антивоенных митингов, на которых выступали Дж. Фонда и Дж. Баез, прокатилась по США. К этому добавились убийство Мартина Лютера Кинга и расовые беспорядки в 110 американских городах. Ситуация в США стала еще более напряженной после убийства в июне Роберта Кеннеди. В Европе огромные надежды на скорое освобождение от тоталитаризма породила «пражская весна». И все это — на фоне всемирного молодежного движения протеста, выразившегося в антифашистских манифестациях в ФРГ, в беспорядках в предолимпийском Мехико-сити, где дело дошло до расстрела студенческой демонстрации, и в других подобных акциях. Но главным символом этого движения стал «красный май» в Париже.

Майско-июньский кризис 1968 г. был своеобразной вспышкой, которая разделила по времени надвое непрерывный процесс модернизации Франции. В самом деле, 50—60-е гг. были отмечены мощным научным прогрессом, экономическим ростом, урбанизацией, ростом новых средних слоев, интернацио-

нализацией производства и обмена, ввозом иностранной рабочей силы, ростом рождаемости, выходом женщин на рынок труда. Появились новые потребности и запросы. Причем распространение опросов общественного мнения и широкая публикация их результатов вывели непосредственно на политическую сцену «слово масс», которое до тех пор выражали лишь парламентарии, профсоюзы, партии и печать. К этому следует добавить увеличение численности студентов высших и средних специальных учебных заведений и их крайнее недовольство архаичной системой образования.

Все началось с захвата студентами 22 марта 1968 г. административного корпуса университета в Нантере. Одновременно студенты провели перед польским посольством манифестацию протеста против репрессий в Польше, жертвами которых стали также некоторые лидеры будущей «Солидарности». Чтобы пресечь продолжение беспорядков, ректор закрыл 2 мая факультет в Нантере. В ответ 500 активистов собрались 3 мая во дворе Сорбонны, чтобы протестовать против исключения из университета своих товарищей и дать отпор ожидавшемуся нападению членов правой студенческой организации «Оксидан». Вместо них в Сорбонну ворвалась полиция, и большинство собравшихся были арестованы. Тогда тысячи молодых парижан бросились на штурм полицейских участков, требуя «свободы нашим товарищам». Сорбонна была закрыта. 6 мая в столкновениях с полицией в Париже было ранено уже около тысячи человек. 7 мая состоялась 30-тысячная студенческая манифестация, проследовавшая к площади Звезды. За этим последовали новые ожесточенные столкновения с полицией в Латинском квартале. Суровые меры властей по отношению к студентам вызвали возмущение в обществе, и 13 мая начались массовые стачки на предприятиях, переросшие во всеобщую забастовку (6—8 млн участников) с требованием реформ и ухода де Голля. Одновременно студенты захватили Сорбонну и театр Одеон, превращенные ими в «свободную территорию». Здесь проходили дискуссии — нередко на высоком интеллектуальном уровне с участием Сартра и Годара. Дебаты чередовались концертами, танцами. Участники дискуссий требовали реформы устаревшей системы образования, снижения платы за учебу, участия студентов в управлении университетом, гарантий трудоустройства. Они также протестовали против ханжества, консерватизма в одежде, в вопросах секса и т. д.

Правда, де Голль в конце концов овладел ситуацией. 30 мая он объявил о роспуске парламента и в конце июня, используя страх большинства французов перед неконтролируемым развитием событий, одержал на внеочередных парламентских выборах убедительную победу. Еще до этого — в середине июня —

Сорбонна и Одеон были очищены от бунтовщиков. Однако после мая 1968 г. мир стал иным. И хотя не изменилось социально-экономическое устройство ни одного государства, но изменилась атмосфера общества. «Красный май» 1968 г. был прежде всего революцией духа. Правда, студенты в мае сооружали баррикады, но они не призывали к тому, чтобы стрелять: всего за время событий пострадали примерно 3,5 тысячи человек, но ни один из них не погиб. Студенты предлагали просто остановиться и задуматься. И они добились своей цели. Им не только разрешили слушать любую музыку, носить длинные прически, одеваться как хочется. Изменились система образования, стиль человеческого общения. Именно май 1968 г. открыл эпоху пестрой и терпимой постмодернистской культуры.

Де Голля майские события застали врасплох. Может быть, впервые в жизни он понял, что не контролирует ситуацию. Он, вероятно, сознавал, что где-то были допущены ошибки. Но где именно? Президент говорил генеральному секретарю Елисейского дворца: «Ситуация совершенно неуловимая... Я не знаю, как реагировать. Я не понимаю, что надо сделать не для того, чтобы взять в руки этот народ, а для того, чтобы он сам себя взял в руки». Генерал не понял, что «этот народ» хотел не просто социальной справедливости, но и нового стиля жизни. И хотя президент восстановил контроль над обстановкой, именно в этот момент, по меткому выражению одного публициста, «между ним и французами что-то сломалось». Он грустно повторял: «Французы порвали контракт, который я с ними заключил». 78-летний генерал, сохранивший до конца своих дней полную ясность ума и железную негибаемую волю, впервые ощутил, что теряет контакт с будущим нации — ее молодежью. Это было для него более острой, мучительной болью, нежели прежние разрывы, — с легальным правительством Виши в 1940 г. или с частью армии в начале 60-х гг. в связи с алжирской драмой. Тогда он без сожаления расставался с теми, кто в его глазах изменял Франции. Теперь генерал сам перестал понимать ее, а она — его. Он считал, что французы обошлись с ним скверно и оплатили ему за все то, что он сделал для Франции, неблагодарностью.

После парламентских выборов 23—30 июня 1968 г., когда голлисты и их союзники завоевали абсолютное большинство, казалось бы, все улеглось и успокоилось. Но де Голль не мог больше обрести душевного равновесия. Майские события оставили глубокий след и постоянно напоминали о себе. Президент включил в правительство так называемых левых голлистов, были разработаны проекты социально-экономических реформ в духе «участия» трудящихся в управлении экономикой и политикой. В этом же направлении был составлен проект ре-

гиональной реформы и преобразования сената. Де Голль объявил, что выносит вопрос о реформе регионов и сената на референдум 27 апреля 1969 г., предупредив, что в случае его отклонения он уйдет в отставку. Проект был плохо продуман, и многие говорили президенту, что французы его не поймут, что лучше отказаться от этой идеи. Но он твердо решил осуществить задуманное и настоял на своем. Может быть, де Голль искал повода, чтобы уйти. Уже в ходе подготовки к референдуму выяснилось, что против де Голля не только левые, президента не поддерживали «независимые республиканцы» и их лидер Валери Жискар д'Эстэн. Стало ясно, что на этот раз де Голль оказался в меньшинстве. Генерал с грустью ждал вынесения приговора. Он говорил сыну: «Французы устали от меня, да и я утомился от них». Как и ожидалось, на референдуме 27 апреля 1969 г. 53,2 процента избирателей высказались против предложенного законопроекта. Но еще за два дня до этого в Елисейском дворце были упакованы чемоданы. Де Голль, распорядившийся отпустить всех сотрудников, весь обслуживающий персонал, в субботу 26 апреля отбыл в Коломбэ. Своему премьер-министру Кув де Мюрвиллю он оставил запечатанный конверт, который по его распоряжению был вскрыт в ночь с 27 на 28 апреля. В письме говорилось: «Я прекращаю исполнение обязанностей президента республики. Это решение вступает в силу сегодня в полдень». Так закончились десять лет три месяца и 19 дней президентства де Голля. Одному из своих близких он сказал: «Меня ранили в мае, а сейчас прикончили».

Де Голль навсегда покинул Париж. Не желая находиться во Франции во время выборов следующего президента созданной им Пятой республики, он 10 мая вылетел как частное лицо в Ирландию. С тех пор генерал не сказал ни слова о событиях во Франции. Вернувшись в Коломбэ, он стал писать «Мемуары надежды», которые начинались с 1958 г. Генерал всегда был чутким отцом. Теперь он стал добрым и нежным дедом: у него было три внука, с которыми он любил бродить в окрестностях Коломбэ. Де Голль очень хотел прожить еще пять лет, чтобы успеть закончить мемуары. Однако судьба их ему не отпустила. 9 ноября 1970 г. генерал как обычно работал, гулял, размышлял. Вечером за столом он неожиданно потерял сознание: произошел разрыв аорты, и через пятнадцать минут он умер. На следующий день президент Жорж Помпиду обратился к нации со словами: «Француженки и французы! Умер генерал де Голль. Франция овдовела». В соответствии с завещанием де Голля, его похороны состоялись в Коломбэ в присутствии только близких, без участия официальных представителей центральной власти. Но одновременно — 12 ноября — в соборе Нотр-Дам состоялась траурная месса в присутствии членов

правительства, парламента, дипломатического корпуса, представителей зарубежных стран. 12 ноября было объявлено днем траура, а национальные флаги оставались приспущенными до конца месяца.

Историческое значение наследия де Голля состоит не в том, что он оставил нынешнему поколению готовые ответы на актуальные вопросы международной и внутренней жизни. Главное заключается в другом. Мудрость и реализм генерала проявились в независимом внешнеполитическом курсе, строго учитывающем целостность Европы и мира, признающем право всех государств, как больших, так и малых, на безопасность и свободу выбора своего образа жизни. Это также его способность «видеть за деревьями лес», подняться над межгосударственными противоречиями и найти путь от конфронтации к примирению и сотрудничеству даже с «исконными» противниками, отстаивать национальные интересы, не навязывая их другим.

В историческом споре со своими многочисленными оппонентами и справа, и слева по поводу государственного устройства Франции де Голль оказался прав. Даже те, кто когда-то критиковал его концепцию сильной президентской власти, ныне признают ее эффективность и жизнеспособность. Конечно, президентский режим не превратил Францию в земной рай, не устранил политических, экономических и социальных противоречий во французском обществе. Зато он создал условия для политической стабильности, парламентской демократии и экономического прогресса. В результате принятая в сентябре 1958 г. конституция позволила стране решить проблемы модернизации и налаживания отношений с бывшими колониями, вернуть ей место в ряду великих держав. Характерно, что государственное устройство Пятой республики доказало свою эффективность не только при де Голле, но и после его ухода, даже в непростой ситуации «сосуществования» президента-социалиста и правого правительства в 1986—1988 гг. и после марта 1993 г.

Для всего мира де Голль был и остается олицетворением Франции — великой страны, так щедро обогатившей мировую цивилизацию. Восхищение вызывают личные качества этого необыкновенного человека, его характер, мужество, твердость, культура. Он утверждал, что «истинная школа, дающая умение повелевать, — это общая культура». Генерал часто вспоминал любимого им Шатобриана: «Действие, которое не опирается на знание, — это преступление». Ведь управлять — значит предвидеть, а чтобы предвидеть, надо много знать. Де Голль был страстным любителем и тонким ценителем литературы и истории. На посту президента рес-

публики он находил время перечитывать классиков, которых знал наизусть, и следить за новинками. Плодовитый писатель-мемуарист, высокий и строгий стиль которого был сочтен Французской академией образцом безупречного литературного языка, блестящий оратор, открывший французам телевидение как непревзойденное оружие в политической борьбе, — все эти качества опровергают распространенное мнение о несовместимости человека мысли и человека действия. Именно глубокое осмысление прошлого и настоящего убедило де Голля в отсутствии какого-либо исторического детерминизма или предопределенности. Еще в начале 20-х гг. в одной из своих лекций в Сен-Сире он утверждал: «Историческая фатальность существует только для трусов... Счастливый случай и смелость изменяли ход событий... Бывают часы, когда воля нескольких людей разбивает детерминизм и открывает новые пути. Если вы переживаете зло происходящего и опасаетесь худшего, то вам скажут: „Таковы законы истории. Этого требует эволюция“. И вам все это научно докажут. Не соглашайтесь, господа, с такой ученой трусостью. Она представляет собой больше, чем глупость, она является преступлением против разума».

На протяжении всей жизни де Голль никогда не шел на это преступление против разума. Сталкиваясь с препятствиями, он не отказывался от борьбы, считая, что человек действия всегда способен изменить ход, казалось бы, неотвратимых событий.

Л и т е р а т у р а:

Антюхина-Московченко В. Шарль де Голль и Советский Союз : Политический портрет. М., 1990.

Арзаканян М. Ц. Де Голль и голлисты на пути к власти. М., 1990.

Де Голль Ш. Военные мемуары. М., 1957—1960. Т. 1—2.

Молчанов Н. Н. Генерал де Голль. М., 1972.

Наумова Н. Н. Голлизм в оппозиции : Партия «Объединение французского народа» в политической жизни Четвертой республики. М., 1991.

Шарль де Голль : К 100-летию со дня рождения // Французский ежегодник. 1988. М., 1990.

ФРАНСУА МИТТЕРАН

Не отказываться от себя, но и не замыкаться в себе...
Независимость и свободомыслие — суть творчества,
это вызывает раздражение лишь у тех,
кого пугает свобода.

Ф. Миттеран

Подобно де Голлю, который умер полтора года спустя после своей вынужденной отставки, Миттеран также ненадолго пережил свой уход из большой политики. Он умер 8 января 1996 г., прожив менее восьми месяцев после того, как в мае 1995 г. произошло то, что французы назвали «концом царствования»: завершилось его 14-летнее президентство. В этом смысле Миттеран побил все рекорды пребывания на высшем государственном посту Франции. Даже генералу де Голлю удалось оставаться хозяином Елисейского дворца немногим более десяти лет; к тому же он лишь раз был избран на пост президента всеобщим голосованием. Что же касается Миттерана, то он с успехом дважды — в 1981 и в 1988 гг. — прошел через горнило всеобщих выборов. С конца 80-х гг. президент Миттеран стал признанным дуаиеном среди руководителей стран Запада.

Его авторитет и в Европейском сообществе, и в Атлантическом союзе никто не подвергал сомнению. И дело, разумеется, было не просто в его возрасте или опыте, а в том, что он успел сделать за долгие годы пребывания на авансцене политической жизни Франции.

Франсуа Морис Адриен Мари Миттеран родился 26 октября 1916 г. в состоятельной буржуазной семье на юго-западе Франции, в департаменте Шаранта. Привязанность к родным местам, культ французской глубинки, любовь к национальным корням он пронес через всю жизнь, оставаясь патриотом родного департамента, давшего ему «крылья для полета над всей Францией». В течение более сорока лет он совершал на Троицу в сопровождении ближайших друзей ежегодное паломничество на вершину горы Солютре — поблизости от его родного гнезда.

Как Миттеран сам писал о себе, он «не был рожден среди левых, тем более среди социалистов». Его родители были глубоко религиозными людьми, но без какого-либо фанатизма и нетерпимости. Может быть, эти семейные традиции сказались в том, что после войны Миттеран не захотел присоединиться

к католической партии Народно-республиканского движения, найдя ее «чрезмерно конфессиональной».

Раньше чем кто-либо из послевоенных лидеров он пришел в большую политику, став в 30 лет — в январе 1947 г. — министром по делам бывших фронтовиков и жертв войны. В годы Четвертой республики Миттеран был министром одиннадцать раз, возглавляя такие ключевые министерства, как юстиции, внутренних дел и заморских территорий. Затем — свыше двадцати лет в оппозиции. Эти годы вобрали в себя две неудачные попытки (в 1965 и в 1974 гг.) стать президентом Франции. Возглавив в 1971 г. обновленную Социалистическую партию, Миттеран сумел вывести ее из вечной оппозиции и добился победы социалистов на выборах в мае—июне 1981 г. Руководимая им Социалистическая партия стала правящей, а сам Миттеран — президентом.

В этой долгой и столь блестяще увенчанной политической карьере лидера французских социалистов его сторонники видят доказательство поразительной целеустремленности Миттерана, которая уже давно стала своеобразной легендой. Рассказывают, например, что вскоре после выборов 1981 г. Эдгар Фор (председатель Национального собрания Франции с 1973 по 1978 г.) зашел поздравить Миттерана с победой. На прощание он сказал ему: «А по правде говоря, Франсуа, это я должен был сидеть в этом кресле, а не ты...» Миттеран ответил: «Так распорядилась история. У тебя было все для того, чтобы стать президентом». «Все, о да, — рассмеялся Фор. — Разница между мной и тобой заключается в том, что я не смог бы ждать этого часа в течение 23 лет в оппозиции».

Биографы Миттерана пишут и о том, что еще в детстве маленький Франсуа Миттеран на вопрос, кем он хочет быть, сказал: «Королем или Папой». Став президентом, он как бы стал и тем и другим одновременно: ведь президент — наивысший авторитет Пятой республики, а его власть многие не без оснований сравнивают со всевластием самодержавного монарха. Что это? Глас свыше, давший ему откровение о его предназначении? Или характер? А может быть, на его упорное стремление стать президентом и остаться им на второй срок, что удавалось немногим до него в истории Франции, повлияло и то ощущение его собственной недолговечности, которое сопровождало его с детства? Ему всегда казалось, что проживет он недолго. Как рассказывают близко знавшие его люди, его почти никогда не покидала странная очарованность тайной смерти и, видимо, напрямую связанная с этим уверенность в бренности всего сущего...

Изобилующая самыми неожиданными поворотами и зигзагами биография Миттерана дает, казалось бы, основание про-

тивникам президента обвинять его в карьеризме, эклектизме, оппортунизме, в том, что он был «петэнистом при Петэне» и «участником Соппротивления при де Голле», что, оставаясь человеком правых убеждений, он пошел на службу левым.

На первый взгляд это суждение представляется верным. Миттеран действительно был некоторое время чиновником в правительственном аппарате Виши. Кстати, сам Миттеран этого никогда и не скрывал. Более того, когда известный французский журналист Пьер Пеан незадолго до завершения второго президентского срока вознамерился осветить начало политической карьеры Миттерана, президент не только не пытался этому воспрепятствовать, но сам открыл Пеану свои личные архивы и принял его для беседы. После выхода в свет осенью 1994 г. книги Пеана Миттеран, выступая по телевидению, вовсе не пытался что-то опровергать или оправдываться. Он, правда, посетовал на то, что в прежние годы, когда до завершения его президентских полномочий было еще далеко, никто в его биографии не копался, даже противники. Напомнив о противоречивости восприятия французами вишистского эпизода в истории страны, о том, как трудно было сначала выйти на какую-нибудь подпольную группу Соппротивления, представители которого скрывались даже среди вишистов, Миттеран в то же время с редкой искренностью связал свое пребывание в правительственном аппарате Виши со своим буржуазным провинциальным происхождением и католическим воспитанием.

Все это так, но верно и другое. Проведя после поражения Франции полтора года в немецком плену, он трижды (как и де Голль в первую мировую войну) пытался бежать из концлагеря. Это ему, наконец, удалось в декабре 1941 г., когда с помощью французских железнодорожников он пробрался через оккупированную зону и оказался на свободе. Верно также и то, что служба в комиссариате по делам военнопленных при петэновском правительстве позволила ему приступить к подпольному изготовлению поддельных документов для бежавших из немецких лагерей французских пленных и участников Соппротивления. Правда и то, что, создав в феврале 1943 г. подпольный патриотический Национальный союз военнопленных, Миттеран активно включился в движение Соппротивления, где был известен как капитан Морлан. В Лондоне капитана Морлана хорошо знал и генерал де Голль, и центральное бюро разведки «Свободной Франции», которая регулярно получала от него ценную информацию о положении в стране.

Как ни пытаются убедить в обратном публику некоторые его биографы, Миттеран был и оставался по своим убеждениям социалистом. Просто, будучи прирожденным государственным

деятелем, он, восходя по ступеням власти, осознал, что даже самые прекрасные идеи переустройства общества никому не принесут счастья, если им слепо следовать. «Идеологические дебаты интересны, но они ни к чему не ведут и могут даже служить оправданием тому, что они ни к чему не ведут», — писал Миттеран в своей книге, изданной в 1970 г. под весьма характерным названием — «Социализм в пределах возможного». Два года спустя — в 1972 г. — он признался одному журналисту: «Я не верю в существование окончательной истины. Как можно вообразить, что существует некое вечное, императивное, неколебимое правило, на которое можно было бы всегда ссылаться». Миттеран действительно отбрасывал традиционные модели переустройства общества, видя, что они не срабатывают в условиях Франции.

Догма и Миттеран были вообще несовместимы. Еще в 1978 г., когда социалисты вырабатывали новую программу к президентским выборам 1981 г., он сказал национальному секретарю соцпартии Жилью Мартине: «Давай не будем загонять себя в угол слишком точными формулировками в нашей программе. Иначе она обернется для нас риском проигрыша на выборах. Как говорил Наполеон, „победим, увидим...“» А став президентом, он повторил ту же мысль в 1982 г., но в несколько иной форме: «Социализм на французский манер? Я не превращаю его в Библию».

В то же время следует признать, что проект общества, который Миттеран выдвигал до 1981 г., можно охарактеризовать как типичный утопический социализм. Лидер соцпартии был тогда уверен в возможности быстрого и радикального изменения социально-экономической структуры общества, разрыва с капитализмом, ликвидации безработицы, установления социальной справедливости и равенства. Многие, кстати, в этом направлении было сделано после прихода социалистов к власти в 1981 г. Новый президент и его команда добились в социальном плане таких результатов, которые можно сравнить по своему значению с деятельностью Народного фронта в 30-е гг. Это предоставление работающим пятой недели оплачиваемого отпуска, снижение пенсионного возраста с 65 до 60 лет, сокращение рабочей недели с 40 до 39 часов с сохранением заработной платы, значительное повышение минимального уровня заработной платы, а также минимальных размеров пенсий и семейных пособий.

Ускоренными темпами была проведена национализация. Ее Миттеран рассматривал как возможность заложить фундамент перемен и заполучить в свои руки дополнительные экономические рычаги по управлению страной. В соответствии с законом от 13 февраля 1982 г. под контроль государства перешли

предприятия девяти ведущих промышленных групп и обществ, на которых было занято 15 процентов трудящихся Франции. Национализация охватила 95 процентов банков и страховых компаний.

Миттеран тогда полагал, что, придя к власти, он сможет осуществить такой вариант социализма, какой никогда и нигде раньше не существовал: по-настоящему демократический по своей сути и действительно социалистический. Но практика показала, что это невозможно. Попытка добиться высоких темпов экономического роста путем стимулирования спроса и максимального расширения государственного сектора привела к увеличению бюджетного дефицита, что способствовало инфляции и бегству капиталов из страны.

В результате Миттерану, как пишет его биограф Ж.-М. Коломбани, оставалось либо уйти, подобно его знаменитым и неудачливым предшественникам по Народному фронту и левому картелю, либо показать, что левые могут не только находиться в оппозиции, но и управлять страной в течение длительного времени. Постепенно президент изменил свой подход ко многим вопросам, отказался от ряда, казалось бы, незыблемых принципов французского социализма, был вынужден приспособиться к жестким экономическим реалиям.

Этот переход в 1983—1984 гг. к «экономическому реализму» выразился, с одной стороны, в отказе от чрезмерного вмешательства государства в хозяйственную деятельность предприятий, а с другой стороны, в политике жесткой экономики: с целью сдерживания инфляции социалисты решились на такие заведомо непопулярные меры, как временное замораживание заработной платы, резкое сокращение государственных субсидий так называемым «хромым уткам» — убыточным, терпящим банкротство предприятиям (в результате чего стала расти безработица). Одновременно под лозунгом «модернизация или гибель» была в течение нескольких лет проведена перестройка сталелитейной, угольной, судостроительной и других ставших из-за своей технической отсталости нерентабельными отраслей промышленности. Стремясь восстановить конкурентоспособность французских товаров, власти сократили налоги на предприятия: это удешевляло продукцию и давало возможность вкладывать прибыль в развитие производства, в создание новых рабочих мест. С этой же целью социалисты стали всячески поощрять иностранные капиталовложения во французскую экономику (в 1989 г. они составили около 40 млрд франков).

Как писал известный французский журналист Ф.-О. Жисбер, «приведя левых к власти, Миттеран принудил их к тому, чтобы они порвали со своим прошлым. Впервые в истории

левых сил Франции он примирил их с законами экономики, с рынком, с обороной и с государственными институтами. В общем, он заново выдумал левые силы и одновременно преобразил Францию».

Действительно, к концу 80-х гг. страна, завершив свою промышленную перестройку, выбралась наконец из затяжного кризиса, в котором оказалась еще в середине 70-х гг. после нефтяного «шока». В экономике были достигнуты отличные результаты. Социалистам удалось решить одну из наиболее сложных проблем, которая могла затормозить развитие любой страны: была снижена инфляция с 15 до 3 процентов, а франк стал одной из самых стабильных западных валют. Ежегодные темпы экономического роста составили во второй половине 80-х гг. около 3.5 процента. Повысилась конкурентоспособность французских товаров. Франция досрочно расплатилась с долгами, в которые залезла в 1982—1983 гг.

Таким образом, история президентства Миттерана является в то же время историей «нормализации», т. е. трансформации воображаемого социализма в реальную социал-демократию. Это вовсе не означает, что Миттеран превратился в консерватора или либерала. Опровергая подобные утверждения, Миттеран говорил осенью 1991 г.: «Я думаю, идея социализма будет прокладывать себе дорогу. Социализм — это теория, надежда и иногда мечта... Я — социалист». Он мечтал о социал-демократии на французский манер, которая отличалась бы большим воображением, смелостью, чем аналогичные партии, существующие в других странах.

В то же время Миттеран не забывал о том, что во Франции ни одна из идей никогда не получала поддержки большинства населения. Поэтому правы те биографы, которые утверждают, что Миттеран вобрал в себя все идеологии, даже если шел под флагом какой-то одной из них, что он всегда был более предан людям, нежели идеям.

Уже будучи лидером левых сил Франции, Миттеран как-то признался, что голлизм нуждается в дополнении слева. Именно этому дополнению он посвятил свою жизнь: к национальному самолюбию и государственному величию, на которых де Голль строил консенсус французов, Миттеран добавил идейную терпимость, смелую социальную политику и государственную опеку нуждающихся.

Необходимо особо подчеркнуть, что именно в значительной степени благодаря усилиям Миттерана в течение 80-х гг. полностью изменилось соотношение сил внутри лагеря французских левых. В начале 70-х гг., когда будущий президент возглавил в сущности заново созданную социалистическую партию, она далеко уступала по влиянию французской компартии.

Миттеран никогда не скрывал, что ничего хорошего от длительного союза с коммунистами быть не может, так как для настоящих коммунистов очень важна идея не производства, а распределения: поэтому-то, подчеркивал лидер ФСП, компартию в основном поддерживают безработные, домохозяйки и рабочие низкой квалификации. Что касается социалистов, то они всегда старались внушить своим сторонникам мысль, что нужно думать прежде всего о том, как создавать, а не о том, как поделить. Коммунисты способны только «ободрать дичь», мы же, говорил тогда Миттеран, должны сами «ободрать коммунистическую курицу». Обращаясь в июне 1972 г. к делегатам XII Конгресса Социалистического Интернационала, собравшегося в Вене, Миттеран прямо заявил, что его главная цель — «возродить сильную социалистическую партию на принадлежавшей компартии базе, продемонстрировав, что из пяти миллионов ее избирателей три миллиона могут голосовать за социалистов».

С этой целью Миттераном была задумана и осуществлена многоходовая комбинация, в которую входило заключение союза с коммунистами, приглашение их в правительство после майской победы 1981 г., а затем — разрыв с ними летом 1984 г., и в качестве результата — значительное ослабление влияния ФКП. Конечно, сегодня вся дискуссия на тему о том, предал ли Миттеран коммунистов или нет, может показаться несколько архаичной, ибо по сравнению с началом 80-х гг. изменилось само отношение французов к понятиям «левый», «правый», «либеральный» и т.д. По словам весьма популярного в нашей стране французского политолога Ги Сормана, «основным следствием правления социалистов стало неожиданное примирение французов с частным предпринимательством. Спустя два века после Французской революции, которая изобрела такие понятия, как „левый” и „правый”, Франция больше не имеет ни „левых”, ни „правых” в чистом виде, так как и те и другие переосмыслили свою сущность».

Французские социологи сейчас много пишут о «конце идеологии», об «уменьшении поля конфликтов» и об ослаблении драматизма политической борьбы. Никто во Франции не мечтает больше о коммунистическом обществе, подавляющее большинство французов поддерживает рыночную экономику, идеи конкуренции, модернизации, прибыли и т.д. Во второй половине 80-х—начале 90-х гг. во Франции впервые столь мало писали и говорили о капитализме, империализме и социализме. Общество стало переобучиваться в «школе фактов», жить реалиями, а не мифами. У большинства французов возникла устойчивая аллергия на призывы. Лозунг дня

в 90-е гг. — управлять, считаясь с реальными возможностями, а они, как известно, ограничены.

Вообще по этому поводу есть много изящных высказываний, как, например, слова экономиста Симона Нора, описавшего это так: «Миттеран предпочел социализму — своей безумной любовнице, которая привела его к власти, законную супругу — Европу». Однако в 1981 г., когда на президентских выборах победил Миттеран, все виделось иначе.

После вступления коммунистов в социалистическое правительство дрогнула парижская биржа, невероятная вещь — во Франции, как в социалистической стране, ввели контроль за обменом валюты частными лицами. Легкий шок пережили американцы с Рональдом Рейганом во главе, мыслившим тогда в основном категориями «империи зла». Вашингтон официально заявил, что, согласно его давним принципам, отношения между США и Францией претерпят изменения из-за появления коммунистов в правительстве. С инспекционным визитом в Париж прилетел вице-президент Буш, чтобы разобраться, что у Миттерана может быть общего с ФКП. Ф.-О. Жисбер в своей книге пишет, что при их встрече Миттеран сказал Бушу так: «С точки зрения истории самое главное не в том, что я ввел коммунистов в правительство, а в том, что на выборах социалисты сумели собрать больше голосов, чем они. Моя задача состоит в том, чтобы показать, чего реально стоят коммунисты. Они останутся надолго, даже слишком надолго в правительстве. Но когда они уйдут, они опустятся до десяти процентов».

Впоследствии вся эта операция была названа «поцелуем смерти». Расчет Миттерана строился на данных социологических исследований, предсказывавших, что ФКП ожидает размывание избирательной базы и, следовательно, неизбежное ослабление влияния, после чего она отпадет от правящей коалиции сама. Отказываться же от участия в правительстве компартия никак не могла, раз она всегда добивалась такой цели. Так Миттеран заставлял ФКП терять известные преимущества оппозиционной силы. Но, войдя в кабинет министров, ФКП становилась заложницей его политики, теряя популярность уже среди «своих». Ловушка, таким образом, срабатывала в любом варианте: вера в коммунизм падала. Этого удара французские коммунисты никогда не могли простить Миттерану.

Конечно, общественная роль Миттерана не исчерпывалась его участием в великом идейном противостоянии XX в.

Именно Миттеран приучил французов к мысли, что единая Европа отвечает их национальным интересам. Его же называют архитектором франко-германского сближения, деликатной области европейских отношений, вокруг которой у французов было немало комплексов. Придя к власти, когда Западная Ев-

ропа бурлила из-за «першингов» и «СС—20», он произнес раздражавшую многих в Москве фразу, что пока ракеты размещены только на Востоке, а демонстрации протеста против планов размещения американских «першингов» и «томагавков» проходят только на Западе. Впоследствии он умело балансировал между двумя «сверхдержавами».

Внутри страны Миттеран способствовал упрочению демократических институтов, сохраняя при этом за собой в соответствии с Конституцией широкие полномочия. В этом плане он целиком использовал созданные генералом де Голлем институты, против которых в свое время вел решительную — и порой даже чрезмерно решительную — борьбу. Вместе с тем он внес в них небольшие модификации. Так, зная, что Франция уже давно страдала от чрезмерного сосредоточения всей власти в Париже, Миттеран провел децентрализацию, дав реальные права 22 регионам, у которых появилась возможность тратить деньги на местные нужды. Как следствие оживились и стали привлекать туристов многочисленные уютные городки французской провинции с их историческими достопримечательностями и неповторимым очарованием. Это расширение прав органов местного самоуправления во Франции назвали «настоящей мирной революцией».

Президентство Миттерана отличалось исключительно смелой политикой в культурной области, которой французы всегда придавали и придают особое значение. Сюда следует прежде всего включить «великие стройки» в Париже, которые останутся навсегда, — Большой Лувр с пирамидой, Большую Арку в районе Дефанса, новую Оперу на площади Бастилии, четыре небоскреба новой и лучшей в мире Национальной библиотеки.

Как ни о ком другом из крупных политиков современности представление о Миттеране ассоциируется с символами. Благодаря своей политической образованности он всегда видел, что в памяти потомков остаются прежде всего красивые, вовремя сделанные жесты.

Миттеран начал свое президентство с предоставления французского гражданства двум опальным писателям — Хулио Кортасару и Милану Кундере. Он всегда делал ставку на интеллигенцию, особенно в первые годы, как политик, вышедший из левого лагеря. В момент переизбрания под коллективными письмами в поддержку Миттерана стояли подписи практически всего интеллектуального, кинематографического, театрального и даже эстрадного бомонда. Правый же лагерь мог пересчитать своих сторонников по пальцам.

В мае 1981 г., победив на выборах, Франсуа Миттеран, окруженный близкими друзьями, с розой в руке пешком направляется от Люксембургского сада к величественному зданию

Пантеона, чтобы возложить цветы на саркофаги Жана Жореса, героя Сопротивления Жана Мулена и Виктора Шозлшера, боровшегося за отмену рабства в колониях.

Миттеран оказался единственным из западных лидеров, кто осмелился, находясь в июне 1984 г. с официальным визитом в Москве, в присутствии высших советских руководителей не только напомнить о судьбе А. Д. Сахарова, томившегося тогда в горьковской ссылке, но и решительно высказаться в его защиту.

А что может сравниться по силе эмоционального эффекта со знаменитым рукопожатием с Гельмутом Колем осенью 1984 г. перед могилами павших французов и немцев в Вердене — в тот год, когда канцлера ФРГ не позволили на церемонию празднования высадки союзных войск в Нормандии.

В этой приверженности к символическим акциям проявляется и умение Миттерана существовать в мире средств массовой информации, для которых нужно периодически устраивать эмоциональные встряски, чтобы жить с ними в согласии. В 1992 г. после европейской встречи в верхах в Лиссабоне только один политик, не сказав никому ни слова, без сопровождения свиты вылетел в Сараево, вокруг которого уже шли бои. Это был Миттеран, и это была тогда сенсация номер один. Ведущие журналисты страны всегда делились на тех, к кому он благоволил, и на тех, кого не любил. Однако сведения о благосклонности или немилости распространялись чисто великосветским путем — через коллег, с помощью полунамёков или слухов. Широко известен случай, когда Миттеран после первой встречи с Рейганом был шокирован тем, что американский президент рассказал журналистам все то, что он ему поведал накануне в беседе с глазу на глаз.

Президента вообще нередко называли «флорентийцем» за его страсть к закулисной игре, построенной на давних связях и тонких взаимоотношениях. При этом Миттерану нравилось делать вид, будто он вовсе не в курсе какой-либо суеты вокруг своей персоны. Он сумел приучить страну следить за своими привычками. Все были в курсе его любимых маршрутов для прогулок по Парижу, были известны названия ресторанов, которые он предпочитал, фамилии портного и парикмахера. В этом видится нечто от классических взаимоотношений короля с подданными. (Любопытно, что Жискар д'Эстэн, будучи дворянского происхождения, вел себя на посту президента гораздо сдержаннее в этом плане, всячески стараясь снизить к «простым гражданам»).

В одной из своих книг Миттеран так написал о де Голле, с которым у него всю жизнь были очень непростые отношения: «Убеденность де Голля в том, что он и есть Франция,

что он — выразитель ее правды, олицетворение ее вечного предназначения, — все это трогало меня больше, чем раздражало».

По существу Миттеран всегда стремился к такой же роли. Почти все биографы Миттерана отмечают, что величие Франции было на протяжении всей его политической карьеры его естественной заботой. «Восьмиугольник», как называют французы свою страну, — это его страсть и его одержимость. «Он ужасно восьмиуголен, — говорил о нем бывший министр внешних сношений в правительстве социалистов в 1981—1984 гг. Клод Шейсон. — Для него нет „иностранных дел“. Есть только „внешние отношения“».

Шейсона не надо понимать буквально. Иностранные дела постоянно занимали значительную часть рабочих будней Миттерана. В отличие от де Голля, у которого со второй мировой войны были свои счеты с Вашингтоном и Лондоном, Миттеран со времен Сопrotивления, напротив, сохранил глубокое уважение к англосаксонскому миру. Он не раз с восхищением говорил о героической борьбе Англии после июня 1940 г. один на один с блоком фашистских держав, а также о решающей роли Америки в спасении западной цивилизации от угрозы тоталитаризма. Неудивительно поэтому, что Миттеран всегда имел хорошие отношения с американцами. Это не значит, что он каждый раз был готов присоединиться к их политике. Обращаясь к Рейгану во время официального визита в США в октябре 1981 г., Миттеран заявил: «Каждый из нас имеет свои национальные интересы, которые необходимо защищать. И здесь могут возникнуть разногласия — они были, и они будут». Но затем он добавил: «Эти разногласия не могут и не должны поколебать глубокие причины нашего союза».

Миттеран всегда полагал, что НАТО является одной из реальностей, которые надо учитывать. И он критиковал генерала де Голля, когда тот хотел держаться на расстоянии от Вашингтона. Вместе с тем альянс с Соединенными Штатами не начал для Миттерана подчинения или зависимости. Франция, неоднократно подчеркивал он, сама определяет свою политику, и в ряде случаев, как например в переговорах в рамках Генерального соглашения о тарифах и торговле (ГАТТ), она выступила против американских интересов.

Миттеран тратил массу времени на сложнейшие переговоры по урегулированию положения в горячих точках планеты — от Камбоджи до Южной Африки, от Ближнего Востока до Афганистана, не пропуская ни одного форума франкоязычных государств. Что им двигало при этом в первую очередь? Прежде всего идеалы Великой Французской революции. «Свобода. Равенство. Братство» — для него не просто слова. Это его жиз-

ненные принципы. И еще — ощущение мировой роли Франции как великой державы, сопряженное со стремлением это величие приумножить.

Наибольший след Миттеран оставил в сфере европейского строительства. Состоявшаяся в 1984 г. по его инициативе в Фонтенбло встреча в верхах позволила разблокировать европейскую интеграцию, которая тогда пробуксовывала. Одобрение Единого европейского акта внесло изменения в европейские институты и придало им новый динамизм, которого раньше не было. Другие важнейшие шаги на этом поприще — формирование в странах Европейского сообщества единого внутреннего рынка, значительный прогресс в создании валютно-экономического и политического союзов.

Нельзя также не вспомнить об инициативах Миттерана по поддержке процесса демократических перемен в странах Восточной Европы, о том, что он одним из первых на Западе заявил, что перестройка в СССР — это не косметика коммунизма, а глубочайший преобразовательный процесс. В этой связи необходимо подчеркнуть, что символический призыв Миттерана «преодолеть Ялту», вызывавший долгие годы недоверие к нему у прежних московских руководителей, на самом деле означал не что иное, как его стремление совместно устранить множество препятствий на пути восстановления единства европейских народов, между которыми встал искусственный барьер в результате второй мировой войны. Глубокий смысл его призыва заключался в том, что он раньше других, отбросив идеологические предрассудки, выступил за восстановление исторически сложившихся духовных и экономических связей в масштабе всей Европы. В плане реализации этого грандиозного замысла Миттеран выдвинул идею европейской конфедерации Востока и Запада в качестве второго круга интеграции. Разумеется, эта идея может быть реализована лишь в отдаленной перспективе, но тем не менее она уже постепенно начинает обретать плоть, как например в виде учрежденного по его инициативе Европейского банка реконструкции и развития.

Упорно разыгрывая «европейскую карту», Миттеран хотел, чтобы в историю современной Европы годы его президентства были вписаны золотыми буквами. Однако вопреки ожиданиям ему так и не удалось создать новый европейский альянс с участием социалистов, центристов, экологов и всех тех, кого можно было бы собрать под знаменами прогрессивных сил. Выпестованные французским президентом величественные проекты интеграции не вызвали энтузиазма у миллионов европейцев и, в частности, у большинства французов, озабоченных прежде всего своими каждодневными проблемами, — в первую очередь безработицей и ростом иммиграции. Правда, к концу

80-х гг. социалистам удалось, как мы уже говорили, добиться значительных успехов в оздоровлении экономики и вывести страну из кризиса. Но они никак не преуспели в сокращении неравенства, и это настолько очевидно, что в последние годы очень трудно увидеть различие между социалистической формой управления экономикой и классической неолиберальной, которую осуществляли в ряде стран Запада находившиеся у власти правые партии.

Возглавляемая Миттераном соцпартия потерпела поражение в тех областях, где социалисты, казалось бы, должны были добиться успеха. От них ждали в первую очередь создания новых рабочих мест и решения проблемы безработицы, «нравственного императива» в политике.

Произошло же нечто противоположное: резко выросла армия «лишних людей», превысившая трехмиллионную отметку. Это Миттеран считал своим главным поражением. И что особенно ударило по авторитету ФСП — это многочисленные финансовые и политические скандалы, по своим масштабам не имевшие аналога за весь послевоенный период.

Большую «услугу» в углублении кризиса французского социализма оказал Советский Союз. Его распад нанес удар не только по коммунистам, видевшим в советско-коммунистической модели образец для подражания, но и по социалистам, так как была в значительной степени дискредитирована сама идея социализма. В 1992 г. французские средства массовой информации обошла кем-то брошенная фраза: «Маркс умер, Ленин умер, коммунизм умер, да и французский социализм чувствует себя неважно».

В результате в состоянии затяжного кризиса оказался не только французский социализм, но и вся европейская социал-демократия, хотя она уже давно и приемлет рыночную экономику, и считает необходимым сокращение роли государства, и придает огромное значение плюрализму, правам и свободам. И дело здесь не только и не столько в крахе «первого в мире социалистического государства», а в общем экономическом спаде, в том, что социал-демократические методы управления в большей мере соответствовали историческому периоду подъема, процветания, роста покупательной способности.

В числе причин падения популярности социалистов вообще и Миттерана в частности нельзя не учесть фактор «изнашивания властью»: народ, как правило, «устает» видеть у власти на протяжении длительного времени одну и ту же партию, одних и тех же деятелей.

Все это вместе взятое и предопределило сокрушительное поражение социалистов на парламентских выборах 21—28 марта 1993 г. В самом деле, социалисты, собравшие на парламент-

ских выборах в июне 1988 г. 37.6 процента голосов, в марте 1993 г. получили всего 17.5 процента. В результате вместо 276 мандатов социалисты (с учетом примкнувших к ним левых группировок) сохранили за собой в Национальном собрании всего 70 мест. К ним следует добавить коммунистов, которые, получив около 9.3 процента (против 11.3 в июне 1988 г.), имели в новом парламенте 23 мандата (в прежнем у них было 27 мест). Зато представительство правых партий (Объединение в поддержку республики, руководимое Жаком Шираком, и Союз за французскую демократию, лидером которого является Валери Жискар д'Эстэн) выросло с 271 до 464 мандатов. В результате во Франции сложилось необычное положение: пришедшее к власти объединение праволиберальных сил не получило в парламенте сколько-нибудь значительной оппозиции в качестве привычного противовеса. Главный противник — ФСП — оказался «вне игры», проиграв на выборах почти все Национальное собрание.

После марта 1993 г. наступил заключительный и, может быть, самый трудный период в долгой политической карьере Миттерана — период так называемого «второго сосуществования» президента-социалиста с консервативным парламентом и правым правительством, возглавляемым Эдуардом Балладюром.* Правда, с самим Балладюром у Миттерана установились достаточно лояльные деловые отношения. Возможно, это объяснялось не только умеренностью и спокойным характером французского премьер-министра, но также и тем, что он человек во многих отношениях элитарный, тонкий и блестяще образованный, прекрасный знаток истории и литературы. Поэтому, несмотря на принадлежность к разным политическим лагерям, Балладюра несомненно многое объединяло с Миттераном. Это широкая образованность, тонкость вкуса, выдержанность, любовь к истории и литературе, отличное владение пером.

Внешне «второе сосуществование» казалось более легким, чем первое: ведь тогда президенту пришлось иметь дело с честолюбивым, резким и нетерпимым Ж. Шираком, потребовавшим после мартовских выборов 1993 г. немедленного ухода Миттерана в отставку и досрочных президентских выборов, на которых он рассчитывал одержать легкую победу. Од-

* Период «первого сосуществования» Миттерана с правым парламентским большинством и правительством продолжался от парламентских выборов в марте 1986 г., на которых социалисты потерпели поражение, до внеочередных парламентских выборов в июне 1988 г., которые позволили социалистам частично восстановить свои прежние позиции.

нако против этого выступили даже партнеры Ширака по коалиции правых сил, в том числе В. Жискар д'Эстэн, не потерявший тогда еще надежды снова занять высший государственный пост и рассчитывавший, что к маю 1995 г. для него, может быть, сложится более благоприятная ситуация, чем весной 1993 г.

Многие журналисты тогда предсказывали, что президент Миттеран не упустит случая, чтобы не воспользоваться соперничеством в правом лагере. Однако, будучи испытанным и многоопытным мастером политических баталий, Миттеран явно хотел достойно завершить свой второй президентский срок, уйти, не проиграв, как де Голль в 1969 г., и не тратить оставшиеся ему два года на мелкие стычки с правительством и парламентом по поводу текущих мелких дел. «Я хочу уйти красиво», — повторял президент в узком кругу своих близких.

Может быть, он понимал, что уже слишком стар для сложной и напряженной политической борьбы. К этому добавились и проблемы со здоровьем. Еще в сентябре 1992 г. после операции выяснилось, что у президента рак предстательной железы — заболевание, весьма распространенное у мужчин, которым за семьдесят. Повторная операция была проведена в июле 1994 г. в одной из парижских больниц, где, как подчеркивал обслуживающий персонал, Миттеран получал то же питание, что и остальные пациенты. Согласно заключению врачей, болезнь поддавалась лечению, не угрожала непосредственно жизни президента и, разумеется, не оказывала влияния на его интеллектуальные способности. Тем не менее болезнь, видимо, подтачивала силы Миттерана, которому 26 октября 1994 г. исполнилось уже 78 лет. А его набиравшие силу и уверенность противники, равно как и его друзья, ряды которых заметно поредели, внимательно следили за каждым шагом президента, за каждым его движением, пытаясь уловить в них любое проявление слабости, немощи.

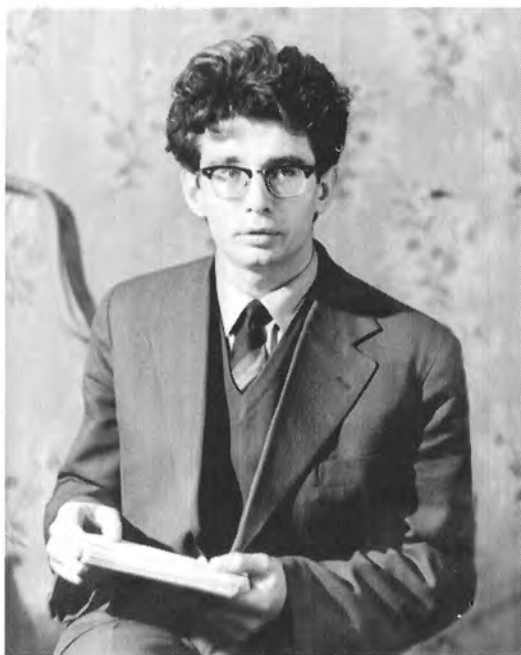
«Спасайся, кто может!» — так характеризовали обстановку в окружении Миттерана некоторые французские обозреватели в последний год его президентства. Ведь при миттерановском «дворе» уже нельзя было сделать карьеры. Когда-то его власть притягивала способных выпускников экономических и политологических факультетов. Но уже с середины второго срока начался их исход. Так постепенно вокруг президента образовалось пустое пространство. Покинул аппарат Елисейского дворца Жак Аттали. Умер ближайший друг, финансист Патрис Пела, которого и после смерти продолжали обвинять в сомнительных финансовых операциях. Ушла, крайне неудачно показав себя на посту премьера, Эдит Крессон. Застрелился сме-

Юра в полтора года
с мамой
Еленой Федоровной.

Юре 4 года.

В школьные годы (9-й класс).

Студент истфака ЛГУ.

С женой Ладой и сыном Алешей.

Юрий Васильевич – преподаватель ЛГПИ
им. А. И. Герцена (60-е годы).

На ученом совете: проф. Ю. В. Егоров и проф. Д. П. Прицкер.

Выступление на симпозиуме
(Киев, 1986 г.).

В рабочем кабинете
(лето 1990 г.).

Дома (осень 1992 г.).

С внуком Сашенькой (1 января 1999 г.).

В гостях у сына (апрель 1999 г.).

нивший ее на посту главы правительства Пьер Береговуа. Скандал, связанный с использованием в больницах зараженной СПИДом крови, подорвал шансы другого бывшего премьера — Лорана Фабиуса, в котором одно время Миттеран видел своего преемника. И это только самые известные фамилии.

Весной 1994 г. Миттерану выпало еще одно испытание. Прямо в собственном служебном кабинете в Елисейском дворце застрелился один из его ближайших и осведомленных советников — Франсуа де Гроссувр, курировавший одно время французские спецслужбы. Пресса назвала это самоубийство загадочным, секрет которого унес с собой сам де Гроссувр. Тем не менее газеты с редким единодушием писали, что и место самоубийства, и личность покойного, и его многолетняя связь с Миттераном не могли не придать такому акту общественную значимость.

Все эти обстоятельства, разумеется, сразу же стали использовать многочисленные недруги Миттерана, спешно сводившие с ним счеты, а друзья уже не столь горячо и беззаветно поддерживали уходящего патриарха. Так, президента больно задела вышедшая летом 1994 г. книга французского журналиста и издателя Жана Монтальдо «Миттеран и сорок разбойников», в которой изобличалась коррупция в рядах социалистической партии. Эта книга в течение нескольких недель была бестселлером на французском книжном рынке. Утверждая, что никогда еще Пятая республика не знала такого разложения, как в годы президентства Миттерана, Монтальдо стремился внушить читателям, что глава государства терпел, а порой даже покрывал нечестных на руку людей из своего окружения.

Правда, ожидаемого эффекта Монтальдо не добился. И дело здесь не столько в том, что никаких фактов о причастности президента к коррупции в книге приведено не было. Главная причина, по-видимому, заключалась в переключении внимания средств массовой информации на убийство депутата Национального собрания Йанн Пиа, которое по общественному резонансу можно было бы сравнить тогда с убийством в Москве журналиста Дмитрия Холодова. Расследование убийства Пиа обнаружило связи с мафией ряда депутатов правой ориентации, выявило тайные фирмы, субсидировавшие консервативные партии. В итоге меч правосудия завис над рядом бывших и действующих министров правительства Эдуарда Балладюра.

До осени 1994 г. личная жизнь Миттерана никогда не служила предметом обсуждения. Следует отметить, что во Франции пресса, радио и телевидение вообще принципиально не лезут в личную жизнь сколько-нибудь значимых общественных лиц. Не принято даже, если государственный деятель сам того

не разрешит, называть имя его жены, родственников, обсуждать, есть ли у него любовница, внебрачные дети и т. д. Во Франции пока нет так называемой скандальной прессы в отличие от Германии, Англии или Соединенных Штатов. Правда, это дает право американцам или англичанам называть французский взгляд на подобные вещи лицемерием. Тем не менее во Франции романтические истории таковыми и остаются и не служат орудием политического шантажа. Прежде всего потому, что всем по большому счету они безразличны, а если и вызывают какие-либо чувства, то скорее симпатию. Неудивительно поэтому, что вышедшая в конце октября 1994 г. книга французского публициста Филиппа Александра «Безнадежная речь в защиту старого президента, брошенного своими друзьями» сразу же стала из ряда вон выходящим событием. Дело в том, что в этой книге рассказывалось о второй неофициальной семье президента Миттерана, появившейся у него в начале 70-х гг. В этом «морганатическом» браке у президента в 1974 г. родилась дочь Мазарин, к которой он был чрезвычайно привязан. Более того, в день выхода книги журнал «Пари-Матч» напечатал несколько фотографий Мазарин, на которых она была запечатлена вместе с отцом-президентом в момент выхода из ресторана на площади Инвалидов.

Конечно, о существовании второй семьи уже давно знали не только приближенные Миттерана, но также многие журналисты и политики. Однако, как и принято во Франции, о сердечных делах сильных мира сего не полагалось говорить открыто. Причастность к тайне была дороже публичного обсуждения. И вот впервые во Франции частная жизнь политика и тем более главы государства была вынесена на всеобщее обозрение.

Филипп Александр решил, по его словам, опубликовать свое исследование потому, что сам президент в последнее время перестал держать в секрете существование внебрачного ребенка, который незадолго до этого поступил в престижную Высшую нормальную школу. Миттеран брал с собой Мазарин (кстати, очень похожую на отца) в поездку в ЮАР. Осенью 1994 г. она присутствовала на обеде в Елисейском дворце в честь японской императорской четы. Отца и дочь видели несколько раз вместе в ресторанах. Мазарин разделяла страсть отца к истории и литературе. К тому же, по слухам, Миттеран не был столь близок со своими двумя сыновьями, которые никогда не питали вкуса к интеллектуальной жизни.

По словам Филиппа Александра, президент испытывал сильные угрызения совести в связи с тем, что его красивой и умной дочери фактически приходилось скрываться. Миттеран, который, как пишет автор, имел репутацию «покорителя жен-

ских сердец», сохранил в отношении «морганатической» семьи поразительную верность. Со своей стороны дочь была ему исключительно предана.

И вот, перед окончательным уходом с политической арены, где на первых ролях он провел в общей сложности более полувека, Миттеран решил привести в порядок все свои дела, в том числе и сугубо личные. Именно поэтому президент не возражал и не препятствовал публикациям книги и фотографий. Этот поступок Миттерана естественен и вызвал только уважение: при своей жизни он признал дочь, чтобы не осложнять ей жизнь потом, после его смерти. Сделано это было довольно искусно и как бы помимо его воли.

Франсуа Миттеран сам выбрал дату своей кончины; 6 января 1996 г. он спросил своего лечащего врача, что с ним случится, если он прекратит принимать все лекарства, кроме обезболивающих. В таком случае, ответил врач, вы проживете от одного до трех дней.

«Пусть будет так!» — сказал Миттеран. После этого бывший президент позвонил нескольким своим друзьям, которым сообщил о принятом решении. Затем он написал на трех листках свое завещание, касающееся, в частности, всех деталей похорон. Потом завершил работу над мемуарами, поставив последнюю точку. Попросил опустить шторы в своей комнате, напоминаясь монашескую келью, и сказал близким: «Ну вот я и готов!»

На следующий день, 8 января, он проснулся в 7 часов утра, сказал, что плохо спал, и заснул снова — навеки.

Друзья и близкие увидели в этом жесте Миттерана желание до самого конца быть хозяином своей судьбы.

На состоявшейся 11 января 1996 г. в соборе Парижской Богоматери траурной мессе в связи с кончиной «последнего гиганта XX века» присутствовали не только президент Ширак, члены правительства, сенаторы и депутаты, но также десятки глав государств и правительств со всех концов мира (Россия была представлена президентом Б. Ельциным). Современники увидели в смерти Ф. Миттерана один из символов окончания века — он был последним из больших политиков, которые знали вторую мировую войну не понаслышке, а активно в ней участвовали. Именно это поколение, которое почти полвека руководило миром, вместе с Миттераном окончательно сошло с политической арены.

Одновременно с торжественным богослужением в столице на юго-западе Франции — в маленьком городке Жарнаке, где около 80 лет назад Миттеран родился, — состоялось его погребение. На скромной церемонии присутствовали, согласно воле покойного, только самые близкие, родные и друзья —

жена, два сына, внуки, внебрачная дочь Миттерана Мазарин и ее мать (именно с ними двумя он праздновал в Египте Рождество 24 декабря 1995 г., преодолевая свою болезнь). Таким образом, впервые в Жарнаке все те, кто был ему дорог, объединились у гроба: и официальная, и неофициальная семья. Многие газеты отметили благородство жены Миттерана, позволившей состояться этой встрече. За последнее столетие подобная картина наблюдалась только на похоронах Виктора Гюго и Эмиля Золя.

Еще при жизни Миттерана один из его биографов сказал о нем так: «Он не указывает дорогу, он идет по ней». Действительно, Миттеран никогда не вещал и не пророчествовал, когда подходил к микрофону или когда выступал перед журналистами на своих чрезвычайно редких пресс-конференциях. В отличие от многих политических деятелей, он свое слово ценил и произносил его только тогда, когда это с его точки зрения было крайне необходимо. Он был, подобно де Голлю, убежден, что частые выступления ведут к инфляции авторитета и к потере интереса публики.

...Я — это больше не я,
Каждая часть меня,
Тысяча моих я —
Это то, что есть ты...

Мало кто знает, что Миттеран писал стихи. Это несколько строк из его стихотворенья «Гранат». Кстати, именно о поэзии Франсуа Миттеран имел долгую беседу с прооперировавшим его в июле 1994 г. хирургом Адольфом Стегом. После чего именитый профессор признался, что рядом с президентом ощущал себя человеком невежественным.

Многолетняя симпатия связывала Миттерана с Франсуазой Саган. По рассказам знаменитой писательницы, он часто бывал у нее в гостях. Они обычно беседовали только о литературе и никогда — о политике. Саган угощала его каким-нибудь нехитрым домашним блюдом, какое глава государства никогда не попробовал бы на официальных обедах или приемах, типа приготовленного в горшке жаркого с овощами.

Быть может, карьера Миттерана — это не первый в истории случай, когда одаренный человек ради политики зарывает свой литературный талант в землю? Или этот талант может жить и развиваться независимо от того, кем человек стал по профессии, по роду занятий? В конце концов разве не прав Виктор Гюго (его портрет — вместе с фотографиями Жореса и Клемансо — всегда украшал кабинет Миттерана в Елисейском дворце), который сказал, что поэт — это закрытый мир внутри

человека. А ведь поэзия — это прежде всего человечность. Не случайно те, кто знал Миттерана близко, всегда говорили, что первая отличительная его черта — это доброта. Миттеран, как рассказывали, особенно хорошо себя чувствовал в интимной обстановке, среди друзей и близких: тогда он буквально очаровывал собеседников.

Один из самых популярных во Франции журналистов Бернар Пиво в беседе с Миттераном как-то спросил его, не жалеет ли он, что предпочел участь политика и государственного деятеля судьбе писателя. Ведь писатель, заметил Пиво, имеет шанс остаться жить в будущем, даже когда все его современники умрут.

«Политический деятель тоже», — ответил Миттеран.

«Вы и впрямь так думаете?» — удивился Пиво.

«Да, ведь управлять — это тоже возможность писать собственную историю».

Ф.-О. Жисбер, из книги которого взят этот диалог, сказал о Миттеране: «Он ее и пишет. Он заставляет ее писать. Он не даст никому себя забыть».

Л и т е р а т у р а:

Бунин И. М. Социалисты и общественно-политическая борьба во Франции в 80-е годы. М., 1989.

Егоров Ю. В. Франция в конце 80-х годов. Л., 1989.

Кругликова Т. В. Национализация и политическая борьба во Франции : Опыт правительства левых сил. М., 1988.

Шилов В. Внешняя политика и партии во Франции. М., 1994.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ Ю. В. ЕГОРОВА

(сост. А. М. Захаров)

1958

Кризис французской системы союзов в Дунайском бассейне в 1931 году: Из истории Малой Антанты // Учен. зап. ЛГПИ. Т. 194. С. 193—228.

1960

Кризис и распад французской системы союзов в Дунайском бассейне (1931—1935): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.: ЛГПИ. 20 с.

1962

Франция и Алжир. Л. 23 с.

1966

Эволюция внешнеполитической программы французского фашизма в 1933—1939 гг. // XIX Герценовские чтения. Социально-экономические и исторические науки : Тезисы докладов. Л. С. 182—184.

1967

Борьба Французской компартии за единый рабочий фронт (февраль—июнь 1934 г.) // Научно-теоретическая конференция, посвященная 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Л.: ЛГПИ. С. 47—49.

Внешняя политика современной Франции. Л. 23 с.

Французская коммунистическая партия накануне февральских событий 1934 г. // XX Герценовские чтения : Межвуз. конф. Ист. науки. Л.: ЛГПИ. С. 65—67.

1968

Социалистическая партия Франции накануне февральских событий 1934 г. // XXI Герценовские чтения : Межвуз. конф. Ист. науки. Л. С. 81—84.

1969

Внутренняя политика современной Франции. Л. 23 с.

Из истории Народного фронта во Франции (1934—1935 гг.) // XXI Герценовские чтения: Межвуз. конф. Ист. науки. Л. С. 87—89.

К вопросу о целях фашистского мятежа 6 февраля 1934 г. во Франции : Критический анализ некоторых концепций буржуазной историографии // Учен. зап. ЛГПИ. Т. 307. С. 33—49.

Переговоры в отеле Матиньон (7—8 июня 1936 г.) // XXII Герценовские чтения. (Межвуз. конф.). Ист. науки. Л. С. 110—112.

Принятие Программы и Устава Народного фронта во Франции // XXII Герценовские чтения. (Межвуз. конф.). Ист. науки. Л. С. 113—115.

Фашистские организации во Франции накануне февральских событий 1934 г. // Учен. зап. ЛГПИ. Т. 307. С. 50—68.

Французские коммунисты и социалисты во время февральских событий 1934 г. // Проблемы истории рабочего движения и международных отношений. Л. С. 81—115.

1970

Забастовка 30 ноября 1938 г. и конец Народного фронта во Франции // XXIII Герценовские чтения. (Межвуз. конф.). Ист. науки. Л. Вып. 2. С. 60—62.

Коминтерн и Народный фронт во Франции: Критика некоторых концепций буржуазной историографии // XXIII Герценовские чтения. (Межвуз. конф.). Ист. науки. Л. Вып. 2. С. 56—60.

Рабочее движение во Франции в 1968 г. // Борьба классов и современный мир. М. С. 68—95.

1971

Англо-американская буржуазная историография Народного фронта во Франции // Вопросы истории. № 12. С. 159—164.

К вопросу об участии французских коммунистов в правительстве Народного фронта (1936—1937 гг.) // XXIV Герценовские чтения. Ист. науки. Л. С. 82—84.

Наследники парижских коммунаров. Л. 38 с.

Переговоры ФКП и СФИО о создании единой рабочей партии в 1935—1937 гг. // XXIV Герценовские чтения. Ист. науки. Л. С. 79—82.

Фашистский мятеж в Испании и выдвижение ФКП лозунга «Французского фронта» // XXIV Герценовские чтения. Ист. науки. Л. С. 85—87.

1972

Дело Ставиского и фашистский мятеж 6 февраля 1934 г. во Франции // Вопросы истории. № 4. С. 126—133.

Закон о 40-часовой рабочей неделе и крах «экономического эксперимента» Леона Блюма // XXV Герценовские чтения. Ист. науки. Л. С. 87—89.

Контрольные работы по новой и новейшей истории. Л. (В соавторстве с М. А. Коганом и Т. П. Смирновой).

Народный фронт во Франции : Внутриполитическая борьба во Франции в 1934—1938 гг.: Курс лекций. Л. 290 с.

Радикалы и январский правительственный кризис 1938 г. во Франции // XXV Герценовские чтения. Ист. науки. Л. С. 89—92.

1973

Майско-июньская забастовка 1936 года во Франции и тактика ФКП // Французский ежегодник. 1971. М. С. 250—268.

Марксистская историография Народного фронта во Франции // Историография рабочего движения и социалистических революций зарубежных стран. Л. С. 72—108.

Народный фронт во Франции (1934—1938 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л.: ЛГПИ. 37 с.

Некоторые проблемы истории Народного фронта во французской некоммунистической литературе // Историография рабочего движения и социалистических революций зарубежных стран. Л. С. 135—155.

[Рецензия] // Новая и новейшая история. №2. С. 201—202. Рец. на кн.: *Moch J. Le front populaire, grande esperance. Paris, 1971. 408 p.*

1975

Дело Салангро // Вопросы истории. № 10. С. 213—218.

К вопросу о причинах распада Народного фронта во Франции // XXVII Герценовские чтения. Ист. науки. Л. С. 85—89.

Переговоры о вступлении Англии в «Общий рынок» («Пакт Нассау» и обострение англо-французских противоречий в 1962—1963 гг.) // Актуальные вопросы истории США и Англии в новое и новейшее время: Сб. науч. тр. Л. С. 54—71.

[Рецензия] // Новая и новейшая история. № 5. С. 190—192. Рец. на кн.: *Смирнов В. П. Движение Сопротивления во Франции в годы второй мировой войны. М. 1974.*

1976

Историческое значение Народного фронта во Франции // Международное коммунистическое и рабочее движение. Л. С. 129—137.

Народный фронт во Франции: значение и уроки. (Некоторые проблемы историографии) // Критика новейшей буржуазной историографии. Л. С. 234—253.

1977

Борьба французского Народного фронта против реакционной внутренней и внешней политики правительства Лаваля (июль 1935—январь 1936 г.) // Проблемы истории классовой борьбы в странах Западной Европы и Америки и международных отношений в XIX—XX вв. Л. Вып. 1. С. 54—71.

Кризис мирового капитализма: (По материалам XXV съезда КПСС). Л. 30 с.

Основные источники истории Народного фронта во Франции // Зарубежная историография проблем классовой борьбы и международных отношений (XIX—XX вв.). Л. С. 47—59.

1978

Советская историография Народного фронта во Франции // Французский ежегодник. 1976. М. С. 70 — 86.

1979

Накануне победы Народного фронта во Франции: (Внутриполитическая борьба во Франции в январе—апреле 1936 г.) // Общественные движения и классовая борьба в странах Западной Европы и Америки в XIX—XX вв. Л. С. 98—109.

Разрядка напряженности и профсоюзы. Л. 18 с.

1981

Разрядка и идеологическая борьба. Л. С. 3—33. (В соавторстве с *А. И. Новиковым*). (Б-чка политинформатора «Вопрос—ответ»).

1982

Некоторые проблемы участия коммунистов в правительстве Франции // Проблема государства в революционной стратегии коммунистов. М. Ч. 2. С. 214—218.

1983

Ленинизм и борьба с «левым» экстремизмом в рабочем движении. Л. 32 с.

1984

Некоторые вопросы идейной борьбы в современной французской историографии Народного фронта // Рабочий класс в прошлом и настоящем : Проблемы истории и историографии. М. С. 188—201.

Портрет политического деятеля // Нева. № 7. С. 173—174. Рец. на кн.: Прицкер Д. П. Жорж Клемансо: Политическая биография. М. 1983.

ФКП и некоторые проблемы антивоенного движения во Франции // Международные отношения и мировой революционный процесс. М. С. 150—155.

1985

Борьба за единство международного профсоюзного движения на современном этапе. Л. 17 с.

Изменения в структуре французского рабочего класса и политика ФКП // Теория и практика революционного процесса. М. Вып. 11. С. 191—196.

Международное рабочее и коммунистическое движение : Программа курса. Л.

Новое в опыте участия французских коммунистов в правительстве // Теория и практика революционного процесса. М. Вып. 10. С. 82—92.

Практические занятия по новейшей истории зарубежных стран Европы и Америки (1917—1939 гг.). Л. 33 с.

Современная Франция и освободившиеся страны. Л. 21 с.

1986

Внутренняя политика Франции в первой половине 80-х годов : левые у власти (1981—1986) : Учебное пособие к спецкурсу. Л. 85 с.

Ленинград—Гавр : Мосты дружбы // Ленинградская панорама. № 9. С. 13—14.

1987

Критика современной буржуазной историографии происхождения Народного фронта во Франции // Критика концепций современной буржуазной историографии. Л. С. 148—155.

Народный фронт во Франции : Некоторые проблемы истории и историографии // Французский ежегодник. 1985. М. С. 281—303.

О некоторых объективных и субъективных причинах неудачи «левого эксперимента» во Франции // Теория и практика революционного процесса. М. Вып. 12. С. 123—128.

Сыны трудовой Франции // Рабочий класс и современный мир. № 3. С. 186—188.

1988

Заполняя «белые пятна» истории. Л. С. 79. (В соавторстве с В. П. Островским). (Б-чка политинформатора «Вопрос—ответ»).

История как выбор пути // Рабочий класс и современный мир. № 2. С. 170—174. Рец. на кн.: Волобуев П. В. Выбор путей общественного развития. М., 1987. (В соавторстве с Р. Ш. Ганелиным и А. Н. Цамутали).

Коммунистические партии в условиях взаимозависимого мира : необходимость перестройки // Теория и практика революционного процесса. М. Вып. 14. С. 102—107.

Расстановка политических сил во Франции и перспективы союза между социалистами и центристами // V совещание специалистов-франковедов. М. С. 36—40.

1989

Биография «железного канцлера» // Звезда. № 3. С. 203—204. Рец. на кн.: Чубинский В. Бисмарк: Политическая биография. М., 1988.

Демократическая альтернатива и реалии современности // Теория и практика революционного процесса. М. Вып. 15. С. 28—32.

Коминтерн и «мировая революция» // Обществ. науки. № 5. С. 102—109. Рец. на кн.: Седых В. Коммунары XX века. М., 1986.

Некоторые проблемы истории Коммунистического Интернационала // Всеобщая история : дискуссии, новые подходы. М. Вып. 2. С. 47—59.

Франция в конце 80-х годов. Л. 36 с.

1990

Коммунистический Интернационал и «мировая революция» // Страницы истории : Дайджест прессы за июль—декабрь 1989 г. Л. С. 103—112.

1994

История Отечества : Программа базового курса // История Отечества : Программа. СПб. С. 4—25.

История Югославии (1940—1990-е гг.) : Программа спецкурса // История Отечества : Программа. СПб. С. 108—111.

Россия в контексте мировой политики (1985—1993 гг.) // Вехи российской истории. СПб. С. 186—221.

Россия и мир (1953—1993 гг.). Программа спецкурса // История Отечества : Программа. СПб. С. 83—89.

1995

Вторая мировая война и особенности образования «второй Югославии» // История второй мировой войны : Проблемы преподавания в высшей школе : Тезисы докладов Международной научно-методической конференции. СПб. С. 23—25.

Кризис и распад Югославской федерации : значение и уроки // Актуальные проблемы археографии, источниковедения и истории : Материалы Все-

российской конференции, посвященной 50-летию Победы. Вологда. С. 51—59.

Новый строй : продолжение темы. (Восемь голосов из Петербурга) // Megapolis. 1995. № 3. С. 14—16.

1997

История. Мир в новое время (1870—1918) : Учебник для 10-го класса средней школы. СПб. 540 с. Соавтор и соредактор.

Рабочее самоуправление : мифы и реальность // Тезисы докладов научно-методической конференции «Интеграция гуманитарных наук и образования как фактор социального реформирования». СПб. С. 56 — 59.

Россия в контексте мировой политики (1985—1996 гг.) // Вехи российской истории. 2-е изд., доп. и перераб. СПб. С. 262—314.

«Самоуправленческий социализм» в Югославии : мифы и реальность // Северо-Западная Академия государственной службы. Юбилейная научно-практическая конференция : Сб. материалов. СПб. С. 74—75.

1998

Государственное управление и государственная служба за рубежом : Курс лекций. Гл. 5. Италия. СПб. С. 141—165.

История. Мир в новое время (1870—1918) : Учебник для 10-го класса средней школы. 2-е изд., испр. и доп. СПб. 460 с. Соавтор и соредактор.

История Отечества : Программа базового курса. Доп. и перераб. // История Отечества. СПб. С. 5—24.

Кризис и распад Югославской Федерации : Программа спецкурса. Доп. и перераб. // История Отечества. СПб. С. 66—70.

«Судебная революция» в Италии и крах Первой Республики // Герценовские чтения. 1997. СПб. С. 69—72.

Ультраправая оппозиция и власть во Франции (80—90-е гг. XX в.) // Оппозиция и власть : Межвуз. сб. науч. тр. СПб. С. 97—99.

Франция после парламентских выборов 1997 г. : Правый президент и левое правительство // Герценовские чтения. 1998. СПб. С. 93—95.

1999

Кому ты опасен, историк? // Преподавание истории в современной России: тенденции и перспективы. Тель-Авив. С. 22—28.

Либеральные реформаторы в постсоветской России // Либеральная оппозиция и власть : история и современность : Межвуз. сб. науч. тр. СПб. С. 171—179.

Некоторые аспекты проблемы Косово // Герценовские чтения. 1999. СПб. С. 137—141.

Постсоветская Россия в поисках своего места в мире // Вторые Петербургские Кареевские чтения по новистике, 22—25 апреля 1997 г. Империи нового времени: типология и эволюция (XV—XX вв.). СПб. С. 408—412.

2001

Генерал де Голь // XX век. Люди и судьбы: Книга для чтения по философии, истории, литературе и искусству. 10—11 классы. СПб. С. 462—488.

Франсуа Миттеран // XX век. Люди и судьбы: Книга для чтения по философии, истории, литературе и искусству. 10—11 классы. СПб. С. 489—508.

Я. Ю. БАГРОВ

ОН НИКОГДА НЕ ГОВОРИЛ О СЕБЕ

Что меня больше всего поражало в Юре, вернее, поражает сейчас? Он ведь был очень гармоничным человеком, и при жизни ничто не выпирало, не нарушало этой гармонии. А теперь я понимаю: удивительным свойством Юры было то, что он никогда не говорил о себе. Мы ведь все очень любим это занятие, жалуемся на неудачи, хвалимся успехами, а он — никогда. Почему? Он ведь совсем не был молчаливым и неразговорчивым человеком. Но о нем можно сказать то, что Хемингуэй словами одного из героев сказал о совсем немолчаливых ирландцах: «Душа у него была молчаливая». От душевного целомудрия, от гордости, может быть. Юрину доброту, свет, который он излучал, многие принимали за открытость. Он мог быть очень непосредственным, почти по-детски веселиться, страстно играть в прятки, в бадминтон. Он с детских лет собирал на свои «кормовые» деньги оперные пластинки. Все это было, он мог быть азартным, веселым, но в сущности был очень закрытым человеком. И еще он страшно не любил хоть в малой степени обременять собою других. Однажды я видел Юру в очень тяжелом состоянии, у него было сильное желудочное кровотечение. Все вокруг были в панике, а он виновато улыбался, ему как будто было совестно так серьезно занимать собой окружающих, хотя бы и очень близких людей.

Отношения Юры к Ладе — это совсем вещь особая. У меня просто нет в запасе слов, которыми я мог бы описать его трепетность. Я боюсь потревожить Юрину память какими-то общими словами. Он их не терпел, когда кто-то при нем начинал излагать очевидные, хотя и очень благородные мысли, он торопливо говорил: «Ну, это азбука», — и разговора такого не продолжал. И еще об его свойствах, которые в сущности вытекают из всего сказанного, — он не терпел пафоса, позы, не стремился играть роль. И в то же время его роль была очень

велика, у него была опасная специальность — он занимался современной историей в Советском Союзе, он нередко читал лекции людям, отнюдь не разделявшим его взгляды. При этом он говорил им правду, может быть, не абсолютно всю, но только ее, приучая людей слышать и усваивать эту правду. Нет такого инструмента, который мог бы измерить и оценить вклад Юры в то, что у нас называется перестройкой, или точнее — в обретение Свободы не привыкшими к ней людьми. Но я уверен, что вклад этот огромен. О многих ли это можно сказать?

А. Х. ГОРФУНКЕЛЬ

ПАМЯТИ ДРУГА

Писать воспоминания о Юре — о профессоре Юрии Васильевиче Егорове — мне трудно. Его книги и статьи я читал с интересом, понимал их научный уровень, но судить о них профессионально не имею права, слишком далеко все это от моих собственных научных занятий.

Отношения были дружеские, кажется, с первых дней знакомства (познакомил нас его соученик, а мой, по архивной работе, сослуживец Сергей Семанов, позднее по понятным причинам напроочь исчезнувший из нашего круга общения).

Друзей он любил и всегда старался помочь, если кто в этом нуждался, не задумываясь над возможными дурными последствиями для него самого, а часто такая помощь не могла не сказаться неблагоприятно на его официальном положении. Помню его деятельное участие в подыскании подходящей работы для Валентина Алексеева — и в Высшей партийной школе, и в Педагогическом институте, где у Вали появились ученики, позднее — в Высшей профсоюзной школе культуры. Увидев первое телевизионное выступление В. И. Райцеса, наезжавшего в Питер из Новгорода, где он работал в Педагогическом институте, Юра сразу же обратился к ректору Института имени А. И. Герцена и добился, что В. И. был принят на кафедру учебного телевидения. Пытался он позднее привлечь Райцеса и к работе на кафедре всеобщей истории, но тут препятствия были неодолимы, и дальше каких-то занятий на условиях почасовой оплаты дело не пошло. Едва узнав о том, что меня (после увольнения от заведования кафедрой истории средних веков моего учителя Матвея Александровича Гуковского) отстранили от преподавания на историческом факультете университета (на протяжении 10 лет у

меня там ежегодно был спецкурс и спецсеминар по философии итальянского Возрождения), он пригласил меня читать спецкурсы для студентов Педагогического института и на курсах повышения квалификации. Впрочем, все это было возможно только в тот недолгий срок, когда сам Юра временно исполнял обязанности заведующего кафедрой всеобщей истории, а длилось это недолго — пребывание в номенклатурной должности было невозможно при таком открытом невнимании к намекам начальства о принципах партийной кадровой политики времен большого засто(ль)я (помнится, ставили ему в вину и то, что он не навещивался в коридоры Смольного не только для получения прямых указаний, но и для восприятия негласных и непроизносимых дуновений от высшего начальства). Об этом периоде его деятельности и скором отстранении от должности, находясь на которой он так очевидно не оправдывал оказанного ему (условного и временного) доверия, его коллеги ничего не написали в прочувствованном некрологе, а этот эпизод был весьма показателен, не говоря уж о том, что скорая и несправедливая расправа сказалась на его здоровье...

Я много слышал о том, что Юра был блестящим лектором, «лектором Божьей милостью», мог судить об этом по серьезности его подготовки к лекциям: над каждой из них, когда речь шла о многократно читанных курсах, он работал невероятно много, дома я иногда заставал его погруженным в занятия, видел и его рабочий аппарат, огромный архив с выписками, газетными и журнальными вырезками, рабочую библиотеку. Но сам я на его лекциях в институте, естественно, не бывал. Зато довелось мне услышать две его публичные лекции, и о них стоит вспомнить. Первую попросил его прочитать я сам — пригласил его в нашу университетскую библиотеку, там принято было устраивать для сотрудников подобного рода просветительские выступления ученых. Проходили такие лекции по утрам, до открытия библиотеки для читателей. Ю. В. известен был как лектор Обкома партии, поэтому начальство, не задумываясь, согласилось на такое приглашение. Впечатление он произвел сокрушительное, и на рядовых библиотекарей, и на руководство. Сперва удивляла простая и непосредственная манера: лектору было жарко в нашем помещении, и он, попросив дозволения у слушателей, снял свитер (положенной униформы на нем не было). Потом, с первых слов, захватил собравшихся. Все было живо, интересно и неожиданно. Речь шла, помнится, о политической ситуации в Европе, о проблемах коммунистического движения. Все шло вразрез с официальной пропагандой, говорилось такое, чего не слыхивали по телевизору, не читывали в газетах. Но лектор был «оттуда», значит — так надо

(или, вернее, *так можно*); слушатели потом долго и возбужденно обсуждали ни на что не похожую лекцию; что думало начальство — не знаю, надеюсь, доносы вверх не пошли... (Примерно такое же впечатление, при внешних отличиях в манере речи, произвело и выступление в библиотеке В. Алексеева о положении в странах Восточной Европы; во всяком случае, больше после этого начальство ко мне с просьбой пригласить лекторов не обращалось).

Вторая лекция запомнилась мне тоже своей необычностью: происходила она в Доме политпросвещения, куда собирали в огромный лекторий политинформаторов со всего города; меня послали из Публичной библиотеки, где я тогда работал, стало быть, это происходило зимой—весной 1985 г. Какова была официально объявленная тема лекции — не помню, что-то насчет международного положения. Запомнилось другое — гневный ропот аудитории, вызванный открыто неодобрительными суждениями лектора о Сталине (время было уже не ползучего, а почти торжествующего сталинизма: во время показа сфальсифицированного, со смытыми изображениями Берии на трибуне мавзолея, фильма о параде Победы 1945 г. при появлении Сталина раздались радостные аплодисменты). Посыпались агрессивно-враждебные вопросы, возмущенные записки. Юра вступил в резкое единоборство с аудиторией, компромиссных формулировок не выбирал, говорил то, в чем был твердо убежден. Знаю, что таковы были стиль и манера и других его публичных выступлений. Кажется, и эта лекция негативных последствий не имела: дело шло к Горбачевской перестройке.

Встречались мы достаточно часто, больше всего на домашних посиделках, по разным поводам, в связи с семейными торжествами, разными событиями вроде защит диссертаций, а чаще — без специальных причин, и в больших компаниях за столом, и просто на кухне, когда возникала потребность в более близком общении. Юра любил говорить, что именно наличие тесного дружеского круга делало сносной нашу тогдашнюю жизнь. Больше общались на даче, на 69-м километре, где жили по соседству. Вспоминать о тогдашних прогулках, чаепитиях и разговорах радостно и больно, и лучше помолчать, с благодарностью и грустью.

Живя в одном городе, мы, естественно, никогда не переписывались. Переписка началась после нашего отъезда за океан в декабре 1993 г. Но и тогда — нечасто. Юра оправдывался чрезмерной занятостью и усталостью — немногочисленные письма он писал поздно ночью, после затянувшейся подготовки к лекциям. А работал он эти годы очень много, как правило, в двух-трех местах.

Ссылаясь он и на отвычку от эпистолярного стиля в наш телефонный и подцензурный век. А в последние годы и этот ручеек иссяк. Новости узнавали от общих друзей, из кратких телефонных (телеграфного стиля) переговоров.

Перечитывая теперь эти немногочисленные послания, невольно обращаешь внимание на их печальный тон. И то сказать — немалое место в них занимают горестные сообщения об уходе ближайших друзей (самым сдержанным было сообщение о кончине Юриной матушки, Елены Федоровны). Так, находясь по разные стороны океана, оплакали мы смерть Вали Алексеева, Вадима Деглина, Воли Райцеса, Ефима Тепера, Стеллы Абрамович...

С Валея Алексеевым (мы жили неподалеку друг от друга, в 15—20 минутах ходьбы) мы виделись незадолго до нашего отъезда, он зашел к нам поговорить, как всегда, не о своих делах (он долго болел, последствия инсульта затягивались), а о политических новостях и перспективах. Я пошел его провожать, был снежный ноябрь, и мы пошли не напрямую через пустырь, а кружной дорогой, по более расчищенным асфальтовым пешеходным дорожкам. Он просил не спешить, я пытался поддерживать его, где-то ближе к его дому я сказал: «Ты просил идти помедленнее, а сам чуть не бежишь». Он ответил: «Я не бегу, я падаю». Пришлось держать его покрепче, так и добрали, но лифтом он, как всегда, воспользоваться не захотел, на седьмой этаж добирались пешком.

Первое сообщение о Валиной смерти я получил в письме моего ученика и пенял ближайшим друзьям, что узнал об этом не от них. Юра ответил (письмо от 11 мая 1994 г.): «Ни Волька, ни я просто не могли собраться с силами написать вам о смерти Вали. Она была совершенно неожиданной. Буквально накануне мы с Ладой с ним долго разговаривали. Дело в том, что Ира снова заболела... о смерти Вали ей сразу сказать оказалось совершенно невозможно. Не знаю, писал ли тебе кто-либо, что о смерти Вали мы узнали совершенно случайно, его дети почему-то никому не позвонили. Вечером 5 марта Шейнисы из Москвы позвонили Вале с тем, чтобы, следуя давней традиции, поздравить его с очередной годовщиной смерти Сталина. Можешь себе представить их ужас, когда они узнали, что через день Валины похороны. Они немедленно дозвонились до Радика Цимеринова, который утром 6 марта позвонил нам, а дальше — по цепочке. Собралось много народа, что, я думаю, стало хорошим уроком его детям, которые, слушая выступавших (Немилов вспомнил и тебя с Волей, горько пожалев, что он единственный из старых друзей провожает Валу), наверно поняли, что значил Валя для всех нас. На похоронах были уже сильно повзрос-

левшие бывшие Валины студенты из Герценовского института. Двоих из них я попросил разобрать Валин архив: это уже сделано, и его архив уже передан в Рукописный отдел Публичной библиотеки».

В позднейших письмах Юра откликнулся на мою просьбу разыскать у кого-нибудь из друзей рукопись книги В. Алексеева о восстании в Варшавском гетто 1943 г. У друзей книги, давно ходившей по рукам в «самиздате», не оказалось, но он сразу же обратился к вдове Вали И. В. Соколовой, которая и выслала мне один из имевшихся у нее экземпляров. «Было бы хорошо, — писал он о книге, — если бы удалось ее когда-нибудь опубликовать». К сожалению, мои попытки заинтересовать книгой одно Нью-Йоркское издательство успеха не имели; рукопись я позднее передал на хранение в Архив А. Д. Сахарова при Брандайском университете. Тогда же он написал мне по поводу моей заметки о Вале, опубликованной в русской газете «Бостонский курьер» (потом она была перепечатана в газете «Санкт-Петербургский университет»): «Твоя статья о Вале всем, о чем ты, наверное, уже знаешь, очень понравилась» — и одновременно сообщал о предпринятой В. Л. Шейнисом попытке издания главной Валиной работы — о Венгрии 1956 г.: «Кстати, Вите Шейнису, видимо, удастся издать Валину книгу о Венгерском восстании: как депутат Государственной думы он нашел какие-то деньги на издание. Он показывал нам с Ладой предисловие; оно получилось весьма приличное» (письмо от 25 декабря 1995 г.). О выходе в свет этой книги Юра сообщал мне в следующих письмах, подробно — в письме, полученном мною с оказией в ноябре 1996 г.: «Хотя из-за недостатка места пришлось убрать обширные сноски и громадный справочный аппарат, она, на мой взгляд, получилась весьма удачной, включая и предисловие В. Шейниса. Именно ему удалось найти спонсоров и возможности опубликовать этот главный труд Вали, который стал для него настоящим памятником. Не могу не отметить, что большую помощь в редактировании книги с учетом новых материалов, появившихся после Валиной смерти, оказал мой бывший студент, а ныне аспирант Саша Захаров: он как раз специализируется по странам Восточной и Юго-Восточной Европы». О своей причастности ко всем этим хлопотам и заботам Юра ничего не писал, но я знаю, как деятельно участвовал он в делах дорогих ему друзей при их жизни и после их смерти. Знаю и о его заслугах в том, что ныне наши близкие друзья историк-медиевист В. И. Райцес и на полгода его пережившая жена — пушкинист С. Л. Абрамович покоятся на новых «литературных мостках» — на кладбище в Комарово.

О политике, о положении дел в России он писал мало, справедливо полагая, что мы многое знаем, следя за новостями по русским и американским газетам и по многочисленным письмам друзей. Скорее, высказывал свое отношение к происходящему, кратко и определенно. «Как всегда, мы все много работаем, — писал он в первом полученном мною после отъезда письме от 4 марта 1994 г., — с нарастающей тревогой следим за развитием событий in our country. Впрочем, я абсолютно уверен, что худшего нам удастся избежать, и Ельцина сменит кто-нибудь вроде Черномырдина. Это, конечно, отразится на ходе реформ, но наша повседневная жизнь вряд ли изменится: возврата назад быть уже не может. Просто мы возвращаемся к привычному состоянию отечественной интеллигенции: не считаем власть своей, находимся к ней в оппозиции и делаем свое профессиональное дело».

«Общая ситуация в стране, — писал он 29 сентября 1995 г., — также не добавляет оптимизма. И здесь не могу не согласиться с М. Я. Гефтером, который незадолго до смерти написал: „Если бы довелось мне успеть сказать последнее слово, то (да простят мне близкие, мною любимые), этим словом было бы сейчас — омерзение“. Единственное утешение — это реакция значительной части общественного мнения на Чечню. Правда, я опасаясь, что когда война закончится неизбежным крахом, военная неудача приведет к взрыву оскорбленных национальных чувств, а это очень опасно». В следующем письме, от 20 декабря 1995 г., он писал: «Не дает расслабиться достаточно напряженная ситуация в стране: о результатах наших выборов вы, конечно, уже наслышаны. Мы и все наши друзья очень тяжело переживаем то обстоятельство, что партия Гайдара не смогла набрать необходимые 5 % голосов. Мы (и это не преувеличение!) воспринимаем его неудачу как личную трагедию». В письме, полученном мною в январе 1996 г., сообщалось: «Разумеется, все друзья и мы в высшей степени встревожены происходящим в нашей стране. События последних десяти лет мне все чаще представляются попыткой приставить к телу раба голову свободы. К огромному сожалению, эта голова оказывается явно еще нежизнеспособной. Поэтому и настроение у всех нас соответствующее». И в последнем из полученных мною писем, от 28 октября 1996 г., он писал: «Сначала мы очень радовались поражению Зюганова, да и сейчас, конечно, этому рады. Однако успокоения не наступило. Болезнь Ельцина, на котором все завязано, вновь создает обстановку безвластия и неуверенности. Я уж не говорю о Лебеде, который — несмотря на установление мира в Чечне — не внушает никакого доверия, а лишь одни опасения. Мы, как и прежде, остаемся убеж-

денными гайдаровцами, но нас и раньше было немного, а сейчас становится все меньше».

Не случайно раздел о политическом положении в России в одном из писем начинается и завершается словами о работе: «Как всегда, мы много работаем...» и «делаем свое профессиональное дело». Такова была общественная и нравственная позиция Юры на протяжении всей его жизни, при всех обстоятельствах. Помню, как в последние «застойные» годы он с сокрушением говорил, что чем дальше, тем больше убеждается: собственно работа — научный ее уровень, характер преподавания — с каждым годом играет все меньшую и меньшую роль. Не то что бы он был заинтересован в поддержке «сверху» или оглядывался на начальственное мнение — огорчало его характерное для общества «зрелого социализма» неуклонное падение общественного престижа добросовестного профессионального труда. Естественно, эта болезненная тема нашла отражение и в его последних письмах.

Работа на пределе была его постоянным состоянием, никакие внешние обстоятельства, будь то политика, будь то экономические реформы, ничего изменить не могли. Характерна проходная фраза уже в первом письме: «Как и раньше, мы много работаем». Свободное издание и появление на прилавках многих интересных и нужных книг заставляло вспомнить о предельной занятости: «Радует обилие интересных книг, которые теперь можно купить и прочитать; главная проблема — успеть (из-за работы мало времени)» (4 марта 1994 г.). «Что касается нас, то мы, как, впрочем, и все, погружены в повседневные работы {...}. Я — помимо института — читаю лекции в университете (для преподавателей на курсах повышения квалификации) и в ряде других мест. Написал главу в учебник — „Россия в контексте мирового развития (1885—1993 гг.)“. Сейчас работаю над Францией (начало 80-х—90-е гг.)» (11 мая 1994 г.). Университетом он продолжал называть нашу *Alma mater*, честолюбивые претензии начальников, поспешно переименовывавших институты в университеты и академии его не интересовали.

В следующем письме Юра сообщал о новых подготовленных к печати работах: «...в печать пошли два очерка о де Голле и Миттеране (по 1.5 п. л. каждый): они выйдут в книге, посвященной наиболее выдающимся деятелям XX века».

Не радовали, а добавляли новых забот и волнений произвольные и скоропалительные, насаждаемые в погоне за модой перемены в преподавании. «Не помню, писал ли в том письме, — сообщал он в январе 1996 г., — что много сил и нервов отнимает борьба за изменение учебных планов. Дело в том, что декан нашего факультета (философ по образова-

нию)... за последние четыре года потихоньку стала включать в преподавание курсы по социологии, политологии, истории философии etc. В результате профилирующие дисциплины оказались оттеснены на второй план. Я этого не замечал, поскольку работал на IV—V курсах, где доучивались студенты по старым учебным планам. Когда же в этом году я впервые столкнулся с жертвами нового учебного плана, уровень их знаний привел меня в полный ужас: они не знают ни истории, ни философии, ни политологии. Я, естественно, поднял шум, но вряд ли чего добьюсь, так как у большинства преподавателей, которые в поисках заработка работают на двух и трех работах... на борьбу, в которую я ввязался, нет ни сил, ни времени». Тут же Юра сообщил: «Чуть не забыл рассказать о еще одной аванюре, в которую я ввязался. Я согласился быть соредактором и соавтором учебника по новой истории для школ. Теперь понимаю, что поступил легкомысленно, так как школу я знаю плохо, школьные учебники всегда ругал за примитивизм, а теперь самому нужно писать, с одной стороны, достаточно серьезно, а с другой стороны, это не должно быть скучно».*

«У меня нагрузка (учебная), — писал он в последнем из полученных мною писем в конце октября 1996 г., — остается очень большой. К концу июня я настолько вымотался, что Лада вывезла меня на дачу и почти не выпускала в город. Правда, июль у нас стоял очень дождливый и холодный, что позволило мне немного поработать над главами к двум учебникам (один — вузовский, другой — для школы). Это было совсем неплохо, так как с сентября по июнь из-за обилия учебных и прочих занятий писать удастся лишь урывками. В августе было жарко, я много купался и, кажется, более или менее восстановил рабочую форму, столь мне необходимую с осени». Ничего нового в этих письмах для меня не было: так он работал всегда.

Жалоб от него я никогда не слышал, ни на перегрузку, ни на здоровье. Даже тяжелое заболевание, потребовавшее срочной операции, чуть не упустили из виду из-за его терпения и неумения вовремя пожаловаться и обратиться к врачам. Мне пришлось видеть его однажды в очень тяжелом состоянии, всех окружающих оно беспокоило, кажется, много больше, чем самого страждущего.

* Юдовская А. Ю., Егоров Ю. В., Баранов П. А., Ванюшкина Л. М. История. Мир в новое время. 1870—1918 гг.: Учебник для 10-го класса средней школы. СПб., 1997; 2-е изд. 1998. — Вышедший из под пера Ю. В. Егорова и его коллег объемистый школьный учебник стал, по признанию многих преподавателей, одним из лучших изданий подобного рода (*примеч. составителей*).

Помнится, произнося тост на одном из домашних торжеств (думаю, был это не юбилей, а обычный Юрин день рождения), я вспомнил где-то вычитанное или услышанное определение разных типов человеческой нравственности. Одни поступают достойно потому, что их так научили, другие — из-за давления окружающих, есть же люди, которые ведут себя именно так просто потому, что не могут иначе, такова их природа. Ни объяснять, ни доказывать ничего не приходилось, все было ясно. Он был именно из этой породы. И именно этого будет так трагически не хватать всем, кто его знал. И только благодарная память о нем будет помогать жить и выжить другим и останется с нами.

У меня на столе фотография Юры, подаренная мне друзьями в Петербурге осенью 2000 г. Говорят, последняя. Во всяком случае, сделанная во время последнего его публичного выступления. На вечере памяти жертв Холокоста.

В. С. ИЗМОЗИК

ДЕВЯТЬ ДНЕЙ И 43 ГОДА

Днем знакомства с Юрой, Юрием Васильевичем я считаю 18 июля 1956 г. В этот день из Ленинграда, со станции Московская-товарная отправлялся очередной эшелон студентов на уборку урожая целинных земель. Может быть, мы встречались и ранее, в период формирования нашего отряда, но это не отложилось в памяти. Теперь же в товарном вагоне началось наше общение.

Отряд состоял из студентов Ленинградского педагогического института имени М. Н. Покровского. Командиром был молодой преподаватель философии, кандидат философских наук Юрий Андреевич Красин, комиссаром — Володя Ли, начинающий историк-востоковед. К «руководящей верхушке» без четко определенных функций относились также научный сотрудник Артиллерийского музея Юра Нацваладзе и аспирант первого года обучения Юра Егоров.

Сами девять дней пути стали для многих из нас важным событием жизни, жизни не столько бытовой, сколько духовной. В замкнутом пространстве вагона, особенно товарного, знакомства завязывались быстро и столь же быстро возникали центры притяжения. Одним из них безусловно стал Юра.

Было лето 1956 г. Из лагерей возвращались реабилитированные. Родственники погибших получали справки об их невиновности. Незадолго до сессии нам прочли доклад Хрущева о культе личности Сталина, прозвучавший в феврале на закрытом заседании XX съезда КПСС. В студенческих умах возникали десятки и сотни вопросов, на которые мы пытались найти ответы. О многом мы просто не знали. Помню, как на одной из станций Юра купил газету (кажется, «Литературку»), где была напечатана заметка о Михаиле Кольцове. Увидев ее, Юра отреагировал весьма эмоционально. Спросил, знаю ли я, кто такой Михаил Кольцов. На мое краткое «нет» последовал подробный рассказ об этом человеке с выводом о его реабилитации.

Для меня, только что закончившего первый курс истфака, это общение было крайне важно. Хотя я давно интересовался историей и сдал обе сессии на «отлично», но знания мои, а главное, представления о реальной истории России были весьма поверхностны. Лекции и семинары не давали чего-то принципиально нового. Великолепно читал историю Древнего мира М. А. Коган, но это время меня не очень занимало, а неформальные беседы с Моисеем Александровичем будут проходить годы спустя. Другие преподаватели на первом курсе вообще не оставили глубокого следа в моем сознании.

И вот теперь новые знакомства и разговоры в неторопливо движущемся вне всякого расписания товарном вагоне. Безусловно, было интересно слушать Юрия Андреевича Красина. Но он все же был преподаватель, да и по характеру человек более закрытый. Другое дело — Юра. Он держался абсолютно просто, без присущего многим в этом возрасте (студентам, солдатам и т. п.) стремления подчеркивать свое старшинство. А его интеллектуальное превосходство было абсолютно естественным, без малейшего привкуса самовлюбленности и самомнения.

Дар будущего преподавателя проявлялся и в почти всегдашней готовности рассказывать. Это не значит, что шли высоконаучные беседы с претензией на что-то обязательно «умное». Нет, здесь на равных соседствовали анекдоты, на которые Юра был великий мастер; стихи (особенно стихи Н. Гумилева). У меня до сих пор сохранились исписанные карандашом целинные листочки с записями стихотворений («„Да, я знаю, я Вам не пара...”», «Далеко-далеко на озере Чад»); рассуждения о способах впасть в состояние нирваны с помощью алкоголя или курения натошак и, конечно, рассказы о персонажах российской и мировой истории.

На целине (это была Павлодарская область) мы разместились на полевом стане одной из бригад совхоза, в 18 км от

центра, в палатках. Там мы прожили без малого два месяца. Юра жил в так называемой «командирской» палатке, но, несмотря на плотный рабочий день (12 часов), время для разговоров, конечно, оставалось. Тут я впервые услышал Юру и как официального лектора.

Он читал лекцию, кажется, в центре совхоза, куда нас привезли на «культурное мероприятие» (кино или концерт). Было достаточно поздно, и Юрину фигуру, стоявшую на дощатом помосте, освещала яркая лампа, горевшая над сценой. В электрическом свете была отчетливо видна туча мошкар, носившаяся над его головой. Некоторые насекомые даже залетали ему в рот, но лектор продолжал мужественно и увлекательно рассказывать о международном положении, достаточно быстро перемещаясь по сцене от преследующей его мошкары.

Знакомство, начавшееся на целине, продолжилось в Ленинграде. Юра тогда на общественных началах возглавлял группу лекторов-международников при Обкоме ВЛКСМ. Туда он меня и пригласил. С его легкой руки уже осенью 1956 г. состоялся мой лекторский дебют. Несколько последующих лет мы регулярно встречались в лекторской группе и вне ее. Я с удовольствием бывал в его холостяцкой комнатке на Васильевском. Именно тогда я услышал рассказ о капустнике, сочиненном Юрой и его друзьями, в связи с событиями на Ближнем Востоке. Помню, что главным героем выступал Георгий Бен, и слова припева: «На Тель-Авив рванутся наши танки, и маршал Жуков в бой нас поведет».

Постепенно пути наши все более расходились. Юра в январе 1960 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию, начал работать в Публичной библиотеке, затем преподавать в пединституте им. А. И. Герцена. Я работал в Приозерске, служил в армии, преподавал во Всеволожском районе. Тем не менее дружеские отношения сохранялись. Он многократно пытался мне помочь перебраться на более интересную работу. Иногда после встреч на лекторских семинарах в обществе «Знание» (Литейный, 42) предлагал прогуляться, проводить его, ибо, как правило, он куда-то должен был поспеть. По дороге шли откровенные разговоры о положении в стране, о прочитанном в «самиздате» и т. п. У нас не было разногласий об отношении к власти, в оценках вторжения в Чехословакию и в Афганистан.

Конечно, Юра, как и многие из нас, мучился из-за неизбежного раздвоения: обязанностью говорить и писать на официальном «новоязе» и совершенно другими личными убеждениями. Мне кажется, что определенным спасением для него было преподавание. Хорошо знаю, что многие поколения сту-

дентов, слушателей на различных курсах и лекциях были просто влюблены в Юрия Васильевича и в значительной части великолепно понимали «эзопов язык», который постоянно присутствовал в его лекциях. Разрядку давали и анекдоты, о чем я уже упоминал.

Помню, как где-то в 70-е гг., когда с продовольственным снабжением становилось все хуже, особенно в глубинке, в печати развернулась кампания по формированию «разумных потребностей». Печатались статьи, призывавшие меньше есть мяса для укрепления здоровья. Однажды я оказался рядом с Юрой на одной из таких «научно-практических конференций». Послушав ряд скучных сообщений, мы вышли в коридор, и Юра тут же выдал по этому поводу свежий тогда анекдот: «По радио объявляют, что в СССР с завтрашнего дня — коммунизм. Будет действовать принцип „Каждому по потребностям“. На следующий день на мясном магазине висит объявление: „Магазин закрыт. Сегодня потребности в мясе не будет“».

На протяжении многих лет нечастые встречи с Юрой оставались для меня праздником души и ума. Ироничный, шутливый в застолье или в случайной компании, он всегда оставался умным проницательным собеседником, когда разговор начинался всерьез. Должен вспомнить еще одну, не слишком приятную для меня, историю. Это были годы широчайшего распространения анекдотов «про чукчу». Однажды при встрече я попытался рассказать Юре что-то из этой серии и получил довольно неожиданно дружественную, но жесткую отповедь. Юра напомнил мне, что неприлично потешаться в анекдотах над человеком любой национальности. Для меня, всегда считавшего себя последовательным интернационалистом, это был хороший урок.

Последний раз мы увиделись 23 июня 1999 г. на защите кандидатских диссертаций. На банкете сидели рядом, шутили, смеялись. Тихонечко Юра говорил о семейных заботах, связанных с рождением внука; об общих знакомых. Я сказал, что с удовольствием прочел в журнале «Звезда» письмо Г. Бена их когда-то общему товарищу С. Н. Семанову, ставшему за 45 лет последовательным национал-патриотом. Юра с удовольствием поддержал эту тему, заметив, что сама идея такого обращения в связи с книгой Семанова о Сталине принадлежала ему.

Приглашал вместе идти к метро, но я должен был задержаться по каким-то делам, и мы расстались. Казалось, что вскоре будут новые встречи. Ничто не предвещало беды. Через несколько дней телефонный звонок ударил в самое сердце тяжкой вестью.

Есть люди, которых уважаешь, которым симпатизируешь, мнение которых ценишь. Юру, плюс ко всему, просто любили. И это чувство мы не только сохраним до конца наших дней, но и попытаемся передать нашим ученикам.

Г. С. КОПЫЛОВСКИЙ

«ОН ЧЕЛОВЕК БЫЛ В ПОЛНОМ СМЫСЛЕ СЛОВА...»

Нас с Юрой познакомил в 1951 или 1952 г. мой одноклассник, поступивший на истфак ЛГУ. Юра тогда увлекался народничеством. Я тоже. И народничество оказалось первым общим интересом, который нас сблизил. В начале 50-х гг. народничество было темой не то чтобы запретной, но, мягко говоря, непопулярной. Я не могу объяснить, почему это было так, но в результате книжки о народниках было практически не достать.

Нам удалось прочесть роман С. Кравчинского «Андрей Кожухов» и его же очерки «Подпольная Россия». Мы восхищались героями этих книг. К тому же времени относятся и разговоры о народе, который окружает нас и среди которого мы волею судьбы живем. Вскоре за свою курсовую работу, посвященную народникам, которая была написана «не в духе исторических решений», Юра вынужден был расстаться с кафедрой истории СССР и заняться западной новой и новейшей историей. Он всегда хотел заниматься отечественной историей, но ему это удалось лишь спустя много лет — в конце 80-х гг.

Несмотря на то что занятия западной историей, конечно, отдалили его от этой темы, но, как я понимаю, настрой, связанный с народничеством, у него остался. Без всякого пафоса об этом хочется сказать словами А. Ахматовой: «Я была тогда с моим народом». А народ всегда находился не там, где хотелось...

Уже в 70-е гг., когда начали уезжать на Запад наши друзья и знакомые, мы довольно много рассуждали о возможности отъезда, о степени приспособляемости там. Юра говорил: «Если не гнаться за их уровнем, а просто ставить цель жить лучше, чем здесь, то это вполне достижимо». Но вопрос об отъезде для него не стоял. И это, я думаю, результат той «народнической» закваски, которая в нем сидела. Надо быть с народом, особенно когда ему плохо.

После юрфака ЛГУ я некоторое время работал в селе Морки Марийской АССР. Там жили и хорошие люди, но эта была порядочная дыра — факт 130-километрового бездорожья от Йошкар-Олы говорит сам за себя. Юра проделал этот непростой и недешевый для него путь и приехал ко мне в гости.

В один из дней у него явилась мысль выявить, какие в отношении меня замыслы у моего начальника (зава юридической консультацией). Его характерологические особенности предполагали, что замыслы эти могли быть только черными. Замысел Юры был прост и доступен: крепко выпить с шифом, язык у него развяжется и «тут всю правду мы узнаем». Затея Юры удалась только частично: напились мы с ним, а начальник спокойно ушел, не выдав своих тайн и, кажется, забрав недопитое.

На свадьбу Лады и Юры мы с Ю. Чумандриным (другом и однокурсником Юры) попали только в ЗАГС. Кроме наших регистрации дожидалась еще одна пара, как нам тогда казалось, пожилых людей. Теперь они мне пожилыми не кажутся, поскольку им было не больше сорока. Они с некоторой грустью и, может быть, с завистью смотрели на Ладу в серебристом платье с охапкой красных роз, на счастливого улыбающегося Юру. Всем распоряжался ослепительный Ю. Л. Кузнец, уже тогда заметный историк.

На торжественный свадебный обед мы не попали и отправились к Чумандрину на Мойку отмечать это событие вдвоем. Наших возможностей хватило на маленькую водки, пару крутых яиц и залежавшуюся пожелтевшую сметану. И вдруг свадьба явилась к нам сама. В квартиру ворвались Лада и Юра, несколько гостей с обильным количеством выпивки и закуски, гвоздем которой было фирменное блюдо семьи — баранина с чесноком.

И еще в связи с их свадьбой. После возвращения из Морков в Ленинград мне пришлось работать в собесе. Занятие невеселое, и друзья нередко навещали меня там. Инспекторши, как правило, внимания на них не обращали.

Однажды туда пришли Лада и Юра, совсем еще молодожены. Железобетонные, мрачные, затюканные работой тетки-инспекторши были ошеломлены — от молодых исходил свет. Мне кажется, что тогда они были такими, как на фотографии, которая после смерти Юры стоит на полке у Лады в прихожей: на этой фотографии они уже вдвоем — с сыном. Этот свет они пронесли через всю жизнь.

Как Юра принимал экзамены, я не знаю, но не сомневаюсь, что суровым к студентам он быть не мог. И вдруг от его студентки, которая работала в одном помещении со мной, узнал, что Юра забраковал для поездки в международный сту-

денческий лагерь ее однокурсника. Я спросил: «Зачем ты это сделал?» Он ответил, что это невежда-общественник, который собирается в Германию и не знает кем были Гёте и Гейне. Для Юры это было непереносимо.

С начала 70-х гг. мы с Юрой стали жить в одном доме на Скобелевском проспекте. Потом они переехали в квартиру матери Лады на Дрезденскую улицу. Житейская и рабочая суета мешала встречаться так часто, как нам хотелось бы. Мы могли не видаться месяцами, но встретившись, были всегда рады. Постоянно «наводили» друг друга на книги. Это делалось к взаимной радости. Помню, что от него я получил «7 дней в мае», а ему по душе пришлось «Дети чуда» Гартунга и «Некто Финкельмайер» В. Розинера.

Однажды втроем — Юра, мой внук и я — гуляли в Озерках. Антон, которому было 7 лет, к этому времени одолел книгу для будущих командиров Красной Армии. Книга произвела на него сильное впечатление, и он почти всю дорогу излагал Юре ее содержание, подтверждая отдельные соображения рисунками. Юра слушал терпеливо и внимательно, потом попросил разрешение кое-что уточнить. Получив его, внес поправки в рассказ (кажется, о битве при Каннах) и в рисунок (на нем был египетский или греческий корабль). Сделано это было уважительно и серьезно, что, видимо, до ребенка дошло. Прощаясь, Антоша важно протянул Юре руку и сказал: «Дядя Юра, вы мне понравились».

Собака, которая у нас появилась, сразу признала Юру своим. Когда он входил, бросалась к нему, вставала на задние лапы и сначала лизала щеки и нос (размер позволял собаке доставать до лица). А потом уже в комнате принималась за него по-настоящему: валила на пол и с визгом облизывала все, что можно. Мне казалось, что и он повизгивает от удовольствия.

Ведь это здорово, когда тебя любят «дети и звери». А что до собак, то у них, как и у женщин, нюх на хороших людей (кажется, это написал М. Горький).

Темы церкви и Бога в наших разговорах не было. Скорее всего потому, что это очень интимно. Мысль старообрядцев — «Церковь не в бревнах, а в ребрах», — думаю, была равно близка нам. Ведь совсем ни во что не верящих людей не бывает.

Что до меня, то я не сомневаюсь: *там* ему хорошо, потому что мы любим его *здесь*. И что *там* с ним встретимся. Теперь уже скоро...

УРОКИ ЮРИЯ ЕГОРОВА

Юрию Васильевичу я достался по наследству, и для меня это стало подарком Судьбы, а для него — нелегкой ношей. Далеко не сразу я сумел понять, как мне повезло в жизни. Руководителем моих курсовых и диплома был Игорь Михайлович Кривогуз, заведующий кафедрой всеобщей истории Герценовского института, известный ученый, доктор наук, профессор. Все складывалось как нельзя лучше. Имелась рекомендация кафедры в целевую аспирантуру, работа на любимом историческом факультете после защиты диссертации практически гарантирована. Это был мой дом, в котором все знали меня и я знал всех: два года был секретарем комсомольского бюро факультета, членом партийного бюро, и в этом доме думал я провести всю свою жизнь.

Но И. М. вынужден был уехать из Питера. В Москве, на Старой площади, решили, что без него не может обойтись Академия общественных наук. Вне всякого сомнения, это был карьерный взлет, но он не хотел расставаться с Ленинградом, друзьями, коллегами. Однако после серьезного разговора в ЦК со словами: или партийный билет на стол, или переезжаете в Москву — он сдался. На кафедре всеобщей истории возникли проблемы. Как, наверное, во всяком научном коллективе, даже самом творческом, здесь существовали взаимные симпатии и антипатии. Кривогуз, как мог, не давал возможности им переходить в конфликты, но, когда место заведующего кафедрой освободилось, ситуация обострилась. Профессоров на кафедре было двое, и вряд ли они претендовали на заведование, но один из доцентов повел активную атаку против профессора Г. Р. Левина — своего соавтора по школьному учебнику «Новейшая история», чтобы исключить малейшую возможность его возвышения.

Кафедру в этой ситуации ждал приход варяга, человека из другого вуза. Чтобы исключить это, Кривогуз предложил Юрию Васильевичу, у которого была почти готова докторская диссертация (только что вышла монография «Народный фронт во Франции»), ради сохранения традиций кафедры сменить его. Практически всех членов кафедры такой вариант устраивал, и общими усилиями Ю. В., у которого абсолютно не было административных амбиций, уговорили. Эта идея была с энтузиазмом принята руководством института, и вскоре ректор А. Д. Боборыкин представил кафедре нового заведующего.

Ему-то меня и передал вместе с другими дипломниками Кривогуз. Что я знал о своем новом шефе? Видел-то всего несколько раз, и он сразу поразил меня. Ю. В. с кем-то разговаривал в коридоре: высокий, красивый, молодой и абсолютно седой... И эта единственная услышанная мной фраза: «Хороший сын лучше хорошей диссертации». Я тогда был молод, ни то, ни другое не было для меня актуальным, а вот запомнил навсегда. Точно знаю, что вскользь услышанное мной не было вскользь брошено им, а было отражением его жизненных устоев. Мне, чтобы понять это, понадобились годы и годы. Ю. В. появился после докторского отпуска, когда я уже учился на четвертом курсе. И первый же наш серьезный разговор поразил меня. И касался он вещей принципиально для меня важных во всех смыслах. Дело в том, что с юности я буквально бредил кубинской революцией. И первая статья, еще в студенческие годы, была посвящена анализу взглядов и деятельности Че Гевары. Этими сюжетами я предполагал заниматься и дальше. Пыл мой остудил И. М.: «Это тема не проходная, заниматься этим не надо». Что такое «непроходная тема», мне, наивному до неприличия выпускнику, было тогда непонятно, но после некоторого сопротивления пришлось сдаться. (Через несколько лет во время нашей единственной встречи знаменитый ученый-латиноамериканист и, как выяснилось впоследствии, не менее известный разведчик, член-корреспондент Академии наук И. Р. Григулевич рассказал, какие трудности испытал он с изданием биографии Гевары в серии «ЖЗЛ». Только тогда я понял, что значили слова Кривогуза). Тема, предложенная И. М., показалась мне малоинтересной: Коминтерн и Латинская Америка. И при смене научного руководителя я решил воспользоваться «междувластием» и предложил Ю. В. вернуться к Че Геваре. И он остудил мой пыл ушатом холодной воды, но его доводы были совсем другого порядка: «Зачем тебе заниматься этим убийцей?» Это было сказано в 1971 г. И на мои возражения в духе того времени: «Как можно так говорить, ведь это настоящий революционер, рыцарь без страха и упрека» — Ю. В. просто повторил: «Убийца он, убийца». Я и сейчас не могу на все 100 % согласиться с этой оценкой своего Учителя, но я понимаю и принимаю логику его рассуждений. Особенно после того как мы с сыном, тоже учеником — Ю. В., много часов провели в беседах с бывшим генеральным секретарем боливийской компартии М. Монхе, рассказавшим интересные подробности боливийской эпопеи Че Гевары, в которой было много всего: и лжи, и насилия. И когда мы опубликовали это интервью в «Ленинградской правде», я по-настоящему осознал, как прав был Ю. В., ни-

чего этого не знавший в то время, но обладавший чутьем настоящего историка, уже в те времена внутренне свободно, способного смотреть на события без идеологических шор.

Еще один урок я получил от Ю. В. тогда же, на четвертом курсе, и понять его тоже было дано только через годы. Идет заседание партийного бюро исторического факультета. Один из вопросов повестки дня: отчет заведующего кафедрой всеобщей истории. Заходит Ю. В. и с порога «набрасывается» на меня: «Ты что здесь делаешь? К экзаменам надо готовиться, а не тратить время на ерунду». Декан факультета пытается его осадить: «Юрий Васильевич, Лазарь — член партбюро, а Вы пришли отчитываться, вот и ведите себя, будьте добры, соответственно ситуации». А воспитаннейший, интеллигентнейший Ю. В., не обращая на него внимания, продолжает воспитывать меня: «Делом надо заниматься, а не штаны просиживать на заседаниях». Мне бы тогда послушать Учителя, но я думал, что это так важно, так нужно, так интересно. Нельзя, наверное, и сбрасывать со счетов юношеское тщеславие: я участвую в принятии решений, от которых зависит развитие факультета, который считал своим навсегда.

Так думал я, но были люди, мыслившие по-иному и твердо уверенные, что как раз я (как и прочие, имевшие общий со мной недостаток — «неправильную» национальность) факультету-то и не нужен. Есть одно обстоятельство, которое до сих пор мучает меня. Хорошо понимаю, что есть (и, наверное, еще долго будут) люди с такими взглядами. Поражает меня их лицемерие. Ну зачем, спрашивается, нужно было после госэкзамена по истории СССР проректору по науке, профессору, выходить в коридор и на глазах всей группы обнимать меня и говорить: «Спасибо, давно не слышал я такого ответа». Ведь как я узнал через годы, именно он «зарубил» для меня целевую аспирантуру и «по-дружески» советовал Ю. В. не связываться с «этими». Ни словом тогда не обмолвился Ю. В. о причинах невозможности поступать мне в целевую аспирантуру: «Министерство не дало места». На следующий год, при новом заведующем кафедрой, таких мест дали аж два, заняли их весьма достойные ребята, выпускники Ленинградского университета, с которыми дружу до сих пор, и очень рад тому, что жизнь свела нас в Герценовском. Правда, и боль от того, как обошлись со мной, не стихает, несмотря на прошедшие годы.

Но чего это все стоило Ю. В.! Даже некоторые друзья советовали ему отступить. «Юра, ну хороший он парень, но плетью обуха не перешибешь, а ты как заведующий можешь столько сделать, не упрямься, брось его». (Через многие годы некоторые из них сами рассказали мне, как все это было, а Ю. В. только после «допроса под пыткой» неохотно подтвер-

дил). Сколько же усилий приложил он в этих условиях, чтобы пробить место хотя бы в заочной аспирантуре, и сколько ему это стоило здоровья: в самый разгар этих событий, и совершенно очевидно, что они-то и были причиной, — тяжелая операция. А после выхода из больницы Ю. В. пришел на кафедру, где уже был новый заведующий. Объяснение замены было простым и формальным — Егоров не доктор, а должность требует доктора наук. Всего несколько месяцев назад можно было назначить кандидата на заведывание, и это было единственным выбором, и вдруг: «Нельзя!». И уж совсем стала понятной для всех надуманность этого предлога, когда Ю. В., только-только отошедший от болезни, блестяще защитил докторскую. В 40 лет! Для историка это был возраст фантастический. И какие были оппоненты — московские знаменитости! Эта защита была событием для науки. И это была его победа над дураками, которые мерили жизнь какими-то совершенно нелюдскими мерками.

Каждый год в День учителя я звонил и поздравлял его с праздником. И каждый раз он отвечал: «Какой я учитель». Какой же он был учитель? Старшекурсники с завистью говорили: «Вам повезло, у вас будет читать Егоров!» Но понять, как нам повезло, можно было, только услышав его. Удивить нас было трудно, за четыре года с нами работали прекрасные преподаватели, замечательные ученые и педагоги: Р. Г. Скрынников, Г. М. Дейч, Ю. П. Суздальский, Б. Д. Ерунов, Л. М. Глускина, В. Н. Андреев, В. М. Алексеев, С. М. Черкасов, К. Д. Авдеева и многие другие. Ю. В. нас не просто удивил, он нас потряс. Колоссальная эрудиция, прекрасная память, великолепный русский язык, артистизм, импровизация, раскованность мышления, абсолютное уважение к слушателям (звучали слова: «В столь эрудированной аудитории нет смысла повторять... но, если позволите, я хотел бы обратить ваше внимание...», и хотя «эрудированная аудитория» порой понятия не имела о том, что он говорил, возникала некая сопричастность к рождению у тебя на глазах новых идей).

Я долго не мог понять, почему Ю. В. не любит, когда к нему приходят на лекцию по одной и той же теме несколько раз. Потом догадался: он готовил эти блестящие спектакли, как в настоящем театре, — писал пьесу, режиссировал, отработывал приемы воздействия на зрителя. И ему казалась, что, послушав второй раз лекцию на ту же тему, слушатели будут разочарованы. Как он был не прав! Он и сам не замечал, видимо, что те новые штрихи, которые он вносил в каждую новую лекцию на привычную тему (а он вносил их в каждую лекцию), превращали ее в премьерный спектакль. Как в хорошем театре, в который настоящие театралы ходят по многу раз на один и тот

же спектакль, и каждый раз находят в нем что-то новое. Через много лет мне довелось послушать лекцию, которую я помнил, как мне казалось, наизусть еще с четвертого курса, — «Германский фашизм». Признаюсь честно, даже не послушать, а подслушать под дверь. Я зашел за Ю. В. на факультет, было какое-то общее дело, пришел раньше назначенного времени и простоял, как замороженный, у приоткрытой двери. Все было так знакомо и так ново, что я испытал потрясение от его мастерства. А к этому времени я прослушал десятки, если не сотни лекций Ю. В. Правда, в тот раз была нотка горечи в том, как мы оба оценили то, как слово наше отзовется. Дело в том, что на стене прямо рядом с аудиторией, где проходила лекция, большими буквами был написан антисемитский лозунг. И когда я показал Ю. В. на стену, он устало сказал: «Да видел я. Знаешь, поначалу даже хотел отказаться лекцию читать и высказал студентам все, что думаю по этому поводу. Но в конце концов из-за нескольких уроков нельзя ведь наказывать всех».

Центральный лекторий на Литейном всегда был набит до отказа, когда он выступал там. Его знали, его любили слушать лекторы общества «Знание», и плохие и хорошие. Для хороших это был урок лекторского мастерства и глубокого анализа, для плохих — возможность воспроизвести в аудитории его лекцию как свою с полной гарантией успеха даже при неважном исполнении. Очень хорошо его знали учителя, и не только ленинградские—петербургские, но и всей страны. Мне довелось после института работать в Институте повышения квалификации профтехобразования, и каюсь, я очень часто эксплуатировал Ю. В. в качестве преподавателя на курсах для учителей истории. И дело было не только в том, что с ним легко было договориться, — когда он бывал свободен, практически не отказывал, — но в том, что учителя, приезжавшие со всей огромной страны, всегда просили, даже требовали его лекций. И было еще одно удивительное качество, которое встретишь нечасто: пообещав, он никогда не подводил и никогда не опаздывал, по нему можно было сверять часы. И это при том, что кроме Герценовского института он работал в Высшей профсоюзной школе, Институте повышения квалификации при ЛГУ, много времени отдавал работе в обществе дружбы «СССР—Франция» и т. д.

Каким он был учителем для меня? Все научное руководство заключалось в том, что своей рукой он написал план диссертации (на скамейке у аникушинского памятника Пушкину) да на заседаниях кафедры при аспирантских отчетах говорил: «У Лазаря все в порядке, у него уже полдиссертации написано», а мне на мои жалобы: «Не получается, Юрий Васильевич», — жестко отвечал: «Не пишешь, вот и не пишется. Будешь пи-

сать, будет получаться». Знаю, что не со всеми своими учениками он работал так. Скрупулезно и въедливо он изучал работы своих студентов, аспирантов. Я видел это на примере своих детей: сына, у которого Ю. В. был научным руководителем в Герценовском институте и оппонентом при защите кандидатской, и дочери, которая формально не имела к нему отношения, но она занялась Югославией, а более авторитетного специалиста, чем он, представить себе было невозможно, и он прочитал опус «чужой» первокурсницы, набросав свои замечания и предложения.

Сейчас я думаю, хотя мы никогда не обсуждали это, что Юрий Васильевич считал, что мой долг, после того что со мной и в связи со мной произошло, выдавать результаты: иначе ради чего все это было. Я был просто обязан всем тем, кто помог мне тогда, а рядом с Ю. В. ведь были и другие: и Е. А. Андреевская, и К. Д. Авдеева, и Л. К. Лебедев. Я не имел права их подвести.

Небольшая, но, как мне кажется, крайне важная деталь наших отношений с Ю. В. Он не смог до конца быть на моей защите, страшно болели зубы, и, проголосовав, он уехал к стоматологу. И, следовательно, не был и на банкете по случаю успеха, в который он вложил куда больше, чем «виновник» торжества. И сколько я не предлагал «отметить» это событие, находил предлоги для вежливого отказа. Но когда пришел кандидатский диплом, он пригласил к себе домой, и они с Ладой Валентиновной устроили банкет для меня! Объяснение простое: ты мало зарабатываешь, а я могу позволить себе такую роскошь.

И еще один урок. Был случай, когда я даже обиделся на него. Случайно узнал, что в Высшей профсоюзной школе, в которой много лет работал Ю. В., на кафедре истории международного рабочего и профсоюзного движения (а именно этими проблемами я занимался), было место преподавателя и он предложил на него другого своего ученика. «Как же так, Юрий Васильевич, Вы же знаете, что это предел моих мечтаний, неужели Вы не могли предложить меня?» — «У тебя есть работа, а у него нет!» Я был уверен, может быть единственный раз в жизни, что он не прав. Ведь знал же он, что та работа не по душе мне, что не дает возможности заниматься наукой. Моя работа никак не была связана с наукой, мне было трудно совмещать ее с исследовательской деятельностью (и трудно до сих пор), но как он был прав.

Не мог я тогда понять, что был у него не один, и, как настоящий Учитель, он думал и о других своих воспитанниках, заботился о них. Это было настоящее отцовское отношение к своим ученикам. И это был единственно верный способ по-

мощи — тому, кто сегодня больше в ней нуждается. А на ту кафедру я все равно попал и работал в таком коллективе, о котором можно было только мечтать, где был и сам Ю. В., и три его ученика, и коллеги-единомышленники. И привел меня туда уже не сам Учитель, а Виталий Кричевский, тот самый, что «перешел мне дорогу».

Сегодня знаю, что есть некое братство людей, которые могут сказать друг другу: «Мы с тобой одной крови, ты и я!» Это семья Юрия Васильевича Егорова, его ученики, его друзья, его коллеги.

Когда мне трудно, а это бывает часто, рука непроизвольно набирает его номер телефона. И в метро — бросаешься вслед за седым мужчиной... Но это не он. Никак не могу и не хочу избавиться от этого наваждения. Есть пустота: не с кем поделиться своими проблемами, не с кем посоветоваться, не опасаясь, что тебя не так поймут, сделают неправильные выводы из твоей информации. Но он есть, пока есть мы. Вот только как сделать, чтобы уроки Юрия Егорова остались надолго, как отдать другим людям те долги, которые накопились перед ним?

Ю. М. ЧЕРНЕЦОВСКИЙ

СПАСИБО, ЧТО ТЫ БЫЛ

Судьба не обидела пишущего эти строки встречами, знакомствами, сотрудничеством, а иногда и дружбой со многими неординарными людьми — яркими индивидуальностями, профессионалами высокого класса, питерцами и москвичами. Некоторые из них сыграли в моей жизни и работе важную роль. Например, С. И. Тюльпанов, И. М. Кривогуз, Д. П. Прицкер, В. К. Фураев, В. В. Чубинский. К этой же категории людей — «подарков судьбы» — относился и Ю. В. Егоров, с которым я познакомился даже раньше, чем с большинством перечисленных выше, и который занимает в моей биографии совершенно особое место.

Наше знакомство состоялось в Москве весной 1959 г., в «хрущевскую оттепель». Помню точно место и обстоятельства нашей первой встречи. Она произошла в библиотеке ИМЛ при ЦК КПСС. В коридоре во время проветривания читального зала ко мне — тогда аспиранту ЛГУ — подошел приветливый молодой человек, представился и спросил, чем я занимаюсь в этом почтенном заведении. Мы разговорились и, когда выяс-

нилось, что мы оба коллеги-историки, земляки, коренные ленинградцы, да еще и тезки, я почувствовал симпатию к моему новому знакомому — Юре Егорову, которому было тогда 26 лет. Я же был почти на 7 лет старше его. Участие в войне и служба на флоте (1943—1950 гг.) существенно отодвинули срок моего поступления в аспирантуру. Юра в тот момент в академическом плане несколько опережал меня. Он защитил свою кандидатскую диссертацию весной 1960 г., я — в конце 1961 г. и не в ЛГУ, а в ЛГПИ им. А. И. Герцена, так как после XX съезда КПСС некоторое время действовало положение, запрещавшее защиту диссертаций аспирантам в тех вузах, где они писались.

Время, о котором идет речь, было чрезвычайно интересным. Помню, что наши разговоры касались не только науки, но и большой политики. И еще одна примечательная деталь первых дней знакомства. В библиотеке ИМЛ я обнаружил новую книгу о Мао Цзэдуна на французском языке, Юра с готовностью и даже, мне показалось, с удовольствием помог мне перевести несколько цитат из нее.

Оглядываясь назад, должен отметить, что в этом эпизоде уже тогда, в далеком 1959 г., проявилась одна из многих прекрасных черт характера Юры. А именно: щедрость душевная и, если можно так выразиться, интеллектуальная, готовность делиться с коллегами своей эрудицией. В этой связи замечу, что в течение всех лет нашего знакомства и сотрудничества встречи с ним, как правило, чем-то обогащали меня. В последний раз это случилось 31 мая 1999 г. на заседании кафедры истории и мировой политики СЗАГС, где Юрий Васильевич Егоров — теперь седой маститый профессор — сделал научное сообщение о положении в Югославии, как всегда, блестящее по форме и глубокое по содержанию. Последняя наша встреча состоялась 22 июня 1999 г. на юбилее В. А. Ежова, где мы сумели лишь переброситься парой фраз. Он предложил мне возвращаться домой, как обычно, вместе. К сожалению, я задержался, и он уехал без меня. Через три дня его не стало. Весть о скоропостижной смерти Юрия Васильевича поразила и опечалила меня. Разумеется, я был в числе тех многочисленных его почитателей, которые 29 июня проводили, несмотря на страшную жару и духоту, усопшего в последний путь.

Вспоминая о Юре Егорове (в неофициальной обстановке мы с ним всегда были на ты), я обнаружил, что в течение всех лет нашего знакомства обстоятельства складывались так, что мы все чаще встречались и сближались в прямом и переносном смысле слова. Чего стоит, например, тот факт, что в апреле 1977 г. мне дали квартиру почти рядом с домом на Дрезденской улице, в котором жили Егоровы! Последние 22 года мы

были соседями, часто встречались: во дворе, сквере и на улице. Но, разумеется, дело не в счастливых случайностях. Были, очевидно, и некоторые объективные причины для сближения и сотрудничества. Отмечу главные из них.

В 1962 г. я был приглашен («с подачи» И. М. Кривогуза) на работу в ЛВПШ на кафедру исторических наук старшим преподавателем. В 1963 г. ее возглавил Д. П. Прицкер. Вскоре она превратилась в одну из лучших исторических кафедр города и даже страны. На ней работали В. К. Фураев, И. М. Кривогуз, В. М. Алексеев, В. В. Чубинский, Ю. Л. Кузнец, Н. И. Копычев, Э. Н. Матюнин. В течение примерно 10 лет вслед за Д. П. Прицкером почти все они стали докторами наук, профессорами. Кривогуз и Фураев долгие годы возглавляли кафедру всеобщей истории ЛГПИ им. А. И. Герцена. Царившая на нашей кафедре особая творческая научная и демократическая атмосфера привлекала к нам, в Таврический дворец, многих преподавателей и ученых. Одних мы специально приглашали, другие приходили сами. Гостями кафедры были не только историки, но и философы и экономисты: из ЛГУ С. М. Стецкевич, Г. Я. Смолин (китаевед), В. Л. Шейнис (экономист-международник), москвичи Ю. А. Красин (историк, и философ), Л. И. Гинцберг (германист) и многие другие.

Разумеется, в их числе был и Юрий Васильевич, который часто выступал с научными сообщениями, активно участвовал в дискуссиях. Он стал на нашей кафедре поистине своим человеком. Помню, как мы сильно переживали за него, когда он в 1972 г. попал на операцию, и как радовались его выздоровлению. Спустя год Юрий Васильевич успешно защитил свою докторскую диссертацию. Его первым оппонентом был Д. П. Прицкер. Начало 70-х гг. было настоящим «золотым веком» нашей маленькой кафедры. В 1971—1973 гг. трое ее членов — Ю. Л. Кузнец, В. В. Чубинский и пишущий эти строки — защитили докторские диссертации. Тесные связи Ю. В. Егорова с нами продолжились и в дальнейшем. Когда у нас появилась вакансия, ему было сделано предложение о переходе на работу к нам, но верный герценовец вежливо отказался. Лишь спустя много лет, когда ЛВПШ была преобразована в Северо-Западную академию государственной службы, Ю. В. Егоров стал работать по совместительству на кафедре истории и мировой политики, которую возглавляет теперь ректор академии В. В. Чубинский.

Другим учебным заведением, где мне долгие годы пришлось сотрудничать с Юрием Васильевичем, был Институт повышения квалификации преподавателей общественных наук при ЛГУ (нынешний Республиканский гуманитарный институт), где мы были совместителями на кафедре истории

России и зарубежных стран. Он всегда был трудоголиком. Чтение лекций ему — оратору и эрудиту божьей милостью — доставляло творческое удовлетворение. Слушатели, как и студенты, любили его.

Связывала нас с Юрой и так называемая общественная работа. С давних пор его лекторский дар, научная и политическая эрудиция были востребованы Ленинградской организацией общества «Знание» РСФСР, Комитетом защиты мира и лекторской группой Областного комитета КПСС. Пишущий эти строки на общественных началах возглавлял в 1975—1990 гг. Научно-методический совет и секцию международных Ленинградского общества «Знание», в которых Юрий Васильевич принимал живейшее участие. Популярность и авторитет его в городе были чрезвычайно велики. На банкете по поводу 50-летия профессора Егорова в большом зале гостиницы «Астория» собрался весь ленинградский исторический, лекторский и даже политический бомонд. Это было событие и праздник для всех почитателей юбиляра.

Педагогическая и общественная деятельность Юрия Васильевича открыла для него возможность поездок по стране с лекциями и, что было особенно важно, для участия в научных симпозиумах и конференциях. Мне неоднократно приходилось ездить с ним на симпозиумы в Москву, а однажды, в конце ноября—начале декабря 1982 г., удалось даже слетать в Ташкент. Но самым интересным нашим совместным voyageм был визит в составе делегации Ленгорисполкома в Италию на дни Ленинграда в Милане весной 1977 г. Юрий Васильевич выступал в различных аудиториях, участвовал в дискуссиях, достойно представляя наш город в этой удивительной стране — колыбели европейской цивилизации. Мы посетили Милан, Павию, Бергамо, Венецию и, наконец, Рим. У меня сохранилось много фотографий, на которых Юрий Васильевич запечатлен на фоне Дворца дождей в Венеции, у собора Дуомо в Милане, в Ватикане. Юрий Васильевич был «выездным», регулярно посещал любимую им Францию.

Он был полным энергии, оптимизма, по-настоящему счастливым человеком: любимая жена и сын, которым он гордился, долгожданный внук, любимая работа, всеобщие симпатии и признание. Юрий Васильевич буквально притягивал к себе людей. Высоко одаренный и несомненно знавший себе цену, он искренне уважительно относился к коллегам и знакомым, даже если в каких-то вопросах расходился с кем-то из них во мнениях. У него были твердые убеждения демократа западника, и он об этом прямо заявил уже в годы перестройки. Но Юрий Васильевич с пониманием относился к мнениям других, не претендуя на знание истины в последней

инстанции. Возможно, в чем-то или в ком-то он заблуждался.

Он, как и я, приветствовал начавшиеся в 1985 г. перемены. Мы выступали за них устно и в печати. Мне приятно, что составители сборника «Страницы истории. Дайджест прессы. Июль—декабрь 1989 г.» поместили наши статьи: его — «Коминтерн и „мировая революция”» и мою — «Один день Евгения Викторовича» (о Тарле) — вместе со статьями видных советских и зарубежных ученых и публицистов. Юра приветствовал мои статьи, направленные против фальсификаций Н. Андреевой, — «Черчилль о Сталине», «Черно-белое мышление» в «Смене» и др.

Творческое сотрудничество с Ю. В. Егоровым продолжилось и в 90-е гг. Я горжусь тем, что Юрий Васильевич был рецензентом трех частей (из четырех) моей книги «Россия и Советский Союз в мировой политике XX века», вышедших в 1993—1998 гг. в издательстве СПбГУЭиФ. Должен признаться, что четвертую часть книги я сознательно не дал на рецензию Юрию Васильевичу потому, что в некоторых существенных вопросах, в оценках событий 1985—1997 гг., которые освещаются в этой части, наши взгляды весьма серьезно расходились. Тем не менее, как только она вышла в свет, я вручил ее ему одному из первых. К моей радости, прочтя эту книжку, Юрий Васильевич высоко ее оценил и даже рекомендовал для чтения студентам СЗАГС (о последнем я узнал от моего младшего внука). Кстати, обоим моим внукам выпало счастье прослушать лекции этого удивительного человека, который так безвременно ушел от нас.

За все, чем я обязан общению с ним, я остаюсь большим его должником. Он давал мне и, полагаю, многим неизмеримо больше, чем получал взамен. Благодарю судьбу за радость общения с большим, жизнерадостным, одаренным, светлым и скромным человеком — явлением в академической, общественной и культурной жизни нашего города. Спасибо, что Ты был, Юра. Но Ты и есть и останешься в памяти и сердцах коллег и учеников, всех тех, кому повезло Тебя знать.

ПАМЯТИ ЮРИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ЕГОРОВА

Мое знакомство с Юрием Васильевичем было заочным. Произошло это в 1970 или 1971 г., когда я работал в секторе истории Франции Института всеобщей истории Академии наук. Руководил сектором известный франковед обаятельнейший Альберт Захарович Манфред. В секторе готовилась кандидатская диссертация по Народному фронту во Франции. Вариант рукописи был готов и вынесен на обсуждение. Хорошая, добротная диссертация: все хвалили молодого автора, включая и научного руководителя Виктора Моисеевича Далина. Вроде бы можно рекомендовать работу к защите. Но когда дело шло к благополучному завершению, Альберт Захарович взял слово и сказал: «Да, работа хорошая, и хвалили ее правильно, но после публикаций ленинградского Егорова так писать нельзя».

Речь шла о статьях Юрия Васильевича, в которых совершенно по-новому освещались некоторые вопросы истории Народного фронта и политической линии Французской компартии в 1934—1935 гг. Выяснилось, что статьи Егорова, вышедшие маленьким тиражом, читали всего три человека: Альберт Захарович, Виктор Моисеевич и диссертантка. Стали обсуждать, что делать. И Манфред настоял на том, чтобы в диссертацию были внесены некоторые изменения.

Конечно, меня очень заинтересовали статьи Юрия Васильевича — не каждому дано было побудить признанных мэтров Далина и Манфреда скорректировать их точку зрения. Я прочитал статьи, а затем после личного знакомства с Юрием Васильевичем получил в ноябре 1972 г. в подарок его книгу «Народный фронт во Франции. (Внутриполитическая борьба во Франции в 1934—1938 гг.)». Публикации Юрия Васильевича отличались честностью, добросовестностью, свежестью, умением отойти от устоявшихся штампов и принятых оценок. Думаю, что книга Юрия Васильевича остается и сейчас лучшей работой на эту тему в нашей историографии.

Мы познакомились в Ленинграде, в библиотеке, а затем время от времени встречались то в Питере, то в Москве. При первом же знакомстве Юрий Васильевич (Юра) поразил меня своей благожелательностью и расположенностью. Узнав, что я тогда интересовался историей Франции в годы первой мировой войны, он сразу же подарил мне мемуары французского посла в Петрограде Ж. Палеолога «Царская Россия во время мировой войны», тогда это была довольно редкая книга.

Работы Юрия Васильевича Егорова выбивались из общего потока приглашенных советских публикаций своей свежестью, незашоренностью. Вообще Юрий Васильевич не хотел и не умел «играть по правилам» тогдашнего советского времени. Потому-то он и не занимал никаких административных постов, а если и становился заведующим кафедрой, то очень скоро его с этого места «уходили». Неудивительно, что он с энтузиазмом воспринял перестройку, последовательно и убежденно выступал за реформы и за демократов.

В то же время его ценили как прекрасного специалиста. Он успешно читал лекции в ленинградских вузах, участвовал в коллоквиумах и конференциях, выступал перед различными ответственными аудиториями по вопросам коммунистического движения и международного положения.

Помню его рассказ о поездке в Италию в качестве консультанта с делегацией Ленинградского обкома КПСС во главе с Л. Н. Зайковым. Юрий Васильевич очень ярко и сочно обрисовал и общую атмосферу визита, и нравы представителей партийной верхушки, с которыми ему довелось иметь дело. При этом о Зайкове он говорил, скорее, благожелательно. Но были приняты «правила игры». Как-то, отвечая на приветственную речь мэра одного из итальянских городков (мэр, конечно, говорил без бумажки), Зайков сунул подготовленный Юрой текст в карман и весьма удачно выступил в ответ. Возвращаясь вместе с Зайковым в гостиницу, Юрий Васильевич предложил главе делегации вообще не зачитывать подготовленные тексты. На это поднаторевший в аппаратных делах Зайков ответил: «А я вот иду и думаю — если у нас генеральный секретарь ЦК не выступает без бумажки, то и мне не положено».

Юра был настоящим петербургским интеллигентом. И в первую очередь это был профессионал высокого класса, гармонично сочетавший глубину познаний с необычайно широкой эрудицией. Как-то я спросил его: как он все это успевает? «Да это очень просто», — ответил он и показал папки — досье с материалами по разным проблемам, которые он регулярно пополнял. На самом деле его обширные познания были результатом постоянного напряженного труда. Он действительно поразительно много делал: вел занятия в нескольких питерских вузах, регулярно публиковал результаты своих исследований, участвовал в создании учебников.

Юрий Васильевич следил за всеми новинками литературы и театра. И когда выяснялось, что я что-то пропустил, что-то не читал, Юра с искренним удивлением глядел на меня и добродушно замечал: «Ну, ты серый, как штаны пожарника». При этом сам он был поразительно скромным человеком: со-

вершенно случайно я узнал, что Юрий Васильевич был блокадником. Он редко говорил о собственных публикациях, предпочитал хвалить достойные работы своих коллег. Вообще любая встреча и беседа с ним были всегда настоящим удовольствием.

К нему можно было всегда обратиться с любой просьбой: забронировать номер в Питере в гостинице, помочь с отдыхом под Ленинградом, да мало ли просьб находится для доброжелательного, отзывчивого человека.

И вот все кончилось, оборвалось. Не будет больше новых статей и книг Юрия Васильевича, не будет его писем и открыток, не будет встреч с ним в Питере и Москве. Осталась память о замечательном человеке, прекрасном друге, профессионале высочайшего класса.

В. Л. ШЕЙНИС

ПАМЯТИ ДРУГА

Несколько десятков лет, почти полвека, Юрий Васильевич Егоров был одним из моих близких друзей. Мы познакомились с ним в Ленинградском университете, который не зря носил тогда имя Жданова. Хотя занятия современной историей всячески поощрялись, сегодняшним студентам трудно даже представить уровень подготовки историков нового и новейшего времени в те годы, примитивную отупляющую жвачку, на механическое запоминание которой был настроен учебный процесс. Чтобы стать историком, надо было выломиться из этого процесса, научиться ставить непростые вопросы и искать ответы в книгах, которые не были общедоступны, в дискуссиях, которые не поощрялись. Так возникали сообщества студентов, аспирантов, молодых преподавателей, название которых пришло к нам позже — незримые колледжи.

Один из таких неформальных колледжей во второй половине 50-х гг. свел Юру Егорова, меня, еще нескольких наших общих друзей. Необъятен был круг тех обсуждений. Действовал своего рода «учебный план». К некоторым темам готовились заранее. Кейнсианская революция в экономической науке и «новый курс» Рузвельта, Ленин и Сталин в истории России, партийные съезды ВКП(б) и современная социал-демократия, югославский путь и венгерская революция — все, о чем сегодня изданы десятки томов и о чем тогда серьезный разговор велся лишь на интеллигентских кухнях. Под немуд-

рящее угощение, бутылку сухого вина и бутерброды, споры затягивались далеко за полночь, благо жили мы тогда близко друг от друга. А иные сюжеты возникали спонтанно, обычно по горячим следам событий. В середине августа 1968 г. искали ответ на самый жгучий вопрос: осмелятся ли кремлевские властители ввести войска в Чехословакию? Тщательно перебирали мотивы, возможности, последствия. «По науке» выходило — не могут не ввести. И все-таки расходились с затаенной надеждой: побоятся. Ведь для нас эти обсуждения были не игрой ума, речь шла о жизни — и не только нашей... Чуть позже мне рассказали: прослушка Конторы Глубинного Бурения (так издевательски расшифровывалась аббревиатура КГБ) зафиксировала, что после 21 августа наши телефоны накалены — обменивались информацией. Ясно было, что танки брошены не только против чехов, но и против нас.

То, о чем мы говорили, было для нас главным в жизни, поэтому наши встречи, нередко приуроченные к праздникам, к череде свободных дней, всегда были интеллектуальными событиями, и стали мы не просто коллегами-единомышленниками, но и друзьями.

В те же годы не обошел нас поток «самиздата» (собирали деньги, заказывали верным машинисткам по 5—7 экземпляров на тонкой бумаге) и «тамиздата» (книжка — на ночь). Юра был блестящим лектором, рассказчиком. Кроме института, в котором он работал, его постоянно приглашали в разные аудитории, и в свои публичные выступления он мастерски вплетал «неконтролируемый подтекст».

Юра был удивительно талантлив и искренен, предельно эмоционален во всем — в науке, в общении со студентами и аспирантами, в дружбе, потому что все это было главным в его жизни, которую он выстраивал для себя, для близких, для друзей.

Когда я переехал в Москву, встречаться мы стали реже, но именно он был первым ленинградцем, перешагнувшим порог нашего нового жилья. И каждая такая встреча — в Москве ли, в Ленинграде — была, как говорили когда-то, «именинами сердца»: обменивались информацией, делились воспоминаниями, старались понять настоящее и заглянуть в будущее. Но вслед за радостной эйфорией рубежа 80—90-х гг. наши размышления вслух все сильнее окрашивались шемящим чувством: «нет, ребята, все не так». Юре запало в память, и спустя несколько лет он напомнил вырвавшийся когда-то у меня парафраз Маяковского: «мне страшно, что я этой силы частица». То было мое ощущение на многолюдной московской демонстрации: толпа, не ведающая внутренних сомнений и не при-

знающая полутонов, воодушевленно скандировала имя тогдашнего своего кумира.

И все-таки Ю. Егоров, великолепный знаток западной истории и гражданин своей страны, был убежден, что все происшедшее, при бесчисленных издержках и мерзостях, — колоссальный и необратимый шаг вперед в нашем общественном развитии. Что после трагического перерыва в три четверти века Россия возвращается в Европу. Что мы счастливо дожили до иных времен, в приближении которых приняли какое-то участие. Что стенания национал-коммунистов об утраченном будто бы рае мало чего стоят. Надо только не поддаваться ни телячьим восторгам, ни цинизму, ни панике и судить о событиях здраво, как подобает ученому-историку. Мы много говорили об этом в последние годы.

...Горько, что не могу представить на его суд свою статью,* она ведь все о том же. Не знаю, в чем согласился и не согласился бы он со мною, но мысленно продолжаю разговор с ним о вещах, для нас самых главных...

Е. А. АНДРЕЕВСКАЯ

ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЕГОРОВ КАК ПРЕПОДАВАТЕЛЬ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

Вместе с Ю. В. Егоровым мне довелось работать на кафедре всеобщей истории ЛГПИ (потом РГПУ) им. А. И. Герцена в течение 35 лет. Мы оба занимались новейшей историей Франции и, что еще важнее, являлись единомышленниками в оценке внутренней политической ситуации и действий советского руководства на международной арене и политики стран Запада. Это побуждает меня написать о Юрии Васильевиче как о гражданине, преподавателе и историке.

В течение длительного времени Юрий Васильевич и я читали большую часть курса новейшей истории стран Запада. На существовавшем тогда историческом факультете на этот курс отводилось большое количество часов, и мы делили его по разделам и даже по темам. Юрий Васильевич неизменно читал лекции по межвоенному периоду и по истории Венгрии, Югославии и Чехословакии после второй мировой войны. В усло-

* См. ниже, с. 360—398 (примеч. составителей).

виях, когда вузовские учебники отвечали идеологическим требованиям существовавшего режима, мы считали необходимым читать лекции по наиболее важным темам почти на уровне спецкурсов, используя иностранные монографии и зарубежную прессу. Особенно широко использовал эти материалы Юрий Васильевич. Для того чтобы выразить свое понимание исторических процессов XX в., ему нередко приходилось прибегать к использованию подтекста. Так, рассказывая о фашистской диктатуре в Италии и Германии, он сначала раскрывал характерные черты тоталитарного режима в целом, стараясь вызвать у слушателей определенные ассоциации, а затем выделял специфические черты итальянского и германского фашизма, предоставляя слушателям самим додумать мысль до конца. Юрий Васильевич очень подробно останавливался и на другой разновидности тоталитарного режима — режиме Ракоши, существовавшем в Венгрии с конца 40-х гг. до 1956 г.

Студенты и преподаватели исторического факультета тех лет помнят, каким блестящим лектором был Юрий Васильевич. Однажды он сказал мне: «Если бы я не избрал профессию историка, то стал бы артистом». Я не уверена, что это было сказано всерьез. Но в темпераментных, ярких лекциях Юрия Васильевича несомненно ощущался присущий ему артистизм. Поэтому студенты слушали с огромным удовольствием его лекции. Редкое сочетание глубины мысли и человеческого таланта не могло не наложить на их мировоззрение сильного отпечатка.

Для того чтобы у читателей создалось более полное представление о работе В. Ю. Егорова на кафедре, следует остановиться на событиях, происходивших на ней во второй половине 60-х—начале 70-х гг. В 1966 г. заведующим кафедрой стал профессор Игорь Михайлович Кривогуз, для которого было характерно стремление объективно оценивать политические реалии западного мира. С некоторыми членами кафедры, в том числе и с Юрием Васильевичем, он был знаком и раньше, а в процессе совместной работы он смог получить более полное представление о степени профессиональной подготовки и возможностях каждого сотрудника и вскоре выделил Юрия Васильевича как одного из наиболее талантливых из своих коллег. Юрий Васильевич в то время увлеченно работал над темой «Народный фронт во Франции», публиковал статьи и делал доклады на ежегодных Герценовских чтениях, на заседаниях кафедры. В 1969 г. Юрий Васильевич получил двухгодичный отпуск для написания докторской диссертации. В 1971 г. И. М. Кривогуз был приглашен на работу в Москву, и встал вопрос о том, кто станет новым заведующим кафедрой всеобщей истории.

В феврале 1971 г. на факультете состоялась встреча членов кафедры с ректором института А. Д. Боборыкиным, который сообщил, что ректорат считает наиболее подходящей кандидатурой на эту должность Ю. В. Егорова, и добавил, что если у членов кафедры другое мнение, то будет объявлен конкурс. Все участники этой встречи поддержали кандидатуру Юрия Васильевича. О принятом решении не знал только один человек — сам Юрий Васильевич, находившийся тогда в отпуске. Вечером того же дня он позвонил мне, чтобы узнать кафедральные новости. Я сказала, что ректор провел совещание с членами кафедры, на котором была определена кандидатура нового заведующего, и затем спросила, кого, по его мнению, собираются назначить на эту должность. Юрий Васильевич сразу все понял и упавшим голосом сказал, что он не может и не хочет принять это назначение. В последующие дни И. М. Кривогуз (приехавший на время из Москвы) и мы, члены кафедры, уговаривали Юрия Васильевича дать свое согласие, ссылаясь и на то, что в случае его отказа кафедра окажется в сложном положении. В конце концов он согласился, несмотря на свою антипатию к административным делам, которые не могли не помешать исполнению его творческих замыслов, согласился, уверена, потому, что понимал сложность создавшейся обстановки и исходил из интересов кафедры. Так Юрию Васильевичу пришлось прервать отпуск и заняться кафедральными делами, отодвинув работу над докторской диссертацией на второй план.

В течение короткого периода, когда Юрий Васильевич руководил кафедрой, получили дальнейшее развитие те направления ее работы, которые предусматривали всемерное использование последних достижений исторической мысли (в том числе западной) и стимулирование самостоятельной работы студентов. Стоит при этом отметить, что после отъезда И. М. Кривогуза никаких изменений в кадровом составе кафедры не происходило. Это не помешало вскоре предъявить Юрию Васильевичу обвинение в проведении «неправильной кадровой политики». В то время при кафедре существовали курсы повышения квалификации преподавателей вузов (в основном Северо-Западного региона), специализировавшихся по истории древнего мира и средних веков. Юрий Васильевич стремился предоставить людям, приехавшим из других городов, возможность пополнить свои знания и углубить понимание наиболее сложных проблем. К этой работе привлекались ученые из других высших учебных заведений Ленинграда, а иногда и Москвы. Среди приглашенных преподавателей был один из крупнейших отечественных медиевистов А. Я. Гуревич, труды которого по исторической антропологии

положили начало новому направлению современной отечественной историографии (возможно, с Юрием Васильевичем его сближала и высокая оценка французской исторической школы «Анналов»).

В конце учебного года кафедре нужно было выдвинуть кандидата в очную целевую аспирантуру из числа своих выпускников. Считая, что главным критерием должны быть незаурядные способности студента к научно-исследовательской работе, Юрий Васильевич предложил кандидатуру Л. С. Хейфеца. Коллеги поддержали такой выбор, на заседании кафедры Л. С. Хейфец был рекомендован в аспирантуру и вскоре поступил в нее.

К началу осени 1972 г. у Юрия Васильевича начались неприятности. Проректор по научной работе заявил ему, что, поскольку он осуществляет неправильную кадровую политику и не обсуждает в обкоме КПСС вопросы работы кафедры, стоит вопрос об отстранении его от занимаемой должности. Об этом пошли разговоры. В сентябре на кафедру были приглашены все сотрудники, но на этот раз встреча произошла не с ректором, а с деканом исторического факультета. А. И. Трус, честный и принципиальный человек, не имел никакого отношения ко всей этой истории, но ему пришлось выполнить поручение — сообщить нам, что Ю. В. Егоров больше не будет исполнять обязанности заведующего кафедрой. Почти все члены кафедры протестовали против отстранения Юрия Васильевича и требовали разъяснений со стороны ректора. Но встреча с А. Д. Боборыкиным так и не состоялась.

Юрий Васильевич тяжело заболел. В результате нервного потрясения у него открылась кровоточащая язва. Ему сделали очень сложную операцию, и в течение нескольких дней его жизнь была в опасности. Не желая беспокоить жену, я каждый вечер звонила В. И. Райцесу (его близкому другу), чтобы узнать о состоянии здоровья Юрия Васильевича и затем рассказать об этом своим обеспокоенным коллегам. Через какое-то время ему стало немного лучше, но болел он еще несколько месяцев. Последствия перенесенной болезни продолжали сказываться и после возвращения к работе, хотя он старался тщательно это скрывать даже от близких.

Хотелось бы остановиться на подоплеке этой страшной истории. Проректор по научной работе был недоволен стремлением Юрия Васильевича поддерживать талантливых ученых и учеников независимо от национальности, хотя соответствующие установки ему безусловно были известны. О действиях руководителя кафедры докладывал в обком КПСС один из ее сотрудников. С большой долей уверенности могу утверждать, что

делал он это не по доброй воле. Взгляды проректора и работников обкома КПСС совпали. И это, разумеется, не было случайностью. Был сделан вывод, что Ю. В. Егоров нарушил один из принципов тогдашней государственной политики, предусматривавшей строгий учет так называемого «пятого пункта» при кадровых назначениях. Заведующим кафедрой всеобщей истории был назначен профессор В. К. Фураев. Это решение, как сообщил нам новый руководитель на первой же встрече, было принято на уровне первого секретаря обкома КПСС Г. В. Романова.

В 1973 г. Юрий Васильевич вышел на работу, поздней весной этого года он блестяще защитил докторскую диссертацию и в следующем году получил звание профессора. Продолжая широкую лекционную деятельность, в том числе и вне стен Педагогического института, Юрий Васильевич с глубоким интересом следил за актуальными политическими событиями в странах Западной и Восточной Европы, новыми тенденциями в мировом коммунистическом движении, международных отношениях. После того как начались коренные изменения в политической жизни России и рухнули тоталитарные режимы в Восточной Европе, появилась возможность без умолчаний рассказывать о драматических событиях, происходивших в Венгрии, Чехословакии и Польше, и характеризовать поведение советского руководства. Юрий Васильевич широко пользовался этой возможностью. С особым чувством он следил за быстро меняющейся обстановкой в Югославии, современную историю которой он хорошо знал. Проблемам Югославии он посвятил несколько статей.¹

И все же главное место в творческой, профессиональной жизни Юрия Васильевича занимала, пожалуй, Франция, внешняя и внутренняя политика Франции в 30—80-х гг. XX в. Во многом через призму французской истории, ее уроков он постигал современный мир

В своей кандидатской диссертации он обращался к истории внешней политики Франции — кризису и распаду французской системы союзов в Дунайском бассейне в 1931—1935 гг. (над отдельными разделами этой темы Юрий Васильевич начал работать еще будучи студентом ЛГУ: его дипломная работа была посвящена политике стран Малой Антанты в годы мирового экономического кризиса). Молодой ученый использовал все доступные в то время источники, тщательно проследил, как разрушалась созданная Францией после первой мировой войны система союзов в Юго-Восточной Европе, и показал, в силу каких причин происходило серьезное ослабление позиций Парижа в этом регионе, назревание новой войны.

Вскоре после защиты кандидатской диссертации в 1960 г. Юрий Васильевич основной акцент в своей исследовательской работе сделал на внутренней политике Франции. Главной темой его научных изысканий на долгие годы становится образование и деятельность Народного фронта. Работая с разнообразными источниками — документами архивов, пресой различных направлений, парламентскими дебатами, мемуарами, знакомясь с монографиями, Юрий Васильевич собрал большой материал и подготовил спецкурс, который читал студентам с неизменным успехом. В конце 60-х и начале 70-х гг. он опубликовал ряд статей и монографию, а затем, во второй половине 70-х гг., были напечатаны статьи, в которых освещались вопросы, не раскрытые в ранних публикациях. В этих работах отчетливо проявляются характерные черты, свойственные Юрию Васильевичу как историку. Речь идет о способности отбирать наиболее значимый и яркий фактический материал, о прекрасном литературном стиле, о широком использовании различных источников, об аргументированности выдвигаемых положений. Ю. В. Егоров избегал упрощенных оценок и стремился показать всю сложность происходивших во Франции событий. Вместе с тем ученый в ряде случаев при помощи выдержек из документов подводил читателей к тем выводам, которые сам в условиях тогдашнего политического режима не мог высказать открыто. Представляется целесообразным обратить главное внимание на вопросы, связанные с политикой Французской компартии в 1934—1938 гг. и местом Народного фронта в новейшей истории Франции.

В 1969 г. была опубликована одна из лучших статей Юрия Васильевича, в которой рассматривалась центральная проблема предыстории Народного фронта — взаимоотношения между коммунистами и социалистами в начале 1934 г.² Умело используя официальные источники, ученый показал, что ФКП в конце 1933—начале 1934 г. вела решительную борьбу против фашизма, но в то же время сохраняла серьезные сектантские ошибки и, в частности, считала необходимым способствовать процессу разложения СФИО. Юрий Васильевич отмечал, что даже в январе 1934 г. руководитель ФКП провозглашал: «Мы не должны просто помогать рабочим-социалистам бороться с плохими вождями. Мы их должны убедить в том, что их партия является партией буржуазии, партией контрреволюции».³ Он обращал внимание и на опубликованный 6 февраля 1934 г., в день фашистского мятежа, призыв в «Юманите» выступить против фашистских банд, против республиканского правительства и против социал-демократии.⁴ Опираясь яркими фактами, Юрий Васильевич показы-

вал, что в результате призывов ФКП и ее лозунга «Советы повсюду!» рабочим, поддерживавшим коммунистов, пришлось противостоять не только фашистам, но и полиции, считавшей людей с красными знаменами опасными нарушителями общественного порядка. Ученый опровергал точку зрения, согласно которой Французская компартия сыграла решающую роль в подавлении фашистского мятежа. Он справедливо указывал на сохраняющуюся опасность со стороны крайне правых организаций и на разобщенность демократических сил. Вместе с тем автор считал заслугой французских коммунистов проведение антифашистских манифестаций 9 и 12 февраля в Париже. Тщательно воссоздавая эти события и колоритно описывая их, Юрий Васильевич лучше, чем кто-либо из его предшественников, сумел показать складывание тенденций к объединению левых сил.

Как уже указывалось, в 1972 г. была опубликована монография Ю. В. Егорова «Народный фронт во Франции»,⁵ которая являлась основой докторской диссертации. Однако размеры этой книги не позволили включить большую часть вводной главы диссертации. Поэтому позднее были опубликованы статьи, посвященные источникам, которые привлекал автор, и историографии вопроса. В статье «Основные источники Народного фронта во Франции» он давал им развернутую характеристику и, явно имея в виду нежелание советского руководства открывать доступ к важнейшим источникам, писал, что «историками Народного фронта еще недостаточно использованы документы, хранящиеся в советских архивах».⁶ В статьях по французской и англо-американской историографии Народного фронта⁷ Юрий Васильевич полемизировал с упрощенными взглядами некоторых зарубежных авторов на позицию ФКП в 1934—1938 гг., на ее взаимоотношения с Москвой, социально-экономическую политику правительства Л. Блюма, на причины распада Народного фронта.

Наиболее интересной представляется статья о советской историографии Народного фронта во Франции. В ней отмечались достоинства ряда монографий, посвященных таким важным для данной темы вопросам, как разработка Коминтерном новой стратегии и тактики, внутривнутриполитическая борьба во Франции в 30-х гг., деятельность социалистической партии. Вместе с тем Юрий Васильевич указывал, что некоторые историки даже не пытались проанализировать сектантские ошибки ФКП или недооценивали сложность процесса преодоления французскими коммунистами догматических взглядов.⁸ Касаясь методов научно-исследовательской работы, он подчеркивал, что необходимо «рассматривать каждый документ не как непреложную истину, а подвергать его всесто-

роннему анализу».⁹ На конкретных примерах он показывал, что отсутствие критического подхода к источникам может приводить к взаимоисключающим выводам.¹⁰

В уже упоминавшейся выше монографии «Народный фронт во Франции», написанной с привлечением широкого круга источников (архивных документов, прессы, мемуаров и т. д.), главное внимание уделялось таким вопросам, как разработка французскими коммунистами совместно с Коминтерном политики единого рабочего и Народного фронта, борьба ФКП против ультралевого сектантства (как внутри партии, так и вне ее), роль компартии в создании Народного фронта, деятельность правительств Народного фронта и позиция ФКП.¹¹ Ю. В. Егоров очень коротко излагал события, происходившие во Франции в феврале 1934 г., отсылая читателей к своей статье, но уделял значительное внимание причинам, обусловившим поворот в политике Французской компартии. Юрий Васильевич считал необоснованным мнение, что этот поворот явился только следствием директив Коминтерна. Точно так же он выступал против попыток приписать заслугу принятия новой стратегии только Французской компартии. Он полагал, что «новая политическая ориентация не формировалась какой-либо организацией», а явилась результатом сложного взаимодействия многих действующих лиц как в самой Франции, так и в Москве.¹²

Этот тезис подкреплялся фактами о том, что руководители Французской компартии весной 1934 г. еще придерживались сектантских взглядов, а также свидетельствами о большой роли, которую сыграли некоторые ведущие деятели Коминтерна в разработке ФКП новой стратегии и тактики. Так, Юрий Васильевич отмечал, что в это время в коммунистической прессе и в речах руководителей ФКП продолжали раздаваться в адрес СФИО обвинения в «социал-фашизме».¹³ В апреле М. Торез приехал в Москву и был принят Г. Димитровым. Останавливаясь на этой встрече, автор выделял высказывание Г. Димитрова о том, что политика единого фронта должна порвать с устаревшими догматическими схемами: «сверху», «с середины», «снизу» — и что следует умерить критику руководства соцпартии. «Мы должны показать, — говорил Генеральный секретарь ИККИ, — что Коммунистическая партия и в самом деле... желает вести борьбу совместно с другими партиями и что она может это осуществить на практике».¹⁴ Вслед за этим в «Правде» были опубликованы статья М. Тореза «Компартия Франции в борьбе за единый фронт» и редакционная статья. В них признавалось, что необходимо вести переговоры с СФИО и реформистскими профсоюзами о совместной борьбе против фашистской угро-

зы.¹⁵ 30 мая ЦК ФКП впервые обратился с призывом не только к рядовым социалистам, но и к руководству СФИО организовать совместную компанию в защиту Тельмана. Оставаясь верен исторической правде, Юрий Васильевич показывал, насколько трудным был для Французской компартии процесс преодоления сектантских взглядов, и, в частности, отмечал, что резкие выпады коммунистической прессы против социалистов в первой половине июня 1934 г. прервали начавшийся диалог.¹⁶

С другой стороны, Юрий Васильевич обращал внимание читателей на роль Политической комиссии ИККИ, которая в письме ЦК ФКП от 11 июня 1934 г. призывала «направить свою энергию на создание единого фронта всех партий и организаций, выступающих против фашизма. Основой единого фронта провозглашались такие требования, в борьбе за осуществление которых, можно было бы поднять широкие массы, в первую очередь — защита и расширение демократических свобод».¹⁷ В результате на конференции ФКП в Иври в качестве ближайшей задачи выдвигалось не свержение капиталистического строя, а защита демократических свобод и организация единого фронта антифашистской борьбы. Автор подчеркивал, что решения в Иври открыли путь к сотрудничеству ФКП и СФИО. Проследивая ход переговоров между двумя партиями, завершившихся подписанием 27 июля 1934 г. пакта о единстве действий, он указывал на готовность коммунистов идти на существенные уступки, на стремление рядовых социалистов к единству и на настороженность лидеров СФИО, вызванную опасением, что поворот в политике ФКП связан лишь с переориентацией внешнеполитического курса СССР. Таким образом, на основании приведенных в монографии материалов обосновывался вывод, что столь резкое изменение отношения Французской компартии к лидерам СФИО было вызвано не только активизацией профашистских организаций в стране и склонностью рабочих к совместной борьбе против возникшей угрозы, но и весьма решительным воздействием руководства Коминтерна на руководителей ФКП.

Останавливаясь на начальной фазе создания Народного фронта, Юрий Васильевич выделял большую позитивную роль ФКП, а именно: выдвижение французскими коммунистами самого лозунга «Народный фронт», их стремление привлечь к антифашистской борьбе средние слои населения, обращение к рядовым членам партии радикалов. Вместе с тем автор показывал, что в это же время Французская компартия, определяя свое отношение к военной политике Франции, воплощала те решения Коминтерна, которые уже не соответствовали новой международной обстановке. Французские коммунисты продол-

жали исходить из решений VI Конгресса Коминтерна, которые для них означали «пропаганду революционного пораженчества, отказ от защиты своего отечества и борьбу за превращение войны империалистической в войну гражданскую».¹⁸ Конкретизируя этот тезис, он приводил такую фразу из речи М. Тореза во время парламентских дебатов по вопросам военной политики 15 марта 1935 г.: «Мы никогда не допустим, чтобы рабочий класс был втянут в войну во имя так называемой защиты демократии против фашизма»,¹⁹ тогда как годом ранее Торез утверждал, что пролетарский интернационализм коммунистов вовсе не означает пренебрежения национальными интересами Франции, так как они любят свою родину.²⁰ Сопоставление этих полярных позиций, которые занимали лидеры ФКП по одному и тому же вопросу, позволяет читателю сделать вывод, что французские коммунисты даже к весне 1935 г. не осознали до конца необходимости защищать демократические свободы в своей стране, оценить конъюнктурность политики ФКП. В книге говорилось и о том, что ФКП и СФИО развернули в это время активную борьбу против увеличения срока военной службы с одного года до двух лет (впрочем, социалисты допускали возможность защиты отечества, в случае если Франция станет жертвой агрессии).

Юрий Васильевич анализировал ситуацию, в которой оказалась ФКП, приветствовавшая заключение франко-советского пакта о взаимопомощи и в то же время сохранявшая прежний подход к вопросам внешней политики страны. Он приводил слова П. Вайяна-Кутюрье о том, что одобрение советским правительством во время визита Лавалля в Москву политики государственной обороны, проводимой Францией, прозвучало для французских коммунистов «как удар грома».²¹ Вместе с тем автор указывал на быстрый пересмотр позиции ФКП, заявившей, что в изменившейся международной обстановке лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую не будет применен, если гитлеровская Германия нападет на СССР, так как Франция выступит вместе с Советским Союзом против Германии. Юрий Васильевич считал, что преодоление разногласий между коммунистами и социалистами по вопросам внешней политики и поворот радикальной партии в сторону Народного фронта сняли последние препятствия на пути создания объединения левых сил.

Он останавливался на важнейших вехах, завершивших процесс образования Народного фронта: массовой антифашистской демонстрации 14 июля 1935 г. в день празднования взятия Бастилии, принятии программы Народного фронта и его организационном оформлении, решении об объединении ВКТ и УВКТ, профсоюзных центров реформистской и про-

коммунистической ориентации. В книге также раскрывалось огромное значение самого факта принятия программы демократических преобразований в экономической и политической жизни страны, в частности подчеркивалось, что теперь в условиях начавшейся предвыборной компании левые партии могли предложить реальную альтернативу политике, которую проводили правые. Подводя итоги парламентских выборов во Франции, состоявшихся в апреле—мае 1936 г., и констатируя победу партий Народного фронта, Юрий Васильевич трезво отмечал, что правые не потерпели серьезного поражения, потеряв по сравнению с выборами 1932 г. всего 1.5 % своих избирателей.

Относительно возможного участия коммунистов в правительстве Л. Блюма Ю. В. Егоров приводил высказывание по этому вопросу Г. Димитрова на заседании секретариата ИККИ в мае 1936 г. о том, что социалисты и коммунисты не имеют большинства в парламенте, и потому в правительстве должны быть представлены радикалы. Но «участие ФКП напугало бы радикалов, стало бы сигналом фронтальной атаки реакционеров против правительства Народного фронта».²² Позиция секретариата ИККИ была поддержана большинством Политбюро ФКП, а затем и Пленумом ЦК ФКП.²³ Таким образом, автор подводил читателя к выводу, что Коминтерн, руководство которым осуществлялось из Кремля, по сути дела определил, какую позицию надлежало занять Французской компартии по столь важному вопросу, как состав нового правительства во Франции. Высказанная в Москве в 1936 г. достаточно реалистическая точка зрения не могла заслонить факта прямого вмешательства во внутренние дела иностранного государства, подобная практика продолжалась и в последующие годы. Готовность ФКП участвовать в правительстве в июне 1937 г. после отставки Л. Блюма была также санкционирована Коминтерном.²⁴ Если эти выводы кажутся нам сейчас едва ли не самоочевидными, то во многом благодаря тому, что больше четверти века назад, работая с крайне скудными источниками, Юрий Васильевич сумел доказать и, что не менее важно, сказать об этом читателям.

При освещении последующих событий Юрий Васильевич заострял свое внимание на деятельности ФКП, отмечая ее готовность к сотрудничеству с правительством в осуществлении программы Народного фронта, гибкую позицию в сложных ситуациях и стремление не допускать разрыва союза рабочего класса и средних слоев населения. Автор противопоставлял позицию ФКП точке зрения левосектантских группировок, считавших, что капиталистический мир агонизирует и теперь все возможно в самый кратчайший срок, и отмечал, что комму-

нисты вели борьбу с левосектантскими взглядами и в самой партии.²⁵ С одной стороны, Юрий Васильевич констатировал, что забастовочное движение вынудило правительство Л. Блюма скорректировать свою программу действий и провести в отеле Матиньон переговоры, в которых приняли участие представители ФКП, Всеобщей конфедерации французского производства и правительства. В итоге этих переговоров предприниматели вынуждены были согласиться на повышение зарплаты рабочим и расширение прав профсоюзов. С другой стороны, ученый обращал внимание на сложную ситуацию в стране, вызванную продолжавшимися, несмотря на подписание Матиньонского соглашения, забастовками, призывами ультралевых организаций к свержению капитализма и широкой пропагандистской компанией буржуазной прессы, отождествлявшей левачьи организации с ФКП, которой были брошены обвинения в заговоре с целью захвата власти. В таких условияхросло недовольство крестьянства, все более явно проявлялась озлобленность радикалов, выражающих интересы средних слоев, и соответственно возникла опасность раскола Народного фронта.²⁶ Автор считал, что руководство Французской компартии учло все эти негативные моменты и приложило все усилия для воздействия на бастующих и прекращения забастовок на основе компромиссов, в которых учитывались главные требования рабочих.²⁷

В своей книге Ю. В. Егоров подробно останавливался на завоеваниях Народного фронта и всесторонне раскрывал значение принятых летом 1936 г. законов (об установлении 40-часовой рабочей недели, о расширении прав профсоюзов, о создании Зернового бюро, о льготных кредитах для мелких торговцев и др.). По его мнению, важнейшим достижением Народного фронта являлось то, что его победа «развязала энергию масс, которые, может быть, впервые в истории Третьей республики почувствовали себя творцами истории».²⁸ Юрий Васильевич приводил высказывание Пьера Кота, которое, как мне кажется, было созвучно его собственному восприятию Народного фронта: «Народный фронт пробудил душу народа. Это был славный период великодушия, доверия и энтузиазма. Он открыл двери в лучшее будущее. Он показал французскому народу идеал, который нужно завоевать. Во всей истории Третьей республики нет более благородного периода, чем боевые годы Народного фронта».²⁹

В последующих главах монографии говорится о тех обстоятельствах, которые привели к возникновению и нарастанию разногласий между партиями, входящими в Народный фронт, о начале гражданской войны в Испании, об экономической ситуации во Франции и об усилении международной напря-

женности в Европе. Юрий Васильевич показывал, что у коммунистов, социалистов и радикалов существовало различное видение возникших проблем и путей их решения. Он отмечал, что правительство Л. Блюма провозгласило политику «невмешательства», против которой вначале выступили не только коммунисты, но и большинство социалистов и часть радикалов. Однако лидеру СФИО удалось убедить многих участников этого массового движения в том, что военная помощь Испании вовлечет Францию в вооруженный конфликт, и с осени 1936 г. только ФКП продолжала резко критиковать политику «невмешательства». Раскрывая причины отставки первого правительства Народного фронта, автор указывал на позицию промышленников и финансистов, не желавших сотрудничать с левыми партиями, на активизацию правых партий, использовавших сенат для блокирования правительственных законопроектов. Юрий Васильевич в своей книге писал о провале экономической политики Л. Блюма, хотя и не ставил вопроса о том, насколько целесообразным было бы осуществление всех разделов экономической программы ФКП.

В монографии довольно подробно рассказывалось о безрезультатной попытке Л. Блюма в марте 1938 г. (после аншлюса Австрии гитлеровской Германией) создать «широкое национальное правительство», в состав которого должны были войти помимо коммунистов, социалистов и радикалов представители правоцентристских группировок, придерживающихся патриотических взглядов. Ученый подчеркивал, что все партии Народного фронта поддержали эту идею, однако подавляющее большинство правой оппозиции отвергло призыв лидера СФИО к сплочению всех сил нации перед лицом внешнего врага.³⁰ Характеризуя деятельность второго кабинета Л. Блюма, он отмечал, что стремление лидера социалистов проводить более жесткую экономическую политику по отношению к крупной буржуазии опять натолкнулось на противодействие сената и привело в начале апреля 1938 г. к отставке правительства. Окончательное прекращение сотрудничества партий, входивших в Народный фронт, произошло, по мнению автора, вследствие судетского кризиса осенью 1938 г. В ноябре были приняты чрезвычайные декреты, ухудшившие условия труда рабочих на предприятиях, произошло повышение косвенных налогов, платы за проезд, были сокращены расходы на общественные работы. Однако попытка ФКП и ВКТ провести 30 ноября всеобщую забастовку оказалась неудачной. Ю. В. Егоров считал, что тяжелое поражение рабочего класса, вызванное провалом всеобщей забастовки, привело к «подлинному концу Народного фронта».³¹

Таким образом, Юрий Васильевич, тщательно анализируя многочисленные источники, впервые в советской историографии предельно объективно, по тем временам, проследил сложный процесс создания Народного фронта и его деятельность на различных этапах. Особое внимание автор уделил позиции, которую занимала ФКП в 1934—1938 гг. Он не только рассмотрел сектантские ошибки французских коммунистов, но и показал в пределах возможного специфику положения партии, сохранявшей зависимость от решений Коминтерна. В современных условиях историки, опираясь на работы Ю. В. Егорова, имеют возможность продолжить исследование данной темы и раскрыть те вопросы, которые ученый в силу объективных причин вынужден был обойти. Тем не менее его монография и статьи остаются едва ли не лучшим из того, что было написано в России о такой ярчайшей странице французской истории, как Народный фронт.

Вскоре Юрий Васильевич как исследователь обратился к истории Пятой республики. Он опубликовал ряд статей, посвященных событиям «красного мая» 1968 г. — самого глубокого политического и социального кризиса в истории Пятой республики.³² В 1986 г. была опубликована небольшая книга,³³ в которой Ю. В. Егоров рассматривал политическую борьбу во Франции в начале 80-х гг. и пребывание у власти левых сил. В этой книге, написанной преимущественно на основе французской прессы, говорилось об изменении политической обстановки в стране в преддверии президентских выборов 1981 г. и об условиях, обеспечивших Ф. Миттерану избрание на пост главы государства. Несмотря на небольшое количество мандатов, полученных французскими коммунистами на парламентских выборах, президент, учитывая явно наметившееся в то время стремление значительной части французов к единству левых сил, предложил ФКП принять участие в работе правительства. В итоге достигнутых договоренностей четыре коммуниста получили посты министров. В работе подробно рассказывалось о всех социально-экономических мероприятиях правительства Моруа и при этом отмечалось, что наибольшую выгоду от ряда законов получили наименее обеспеченные слои населения. Вместе с тем автор показывал, что экономическое положение Франции к концу 1982 г. ухудшилось, поэтому правительство стремилось найти выход из кризиса в проведении политики жесткой экономии и принятии плана всесторонней модернизации производства, реализация которого неизбежно должна была привести к сокращению рабочих мест. Это серьезное изменение правительственного курса вызвало резкую критику со стороны коммунистов, которые тем не менее не собирались уходить из правительства. Ученый обращал внимание

на новую политику ФКП, получившую название «участие без поддержки», и указывал на непоследовательность линии ФКП, проявившейся в чередовании критики правительства с позитивной оценкой его деятельности.

Он отмечал, что дальнейшее падение влияния коммунистов и назначение в июле 1984 г. на пост премьер-министра энергичного технократа Л. Фабиуса, не скрывавшего своего намерения проводить прежний курс более жесткими методами, обусловили выход ФКП из правительства. Юрий Васильевич показывал, что правым партиям удалось к 1985 г. укрепить свои позиции. Останавливаясь на программах, выдвинутых политическими партиями в ходе предвыборной борьбы, и итогах парламентских выборов 1986 г., Ю. В. Егоров указывал на некоторую стабилизацию позиции ФСП, которая осталась наиболее представительной партией в Национальном собрании.³⁴ Однако абсолютное большинство в парламенте перешло к коалиции правых оппозиционных сил. Нельзя не отметить, что в этой работе Юрий Васильевич лишь в самой общей форме констатировал двусмысленность поведения Французской компартии. Между тем в своих многочисленных лекциях, посвященных внутренней политике Франции, он уже давно открыто и резко критиковал ошибки лидеров ФКП. Такое несоответствие можно объяснить только сохранением жестких цензурных ограничений.

Лишь в небольшой, но содержательной брошюре «Франция в конце 80-х годов»³⁵ Юрий Васильевич смог наконец раскрыть причины, обусловившие падение влияния ФКП, как объективные (изменение структуры современного рабочего класса, спад забастовочного движения, сокращение численности профсоюзов), так и вызванные политическим курсом самой партии во второй половине 70-х и 80-х гг. Будучи верен взглядам, сложившимся у него еще в период работы над проблемами Народного фронта 30-х гг., он считал неоправданным вывод ФКП о том, что политика союза левых сил на всем протяжении действия совместной программы и участия коммунистов в левом правительстве была большой ошибкой. Напротив, писал Юрий Васильевич, правильная в сущности политика проводилась непоследовательно, так как развернувшаяся борьба коммунистов с социалистами за руководство союзом левых сил не сопровождалась «коренной внутренней перестройкой ФКП», «отказом от устаревших догм и представлений».³⁶ В работе проводилось сопоставление политики ФКП и ФСП в 70-х гг. Ученый показывал, что ФКП, имевшая более прочные позиции, чем ФСП, в профсоюзах и располагавшая тогда боеспособными кадрами, не учла возникновения в стране новых проблем. В то же время ФСП, которая

на рубеже 60—70-х гг. была слабее ФКП, смогла оценить важность появления новых демократических движений и выдвинуть соответствующие требования. Юрий Васильевич обращал внимание и на то обстоятельство, что социалисты увязывали задачу достижения социалистической цели с уважением правил парламентской демократии и ставили во главу угла «этико-гуманистические... слагаемые социализма».³⁷ Между тем лидеры ФКП, в частности Ж. Марше, долгое время твердившие, что социализм во Франции стоит на повестке дня, делали упор на научность марксистско-ленинского мировоззрения. Автор подчеркивал, что в итоге ФСП значительно укрепила свои позиции во французском обществе, а ФКП, потеряв немалую часть своего электората, стремилась опереться на оставшиеся партийные кадры и на тех, кто оказался жертвой технического прогресса и кризиса. В работе отмечалось, что в таких условиях ФКП не имеет шансов реализовать свой главный лозунг — образовать «новое большинство народа» — без соглашения с руководством ФСП. Однако лидеры партии отказываются признать необходимость такого соглашения. Они не хотят перестраивать и обновлять свою партию.³⁸

Анализ наиболее важных работ Юрия Васильевича по истории Франции дает возможность не только оценить талант исследователя, но и увидеть те трудности, с которыми сталкивались даже те историки, которые занимались изучением политической борьбы в странах Запада. Нетрудно заметить, что его научные взгляды были неотделимы от его гражданской позиции, беспокойства за судьбы своей страны, от гуманистического мировосприятия и личного обаяния, которыми он щедро делился со своими учениками, коллегами, друзьями.

¹ См. библиографию работ Ю. В. Егорова (с. 70—75).

² *Егоров Ю. В.* Французские коммунисты и социалисты во время февральских событий 1934 г. // Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. 1969. Т. 396: Проблемы истории рабочего движения и международных отношений.

³ Там же. С. 85.

⁴ Там же. С. 89.

⁵ *Егоров Ю. В.* Народный фронт во Франции: Внутриполитическая борьба во Франции в 1934—1938 гг. Л., 1972. 290 с.

⁶ *Егоров Ю. В.* Основные источники Народного фронта во Франции // За рубежомная историография проблем классовой борьбы и международных отношений (XIX—XX вв.): (Сб. науч. ст.). Л., 1977. С. 122.

⁷ *Егоров Ю. В.* 1) Англо-американская буржуазная историография Народного фронта во Франции // Вопросы истории. 1971. № 12; 2) Марксистская историография Народного фронта во Франции // Историография рабочего движения и социалистических революций зарубежных стран: (Сб. науч. ст.). Л., 1973; 3) Некоторые проблемы истории Народного фронта во французской некоммунистической литературе // Там же; 4) Народный фронт во Франции: значение и уроки. (Некоторые проблемы историографии) // Критика новейшей буржуазной историографии: (Сб. науч. ст.). Л., 1976; 5) Основные ис-

точники Народного фронта во Франции // Зарубежная историография проблем классовой борьбы и международных отношений (XIX—XX вв.): (Сб. науч. ст.). Л., 1977; 6) Советская историография Народного фронта во Франции // Французский ежегодник. 1976. М., 1978.

⁸ Егоров Ю. В. Советская историография Народного фронта во Франции. С. 79.

⁹ Там же. С. 71.

¹⁰ Там же. С. 73.

¹¹ Там же. С. 81.

¹² Егоров Ю. В. Народный фронт во Франции... С. 32.

¹³ Там же. С. 27.

¹⁴ Там же. С. 31.

¹⁵ Там же. С. 43.

¹⁶ Там же. С. 45.

¹⁷ Там же. С. 47.

¹⁸ Там же. С. 77.

¹⁹ Там же. С. 78—79.

²⁰ Там же. С. 49.

²¹ Там же. С. 80.

²² Там же. С. 116.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 117.

²⁵ Там же. С. 130, 149.

²⁶ Там же. С. 149.

²⁷ Там же. С. 149—153.

²⁸ Там же. С. 174.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 250—251.

³¹ Там же. С. 276.

³² См., в частности: Егоров Ю. В. Рабочее движение во Франции в 1968 г. // Борьба классов и современный мир. М., 1970.

³³ Егоров Ю. В. Внутренняя политика Франции в первой половине 80-х годов: левые у власти (1981—1986). Л., 1986.

³⁴ Там же. С. 84.

³⁵ Егоров Ю. В. Франция в конце 80-х годов. Л., 1989. 35 с.

³⁶ Там же. С. 16—17.

³⁷ Там же. С. 17.

³⁸ Там же. С. 19.

Б. Н. КОМИССАРОВ

ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ И НОВИСТИКА: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Один из наиболее популярных петербургских лекторов, преподаватель и наставник студентов милостью Божьей, профессор Юрий Васильевич Егоров был одним из тех, к сожалению, очень немногих историков, которые с глубоким интересом и искренней душевной потребностью откликаются на самые острые «вызовы времени» и стремятся дать на них объективные, научно-корректные ответы. Глубокие, буквально тектонического масштаба и значимости подвижки в развитии мира, начавшиеся на рубеже 80-х и 90-х гг. XX в., не застали его врасплох. Он понял их непреложную обусловленность, указал на ближайшие последствия, разглядел вектор дальнейших перемен. Это выразилось, в частности, в том, с какими готовностью и энтузиазмом он принял участие в инициированных автором этих строк в 1995 г. Петербургских Кареевских чтениях по новистике. На вторые эти чтения, состоявшиеся в апреле 1997 г., Юрий Васильевич представил доклад «Постсоветская Россия в поисках своего места в мире», который не только продемонстрировал видение сути происходивших на его глазах глобальных перемен, но и содержал обоснование концепции «разумного изоляционизма» — возможной российской геополитической стратегии в обозримом будущем.¹ На третьих чтениях в декабре 1999 г. профессор Ю. В. Егоров, очевидно, готовился развить эти идеи в докладе «Постсоветская Россия и ее место на Евразийском континенте», однако этому помешала безвременная кончина ученого.

Случилось так, что в круговерти повседневных дел и забот нам не довелось рассказать Юрию Васильевичу о возникновении идеи Кареевских чтений, поделиться размышлениями об изучении истории нового времени, перспективах исследований его узловых процессов, выслушать его советы и пожелания. Прошлого, увы, не вернешь. Пусть эти краткие заметки явятся началом искупления той вины, которую мы ощущаем перед покойным мастером-историком.

Не секрет, что история нового времени не определена ни как отрасль исторической науки, ни (вследствие этого) как учебная дисциплина в средней и высшей школе. Под определением понимается в данном случае указание на ее содержание, хронологические и пространственные рамки. В Советском Союзе вообще не было понятия «история нового времени» как такового. Изучалась и преподавалась история нового времени стран Западной Европы и Америки и отдельно — стран Азии и Африки. Рассматривались изолированно история России, других славянских, а также балканских стран, история Австралии и Океании. Таким образом, мировая историческая эволюция изучалась по частям. Единое историческое время оказывалось расколотым на множество национально-государственных, региональных, континентальных времен. За рубежи нового времени принимались события по крайней мере вторичные — революции, войны, географические открытия. В советской историографии начало нового времени связывали с английской революцией середины XVII в., следующий его этап — с Парижской коммуной 1871 г., а с 1917 г. (Октябрьская революция) или позднее, с 1918 г. (окончание первой мировой войны), простиралась по тогдашним (и во многом еще далеко не изжитым) представлениям уже без малого вековая новейшая история. Советские историки нового времени были призваны изучать генезис, развитие и «загнивание» капитализма, уступающего место социалистической действительности с перспективой коммунистического завтра. Все эти построения являлись до предела идеологизированными, политизированными, эклектичными, т. е. не имеющими ничего общего с наукой и лишь затрудняющими осмысление нововременной эволюции, которая привела к нынешней картине мира. Следует отметить в то же время, что для познания упомянутой эволюции представляются малопродуктивными и дефиниции западной историографии, определяющие общества как традиционные, индустриальные, постиндустриальные и модернистские.

Новое время имеет свои специфические черты и особенности. Оно охватывает хронологический период примерно в 550 лет, т. е. со второй половины XV в., когда началось утверждение и необратимое распространение возникшего еще в античном мире объективно-научного знания со свойственной ему экспериментальной практикой, до современности включительно. Человек дерзнул выразить недоверие своему субъективному восприятию мира, личному зрению, более того, зрению окружающих людей и предпочел всему этому умозрение, поверил в знание, независимое от его субъективности, отделил знание от себя.² Объективное, отражающее мир

таким, как он есть сам по себе, без нас, это знание стало возможно передавать машине, воплощать в ней, как в своеобразной рукотворной действующей, модели природы. Промышленный переворот и последовавшие за ним технологические новации, вплоть до продолжающейся на наших глазах информационной революции, явились, таким образом, неизбежным следствием победы нововременного, галилеева знания. Этот великий по своей значимости процесс повлек за собой появление и развитие других нововременных типологических признаков. То были коммуникация посредством печати, ныне, в компьютерную эпоху, радикально изменившая представление о времени и расстояниях, типы разделения труда и классов, в основе которых лежит триада: идея—управление—производство вещи или услуги. Господство найма как принуждения экономической выгодой, обмен, опирающийся на промышленный капитал, наконец, тип художественной деятельности, характеризующийся индивидуальным авторским творчеством.³ Если этот типологический ряд и неполон (ведь могут быть выявлены и другие признаки), то во всяком случае он достаточен для идентификации нового времени.

Новое время включает в себя так называемое новейшее время. Оно есть не что иное, как научно обоснованный, ближайший к исследователю период нового времени, который не имеет оригинальных типологических признаков, а демонстрирует лишь эволюцию прежних. Новейшее время относительно и подвижно. Установление границы новейшего времени — творческая задача исследователя, поиск необходимого для него инструмента познания, как, впрочем, и разработка любой исторической периодизации.

Как объект исследования новое время имеет предельно широкие пространственные (теперь уже не только географические, но и космические) границы: Земля в целом, ближний космос и даже наша галактика.

В основном за пять последних веков был построен «общий дом» человечества с глобальным разделением труда, с общим информационным, технологическим, финансовым пространством, элементами единой ментальности и многими другими характерными чертами. Это сопровождалось существенной интенсификацией интеграционных и системообразующих процессов. Причем «общий дом» понимается, конечно, отнюдь не как обитель, где торжествуют справедливость, взаимопонимание и согласие. «Теплота» данного словосочетания — не более чем семантическая абберация. «Общность» обусловлена космо-географическими особенностями дома-планеты и судьбой человеческой цивилизации. «Общий дом» —

не абстракция, а реальность, уже интенсивно эксплуатирующаяся в политическом и экономическом отношениях.

Важно заметить, что новое время продолжается, не завершено, бесчисленными нитями связано с будущим, распахнуто в его бездну. Это не может не накладывать отпечаток на изучение этого этапа исторической эволюции и влиять на изучающих его исследователей. Не менее важно понять и то, что новое время не бесконечно. Порог его приближается главным образом в связи с глобальной экологической ситуацией, загрязнением, вызванным химическим, радиационным, тепловым, шумовым воздействием на ландшафтно-почвенную, водную и воздушную среды. Это влечет за собой, как известно, необратимые негативные процессы в биосфере. Между тем осведомленность о нынешней экологической ситуации пока не побудила историков нового времени учесть этот фактор при разработке периодизации исследуемой ими эволюции. Они продолжают считать, что такие явления, как парниковый эффект, рост генетической неполноценности человечества, загрязнение Мирового океана, сокращение площадей тропических лесов и тайги (легких Земли, вырабатывающих основную массу кислорода), уменьшение плотности озонового слоя, грозное обострение проблемы Мальтуса (над которым в свое время язвительно посмеивались советские обществоведы) и как следствие всего этого дестабилизация биосферы, не по их ведомству. И напрасно. Ведь поведение человечества в техносфере будет иным, чем прежде, в биосфере. Если в XV—XX вв. оно постоянно стремилось расширить сферу своего обитания и хозяйственной деятельности, то теперь придется ее сужать, редуцировать, сосредоточиваясь на более чистых, еще биосферных или близких к ним территориях, вплоть до создания биосферно-кислородных резерватов. Если раньше борьба шла за обладание земным пространством, торговыми путями, источниками энергии, то теперь в центре внимания, а тем самым и соперничества, окажутся источники самой жизни — кислород и чистая вода. Если раньше преобладали этнические, национальные, классовые, конфессиональные и другие противоречия, связанные со статусом человека как личности, то теперь главным станет противостояние тех, кто еще владеет источниками жизни, в состоянии их сохранить и воспроизвести, и тех, кто утрачивает такую возможность, т. е. это будут противоречия на уровне биологических объектов, что, конечно, одновременно приведет к обострению и деформации всех прежних мыслимых поводов для разногласий и столкновений. Конца света не наступит, но в техногенной по преимуществу среде уже к середине текущего века могут сложиться принципиально другие общест-

венные отношения со своими оригинальными типологическими признаками, и человечество окажется уже в постновом времени.⁴ Предполагаемый рубеж приближается именно как следствие утверждения и необратимого распространения объективно-научного знания, которые и знаменовали начало нововременной эволюции.

Чтобы понять ее логику и динамику, следует рассмотреть в глобальном масштабе и на всей нововременной протяженности узловые многоаспектные факторы, способствовавшие все возраставшим взаимовлиянию и взаимозависимости элементов современного мира. Если исходить из системообразующего влияния на нововременную эволюцию типа знания, то появляется такая цепь ее основных рубежей: начало процесса утверждения объективно-научного знания (вторая половина XV—первая половина XVI в.), вторая половина XVIII в., когда промышленный переворот в Англии положил начало внедрению такого знания в западноевропейское производство, 60—70-е гг. XIX в., когда индустриально-капиталистические структуры стали распространяться в мировом масштабе, затем 40—60-е гг. XX в., когда начинает меняться технологический (информационная революция) и организационный (государственный капитализм) рисунок мирового капитализма, наконец, возможно, вторая половина 80-х—90-е гг. XX в., когда, победив фактически повсеместно, он начал стремительно погружать человечество в техногенную среду, которая уже в силу своей непредсказуемости и опасности для всего живого должна будет трансформировать нынешнюю реальность в нечто принципиально новое. Схематически эта эволюция является результатом совершенствования мыслительных способностей человека: на определенном этапе развития он через эксперимент приходит к объективному знанию, передает его машине, это служит отправной точкой создания техногенной среды и последующей гибели биосферы, в итоге человек оказывается в кислородном резервате, а за его пределами действует управляемая им или самоуправляющаяся робототехника. В техносфере остается, пожалуй, единственный и главный остаток биосферы — человеческий мозг, первопричина всего процесса. Сильно упрощенная, эта схема, однако, принципиально не опровергается многочисленными тенденциями современного мирового развития.

Поскольку новое время является итогом прожитой жизни человечества, оно много богаче древности и средневековья. Действует своеобразный «закон сохранения прошлого»: его элементы не исчезают, а модифицируются, вступая во взаимосвязи с нововременными по происхождению данностями. Таким образом, в содержательном отношении новое время

являет собой эволюцию реалий капитализма во взаимодействии с реалиями прошлых эпох в окружающей среде, которая испытывает все нарастающее антропогенное давление и в связи с этим трансформируется от биосферного к техногенному состоянию.

Среди важнейших принципов при изучении нового времени следует отметить идеи о единстве мира и едином историческом времени, регрессивный метод, когда картина современности, рассматриваясь как итог прошлого развития, становится точкой отсчета для поэтапного «путешествия» в это прошлое, и, несомненно, системный подход. А исследование систем идет, как известно, в трех плоскостях: предметной (элементы и их связи), функциональной (аспекты внутреннего и внешнего функционирования) и исторической (генетическо-эволюционный и прогностический аспекты).⁵

Все эти соображения были положены в основу Петербургских Кареевских чтений по новистике. История нового времени понималась тогда как предмет изучения новистики, а последняя — как наука, изучающая нововременную эволюцию. Упомянутые понятия использовались в качестве синонимов. Чтения были посвящены памяти выдающегося петербургского историка нового времени и теоретика исторического знания Николая Ивановича Кареева (1850—1931). Он являлся одним из родоначальников глобально-системного метода изучения нового времени, что, в частности, отчетливо проявилось в его труде «Историология. (Теория исторического процесса)», появившемся в 1915 г.⁶

Участники первый двух чтений (они собрали соответственно 56 и 118 докладчиков из 11 и 18 городов России) определяли историю нового времени как фундаментальную область исторического знания, целью которой является научная реконструкция жизни человечества в XV—XX вв. методами исторического исследования. Не возникало сомнений в том, что внимание историков нового времени традиционно должно быть сосредоточено преимущественно на политическом, экономическом, социальном, военном, идеологическом аспектах прошлого. В соответствии с этими представлениями первые чтения были посвящены определению нового времени в пространственном, хронологическом, содержательном отношениях и некоторым итогам изучения прошлого отдельных стран и регионов, а вторые — феномену империй в новое время. Однако уже во время первых чтений не вызывало сомнений, что историкам необходимо как можно шире привлекать результаты других наук, в частности биологических, технических, землеведческих, а также данные междисциплинарных исследований.⁷

В 1998 г., при подготовке третьих чтений, автор этих строк и группа молодых петербургских исследователей пришли к мысли, что в нынешней ситуации, пограничной для нового времени и, можно сказать, для всей человеческой цивилизации, реконструкция прошлой жизни — еще далеко не все, чем может и должен ограничивать свою деятельность историк. Ведь помимо этой непосредственной функции историческая наука осуществляет и свое универсальное предназначение, являясь наиболее ярким примером и благодарной сферой реализации идеи историзма, базовой для науки в целом. Именно как хранители и поборники историзма историки способны «пристыковать» свою науку к любой группе других наук, слиться с ними для совместных исследований проблем, волнующих ныне человечество. А их великое множество:

К примеру, проблема накопленного оружия, причем уже не только у основных ядерных держав, но и у некоторых стран третьего мира с их неустойчивым социально-экономическим положением и конфликтными отношениями друг с другом. К этому следует добавить стремление мафиозных структур захватить оружие массового уничтожения. Всем известно, что углубляется разрыв в уровне развития стран первого и третьего мира. Житель богатых стран потребляет в течение жизни в десятки раз больше ресурсов планеты, чем житель стран бедных, хотя численность населения там в 3—4 раза выше. Острота продовольственной проблемы подчеркивается тем, что в мире сейчас 1.5 млрд бедняков и 0.5 млрд голодающих. Полностью оправдались прогнозы демографов: ныне численность землян превысила 6 млрд, а к 2025—2030 гг., вернее всего, достигнет 8—9 млрд. Существует проблема урбанизации. Дело идет к тому, что мегаполисы будут вмещать в себя половину человечества. Необычайно остра и будет в дальнейшем обостряться проблема занятости населения. В связи с ростом генетической неполноценности землян, вызванной ухудшением состояния среды, распространением наркотиков, СПИДом, все больше будет забот у врачей. А проблема источников энергии! Это и истощаемость минеральных ресурсов, и опасность, связанная с ядерной энергетикой, и еще минимальное использование чистых и возобновляемых источников энергии. Существует проблема отходов, особенно в бедных странах. Мир буквально захлестнут валом социально опасных явлений, среди них — наркобизнес, терроризм, антигуманное использование достижений науки и прочее. Перед человечеством стоят и многие другие проблемы. Оно должно защищать еще не затронутую хозяйственной деятельностью сушу и Мировой океан, одновремен-

но осваивая последний, продолжать изучение космоса, использовать компьютерные технологии для интернационализации образования. Существует проблема международных организаций и их роли как мирового правительства. Этот перечень может быть продолжен.

Нельзя не видеть, что каждая из этих проблем имеет в своей основе глобальные процессы, зародившиеся в новом времени, связанные с ним генетически, им порожденные. Любой из интересующих нас глобальных процессов пережил генезис, сложную эволюцию, и ныне мы становимся свидетелями их исходов. Ни один из глобальных процессов не может быть изучен, осмыслен, понят, спрогнозирован вне исторического контекста, без учета особенностей его развития, вне связи с другими процессами равного масштаба. Поскольку все глобальные процессы многоплановы и многоаспектны, связаны с эволюцией как самого человечества, так и среды его обитания, они должны исследоваться только на междисциплинарном уровне. «К сожалению, в конце нашего века междисциплинарный синтез, направленный на выработку новых императивов развития, технологий выживания, идеологии XXI в., стал не игрой ума, не академической программой, родившейся в кабинетной тиши, а насущной необходимостью. „Физику” и „лирики” по отдельности не выдержали экзамена в XX веке. В следующем веке его придется сдавать вместе», — писали С. П. Капица, С. П. Курдюмов и Г. Г. Малинецкий в 1997 г.⁸

В связи со всем вышеизложенным все отчетливей стала видеться целесообразность конституирования, утверждения, обоснования новой области междисциплинарных исследований, посвященной изучению эволюции глобальных процессов в новое время, и на этой основе воссоздания динамики становления современного мира. Поскольку предстоит вести исследования на хронологическом и пространственном поле нового времени, изучать процессы, зародившиеся в границах названных протяженностей и неразрывно связанные с нововременной спецификой, эту область логично было бы назвать новистикой.

Тема третьих Кареевских чтений (6—9 декабря 1999 г.), на которых была сделана попытка размежевания понятий «история нового времени» и «новистика», сама уже носила новистический характер — «Становление мира как „общего дома” человечества: динамика, этапы, перспективы (XV—XXI вв.)».⁹ В них приняли участие почти 200 ученых полутора десятков специальностей из без малого 30 российских городов. В докладе автора этих строк подчеркивалась бесспорная общекультурная роль историков нового времени. Реконструируя картины прошлого, они вместе с коллегами, посвятившими себя архео-

логии, древней истории, средневековью, удовлетворяют постоянную потребность человечества в самопознании, обнажают и поддерживают связи между прошлым и настоящим, играют роль своеобразного якоря, не давая человечеству затеряться во времени прожитой жизни, потерять представление о генеральном векторе его развития, динамике и этапах совершаемой им эволюции. Если ключевое слово для определения существа истории нового времени — прошлое, то для новистики в ее новом, предлагавшемся нами значении — современность. Задача новистики — объяснять, как сложился современный мир, и делать это путем исследования эволюции и стержневого процесса, т. е. становления «общего дома», и многочисленных частных, в том числе наиболее опасных, экстремальных, болевых процессов, приведших в своем развитии к возникновению некоторых обозначенных выше проблем. В центре внимания новистики, с одной стороны, исследование фактов и явлений прошлого, в наибольшей степени способствовавших глобальным процессам в ходе развития земной цивилизации, а с другой стороны, изучение в исторической ретроспективе фактов и явлений современной действительности, имеющих глобальный характер. В первом случае исследование обращено от прошлого к современности, во втором — от современности к прошлому. Таким образом, новое время изучается новистикой в двух встречных направлениях, но с одной, уже упоминавшейся генеральной целью — познать современность.

В арсенале новистики, как и истории нового времени, должны быть глобальный (единый мир), синхронный (единое время), регрессивный, системный методы исследования. Однако новистические штудии в отличие от исторических связаны с неперменным учетом антропогенного давления на окружающую среду, историческим мониторингом ее состояния. Кроме того, они открыты для восприятия конкретно-научных методологий всех отраслей знания. Исследование конкретного глобального процесса на всей протяженности его эволюции с целью рассмотрения его в предельно возможной полноте и объемности должно вестись с привлечением специалистов в областях всех необходимых для этого наук. Междисциплинарность, а точнее полидисциплинарность, имеет для новистики не желательный, а императивный характер, ибо инструментарий только исторической науки для ее целей решительно недостаточен. Таким образом, новистика характеризуется как историчностью, так и комплексностью подходов к объекту исследования, а ведь ныне именно этого не хватает при изучении глобальных процессов. Глобалистика и футурология лишены упомянутых качеств, особенно фундированного полидисциплинарного зондирования прошлого глобальных про-

цессов, исследования их в ретроспективе и прогнозирования лишь на этой основе.

Практика новстических исследований, полагаем, научит гуманитариев и естественников сотрудничать. Видение общей задачи поможет найти необходимые компромиссы, допуски в определениях и оценках, обеспечит плодотворные результаты. Ныне в естественных науках (географических, биологических) все больше осознается важность гуманитарного и социального измерений исследуемых явлений. Движение гуманитарного и естественнонаучного знаний навстречу друг другу уже идет, и становление новстике даст возможность его ускорить.

Актуальность новстике показывают, в частности, программы многих зарубежных научных центров и университетов, связанные с экологической историей, проблемами экологической безопасности, глобальной безопасности и др. Следует отметить, однако, что вопрос о такой целостной области исследований, как новстике, ставится впервые.

Среди будущих проблемных направлений в новстике и исследовательских тем, по которым уже есть значительный научный задел, могут быть названы, например, следующие: империи и колонии (имперский синдром; колониальный синдром; судьбы отношений стран из разных международных систем; типология и эволюция империй в новое время); океаническое пространство и человечество (раздел Мирового океана и развитие технологической культуры); системы знания и их социальная организация (знания и рынок: развитие рынка науки и образования; организация университетов и организация знания; социально опасные последствия научных исследований); экологические проблемы в ретроспективе (меняющийся образ природы в истории человечества); болезни человека — болезни человечества (эпидемические болезни и общество в исторической ретроспективе; наука и человеческое тело: от вскрытия к трансплантации органов). Важно объединить усилия специалистов для разработки и такого направления, как «глобализация социально опасного действия» (наркомания и наркобизнес в исторической ретроспективе; терроризм: от локального действия к мировой проблеме и др.).

Имея целью изучение стержневого глобального процесса — становление «общего дома» человечества, новстике в переходную к глубокому техногену эпоху, очевидно, может стать альтернативой истории нового времени как отрасли науки. Сама же новременная история на исходе биосферной эры будет терять свое «якорное» значение, роль стабилизатора человечества в пространстве времени, а тем самым и общественную востребованность. А вот сосредоточенность на полидисциплинарных исследованиях глобальных процессов будет с неизбеж-

ностью возрастать. Наряду с синергетикой, возникшей в 70-х гг. XX в., новистика, вероятно, ляжет в основание некой метанауки XXI в., о которой уже пишут в вузовских учебниках, науки, объединяющей гуманитарные и естественнонаучные знания, науки о сохранении цивилизации людей на Планете, науки о развитии Человека и сохранении всего живого.¹⁰

¹ Вторые Петербургские Кареевские чтения по новистике. 22—25 апреля 1997 г. Империи нового времени: типология и эволюция (XV—XX вв.). Краткое содержание докладов. СПб., 1999. С. 408—412.

² Строго говоря, с точки зрения современных представлений это невозможно, ибо все то, что доступно нашему наблюдению, представляет собой систему, а значит, к ней как ее элемент принадлежит и наблюдатель, т. е. принципиально невозможно существование ни абсолютного наблюдателя, ни абсолютной истины. Упомянутую констатацию смягчил В. И. Вернадский, введя понятие «эмпирическое обобщение». Оно подразумевает возможность прийти к представлению о многомерной картине мира на основе совокупности разумов, интеллектов, умозрений, обобщения опыта многих.

³ Вильчек В. С. Прощание с Марксом. (Алгоритмы истории). М., 1993. С. 69—146.

⁴ Комиссаров Б. Н. Неформальные империи XXI в. в условиях глубокого техногена // Вторые Петербургские Кареевские чтения по новистике... С. 425—450.

⁵ Каган М. С. Системный подход и гуманитарное знание. М., 1991. С. 17.

⁶ Кареев Н. И. Историология. (Теория исторического процесса) // Российская социология. Вып. 2. Социология истории Николая Кареева. СПб., 2000. С. 13—237; Комиссаров Б. Н. Глобально-системный подход к исследованию современной исторической эволюции в «Историологии» Н. И. Кареева // Вторые Петербургские Кареевские чтения по новистике... С. 253—260.

⁷ Комиссаров Б. Н. О содержании и преподавании новистики // Первые Петербургские Кареевские чтения по новистике. 17—21 апреля 1995 г.: Краткое содержание докладов. СПб., 1996. С. 27.

⁸ Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. М., 1997. С. 12.

⁹ Комиссаров Б. Н., Копелев Д. Н. Третьи Петербургские Кареевские чтения по новистике // Новый часовой. Русский военно-исторический журнал. 1999. № 8—9. С. 458—460.

¹⁰ Дульнев Г. Н. Введение в синергетику. СПб., 1998. С. 13.

В. Н. ПЛЕШКОВ

ПОСЛЕДНИЙ ПРИЮТ ГЕНЕРАЛА МОРО

С Юрием Васильевичем я познакомился давно, еще в конце 1960-х гг. Все в нем привлекало: внешность и врожденная интеллигентность, разносторонние знания и лекторский талант. Мы встречались нечасто, в основном в Доме дружбы, а затем на заседаниях кафедры всеобщей истории и диссертационного совета

истфака герценовского института, куда меня начал приглашать в качестве оппонента В. К. Фураев. Постепенно наши отношения становились все менее официальными, куда-то уходила разница в возрасте. Я был рад каждой новой встрече с Юрием Васильевичем, возможности пообщаться с ним, выяснить его точку зрения на ту или иную проблему, отношение к новой книге или фильму.

Более частыми наши встречи стали в последние годы, когда мы оба оказались членами одного диссертационного совета. Как-то само собой сложилось, что мы всегда садились рядом и беседовали на самые разные темы, пока своим чередом шла защита очередной диссертации. Говорили вполголоса, но часто ловили на себе осуждающий взгляд председателя совета, бывало что его строгий голос прерывал ненадолго нашу беседу.

Душным летним вечером мы возвращались с одного из очередных заседаний. По пути к метро я рассказал Юрию Васильевичу о том, что нашел в дневниках американских дипломатов записки о похоронах в Петербурге известного французского генерала Моро. Он живо заинтересовался этим фактом, который почему-то был ему неизвестен. «Непременно опубликуйте эти заметки, — сказал он, — да и про самого генерала Моро не мешало бы рассказать. О нем почти забыли, а ведь он был достойным соперником Наполеона».

Это была последняя встреча. Через пару дней Юрия Васильевича не стало.

2 октября 1813 г. центр Петербурга был переполнен народом. Между Гостиным двором и Екатерининским каналом строились войска, прилегающие улицы были забиты каретами и колясками. В российской столице с воинскими почестями хоронили французского генерала Моро. Свидетельница этих событий графиня Р. С. Эдлинг оставила краткое, но весьма эмоциональное описание «этих необыкновенных похорон в католической церкви, убранной трауром и давшей последнее убежище изгнаннику», в ходе которых «русские солдаты снесли гроб в церковный подвал, где Моро предан земле возле последнего польского короля, представляющего собою другой пример изменчивости судеб».¹ Кроме этого, имеется еще два практически неизвестных свидетельства участников сей траурной церемонии. Речь идет о дневниковых записях первого посланника США в России Джона Куинси Адамса и сенатора Джеймса Аштона Бейарда, находившегося в это время в Петербурге с дипломатической миссией. Но прежде чем предоставить слово этим очевидцам, следует объяснить, почему французский генерал, сражавшийся против А. В. Суворова и

союзных войск, был удостоен государственных похорон в российской столице. Соотечественник Моро Ж. Ансело, побывавший в России в 1827 г., утверждал, что могилу генерала «ни один француз не может видеть без боли. Разве в Петербурге, — задавался он вопросом, — следовало покоиться праху этого полководца, столь героически сражавшегося на поле брани и столь мужественно переносившего удары судьбы».²

Жан Виктор Мари Моро родился 14 февраля 1763 г. в бретонском городе Морле (Финистер) в семье адвоката. Ему была предначертана карьера юриста и государственного чиновника, каким и стал его младший брат Жозеф Мари Франсуа Моро (1764—1849), бывший в 1800—1807 гг. членом Трибунала, а после Реставрации префектом Лозера, а затем Шаранты. В 17 лет Жан Виктор был послан в юридическую школу г. Ренн, но его влекли иные горизонты, и он вступил в армию. Отец выкупил юношу, и ему пришлось засесть за науки.

В 1788 г., будучи старостой студентов юридической школы, Моро содействовал успокоению горожан, возмущенных разгоном парламента провинции, позднее сыграл роль в событиях 26—27 января 1789 г., связанных с созывом Генеральных Штатов Бретани. В том же году он поставил крест на юриспруденции и с готовностью вступил в только что организованную Национальную гвардию, став капитаном артиллеристов.

В сентябре 1791 г. Моро был избран подполковником 1-го батальона волонтеров департамента Иль-и-Вилен. В начавшейся в следующем году войне против Австрии и Пруссии он служил в Северной армии под командованием генералов Ш. Ф. Дюмуре, а затем Ж. Журдена, отличился в операциях против Ипра, Фурне, Остенде, сражался при Стефенсверте и Нирвиндене. Военская доблесть содействовала карьере Моро, утвержденного в январе 1794 г. в звании бригадного генерала, а в апреле 1795 г. — дивизионного генерала. Тогда же он был поставлен во главе 2-й дивизии Северной армии, которой к тому времени уже командовал генерал Ж. Ш. Пишегрю. Войска Моро одержали победу при Туркуане, захватили Ипр, взяли Брюссель. Возглавив Северную армию (временно с 11 октября 1794 г., а постоянно с 3 марта 1795 г.), Моро занял Люксембург, а затем Гревс. В марте 1796 г. он был поставлен во главе Рейнско-Мозельской армии и вместе со своими соратниками Л. Ш. А. Дезе и Л. Гувьоном Сен-Сиром, перейдя Рейн, одержал впечатляющие победы в Южной Германии. Однако кампания 1796 г. закончилась отступлением французских войск за Рейн через горы Шварцвальда. Это 40-дневное отступление упрочило воинскую славу Моро и принесло ему прозвище французского Фабия. «Генералом

славных ретирад» назвал Моро А. В. Суворов, заметивший позднее: «...горжусь, что имею дело со славным человеком».³ Со своей стороны Моро спустя многие годы утверждал при свидетелях: «Суворов есть один из величайших генералов: никто лучше его не умел одушевлять войск, никто не соединял в себе в высшей степени качеств военачальника...»⁴

24 декабря 1796 г. под командование Моро была поставлена и Самбро-Маасская армия. Весной следующего года армии Моро снова перешли Рейн, но развитие наступления помешало перемирию 23 апреля 1797 г., предшествовавшее Леобенскому договору.

15 сентября 1798 г. генерал Моро был назначен генеральным инспектором сухопутных войск и направлен в Италию, в апреле 1799 г. стал главнокомандующим Итальянской и Неапольской армиями. Положение французских войск к этому времени оказалось весьма критическим, и 27 апреля они были разбиты А. В. Суворовым у Кассано и принуждены к отступлению. В июне Моро взял реванш у Сан-Джулиано, но дальнейшие сражения не принесли ему лавров.

Тем временем в Париже нарастала решимость покончить с режимом Директории. Аббат Э. Ж. Сийес, ставший членом Директории после возвращения с поста посла Франции в Пруссии, готовил государственный переворот. Для успеха ему, как писал А. К. Дживилегов, «нужна была хорошая генеральская шпага».⁵ Первоначально расчеты строились на генерале Б. К. Жубере. Моро, по справедливой характеристике А. Вандалья, «столь хладнокровный и мужественный перед лицом врага, боялся политики и считал себя неспособным к ней; как только затевалось что-нибудь в области внутренней жизни страны, он добровольно отступал на второй план... соглашался... сделаться главным ассистентом Жубера».⁶ Смерть Жубера от ранения пулей в грудь навывлет, полученного 15 августа 1799 г. в самом начале битвы при Нови с войсками А. В. Суворова, изменила планы заговорщиков.

Моро, также раненный в этом сражении и потерявший под собой трех лошадей, сменил Жубера на посту главнокомандующего Рейнской армией. В начале октября он прибыл в Париж, где вновь оказался в поле зрения Сийеса. Однако, несмотря на воинские заслуги и несомненный полководческий талант, Моро был лишен, говоря современным языком, харизмы. «У него, — как правильно подметил А. Вандаль, — была репутация, но не было популярности».⁷ Вскоре в столице в ореоле триумфатора объявился и генерал Н. Бонапарт, оставивший в Египте свою армию. Моро, узнав о высадке Бонапарта во Фрежюсе, сказал Сийесу: «Вот тот, кто Вам нужен; он Вам устроит переворот гораздо лучше меня».⁸

Двух прославленных полководцев познакомил президент Директории Л. Ж. Гойе. В их честь 6 ноября в соборе Св. Сюльпиция, ставшего после революции храмом Победы, Законодательным корпусом был дан большой банкет. Сийес сделал ставку на Наполеона. 18 брюмера (9 ноября 1799 г.) Директория перестала существовать. Наполеон, возглавивший заговор, поручил Моро командование тремя сотнями солдат 96-й полубригады, призванных охранять взятых под негласный арест в Люксембургском дворце членов Директории Л. Ж. Гойе и Ж. Ф. О. Мулэна. Как констатировал А. Вандаль, «этот высокий пост и в то же время чисто пассивная роль» вполне отвечали вкусам Моро.⁹

Ставший после переворота 18 брюмера первым консулом, Наполеон возложил на Моро командование не только Рейнской, но и Швейцарской армией. Кампания 1800 г. принесла Моро новые лавры. Весной он третий раз форсировал Рейн, одержал блестящие победы в Южной Германии, перешел Дунай и разбил австрийские войска у Хохштайна и Нересхайма. В сентябре Моро прибыл в Париж и был благосклонно встречен Наполеоном, презентовавшим ему пару пистолетов, украшенных драгоценными камнями.

Жозефина сосватала ему свою приятельницу, и 9 ноября 1800 г. молодая креолка мадемуазель Юло стала мадам Моро. Медовый месяц длился всего 10 дней, и уже 22 ноября Моро вернулся к своей армии в Аугсбург.¹⁰ Умело маневрируя, Моро завлек войска, ведомые австрийским эрцгерцогом Карлом Людвигом Иоганном, к Гогенлиндену (восточнее Мюнхена) и 3 декабря 1800 г. одержал блестящую победу, захватив около 10 тыс. пленных, 80 пушек и другие трофеи. Лишь перемирие, заключенное на Рождество 1800 г., остановило продвижение французских войск к Вене. Этот триумф затмевал недавний успех Наполеона в сражении при Маренго и стал, как оказалось, достойным венцом военной карьеры генерала Моро, удостоенного позднее ордена Почетного легиона. Капитуляция Австрии привела к подписанию 9 февраля 1801 г. Люневильского мирного договора, положившего конец 2-й антифранцузской коалиции.

23 сентября 1801 г. дивизионный генерал Моро был уволен с действительной службы и удалился в имение Гробуа (департамент Сена и Уза) около Буасси-Сан-Лежер, принадлежавшее ранее П. Баррасу. Слабохарактерный во всем, что не касалось воинской службы, генерал быстро оказался под каблуком своей весьма амбициозной супруги. Его дом вскоре превратился в один из центров оппозиции, в место встречи лиц, недовольных первым консулом. В январе 1804 г. Моро встретился со своим давним однополчанином генералом Ж. Ш. Пишегрю. Послед-

ний после выборов 1797 г. возглавил Совет пятисот и после переворота 18 фруктидора V года (4 сентября 1797 г.) был арестован, сослан в Гвиану, откуда бежал на следующий год в Англию. В 1803 г. он тайно прибыл во Францию, куда также проник и небезызвестный фанатик-роялист Ж. Кадудаль. Цель этого Komplota состояла в том, чтобы, прикрываясь именем Моро, поднять в Париже мятеж, убить Наполеона и восстановить монархию Бурбонов.¹¹ Первый консул, как вспоминал Ш. М. Талейран, использовал этот заговор, дабы, впутав в него «своих соперников по славе», вынудить Сенат дать ему императорский титул. «Этот титул, который он все равно бы получил, если бы проявил умеренность и мудрость, хотя, может быть, и несколько позже, достался ему путем насилия и преступления. Он вззошел на трон, — констатировал Талейран, — замаранный невинной кровью, и притом кровью, которая была дорога Франции в силу древних и славных воспоминаний».¹²

14 февраля 1804 г. Моро по приказу Наполеона был арестован и заключен в Тампл. Ему припомнили и давний инцидент, случившийся весной 1797 г., когда гусары французского авангарда захватили обоз австрийского генерала барона Клинглена. В одном из фургонов находился архив армии, включая его «секретную часть» (*partie secrète*), содержащую документы, свидетельствовавшие о тайных контактах дивизионного генерала Пишегрю и лидеров эмиграции. Моро, как стало известно позднее, ознакомил с их содержанием Директорию не сразу же после их расшифровки, а лишь спустя четыре с половиной месяца.¹³

Процесс, начавшийся 28 мая, завершился уже 10 июня 1804 г. Кадудаль и его сообщники были гильотинированы на Гревской площади. Пишегрю был удушен собственным галстуком в тюремной камере. Моро осудили к двум годам тюрьмы, замененным изгнанием из Франции. Для Моро приговор стал, как писал он жене, «верхом ужаса и бесчестия».¹⁴

Моро понес также огромный материальный ущерб. Его принудили оплатить судебные издержки, составившие более миллиона франков. Его парижский дом на улице Анжу Бонапарт отдал генералу Ж. Б. Бернадоту, а имение Гробуа, оцененное в 1805 г. в 500 тыс. франков, продано генералу Л. А. Бертье.¹⁵ 6 июля 1804 г. Моро был исключен из списков французской армии. Единственный сын генерала трехлетний Эжен остался с бабушкой во Франции и вскоре умер. В испанском порту Кадис, куда Моро отправился 24 июня 1804 г., он задержался почти на год из-за беременности жены, завершившейся в сентябре рождением дочери Изабель.

Естественным местом эмиграции для французского полководца, сражавшегося под республиканскими знаменами, ока-

зались Соединенные Штаты Америки. Франция была первой европейской державой, оказавшей помощь молодой американской республике и признавшей ее независимость. Любовью и уважением пользовались в США генералы Лафайет и Рошамбо, адмирал д'Эстен, многие другие французские офицеры. Здесь в разные годы находили приют французы, вынужденные по тем или иным причинам покинуть родину, в том числе Талейран, герцог Ларошфуко-Лианкур, маркиз де Блакон, виконт де Ноай, маршал Э. Груши, Жозеф Бонапарт и другие.

4 июля 1805 г. генерал Моро покинул Кадис и 25 августа прибыл в Филадельфию. Он поселился в штате Нью-Джерси возле Трентона, где купил усадьбу Морисвилл, расположенную на берегу р. Делавэр в 50 милях от Нью-Йорка и 30 милях от Филадельфии.¹⁶ В Америке Моро стал типичным «сельским джентльменом»: охотился, рыбачил, много читал, охотно принимал гостей. Моя «жизнь — писал он брату, — весьма однообразна, но довольно приятна, так как она покойна и защищена от всех гроз».¹⁷ Весьма интересным оказалось путешествие по США, в ходе которого отставной генерал, осмотрев Ниагару, спустился по Огайо и Миссисипи до Нового Орлеана, а оттуда по суше возвратился в Филадельфию.¹⁸

В США имя Моро было хорошо известно. Его популярности способствовало также издание как минимум двух работ: брошюры с краткой сравнительной характеристикой Бонапарта и Моро и биографии генерала, написанной «офицером его штаба» и переведенной на английский язык.¹⁹

По свидетельству американского консула в Петербурге Л. Гарриса, «ген. Моро превосходно принят президентом Джефферсоном, который относится к нему с большим уважением» и предложил ему возглавить организуемые в США военные школы.²⁰ Не менее радушно принимали Моро и в других высоких кабинетах американской столицы.

В России Моро — достойного соперника воинской славы Наполеона и А. В. Суворова — также хорошо знали. Практически сразу же после его осуждения и изгнания стали появляться разнообразные планы приглашения опального французского полководца на русскую службу.²¹ Александр I, как писал генерал А. Михайловский-Данилевский, предполагал вызвать Моро, подобно тому как «некогда Петр Великий, готовясь к войне против Карла XII, приглашал к себе Марльборуга».²²

Реальные очертания эти планы приняли лишь после поражения наполеоновских армий в России. В согласии Моро, возможно, свою роль сыграли и субъективные обстоятельства: отъезд мадам Моро по нездоровью в Европу, вступление в 1812 г. на русскую службу с рекомендательным письмом генерала его давнего адъютанта полковника Ж. Б. Рапателя²³ и

пожар, уничтоживший в том же году дом в Морисвилле вместе с библиотекой и рукописями генерала. Существенные усилия были предприняты и русскими дипломатами, аккредитованными в США: чрезвычайным посланником и полномочным министром А. Я. Дашковым²⁴ и секретарем генерального консульства в Филадельфии, известным литератором и художником П. П. Свиньиным.

В итоге в июне 1813 г. генерал Моро, которого Свиньин называл «Велизарием нашего века»,²⁵ отплыл из Нью-Йорка вместе с этим русским дипломатом на быстроходном судне «Ганнибал», специально предоставленном известным американским мехоторговцем Дж. Дж. Астором. В конце июля путешественники высадились в Швеции, где Моро был принят своим давним знакомым, наследным принцем Ж. Б. Бернадотом. 16 августа они уже были в Праге. Здесь Моро был весьма любезно встречен императором Александром I, давшим в его честь большой обед, представлен императору Австрии Францу I и королю Пруссии Фридриху Вильгельму III.²⁶

В эти дни Моро написал письмо министру финансов США Алберту Галлатину, уже около месяца находившемуся в Петербурге в составе дипломатической миссии, предполагавшей при посредничестве Александра I завязать мирные переговоры с Великобританией. Письмо в полной мере отражало взгляды Моро и его отношение к текущим событиям. «Вот я снова в армии, готовый сражаться с Наполеоном, и поверьте мне, без малейшего сожаления. Ибо я убежден, что, если то небольшое, что я могу в моем положении сделать, содействует его падению, я тоже получу свою долю благодарности от Франции и всего мира», — писал генерал, особо отмечая, что «победа важна независимо от того, под чьим флагом она добыта» (*peu importe la bannière quand on réussit*). «Я не имею чести быть американцем, — писал далее Моро, — но я весьма заинтересован судьбой страны, в которой пробыл так долго и получал так много выражений дружбы». Подчеркивая свою постоянную «заинтересованность в ее благополучии и успехе», Моро однозначно солидаризировался с позицией президента Дж. Мэдисона и администрации США в отношении англо-американской войны. Сожалея по поводу того, что дипломатическая миссия, «несмотря на могущественное вмешательство Его Императорского Величества», не встретила «успеха, на который мы рассчитывали», он выражал готовность оказывать «любое содействие» как лично Галлатину, так и всей миссии в целом.²⁷

19 августа Моро прибыл в ставку, где принимал участие в совещаниях командного состава союзных армий. С рассвета 27 августа он находился среди многочисленной свиты, сопровождавшей монархов под проливным дождем, близ поля боя

под Дрезденом. По воспоминаниям очевидцев, он упрашивал Александра I отъехать на более безопасное место. В это время «зажужжало ядро, оторвало у генерала Моро правую ногу, пролетело сквозь лошадь, вырвало левую икру и повредило колено». На носилках, сделанных на скорую руку из казачьих пик, раненого, укрыв плащами, отнесли в ближайшую деревню. Здесь лейб-медик, управляющий медицинской частью действующей армии Я. А. Виллие ампутировал ему обе ноги.²⁸

Военачальникам и героям в критические минуты жизни свойственно не вспоминать своих близких и родных, а произносить слова, достойные занесения на скрижали истории. «Я погибаю, но как приятно умирать за правое дело и в глазах столь великого Монарха!» — таковы были слова, произнесенные генералом Моро после ранения. Свидетели расходятся только во времени, когда они были сказаны. Согласно А. И. Михайловскому-Данилевскому и П. П. Свиныну — сразу же после ранения, а по утверждению Э. Доде, Моро сказал их своему адъютанту полковнику Рапателю после ампутации.²⁹

После ранения Моро прожил еще две недели. Его перевезли в городок Лауни и создали все условия для выживания. Здесь его посетили сын английского короля Георга III герцог Камберлендский, министр иностранных дел Австрии князь Меттерних, другие знатные особы.³⁰ У постели Моро почти неотступно находились его верный адъютант полковник Рапатель, флигель-адъютант Александра I полковник М. Ф. Орлов, П. П. Свинын, сопровождавший генерала с момента отъезда из США. Именно в эти дни П. П. Свинын нарисовал с натуры портрет Моро. После его отъезда в Англию портрет был «поднесен полковником Рапателем государю императору, который приказал поместить его в Эрмитаж».³¹

Предчувствуя кончину, Моро продиктовал письмо жене. В ночь на 2 сентября у него начался жар, он бредил. Незадолго до смерти он начал диктовать письмо Александру I. «Государь! Я нисхожу во гроб с чувствованиями уважения, удивления и преданности, кои запечатлелись в сердце моем к Вашему Величеству с первой минуты нашего свидания...», — успел произнести Моро.³² Э. Доде в своей биографии генерала утверждает, что последними словами Моро были: «Мне не в чем себя упрекнуть» («Je n'ai rien à me reprocher»), — которые М. Ф. Орлов сообщил в донесении императору.³³ В 6 часов 55 минут утра 2 сентября 1813 г. генерал Моро скончался.³⁴

Александр I повелел похоронить генерала Моро за государственный счет, а на месте ранения установить памятник.³⁵ Его вдове был вручен рескрипт императора, а в случае приезда в Россию обещаны 100 тыс. руб. единовременно и ежегодная

пенсия в 30 тыс. руб.³⁶ Дочь генерала Изабель должна была стать фрейлиной императрицы. По словам П. П. Свинына, «самая отличительная почесть, возданная Его Императорским Величеством памяти сего Генерала», — письмо императора мадам Моро от 6 сентября 1813 г., которое ему было поручено отвезти вдове покойного.³⁷ После Реставрации Бурбонов Людовик XVIII пожаловал вдове пенсию в 12 тыс. франков и звание жены маршала (Madam la Marechale),³⁸ ей также было передано около 500 тыс. франков, составлявших стоимость секвестрированного имущества. На гибель Моро откликнулся и Наполеон. «Меня огорчает слава М[оро], который нашел смерть в рядах неприятеля, — отмечал в изгнании низверженный император французов. — Если бы он умер за родину, я завидовал бы такой судьбе. Мне ставили в вину его изгнание; так или иначе — ведь нас же было двое, тогда как нужен был только один».³⁹

22 сентября 1813 г. похоронный кортеж выехал из Праги. Гроб с набальзамированным телом покойного генерала Моро сопровождали полковник Ж. Б. Рапатель, П. П. Свинын, М. Ф. Орлов и другие лица.

О смертельном ранении Моро в Петербурге стало известно из донесения, доставленного из ставки очередным курьером. Граф Ю. П. Литта, рассказывая группе придворных и дипломатов, собравшихся на благодарственный молебен в Казанском соборе, об обстоятельствах победы союзных войск под Дрезденом, упомянул о том, что «граф Остерман потерял руку, а генерал Моро обе ноги». Посланник США в России Дж. К. Адамс, записавший рассказ графа в своем «Дневнике», воспроизвел вкратце и обстоятельства ранения Моро. Более подробную запись Дж. К. Адамс сделал почти месяц спустя со слов французского дипломата, беседовавшего с адъютантом покойного полковником Рапателем, доставившим тело генерала в Петербург.⁴⁰ Почти идентичные сведения приведены в «Дневнике» Дж. А. Бейарда после визита Рапателя в американскую миссию.⁴¹ Практически в те же дни о различных ходивших в Петербурге версиях смерти генерала Моро писал и граф Ж. де Местр.⁴²

Церемония погребения генерала Моро состоялась 2 октября 1813 г. в церкви Св. Екатерины на Невском проспекте. Гроб с телом покойного поместили в восточной части подвала церкви и наглухо замуровали. Наверху под первым окном со стороны хоров, с правой стороны от входа в храм была установлена мраморная плита с надписью. Именно сюда в последующие десятилетия приходили поклониться праху покойного полководца гости российской столицы. Были среди них и французы. А. де Кюстин даже сочинил послание в стихах «На могилу генерала Моро».

В 1954 г. в связи с запросом французской стороны была создана специальная комиссия, которая вскрыла склеп и обнаружила остатки деревянного гроба с бронзовыми украшениями на крышке и следами бархатной обивки. Здесь же на полу лежали две овальные таблички из позолоченной латуни, украшенные по краям гирляндами. В центре одной из них был медальон с изображением рыцарского шлема с забралом и монограммой «М», а по бокам надписи: «Le Général Moreau né le 30 juillet 1763 décédé le 22 août 1813 âgé de 50 ans 23 jours» («Генерал Моро родился 30 июля 1763 г., умер 22 августа 1813 г. в возрасте 50 лет и 23 дней»). На другой эпитафия: «Guide de l'éternité, Il ne veut sur cette terre / Que pour mourir dans la carrière / Qui mène à l'immortalité» («Ведомый к вечности, / желает он на этой земле / лишь умереть на пути, / что ведет к бессмертию»)⁴³.

Таким образом, могила генерала Моро, несмотря на то что церковь Св. Екатерины с 1938 г. по 1992 г. не действовала и использовалась как склад, сохранилась в неприкосновенности.

Ниже приводятся дневниковые записи Дж. К. Адамса и Дж. А. Бейярда, бывших очевидцами похорон Моро. Печатаются по публикациям: *Memoirs of John Quincy Adams comprising portions of His Diary from 1795 to 1848* / Ed. by Ch. F. Adams. In 12 vols. Philadelphia, 1874. Vol. 2. P. 534—535; *Papers of James A. Bayard, 1795—1815* / Ed. by E. Donnan // *Annual Report of the American Historical Association for the Year 1913*. Washington, 1915. Vol. 2. P. 473—475.

«14-е [октября, 1813]. В десять утра вместе с м-ром Смитом⁴⁴ отправился в римско-католическую церковь⁴⁵ и присутствовал на церемонии погребения генерала Моро. Его тело по приказу императора было доставлено в город в сопровождении полковника Рапателя, который являлся адъютантом генерала и коего император ныне назначил одним из своих адъютантов.⁴⁶ Церковная служба совершалась архиепископом Могилевским, римско-католическим митрополитом империи.⁴⁷ Звучала музыка, которая была написана для погребения покойного короля Польши.⁴⁸ Пение было очень хорошим. Проповедь была произнесена по-французски отцом Росавелем,⁴⁹ профессором философии иезуитского колледжа. Текст ее был из «Книги Премудростей Соломона», гл. 9, ст. 13. «Ибо какой человек в состоянии познать совет Божий? или кто может уразуметь, что угодно Господу?» Она была произнесена по памяти, короткая — не более пятнадцати минут, замечательная по содержанию чувств и без единого выпада против Бо-

напарта или даже намек на него. Биографический очерк жизни Моро был такой, какой можно было почерпнуть из газет; его военные подвиги были освещены достаточно, но не слишком подробно; его знаменитое отступление⁵⁰ описано весьма детально; его отказ выполнять декреты Конвента, направленные против эмигрантов и требовавшие не щадить англичан и гановерцев,⁵¹ справедливо подавался как пример гуманности и великодушия его характера; его двусмысленные дела с Пишегрю⁵² в двух разных случаях и его обвинение Пишегрю в одном из них смазаны, как вопросы слишком серьезные для обсуждения. Суд над ним был только упомянут, сказано, что он стоил ему большей части состояния. Панегирик Императору Александру был умело переплетен с панегириком Генералу, и медаль за 1812 год⁵³ представлена как доказательство его (императора. — *В. П.*) скромности и благочестия. Стиль выступления был в целом умеренным, едва ли не в едином темпе, за исключением обращения к жителям Аугсбурга,⁵⁴ которое было не очень удачно расположено. Вся церемония, по правде говоря, была скучная; в церкви, за исключением полковника Рапателя, не было, пожалуй, ни одного искреннего плакальщика. Он выглядел весьма взволнованным и горько мне сокрушался в том, что ядро не поразило его вместо генерала. Присутствовали российские министры и генералы, но никого из иностранных посланников, кроме графа Местра.⁵⁵ Шевалье Бардахи⁵⁶ сказался больным. Катафалк⁵⁷ был элегантным, но простым, без орнаментов или трофеев. Церковь была частично завешена черным. Тело было помещено в склеп справа от центрального нефа церкви. Перед церковью были выстроены войска, произведшие несколько ружейных залпов в момент погребения. Вся церемония заняла около трех часов. Она началась, когда мы прибыли, — около четверти одиннадцатого утра».

«Четверг 14 [октября, 1813]. Нынешним утром я присутствовал на торжественной похоронной службе по генералу Моро в католической церкви. Здание было переполнено, и пройти внутрь было трудно. „*Les Grands de l'Empire ont assisté a cette cérémonie*”.^{*} Служба велась столичным архиепископом Могилевским и сопровождалась заупокойной проповедью. Гроб был покрыт малиновым бархатом, окаймленным золотой бахромой. Он был помещен на возвышении высотой около 7 футов⁵⁹ — „*sur un magnifique catafalque*”^{**} под роскошным балдахином. Вокруг возвышения горело более тысячи свечей. И хор, и оркестр были превосходны,⁶⁰ а вся служба торжественна и

* «Сановники империи присутствовали на этой церемонии».

** «на великолепный катафалк».

интересна. Она продолжалась с 10 часов утра до 2 часов полудни. По ее завершении прогремело несколько ружейных залпов салюта из 2000 шеренг войск, построенных перед церковью».

¹ Из записок графини Эдлинг, урожденной Стурдзы. С неизданной французской рукописи // Русский архив. 1887. Кн. 1. № 2. С. 266—267.

² *Ancelot J.* Six mois en Russie. Paris, 1827. P. 229.

³ Собрание разных сочинений Е. Фукса. СПб., 1827. С. 168.

⁴ *Михайловский-Данилевский А.* Записки о походе 1813 года. СПб., 1834. С. 295—296.

⁵ *Джигилев А. К.* Революционная Армия и ее вожди. Пг., 1923. С. 167.

⁶ *Вандаль А.* Возвышение Бонапарта. СПб., 1995. Т. 1. С. 120.

⁷ Там же. С. 276.

⁸ Там же. С. 231—232.

⁹ Там же. С. 322—323.

¹⁰ [*Cousin d'Avallon C. Y.*] Histoire de général Moreau, contenant une Notice sur la vie de ce général, ses campagnes sur le Rhien et en Italie, la conspiration anglaise, son arrestation, les débats de son proces et son jugement. Paris, 1804. P. 126.

¹¹ *Ревуненков В. Г.* Очерки по истории Великой Французской революции. 1789—1814 гг. 3-е изд., доп. СПб., 1996. С. 389.

¹² *Талейран Ш. М.* Мемуары. М., 1959. С. 167.

¹³ *Godechot J.* Moreau et les papiers de Klinglin // Annales Historiques de la Revolution Française. Juillet—Aout. 1932. N 4. P. 309—324.

¹⁴ Цит. по: *Daudet E.* L'Exil et la Mort du général Moreau. Paris, 1909. P. 93.

¹⁵ Ibid. P. 100.

¹⁶ Опыт живописного путешествия по Северной Америке Павла Свинына. СПб., 1815. С. 114. — Изображение этого дома, сделанное рукой П. П. Свинына, приведено на вкладке между с. 108 и 109.

¹⁷ Ж. В. М. Моро — Ж. М. Ф. Моро 27 октября 1806 г. Цит. по: *Daudet E.* L'Exil et la Mort du général Moreau. P. 148—149.

¹⁸ Опыт живописного путешествия по Северной Америке Павла Свинына. С. 113.

¹⁹ Bonaparte and Moreau. A Comparison of their political and military lives. Philadelphia, [1800]. 19 p. The Life and Campaigns of Victor Moreau. Comprehending his trial, justification and other events till the period of his embarkation for the US. New York, 1806. 288 p.

²⁰ Запись беседы А. Чарторыйского с Л. Гаррисом 14(26) марта 1806 г. Россия и США: становление отношений 1765—1815. М., 1980. С. 280.

²¹ *Михайловский-Данилевский А.* Записки о походе 1813 года. С. 277—278, 280—281.

²² Там же. С. 277.

²³ Рапатель Жан Батист (ум. в 1814 г.) — французский офицер, многолетний адъютант генерала Моро. В 1804—1812 гг. вместе с ним был в США в эмиграции. Убит в сражении при Фер-Шампенуазе.

²⁴ Переписку А. Я. Дашкова с Моро см.: *Daudet E.* L'Exil et la Mort du général Moreau. P. 168—176.

²⁵ Опыт живописного путешествия по Северной Америке Павла Свинына. С. 112.

²⁶ Там же. С. 133—135; Souvenirs sur la Révolution, l'Empire et la Restauration par le général comte de Rochecouart aide de camp du duc de Richelieu, aide de camp de l'Empereur Alexandre 1-er, commandant la place de Paris sous

Louis XVIII. Memoirs inédits publiés par son fils. Deuxième édition. Paris, 1892. P. 229.

²⁷ Ж. В. М. Моро — А. Галлатину 21 августа 1813 г. Текст оригинала письма на французском языке и его перевод на английский язык см.: The Diary of James Gallatin: Secretary to Albert Gallatin, a Great Peace Maker, 1813—1827 / Ed. by Count Gallatin. New York, 1916. P. 7—10.

²⁸ Михайловский-Данилевский А. Записки о походе 1813 года. С. 230. — Аналогичные сведения приводят и другие очевидцы — П. П. Свинын (Опыт живописного путешествия по Северной Америке Павла Свинына. С. 138—140) и адъютант Александра I граф де Рошешуар со слов Рапателя (Souvenirs sur la Revolution... par le général comte de Rochemouart... P. 233—234).

²⁹ Михайловский-Данилевский А. Записки о походе 1813 года. С. 230; Опыт живописного путешествия по Северной Америке Павла Свинына. С. 139; Daudet E. L'Exil et la Mort du général Moreau. P. 246.

³⁰ Daudet E. L'Exil et la Mort du général Moreau. P. 248.

³¹ Свинын П. П. Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей. СПб., 1997. С. 279—280.

³² Опыт живописного путешествия по Северной Америке Павла Свинына. С. 144—145; Михайловский-Данилевский А. Записки о походе 1813 года. С. 274.

³³ Daudet E. L'Exil et la Mort du général Moreau. P. 250.

³⁴ Ibid.

³⁵ См.: Драке Л. О памятнике генералу Моро у Дрездена. (Путевые заметки) // Военный сборник. 1909. Январь. № 1. С. 24. — Литографию памятника см.: Карнович Е. Генерал Моро на русской службе // Древняя и новая Россия. 1878. Т. III. № 9. Вклейка между с. 62—63.

³⁶ Русский и французский тексты рескрипта см.: Михайловский-Данилевский А. Записки о походе 1813 года. С. 275—276, 528; Daudet E. L'Exil et la Mort du général Moreau. P. 262.

³⁷ Опыт живописного путешествия по Северной Америке Павла Свинына. С. 147. — Текст письма см.: там же. С. 149—150.

³⁸ Daudet E. L'Exil et la Mort du général Moreau. P. 253, 265—266.

³⁹ Максимы и мысли узника Святой Елены. Рукопись, найденная в бумагах Лас Каза / Пер. с фр., ст. и коммент. С. Н. Искуля. СПб., 1995. С. 59.

⁴⁰ Memoirs of John Quincy Adams comprising portions of His Diary from 1795 to 1848 / Ed. by Ch. F. Adams. Jn. 12 vols. Philadelphia, 1874. Vol. 2. P. 528, 532.

⁴¹ Papers of James A. Bayard, 1795—1815 / Ed. by E. Donnan // Annual Report of the American Historical Association for the Year 1913. Washington, 1915. Vol. 2. P. 473—474.

⁴² Ж. де Местр — П. де Блака 28 сентября 1813 г. См.: Daudet E. L'Exil et la Mort du général Moreau. P. 246—247.

⁴³ Ханковска П. Храм Святой Екатерины в Санкт-Петербурге. СПб., 2001. С. 153, илл. 139, 149.

⁴⁴ Смит Уильям Штойбен (1787—1850) — племянник Дж. К. Адамса. В 1809—1812 гг. — его личный секретарь, в 1813—1814 гг. — временный поверенный в делах США в России. В 1813 г. женился на свояченице Дж. К. Адамса Кэтрин Джонсон.

⁴⁵ Церковь Св. Екатерины Александрийской на Невском проспекте (современный адрес: д. 32—34). Построена в 1762—1783 гг., архитекторы Ж. Б. Валлен-Деламот и А. Ринальди. Славилась великолепием внутренней отделки — цветными витражами, мозаичными полами, мраморным алтарем, скульптурами, которые практически не сохранились. В 1992 г. возвращена верующим.

⁴⁶ Александр I включил Рапателя в состав своей «свиты по квартирмейстерской части», которая принадлежала к императорской гвардии. 3 октября 1813 г. «представлялся Ея Величеству в Малиновой комнате флигель-адъютант

Рапатель» (Камер-фурьерский церемониальный журнал 1813 года. [Июль—декабрь]. СПб., 1912. С. 126).

⁴⁷ Сестренцевич-Богуш Станислав (1731—1826) — известный религиозный деятель, богослов и историк. После окончания Франкфуртского университета 10 лет служил в прусской и литовской армиях. В 1763 г. — епископ, в 1782 г. — архиепископ Могилевский и Виленский, с 1798 г. — митрополит всех римско-католических церквей в России, председатель Департамента католических дел Римско-католической духовной коллегии. Член Российской Академии наук.

⁴⁸ Понятовский Станислав Август (1732—1798) — король Польши Станислав II в 1764—1795 гг. После вынужденного отречения жил в Санкт-Петербурге в Мраморном дворце на положении почетного пленника. Похоронен в церкви Св. Екатерины в феврале 1798 г. В 1939 г. после многолетних переговоров останки Станислава II были отправлены в Польшу.

⁴⁹ Правильно Розавен Жан Луи де Льессек (1749—1820) — французский священник-иезуит. С 1804 г. жил в России, был профессором философии в благородном пансионе ордена иезуитов. После высылки членов ордена из Санкт-Петербурга преподавал в Полоцкой иезуитской академии.

⁵⁰ Имеется в виду знаменитое отступление от Шварцвальда в 1796 г.

⁵¹ Декрет против эмигрантов, принятый 9 ноября 1791 г., грозил конфискацией имущества тем из них, кто будет продолжать действия, направленные на развязывание в стране гражданской войны. Декрет от 9 ноября 1793 г. требовал арестовать и содержать в домах заключения всех подданных короля Великобритании, опечатать все их бумаги, а собственность конфисковать.

⁵² Пишгрю Жан Шарль (1761—1804) — французский военный и политический деятель.

⁵³ Имеется в виду медаль «В память Отечественной войны 1812 года», которую согласился принять Александр I, отклонивший награждение орденом Св. Георгия.

⁵⁴ Речь идет о выступлении 22 ноября 1800 г. перед жителями Аугсбурга, в котором располагалась штаб-квартира армии Моро.

⁵⁵ Местр, Жозеф Мари, граф де (1753—1821) — религиозный философ, публицист и дипломат. В 1803—1817 гг. — посланник короля Сардинии в России, был отозван по требованию российского правительства, обеспокоенного усилением иезуитов в России. В 1818—1821 гг. — правитель Великой канцелярии Турина в ранге министра.

⁵⁶ Бардахи-и-Асара, Эусебио де (1776—1844) — испанский политик и дипломат. С 1811 г. — первый секретарь посольства Испании в России, с 1812 г. — посол Испании в России. В 1820—1823 гг. был министром иностранных дел Испании. Неоднократно занимал пост премьер-министра Испании.

⁵⁷ «Катафалк — сооружение при торжественных похоронах, как бы пьедестал для гроба, покрытый черным сукном, с канделябрами и возженными свечами по бокам» (Энциклопедический словарь / Изд. Ф. П. Брокгауз, И. А. Эфрон. СПб., 1895. Т. 14. С. 722).

⁵⁸ Фразы на французском языке, вставленные в текст «Дневника» Дж. А. Бейарда, взяты, очевидно, из отчета о похоронах, помещенного в газете «Le Conservateur Impartial», выходившей в Санкт-Петербурге.

⁵⁹ Т. е. более 2 м.

⁶⁰ Во время службы исполнялся «Реквием» для четырех голосов с оркестром О. А. Козловского (1757—1831). Этот известный композитор и капельмейстер, выходец из Польши, с 1791 г. жил в Петербурге. С 1799 г. был инспектором, а в 1803—1821 гг. «директором музыки» императорских театров. Им написана музыка к пьесам В. А. Озерова и А. А. Шаховского, романсы и множество полонезов, в том числе ставший знаменитым «Гром победы раздавайся» на стихи Г. Р. Державина. Одним из лучших произведений О. А. Козловского считался «Реквием», написанный «по просьбе последнего короля

польского Станислава Августа Понятовского незадолго до его смерти в Петербурге в 1798 г. и в первый раз исполненный на его похоронах лучшими артистами того времени». Партитура мессы была напечатана в Лейпциге, и «Реквием» часто исполнялся в России и Польше. (Русский биографический словарь. Том Кнаппе—Кюхельбеккер. СПб., 1903. С. 41—42). Это утверждение автора биографического очерка о Козловском, так же как вышеприведенные свидетельства очевидцев Дж. К. Адамса и Дж. А. Бейарда, опровергает сообщение корреспондента петербургской газеты «Смена» Дмитрия Быстрова о том, что «Реквием» после похорон Понятовского не исполнялся, а партитура была утрачена (Смена. 1992. 26 мая. № 120/20170. С. 1). Данная газетная информация без должной проверки приведена архимандритом Августином (Никитиным) в его книге «Православный Петербург в записках иностранцев» (СПб., 1995. С. 48).

М. М. НАРИНСКИЙ

КОМИНТЕРН И ВООРУЖЕННОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ ВО ФРАНЦИИ

Агрессия нацистской Германии против Советского Союза коренным образом изменила стратегию и тактику Коммунистического Интернационала.¹ Рано утром 22 июня 1941 г. генеральный секретарь Исполкома Коминтерна Г. Димитров был вызван в Кремль. Там он узнал о начале войны. И. Сталин сразу же сформулировал основные директивы относительно деятельности Коммунистического Интернационала: «Коминтерн пока не должен выступать открыто. Партии на местах развертывают движение в защиту СССР. Не ставить вопрос о социалистической революции. Советский народ ведет отечественную войну против фашистской Германии. Вопрос идет о разгроме фашизма, поработившего ряд народов и стремящегося поработить и другие народы...»²

В тот же день эти директивы были направлены коммунистическим партиям различных стран, включая Францию. Коминтерн осуществил крутой поворот своей политической линии к сопротивлению нацистской агрессии.

С первых дней войны армиям нацистской Германии и ее союзников удалось развернуть успешное наступление. Войска Красной Армии терпели поражения. 28 июня советские воины оставили Минск. Положение Советского Союза заметно ухудшилось. 30 июня Димитров посетил заместителя главы советского правительства и наркома иностранных дел В. Молотова. В ходе беседы генеральный секретарь ИККИ спросил, чем Коминтерн может помочь в сложившейся ситуации. В ответ Молотов сказал: «Каждый час дорог. Коммунисты должны пред-

принять везде самые решительные действия в помощь советскому народу. Главное — дезорганизовать тыл врага и разлагать его армию».³

На следующий день Димитров направил директивы руководству Французской компартии в духе указаний Молотова: «Всеми возможными способами дезорганизуяте военное производство. Формируйте маленькие отряды для уничтожения военных заводов, нефтехранилищ, мостов, дорог, железных дорог, линий телеграфной и телефонной связи. Всеми средствами препятствуйте транспортировке войск и вооружений».⁴ Эти указания означали призыв о помощи Красной Армии и советскому народу всеми возможными средствами. В качестве методов борьбы против германских оккупантов предлагались действия небольших вооруженных групп и организации актов саботажа. Коминтерн не призывал к организации террористических акций против нацистов, ибо это не могло помочь Красной Армии.

По мере того как положение Красной Армии на советско-германском фронте заметно ухудшалось, руководство Коминтерна все более настойчиво призывало коммунистов развивать активную борьбу против гитлеровских оккупантов. В телеграмме из Москвы от 9 августа, посланной Клеману (Э. Ариду) для передачи Ж. Дюкло, говорилось: «Положение позволяет и требует все более энергичных действий и создания массового национального движения для наступления против захватчиков... Это ускорит создание во Франции условий для победоносной национальной войны за освобождение, вследствие этого необходимо начать практическую подготовку масс к подобной близкой перспективе. Это требует практически рассмотреть вопросы оружия, вооружения, организации вооруженных групп и вооруженных акций».⁵

Подобные директивы исходили только из необходимости срочно помочь Красной Армии. Они не отражали реальное соотношение сил во Франции, действительную готовность компартии начать массовую вооруженную борьбу. Стремление мобилизовать участников Сопротивления на массовые вооруженные акции против германских оккупантов по существу означало линию на опережение событий. Так, 3 сентября 1941 г. в передаче московского радио, вещавшего на Францию, прозвучали следующие призывы: «Французы! Помогайте Красной Армии разбить германский фашизм. Бейте германских захватчиков. Избавьтесь от Петэна и Лаваля. Генерал де Голль указывает вам путь. Французы, к оружию! Свергните варварское иго, которое вам навязали германские захватчики и их прислужники — правительство Петэна и Лаваля, предатели Франции. Сыны свободной Франции, сведите счеты с проклятыми германскими захватчиками».⁶

В тот же день Андре Марти в записке на имя Димитрова выразил несогласие с лозунгами, призывавшими к вооруженному восстанию во Франции и ставившими в пример де Голля вне Франции. «Эти лозунги — писал Марти, — не были представлены для ознакомления всем французским товарищам и, во всяком случае, мне лично. Мне они представляются крайне опасными во всех отношениях».⁷ Другие руководители Французской компартии, находившиеся в то время в Москве, разделяли точку зрения Марти. Их поддержал Димитров. Он направил записку Марти секретарю ЦК ВКП(б), руководителю Совинформбюро А. Щербакову, сопроводив следующими собственными комментариями: «Лозунг к оружию, к немедленному восстанию является пока преждевременным и идет вразрез с проводимой КП Франции линией».⁸ Призывы к разрыву с Францией массовой вооруженной борьбы были сняты.

Настроения руководителей Советского Союза и Коминтерна изменились после поражения германских войск под Москвой. Возникла уверенность в том, что переход Красной Армии в наступление означал овладение ею стратегической инициативой. Руководители СССР переоценили возможности советских войск продолжать и развивать наступление.

31 января 1942 г. Димитров провел обсуждение вопросов деятельности Французской компартии в Уфе, куда был эвакуирован аппарат Коминтерна. В совещании приняли участие Мануильский, Тольятти, Торез, Марти и Степанов. После обмена мнениями участники совещания рекомендовали французам подготовить советы для руководящей группы в стране, активизировать борьбу с перспективой вооруженного выступления против оккупантов.⁹

Телеграмма Димитрова, Тореза и Марти для Дюкло, датированная 11 февраля, подталкивала французских коммунистов к более энергичным действиям против германских оккупантов. Авторы директивы утверждали: «Очевидно, что в начале весны будут происходить гигантские ожесточенные сражения на советско-германском фронте. Вполне возможно также открытие второго фронта в Западной Европе». При подобной оценке ситуации руководство Коминтерна поставило перед Французской коммунистической партией следующие задачи: «1. Всеми средствами препятствовать снабжению Германии военными материалами... 2. Интенсифицировать и осуществлять более смелые акции саботажа на промышленных предприятиях, на обычных и железнодорожных коммуникациях, против германских конвоев, складов военных материалов и т. д. 3. Необходимо организовать вооруженное партизанское движение для защиты населения и для борьбы против оккупантов. Ориентироваться на

развитие широкого партизанского движения в сельской местности и в основных центрах страны». Руководители Коминтерна призывали также устраивать массовые демонстрации и забастовки, разнообразными организационными и политическими методами усиливать влияние коммунистов в армии и военно-морском флоте Виши, интенсифицировать усилия по деморализации германских солдат. Предлагалось «с этого времени начать политическую, организационную и техническую подготовку партии и народа к вооруженным действиям большого размаха в тылу врага с тем, чтобы быть в состоянии в подходящий момент сочетать восстание французского народа против оккупантов с военными операциями Красной Армии на фронте для сокрушения общего врага». С этими целями предлагалось создать в основных политических и стратегических центрах военно-технические комитеты, действующие под руководством компартии. В задачи этих комитетов должно было входить обучение людей, умеющих обращаться с оружием, подготовка вооружения, разработка военных планов, чтобы в соответствующий момент обеспечить разоружение и поражение оккупантов и их французских пособников. «Мы очень просим вас, — сообщали из центра, — проникнуться идеей, что каждый из наступающих месяцев по своему историческому значению будет равен десяткам лет».¹⁰ Сам Димитров так резюмировал эту директиву: переходить к более активным выступлениям, непосредственно подготовить вооруженное восстание.¹¹

Таким образом, в феврале 1942 г. руководство Коминтерна впервые поставило перед французскими коммунистами задачу политической, организационной и технической подготовки массового вооруженного восстания. Оно должно было иметь своей целью разоружение и поражение оккупантов и их пособников.

Руководство Советского Союза и Коминтерна сохраняло оптимизм в отношении дальнейших успехов Красной Армии вплоть до лета 1942 г. В директивах ИККИ компартиям в связи с Первомаям утверждалось: «1942 год должен стать годом уничтожения гитлеровского фашизма».¹² В лозунгах для Франции, утвержденных руководством Коминтерна, говорилось: «Французы! Победы Красной Армии развеяли легенду о непобедимости германской армии. Для вашей национально-освободительной борьбы сложилась благоприятная обстановка. Используйте ее, боритесь смело и решительно против германских захватчиков. Освобождайте Францию, вашу прекрасную страну от чужеземного ига!»¹³

Линия на развертывание вооруженной борьбы в благоприятных условиях, созданных военными успехами Красной Армии, была подтверждена Димитровым на совещании секрета-

рей ИККИ с руководителями радиоредакций, проходившем 7 июня 1942 г. в Уфе. Димитров заявил: «Теперь мы можем сказать: весеннее наступление Гитлера провалилось». Основываясь на этом неверном утверждении, генеральный секретарь ИККИ предложил участникам совещания три вывода: «Первый вывод: надо переходить в наступление. Что это значит для каждой страны?.. Для Франции — объединение борьбы в оккупированной и неоккупированной зонах. Долой проводников гитлеровской политики. Широкое развертывание партизанской войны. Второй вывод: центр тяжести всех передач перенести на лозунги действия. Разъяснять, убеждать надо. Но главное сегодня — борьба, активная, смелая, вооруженная. Третий вывод: добиваться координации борьбы народов различных стран (например, чехов и поляков, французов и чехов и т. д.). Выступления борцов должны быть одновременными и последовательными, чтобы немцы не могли подавлять выступления в странах поодиночке...»¹⁴

Эти призывы к активизации вооруженной борьбы носили пропагандистский характер и ориентировали на тесное взаимодействие с наступательными операциями Красной Армии. Вместе с тем заслуживает внимания тема интернационального характера движения Сопrotивления в выступлении Димитрова, его призывы к координации вооруженной борьбы народов различных стран, оккупированных нацистской Германией.

Призывы руководства Коминтерна к развертыванию вооруженного Сопrotивления находили отклик у французских коммунистов. В начале 1942 г. единая вооруженная организация коммунистов получила название «французские франтиреры и партизаны». Для руководства их действиями была создана сеть региональных и департаментских военных комитетов. Группы франтиреров и партизан осуществляли акты саботажа и вооруженные акции. В мае 1942 г. подпольная «Юманите» заговорила о национальном восстании как о главной цели освободительной борьбы.¹⁵ В июне в Парижском районе был создан первый партизанский лагерь, позднее подобные лагеря стали называть «маки».

В сентябре 1942 г. Жак Дюкло телеграммой в Коминтерн предложил передать по московскому радио, вещавшему на Францию, следующий призыв: «Французы, французенки, патриоты, франтиреры и партизаны, необходимо приблизить освобождение Франции и наших военнопленных, нанося ощутимые удары по Германии. Для этого необходимо уничтожать коммуникации, транспортные средства, линии электропередач, бензин, любые смазочные материалы и продовольствие. По ночам небольшими группами развинчивайте рельсы, заклинивайте стрелки, перерезайте сигнальные провода,

минируйте дороги, выводите из строя вагоны, подсыпайте песок в жидкое топливо, поджигайте хранилища бензина, подрывайте опоры высоковольтных линий, выводите из строя шлюзы, сжигайте грузовики; организуйте отряды против угон рабочей силы в Германию. Выполните ваш долг французам».¹⁶

Заслуживает внимания, что руководство французских коммунистов не призывало ни к массовой вооруженной борьбе, ни к подготовке национального восстания. Основной упор делался на действия небольших подпольных групп, на организацию актов саботажа, чтобы помешать оккупантам использовать экономический потенциал Франции и ее рабочую силу. Отсюда советы наносить удары в первую очередь по транспортным коммуникациям и линиям электропередач.

События ноября 1942 г. — высадка англо-американских войск в Северной Африке, оккупация германскими войсками всей территории Франции, затопление французскими моряками военных кораблей в бухте Тулона — изменили военно-политическую ситуацию. Участники заседания секретариата ИККИ 11 ноября постановили: «В отношении Франции — всеми силами на борьбу вместе с американцами против немецко-итальянских оккупантов за освобождение Франции». В то же время руководство Коминтерна предостерегало против ненужной поспешности, против забегаania вперед. «Одобряя основную линию Радио Франс — самую активную борьбу вместе с американцами против немецко-итальянских оккупантов, — указать на преждевременность выдвижения на данном этапе лозунга о генеральной забастовке и занятии рабочими предприятий».¹⁷ 1 декабря 1942 г. секретариат ИККИ утвердил проект документа, подготовленного Торезом и Марти при участии Димитрова и Мануильского, о политической линии и ближайших задачах компартии Франции. Документ был направлен на рассмотрение Сталину и Молотову и получил одобрение Кремля. В условиях возрастания влияния американцев и англичан на положение во Франции компартия должна была укрепить Национальный фронт, вовлечь в его ряды всех патриотов, установить сотрудничество с движением генерала де Голля. В директивах Коминтерна указывалось: «Необходимо по-новому поставить в качестве практической задачи, а не под пропагандистским углом зрения подготовку в действии народного восстания за освобождение Франции: непрерывно дезорганизовывать силы врага, ослабленные распылением по всей территории страны, дезорганизовывать коммуникации оккупантов, совершать нападения на гитлеровские склады и колонны, саботировать, совершать диверсионные акты, срывать систему реквизиций, как и увоза

рабочих в Германию, организовывать стачки и демонстрации и всякого рода другие боевые действия и в особенности развертывать партизанское движение против оккупантов. Вся эта деятельность ослабит, деморализует, разложит оккупационные войска, поднимет боеспособность народных масс, повысит их готовность к жертвам, ускорит и обеспечит успешное всеобщее восстание для освобождения Франции». Коммунисты должны были развернуть вооруженную борьбу и усилить в ее процессе организацию франтиреров и партизан.¹⁸

Эти директивы были посланы Жаку Дюкло в телеграмме от 11 ноября 1942 г. Еще раньше, 8 ноября, Димитров направил Дюкло следующее указание: «Учитывая новую ситуацию, считаем необходимым, чтобы Вы послали представителя в Лондон при де Голле».¹⁹

Изложенные директивы руководства Коминтерна означали серьезные изменения в политической линии и тактике компартии. Они предусматривали создание широкой коалиции патриотических сил, ориентацию на сотрудничество с движением «Сражающаяся Франция» во главе с генералом де Голлем. Вместе с тем организация франтиреров и партизан была призвана не только сыграть заметную роль в борьбе за освобождение страны, но и превратиться в важную военно-политическую силу, стать ядром будущей французской национальной армии. Для компартии эта задача приобретала особую важность с учетом того, что директивы Москвы ориентировали не на наступление Красной Армии, а на успешные действия англо-американских войск. Укрепление компартии и ее военных формирований должно было усилить влияние коммунистов в блоке патриотических сил. В рамках предложенной стратегии приоритет приобретали накопление сил, политическое маневрирование, поиски союзников среди патриотов.

Примерно в это же время, в ноябре 1942 г., на оккупированной территории Франции был подготовлен текст соглашения между представителями «Сражающейся Франции» и коммунистической партии. Проект соглашения был направлен в Москву по дипломатическим каналам. 7 февраля 1942 г. заместитель наркома иностранных дел В. Деканозов запросил мнение руководства Коминтерна относительно этого проекта соглашения, одновременно сообщив, что посол СССР при эмигрантских правительствах в Лондоне А. Богомоллов считал заключение официального соглашения между компартией и де Голлем несвоевременным, ибо позиции генерала оставались неясными в сложившейся ситуации.²⁰

Димитров внимательно изучил переданный ему проект соглашения и обсудил его с руководителями Французской компартии, находившимися в Москве. 8 февраля Димитров направил

вил Деканозову свой ответ. Оценивая текст соглашения между представителями компартии и «Сражающейся Франции» в целом положительно, он сделал замечания по двум пунктам: нецелесообразно упоминать о «славном примере генерала Михайловича для развития партизанской борьбы», неверно ставить национальное восстание французского народа в непосредственную зависимость от открытия второго фронта. Вместе с тем Димитров поддержал мнение Богомолова: «Считаю нецелесообразным и преждевременным заключение формального соглашения между Компартией Франции и де Голлем. Необходимо на данном этапе ограничиться взаимными декларациями о совместной борьбе коммунистов и деголлистов для изгнания оккупантов из Франции и максимального усиления этой борьбы в самой Франции».²¹

Таким образом, на первый план выдвигалась задача освобождения Франции от оккупантов. Вместе с тем руководители Коминтерна отказывались ставить национальное восстание в прямую зависимость от открытия второго фронта и действий союзников. Они сочли соглашение между компартией и движением «Сражающаяся Франция» преждевременным, предпочитая подождать прояснения ситуации в стране и выявления соотношения политических сил.

Вопрос о взаимозависимости между открытием второго фронта и национальным восстанием на оккупированной территории Франции оставался весьма актуальным. Об этом свидетельствует письмо Тореза Димитрову от 23 февраля 1943 г. с критикой некоторых установок Жака Дюкло. «В своей телеграмме о мандате, доверенном товарищу Гренье (представителю руководства ФКП в Лондоне. — *М. Н.*), Дюкло дает одну, по моему, неправильную формулу, — отмечал Торез. — Он пишет о „больших битвах последовательных“ (подчеркнуто в оригинале. — *М. Н.*) к открытию второго фронта”. Кажется, что наши товарищи подчиняют эти большие битвы предварительной высадке военных сил союзников, как было в проекте соглашения с деголлистами. Но можно предполагать, что Дюкло написал свою телеграмму еще до получения нашего мнения об этом проекте».²²

Изучение документов Коминтерна приводит к выводу, что Торез и Марти больше, чем советские руководители, настаивали на том, чтобы не увязывать национальное восстание с высадкой союзников во Франции. 6 апреля 1943 г. Марти писал Ф. Гренье в Лондон о необходимости для коммунистов перейти от пассивного сопротивления к смелым наступательным действиям. По мнению Марти, военное положение на фронтах и обстановка внутри страны создавали благоприятные условия «для быстрого расширения партизанской войны, ведущей к

всеобщему национальному восстанию, необходимому и уже возможному. Нужно ускорить во всех отношениях его подготовку. Поэтому нужно сосредоточить основные усилия на том, чтобы помогать сплочению, организации, вооружению, военной подготовке патриотов внутри страны, где находятся решающие силы освободительной борьбы...».²³

Впрочем, эти директивы оставались, скорее, общими призывами, чем конкретными инструкциями для реальных действий. Их выполнение требовало сочетания внутренних и внешних условий. Подобные благоприятные условия сложились на Корсике. Освобождение Корсики в сентябре 1943 г. без непосредственного участия войск союзников стало важным примером для французского Сопротивления. Оно оживило настроения руководителей ФКП в пользу форсированной подготовки национального восстания. В начале ноября Дюкло сообщал в Москву: «Пример Корсики широко используется для развития борьбы против захватчиков, что создает для французского народа возможность освободиться, не ожидая высадки союзников. Население недовольно задержкой с открытием союзниками второго фронта, оно недовольно также условиями признания Лондоном и Вашингтоном алжирского ФКНО (Французского комитета национального освобождения. — М. Н.). Влияние СССР непрерывно возрастает во всех слоях населения».²⁴

Последующее развитие вооруженной борьбы во Франции было связано с решениями по военным вопросам Тегеранской конференции «большой тройки» (28 ноября—1 декабря 1943 г.). Эти решения предусматривали осуществление высадки союзников в Нормандии (операция «Оверлорд») в мае 1944 г. и одновременное проведение операции на юге Франции. В связи с этим Сталин информировал лидеров союзных держав, что советские войска со своей стороны примерно в это же время предпримут наступление против германских войск, чтобы воспрепятствовать их переброске с Восточного фронта на Западный.²⁵

Таким образом, в соответствии с решениями Тегеранской конференции основная роль в освобождении Франции отводилась вооруженным силам США, Великобритании и других западных союзников. Сталин сам настаивал на принятии данного решения и обещал поддержать англо-американскую операцию по открытию второго фронта действиями Красной Армии на Восточном фронте.

С учетом решений, принятых в Тегеране, заграничное бюро ФКП выработало в январе 1944 г. «Замечания и советы» для руководства компартии во Франции. Перед коммунистами выдвигались следующие «срочные и основные задачи, обуславливающие освобождение и возрождение Франции»: создание

подлинно национальной армии, способной играть важную роль в операциях союзников на Западе Европы; развертывание движения франтиреров и партизан и подготовка вооруженного восстания; чистка и немедленное наказание предателей Франции; действительное участие французских вооруженных сил в ближайших наступательных операциях союзников.²⁶

Тем самым в качестве главной задачи выдвигалось освобождение и возрождение Франции. Для этого предусматривалось участие в военных операциях и в национальном восстании французской регулярной армии и отрядов франтиреров и партизан. Можно отметить, что первоочередная задача состояла все же в создании национальной армии численностью не менее миллиона человек. Не случайно директивы Москвы предусматривали союз всех патриотов, включая коммунистов, вокруг Французского комитета национального освобождения. Они ориентировали французских коммунистов на создание коалиции всех патриотических сил при одновременном усилении влияния компартии и ее вооруженных организаций в рамках этого блока.

Намеченная политическая линия была развита в устных указаниях Димитрова от 5 марта 1944 г., переданных с Тольятти руководителям Французской компартии Марти, Гюйо и другим. Необходимо учитывать тот факт, что перед своим возвращением в Италию, в ночь с 3 на 4 марта, Тольятти был принят Сталиным. Во время этой беседы Сталин сформулировал принципиально новые директивы для итальянских коммунистов: «1. Не требовать немедленного отречения короля. 2. Коммунисты могут войти в правительство Бадольо. 3. Концентрировать свои главные усилия на создании и укреплении единства в борьбе против немцев».²⁷

Эти установки означали коренной пересмотр той политической линии, которую проводили итальянские коммунисты (требование немедленного отречения короля и отказ войти в правительство Бадольо), отказ от курса на формирование временного демократического правительства, ранее намеченного Димитровым и Тольятти. Таким образом, кремлевский диктатор больше заботился о своих собственных геополитических преимуществах: он выступал за широкий союз всех антифашистских сил Италии в интересах борьбы против нацистской Германии и противодействия британскому влиянию в Средиземноморье.

В духе директив Сталина Димитров сформулировал рекомендации французским коммунистам: «Не размельчать свою политическую линию во Французском комитете национального освобождения на стычки по второстепенным и формальным вопросам, стычки, выливающиеся в агитационную по-

литику, лишь обостряющую отношения с де Голлем... а ставить в центре основные вопросы войны: а) создание французской армии и ее активное участие в боевых операциях против немцев; б) чистка государственного и военного аппарата от петэновско-лавалевских агентов; в) помощь вооруженным борющимся во Франции партизанским группам».²⁸

Таким образом, намеченные приоритеты состояли в укреплении широкого союза всех патриотов для активизации участия французских вооруженных сил в военных операциях против нацистской Германии и ее союзников. Поэтому подчеркивалась та важность, которая придавалась формированию французской нерегулярной армии и развитию движения маки. В рамки общей борьбы против нацистских оккупантов и их приспешников вписывалась также чистка военного и государственного аппарата от сторонников режима Виши. Димитров отметил в своих директивах, что дискуссия о будущей конституции Франции являлась преждевременной и бесполезной. Так же как и итальянским коммунистам, руководителям ФКП предлагалось отложить борьбу по вопросам конституционного устройства страны на послевоенный период, чтобы не создавать ненужных осложнений для завершения войны против гитлеровской Германии. Таким образом, широкий блок национальных патриотических сил призван был обеспечить успешное завершение войны против агрессоров, а также стать формой противодействия реакции и укрепления влияния компартии во французской политике. Намеченная политическая линия предусматривала союз с голлистами в решительной борьбе против вишистов и пособников фашистов.

Думается, что весной и летом 1944 г. руководство ФКП придерживалось изложенных директив Москвы (других не найдено), а потому и не ставился вопрос о захвате власти коммунистами. Эта стратегическая линия была подтверждена и развита во время беседы Сталина с Торезом перед отъездом последнего во Францию 19 ноября 1944 г.

Сталин подчеркнул изменения в политической ситуации в стране, которые произошли в пользу генерала де Голля. Ему удалось создать во Франции легитимное правительство, признанное союзными державами. «Коммунисты, — продолжал тов. Сталин, — не так сильны, чтобы взять только на себя тяжесть борьбы против реакции... Коммунистическая партия не так сильна, чтобы она могла ударить правительство по голове. Она должна накапливать силы и искать союзников». Платформа коммунистов должна была предусматривать восстановление французской промышленности, в первую очередь военной; предоставление работы безработным; защиту демократии и наказание тех, кто ее душил. На этой базе комму-

нисты могли бы сформировать широкое левое движение и назвать его, например, «Движение восстановления сильной Франции и усиления демократии».²⁹

Сталин считал, что в создавшихся условиях компартия не должна была стремиться сохранить свои собственные вооруженные формирования. «Пока не было временного правительства, пока не было тыловой зоны, в которой оно распоряжается, тогда существование этих отрядов имело определенный смысл. Зачем этим отрядам существовать теперь, когда есть правительство, которое имеет армию? Таковы могут быть аргументы врагов коммунистов. Эти аргументы могут убедить среднего француза. Поэтому позиция коммунистической партии, сохраняющей вооруженные силы, является слабой и будет слабой. Защищать эту позицию трудно. Поэтому нужно преобразовать вооруженные отряды в другую организацию, в политическую организацию, а оружие нужно спрятать».³⁰

Сталин подчеркнул необходимость избежать изоляции ФКП, искать союзников среди социалистов и радикалов. В сложившейся политической ситуации главной задачей коммунистов стало создание левого блока. Сталин заявил: «Коммунистическая партия, как бы сильна она ни была, не должна быть единственной силой, выступающей против реакции. Нужно, чтобы коммунистическая партия не была изолирована... Надо постепенно, терпеливо создавать левый блок. Если в этом отношении будут достигнуты успехи, то реакция будет более осторожной».³¹ Левый блок должен был помочь коммунистам при неблагоприятном соотношении сил организовать борьбу в обороне и перейти в наступление, если в ситуации наметятся изменения в их пользу.

Кремлевский диктатор поддержал мнение Тореза о том, что Франция должна иметь сильную армию. «Тов. Сталин отвечает, что он с этим согласен и что французским коммунистам нечего бояться создания большой армии. Им надо иметь в армии своих людей».³²

Таким образом, директивы Сталина руководству Французской коммунистической партии показывают его неизменную заботу о геополитических интересах Советского Союза, стремление создать некоторый противовес реакции и гегемонии США и Великобритании в Западной Европе. Заслуживает внимания, что признанный лидер коммунистического движения не говорил ни слова ни о мировой революции, ни о перспективах захвата власти коммунистами Западной Европы. Во время беседы с Торезом 19 ноября 1944 г. Сталин ориентировал французских коммунистов на накопление сил, на поиски политических союзников, на переход к более осторожной стратегической линии, направленной на поиски

компромиссов. Вместе с тем он не исключал складывания более благоприятной для французских коммунистов ситуации, при которой могли бы измениться их задачи и методы борьбы. Не случайно Сталин советовал Торезу преобразовать вооруженные отряды коммунистов в политическую организацию, а оружие спрятать.

Руководство СССР и Коминтерна рассматривало вооруженную борьбу французских патриотов против оккупантов в контексте общих усилий союзников по антигитлеровской коалиции. С июня 1941 г. Москва неизменно призывала французских коммунистов активизировать их действия против оккупантов, преодолевать настроения атлантизма. В 1941 г. ориентация на активную вооруженную борьбу объяснялась необходимостью оказать срочную помощь Красной Армии, оказавшейся в чрезвычайно трудном положении после нападения Германии на Советский Союз. В первой половине 1942 г. перспектива подготовки массового вооруженного восстания во Франции определялась не вполне обоснованными надеждами на неудержимое победоносное наступление Красной Армии. Изменения военно-политической ситуации привели к тому, что с осени 1942 г. национальное восстание и освобождение Франции так или иначе стали связываться с открытием второго фронта и с операциями западных союзников в Европе. Вместе с тем развитие движения франтиреров и партизан рассматривалось как инструмент влияния коммунистической партии на общее положение в стране и на политику французского правительства.

¹ См.: Коминтерн и вторая мировая война / Сост. Н. С. Лебедева, М. М. Наринский. М., 1994—1998. Ч. 1—2; *Смирнов В. П.* Вторая мировая война и Коминтерн. 1939—1941 гг. // Новая и новейшая история. 1996. № 6; *Lutte armée et Maquis. Colloque internationale de Besançon*, 1995. Paris, 1996; *La Résistance et les Français. Colloque internationale d'Aix-en-Provence*, 1997. Paris, 1998.

² *Димитров Г.* Дневник (9 марта 1933—6 февраля 1949). София, 1997. С. 236.

³ Там же. С. 237.

⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 184, д. 5, л. 69.

⁵ Там же, л. 88—89.

⁶ Там же, оп. 74, д. 523, л. 2.

⁷ Там же, л. 1—2.

⁸ Там же, л. 1.

⁹ См.: *Димитров Г.* Дневник... С. 276.

¹⁰ РГАСПИ, ф. 495, оп. 184, д. 8, л. 13—11.

¹¹ *Димитров Г.* Дневник... С. 276.

¹² Коминтерн и вторая мировая война. Ч. 2: после 22 июня 1941 г. / Сост. Н. С. Лебедева, М. М. Наринский. М., 1998. С. 208.

¹³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 73, д. 148, л. 20.

¹⁴ Коминтерн и вторая мировая война. Ч. 2. С. 226—229.

- ¹⁵ L'Humanité. Mai 1942. Numéro spécial.
- ¹⁶ РГАСПИ, ф. 495, оп. 184, д. 13, л. 99.
- ¹⁷ Коминтерн и вторая мировая война. Ч. 2. С. 265—266.
- ¹⁸ Там же. С. 271—273.
- ¹⁹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 184, д. 8, л. 92.
- ²⁰ Там же, оп. 74, д. 532, л. 5—6.
- ²¹ Там же, л. 7.
- ²² Там же, д. 530, л. 6.
- ²³ Там же, д. 531, л. 23.
- ²⁴ Там же, оп. 184, д. 4, л. 96.
- ²⁵ См.: Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав: СССР, США, Великобритании. 28 ноября—1 декабря 1943 г. : Сборник документов. М., 1978. С. 173.
- ²⁶ Коминтерн и вторая мировая война. Ч. 2. С. 413—414.
- ²⁷ Наринский М. М. Тольятти, Сталин и «поворот в Салерно» // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 129.
- ²⁸ Димитров Г. Дневник... С. 410—411.
- ²⁹ Источник. 1995. № 4. С. 153—155.
- ³⁰ Там же. С. 154.
- ³¹ Там же. С. 153.
- ³² Там же. С. 157.

В. П. СМЕРНОВ

КОММУНИСТЫ И ФРАНЦУЗСКОЕ ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ В 1940—1941 гг.

В послевоенный период во французской историографии преобладало мнение, что после поражения Франции летом 1940 г. и вплоть до нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г. Французская коммунистическая партия, следуя указаниям Коминтерна, не участвовала в движении Сопротивления и даже была настроена «в пользу сотрудничества» с оккупантами.¹ Сторонники такой точки зрения обычно ссылаются на то, что в 1939—1940 гг. Коминтерн и ФКП считали войну империалистической с обеих сторон, заявляли, что «враг находится в собственной стране», и призывали к миру, а некоторые руководители ФКП даже вели с оккупационными властями переговоры о легальном издании коммунистической прессы.²

Все эти факты действительно имели место, но нарисованная только на их основе картина является неполной и односторонней. Хранящиеся в архиве Коминтерна документы показывают, что во время немецкого наступления на Западном фронте в мае—июне 1940 г. и особенно после разгрома Франции Коминтерн и ФКП изменили свою политическую линию и призывали к борьбе против оккупантов.

Первым документом, в котором Французская коммунистическая партия ясно заявила, что она будет бороться против порабощения французского народа иностранными захватчиками, была декларация, подготовленная в июне 1940 г. находившимися в Москве руководителями ФКП во главе с ее генеральным секретарем Морисом Торезом. Окончательный вариант декларации, одобренный Сталиным и Ждановым, был утвержден на заседании Секретариата Исполкома Коминтерна 19 июня 1940 г., на следующий день, после того как французское правительство Ф. Петэна обратилось к Германии с просьбой о мире, а генерал Шарль де Голль, выступая по радио из Лондона, призвал французов продолжать борьбу.

Основное содержание декларации ФКП составляла критика французских правящих кругов и лидеров Социалистической партии, но вместе с тем в ней говорилось: «Мы будем бороться против порабощения нашего народа захватчиками, иностранными империалистами. Рабочий класс, народ Франции никогда не примирятся с иноземным порабощением».³

22 июня 1940 г. было подписано франко-германское перемирие, означавшее капитуляцию Франции. В тот же день Секретариат ИККИ с участием находившихся в Москве руководителей ФКП принял директиву Французской компартии, которая прямо требовала организовать сопротивление оккупантам, употребляя и само слово «сопротивление». Ее наиболее важный пункт гласил: «Не поддаваясь на провокации и избегая преждевременных действий, тем не менее необходимо поддерживать и организовывать сопротивление масс против мер насилия, грабежей и произвола со стороны захватчиков». Коминтерн рекомендовал французским коммунистам «реализовать единство нации», создав мощный фронт защиты ее жизненных интересов и борьбы против иностранного ига за независимую и действительно свободную Францию».⁴

Впрочем, директива не была последовательной. Призывая к сопротивлению оккупантам, она в то же время советовала французским коммунистам использовать «малейшую благоприятную возможность» для легального издания коммунистической печати и пропаганды среди немецких солдат, но так, чтобы эти действия «никоим образом не создавали впечатления солидарности с захватчиками или одобрения с их стороны».⁵

Поскольку 10 июля 1940 г. французский парламент, собравшись в городе Виши, самораспустился и передал всю власть Петэну, Секретариат ИККИ 15 июля отправил во Францию «дополнения к нашим предложениям от 22 июня». Подчеркнув, что во Франции установилась «открытая диктатура край-

ней французской реакции», действующей «с помощью и под руководством оккупационных властей», Коминтерн заявил, что компартия должна «стремиться объединить всех, кто противодействует диктатуре реакции. Она должна призвать к защите свобод, к защите Республики».⁶

Получив 3 июля директиву ИККИ от 22 июня 1940 г., парижское руководство компартии, во главе которого тогда стоял Жак Дюкло, сообщало в Москву: «Мы только что получили ваши указания, с которыми полностью согласны, и мы начали работать в этом направлении. Сейчас мы готовим манифест Партии в духе вашего сообщения».⁷ Однако на самом деле Дюкло и его ближайший помощник М. Треан трактовали директиву от 22 июня на свой лад. Еще до ее получения Дюкло, долго не имевший связи с Коминтерном, через посредников вступил в переговоры с немецкими оккупационными властями и с немецким послом в Париже О. Абецем в надежде получить от них разрешение на легальный выход «Юманите» и других коммунистических газет.⁸ Формально действия Дюкло не противоречили директиве ИККИ, но переговоры с оккупантами могли скомпрометировать коммунистов, и поэтому руководители Коминтерна и находившиеся в Москве лидеры ФКП с одобрения Сталина потребовали от Дюкло «отвергать и осуждать как предательство всякое проявление солидарности с оккупантами».⁹ Переговоры были прекращены, но и после этого позиция парижского руководства ФКП отличалась от позиции Коминтерна и находившихся в Москве руководителей компартии во главе с Торезом.

Одно из отличий касалось лозунгов борьбы против капитализма и, следовательно, общего направления политики компартии. Считая, что национальное освобождение Франции неотделимо от «социального освобождения трудящихся», т. е. от свержения капитализма, Дюкло постоянно вносил в составляемые им воззвания ФКП антикапиталистические требования, в первую очередь требования национализации банков и крупной промышленности, а также создания «народного правительства», в котором коммунисты играли бы решающую роль. Коминтерн не возражал против таких требований, но и не поддерживал их, обходя вопрос молчанием.

Кроме того, Дюкло отрицательно относился к генералу де Голлю, считая, что он находится «на службе у англичан»¹⁰ и, как писала выходившая под руководством Дюкло нелегальная «Юманите», хочет «заставить французов сражаться за Сити».¹¹ Руководители Коминтерна более объективно оценивали роль де Голля. Уже 19 июля 1940 г. они с согласия Сталина советовали Дюкло «сохранять молчание относительно де Голля и не делать акцента против Англии».¹²

В итоге Манифест Коммунистической партии, написанный Дюкло на основе директивы ИККИ от 22 июня и обычно датируемый 10 июля 1940 г. (хотя, на самом деле, он появился несколькими днями позже), соединил в себе противоречивые установки. Призывая в соответствии с директивой ИККИ к «единству нации» в борьбе за свободу и независимость Франции, он вместе с тем выдвигал такие требования, которые не объединяли, а разъединяли нацию: предлагал национализировать банки и крупную промышленность, передать крестьянам крупные земельные владения «эксплуататоров народа», создать «правительство Народа на службе Народу» и «освободить страну от „цепей капитализма“». ¹³ Продолжая считать войну империалистической, коммунисты требовали «мира» и возражали против втягивания Франции в войну как на стороне Германии, так и на стороне Англии. «Мы не будем ни солдатами Англии вместе с де Голлем, ни солдатами Германии вместе с Петэнем», — писали они в своем призыве к единству французской нации, противопоставляя себя деголлевцам и другим французским патриотам. ¹⁴

В январе 1941 г. Секретариат Исполкома Коминтерна подготовил предложения для Центрального комитета Французской компартии, где, продолжая критиковать «антидемократические и антинародные установки» де Голля, все же разъяснил, что «его движение ослабляет оккупантов и затрудняет выполнение их планов и, следовательно, на данном этапе играет объективно положительную роль». ¹⁵

В ответ Дюкло, как бы не замечая этих разъяснений, радиовал: «Боремся против всех агентов оккупантов, всех приверженцев сотрудничества (с ними. — В. С.). Мы также показали реакционный характер движения де Голля». ¹⁶

Весной 1941 г. находившиеся в Москве руководители Французской компартии с одобрения Коминтерна сделали новый и очень важный шаг в деле объединения патриотических сил. Они предлагали создать единый Национальный фронт, в который вошли бы все французы, «за исключением капитулянтов и предателей». 24 апреля 1941 г. Торез написал «совершенно секретный» проект директивы для Французской компартии, который на следующий день был отправлен на утверждение генеральному секретарю Исполкома Коминтерна Г. М. Димитрову. В этом документе руководители ФКП впервые ясно заявили, что «основной задачей на данный момент являются не свержение капитализма и пролетарская революция», а защита интересов и существования французского народа, его национальное освобождение от иностранного ига». ¹⁷

Директива предлагала приступить к формированию «широкого национального фронта», чтобы объединить «всех подлин-

ных патриотов, всех, кто независимо от их политических или философских взглядов хочет покончить с иностранной оккупацией и национальным унижением».¹⁸ Далее в директиве говорилось: «По отношению к голлизму партия также проводит свою политику единства всех сил, враждебных захватчикам, публично критикуя, в подобающей форме, антидемократический и антинародный характер его руководства».¹⁹ Новому толкованию подвергся лозунг мира, который все еще провозглашался во всех воззваниях компартии. В проекте директивы было сказано: «Французский народ стремится к миру, но он не принимает империалистический мир, мир подчинения и рабства, который хотят ему навязать оккупанты при помощи предателей».²⁰

Написанный Торезом проект директивы облегчал возможность совместных действий патриотов различных политических взглядов в борьбе против оккупантов и их французских пособников, но и он не был свободен от внутренних противоречий. Провозгласив, что целью компартии на данном этапе является не свержение капитализма, а национальное освобождение, проект декларации тем не менее завершался утверждением, что борьба за национальное освобождение требует создания «народного правительства», т. е., как прямо было указано в проекте, «правительства без эксплуататоров и против эксплуататоров».²¹ Призывая всех патриотов сплотиться в едином Национальном фронте, проект подчеркивал, что его руководящей силой должен стать рабочий класс во главе с коммунистической партией, исключая, следовательно, другие возможности объединения. Проект не упоминал об империалистической войне, но и не подвергал критике эту оценку.

Руководство Коминтерна одобрило проект декларации, и 26 апреля 1941 г. парижскому руководству ФКП была отправлена шифротелеграмма, которая излагала его основное содержание.²² Эта шифротелеграмма и была положена в основу декларации Французской компартии, обычно датируемой 15 мая 1941 г., хотя анализ ее текста показывает, что она была написана не ранее 25 мая.

Декларация почти текстуально воспроизводила основные разделы шифротелеграммы, но в двух пунктах отходила от нее. Во-первых, обращаясь к тем французам, которые, как говорилось в ее тексте, «ошибочно возлагают свои надежды на движение де Голля», декларация утверждала, что «единство французской нации в борьбе за национальное освобождение не может сложиться вокруг такого реакционного и колониалистского движения, созданного по образу и подобию британского империализма». Во-вторых, в декларации вновь выдвигались антикапиталистические требования, которые от-

существовали в шифротелеграмме Коминтерна, в том числе «национализация без выкупа банков, страховых компаний, шахт, железных дорог и крупных капиталистических предприятий».²³

Все эти требования, а также претензии на единоличное руководство Национальным фронтом, характеристика войны как империалистической, лозунги мира с Германией были неприемлемы для патриотов других политических направлений, и поэтому призывы коммунистов к единству оставались без ответа. Только после нападения фашистской Германии на СССР Коминтерн признал справедливой войну со стороны всех противников Германии, отказался от лозунга мира и пришел к выводу, что «коммунистам не следует ставить вопрос об их гегемонии в национальном фронте».²⁴

В результате были, наконец, созданы идеологические и политические условия для совместной борьбы всех французских патриотов за освобождение Франции.

¹ *Hortache R.* Le Conseil National de la Resistance. Paris, 1958. P. 68.

² *Michel H.* Les courantes de la pensee de la Resistance. Paris, 1962. P. 551—560.

³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 18, д. 1321, л. 174.

⁴ Там же, л. 188—189. — Русский перевод опубликован в сборнике документов «Коминтерн и вторая мировая война» (М., 1994. Ч. 1. С. 373—374).

⁵ РГАСПИ, ф. 495, оп. 18, д. 1321, л. 188—189.

⁶ Там же, оп. 10-а, д. 89, л. 1—2.

⁷ Там же, д. 92, л. 54—55.

⁸ Подробнее см.: *Смирнов В. П.* Коминтерн и поражение Франции // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 31—35.

⁹ Коминтерн и вторая мировая война. Ч. 1. С. 409

¹⁰ Письмо Ж. Дюкло и М. Треана в Москву от 30 июня 1940 г. // РГАСПИ, ф. 495, оп. 10-а, д. 92, л. 87.

¹¹ *L'Humanite.* 1940. 1 juillet.

¹² Коминтерн и вторая мировая война. Ч. 1. С. 394

¹³ *Peuple de France* // *L'Humanite clandestine.* 1939—1944. Paris, 1975. T. 2. P. 515—516.

¹⁴ *Vive l'Union de la Nation Francaise* // *Archives de la Biblioteque Marxiste* a Paris.

¹⁵ Коминтерн и вторая мировая война. Ч. 1. С. 475.

¹⁶ РГАСПИ, оп. 184, д. 8, л. 52.

¹⁷ Там же, оп. 10-а, д. 124, л. 7—8.

¹⁸ Там же, л. 9.

¹⁹ Там же, л. 9—10.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, л. 10.

²² Шифротелеграмма полностью опубликована в сборнике документов «Коминтерн и вторая мировая война» (Ч. 1. С. 526—527).

²³ «Pour la formation d'un Front National de l'indpendence de la France le Parti Communiste Francais s'adresse a tous ceux qui pensent francais et veulent agir en Francais // *Archives de la Biblioteque Marxiste* a Paris.

²⁴ Письмо Г. М. Димитрова В. М. Молотову от 1 июля 1941 г. // РГАСПИ, ф. 495, оп. 73, д. 112, л. 5.

«АКСЬОН ФРАНСЭЗ» И ГЕРМАНСКИЙ ВОПРОС В 1918—1924 гг.

Предлагаемая вниманию читателя статья — по сути дела, несколько измененный отрывок из моей кандидатской диссертации, посвященной «Аксьон франсэз». Диссертация была написана под руководством Юрия Васильевича, как до нее и диплом, посвященный той же теме.

Лучшего руководства, наверное, трудно было пожелать. Замечания Ю. В., которые он высказывал по ходу работы над текстом, были немногочисленны, но всегда касались принципиальных вопросов и били точно в цель. Это относилось и к содержанию, и к форме. Например, он убедил меня расширить первоначальные — довольно узкие — границы темы и дать более широкую панораму общественно-политической жизни Франции между двумя мировыми войнами. Помню также, что Ю. В. все время выступал (тогда с переменным успехом) против моей склонности к сложным построениям. «Писать надо короткими фразами, похемингуэевски», — любил повторять он. Критиковал он и мое излишне мягкое отношение к главным героям диссертации.

Кое-что приходилось переделывать, учитывая пожелания научного руководителя. С некоторыми из них я в то время внутренне не соглашался, а теперь чем дальше, тем больше признаю их справедливость.

«Аксьон франсэз» (далее — АФ) стала одной из наиболее влиятельных организаций, созданных французскими правыми в XX в. За свою почти полувековую (1899—1944) историю она оказала сильнейшее влияние на политические и культурные процессы, происходившие в стране. Во многом это объяснялось наличием у нее последовательной и относительно непротиворечивой доктрины, находившей немалое число приверженцев. Помимо масштабных проектов внутреннего переустройства Франции, АФ внесла и заметный вклад в развитие мировой геополитической мысли, отстаивая собственное видение положения Франции в мире. И в этом отношении особенно интересен период 1918—1924 гг., когда влияние АФ внутри страны достигло своего апогея. Именно тогда ее внешнеполитические проекты встречали наибольший отклик и могли — как представлялось тогда — стать основой для нового курса французской дипломатии. Эти сюжеты и рассматриваются в настоящей статье.

Но сначала — несколько слов относительно идеологии АФ как таковой. Ее окончательное оформление произошло еще до начала первой мировой войны, став по преимуществу плодом творчества бесспорного лидера АФ — Шарля Моррасса. В данном случае нас интересует прежде всего предложенная Моррассом схема европейской истории, выглядевшая следующим образом.¹ Основой исторического процесса в Европе, начиная с античности, выступал антагонизм между «цивилизацией» (представленной Грецией и Римом, а затем романскими нациями) и варварством (носителем которого являлись германские народы). Новое время ознаменовало собой триумф «варварских» идей индивидуализма и всеобщего равенства, что было выражено Моррассом в известной формуле «трех Р»: Реформация, Революция, Романтизм. Результатом этого для Франции стала последовательная смена в XIX в. все более и более антинациональных режимов, вызвавшая — помимо всего прочего — прогрессирующее ослабление ее международных позиций. Глубинный пессимизм моррассовского взгляда на историю, рассматриваемую как движение от совершенства к упадку, лег в основу внешнеполитической концепции АФ. Европейская же ситуация накануне 1914 г. представляла собой, по мнению Моррасса, прямое следствие франко-прусской войны 1870—1871 гг., утвердившей в межгосударственных отношениях «право сильного» вместо привычного равновесия сил. Это привело к наступлению эры «мировых империй» — англосаксонских стран, Германии, России, подчиняющих себе меньшие государства. Франция как держава среднего размера, желающая сохранить свою независимость, должна стремиться к созданию вокруг себя блока малых стран. При условии замены республиканского режима на монархию Бурбонов, «наследственную, антипарламентскую и децентрализаторскую», Франция получит достаточно материальных сил, а главное, морального авторитета, чтобы с помощью союзников установить на планете «французский мир — единственный, достойный человечества». Характерно, что, несмотря на признание остроты франко-германского противостояния, принципиальной разницы между Германией и прочими «империями» для АФ не существовало.

Первая мировая война ознаменовала собой отход от этой позиции. Правда, начавшаяся схватка представляла лишь как очередное звено в цепи франко-германских конфликтов. Но, по мнению лидеров АФ, Франция получала уникальный шанс навсегда — или на очень длительный срок — обезопасить себя от будущего нападения. По существу АФ первой поставила вопрос о гарантиях для Франции против агрессии со стороны государства с неизмеримо более мощной промышленностью и в

два раза большим населением. Гарантии, связанные со сменой режима в Германии или отторжением от нее ряда территорий, расценивались как важные, но недостаточные. Подлинные гарантии, как указывала АФ, могли иметь только геополитический характер. 23 сентября 1914 г. ее ведущий теоретик по международным вопросам Жак Бенвиль впервые указал на расчленение Германии как главное условие послевоенного урегулирования. С тех пор и до 1940 г. этот тезис являлся важнейшим компонентом внешнеполитической доктрины АФ. Предупреждая возможные возражения, Ш. Моррас указывал на то, что при «умело совершенном разделении» тяга немецкого народа к единству будет минимальной.² «Умелое разделение» предусматривало возвращение Германии к состоянию 1648 г., т. е. к полному отсутствию политического единства. В итоге «Германия перестанет существовать, останутся только отдельные германские государства, чья счастливая слабость принесет радость всему миру».³ Отметим тот факт, что накануне перемирия 11 ноября 1918 г. АФ имела серьезные основания рассчитывать на благосклонное отношение правительства к своим замыслам. Ожесточенное преследование «внутренних врагов», развернутое организацией, сыграло определенную роль в приходе к власти Ж. Клемансо за год до окончания войны. Однако совместные усилия в достижении победы не означали, как выяснилось вскоре, союза в деле «выигрыша мира».

Ноябрьское перемирие вызвало у АФ смешанное чувство облегчения и беспокойства. «Победить недостаточно» — так называлась статья Ж. Бенвиля от 20 ноября 1918 г.⁴ Главная опасность, как считала АФ, теперь исходила от недавних союзников — англосаксонских держав. В первую очередь опасения вызывал В. Вильсон с его идеей «справедливого мира» — воплощением именно тех принципов, против которых АФ вела упорную борьбу со дня своего возникновения. Главная причина расхождений между Францией и ее англосаксонскими партнерами для АФ заключалась в том, что первая «смотрела в будущее», в то время как вторых интересовали лишь сиюминутные, прежде всего торгово-экономические, соображения. Поэтому АФ еще более настойчиво предлагала собственную программу, определенную Моррасом как «умеренный аннексионизм».⁵ Центральное ее положение заключалось в уничтожении германского единства, ради чего АФ считала возможным пожертвовать всем остальным, включая получение репараций.

В свете вышесказанного становится ясным, почему опубликованные 7 мая 1919 г. условия мирного договора вызвали у АФ взрыв негодования. «Это не мир... Это продолжение войны», — заявлял Моррас, объявляя лучшим оружием Германии демократические принципы союзников.⁶ АФ резко усили-

ла нападки на В. Вильсона и Д. Ллойд Джорджа («два злых гения нашего союза»), открыла кампанию (впрочем, неудачную) против подписания договора, а затем против его ратификации французским парламентом. Одновременно осуществлялась и аналитическая работа по оценке договора, вылившаяся в сочинение Ж. Бенвиля «Политические последствия мира» (1920).⁷

Это сочинение, ставшее в некотором смысле слова Библией всех французских националистов по внешнеполитическим вопросам, явилось первым во Франции примером анализа событий с помощью последовательного геополитического подхода. Главные его идеи сводились к следующему. В центре Европы продолжает доминировать германская масса, лишь слегка подвергшаяся ампутации. Потребность в противовесе ей на Востоке после крушения Российской империи и фактического распада Антанты как антигерманского блока во много раз возросла. Однако новые восточноевропейские государства не могут удовлетворить ее даже в малой степени. «Их внутреннее строение не является ни естественным, ни рациональным. В равной мере им недостает силы».⁸ В результате вместо оказания помощи Франции они сами будут нуждаться в ее помощи. Союзы военного времени прекращают свое существование: Великобритания уже испытывает потребность в сильной Германии для своего экономического восстановления, США возвращаются к привычному нейтралитету, «Италия ускользнула от нас» после отказа Франции принести в жертву бесполезную для нее Югославию, и теперь весьма вероятно сближение ее с Германией. Наконец, Версальский договор стал возможным только благодаря исключению России из международной политики. Приняв форму традиционного русского национализма, большевизм обеспечит возрождение России как великой державы, и первым актом России в этой роли — соответственно историческим законам — станет соглашение с Германией в целях раздела Польши. «Нет союза более естественного».⁹ Франция, как видно, оказывается обреченной одновременно и на антагонизм с Германией, и на почти полную изоляцию. Что касается материальных претензий к восточному соседу, то Франция как бы открыла ему 30-летний кредит, надеяться на выполнение обязательств по этому кредиту в лучшем случае наивно. Война за реванш со стороны Германии почти неизбежна — так звучал общий вывод Бенвиля. «Почти» — поскольку источником уверенности для АФ служило положение Франции как сильнейшей военной державы Европы и низведение Германии до степени пассивного субъекта международной политики. Немедленная реализация этих преимуществ и стала ближайшей целью АФ в 1920-е гг.

Именно в это время престиж АФ внутри страны достиг наивысшей точки. Курс на поддержку республиканского режима против внешнего врага в 1914—1918 гг. позволил ей приобрести известную респектабельность в глазах общественного мнения. Благодаря этому в Палате депутатов, избранной в 1919 г., появилась группа из 29 «независимых», более или менее разделявших взгляды роялистов, особенно в вопросах внешней политики. От самой АФ был избран только один депутат, но им стал один из ее руководителей — Леон Доде (сын известного писателя). Благодаря своему ораторскому таланту он вскоре превратился в одну из самых заметных фигур Палаты, где господствовал правоцентристский Национальный блок. Резко возросла популярность Ж. Бенвиля, чьи идеи распространялись многими органами парижской и провинциальной печати (при тираже главного органа «Аксьон франсэз» с одноименным названием в 60—80 тыс.). Однако возможности непосредственно влиять на французскую внешнюю политику сразу после заключения Версальского мира практически не существовало. В этих условиях АФ возвратилась к критике республиканского режима, перед которым, по ее представлениям, стоял выбор между двумя внешнеполитическими альтернативами.

Первая из них означала вступление Франции на путь международных соглашений по германской проблеме, в результате чего Германия становилась неравноправным, но все же субъектом мировой политики. Для АФ она могла быть лишь «должником, имеющим одно право: погашение долга».¹⁰ Единственным разумным решением было поддержание враждебной державы в «условиях, равных крепостной зависимости»; любой другой подход игнорировал геополитические реалии и вел к новой войне. В этом смысле особенно пагубным, как полагала АФ, оказался 1921 год, целиком прошедший «под знаком Бриана».

В 1920-е и в начале 1930-х гг. АФ видела в Аристиде Бриане бесспорно самую ненавистную для себя фигуру в политическом мире Франции. Если прочие республиканские премьер-министры обвинялись ею в непоследовательном отстаивании интересов Франции, то Бриан — в прямом отступничестве от этих интересов. Причина заключалась не столько в его политических убеждениях, сколько в связях с германским капиталом, «Конвентом всемирного масонства» — Лигой Наций и британскими правящими кругами. «Мы никогда не видели премьер-министра, так ясно, прямо и отталкивающе связавшего свою карьеру с иностранным правительством».¹¹ Следствием этого, согласно АФ, стало невыгодное для Франции решение репарационного вопроса в 1921 г., на Парижской и Лондонской

конференциях. Организация употребила все свое влияние, чтобы добиться отставки премьер-министра. Финансовый скандал, в котором оказался замешан Филипп Бертело — «серый кардинал» Бриана в области внешней политики, дал АФ повод начать против него кампанию в печати, перекинувшуюся затем на парламентскую трибуну. В конце 1921 г. Бертело оставил должность политического секретаря Министерства иностранных дел. Наибольший же размах антибриановские выступления АФ приобрели в декабре 1921—январе 1922 г., во время работы Каннской конференции, также во многом посвященной репарациям. Моррас употреблял недвусмысленные выражения: «Немедленный отзыв с конференции. Отзыв, за которым должны последовать смещение Бриана и отдача его под суд».¹² До суда дело не дошло, но уступки Бриана англичанам оказались неприемлемыми для французского общественного мнения, и 12 января 1922 г. он ушел в отставку.

В связи с этим появлялась возможность для проведения альтернативного курса по отношению к Германии. АФ сформулировала свои взгляды по этому вопросу еще 28 октября 1920 г. в статье Л. Доде под многозначительным заглавием «Когда же, наконец, мы займем Рур?». Оккупация Рура, доказывал автор, представляет для Франции единственный «серьезный залог», позволяющий надеяться на приток репараций.¹³ Л. Доде, таким образом, первым обозначил контуры политики «продуктивных залогов», в 1923 г. воплощенной в жизнь Раймоном Пуанкаре. Более подробно ее сущность разъяснил Бенвиль: достаточно было просто взять в свои руки сбор налогов на занятой территории, чтобы оккупация сразу же сделалась прибыльной, а значит, «продуктивной».¹⁴ Предполагалось, что решение финансовых проблем наступит само собой: в руки Франции попадет богатейший промышленный район Германии, немалые средства даст конфискация капиталов крупнейших финансистов и т. д. Это не приводило к отказу АФ от ее фундаментальных геополитических установок: предлагаемая программа была всего лишь максимумом возможного в конкретных условиях тех лет.

Имелись ли с точки зрения АФ республиканские деятели, в чьих силах было осуществить подобную программу? Реальной кандидатурой являлся только бывший президент Раймон Пуанкаре — «единственный, кто помышлял об оккупации Рура, и единственный, кто мог ее осуществить».¹⁵ Монархисты поддерживали с ним связи еще со времен мировой войны. Образование кабинета Пуанкаре АФ встретила поэтому с нескрываемым оптимизмом. Однако первые иллюзии АФ вскоре рассеялись. Новое правительство не спешило предать забвению наследие своих предшественников. Фатальным просчетом Пу-

анкаре, по Моррасу, стала посылка французской делегации на Генуэзскую конференцию, где Германия и Советская Россия должны были выступить в роли равноправных участников. Подписание же Рапалльского договора делало реальностью главный из «геополитических кошмаров» АФ — объединение двух сильнейших держав континента с антифранцузской и антиверсальской направленностью. В качестве ответа на него Моррас предлагал вооруженную интервенцию, нацеленную теперь уже на Берлин. Можно думать, что прежде всего предложения АФ служили для поощрения Пуанкаре к активности, в этом убеждает излишне драматический тон статей Морраса, Доде и Бенвиля. Так или иначе, целью для АФ отныне являлся не Рур, а Берлин, поскольку Франция имела дело не с отказом Германии от платежей, а с «заговором против мира и цивилизации». Конечная же стадия операции заключалась в уничтожении германского единства.¹⁶ Понятно, что идея «продуктивных залогов» этим почти полностью обесценивалась, курс открыто был взят на «исправление» Версальского договора.

До какой степени Пуанкаре оказался чувствительным к доводам АФ? На протяжении 1922 г. его позиция испытала довольно значительные изменения. В начале года премьер-министр не исключал мирного решения франко-германских противоречий и даже склонялся к нему. Рапалльское соглашение сделало позицию Германии намного более жесткой, репарационные платежи фактически прекратились. Но и после этого число сторонников оккупации Рура в самой Франции оставалось невелико, они имелись главным образом в среде высшего офицерства. Из организованных политических сил единственно АФ последовательно выступала за использование силовых методов.¹⁷ Тон переписки Пуанкаре и Морраса начиная с весны 1922 г. отличается заметным потеплением: можно утверждать, что во второй половине этого года именно АФ обнаруживала наибольшую близость к главе кабинета в том, что касалось внешней политики. Утверждение Л. Доде: «Без поддержки АФ... Пуанкаре не осмелился бы и не смог занять Рур»¹⁸ — следует считать явным преувеличением, но поддержка роялистов безусловно придавала ему решительности. 7 июня 1922 г., выступая в Сенате, Пуанкаре впервые упомянул о возможности оккупации Рура, хотя окончательное решение было принято им лишь в конце года.¹⁹ Между тем обстоятельства благоприятствовали проведению жесткого курса, в особенности «упростившаяся» (для АФ и Пуанкаре) ситуация в Германии. Новый (с 16 ноября 1922 г.) канцлер В. Куно, прямо отказавшийся подчиниться французским требованиям, оказал Парижу немалую услугу. 9 января 1923 г. межсоюзническая репарационная комиссия констати-

рвала невыполнение Германией своих обязательств, и через два дня франко-бельгийские войска вошли в Рурскую область.

Рурская операция стала «звездным часом» АФ, не без основания усматривавшей в ней торжество собственного видения германской проблемы. Речь Пуанкаре в Палате депутатов, произнесенная непосредственно после события, содержала некоторые излюбленные темы АФ: фактическая ревизия Версальского договора Великобританией, заговор против Франции международных финансовых кругов. Но наряду с этим было выражено и ясное стремление держаться в рамках Версальского договора. К тому же полученное правительством вполне комфортабельное большинство в 452 голоса по вопросу о доверии уменьшало для него ценность поддержки со стороны АФ.²⁰ При всем том программа АФ не изменилась: начальный этап — автономизация Рура, последующий — «поход на Берлин» и официальное упразднение единого германского государства. Первый из этих шагов действительно начал осуществляться оккупационными властями, но АФ не питала особых иллюзий в отношении возможности второго из них.

Между тем в пользу радикальных методов, казалось, свидетельствовало положение дел в самой Германии. На протяжении довольно продолжительного времени Великобритания оставалась бессильной оказать смягчающее влияние на Францию, поддержанную Бельгией. Политика же «пассивного сопротивления», провозглашенная Куно, все менее оправдывала себя в результате четких действий французских оккупационных властей. Наконец, Пуанкаре не встречал серьезной оппозиции своему курсу внутри страны. Со всех точек зрения ситуация складывалась, по мнению АФ, идеально: имелись все предпосылки, чтобы приступить к воссозданию мелких германских государств, процветающих экономически, но бессильных политически. Недоставало лишь воли для реализации этого плана. Стоит отметить, что в январе — в момент наибольшей эйфории — Моррас выдвинул предложение ввести в состав кабинета роялистов (Бенвиль, Доде) и правых националистов-республиканцев (М. Баррес).²¹ Но это пожелание, брошенное как бы вскользь, не получило никакого отклика в правящих кругах.

По этой причине интегральным националистам оставалось надеяться на изменение обстановки внутри Германии в благоприятном для Франции духе и всячески поощрять любые сдвиги в этом направлении. Конкретно речь шла о поддержании всеми средствами состояния хаоса в Германии и о его углублении по мере сил, ради чего Бенвиль выражал готовность пожертвовать репарациями. Он же с удовлетворением наблюдал рост инфляции по ту сторону Рейна как показатель того, что

единая Германия представляет собой «искусственный и аномальный» организм, обреченный на исчезновение самой историей.²² Бенвиль не допускал мысли о преодолении финансового кризиса такого масштаба, какой имел место в Германии. Это не означало, что АФ проповедовала отныне пассивное ожидание, напротив, в отсутствие «марша на Берлин» она предлагала более или менее эффективные его заменители. Первое место среди них занимало разжигание всех имеющихся в стране противоречий, прежде всего социальных. Моррас советовал Пуанкаре «не проявлять колебаний в сотрудничестве со всем, что есть самого красного в Германии», т.е. претворять в жизнь политику, равнозначную проводившейся в свое время Рихелье.²³

Существенные коррективы в проекты АФ внесли события осени 1923 г. Еще в июле Моррас считал нереальным добиться чего-либо от германского сепаратизма при сохранении единого государства. Но начиная с октября 1923 г. сепаратистское движение охватило широкие области Западной Германии, причем неожиданно для французских властей. Хотя зрелище германской анархии и отвечало идеалам лидеров АФ, они подчеркивали, что активность со стороны Франции необходима как никогда ранее. Сепаратизм требовал если не открытого, то в любом случае энергичного покровительства оккупационных органов. Именно таким оказалось положение в Палатинате, где местное правительство пользовалось поддержкой представителя союзников французского генерала Метуа. Моррас возлагал на него большие надежды.²⁴ Но к этому времени Пуанкаре уже готовил пути к отступлению: 13 ноября он выразил согласие на созыв Международного комитета экспертов по определению платежеспособности Германии.

Как ни оценивать мотивы, двигавшие главой французского кабинета (надежды на широкое урегулирование финансовых вопросов, включая межсоюзнические долги), для АФ подобный исход выглядел явным поражением. При этом АФ ясно видела отсутствие, как и прежде, альтернативы Пуанкаре: любая другая фигура в должности премьера означала худший вариант. Кроме того, личный престиж Пуанкаре был единственным, что правящее большинство могло противопоставить на парламентских выборах 1924 г. набирающему влияние блоку левых партий. Последнее обстоятельство настолько беспокоило АФ, что Моррас и Доде неоднократно предлагали продлить полномочия существующей Палаты депутатов. В качестве примера для Пуанкаре выставлялся Муссолини, не стеснявший себя юридическими формальностями. «Диктаторские меры, необходимость которых ясна, несовместимы с режимом народного собрания», — заявлял Доде.²⁵ Хотя премьер

и не спешил облечь себя диктаторскими полномочиями, он продолжал представлять для АФ единственную гарантию приемлемого для Франции статус-кво и сохранения преемственности внешнеполитического курса, символизируя «последние остатки нашей победы».²⁶

Такие соображения заставляли АФ придерживаться неизменно проправительственной позиции, несмотря на полную утрату иллюзий в отношении действующего кабинета. С начала 1924 г. ее внимание все более концентрировалось на предстоящих выборах. Тематика выступлений интегральных националистов — за исключением советов лотарингскому адвокату превратиться в «латинского диктатора» — не отличалась разнообразием. Победа Левого блока влекла за собой «мягкий» курс в отношении Германии, а значит, «войну, войну, войну!».²⁷ Сама АФ также включилась в избирательную кампанию, основные усилия направлялись на сохранение за Л. Доде его депутатского места. Этого достичь, однако, не удалось. После майских выборов 1924 г. АФ вновь сделалась последовательно оппозиционной силой — как выяснилось впоследствии, до 3 сентября 1939 г.

Можно сказать, что на протяжении 1923—1924 гг. АФ в известном смысле являлась радикальным крылом Национального блока — в той мере, в какой центром внимания служили вопросы внешней политики. Безусловно, ее твердая позиция сыграла роль в формировании у Р. Пуанкаре решимости занять Рур, хотя окончательный выбор был сделан им лишь после тщательного изучения всех относящихся к делу фактов. Для периода второй половины 1922—начала 1924 г. будет справедливо говорить о союзе АФ с властью, несмотря на открытое признание роялистами своих непримиримых расхождений с Пуанкаре во внутриполитических проблемах. Но Рурская операция выявила и невозможность такого исхода, при котором вышеуказанный союз стал бы устойчивым. Занятие Рура представляло для Пуанкаре предел тех действий, на которые он мог решиться. В понимании же АФ оно выглядело начальным этапом, стартовой площадкой для пересмотра Версальского договора. В конечном счете правы оказались обе стороны. АФ — в отношении логики развития ситуации: оккупация Рура обретала смысл лишь тогда, когда вела если не к полному расчленению Германии, то по крайней мере к отделению от нее занятых областей, включая их политическую независимость от Берлина. Вероятно, даже и в этом случае только «умело совершенное разделение» стало бы для Франции конечной гарантией успеха, если бы само оказалось успешным (но в возможности этого АФ не сомневалась). Условием в данном случае выступало жесткое диктаторское правление, абсолютно свобод-

ное от влияния общественного мнения. Как видно, связь внешне- и внутривластных теорий АФ, будучи примененной к конкретному случаю, имела вполне органичный вид. Правда же Пуанкаре заключалась в том простом факте, что коренная ломка европейских структур была бы непосильной для истощенной войной Франции, хотя бы по чисто финансовым соображениям. АФ, однако, не признавала подобных соображений: «Вооруженный мир разорителен. Но вторжение... еще более разорительно».²⁸ В любом случае совершение предлагаемого АФ «прыжка в неизвестность» каким бы то ни было политиком, имевшим шансы образовать кабинет, выглядело явно нереальным. Ноябрь 1923 г. обозначил конец периода, когда было возможным активное воздействие АФ на внешнюю политику Франции. С 1924 г. события более или менее оправдывали схему, начерченную в «Политических последствиях мира». АФ могла рассчитывать только на смягчение последствий этих событий путем мобилизации своего влияния.

¹ Эти идеи нашли отражение во многих произведениях Морраса. См., например: *Maurras Ch.* 1) *Mes idées politiques*. Paris, 1937; 2) *L'ordre et le désordre*. Paris, 1948; 3) *Kiel et Tanger*. Paris, 1921, и др.

² *Maurras Ch.* *Devant l'Allemagne éternelle*. Paris, 1937. P. 318.

³ *Dimier L.* *Les tronçons du serpent*. Paris, 1915. P. 137. — Л. Димье в этот период был одним из наиболее видных деятелей АФ.

⁴ *Bainville J.* *La France*. Paris, 1947. Т. 2. P. 15.

⁵ *Miquel P.* *La paix de Versailles et l'opinion publique française*. Paris, 1972. P. 363.

⁶ *Maurras Ch.* *Le Mauvais Traité*. Paris, 1928. Т. 1. P. 73—74.

⁷ Как легко понять из заглавия, работа была задумана в ответ на «Экономические последствия мира» Дж. М. Кейнса.

⁸ *Bainville J.* *Les conséquences politiques de la paix*. Paris, 1939. P. 134.

⁹ *Ibid.* P. 166.

¹⁰ *Maurras Ch.* *Le Mauvais Traité*. 1928. Т. 2. P. 96.

¹¹ *Ibid.* P. 73.

¹² *Ibid.* P. 58.

¹³ *Daudet L.* *L'agonie du régime*. Paris, 1925. P. 16—17.

¹⁴ *Bainville J.* *Journal*. Т. 2: 1918—1926. Paris, 1949. P. 177.

¹⁵ *Daudet L.* *L'agonie du régime*. P. 143.

¹⁶ *Maurras Ch.* *Le Mauvais Traité*. Т. 2. P. 135.

¹⁷ *Bariety J.* *Les relations franco-allemandes après la première guerre mondiale*. Paris, 1977. P. 95—96; *Histoire des relations internationales*. Paris, 1957. Т. 7. P. 1. P. 251.

¹⁸ *Daudet L.* *Le nain de Lorraine*. Raymond Poincaré. Paris, 1930. P. 25.

¹⁹ *La politique française en 1922*. Paris, 1923. P. 76—77.

²⁰ *Annales de la Chambre des députés*. Session ordinaire de 1923. Т. 1. 1-е partie. P. 7—9, 12, 21.

²¹ *Maurras Ch.* *Le Mauvais Traité*. Т. 2. P. 188—189.

²² *Bainville J.* 1) *L'Allemagne*. Paris, 1940. Т. 2. P. 89; 2) *Journal*. Т. 2. P. 183.

²³ *Maurras Ch.* *Le Mauvais Traité*. Т. 2. P. 217.

²⁴ *Bariety J.* *Les relations...* P. 283—284; *Maurras Ch.* *Le Mauvais Traité*. Т. 2. P. 264—265.

²⁵ L'Action française. 1924. 19 de janvier.

²⁶ Ibid. 1923. 22 de decembre.

²⁷ Ibid. 1924. 9 de janvier.

²⁸ Bainville J. Journal. T. 2. P. 215.

О. Ю. ПЛЕНКОВ

ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО В ГЕРМАНИИ ПРИ НАЦИСТАХ

Гитлер неоднократно указывал, что не существует специфически экономической политики, а только просто политика, и он соответственно любые экономические вопросы воспринимал как второстепенные. Правда, в первой стадии борьбы за избирателей Гитлер, отдавая должное пропагандистской ценности и действенности лозунгов о «процентном рабстве», «еврейско-капиталистической эксплуатации», привлек в качестве главного нацистского «специалиста» в области макроэкономики Готтфрида Федера, который безоглядно спекулировал на симпатиях простых немцев к социализму, активной социальной политике государства.

Гитлеру не откажешь в последовательности в его отношении к экономике и в его оценках экономических теорий, он до конца остался верен оценке, высказанной еще в «Майн кампф»: «Государство не имеет ничего общего с конкретной экономической концепцией или развитием... Государство является расовым организмом, а не экономической организацией... Внутренняя сила государства лишь в редких случаях совпадает с так называемым экономическим процветанием; последнее, как свидетельствуют многочисленные примеры, очевидно, указывает на приближающийся крах государства. Пруссия с исключительной наглядностью подтверждает, что не материальные средства, а лишь идейные ценности позволяют создать государство. Только при их наличии может благоприятно развиваться экономическая жизнь. Всегда, когда в Германии отмечался политический подъем, экономические условия начинали улучшаться, и всегда, когда экономические условия становились первостепенной заботой народа, а идейные ценности отходили на второй план, государство разваливалось и вскоре возникали экономические трудности... До сих пор никогда в основе государства не лежали мирные экономические средства».¹

Если этой обширной выдержки недостаточно и если уместно в шутильной форме изобразить представления Гитлера об

экономике как науке, то, наверно, для этого лучше всего подошли бы слова Джоан Робинсон: «Смысл изучения экономической теории не в том, чтобы получить набор готовых ответов на экономические вопросы, а в том, чтобы не попасться на удочку экономистам». Иными словами, у Гитлера никаких устойчивых представлений о том, как следует строить экономику, изначально не было, он только твердо был убежден, что никакой специфической экономической политики не существует, нужна только твердая власть. Граф Шверин фон Крозиг, бывший первое время министром финансов у Гитлера, писал в своих мемуарах: «Предупреждение об инфляции Гитлер вовсе отвергал совсем не ложным утверждением, что при сильном правительстве не может быть инфляции. Отсюда проистекало и его совершенно здоровое чувство, что расходы всегда следует держать в рамках доходов».² Сам Гитлер весьма трезво оценивал собственную экономическую политику в разговоре с Шахтом: «Основной причиной стабильности нашей валюты являются концлагеря».³ Для морального подкрепления сильной власти и репрессивных мер первоначально нацисты не были чужды и сильной социальной демагогии. В 1935 г. одна из статей в «*Vöelkischer Beobachter*» так и называлась «Капитализм преодолён». И это якобы произошло вследствие того, что НСДАП покончила со всеми экспериментами в сфере денег и кредита, партия-де осуществила подъем экономики без и вне всякой зависимости от капитала и вообще впервые сделала экономическую политику принципиально независимой от рыночной конъюнктуры, не только экономическая система является причиной эксплуатации, но и эксплуатация является следствием несправедливости.⁴ Предпринимателям же «*Vöelkischer Beobachter*» постоянно внушала необходимость приличия в отношениях с рабочими. Интересно, что употребляемый по преимуществу термин «пролетариат» в газете обозначал все низменное, бесхарактерное, подлое, лицемерное в людях вне зависимости от их классовой принадлежности, бывало, что нечестные и лживые предприниматели назывались в газете пролетариями.⁵

С приходом к власти Гитлер сразу установил строгий контроль за ценами и зарплатой. Несмотря на жесткость этих мер, рабочие после 1933 г. постепенно перестали чувствовать себя париями общества, в котором, казалось, ничего в институциональном отношении не изменилось.

В целом нужно отметить, что социальное измерение экономической политики для Гитлера играло определяющую роль и в иерархии ценностей и целей нацистской экономической политики можно выделить следующую последовательность: преодоление безработицы, милитаризация экономики

и подготовка к войне и обеспечение автаркии. Эта последовательность неукоснительно соблюдалась в гитлеровской экономической политике во все предвоенные годы. Аналитически важно подчеркнуть, что система нацистского господства давала диктатуре Гитлера такие возможности действовать, которые выходили далеко за рамки традиционно допустимых, нормальных условий, принятых в демократической и плюралистической Веймарской Германии. Первоначально это было активом, а не пассивом нацистской диктатуры, которая располагала огромными возможностями массовой мобилизации на основе большого потенциала необыкновенно высокой общественной интеграции. Огромное значение имела при этом харизматическая фигура фюрера. С помощью специальных уполномоченных и имперских комиссаров у Гитлера всегда была возможность обойти рутинную государственную бюрократию, хотя он не располагал генеральным планом преобразований экономики и общества, а ограничивался отдельными, едва ли не спонтанными действиями, нацеленными на радикальное преобразование европейского и мирового порядка.

В 1933 г., когда Гитлер пришел к власти, Германия не только была не готова и не способна к войне, она от войны была гораздо дальше, чем любая другая европейская страна. Демократическая Конституция и, казалось, укоренившийся плюрализм усиливали впечатление неготовности и неспособности Германии к войне. Даже динамичная и мощная немецкая промышленность целиком не была автономна, а в значительной степени зависела от внешней торговли. Кроме того, Германия была относительно бедна ресурсами для войны и не обладала необходимой географической глубиной (как СССР) для успешного ведения современной маневренной войны. Для того чтобы подготовить рейх к войне, нужно было осуществить очень много всевозможных перемен, что было отнюдь не просто сделать. Наиболее существенными были решения Гитлера вооружаться и создать систему экономико-политическо-биологического неравенства. Оба этих решения не были следствием объективного развития истории, они были только решениями Гитлера, и нацисты смогли развить столь бурную деятельность, что даже в экономической сфере им удалось первоначально преодолеть, казалось, непреодолимые объективные трудности. Решение о вооружении последовало не на основе либерального, открытого, рыночного порядка, а на основе антилиберальных установок. Это имело далеко идущие последствия: возникла экономическая система, подверженная все более усиливающемуся интервенционизму и характеризующаяся дефицитной экономикой, разбазариванием ресурсов, постоянным их пере-

распределением, растущей диспропорцией в развитии, а также судорожным стремлением сохранить хотя бы видимость немецкого народного благополучия и достатка сначала за счет евреев, а затем во время войны и других европейских народов.

Нацистское «экономическое чудо».

Известно, что до прихода к власти нацистов положение в сфере экономики было довольно тяжелым, поэтому нужны были какие-то радикальные средства для преодоления депрессии. До 1933 г. в Германии принципиальные решения по экономическим вопросам могли принимать следующие инстанции: правительство, особенно министр финансов, президент в соответствии со ст. 48 Конституции, рейхсбанк, автономно принимавший решения о деньгах, земельные правительства и общины, промышленные «палаты» как органы самоуправления экономикой. Эту систему нацисты изменили в соответствии со своими тоталитарными претензиями: уже закон о чрезвычайных полномочиях 24 марта 1933 г. устранил парламентский контроль за бюджетом. После смерти президента П. фон Гинденбурга 2 августа 1934 г. Гитлер, как известно, объединил оба поста, узурпировав соответственно президентские полномочия в экономической сфере. Земли и коммуны, руководство которых было вскоре нацистами «унифицировано», были оттеснены от принятия экономических и финансовых решений. «Палаты» также подверглись интенсивной нацификации и стали инструментом нацистской политики.

Нацисты сразу развили бешеную динамику по всем направлениям политики, и многообразные полномочия постепенно перемещались к ним в руки. К примеру, от министра финансов постепенно «уплывали» все возможности контроля за расходованием средств в отдельных ведомствах, особенно в тех, которыми руководили нацисты, к которым был благоприятно расположен сам Гитлер. Можно сказать, что располагавшие личной поддержкой Гитлера министры практически самостоятельно распоряжались средствами. Особое положение, разумеется, заняло руководство вермахта, которое по многим позициям самостоятельно, без ведома Министерства финансов, расходовало огромные деньги.

Другой ответственный за экономические проблемы чиновник — министр экономики попал в двойственное положение в связи с учреждением в 1936 г. ведомства уполномоченного по четырехлетнему плану, которым руководил Г. Геринг, и он подчинялся по всем вопросам, в том числе и экономическим, только лично Гитлеру. Поэтому вскоре стало ясно, что немецкое правительство практически перестало существовать как коллегиальный орган.

Единственным государственным органом, который удерживал собственную сферу компетенции вплоть до 1937 г., был рейхсбанк, независимость которого была отвоевана знаменитым немецким финансовым гением Яльмаром Шахтом. 17 марта 1933 г. последний был назначен президентом рейхсбанка, перед которым Гитлер поставил задачу найти средства для борьбы с безработицей и деньги на реализацию программы вооружений. Поскольку денег в банке не было, а инфляционная политика в Германии из-за опыта 1923 г. была психологически разрушительна и потому невозможна, Шахт разработал гениальный план, в принципе согласившись в отличие от своего предшественника Ганса Лютера финансировать расширение кредитов для преодоления безработицы. По инициативе Шахта несколько крупных компаний (Krupp, Siemens, Rheinmetall, Guthoffnungshuette) создали «MEFO» (Metallurgische Forschungsgesellschaft) с капиталом всего в 1 млн марок, а рейхсбанк взял на себя все обязательства по ценным бумагам MEFO, неограниченно принимая его векселя, которыми государство и расплачивалось со своими поставщиками. С 1934 по 1938 г. государство задолжало банку, приняв векселей на сумму 12 млрд марок: рейху, таким образом, был обеспечен кредит, а средства по устному соглашению Шахта и Гитлера должны были быть возвращены банку в течение 4—5 лет, на самом же деле они никогда не были возвращены: Гитлер твердо держал курс на инфляцию и завоевательные войны, против чего Шахт безрезультатно пытался оппонировать с 1936 г.⁶ В этот год Гитлер на очередном партийном съезде (Parteitag der Ehre) объявил о четырехлетнем плане и 18 октября поручил Г. Герингу его исполнение. Акции MEFO в 1938 г., уже после отставки Шахта, были заменены распоряжениями казначейства и налоговыми талонами. После устранения безработицы Шахт не отказывался и от финансирования политики вооружений. В его оправдание можно сказать лишь то, что в заключительной фазе он пытался удержать кредиты и государственные долги в рамках определенных границ, а так как эти его намерения, как говорилось выше, противоречили воле политического руководства, с 1936 г. Шахт оказался в изоляции, а 10 февраля 1937 г. Гитлер решил этот конфликт, подчинив дирекцию рейхсбанка себе лично. Шахт был снят с поста министра экономики, новым министром экономики стал Вальтер Функ, который был всего лишь помощником «генерального уполномоченного по четырехлетнему плану». После ухода Шахта одна тысяча служащих аппарата Управления четырехлетнего плана перешла в Министерство экономики.⁷ В начале 1939 г. Шахт сложил с себя полномочия президента банка. Чуть позже —

15 июня 1939 г. — по распоряжению Гитлера у банка были отняты все полномочия по эмиссии, правительство само стало распоряжаться печатным станком.

Нацисты после прихода к власти также стали настойчиво проводить линию на устранение всяких корпоративных интересов или на подчинение себе носителей и выразителей этих интересов. Первоначально главной целью нацистов была ликвидация тарифной автономии, которую Веймарская конституция признавала за профсоюзами и предпринимательскими организациями. 2 мая 1933 г. профсоюзы были ликвидированы, и участие организованных рабочих в распределении социального продукта было устранено. Это избавило промышленность в процессе ее милитаризации от стачек и требований повышения зарплаты. Уже 15 мая 1933 г. нацистский режим передал задачу регулирования зарплаты «попечителям труда», назначение которых он сам утверждал. Эти «попечители труда» были чиновниками Министерства труда и подчинялись непосредственно государственному контролю.

Корпоративные организации предпринимателей нацисты первоначально не трогали, они подверглись лишь «личной унификации» по политическим и расовым мотивам. Однако влияние предпринимательских объединений сильно упало после того, как нацисты приступили к созданию сословной системы. 27 февраля 1934 г. вышел «Закон о распространении органического построения немецкой экономики», который уполномочил Министерство экономики по своему усмотрению переформировывать предпринимательские организации, а также вводить на них принцип фюрерства. Даже головное «Объединение промышленности», которое в период Веймарской республики играло огромную роль в экономической политике, должно было подчиниться сословной системе. Оно было переформировано в «Reichsgruppe Industrie» («промышленную имперскую группу»), которая была организована строго иерархически по отраслевым и региональным признакам и стала исполнительным и контролирующим органом государственного вмешательства в экономику. В то время как отдельные объединения предпринимателей были подчинены нацистской экономической политике и для них свобода принятия решений по принципиальным вопросам была сильно ограничена, отдельным представителям деловых кругов удалось заполучить большое влияние на принципиальные экономические решения. При этом специальные знания или важность предприятий для военной экономики подчас не играли никакой роли. Гитлер выбирал «любимчиков» по принципу личной симпатии, по качествам руководителя, наличию смелости. Таким вот путем с 1934 г. директор крупнейшей в

мире химической компании «IG Farben» Карл Краух получил возможность через военное министерство влиять на экономическую политику. Во время войны столь же значительную роль в принятии экономических решений сыграл председатель Совета директоров объединения сталелитейных заводов Альберт Фёглер, от него исходили многие решения, касающиеся металлической промышленности на Рейне и Руре. От влияния же на политику капитаны индустрии были оттеснены. В 1936 г. была создана «имперская палата промышленности» (Reichswirtschaftskammer), в сферу ее компетенции входили исключительно административные и технические вопросы, она не имела никакого влияния на принятие значимых политических решений.⁸

Самым крупным и социально значимым достижением экономической политики нацистов были итоги их политики занятости в довоенные годы. В процессе создания базы лояльности по отношению к собственному режиму для нацистов не было ничего важнее, чем ликвидация безработицы. Для достижения полной занятости нацистское руководство приняло следующие шаги.

1. 10 апреля 1933 г. был принят «Закон об изменении налога на автомобили», по которому покупатели нового автомобиля или мотоцикла с 1 апреля 1933 г. освобождались от уплаты налога на автомобиль. Вскоре заметили, что сбыт новых автомобилей зависит от сбыта подержанных, поэтому уже 30 мая 1933 г. закон позволил ограничиться однократной уплатой налога на подержанные авто, что значительно подняло спрос на автомобили. Это способствовало быстрому подъему отрасли, имевшей стратегическое значение в борьбе с безработицей.
2. По инициативе Фрица Рейнхардта 1 июня 1933 г. был принят «Закон об ослаблении безработицы», по которому Министерство финансов получило полномочия передать 1 млрд рейхсмарок на реализацию программы занятости. Эти деньги, обеспеченные налоговыми льготами, в виде ссуд были переданы общинам на осуществление общественных работ, жилищное строительство, строительство мостов, мелиорацию. Из этих средств для молодоженов выделяли «брачную ссуду» на целевую покупку мебели, домашней утвари. Почти все, кого коснулся план Рейнхарда, были безработные. Увеличение рабочего дня категорически запрещалось, как и механизация труда, с тем чтобы не повлиять на безработицу. Впрочем, сильно переоценивать масштабы плана Рейнхарда не следует, ибо и до 1933 г. около 36 % немцев существовало за счет общественных средств поддержки населе-

ния, которые обеспечивали самый скромный прожиточный минимум, вернее, выживание.

3. Также весьма большое значение для организации общественных работ имела программа строительства имперских автобанов (Reichsautobahnen), введенная законом от 27 июня 1933 г. Помимо большого социально-экономического значения эта программа до 1938 г. заняла 137 тыс. рабочих, было израсходовано 3 млрд рейхсмарок.
4. 15 июля 1933 г. был принят закон о налоговых льготах, он существенно дополнил закон Рейнхардта. Этот закон обеспечивал налоговые льготы предпринимателям, если они занимались ремонтными работами или работами по расширению предприятий. Если бизнесмен внедрял новые прогрессивные технологии, новые машины, то налоги также не взимались. Налогообложению не подвергались после 15 июля также всевозможные премиальные рабочим, к примеру, новогодние премии.
5. 29 сентября 1933 г. был принят еще один «Закон об ослаблении безработицы», он был нацелен на преодоление сезонного подъема безработицы зимой 1933/34 г. Министерство финансов выделило 500 млн рейхсмарок на жилищное строительство и ремонт квартир. Деньги были выделены с условием, что все работы будут завершены до 31 марта 1934 г.⁹

С помощью этих программ нацистскому руководству удалось снизить число безработных в течение года более чем наполовину — с 4.8 до 2.7 млн человек, а к 1937 г. и вовсе ликвидировать безработицу.¹⁰ Даже учитывая эти программы, относительное благополучие немецкой экономики и постоянно растущая занятость накануне войны являются настоящим чудом, ибо экономика приняла на себя чудовищные нагрузки: из всех средств, израсходованных в мире в 1933—1938 гг. на военные цели, доля Германии была самой большой — 28 %, СССР — 27 %, Британии и Японии — по 12 %, США — 11 %, Франции — 10 %, Италии — 9 %.¹¹ По всей видимости, это чудо нужно приписать необыкновенно активной позиции государства и очень динамичному образу действий нацистов.

Большое значение нацистское руководство придавало аграрной политике, не в последнюю очередь вследствие того, что крестьяне были гораздо лучшими солдатами, чем горожане.¹² Один из нацистских бонз сказал в 1936 г., что дегенерация Германии вызвана концентрацией большого количества народа в городах. Поэтому крестьянская политика была более важной для Гитлера, чем ликвидация безработицы. В этой сфере ведущим специалистом в партии считался Вальтер

Дарре, который и стал министром в конце июня 1933 г., заменив на этом посту А. Гугенберга. В этой отрасли народного хозяйства также был введен корпоративный принцип — все участники сельскохозяйственного производства включались в «имперское продовольственное сословие» (Reichsnaehrungsstand — RNS), созданное 13 сентября 1933 г. В 1938 г. RNS была разделена на 20 крестьянских корпораций (Landesbauernschaften), которые в свою очередь делились на 515 окружных корпораций (Kreisbauernschaften) и 55 тыс. местных крестьянских корпораций (Ortsbauernschaften).¹³ Интересно, что в новых органах власти на селе консервативные элементы из среды восточноэльбских латифундистов были решительно потеснены, их место заняли новые люди из среднего класса, что косвенно свидетельствует о некоторой оппозиции нацистам в консервативной среде.

Начало деятельности RNS ознаменовалось крупными проблемами: два неурожайных года и некоторые опрометчивые решения RNS привели к тому, что в 1935—1936 гг. возникла серьезная проблема с продовольствием. Я. Шахт отказал в выделении валюты для покупки зерна за рубежом — платежный немецкий баланс и без того был из рук вон плох. Эксперты рекомендовали Дарре ввести карточки на хлеб, муку, жир, но Гитлер был категорически против подобных предложений, опасаясь социальной напряженности и недовольства немцев, и, пренебрегая полномочиями бесхарактерного Дарре, передал задачи его министерства генеральному уполномоченному по четырехлетнему плану Герману Герингу. Геринг ради преодоления узкого места снизил цены на удобрения, тарифы на электроэнергию, а цены на сельскохозяйственные товары, напротив, были подняты. Ссуды на улучшение машинного парка в сельском хозяйстве значительно помогли модернизировать и расширить производство, велось также значительное жилищное строительство на селе, проводились мелиоративные работы. Несмотря на значительные инвестиции и затраты государства, по некоторым оценкам индекс сельскохозяйственного производства к концу довоенного подъема производства был всего лишь на 10 % выше, чем в неблагоприятные 1935—1936 гг. Поскольку население в этот промежуток времени увеличилось на 7 %, то немецкое самообеспечение продуктами питания возросло всего на 3 % (с 80 до 83 %).¹⁴

В связи с многочисленными экономическими затруднениями по инициативе RNS началась пропаганда употребления вместо масла сильно подслащенного мармелада («Volksmarmelade») из фруктов, он стал заменителем масла для немцев. Несмотря на замену сливочного масла сахаром, с 1 января 1937 г.

были введены карточки на масло, маргарин, сало. Тем не менее, когда началась война, немецкое сельское хозяйство на 60% покрывало потребности немецкого рынка, что стало значительным достижением.¹⁵

Что касается нацистской аграрной романтики, то она вскоре сошла на нет: аграрный романтизм вошел в конфликт с расширяющимися потребностями в сырье и продовольствии в стране, которая целеустремленно готовилась к войне, и первоначально благоговейное отношение к крестьянам сменилось их нещадной эксплуатацией и давлением, труд крестьян стали использовать в военной промышленности, где особенно острым был дефицит рабочих рук. В итоге крестьянам так и не суждено было стать в третьем рейхе самым престижным общественным классом, как обещали первоначально нацисты.

Весьма болезненной проблемой было обеспечение промышленности сырьем, ибо валюты хронически не хватало. Недостатку валюты правительство противостояло следующим образом. 9 сентября 1936 г. Гитлер объявил о четырехлетнем плане, в центре которого было производство железа, стали, синтетического топлива, буны и эрзац-шерсти. Управление инвестициями опиралось на значительные вливания из государственного бюджета. Ради наиболее эффективного использования дефицитного сырья эксплуатацию железорудных месторождений в районе Salzgitter взяло на себя государственное предприятие «Reichswerke Hermann Goering». С помощью государственного вмешательства удалось изменить структуру инвестиций в немецкую экономику в пользу военной промышленности: если в 1928 г. 65,7 % инвестиций приходилось на производство предметов потребления, а 34,3 % — на производство средств производства, то в 1939 г. картина инвестиций стало диаметрально противоположной: соответственно 18,9 % и 81,9 %. Одностороннее развитие военной промышленности способствовало усилению конъюнктуры в тяжелой промышленности, машиностроении, химической промышленности, электроэнергетики, автомобилестроении и самолетостроении, зато в тени находилось производство средств потребления. Эта диспропорция отразилась даже на положении рабочих — трудящиеся, занятые в военной промышленности, получали больше, жили лучше, чем те, кто был занят в производстве средств потребления. Кроме того, в военной промышленности были гораздо выше шансы для социального подъема, они были крайне неравны, конъюнктурная борьба была искажена до неузнаваемости политическими факторами. От нацистской экономической политики выигрывали прежде всего крупные предприятия, которые были наиболее рентабельны в массовом производстве со-

временных вооружений, доходы от которых в 1933—1939 гг. росли ежегодно на 36,5 %.¹⁶

Несмотря на все ограничения и усилия, автаркия была достигнута лишь частично: накануне войны 70 % железной руды, 80 % меди, 65 % нефти, 50 % текстиля ввозилось. Даже в октябре 1939 г., когда Польша была оккупирована, а СССР осуществлял активные поставки в Германию, всего лишь 44 % немецкого снабжения продовольствием и 33 % промышленного сырья были гарантированы от блокады.¹⁷ Поэтому следует оценить гитлеровскую программу автаркии как полностью проваленную.

Внешне нацисты придавали большое значение планированию, хотя практические шаги в этом направлении носили двойственный характер. Одна из групп Сопротивления в 1934 г. отмечала в своем донесении, что экономические разделы немецких газет очень напоминают советскую прессу: они пестрят такими терминами, как «плановое хозяйство», «плановое регулирование», «принудительное регулирование».¹⁸ Каковы же реальные, а не пропагандистские итоги нацистской четырехлетки? Для Гитлера важно было сэкономить валюту и подготовить страну к войне. Однозначно первая цель не была достигнута, вторую же цель можно считать достигнутой только в случае благоприятного сценария войны, который был таковым лишь в первой стадии. Более того, Гитлер, составляя директивы четырехлетки, исходил из необходимости позиционной войны, но такой войны на деле не было, и когда война началась, то те ресурсы, которые немцы судорожно экономили (железная руда), они получили в больших количествах, хотя Германия осталась наполовину зависимой от ввоза.¹⁹ Четырехлетний план значительно снизил немецкую зависимость от экспорта, но вовсе устранить ее не удалось. Четырехлетний план создавал много проблем: нехватка валюты, диспропорции с распределением рабочей силы, увеличение государственной задолженности, он сужал свободу действий экономики, искажал структуры экономики, государство все чаще должно было решать, кому достанутся сырьевые ресурсы, бюрократический аппарат непрерывно рос, плановые начала и директивное руководство распространялись, как чума, проблемы не решались, а либо усугублялись, либо имели место паллиативы.

Ради смягчения дефицита 26 октября 1936 г. вышел закон о фиксации всех цен на уровне 17 октября 1936 г. Однако эта фиксация цен нехватки товаров не устранила и не утолила платежеспособного спроса — как обычно бывает в таких случаях, обладание деньгами еще ни о чем не говорило, на них все равно ничего нельзя было купить. Дополнительным доказа-

тельством единственно возможного рыночного регулирования было то, что многочисленные ведомства, ответственные за перераспределение товаров, вновь и вновь попадали в тупики, которые в свою очередь влекли за собой необходимость все новых интервенций государства в экономику, что создавало опять дополнительные проблемы, и так без конца. Нарастание государственных интервенций в экономику поставило вопрос вообще об отказе от рыночного регулирования и о переходе к планированию, что практически и произошло во время войны.

Основные черты немецкой военной экономики.

Как первая мировая война, так и вторая мировая война были преимущественно войнами заводов и фабрик, противостоянием разных уровней материальной обеспеченности и снабжения, соревнованием мощи и эффективности экономических систем, а не только войнами полководческого умения или стратегии, мужества, организованности и самоотверженности солдат. Еще в 1937 г. швейцарский военный теоретик Ойген Бирхер написал весьма примечательные и совершенно справедливые строки: «Стратегический гений не вреден, но и не существует. Следует предпочитать гениев экономических».²⁰ Подобным гениям, однако, развернуться в Германии все равно не удалось бы, ибо с начала войны рейх перешел практически к центральному планированию и управлению экономикой, а в условиях планового хозяйства внутренние потенции и ресурсы мощной немецкой промышленности не могли по-настоящему проявиться. Тенденция все планировать проявилась, в частности, даже в том, что с 27 сентября 1939 г. население целиком было переведено на карточную систему снабжения продуктами питания, одеждой, топливом, рационировано было питание для собак и кошек.

Создание плановых органов началось еще до начала войны. 18 августа 1939 г. были созданы так называемые имперские инстанции «Reichsstellen», именно им было поручено регулирование и планирование определенных секторов производства в натуральных величинах, им же было подчинено и ремесленное производство. Таким способом нацистский режим хотел задействовать в планировании опыт и организаторские способности предпринимателей. Частная собственность на средства производства не была ликвидирована, а предприниматели, несмотря на ограничения, надеялись после войны вновь стать полными хозяевами на производстве, покорно следуя во время войны всем указаниям политического руководства. «Единый» фронт немецкой промышленности к 1939 г. был разрушен вследствие непрерывной борьбы отдельных компаний, фирм за валюту, сырье, рабочие руки, промышленность не смогла представлять

свой собственный интерес и не имела политически определенных потенций, хотя политика и экономика были довольно тесно переплетены. Показательной иллюстрацией к последнему утверждению может быть назначение в рамках четырехлетнего плана в 1938 г. Карла Крауха генеральным уполномоченным по химической промышленности, но Краух был не только крупным специалистом по буну и искусственному бензину, но и членом правления «IG Farben», которая благодаря своему человеку в верхах стала практически монополистом, и гитлеровский четырехлетний план практически стал планом развития ее предприятий.²¹

В принципе Гитлер скептически относился к большим традиционным бюрократическим аппаратам, к тому же он не хотел расширения полномочий Геринга в качестве генерального уполномоченного по четырехлетнему плану, в компетентность которого он верил все меньше. Руководство вермахта у Гитлера тоже особенного доверия не вызывало. Гитлеру нужен был специалист, не связанный с военными, и такого человека он нашел в личности инженера Фрица Тодта. Последний был старым и верным партийцем, руководителем отдела техники НСДАП, руководителем дорожного строительства, главным руководителем строительства «Западного вала». Тодт умел руководить небюрократическими методами, умел работать с мелкими фирмами, увязывая в единое целое усилия многих тысяч людей. Капитаны индустрии высоко ценили его как технократа и видели в нем равного себе. Гитлер, известный своей способностью разбираться в людях, на этот раз сделал особенно удачный выбор. 17 марта 1940 г. последовало назначение Тодта имперским министром вооружений и снаряжения. Тодт изначально был озабочен дуализмом в этой сфере. Этот дуализм был создан законом 21 мая 1935 г., в соответствии с которым признавались полномочия в вопросах вооружений и вермахта, и гражданских инстанций. Проблема состояла в том, что вермахт под впечатлением первой мировой войны был сторонником плановых принципов, а в Министерстве экономики преобладали сторонники рынка, военные ориентировались на крупные предприятия, а Министерство экономики — на предприятия средней руки. Организационные проблемы проистекали и из того, что было соперничество между сухопутными войсками, люфтваффе и рейхсмарине. Ситуация усугублялась тем, что Геринг был одновременно шефом люфтваффе (14 марта 1935 г. Гитлер сделал люфтваффе самостоятельным родом войск) и генеральным уполномоченным по четырехлетнему плану. Геринг, несмотря на колоссальные полномочия, не смог создать ясных и эффективных отношений в сфере экономики. Тодт сосредоточился на

производстве оружия для сухопутной армии и не касался производства оружия для люфтваффе и рейхсмарине. Тодт был озабочен прежде всего тем, чтобы органы самоуправления промышленностью были вовлечены в организацию военной экономики. В смешанных комитетах работали промышленники и военные, совместно решая проблемы вооружений. Тодт ввел новую систему цен, которая сильно стимулировала военное производство. Это показало, что новый министр стремился отойти от плановой экономики, требуемой военными. По существу против воли военных Тодт создал комитет промышленников, который самостоятельно занимался распределением заказов. Тодт начал с боеприпасов — была создана рабочая группа по боеприпасам, которая состояла из комитетов по округам. С помощью этой пирамиды удалось создать эффективно работающую систему: пика военного производства планировалось достичь к осени 1941 г. Тодт с небольшим аппаратом в 50 сотрудников смог оттеснить большой аппарат военного министерства в 5 тыс. офицеров. Тодту в целом до начала войны во Франции удалось значительно поднять военное производство, но быстрая и неожиданная победа приостановила первоначальный рост военного производства, система стала погружаться в летаргию, возобновились старая волокита и борьба компетенций. Новый подъем последовал, когда военный кризис обусловил необходимость нового напряжения сил, но Тодта к тому времени уже не было в живых (он погиб в авиакатастрофе 8 февраля 1942 г.), и его заменил не менее энергичный организатор А. Шпеер.

Война в отличие от конкуренции в мирные времена требовала в гораздо большей степени эффективного производства ради изготовления все более мощного и действенного оружия. Этому главному требованию к военной экономике немецкое хозяйство во время войны не отвечало, потому что у Гитлера не было какой-либо связной концепции тотальной мобилизации хозяйства страны. Несмотря на внешнюю видимость строгости и дисциплины, дикая неразбериха и анархия царили в многочисленных ведомствах, ответственных за экономику. Главные из них — это ведомство генерального уполномоченного по четырехлетнему плану, Министерство труда и Верховное главнокомандование вермахта. К тому же во время войны Гитлер намеренно отказался от расширения промышленности, ограничиваясь использованием наличных мощностей, что (в отличие от первой мировой войны) позволило нацистскому руководству не затронуть уровень жизни населения, которое начало испытывать тяготы войны только с 1944 г.

Накануне начала осуществления плана «Барбаросса» эксперты в области военной экономики, основываясь на опыте

французской кампании, докладывали, что в момент начала военных действий против СССР в наличии будет двенадцатимесячный запас боеприпасов, а оружия и боеприпасов на Востоке хватит лишь на 3 месяца. Поскольку Гитлер планировал «молниеносную войну», то он решил уже 20 декабря 1940 г. (всего несколько дней спустя после окончания разработки плана «Барбаросса») переключить производственные мощности на изготовление оружия и кораблей для продолжения борьбы с Англией силами люфтваффе и военно-морского флота. Иными словами, за полгода до нападения на СССР произошло переключение промышленности не в пользу сухопутных сил, которые на Востоке должны были сыграть решающую роль.²² Производство вооружений достигло своего пика в июле 1941 г. и до декабря 1941 г. сократилось на 29 %.²³ Когда война на Востоке все же началась, то гитлеровская военно-экономическая концепция почти сразу провалилась, и начались импровизации, которые стремились выдать за планирование. Вследствие этого военное производство Германии в 1941—1942 гг. находилось в стадии застоя: качественное и количественное превосходство в области вооружений, достигнутое ранее Германией, было утрачено, несмотря на то что немцы захватили ресурсы всей Европы. В 1941 г. СССР производил 6.5 тыс. танков против 5.2 тыс. у немцев и 11.9 тыс. самолетов против 9.5 тыс. немецких, а в 1942 г. это соотношение ухудшилось для немцев: 25.4 тыс. к 12.9 тыс. в самолетах и 24.4 тыс. к 9.3 тыс. в танках.²⁴ Тодт уже в ноябре 1941 г. видел положение совершенно безвыходным и призывал Гитлера к переговорам с СССР, на что Гитлер довольно лояльно советовал Тодту не вмешиваться в политические вопросы.²⁵ О совершенной утрате Гитлером чувства реальности свидетельствует объявление войны США. О потенциях военного производства США в докладе главы экономического ведомства вермахта генерала Томаса говорилось, что американцы по самолетам, танкам и орудиям к маю 1942 г. достигнут таких экспортных объемов, как все немецкое производство, а в 1943 г., по мнению генерала Томаса, соотношение американского и немецкого военного производства составит 5 к 1.²⁶ А ведь США — не единственный противник Германии. Гитлер был совершенно невосприимчив ни к каким аргументам, хотя в любом самом примитивном справочнике он, часто поражавший своих собеседников фантастическим знанием статистики, мог почерпнуть сведения об американских сырьевых ресурсах, которые по своим масштабам не шли даже в отдаленное сравнение с тем мизером, что имели немцы.

В борьбе компетенций вермахт беспрерывно проигрывал, что имело катастрофические последствия и для ведения во-

енных действий. Положение в корне смог изменить только Альберт Шпеер, опираясь на личную поддержку Гитлера. Несокрушимыми позиции Шпеера делали непрерывно растущие показатели роста производства вооружений, за которыми напряженно следил Гитлер. Именно благодаря этому интересу фюрера Шпееру с 1942 г. и удалось создать полностью милитаризованную экономику, несмотря на сопротивление представителей промышленности. В ходе этой милитаризации полномочия промышленного капитала в Германии были сведены до определенного минимума автономии — это была большая автономия по сравнению с положением в коммунистической системе и незначительная по сравнению с возможностями крупного хозяйства в это время на Западе.

При прямой поддержке Гитлера Шпеер лишил всякой экономической власти военные инстанции, ведавшие вооружениями, распустил Управление военной экономики при Верховном главнокомандовании вермахта (ОКВ), даже серьезно покусился на компетенции самого генерального уполномоченного по четырехлетнему плану Геринга и других нацистских олигархов. Шпеер смог довести до логического конца принятую еще при Тодте систему децентрализованного принятия решений, так называемую систему «самоуправления промышленности», и результат не заставил себя долго ждать: в 1942—1943 гг. производство вооружений поднялось в 9 раз по сравнению с 1940 г.²⁷

Упомянутая система «самоуправления промышленности» сводилась к следующему. В производственном процессе было усилено планирование: 14 апреля 1943 г. упомянутые выше «имперские инстанции» были подчинены «плановому ведомству» («Planungsamt»), которое получило задание осуществлять производственное и распределительное планирование в масштабах всей военной экономики. Именно благодаря этой организации Шпеер смог преодолеть путаницу компетенций. По его инициативе в апреле 1942 г. возникли главные комитеты и первоначально четыре главных картеля (Hauptringe), разделенных на специальные комитеты-картели, которыми руководили опытные предприниматели. Число главных картелей сначала поднялось до 21, а затем до конца 1944 г. сильно снизилось.²⁸ Отдельные комитеты были ответственны за производство конечной продукции, а картели представляли собой объединения поставщиков. Сотрудничество комитетов и картелей осуществлялось таким образом, что, к примеру, комитет «танки» через картель «металлообработка» запрашивал у специального картеля «зубчатое колесо» определенное количество изделий. Этот последний картель поручал упомянутое задание заводам таким образом, чтобы это поручение могло быть в точности исполнено. Такая система позволяла доволь-

но эффективно наладить производство, не прибегая к грубому и прямолинейному администрированию, от которого толку было бы мало. Таким образом, Шпеер успехами своего ведомства более всего содействовал продлению войны, он усилил трехлетнее противостояние немцев далеко превосходящим силам антигитлеровской коалиции.

Хотя эта система и способствовала достижению пика военного производства в июле 1944 г., она все же не была свободна от недостатков. Часто конечное производство и поставки не отделялись друг от друга. Например, с точки зрения производителей самолетов главный комитет «вооружение самолетов» имел функции главного картеля. Кроме того, многие предприятия из-за разнообразия производимых изделий подчинялись одновременно нескольким комитетам и картелям, что порой создавало непреодолимые организационные производственные трудности. Тем не менее военное производство выросло с января 1942 г. до июля 1944 г. более чем в три раза, но это, конечно, не решило проблему — военное производство только США в 1944 г. вдвое превышало общее военное производство Германии, Италии и Японии. США в 1943 г. произвели 146 тыс. самолетов, а немцы — 25 тыс.²⁹ Интересно, что немцы безнадежно отстали не только в абсолютных показателях, но и в производительности труда, которая у американцев была в 2,7 раза выше немецкой, даже в Англии она была выше на 25%. Такая картина являлась следствием технического отставания немецкой промышленности, а также низкой материальной заинтересованности немецких рабочих в крупномасштабных привлеченных пленных рабов.

Действенность и эффективность центрального планирования сильно снижались тем, что такой важный фактор производства, как «рабочая сила», находился вне полномочий планировочных органов. В 1942 г. Гитлер назначил гауляйтера Тюрингии Фрица Заукеля генеральным уполномоченным по труду и сознательно наделил его полномочиями, находившимися вне досягаемости Министерства вооружений. Также вне центрального планирования оказался промышленный концерн «Deutsche Wirtschaftsbetriebe» («Немецкие предприятия»), принадлежавший СС.

Примечательно, что вопреки всему ведомство Шпеера в конце 1944 г. разработало наконец всеохватывающий общий план развития всей немецкой экономики на предстоящие полгода, этот план должен был вступить в силу с 1 марта 1945 г., но из-за военного поражения он никакого практического значения не имел.

В итоге нужно признать, что в сфере экономики, несмотря на многочисленные издержки, нацистам удалась чрезвычайно

быстрая и эффективная аккумуляция власти и ее стабилизация. В значительной степени этому способствовал расизм, так как он изолировал немецкий народ, отрезал его от западной традиции, отрезал ему «возвращение» в Европу. В этом отношении национал-социализм был контрреволюцией против современности, против ее моральных ценностей и установок, в том числе и в сфере экономики.

¹ Цит. по: *Шпер У.* Взлет и падение третьего рейха. М., 1991. С. 113.

² Цит. по: *Irving D.* Fuehrer und Reichskanzler Adolf Hitler. München, 1989. S. 42.

³ Цит. по: *Буллок А.* Гитлер и Сталин. Смоленск, 1994. Т. 2. С. 26.

⁴ Ср.: Bericht über die Lage in Deutschland. Die Lagemeldungen der Gruppe Neu Beginnen aus dem Dritten Reich 1933—1936 / Hg. Stoeber, Berndt // Archiv für Sozialgeschichte. Beiheft, 1996. S. 387—388.

⁵ Ibid.

⁶ См.: *Frei N.* Der Führerstaat. München, 1989. S. 89.

⁷ *Herbst Ludolf.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933—1945. Frankfurt-am-Main, 1996. S. 168.

⁸ Ср.: *Mason Tim.* Nazism, fascism and the Working class. Cambridge, 1995. P. 65.

⁹ См.: *Blaich Fritz.* Wirtschaftspolitik des Nationalsozialismus in Deutschland / Hg. Cassel Dieter // Wirtschaftspolitik im Vergleich. Konzeption und Praxis der Wirtschaftspolitik in kapitalistischen und sozialistischen Wirtschaftssystemen. München, 1984. S. 171.

¹⁰ *Herbst Ludolf.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933—1945. S. 89.

¹¹ Политическая стратегия европейской буржуазии в XX веке. М., 1990. Ч. 1. С. 78.

¹² Ср.: *Wunderlich Frieda.* Farm Labor in Germany 1810—1945. Its Historical Development within the Framework of Agricultural and Social Policy. Princeton, 1961. P. 159.

¹³ *Wunderlich Frieda.* Farm Labor in Germany... P. 161.

¹⁴ *Herbst Ludolf.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933—1945. S. 175.

¹⁵ См.: *Blaich Fritz.* Wirtschaftspolitik... S. 174.

¹⁶ *Herbst Ludolf.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933—1945. S. 238.

¹⁷ Ibid. S. 128.

¹⁸ См.: Bericht über die Lage in Deutschland. S. 203.

¹⁹ *Herbst Ludolf.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933—1945. S. 176.

²⁰ Цит. по: *Мухалка В.* Вторая мировая война. М., 1998. С. 277.

²¹ Ср.: *Frei N.* Der Führerstaat. S. 91.

²² См.: *Мухалка В.* Вторая мировая война. С. 328.

²³ *Herbst Ludolf.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933—1945. S. 360.

²⁴ Ibid. S. 366.

²⁵ Если Тотт уже в декабре 1941 г. убеждал Гитлера, что война на Востоке проиграна, то его преемник А. Шпеер до 1944 г. верил в победу. См.: Deutschlands Rüstung im Zweiten Weltkrieg. Hitlers Konferenzen mit Albert Speer / Hg. Boelcke Willi. Frankfurt-am-Main, 1969. S. 6.

²⁶ *Herbst Ludolf.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933—1945. S. 409.

²⁷ См.: *Мухалка В.* Вторая мировая война. С. 286.

²⁸ Deutschlands Rüstung im Zweiten Weltkrieg. S. 9.

²⁹ *Herbst Ludolf.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933—1945. S. 431.

«ЗА СВОБОДУ И ХЛЕБ»

ПЕСНИ НЕМЕЦКИХ ФАШИСТОВ

Перед нами тоненькая книжечка малого формата в мягкой коричневой обложке, на которой значится: «25 боевых песен». На обороте титульного листа читаем: «Составлено и посвящено СА (штурмовым отрядам. — В. Ч., Л. М.) местной группой НСДАП Эссен-Бергеборбека (район крупного промышленного города Эссена в Рурской области. — В. Ч., Л. М.)». Книжечка эта — фашистский песенник. Эссенские фашисты составили его 26 мая 1933 г. Дата примечательная: всего лишь без малого четыре месяца прошло с того дня, когда Гитлер возглавил правительство Германии. Значит, все, что сочинялось позднее, в песенник не вошло. Но как раз это и придает ему особый интерес: песни создавались и распевались еще тогда, когда гитлеровцы находились в оппозиции и вели борьбу за умы и души масс. Эти песни пели штурмовики, маршировавшие по улицам немецких городов, участники массовых митингов и собраний, созываемых нацистами, демонстранты, члены гитлеровской молодежи. В этих песнях в сжатой квазипоэтической форме сконцентрирована та сумма идей, которую нацисты хотели внушить соотечественникам, дабы привлечь их на свою сторону.

Не следует преуменьшать зажигательную силу и влияние этих политических песен. Многие ли немцы одолели в то время пухлые тома «Моей борьбы» Гитлера и других сочинений фашистских идеологов? Конечно, нет. Большинство читало газеты и листовки, прислушивалось к речам ораторов и к песням тоже. Для Германии с ее традиционным пристрастием к хоровому пению это было в порядке вещей. Вспоминается показанный как-то у нас в одной из ретроспективных передач телевидения старый сентиментальный фашистский фильм о юном поклоннике Гитлера, убитом коммунистами. Вечно пьяный отец (коммунист) избивает сына, заставляя его петь «Интернационал». Но сын восхищен фашистской молодежной «Песней о флаге» и тайком от отца с восторженной дрожью в голосе поет ее матери. Песня привела его в ряды гитлеровцев.

Песенник открывается «Хорстом Весселем», фактическим гимном нацистской партии, а заканчивается государственным гимном — «Германия превыше всего». Оба гимна исполнялись на официальных церемониях и торжествах.

На русский язык название «Das Horst Wessel-Lied» переводилось в трех вариантах: «Песня Хорста Весселя», «Песня о

Хорсте Весселе» и «Хорст Вессель». Как мы не раз убеждались, эти варианты в общем отражали некоторую путаницу в понимании названия и у самих немцев. В первом случае название попросту указывает на автора, во втором — превращает автора посмертно в героя песни, в третьем — предоставляет свободу для любого толкования. Именно поэтому, наверное, последний вариант встречается чаще всего.

«Хорст Вессель», сочиненный в 1927 г., — вероятно, единственное из фашистских творений песенного жанра, ставшее известным во всем мире (хотя бы только по названию). Эта песня была особенно мила нацистским пропагандистам, надо думать, не только своим напористым фанфаронством — это не выделяло ее среди других, — но и единственной в своем роде возможностью окружить ореолом и превратить в пример для всех личность ее творца — безвременно ушедшего из жизни верного бойца партии. Гимн обрел благодаря этому особую эмоциональную окраску. Впрочем, личности и деяниям ревностного штурмовика Хорста Весселя давалась в разных политических кругах диаметрально противоположная оценка. Вот что писала о нем знаменитая «Коричневая книга о поджоге рейхстага и гитлеровском терроре», опубликованная первоначально в 1933 г. в Швейцарии, а затем обошедшая множество стран:

«Кто же был национал-социалистический „герой“ Хорст Вессель, эта легендарная фигура национал-социалистических фальсификаторов?

Хорст Вессель — студент-кутила, сын пастора, сутенер в районе берлинской Мюнцштрассе. Даже сами фашисты не в состоянии оспорить тот факт, что „герой“ Хорст Вессель, устраивавший со своими молодцами ночные охоты на „марксистов“, жил на средства проститутки. Убит он был прежним сутенером этой же проститутки у нее в комнате. Национал-социалистические мифотворцы повествуют, что Хорст Вессель стремился только „спасти душу“ этой проститутки. Национал-социалистическая пресса утверждала — и это стало официальной легендой, — что Хорст Вессель пал от руки коммуниста».

С той поры коммунистические историки и литераторы именovali Хорста Весселя не иначе как сутенером, что, однако, нисколько не повредило фашистской легенде.

Немецким музыковедам удалось найти музыкальный первоисточник гимна. Им оказалась старая сердцещипательная песенка «Печальное свидание» — типичный образчик мещанского фольклора (того, что немцы окрестили «песнями мамзели»). В ней повествуется о встрече в темном лесу двух братьев — путника, возвращающегося домой из дальних стран, и разбойника. Разбойник, как ему положено, требует у путника коше-

лек, угрожая ему в противном случае смертью. Но увиденный им материнский медальон ставит все на свои места. Узнавшие друг друга братья после тяжкого раздумья целуют друг друга, заливаясь слезами. Если вспомнить, что «Хорст Вессель» вызывал слезы восторга и воодушевления у тысяч преданных идеям нацизма людей, то остается лишний раз подивиться, как часто в жизни и истории трагедия подчас смыкается с фарсом.

Некоторые синтаксические несообразности текста «Хорста Весселя» вызывали обоснованные насмешки. Действительно, третья и четвертая строки первой строфы сформулированы так нескладно, что могут с равным правом иметь разный смысл. Либо: «Товарищи, которых расстреляли Рот-Фронт и реакция, маршируют в наших мыслях в рядах вместе с нами». Либо: «Товарищи, которые расстреляли Рот-Фронт и реакцию, маршируют мысленно в наших рядах» (очевидно, эти «товарищи» сидят в тюрьме или где-то скрываются). Но такими нюансами стили в политике часто пренебрегают.

Любопытно, что лидер русских фашистов в Соединенных Штатах Америки Анастасий Вонсяцкий написал на мотив «Хорста Весселя» гимн так называемой Всероссийской фашистской организации, созданной в 1933 г. Гимн заканчивался словами: «Победы день торжественный настанет, слетят колхоз и Сталин с ГПУ, и свастика над Кремлем ярко засияет, и черный строй пройдет через Москву». Черные (как у итальянцев), а не коричневые (как у немцев) рубашки русских фашистов дожили, как мы знаем, до нашего времени.

Что же касается «Песни немцев», начинающейся словами «Германия, Германия превыше всего», то это написанное в далеком 1841 г. либеральным поэтом Августом-Генрихом Гофманом фон Фаллерслебеном на музыку Йозефа Гайдна (гимн Священной римской империи германской нации «Храни, господь, Франца императора») патриотическое, но абсолютно лишнее шовинистического настроения произведение постигла поистине трагическая судьба, когда его присвоили нацисты. Призыву к гражданам многочисленных германских королевств, герцогств, княжеств и пр. вспомнить, что они немцы, что для них превыше всего должно быть общее отечество — Германия, которую нужно объединить, был придан фашистами зловещий смысл, воспринятый затем и жертвами гитлеровской агрессии. Вот почему ФРГ, восстановившая в 1952 г. старый гимн (который, кстати, стал таковым во времена Веймарской республики), вынуждена была оставить в нем лишь одну строфу из четырех. В ней нет ни «превыше всего», ни упоминания о бывших рубежах Германии, переставших уже быть ее рубежами. Зато воспеваются как «залог счастья» общечеловеческие идеалы — «единение, право и свобода».

Судя по сборнику, нацисты испытывали нехватку собственных музыкальных сочинений и часто пускали в ход мелодии уже существующих — народных, солдатских, революционных — песен, переделав на свой лад их тексты. (Так поступали, между прочим, и коммунисты, в том числе и в Советском Союзе.)

Если говорить о песнях народных и солдатских, то изменения в них элементарные. Сохраняются обычные ситуации: полк выступает в поход, солдаты шагают навстречу будущим сражениям, матери плачут, девушки тоскуют и т.п. Но простые драгуны превращаются в «коричневых драгунов», солдаты — в «солдат-штурмовиков», а полк (батальон) — в полк (батальон) Гитлера.

С революционными песнями обращались более бесцеремонно. Мы встречаем в песеннике даже нацистский, полностью переделанный и по содержанию прямо-таки программный вариант русской песни «Смело, товарищи, в ногу», которая приобрела популярность и в Германии после 1918 г. (под названием «Братья, к солнцу, к свободе») и до сих пор там поется как социал-демократами, так и коммунистами. Адресат у нацистской модификации песни остался прежний: рабочие и крестьяне.

Совсем уж неожиданной кажется перелицовка двух чисто коммунистических песен, заимствовавших, правда, свои мелодии из солдатского фольклора. Обе они были известны и у нас. «Юного барабанщика» (у немцев — «Маленький горнист»), очень популярного среди советских пионеров 20—30-х гг., можно было порой услышать по радио до недавнего времени. А «Вперед, вперед, на бой» один из авторов этих заметок разучивал вместе со своими сверстниками на уроках в ленинградской школе в 30-е гг. В первой из этих песен нацисты оставили прежний текст, заменив только «веселого юного красногвардейца» на «веселого юного свастиканосца» (слово неуклюжее, но как иначе перевести «Hakenkreuzler»? Не «свастиковец» же?), а «песни о свободе» на «песни о Гитлере». Вторая песня была скорбным откликом на убийство в январе 1919 г. коммунистических лидеров Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Нацисты не постеснялись присвоить и ее. Но клятва готовности к борьбе, принесенная Карлу Либкнехту, превратилась в клятву Адольфу Гитлеру, а руку свою бойцы НСДАП подают не Розе Люксембург, а немецкому народу.

Нужно ли удивляться после этого, угадывая в одной из песен отзвуки столь знакомой нам всем «Все выше, и выше, и выше»? Первоисточник был, видимо, немецким.

Усвоенные нами стереотипы заставляют ожидать от фашистских песен утверждения превосходства немцев над другими

народами, требований завоевать для них «жизненное пространство» и т.п. Но этого нет. Попадаются упоминания о былом величии Германии, туманные намеки на грядущее мщение неназванным врагам, но все это — без прямых воинственных призывов (зато подобные призывы звучат в изоляции по отношению к врагам внутренним).

Правда, одна из песен — «Думайте об этом» — призывает помнить о Верхней Силезии, немецком Рейне, Западной Пруссии, Данциге, немецких колониях, Саарской и Рурской областях. Все это — территории, которых Германия навсегда или временно лишилась в результате первой мировой войны. Третью Верхней Силезии в 1922 г. после референдума отошла к возрожденной Польше. Она же получила земли, именуемые в песне Западной Пруссией. Данциг (Гданьск) был превращен в вольный город, управляемый Лигой Наций. Рейнская область была демилитаризована и временно частично оккупирована франко-англо-бельгийскими войсками. Саарская область — отдана на 15 лет под управление Лиги Наций. Рурскую область в 1923—1924 гг. оккупировали французы и бельгийцы (между прочим, упоминание о ней раскрывает время создания песни). Ну, а мандат на управление бывшими немецкими колониями получили от Лиги Наций страны-победительницы. Конечно, в самом этом призыве «не забывать» можно с полным основанием усмотреть скрытую угрозу реванша. Но в общем эта песня укладывалась в широко распространенное (и разделявшееся немецкими, а кстати, и советскими коммунистами) осуждение Версальского договора как грабительского по отношению к Германии (у нее отобрали восьмую часть площади, на которой проживало 10% населения). Примечательно, что в перечне утраченных областей отсутствуют возвращенные Франции Эльзас и Лотарингия, хотя впоследствии, после поражения Франции в 1940 г., Германия снова аннексировала их. Как видно, в 20-е гг. нацистские барды еще не осмеливались открыто требовать их возврата.

Расовое превосходство немцев тоже не провозглашается в песнях, включенных в сборник. Более того, само слово «раса» не употреблено ни разу. Нет речи и об «арийцах». Национальный вопрос как таковой сводится к изображению немцев жертвой всяческих притеснений. Немало грубых и угрожающих физической расправой выпадов против евреев, но выпады эти всюду предстают не в расистском, а в социальном облачении: в виде злобных проклятий еврейскому капиталу, который, дескать, угнетает немецкий народ и с господством которого следует покончить.

Именно социальными требованиями прежде всего и определяется тональность песен. Они обращены к «братьям в

цах и шахтах, братьям, идущим за плугом», к «рабам машин», к людям труда, к пролетариям. Походная песня бергеборбекских штурмовиков (в песеннике есть несколько, так сказать, «локальных» песен) презрительно отзывается о «вялом, сытом буржуазном сброде». В песнях постоянно воспроизводится призыв к пробуждению Германии во имя «немецкой революции», к освобождению народа от угнетения, нищеты, рабства, к свободе.

Слово «свобода», как ни странно, ближе всего сердцу авторов текстов. Оно кочует из песни в песню либо в одиночестве, либо в компании со словами «хлеб», «труд», «право», «честь». Чаше всего употребляется формула «За свободу и хлеб», которая завершает и одну из строф «Хорста Весселя»: «Дорогу коричневым батальонам! Дорогу бойцу штурмовых отрядов! Уже сейчас на свастику смотрят с надеждой миллионы. Занимается день борьбы за свободу и хлеб». С этим перекликается и походная песня штурмовиков: «...Заря немецкой свободы — наша лучшая награда... Национальный социалист борется за хлеб и право. Кто не в наших рядах, тот пусть останется навеки рабом». Таким перекличкам нет числа.

Песни сокрушаются о тяжелой участи «беднейших из бедных», тех, в чьих домах свирепствует нужда, о судьбе голодающих детей, угрожают расплатой «бонзам», «биржевым подонкам», «спекулянтам». Одна из них зовет тружеников бросить работу и выйти на улицу, чтобы освободить «немецкий труд». Такие обращения не были пустыми словами. Достаточно вспомнить прогремевшую на всю страну забастовку берлинских рабочих-транспортников в ноябре 1932 г. Нацисты не только участвовали в ней, но и вошли (вместе с коммунистами!) в состав стачечного комитета.

Песни обещают, что осуществление заветной цели — освобождение от гнета бонз, от «еврейской тирании» — даст возможность людям честно зарабатывать прилежным и творческим трудом. Немецкая революция создаст «вечную, свободную, сильную третью империю».

Эту революцию совершит народ, ведомый «коричневым войском», национал-социалистами. Они противопоставляют себя всем прочим политическим силам, отрешиваясь от собственного прошлого. «Раньше мы были коммунистами, — поется в «перелицованной» песне «Смело, товарищи, в ногу», — членами Стального шлема (военизированный союз бывших фронтовиков правонационалистической ориентации. — В. Ч., Л. М.) и СДПГ, сегодня мы — национал-социалисты, бойцы НСДАП». Весьма характерно это указание на корни партии: социалистические (коммунисты, социал-демократы) и националистические (Стальной шлем, слившийся после прихода фашистов

к власти со штурмовиками). В самом деле, социальная база у этих организаций и у нацистов в значительной мере совпадала. Социалистическое начало фашистской партии, слитое с началом национальным, подчеркивает и песня «Вперед, вперед, на бой»: «...мы боремся за права немецкого труда, мы — социалисты, но — национальные». А песня «Свастика» отражает притязания нацистов считаться единственными выразителями национальных устремлений: «Кто объединяется вокруг этого знака — немец душой, смыслом и сутью, а не только на словах». Любопытно, что часто фигурирующее в песнях черно-бело-красное знамя нацистов (красное полотнище, белый круг посередине, а в нем черная свастика) иногда именуется попросту красным: «Слава немецкому труду, впереди — красный флаг, свастика должна победить, опаленная светом свободы» (песня «Все кругом говорят»). Или еще (в «Боевой песне национал-социалистов»): «Мы — армия свастики, поднимайте выше красные флаги! Мы хотим проложить немецкому труду дорогу к свободе!»

Если не считать евреев, то более всего ударов авторы песен наносят коммунистам. Но достается и другим — левым и правым. Не случайно Хорст Вессель разом клеймил в своей песне врагов — «Рот-Фронт и реакцию». В песне «Аннемари» (явно фольклорного происхождения) героиня предсказывает, кем будут ее сыновья: один — коммунистом, потому что он буян; другой — членом Народной партии, так как он болтун; третий — пацифистом: он трус; еще один — членом партии Центра: он лгун; самый младший же — демократом, потому что бесхребетен. Каждому свое. К слову сказать, и Германская народная партия, и партия Центра, и Германская демократическая партия (переименованная ранее в Германскую имперскую партию) в лице своих представителей в рейхстаге одобрили 23 марта 1933 г. предоставление правительству Гитлера чрезвычайных полномочий. Аннемари как в воду глядела, уличая их в слабодушии.

Зато национал-социалисты — воплощение воли, смелости, мужества, убежденности. Ради победы национал-социализма они готовы жертвовать имуществом и жизнью. Мотив жертвенности, звучащий еще в ранней песне «Павшим 9 ноября 1923 года» (день провалившегося фашистского путча в Мюнхене, когда от пуль полиции погибло 16 нацистов), повторяется всюду, где идет речь о борцах нацистской партии и штурмовых отрядов. Особенно прославляются штурмовики. Кто бы мог предположить, что именно этому «коричневому войску», когда оно начнет проявлять недовольство невыполнением антикапиталистических лозунгов и заговорит о «второй революции», Гитлер нанесет беспощадный удар в роко-

вую «ночь длинных ножей» 30 июня 1934 г.?! Виднейшие руководители СА были расстреляны, а сами штурмовые отряды, насчитывавшие к тому времени около четырех миллионов человек, после реорганизации лишились своего привилегированного положения, уступив его эсэсовцам. Но в 20-е и в начале 30-х гг. горластые, драчливые и свирепые поборники «немецкой революции» прямо-таки упивались самовосхвалениями. Их песни — наглядное тому свидетельство.

И, конечно, везде в песнях звучит имя Гитлера. Он — спаситель, посланный Богом в тягчайшую годину, «вождь (фюрер) и товарищ одновременно»; он, «рожденный в народе», вернул Германии веру и надежду; он неподкупен, он — единственный, кто может сбросить «еврейское рабство». Имя Гитлера упоминается в пятнадцати песнях, в некоторых провозглашается пресловутая здравница: «Хайль Гитлер!» Упоования на немецкую революцию и освобождение народа неразрывно связаны с ним. «Куль личности» в чистом виде, сродни нашему, доморощенному.

Проще простого провести аналогии с советским песенным творчеством, особенно 20—30-х гг. Но сегодня уместнее обратить внимание на другое обстоятельство, хотя в общем и известное, но часто забываемое. Воспоминания о войне, лагерях уничтожения, газовых камерах и пр. несколько исказили в нашем восприятии историческую перспективу. А суть дела в том, что нацисты обеспечили себе массовую поддержку не тем, что обещали кого-то завоевать и уничтожить, а в первую очередь тем, что сулили людям хорошую жизнь. В более или менее благополучные времена их широкообещательные обещания мало кого привлекали. Но вот в 1929 г. разразился экономический кризис со всеми своими драматическими проявлениями: падением производства, массовой безработицей (6 млн человек в 1932 г.), ростом цен, банкротствами, преступностью, полнейшей беспомощностью властей перед лицом кошмара, растянувшегося на несколько лет. И тут посулы нацистов стали находить отклик, причем именно среди тех, кто более всего пострадал от кризиса. Цифры — вещь скучная, но порой очень выразительная. На выборах в рейхстаг 1928 г. за нацистов проголосовало всего лишь 800 тыс. человек (2.6 % голосовавших), в 1930 г. — уже 6.4 млн (18.3 %), а в июле 1932 г. — 13.8 млн (37.4 %). Нацистская партия насчитывала в 1925 г. 27 тыс. членов, в 1931 г. — 800 тыс., а в апреле 1933 г. — 3.9 млн. Те, кто недавно с гадливым пренебрежением насмехался над демагогом и паяцем Гитлером, вынуждены были стать свидетелями того, как престарелый президент страны фельдмаршал Гинденбург ввел его в должность рейхсканцлера. Что было потом, широко известно.

Однако вернемся к песням. Поэтические их достоинства равны нулю. Словарь убог и перенасыщен штампами. Форма и содержание одинаково примитивны. Однако их авторы хорошо чувствовали больные места общественного сознания и старались воздействовать на них. Пусть их творения играли в политической борьбе подсобную роль. Но дело свое они делали. И наряду с иными компонентами нацистской пропаганды оставили нам важный урок: без кризиса не было бы победы фашизма. Коричневая болезнь поражает людей, охваченных недовольством, отчаянием и безысходностью и готовых пойти за демагогами, обещающими скорое благоденствие. Наши родные наследники тоталитаризма, в какую бы краску они ни красились — красную или коричневую, — тоже спекулируют на наших социальных и национальных лишениях и унижениях, тоже выискивают «инородцев», повинных в этом, тоже твердят о свободе и справедливости, об утраченном имперском величии, а прежде всего — о нужде, поразившей народ. Они тоже обещают хлеб и избавление от бесчестья. Можно ли, простиительно ли пренебрегать опасностью, от них исходящей?

И. Н. БАРЫГИН

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ФАШИСТСКОЙ ПАРТИИ НАРОДОВ КАВКАЗСКИХ СТРАН (ПАРТИЯ «БОЗ-КУРТ» — «СЕРЫЕ ВОЛКИ»)

С января 1969 г. мое внимание, тогда еще студента первого курса истфака ЛГПИ им. А. И. Герцена, в спецфонде Публички привлек один из немногих посетителей, который обращался к хранителю фондов на «ты» и даже порой рассказывал в зале относительно новые политические анекдоты. В то время это было только заочное знакомство.

В первый раз мы встретились с Юрием Васильевичем Егоровым в кабинете Игоря Михайловича Кривогуза, тогда заведующего кафедрой всеобщей истории ЛГПИ им. А. И. Герцена, в начале весны 1970 г. Энергичный молодежавый человек, не спрашивая разрешения во время нашего разговора с И. М. Кривогузом, влетел в раздевалку кафедры, которая занимала тогда часть кабинета заведующего, и, не обращая внимания на присутствующего студента второго курса, стал в полушутливой форме представлять отчет о завершающем этапе своего докторского отпуска. И из-за шкафа рассказал очередной анекдот — «про Брежнева».

«Это Игорь, он занимается историографией фашизма», — представил меня Кривогуз.

А через два года, когда И. М. Кривогуз уже работал в Москве, пришла пора подумать о руководителе намеченного к защите диплома по проблематике историографии фашизма. Кафедра постановила, что им будет доцент Ю. В. Егоров. Его реакция на мои изыскания, в отличие от всего, что говорил И. М. Кривогуз, была очень сдержанной. «То, что ты делаешь, это, наверное, профессионально и интересно, но это не история», — говорил Юра. Так звали его за глаза все студенты нашего курса, подчеркивая тем самым отношение к нему, как к «своему», способному осуществлять процесс сообразования, а не догматического обучения старшими младших.

Мне запомнилось, как он на моих глазах работал с одним из своих аспирантов в 1971—1972 гг. Целый год они отработывали при регулярных встречах список источников и литературы по проблематике межвоенной Франции.

Через двадцать лет, защитив сначала кандидатскую диссертацию по философии, а потом докторскую по только что открытой специальности «политология», я много раз вспоминал правильность слов о том, что это «не история».

До защиты я работал по распределению в Чечено-Ингушской АССР, служил в рядах Советской Армии, начал работать в ЛЭТИ (ныне СПбГЭТУ) им. В. И. Ульянова (Ленина).

Весной 1975 г. мы встретились у питерского Дома книги. «Чем занят?», — коротко спросил Юрий Васильевич. «Читаю Анну Андреевну (Ахматову)», — ответил я. «А вот я уже много лет не могу ее читать, — сказал Ю. В. — Так, а чем же ты все-таки занимаешься?»

Наши дачи находились в нескольких сотнях метров друг от друга в массиве «Орехово—Северное», недалеко от поселка Сосново под Ленинградом. Часто встречаясь на пляже или в других общественных местах, в числе прочих вопросов я неизменно получал и традиционный: «Так чем же ты все-таки занимаешься?»

Правда, однажды, встретив его на станции, я не услышал от него этого традиционного вопроса.

Мои ответы не удовлетворяли его до конца в течение десятилетий.

В 1990 г. я подарил ему свою книгу «Социальная база движения крайне правых в странах Западной Европы», изданную в издательстве ЛГУ. «Это интересно», — сдержанно отрецензировал ее через несколько месяцев Ю. В.

Профессор Ю. В. Егоров был порой очень радикален в своих взглядах. Он безоговорочно поддержал статью проф. В. А. Ядова о природе современного фашизма, опубликованную в начале

90-х гг. в «Известиях». Я оценил эту работу как «экстремистскую». Мы много спорили об этих проблемах, но каждый в итоге оставался при своем мнении.

В 1996 г. на сессии Международной академии информатизации, где нам вместе вручали дипломы академиков, я передал ему копию своей статьи о В. Жириновском, опубликованной во французской газете «Liberation». «Ну вот наконец и я понял, чем и зачем ты этим занимаешься», — сказал руководитель моего диплома.

И вот теперь я не слышу этого традиционного вопроса. Мне очень хотелось бы услышать его еще хотя бы раз. Кажется, даже есть что ответить...

Одним из символов чеченских военных формирований в период как первой, так и второй чеченской войны последних лет было изображение серого волка. Этот образ символизировал в первую очередь непоколебимое желание бороться за независимость Чечни, пусть даже до последнего чеченца. Однако этот символ имеет богатую предысторию в контексте противоборства многих политических сил ряда исламских народов в XX в.

При упоминании названия «Серые волки» в памяти встает информация о военизированной организации — Партии националистического движения (ПНД) Турции, которую в 1944 г. возглавил А. Тюркеш, всю жизнь боровшийся за создание «великой национал-социалистической Турции» по образу и подобию государства третьего рейха. Одним из основных лозунгов партии является «борьба против евреев, империалистов, капиталистов, а прежде всего против коммунистов и левых».¹

Члены этой партии периодически заявляют о себе в ФРГ и ряде других стран, хотя она была запрещена, а судебный процесс над ее лидерами и 587 членами прошел в Турции почти 20 лет назад — в 1981 г.

Известно также, что идеи создания протофашистских государств привлекали в конце 30-х—начале 40-х гг. многих деятелей Востока, включая таких известных, как Г.-А. Насер и другие.² Много написано также о фашистских тенденциях в среде русской и некоторых других колоний эмиграции в Париже во второй половине 30-х гг.,³ однако о разработке концепции единой фашистской партии народов кавказских стран известно немного.

В 1996 г. в руки автора этих строк попали материалы одного частного архива во Франции,⁴ часть которого представляли бумаги Али Мардан бека Топчибаши, первого президента Азербайджана в 1919 г., который, выехав в качестве главы азербайд-

жанской делегации на Парижскую мирную конференцию, остался в Париже.

В 1927 г. он возглавил Азербайджанский национальный центр в Париже, созданный как своеобразное правительство в изгнании, куда кроме представителей азербайджанской делегации вошли представители партии «Мусават», социалистов и беспартийных, известные деятели азербайджанской общины в Париже — Мамед Эмин Расул-заде (секретарь), Абдул Али бек Амирджанов, Мир Якуб Бей, Мустафа бей Вакилли, Халил бек Хасмамедов, Акпер Ага Шейхуль Исламов, Шефи бей Рустам-бейли.⁵

Взгляды Али Мардан бека Топчибаши на рассматриваемый нами круг проблем кавказского и тюркского объединения были очень осторожными. Понимая всю сложность геополитических проблем региона, он писал, что хотя «мы поддерживаем независимость Азербайджана, но считаем, что его интересы более связаны с другими кавказскими народами, которые мы можем представить себе независимыми только вместе. Поэтому с точки зрения геополитической, поддерживая морально Азербайджан, мы считаем, что тюркский мир не должен давать ему никакой реальной помощи, которая может ему только повредить».⁶ Эта линия поведения в последующие десятилетия стала основной.

Однако на указанный круг проблем в среде азербайджанской эмиграции существовала и другая точка зрения. В материалах архива содержатся документы, принадлежавшие сыну Топчибаши, который в отличие от либерально-демократических взглядов отца был сторонником радикального национализма. Они, в частности, дают представление о том, что идеи, которые реализовал через десятилетие А. Тюркеш в Турции, имели хождение в кавказских странах и до появления на исторической арене его «Серых волков».

Предлагаемые материалы имеют не только историческое значение. В современной ситуации на Кавказе достаточно активно заявляют о себе сторонники единого государства по обе стороны Главного Кавказского хребта. Важно представлять, в каком историческом контексте эти идеи уже предлагались в истории XX в.

Первоначально кружок лиц, близких к руководству Азербайджанского национального центра в Париже, активную роль в котором играл сын Топчибаши, планировал создать организацию «Кавказская семья» патриотов кавказских стран. В соответствии с проектом учредительного документа создания организации «патриоты Армении, Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа основывают организацию... ставящую себе целью совместную работу всех кавказских народов для свержения чу-

жеземного ига и достижения полной независимости кавказских народов и их стран».⁷

Как следует из указанного документа, «„Кавказская семья” считает, что историческая и национальная традиции наших народов должны быть поставлены в базу всякой работы на Кавказе, и поэтому члены этой организации строго придерживаются этих традиций».⁸

Миф «исторического единства» национальных традиций, как это следует из представленных материалов, является достаточным основанием мобилизации народов указанного региона для борьбы против общего врага.

Авторы документа четко определяют единого врага, что является обязательным для националистического движения фашистского типа. В документе указывается: «„Кавказская семья” констатирует, что чужеземное иго вчера и сегодня старалось всеми своими силами разъединить кавказские народы, и на этом отсутствии согласия оно строило свое господство над ними, притесняя всех и каждого в отдельности мерами, которые мало известны в истории. Чтобы добиться этого согласия, организация ставит себе целью работать на базе взаимного уважения и понимания друг друга, что только одно может быть единым способом единения и успеха в борьбе против общего врага и в будущем отстаивания своей независимости».⁹

К сожалению, в проекте не отработаны конкретные позиции, характеризующие степень единства народов Кавказа в политическом отношении. Однако общая тенденция, направленная на надгосударственное объединение, является бесспорной. Из документа следует: «Вне „Кавказской семьи” каждый член должен руководствоваться этими базами, кои только одни могут нам гарантировать полную независимость кавказских стран. Каждый член организации должен считать, что интересы его родины стоят выше всяких других интересов, классовых, партийных и т. д., и должен считать, что, работая на пользу своей родины, он должен координировать ее с общей работой на пользу всего Кавказа, так как эти страны будут более сильными и экономически, и политически при условии единения их сил для общей работы. Кавказ представляет собой мощную экономическую единицу будущего, поэтому эта работа должна быть направлена по пути координации сил всех народов „Кавказской семьи”. Полное взаимное уважение и братское доверие, являясь базой всякой плодотворной работы на Кавказе, должно руководить членами „Кавказской семьи”».¹⁰ «Устав организации, — как свидетельствует цитируемый документ, — который будет выработан впоследствии, должен соответствовать вышеизложенным базам общей работы».¹¹

Обращает на себя внимание то, что организация с самого начала планирует использовать элементы конспирации в своей работе. «До того как эта организация не стала окончательно на ноги, — говорится в документе, — рекомендуется членам ее держать ее существование в секрете».¹²

Следующий документ, который был разработан указанной группой, — это устав организации «Боз-курт» — «Серые волки», который имеет название «Статут».¹³ «Орден „Серого волка“ есть национальный, религиозный, расовый и военный орден народов тюркской расы, — говорится в документе. — Орден имеет целью:

А. Защита Родины каждого тюркского народа в отдельности, так же как и защита всех религиозных доктрин, исповедуемых тюрками, от всяких нападений и антирелигиозных пропаганд.

Б. Орден является ярим врагом всемирного интернационала всяких цветов и, в частности, мирового масонства.

В. Защита и пропаганда национальных тюркских традиций.

Г. Сохранение и укрепление всех связей, соединяющих тюркские народы между собой.

Д. Распространение изучения Великой Истории Тюркского Народа.

Е. Защита семейных традиций, вдов и сирот».¹⁴

Как можно видеть, основная цель — защита ислама, т.е. лозунг, постоянно используемый для развязывания религиозных войн.

Как следует далее из документа, в структуре ордена воспроизводятся традиционные элементы управления средневековых рыцарских орденов, однако с восточной «модернизацией». Как следует из документа, «во главе Ордена стоит Великий Магистр Шейх-аль-Джабал Боюк, являющийся в то же время Великим Кааном Тюрков».¹⁵ Таким образом, создается наднациональная жесткая политическая структура, объединяющая этно-культурно-религиозную общность.

Далее документ воспроизводит конкретные элементы этой тоталитарной управленческой структуры: «Великий Магистр имеет при себе как помощников в исполнении своих обязанностей членов Великого Совета Боюк Курултай, состоящего из:

Великого Канцлера — Боюк Тамгач

Великого Казначея — Боюк Хазначи

Великого Герольда (Знаменосца) Боюк Тугчи

Великого Церемониймейстера — Боюк (так в тексте. — И. Б.)

Великого Сенешаля/Прокурора — Боюк Турачи

Генерального Интенданта — Боюк Тархан

Великий Магистр — Боюк Су Баши избирается большинством голосов кавалеров первой степени пожизненно.

Большие Сановники ордена (Тарханы) назначаются Великим Магистром (Боюк Су Баши) особыми грамотами пожизненно и могут быть заменены только самим Великим Магистром, если он недоволен их работой.

В случае смерти или отставки Великого Магистра Великий Интендант исполняет его обязанности, сообщает об этом всем кавалерам. В самые ближайшие сроки он сделает все возможное, чтобы организовать референдум между кавалерами для избрания нового Великого Магистра.

Великий Интендант сообщает с Великими Тарханами и с двумя кавалерами, назначенными специально для этого Великим Куралтаем, занимается подсчетом голосов и бюллетеней и провозглашением нового Великого Магистра.

Великий Канцлер составляет протокол избрания и провозглашения.

Этот протокол подписывается всеми присутствующими.

Провозглашение нового Великого Магистра сообщается всем кавалерам и дамам Ордена в письменной форме Великим Интендантом.

Великий Магистр Ордена носит титул Его Высочества, Великие Тарханы — Его Превосходительства».¹⁶

Возможно, попытка создать имперскую структуру транснационального уровня, да еще и с националистическим оттенком, могла иметь успех в средние века, но не в период краха созданных многие века назад империй, однако авторы документа пытаются использовать «стиль ретро» как реальный язык политического документа второй четверти XX в. Из текста следует: «Великий Канцлер (Боюк Тамгач) имеет в своем распоряжении все документы, регистры и протоколы Ордена и является ответственным за них. Он руководит всей корреспонденцией и регистрацией всяких назначений. Он же скрепляет своей подписью все грамоты (Ярлыки) Великого Магистра.

Великий Казначей Боюк Казначи следит за управлением состоянием Ордена. Он получает все взносы, первоначальные и годовые, так же как всякого рода дары. Он же следит за правильным ведением книг кассы, которые иногда ревизируются Великим Интендантом или же Великим Прокурором и членами, назначенными Великим Магистром.

Великий Герольд (Знаменосец) Боюк Тугчи занимается рассмотрением всех прошений о приеме кандидатов, проверяет правильность документов, prepares назначения. Он является хранителем Знамени Ордена, Цепи Великого Магистра, Клыча и других необходимых для церемоний вещей, где присутствует Великий Магистр, и для приема новых кавалеров.

Великий Церемониймейстер руководит всеми приемами и вообще церемониями Ордена. Он же является в то же время Министром Двора Великого Магистра и сопровождает его во время всех его официальных путешествий.

Великий Сенешал Прокурор (Боюк Турачи) следит за правильным применением статуты Ордена, исполнением декретов Великого Магистра, контролем бухгалтерии и председательствует на заседаниях контрольных комиссий и Судов Ордена.

Великий Интендант представляет Великого Магистра во всех случаях, когда это нужно, и заменяет его в случае надобности. После Великого Магистра он является самым высшим сановником Ордена. Он шеф всей администрации и кассы Ордена.

Великий Магистр по представлению Великого Интенданта принимает в Орден или назначает кавалеров на различные должности.

В Орден могут поступать лица обоего пола, имеющие 21 год от роду и отвечающие вполне условиям Ордена, его целям, и быть исключительно членами Великой Тюркской Семьи в пяти поколениях (16 картье). Эти условия должны быть доказаны по возможности документально. В случае отсутствия документов необходимо свидетельство 12 кавалеров Ордена о том, что кандидат является тюрком в пяти поколениях.¹⁷ Последние строки приводимого раздела могли бы служить и технологической разработкой по мотивам «Мифа XX столетия» А. Розенберга при условии, если бы тюркское происхождение было заменено на арийское.

В рассматриваемом документе говорится: «Кавалеры и Дамы Ордена делятся на два класса:

Кавалеры и Дамы Права и Кавалеры и Дамы Милости.

Кавалеры и Дамы Права предоставляют доказательства их чисто тюркского происхождения и назначаются кавалерами Великого Магистра по представлению Великого Канцлера.

Кавалеры и Дамы Милости есть лица, происхождение которых подлежит сомнению в смысле чистоты крови, но ввиду каких-либо исключительных обстоятельств Великий Магистр по представлению Великого Канцлера может назначить их кавалерами и дамами особыми на это грамотами.¹⁸

Как видно из приведенного отрывка, не существует паранджи, дискриминации женщин, что неразрывно связано с культурой ислама. В этом отношении ощущается влияние европейской традиции на авторов документа.

По «Статуту» в рамках организации существует репрессивный аппарат наднационального масштаба. «Орден имеет свой трибунал высшей инстанции, — говорится в документе, — председательствуемый Великим Сенешалем (Боюк Турачи), в

ведомстве которого находятся все крупные дела. В каждой стране имеется свой трибунал, председательствуемый местным Дарога.

Наказанием может быть выговор, исключение на время, полное исключение из Ордена.

Последнее наказание налагается только Великим Трибуналом Великого Магистра.

Великий Трибунал под председательством самого Великого Магистра, а не Великого Сенешаля может приговорить кавалера или даму Ордена к смертной казни за измену идеалам Ордена и передачу врагам Ордена орденских секретов.

Исключение из Ордена (полное) торжественно объявляется».¹⁹

Как следует из документа, репрессии, вплоть до смертной казни, за измену идеалам «Серого волка» являются нормой, что, практически может привести к развязыванию безудержного террора, ибо «миф тюркской крови» — основание, в крайней степени неопределенное.

В этот раз «Орден „Серого волка“» остался на бумаге. Однако его принципы в наше время осуществились в другой редакции и в другой стране. И это не случайное совпадение. Исламская культура, как и многие другие культуры в этот период, чревата международным террористическим национализмом.

¹ Цит. по: *Иванов В. Г.* Зондеркоманда на завтра. М., 1986. С. 171.

² Подробную библиографию влияния идей фашизма на политическую мысль в странах Востока см., например: *Berstein S., Milza P.* Dictionnaire historique des fascismes et du nazisme. Paris, 1992. P. 835—836, и др.

³ См., например: *Стефан Дж.* Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции. М., 1992.

⁴ Автор выражает благодарность за предоставление возможности ознакомиться с материалами указанного частного архива г. Д. Гузевичу, готовившему эти материалы в Доме наук о человеке (MSH, Paris) для передачи в Национальный архив Франции в 1996 г.

⁵ Краткая справка об Азербайджанском национальном центре в Париже. Материалы Мир Якуб Бея. Документ от 14 июня 1937 г. Копия. Архив автора.

⁶ *Топчибаши А.* По поводу тюркского единения // *Jach Turkestan*. Paris, 1939. № 114. Mai. — Рукопись статьи. Копия. Архив автора.

⁷ Организация «„Кавказская семья“ патриотов кавказских стран». Б. д. — Предположительно 1935 г., не позднее 8 декабря 1935 г. Копия. Архив автора.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ «Статут ордена „Серого волка“». 8.12.1935. — Материал имеет следующий комментарий перед основным текстом: «Написано 8.12.35 после решения, принятого с Миром (имеется в виду Мир Якуб Бей. — *И. Б.*) несколько дней тому назад. Писал на 38 Бд де ля Републик. Три экземпляра. Это моя копия. Обработать и прочесть нужно завтра, в понедельник, 9.12, у Мира».

Рядом с бумагами «Статута» находятся материалы «Статута» Союза бывших бойцов армии Демократической Украинской Республики во Франции», который, скорее всего, изучался авторами при составлении «Статута „Серого волка”».

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

А. М. ЗАХАРОВ

КПЮ, УСТАШЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И ПРОБЛЕМА ФЕДЕРАЛИЗМА В ЮГОСЛАВИИ В 1941—1945 гг.

(НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ)

Балканы Юрий Васильевич называл своей «первой исторической любовью»: сорок лет назад он посвятил свою кандидатскую диссертацию проблемам истории Балканской Антанты. Затем Юрий Васильевич, как он это сам называл, «ушел на Запад» и «вернулся к истокам» только в самом конце 80-х гг., когда регион превратился в бушующий кратер политических страстей, и, конечно, в центре этого интереса была Югославия — нервный узел Восточной Европы. Юрий Васильевич много писал об югославском кризисе и распаде многострадального государства, читал спецкурс по югославской истории в 40—90-е гг.

Данная статья — не только дань памяти, но и в некотором смысле плод дискуссий автора с Юрием Васильевичем о судьбах региона и Югославского государства.

События 1941—1945 гг. в Югославии не укладываются в стандартную схему вовлечения страны в мировую войну, оккупации и формирования самого мощного на европейском континенте движения Сопротивления. Особенностью именно югославской истории этого периода стало перерастание сопротивления гитлеровским оккупантам в ожесточенную гражданскую войну. Война эта не сводилась к противостоянию легитимистов с силами, оппозиционными правившему Югославией до апреля 1941 г. королевскому режиму, поскольку последний весь период существования единого Югославского королевства подвергался атакам как левых политических сил

(и в первую очередь коммунистов), так и национал-радикалов, среди которых ведущую роль играло усташское хорватское движение. Естественно поэтому, что взаимоотношения КПЮ и усташей в 1941—1945 гг. имели особое значение для всей антироялистской югославской оппозиции.

До 1941 г. коммунистов и усташей объединяло наличие общего врага — монархии Карагеоргиевичей и всей югославской государственной машины. Вторжение немцев смело и то и другое и позволило заполнить образовавшийся вакуум усташам и марионеточному прогерманскому «правительству национального спасения» генерала Недича. Поэтому первоначально КПЮ воспринимала усташей не как идеологических противников, а просто как удачливых конкурентов в борьбе за власть. Хорватские коммунисты даже попробовали интегрироваться в новый режим: 15—16 апреля 1941 г. члены ЦК КПХ А. Хебранг, П. Пап и В. Бакарич вели переговоры с Доглавником усташского движения М. Будаком о легализации КПХ.¹ Однако давние и устойчивые связи коммунистов Хорватии с усташами (и даже личное знакомство участников переговоров²) не помогли, а, может быть, даже сыграли негативную роль: хорошо зная, на что в принципе способен контрагент и какие цели он перед собой ставит, руководство усташей верно решило — независимая Хорватия слишком тесна для двух весьма схожих по внутриполитическим концепциям и методам их реализации сил. Коммунистам было отказано в легализации.

После 22 июня 1941 г. усташаи формально стали врагами КПЮ, однако их внутренняя политика по-прежнему не вызывала у Тито и его людей чересчур резкого неприятия. Можно только согласиться с бытующим в современной историографии вопросом мнением, что тому были три причины.

Во-первых, усташаи не представляли слишком уж опасной военной силы — помимо немцев и итальянцев реальной военной угрозой для партизан были сербские четники (уже в феврале 1942 г. «Вестник ЦК КПЮ» недвусмысленно высказался по этому поводу: «Четнические отряды теперь заменили усташей в качестве главного орудия оккупантов против народа»³).

Во-вторых, установившийся в Хорватии режим был антикоммунистическим чисто ситуативно, что выгодно отличало его от лондонского эмигрантского королевского правительства и людей Михайловича: последние поддерживали отношения с СССР только как с союзником США и Великобритании, никогда не забывая о глубоко осознанных идеологических противоречиях с Москвой, а усташаи были готовы принять независимость для своей страны из каких угодно рук — здесь непреодолимого идеологического барьера как раз не существовало, и об этом в ЦК КПЮ тоже хорошо помнили.

Наконец, в-третьих, существовало определенное сходство в представлениях о послевоенном устройстве Югославии. И усташаи, и КПЮ были твердыми противниками королевского режима, и впускать его обратно в страну ни те, ни другие не желали.⁴

Однако совпадение отдельных целей было явно недостаточным для полномасштабного сотрудничества. Поэтому уже с начала 1942 г. усташаи и партизаны начали искать подходы друг к другу опосредованным путем через «третью силу» — Хорватскую крестьянскую партию (ХКП). В качестве посредника ХКП представляла очевидный интерес. Ее члены входили и в эмигрантское правительство, и в органы власти Хорватии, и в партизанские отряды. Лондонские министры — члены ХКП успешно создали у британских и американских дипломатов ряд иллюзий: о том, что ХКП — единственная демократическая сила в Хорватии, поддерживаемая основными массами народа (хотя в этом постулате можно было опровергнуть каждое слово: и недооценку усташей и коммунистов, и поддержку народа, и демократизм самой ХКП, в реальности всегда бывшей аморфной политической силой с жестко иерархизованным и далеким от демократизма руководством — сперва братьев А. и С. Радичей, а затем В. Мачека), о том, что Соппротивление в Югославии построено исключительно на идеологическом принципе (что в корне было неверно, как, впрочем, неверно было и утверждение министров сербов о доминанте национального принципа в структуре Соппротивления), а также о том, что победа может быть достигнута, если будет сохранено единство эмигрантского кабинета. Из идеи единства и вытекала плавно идея посредничества. Возникла парадоксальная ситуация, элегантно описанная одним из исследователей темы: «КПЮ, как и усташаи, обнаружила, что не может ужиться с ХКП, как не может и жить без нее».⁵

Настоящий парадокс проявился в том, что чем меньше партизаны, усташаи и ХКП хотели сотрудничать, тем больше ситуация толкала их к этому сотрудничеству. Провал компромисса — это целиком и полностью вина и беда ХКП. Казалось бы, оценку хода войны, данную ее руководством, трудно было опровергнуть. В марте 1943 г. в эмигрантских кругах был распространен анонимный меморандум «Хорватия и хорваты» (написанный в реальности исполняющим обязанности председателя ХКП на родине членом Исполкома ХКП А. Кошутичем). В документе четко отмечалось, что будущее Хорватии напрямую связано с исходом войны. Победа стран Оси сохранит на европейской карте независимую Хорватию, победа же союзников приведет к реализации либо русского варианта (создание социалистической федеративной Югосла-

вии — такой вариант глухо звучал на Конгрессе Антифашистского вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ) в 1942 г. в Бихаче), либо англо-американского (федерация Сербии, Хорватии и Словении и, эвентуально, Черногории или Македонии либо еще каких-нибудь южнославянских земель). В качестве вывода к меморандуму Кошутич тонкими намеками (тщательно замаскированными посредством употребления заведомо непрофессиональных выражений) подталкивал читателей к мысли, что неизбежность федерализации может и должна стать базой для компромисса всех политических сил в Хорватии.⁶

Первыми отреагировали партизаны. Почти сразу же секретарь ЦК КПХ А. Хебранг обратился с письмом к Й. Броз-Тито. Отметив, что сама по себе идея компромисса может быть оценена положительно, Хебранг высказывал опасения, не окажутся ли партизаны в результате этого отодвинуты на второй план, не выиграет ли больше от компромисса ХКП, а не КПЮ. Поэтому лидер хорватских коммунистов предлагал оригинальный ход: создать новую ХКП вне рамок старой, реализуя таким образом удачную идею на своих условиях. Во главе марионеточной ХКП Хебранг предлагал поставить представителя ее левого крыла, главного редактора партийной газеты «Слободни дом» и члена Исполкома ХКП Б. Маговаца. Идею секретаря ЦК КПХ поддерживали также его ближайшие сотрудники, члены ЦК М. Маринкович и Дж. Саили.⁷

Уже в мае 1943 г. через вице-председателя АВНОЮ И. Крайича начались переговоры с Маговцем и прочими представителями левого крыла в ХКП. Одновременно в партизанской прессе появилась серия статей о прогрессивной роли ХКП в национально-освободительном движении, перемежающаяся резкой критикой в адрес «реакционного старого руководства партии во главе с Мачеком». Значительная часть статей была написана лично одним из ведущих партизанских руководителей, членом Политбюро ЦК КПЮ Э. Карделем.⁸

Однако очень быстро выяснилось, что предлагаемые партизанами условия союза устраивают далеко не всех. Во-первых, Маговац отнюдь не пожелал удовлетвориться ролью второй скрипки и начал интриговать, затягивая время и исподволь стравливая Хебранга с Тито, обвиняя последнего в саботаже идеи компромисса. Во-вторых, решительно против выступил по-прежнему пользовавшийся колоссальным влиянием в ХКП Мачек, затворившийся после недолгого пребывания под домашним арестом в 1941 г. в своем поместье. Приехавшему к нему от членов Исполкома ХКП посреднику — секретарю ХКП Т. Янчиковичу — он заявил, что сотрудничество ХКП с коммунистами и усташами бесперспек-

тивно — немцы и русские вскоре выдохнутся, после чего англичане без труда разобьют и тех и других и будут безраздельно господствовать на Балканах.⁹

Лидер ХКП так и не понял, что находиться над схваткой в условиях мировой войны невозможно, тем более располагаясь в самом центре конфликта. Партия теряла свой электорат на глазах, расползаясь по швам, раздираемая на части усташами и партизанами, которым и доставались ее влияние, кадры и авторитет. В 1941 г. Мачек добровольно увел свою партию в тень усташей, перевел ее на положение «резерва нации» на случай победы Антигитлеровской коалиции и теперь расплачивался за это подчиненное положение сполна. Попытки главного немецкого армейского представителя в Хорватии генерала Гляйзе-Хорстенау подтолкнуть к союзу с ХКП лидера усташей Павелича и создать на основе этого союза коалиционное правительство (что, по словам самого Гляйзе, вызывало у Павелича нервный тик) были бессмысленны и обречены на провал.

Куда лучше понимавший реалии немецкий посол Каше, до 1941 г. не выезжавший из родного Гамбурга, где он был гауляйтером, оказался умнее и прозорливее академически образованного генерала, историка, архивиста и политика Гляйзе-Хорстенау. «Гляйзе зря ругает усташей за их внутривластный курс, — писал Каше Риббентропу 13 октября 1943 г. — Союз с ХКП бессмыслен... вопрос уже давно стоит так: не „Павелич или Мачек“, а „Павелич или Тито“».¹⁰

Неконструктивная позиция Мачека и утрата ХКП влияния стали тяжелым ударом для усташей: Павелич никогда не считал нужным скрывать, что рассматривает ХКП как национальный резерв (17 марта 1942 г., выступая перед депутатами хорватского парламента — Сабора, Павелич, по словам хорошо информированного лидера коммунистического подполья, даже заявил, касаясь кратковременного домашнего ареста лидера ХКП, что «Мачека нужно было интернировать в его собственных интересах»,¹¹ создав таким образом фигуру харизматического лидера-мученика). Теперь же реальной силой, претендовавшей на власть в стране помимо усташей могли считаться только партизаны.

Тем не менее Павелич (возможно, под давлением из Берлина) совершил последнюю попытку сближения с ХКП. 11 сентября 1943 г. он пригласил к себе А. Кошутича для беседы. В ходе ее усташеский лидер заявил, что война Осью, по всей вероятности, проиграна и теперь следует думать о послевоенных перспективах. Предложение Кошутича обсудить перспективы послевоенной Югославии вызвало у Павелича вполне искренний смех — он заявил, что нет смысла говорить о несуществующем государстве. Тогда Кошутич уклонился от

дальнейшей беседы и попросил допустить его к Мачеку, который с января 1943 г. жил в Загребе на квартире у В.-М. Лубурича, коменданта трудовых и концентрационных лагерей в Хорватии, что и было сделано на следующий день. Больше Павелич с лидерами ХКП в 1943 г. не встречался, а поручил ведение переговоров полковнику И. Перчевичу, заведующему канцелярией Министерства обороны, и по предложению Перчевича (что реально, по всей вероятности, означало рекомендацию Гляйзе-Хорстенау) бывшему консультанту австрийского генерал-губернатора Боснии О. Потioreка в 1914—1915 гг., 69-летнему Н. Мандичу, отошедшему от политики еще в начале 20-х гг. 2 октября Мандич представил доклад о своих переговорах с Мачеком и Кошутичем, сводившийся к крайне неприятному выводу: ХКП как организованная сила более не существует, а авторитет ее лидеров вне ее собственных рядов приближается к нулю.

Крах ХКП привел к тому, что подготовленная Павеличем по настоянию Гляйзе-Хорстенау еще в сентябре реформа правительства была проведена в столь неожиданном ключе, что некоторые министры-усташи даже пригрозили отставкой: кабинет возглавил Н. Мандич, формально беспартийный; министры внутренних и иностранных дел, обороны и юстиции сохранили свои портфели, но, что симптоматично, в правительство в ранге министра был введен председатель хорватского Красного Креста М. Жанич (именно через него будет осуществляться массовая эвакуация усташей на Запад в 1945 г.). Вместо коалиции с ХКП к власти пришло «правительство национальной эвакуации». Никаких иллюзий относительно западных союзников (подобно тем, которые питали политические круги Румынии, Венгрии, Польши и Болгарии) Павелич не испытывал.

Катастрофу, случившуюся с возможным посредником, увидели и партизаны. Разочарование усташей в ХКП было заметно и вполне очевидно. Скептически стали относиться к перспективам крупнейшей в прошлом политической партии Хорватии и офицеры-наблюдатели союзников, что также не было секретом для Тито и его окружения. В феврале 1944 г. в специальном меморандуме английский наблюдатель капитан С. Клиссолд писал: «С 1941 года ХКП не показывает признаков конструктивной активности... Прогрессивные круги в партии не делают ничего, чтобы стать реальным ядром Сопротивления, альтернативным партизанам... В целом можно сказать с уверенностью, что дни ХКП как доминирующей политической силы в Хорватии ушли, и мало вероятно, что они когда-либо повторятся...»¹²

Уже в декабре 1943 г. отказался от своей идеи создать «ХКП внутри ХКП» А. Хебранг. В одном из писем Тито он

признал, что переоценил Маговаца, оказавшегося, по его словам, «провокатором, за спиной которого стоит Мачек». Хебранг предлагал принять к нему самые жесткие меры, однако Тито не согласился с этим, аргументировав свою позицию необходимостью оглядки на США и Великобританию.¹³ Поэтому Маговац в феврале 1944 г. был смещен на почетный, но абсолютно безвластный пост вице-председателя Национального комитета АВНОЮ, где за ним мог присматривать И. Крайчич. Партизаны же начали налаживать контакты с усташескими функционерами напрямую, не обращаясь более к идее посредничества и не вспоминая о самих неудавшихся посредниках.

Усташи со своей стороны также начали искать подходы к партизанам задолго до провала переговоров с ХКП, но только в сентябре 1943 г., после капитуляции Италии, контакт был оформлен официально. 23 сентября Павелич увиделся в санатории Ю. Вранчица (брата статс-секретаря Министерства иностранных дел) с М. Крлежей, известным левым писателем, лидером прокоммунистической интеллигенции Загреба (до войны у Крлежи, правда, были разногласия с руководством ЦК КПЮ: когда он в издаваемой им газете «Печет» объявил пакт Молотова—Риббентропа «предательством дела мира в Европе», Э. Кардель и М. Джилас в коммунистической печати тут же ответили Крлеже обвинениями в «троцкизме, ревизионизме и историческом пессимизме»¹⁴). Крлежа писал впоследствии, что говорили они «если и не по-дружески, то вполне корректно, а главное — без всякой идеологии».¹⁵ Павелич поделился некоторыми «государственными соображениями», покритиковал итальянцев (за три дня до встречи дипломатические отношения с Италией были разорваны, а шесть дней спустя установлены с так называемой «республикой Сало») и заметил, что готов распустить партию и отдать власть любой силе, которая гарантирует сохранение независимой Хорватии после войны.

Этот первый зондаж был связан, по всей видимости, с моментом окончательного формирования в кругах, близких к усташескому руководству, четкого мнения о партизанах. Причин столь затянувшегося размышления было немало. До 1941 г. отношения усташей и КПЮ характеризовались, скорее, как «молчаливое одобрение друг друга». В обращении ЦК КПЮ «К народам Югославии» от 15 апреля 1941 г. не было ни слова об усташах: приоритеты «врагов народа» здесь были следующие — «капиталистические хозяева», итальянцы, немцы.¹⁶ Во время военных действий одни и те же офицеры нередко воевали то за партизан, то за усташей: самый яркий пример здесь — генерал авиации Ф. Пирц, командовавший

сперва бомбардировочной авиадивизией у усташей, а затем — всеми военно-воздушными силами у Тито, получавший усташеские, партизанские, немецкие, английские и советские ордена и благополучно умерший в ФНРЮ в почете и уважении. Наконец, в сентябре 1943 г. агент Абвера немецкий инженер Отт передал партизанскому руководству предложение начать переговоры — на первых порах об обмене пленными. Гляйзе-Хорстенау в своем дневнике утверждал, что инициатором переговоров выступил посол Каше. «Каше... хочет разделить людей Тито на два лагеря», — писал немецкий уполномоченный генерал.¹⁷ Что реально задумывалось усташеским руководством, сказать трудно. Хотя Каше и приписывал себе основные заслуги в деле проведения переговоров (об этом он впрямую писал в письме Риббентропу от 5 ноября 1943 г.), но он даже не был поставлен в известность о том, что параллельно с переговорами об обмене пленными ведутся и другие переговоры, более засекреченные и представительные с обеих сторон.

Усташей на этих переговорах представлял В. Вранчич, партизан — В. Велебит, сын австрийского генерала Д. Велебита (начальником штаба которого в первую мировую войну был Гляйзе-Хорстенау, батальоном в его дивизии командовал будущий генеральный инспектор усташеских войск С. Штанцер, поручиками в этом батальоне служили М. Крлежа и будущий архиепископ Хорватии А. Степинац, а капралом — Й. Броз-Тито¹⁸). В. Велебит в середине ноября 1943 г. нанес визит в Загреб, о целях которого он не сообщил даже в вышедших двадцать лет спустя мемуарах (хотя самого факта визита не отрицал). А уже две недели спустя в Яйце состоялся Второй конгресс АВНОЮ, принявший ряд решений, нанесших тяжелейший удар лондонскому эмигрантскому правительству.¹⁹ Известные на сегодняшний день документы, касающиеся усташеско-партизанских отношений этого периода, не позволяют делать сколько-нибудь далеко идущих выводов, но сама постановка вопросов о целях и результатах миссии Велебита заставляет внести коррективы в историю этих отношений.

Однако дальше тайных контактов отношения усташей и партизан не могли зайти. Такая категоричность вытекает из самого характера этих движений, из их жесткой привязки к ведущим войну противостоящим блокам — Оси и Антигитлеровской коалиции. Без английской и американской военной помощи партизаны были бы раздавлены итальянцами, немцами, четниками и усташами. Без союза с Германией и Италией усташаи вряд ли удержались бы у власти в Загребе сколько-нибудь длительный срок: если бы даже до них не добрались четники или партизаны, страны Оси ни за что не стали бы терпеть у

себя в тылу нелояльный режим. Поэтому лимит возможностей развития связей между людьми Тито и Павелича быстро оказался выбранным — внешние обстоятельства диктовали здесь очень многое.

Результат контактов КПЮ и усташей в период войны оказался, таким образом, достаточно парадоксальным. С одной стороны, интеграция усташеского режима в «новый порядок» велась столь интенсивно, что военный крах стран Оси тут же привел и к полному краху усташеского правительства — оно было ориентировано на систему противовесов «нового порядка», а потому администрация Павелича и не стремилась влиять каким-либо образом на международные отношения вне Оси. Однако, с другой стороны, именно усташа поставили в повестку дня вопрос о федерализации Югославии, что во многом предопределило и реакцию стран Антигитлеровской коалиции на внутриюгославские проблемы, и послевоенное решение этих проблем. Осознанные шаги лидеров усташей оказались в итоге безрезультатными, объективный же итог их деятельности, напротив, привел к значительным изменениям в перспективах и результатах решения национального вопроса в Югославии в первые послевоенные годы.

¹ *Trešnjić M.* Od Tudmana do Broza. Beograd, 1991. S. 49.

² *Banac I.* Nacionalno pitanje u Jugoslaviji. Zagreb, 1988. S. 316.

³ *Irvine J.* The Croat Question. New York, 1994. P. 132.

⁴ *Boban L.* Kontroverze iz povijesti Jugoslavije. Zagreb, 1987. S. 158.

⁵ *Irvine J.* The Croat Question. P. 86.

⁶ *Boban L.* Kontroverze iz povijesti Jugoslavije. S. 183—184.

⁷ *Irvine J.* The Croat Question. P. 134.

⁸ *Кардель Е.* Пут нове Југославије. Београд, 1946. С. 306—311.

⁹ *Jelić-Butić F.* Hrvatska seljačka stranka. Zagreb, 1983. S. 69.

¹⁰ *Krizman B.* Ustaše i Treći reich. Zagreb, 1983. Sv. 1. S. 174.

¹¹ *Lola-Ribar I.* Ratna pisma. Zagreb; Beograd, 1978. S. 77.

¹² *Irvine J.* The Croat Question. P. 132.

¹³ *Broz-Tito J.* Sabrana djela. Beograd, 1963. T. IV. S. 126.

¹⁴ *Irvine J.* The Croat Question. P. 84.

¹⁵ *Krizman B.* Ustaše i Treći reich. Sv. 1. S. 151.

¹⁶ *Simić S.* Tudinske kombinacije oko NDH. Titograd, 1958. S. 142.

¹⁷ *Jelić-Butić F.* Ustaše i NDH. Zagreb, 1981. S. 152.

¹⁸ *Basta M.* Rat poslje rata. Zagreb, 1963. S. 104.

¹⁹ *Stefanovski M.* Srpska politicka emigracija o preuredjenju Jugoslavije. Beograd, 1989. S. 311.

МОСКОВСКИЙ ПРОТОКОЛ ИЛИ «ВАРШАВСКИЙ ПАКТ»?

Юрий Васильевич Егоров принадлежит к кругу тех немногих историков, для кого единство многообразной Европы было отправной точкой рассуждения. Судьбы стран Восточно-Центральной Европы были в его глазах достойны не меньшего внимания, чем история Европы Западной, — может быть потому, что венгерская осень 1956 г. и чехословацкая весна 1968 г. стали частью его личной биографии. Неудивительно, что в сфере его интересов оказывались и внешне столь далекие от того, о чем он писал, темы, как отношения СССР со своими западными соседями. Двадцать лет назад одному из авторов этой статьи довелось услышать от него, что история Московского протокола о досрочном введении в действие пакта Бриана—Келлога (1929 г.) должна таить в себе немало неожиданностей. Профессиональное чутье не обмануло Юрия Васильевича.

Приоткрытые ныне архивные коллекции позволяют лучше понять если не глубинные мотивы инициативы советской дипломатии, приведшие к подписанию Московского протокола, то во всяком случае драматичность его воздействия на внешнюю политику СССР.

В конце 1920-х гг. советская внешняя политика переживала трудные времена. Переговоры о заключении договоров о ненападении и нейтралитете с сопредельными государствами Северо-Восточной Европы, ведшиеся в 1926—1927 гг., завершились безрезультатно. Прорвать политико-дипломатическое окружение и обеспечить стабильность на западной границе не удалось. Разрыв дипломатических отношений с Англией, неудача советско-французской конференции о долгах, поражение в Китае также подвели к изменению внешнеполитического курса СССР. Предложения заместителя наркома иностранных дел М. М. Литвинова на этот счет включали признание дореволюционных долгов, частичный отказ от монополии внешней торговли, уход из Китая и поиск компромисса с Англией, фактическое признание суверенитета Румынии над Бессарабией и даже «правый маневр во внутренней политике».¹ В начале 1928 г. неприемлемость этих инициатив для высшего руководства СССР обнаружилась со всей очевидностью.

Перемены, однако, были неизбежны. Их катализатором явились международные переговоры о заключении Договора

об отказе от войны как орудия национальной политики (пакт Бриана—Келлога). Неучастие в них Советского Союза еще больше оттесняло его на обочину мировой политики. В июле—августе 1928 г. Политбюро решилось пересмотреть привычное отношение к многосторонним политическим соглашениям как к «орудию мировой контрреволюции». 27 августа в Париже представители пятнадцати государств, в том числе Польши, подписали пакт Бриана—Келлога. Продолжая заявлять, что «острие всей этой дипломатической акции... направлено против Союза ССР», советское руководство поспешило присоединиться к Парижскому договору и уже 29 августа 1928 г. ратифицировало его. Наряду с общеполитическими соображениями к этому акту его несомненно подталкивало стремление сблизиться с США как перспективным экономическим партнером и соперником Великобритании — единственной подлинной сверхдержавы той поры (значимость англо-американских противоречий Москва неумоимо преувеличивала).² Однако международно-политические дивиденды в отличие от агитационно-пропагандистских заставляли себя ждать (как, впрочем, и ратификация Парижского договора сенатом США).

Несколькими месяцами позже советская дипломатия приняла попытку использовать свое участие в крупнейшей после Гаагских конвенций 1899 и 1907 гг. пацифистской акции для смягчения напряженности вблизи своей северо-западной границы. Антипольский курс правительства А. Вольдемараса, провоцировавшего Москву на предоставление Литве военно-политических гарантий, в конце 1927 г. привел польско-литовские отношения на грань военного конфликта; в последующие месяцы их накал то ослабевал, то усиливался. Ни «мирное» подчинение Литвы польским требованиям, ни тем более ее военный разгром не могли не привести к утверждению гегемонии Польши в Северо-Восточной Европе и тем самым нарушить «жизненные интересы» Советского Союза. Несмотря на протесты авантюристически настроенного полпреда СССР в Литве,³ Москва настойчиво преподавала Каунасу «советы умеренности». Декларативный и не связанный с системой Лиги Наций Парижский договор, по мнению Наркомата иностранных дел, который с августа 1928 г. фактически возглавлял М. М. Литвинов, мог оказаться весьма кстати. Действуя в намеченном этим договором русле, указывал член Коллегии НКВД В. С. Стомоняков, Литве следовало бы заключить с Польшей дополнительное «соглашение об отказе от насильственных действий».⁴ Подсказка была воспринята Вольдемарасом. В начале ноября он предложил министру иностранных дел Польши А. Залесскому, в том случае

если пакт Келлога не вступит в законную силу, заключить аналогичное соглашение «в рамках, территориально более ограниченных, например пакт, имеющий участниками лишь ближайшие государства, как Германия, СССР, Польша, Литва, Латвия». Залесский воздержался от реагирования на эту инициативу. Вряд ли сам литовский премьер, заинтересованный в консервации конфликта с Польшей, относился к ней серьезно. Для Германии участие в таком соглашении было бы равносильно «Восточному Локарно» — отказу от территориальных претензий на Востоке.

Для Советского Союза подобное региональное соглашение означало бы принятие принципа «круглого стола» во взаимоотношениях с западными соседями. Между тем политика Москвы как в 20-е гг., так и позднее состояла в их старательном разобщении (прежде всего в отделении Польши от малых балтийских государств и Румынии). С другой стороны, в конце 1928 г. руководители советской дипломатии размышляли над тем, не следует ли рассматривать пакт Келлога как своего рода суррогат, возмещающий отсутствие у СССР пактов ненападения с Польшей и другими западными соседями.⁵ Запущенный Москвой пробный шар, вернувшись из Каунаса, побудил ее обратиться «к Польше и Литве с предложением подписать протокол о быстрой ратификации пакта Келлога и о признании его вступившим в силу между ними и СССР».⁶ Несколькими днями позже, «вследствие некоторых возражений со стороны инстанции», Наркоминделу пришлось отказаться от идеи трехстороннего протокола в пользу предложения о заключении отдельных двусторонних соглашений в треугольнике Москва—Варшава—Каунас.⁷ Поскольку СССР и Литву связывал полноценный договор о ненападении (1926 г.), проблема по существу сводилась к достижению советско-польского и польско-литовского соглашений. По замыслу Политбюро, не могло быть и речи о превращении этой инициативы в «круглый стол», за которым СССР оказался бы перед лицом западных соседей, объединенных общей тревогой за свою безопасность. Советские предложения, переданные посланнику Польши С. Патеку и сообщенные литовскому посланнику Ю. Балтрушайтису 29 декабря 1928 г., допускали лишь последующее присоединение третьих государств к предложенному протоколу. То обстоятельство, что Латвия, Эстония и Финляндия к началу 1929 г. еще не приняли на себя официального обязательства в отношении пакта Келлога, служило порукой успешности такого маневра.

Эта инициатива, тесно связанная с именем Литвинова (находившийся на лечении нарком Г. В. Чичерин от нее всячески открещивался), явилась правовым новшеством, причем нов-

шеством сомнительным — по мнению П. Н. Милюкова, история «едва ли знала случаи заключения договора, единственной целью которого явилось бы приближение момента вступления в силу другого, ранее подписанного договора». Как объяснял начальник Восточного отдела МИД Польши в публичной лекции, статья 3 пакта Келлога предусматривала его вступление в силу лишь после ратификации всеми государствами-инициаторами, и потому договор об отказе от войны как орудия национальной политики с точки зрения международного права не мог вводиться в жизнь постепенно, по мере его ратификации отдельными государствами.⁸ Однако партнеры СССР не пожелали воспользоваться этой аргументацией, и дальнейшие переговоры носили чисто политический характер.

От литовского правительства в Москве ждали, что оно разыграет партию по расписанному для него нотам: сообщит о своем официальном согласии, выступит с предложением о совместном подписании протокола Литвой, Польшей и СССР и сделает это немедленно («очень важно, чтобы ответ Литвы пришел раньше ответа Польши»)⁹. Каунас повел себя совершенно иначе. Воспользовавшись отсутствием официального (письменного) предложения о вступлении в переговоры, литовская сторона известила лишь о готовности присоединиться к советско-польскому протоколу после его ратификации. Тем самым Вольдемарас не только усомнился в возможности фактического арбитража СССР в конфликте Литвы с Польшей, но и поставил Москву перед необходимостью в одиночку вести переговоры с Варшавой. Более того, стремясь «вырвать у Польши инициативу ее возможного обращения к прибалтам», Литва призвала Эстонию и Латвию последовать ее примеру и рассмотреть возможность присоединения к дополнительному протоколу,¹⁰ что способствовало расширению круга его участников. Тем не менее вначале Москва пыталась следовать ранее намеченному сценарию: 5 января Литвинов заявил польскому посланнику С. Патеку о желании Литвы заключить тройственное соглашение, а на следующий день советский официоз повторил эту ложную информацию.¹¹ Советско-литовские разногласия перерастали в скандал.¹²

Для польского руководства экстравагантное предложение СССР явилось полной неожиданностью. После некоторых колебаний оно решило не давать Советам повода к обвинениям его в агрессивных замыслах и, не отклоняя сделанного предложения, трансформировать его в соответствии с собственными интересами. 10 января в НКВД была передана нота правительства Польши, провозглашавшая «необходимость совместного обсуждения всеми заинтересованными государства-

ми вопроса безопасности на востоке Европы». При этом Варшава отмечала, что все западные соседи СССР сообщили в госдепартамент США о намерении в скором будущем ратифицировать пакт Бриана—Келлога. В тот же день Москва отвергла попытку придать дополнительному протоколу региональный характер и дала своим представителям в Риге, Ревеле и Гельсингфорсе указание «всеми возможными мерами противодействовать успеху подобного польского предложения».¹³ Тем не менее дипломатическое наступление Польши в странах Балтии и согласование позиций с союзной Румынией к концу января 1929 г. поставили советское руководство перед фактом согласия Эстонии, Латвии и Румынии «участвовать в протоколе, но при обязательном участии и одновременном подписании его с Польшей и СССР»¹⁴ (Литва между тем окончательно отказалась от ведения переговоров о дополнительном протоколе). Неудивительно, что будущее соглашение британская миссия в Гельсингфорсе именovala «Варшавским протоколом».¹⁵ Положение осложнялось тем, что, избегая споров о модификации протокола, Литвинов уже начал «практическое обсуждение» с Патеком процедуры его заключения. Если «после первого уклончивого ответа Польши» «советское правительство имело отличный повод... застыть в пацифистской позе и лишний раз повторить обычные фразы о миролюбии Москвы и воинственных планах империалистов»,¹⁶ то на исходе января возвращение к советской позиции (выраженной в решении Политбюро от 20 декабря) оказывалось невозможным без серьезного ущерба для советских внешнеполитических интересов. Согласиться на «круглый стол» было для Москвы немногим легче.

Высшим политическим руководителям СССР между тем было не до международной дипломатии. В конце января—начале февраля Сталин и его сторонники объявили войну «правоуклонистской, капитулянтской» «группе Бухарина—Рыкова—Томского».¹⁷ Парадоксально и вместе с тем естественно, что в этой обстановке Политбюро 31 января дало санкцию на совместное и одновременное подписание протокола СССР, Польшей, Румынией и даже Латвией и Эстонией при условии, что Польша не будет выдвигать новых условий и затягивать подписание протокола.¹⁸ Отступление совершалось под прикрытием заявлений о предпочтительности первоначального советского предложения и сопровождалось попытками в последний момент отвлечь балтийские правительства и парламенты от участия в намеченном на начало февраля акте подписания дополнительного протокола (согласно польским данным, обработка латвийских депутатов велась с использованием немалых денежных сумм¹⁹).

В начале февраля соперничество польской и советской дипломатии вступило в завершающую фазу. Потеряв надежду оттянуть подписание протокола до ратификации пакта Келлога американским сенатом, Варшава стремилась выиграть время для того, чтобы дать возможность парламентам Латвии и Эстонии принять акт о присоединении к этому договору. Москва, напротив, стремилась форсировать развитие событий и указывала, что незаmysловатость содержания документа о скорейшем вступлении в силу договора об отказе от войны лишает промедление всякого оправдания. В беседах с Патеком 4, 5 и 6 февраля Литвинов безуспешно пытался добиться подписания протокола 7 февраля (в таком случае Латвия и Эстония не успели бы принять в этом участия), после чего был вынужден проинформировать Политбюро, что избежать отсрочки и коллективного подписания не удастся.²⁰ Еще 8 февраля Литвинов попытался убедить пришедших к нему с визитом вежливости Патека и посланника Румынии в Польше Давилу в желательности подписания протокола вечером этого же дня, т. е. без участия Эстонии и Латвии, однако не преуспел. Утром 9 февраля правительство Латвии получило от Сейма полномочия на подписание дополнительного протокола (вину за это советская пресса возложила на «продавшуюся» Польше фракцию Крестьянского союза К. Ульманиса), и за полчаса до начала церемонии подписания ее посланник в Москве получил соответствующий мандат.

Вечером 9 февраля в здании НКВД на Кузнецком мосту представители СССР и четырех соседних стран — Польши, Эстонии, Латвии и Румынии подписали Московский протокол о досрочном введении в действие между ними пакта Бриана—Келлога. «Сам акт подписания состоялся весьма приятным для Польши образом, — с торжеством докладывал польский посланник. — Мы уселись за тот самый круглый стол, от которого Советы усердно оборонялись с 1922 г. Оказались за ним так, как мы того желали, — с Румынией по одну сторону, с Балтами — по другую. Мы заняли за ним почетное место напротив СССР как хозяина дома. Ответили на вступительную речь от имени всех государств, которые подписали протокол с СССР. При выяснении вопроса о том, почему в румынских полномочиях говорится только о подписании Протокола с СССР совместно с Польшей без упоминания об остальных государствах, Давила очень лестным для нас образом подчеркнул нашу особую роль, как посредника в этом деле. Присутствующие при подписании представители балтийских государств демонстрировали нам свою дружбу и признательность. Представители прессы приносили нам поздравления. Польша была центром всеобщего внимания... В

общем это был для нас момент прекрасный и торжественный». ²¹

Действительно, итоги советской инициативы были обескураживающими. Вместо тройственного соглашения с враждебной Польшей и дружественной Литвой, которое позволило бы укрепить влияние СССР в Северо-Восточной Европе, Москва получила тот «единый блок лимитрофов», который она все предшествующее десятилетие (да и много позже) предавала анафеме. Ее позиции в балтийском регионе резко ослабли. Особенно остро это ощущалось в Латвии, где советское влияние еще недавно не без успеха соперничало с польским. Политическое влияние СССР в Латвии ослаблено чрезвычайно, и «политически за наш счет усилились поляки»; Эстония «политически целиком — в поводу у поляков», и нет предпосылок, чтобы она «стала на нашу сторону», — писали полпреды из Каунаса и Ревеля. ²² Полпред в Риге И. Л. Лоренц высказывал предположение, что подписание литвиновского протокола будет иметь «большие положительные результаты с точки зрения крупных линий нашей политики», но «в настоящий момент» он «как будто бы значительно усилил польское влияние и привел к тому, что Эстония, а затем и Латвия пошли за Польшей и что тем самым как будто бы была принесена со стороны последней новая дань идее Балтсоюза». Впрочем, это «явление временное и... очень скоро удастся изжить ту кривую подъема польского влияния, которую мы наблюдаем в настоящий момент». Стомоняков с мрачным юмором подчеркнул лоренцовские «как будто» и оценил сроки «изживания» «кривой подъема» удивительно точно — «3/4 года». ²³ Советской дипломатии оставалось утешать себя тем, что политико-дипломатическая победа Польши обрела такие размеры, что внушала опасения влиятельным политическим кругам в Эстонии, Латвии и особенно в Финляндии, ²⁴ а также неучастием последней в Московском протоколе. В последующие месяцы попытки Каунаса восстановить прежнюю доверительность отношений с СССР, заключение советско-эстонского торгового договора с Эстонией частично восстановили прежний — не удовлетворявший Москву — баланс польского и советского влияния в Прибалтике.

Более позитивными выглядели итоги полуторамесячных переговоров с точки зрения нормализации польско-советских отношений. На рубеже 1928—1929 гг. (вступая в период производственных осложнений и усиления нажима на крестьянство) советское руководство имело основания опасаться, что напряженность между двумя странами спровоцирует возвращение к ситуации десятилетней давности. Учитывая это, полпред в Варшаве Д. В. Богомоллов поздравил своих руководи-

лей с сильным впечатлением, которое произвели на поляков демонстрация миролюбия и уступчивость СССР. В ответ он получил из Москвы отповедь: «...как раз эта „постоянная уступчивость” и является отрицательным моментом в наших отношениях, поскольку она вселяет в польских националистов убеждение в нашей слабости и параллельно с этим агрессивность».²⁵ После некоторых колебаний в апреле 1929 г. советское руководство вступило на путь искусственного обострения отношений с Польшей.²⁶

Московский протокол имел крупное потенциальное значение для нормализации отношений Советского Союза и Румынии. Перед его подписанием советская дипломатия была вынуждена снять важную оговорку, сделанную ею при присоединении к Парижскому договору, а именно — отказаться от трактовки оккупации чужой территории и нежелания установить нормальные отношения с другим государством (в чем обвинялась Румыния) как действий, подпадающих под понятие войны. По настоянию Бухареста в текст литвиновского протокола была включена формула, подтверждающая состояние мира между подписавшими его государствами, а его заключение правительство Румынии попыталось истолковать как фактическое признание существующих границ Королевства. Со своей стороны на обрисовавшуюся возможность сближения позиций двух стран в отношении Бессарабии Политбюро отреагировало указанием «в разговоре с румынами исходить из решения правительства СССР по бессарабскому вопросу о плебисците, обусловленном всеми гарантиями для свободного выявления населением своего отношения к этому вопросу».²⁷ Нормализация советско-румынских отношений отсрочивалась еще на пять лет.

Столь же призрачными оказались позитивные последствия Московского протокола с точки зрения «большой политики». Германская пресса хвалила миролюбие и здравомыслие, проявленные Советами при его заключении, однако для немецких правящих кругов литвиновская инициатива и предоставление Польше пусть и весьма неопределенных гарантий мира на востоке явились подтверждением того, что «особые отношения» между Москвой и Берлином утрачивают важнейшую опору. В беседе с исполняющим обязанности наркома Литвиновым 20 января посол Германии Г. фон Дирксен откровенно указал на то, что советское правительство фактически обеспечивает Польше тыл и тем самым вносит очень нежелательную «политическую неопределенность».²⁸

Политическое руководство пыталось скрыть свое разочарование итогами переговоров о дополнительном протоколе к пакту Келлога. Пресса и публичные выступления руководящих

деятелей (Молотова, Ворошилова, Рыкова) затушевывали значение протокола, предвосхищая в этом отношении будущих советских историков. Сталин, поинтересовавшись через месяц после подписания протокола мнением Чичерина («Какие плюсы и минусы усматриваете в этом деле?»²⁹), собственного отношения к результатам трудов Литвинова не высказал. Ответ наркома был предсказуем: «...с польским протоколом получилось большое несчастье», когда своими отказами Польша создала блестящее положение для Москвы, следовало остановиться и не идти дальше.³⁰ Судя по всему, сходным было и мнение влиятельного члена Коллегии НКВД Стомонякова. Инициатор всего этого дела, Литвинов, напротив, старался избегать объяснений и просил освободить его от выступления с докладом о международном положении на XVI Всесоюзной партконференции (в апреле 1929 г.).³¹ Вопреки традиции такой доклад был исключен из повестки дня: «правый» и признанный малоудачным маневр оказался крайне не ко времени. В правящих кругах широко распространились настроения в пользу недопустимости уступок капиталистическим странам, подобных сделанным при подготовке литвиновского протокола;³² раскол в Политбюро, выплеснувшийся на пленуме ЦК ВКП(б) в апреле 1929 г. в открытую атаку на «правых», стимулировал возвращение сталинского руководства к конфронтационной линии в отношении западных соседних государств. Тем самым подтверждалось мнение западных дипломатов о необходимости для Москвы культивировать представление о нарастающей угрозе извне как средства удержания своей власти. Отказ от старой внешнеполитической линии вновь наметился лишь в 1931—1932 гг. и в значительной степени строился на подходах, позволивших добиться участия этих стран в инициированном СССР соглашении. Московский протокол 1929 г. оказался, таким образом, примером «исторической необходимости» — необходимости компромисса между интересами безопасности СССР и его западных соседей, которая прокладывала себе путь без оглядки на расчеты Наркоминдела и Политбюро.

¹ См.: Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 29 июля—9 августа 1927 г.: Стенографический отчет. Вып. 1. С. 49, 128, 147, 149.

² См.: *Кен О. Н., Рупасов А. И.* Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920-х—1930-е гг.). Проблемы. Документы. Опыт комментария. 1928—1934. СПб., 2000. Ч. 1. С. 90.

³ См.: Доклад А. Я. Аросева Б. С. Стомонякову, 10 мая 1928 г. // Архив внешней политики РФ (далее — АВП РФ), ф. 0151, оп. 16, п. 32, д. 3, л. 167—168.

⁴ Письмо Б. С. Стомонякова А. Я. Аросеву, 27 сентября 1928 г. // Там же, д. 2, л. 143.

⁵ P. Artin raportti Ulkoasiainministeriölle. 15 XI 1928 // Ulkoasiainministeriön arkisto (далее — УМ). С. 12.

⁶ Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 декабря 1928 г. // *Кен О. Н., Рупасов А. И.* Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами... С. 123.

⁷ Письмо М. М. Литвинова Д. В. Богомолу, 29 декабря 1929 г. // АВП РФ, ф. 09, оп. 4, п. 38, д. 30, л. 1. — Одно из этих возражений состояло в нежелании дать Западу истолковать советскую инициативу как «вмешательство в польско-литовский спор». «По существу, мы, конечно, желали трехстороннего протокола», — вспоминал член Коллегии НКВД, и «в этом смысле т. Литвинов подсказывал Балтрушайтису ответ лит[овского] пра[вительства] на наше обращение» (Письмо Б. С. Стомонякова С. И. Рабиновичу от 16 января 1929 г. см.: там же, ф. 0151, оп. 17, п. 35, д. 3, л. 9).

⁸ Протокол Литвинова // Последние новости. 1929. 12 февраля; Содержание лекции, прочитанной начальником Восточного отделения МИДа Польши Т. Голувко 21 февраля 1929 г. // АВП РФ, ф. 0122, оп. 13, п. 144, д. 1, л. 70.

⁹ Письмо Б. С. Стомонякова С. И. Рабиновичу, 2 января 1929 г. // Там же, ф. 0151, оп. 17, п. 35, д. 3, л. 2.

¹⁰ Доклад С. И. Рабиновича Б. С. Стомонякову, 4 января 1929 г. // Там же, п. 37, д. 28, л. 1—3; Запись беседы С. И. Рабиновича с Д. Зауниусом, 4 января 1929 г. // Там же, п. 35, д. 4, л. 2.

¹¹ Запись беседы М. М. Литвинова с С. Патеком, 5 января 1929 г. // Документы внешней политики СССР. Т. XII. С. 9; Маска непонимания // Известия. 1929. 6 января.

¹² См.: Запись беседы С. И. Рабиновича с А. Вольдемарасом, 9 января 1929 г. // АВП РФ, ф. 0151, оп. 17, п. 35, д. 4, л. 11.

¹³ Письмо Б. С. Стомонякова Д. В. Богомолу, 19 января 1929 г. // Там же, ф. 0122, оп. 13, п. 144, д. 2, л. 15.

¹⁴ Запись беседы М. М. Литвинова с С. Патеком, 28 января 1929 г. // Документы внешней политики СССР. Т. XII. С. 51—52.

¹⁵ H. M. Minister to A. Chamberlain. Helsingfors. Jan. 25, 1929 // Public Record Office. FO/371/14018/N 601.

¹⁶ Протокол Литвинова // Последние новости. 1929. 12 февраля.

¹⁷ См.: *Сталин И. В.* Группа Бухарина и правый уклон в нашей партии: Из выступлений на объединенном заседании Политбюро ЦК и Президиума ЦКК ВКП(б) в конце января и в начале февраля 1929 г. // Сталин И. В. Соч. Т. 11. С. 319—325.

¹⁸ *Кен О. Н., Рупасов А. И.* Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами... С. 130—131.

¹⁹ W. Erskine to A. Chamberlain. Warszawa. Febr. 13, 1929 // Public Record Office. FO/371/14019/N 1087.

²⁰ Raport S. Patka do MSZ, 15 lutego 1929 // Archiwum Akt Nowych (далее — ААН). Ambasada RP w Moskwie. Т. 26. S. 230—231; *Кен О. Н., Рупасов А. И.* Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами... С. 132—133.

²¹ Raport S. Patka do MSZ, 15 lutego 1929 // ААН. Ambasada RP w Moskwie. Т. 26. S. 233.

²² Доклад А. В. Антонова-Овсенко Б. С. Стомонякову, 11 мая 1929 г. // АВП РФ, ф. 09, оп. 4, п. 37, д. 28, л. 105; Доклад А. М. Петровского Б. С. Стомонякову, 21 февраля 1929 г. // Там же, п. 39, д. 41, л. 31.

²³ Доклад И. Л. Лоренца Б. С. Стомонякову, 16 февраля 1929 г. // Там же, ф. 0150, оп. 22, п. 46, д. 4, л. 33.

²⁴ Raport attache wojskowego w Helsingforsie do Szefu Oddzialu II Sztabu Glownego, 5 lutego 1929 // ААН. Sztab Glowny. Т. 616/97. S. 737.

²⁵ Письмо Б. С. Стомонякова Д. В. Богомолу, 16 февраля 1929 г. // АВП РФ, ф. 0122, оп. 13, п. 144, д. 2, л. 27.

²⁶ См.: Кен О. Н., Рупасов А. И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами... С. 143—144, 147—150.

²⁷ Там же. С. 143—144.

²⁸ Telegramm von Dirksen, 20 I 1929 // Public Record Office. GFM/33/2816. — Литвинов не оспорил его тезиса о тыле и, якобы «изрядно смущенный», спросил, что же делать, ведь невозможно забрать сделанное предложение назад.

²⁹ Письмо И. В. Сталина Г. В. Чичерину, 10 марта 1929 г. // Советское руководство. Переписка. 1928—1941. М., 1999. С. 67.

³⁰ Письмо Г. В. Чичерина И. В. Сталину, 22 марта 1929 г. // Там же. С. 68.

³¹ «Заявление т. Литвинова» дважды разбиралось на Политбюро, прежде чем оно согласилось удовлетворить эту просьбу (Протокол № 69 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 21 марта 1929 г.) // Российский государственный архив социально-политической истории, ф. 17, оп. 3, д. 731, л. 2).

³² P. Artin raportti Ulkoasiainministeriölle. 27 II 1929 // UM, Fb7.

В. Л. ХЕЙФЕЦ

ПУТЬ К ДЕЙТОНУ И ЕГО ИТОГИ

В нашем доме всегда говорили о Юрии Васильевиче как о самом замечательном Учителе, Учене и Человеке — на протяжении всех тех почти 30 лет, что он присутствовал в нашей жизни. Его присутствие ощущалось постоянно — в мыслях, разговорах, научных исследованиях.

Эта статья — несколько переработанный отрывок из курсовой работы. Юрий Васильевич прочитал ее в мае 1999 г. Несмотря на свою чрезмерную занятость, он нашел время, чтобы сделать это. Ему это было интересно, как и все, чем занимались его студенты, его аспиранты, их дети — тоже студенты, хотя уже не учившиеся у него.

Недели через две я его увидела последний раз — на конференции в университете. Он делал доклад о Югославии. Я вошла в тот момент, когда он говорил. Заметив меня, он прервался и поздоровался — профессор с первокурсницей. Только он мог сделать это — так легко, по-доброму. А еще через 2—3 недели его не стало...

Я всего несколько раз слышала его лекции — больше не успела, но, кажется, всегда слышала о нем дома — вся моя семья училась у Юрия Васильевича. Страницы с его пометками я храню, но их так мало — и больше не будет.

Светлая ему память.

В ноябре 1995 г. в г. Дейтон (Огайо, США) были парафированы соглашения, известные как Дейтонские, ставшие в по-

следующие годы для журналистов и даже политиков неким фетишем, идеалом, к которому следует стремиться.

Началу мирных переговоров в Дейтоне способствовали некоторые события боснийского кризиса. Немалую роль в этом сыграло активное вмешательство России в разрешение сараевского кризиса. 7 февраля 1994 г. на сараевском базаре произошел взрыв, унесший жизни 68 человек (более двухсот получили ранения). Реакция Запада последовала незамедлительно. Среди стран Европейского союза и Атлантического альянса сразу же сработала «презумпция виновности» сербов в Боснии. Прозвучали требования нанести воздушные удары по сербским позициям вокруг Сараево. Базы НАТО были приведены в боевую готовность. Начались консультации политиков и военных, т. е. пришли в движение все политические механизмы с уже заложенными в них программами действий.

Совет НАТО, созданный по инициативе Европейского союза, предъявил ультиматум боснийским сербам. 11 февраля Совет НАТО потребовал от них в десятидневный срок отвести тяжелое вооружение на 20 км от Сараево: если сербская артиллерия и танки останутся после этого срока в запретной зоне, по ним будет нанесен воздушный удар. Артиллерия мусульман в этом районе также должна быть взята под международный контроль, но никаких подобных жестких ультиматумов им предъявлено не было. И хотя идея демилитаризации района Сараево, высказывавшаяся и прежде, отвечала целям мирного урегулирования, односторонность подхода к участникам конфликта бросалась в глаза.

Ситуация приобрела крайне взрывоопасный характер, «когда мир висел на волоске», но все изменило письмо российского президента Б. Ельцина лидеру боснийских сербов Р. Караджичу, а также неоднократные заявления российских дипломатов о недопустимости решения боснийского кризиса силовыми методами. Неожиданно для всех сербы выполнили требования НАТО и отвели тяжелое вооружение на указанное расстояние. Причин этому можно найти множество, и одна из них, возможно главнейшая, — в сербском национальном характере. Для сербов принять требования, выраженные ультимативным тоном, — унижение, ответить благосклонно на просьбу — великодушие. НАТО требовало, Ельцин просил. Выполнение его просьбы позволило без «потери лица» выйти из той, казалось бы, безвыходной ситуации, в которую поставил боснийских сербов ультиматум НАТО. Российский президент пообещал переместить в район Сараево батальон российских «голубых» касок для контроля за соблюдением взаимных обязательств сторон. Это вызвало удовлетворение у сербов и

обеспокоенность у мусульман, которые опасались возможной пристрастности миротворцев.

Сараевская резня и натовский ультиматум поставили российского президента в очень тяжелое положение. НАТО не проконсультировалось с Россией до выдвижения ультимативных требований, и если бы бомбардировки состоялись, а Россия оставалась безучастной, правительство Ельцина было бы унижено и перед российскими гражданами, и перед сербами. Московское националистическое и просербское лобби резко надавило на Ельцина. Сильнее других в этом хоре звучал голос В. Жириновского, который стал источником постоянного раздражения ельцинского правительства после того, как он получил почти четверть голосов избирателей на парламентских выборах в Думу в декабре 1993 г. Прекрасно осознавая важность балканского конфликта, Жириновский создавал на его основе свою внутриполитическую базу. После появления ультиматума НАТО Жириновский заявил, что НАТО «готовится к войне против всего славянского мира»,¹ что не могло не вызвать обеспокоенности у населения России, где антиамериканские настроения довольно сильны.

От решительных шагов по предотвращению военных действий Россия выиграла. Уверенно заявив о своей позиции, она напомнила всему миру о том, что, несмотря на свои внутренние проблемы, остается заинтересованной и во внешнеполитических проблемах и не намерена допустить, чтобы важнейшие вопросы мировой политики решались без учета ее мнения. Немецкая газета «Зюддойче цайтунг» назвала миротворческое вмешательство России в боснийские дела ее самой крупной дипломатической победой.²

По инициативе России в воскресенье вечером 20 февраля 1994 г. Совет Безопасности ООН неожиданно собрался на закрытые консультации в связи с последними событиями вокруг Сараево. По окончании консультаций Совета Безопасности постоянный представитель Российской Федерации при ООН Ю. Воронцов заявил: «Российская Федерация поставила в воскресенье вопрос о созыве Совета Безопасности ООН, поскольку ситуация выглядела таким образом, что мог произойти технический срыв всех достигнутых по Сараево договоренностей из-за того, что сербы оставили оружие под контроль ООН, а ООН не могла взять их под контроль якобы из-за снега. И нас это очень обеспокоило, потому что оставшееся оружие, не взятое под контроль силами ООН, могло стать той самой приманкой для начала воздушных ударов, которые в этих обстоятельствах совершенно не нужны».³ В те же дни министр иностранных дел Германии К. Кинкель заявил по немецкому телевидению, что в Бонне состоится

встреча высокопоставленных дипломатов из России, Европейского союза и США, на которой будут обсуждены дальнейшие меры по урегулированию в Боснии. Кинкель положительно оценил возросшую активность России и США в попытках найти решение боснийского конфликта.

Роль России в разрешении проблемы отметил и американский президент Клинтон, который в ходе телефонного разговора с позвонившим ему президентом России Б. Ельциным, состоявшегося 20 февраля, выразил удовлетворение «сербскими усилиями» по выполнению требований ультиматума НАТО о выводе всей тяжелой артиллерии за 20 км от центра Сараево или передаче ее под контроль ООН. Генеральный секретарь НАТО Манфред Вёрнер вежливо поблагодарил Россию за помощь, но при этом отметил, что именно решение НАТО применить силу в конечном итоге привело к ее дипломатической победе. «Солидарность и решительность альянса показывает, что дипломатия может быть успешной, если ее поддерживают заслуживающие доверия действия».⁴

По оценке специального представителя Президента России на переговорах по бывшей Югославии Виталия Чуркина, основную роль в урегулировании ситуации в Сараево сыграл приход туда российского батальона. Он подчеркнул, что «именно в эти дни мир познал, что не надо бояться России, но ее нельзя не уважать».⁵

В апреле 1994 г. по инициативе министра иностранных дел Российской Федерации А. Козырева была создана Международная контактная группа по Боснии и Герцеговине, в состав которой первоначально вошли Россия, США, Великобритания, Франция, ФРГ. Задачей, поставленной перед «контактной группой», была разработка условий прекращения военных действий в Боснии и Герцеговине. Впрочем, несмотря на зарождающуюся надежду, члены Контактной группы «не предсказывали легкого прогресса».⁶

В июле 1994 г. при посредничестве стран — членов Контактной группы был создан проект мирного плана, отвергнутый Караджичем и принятый Милошевичем. Из-за этого в августе 1994 г. происходит разрыв между Караджичем и Милошевичем: Сербия перестает поддерживать Караджича. Это стало главной причиной коренного изменения на фронтах Боснии и Герцеговины. Вторая причина состоит в том, что при поддержке НАТО и арабских стран резко повысилась боеспособность мусульманской и хорватской армий. Все это привело к тому, что в ходе военных действий с марта по август 1995 г. сербы потерпели сокрушительное поражение. Была ликвидирована самопровозглашенная Республика Сербская Краина в Хорватии; в Боснии и Герцеговине террито-

рия, контролируемая сербской армией Караджича, уменьшилась с 70 до 48 %. Именно эти военные неудачи заставили сербов сесть за стол переговоров в Дейтоне в ноябре 1995 г.

Переговоры к облегчению всего мирового сообщества завершились успехом. В соответствии с принятым пактом документов Босния и Герцеговина остались единым государством, разделенным на два субъекта — Республику Сербскую и Мусульмано-хорватскую федерацию (территория делилась в соотношении 49 % и 51 % соответственно), с едиными федеральными институтами власти. Сараево отходило к Федерации, Горажде предполагалось соединить с ней коридором. Дейтонские соглашения также требовали проведения в 6—9-месячный срок «свободных и справедливых (в присутствии международных наблюдателей)»⁷ выборов президентской власти и законодательных органов двух участников конфедерации и, при возможности, органов местной власти. Дейтонский мир обязывал стороны завершить вывод всех своих войск за линию прекращения огня в течение 30 дней и устанавливал демилитаризованные зоны для разъединения враждующих сторон шириной около 2 км по обе стороны от линии прекращения огня.

Единственным очевидным положительным итогом мирного соглашения стало прекращение широкомасштабных боевых действий на территории Боснии и Герцеговины. Впрочем, ситуация в Боснии стала сравнима с «положением дерущихся на смерть людей, которых остановили и держат за руки, но стоит лишь отпустить их, как все начинается сначала».⁸

Фактически Дейтонские соглашения — реализация планов США, путь для упрочения их позиций на Балканах. З. Бжезинский заявил, что Дейтонские соглашения означают «разворот администрации Клинтона на 180 градусов во внешней политике: от прежней ставки на миротворчество ООН и международное сотрудничество в многополярном мире к традиционным подходам с позиции силы единственной оставшейся сверхдержавы, но с некоторой опорой на союзников».⁹ По мнению как российских, так и зарубежных экспертов, Россия не смогла сыграть практически никакой заметной роли на последнем этапе боснийского урегулирования, несмотря на ее попытку в августе 1995 г. перехватить инициативу у США. Тогда Ельцин попытался собрать в Москве мирную конференцию, пригласив президентов Милошевича и Туджмана на переговоры, которые могли бы предотвратить прямое военное столкновение Хорватии и Югославии. Это предложение было сделано неловко — не был приглашен президент Боснии и Герцеговины Изетбегович. Первая реакция в Загребе и Белграде была положительной. Но вскоре все переменялось. В Москву прибыл президент Сербии, а президент Хорватии остался дома (моти-

вирав это тем, что такого рода встреча должна быть более тщательно подготовлена). Попытка Кремля, пользуясь ситуацией, восстановить свое влияние (или создать его видимость) не только на Балканах, но и в мире окончилась неудачей. Возникшая, было, иллюзия относительно возможности заключения быстрого и прочного мира исчезла. Инициатива боснийского урегулирования окончательно оказалась в руках американской дипломатии, которую на этом направлении представлял Ричард Холбрук (его после подписания соглашений даже прозвали «усмирителем Милошевича»¹⁰). Урегулирование боснийского конфликта завершилось практически вовсе без участия России.

Вероятно, это произошло в большей степени потому, что все участники югославской бойни так или иначе были заинтересованы в американском мирном плане. Сербь получили дальнейшее облегчение санкций и признание полунезависимой республики в Боснии; хорваты — Восточную Славонию и признание крайними сербамь целостности Хорватии в международно-признанных границах; босняки — территорию и американскую военную помощь. По договору именнo натовские войска, в которых первую скрипку играют американцы, должны были следить за выполнением всех этих условий. Доля российских подразделений в этих войсках — лишь символ участия России в процессе миротворчества. Осенью 1995 г. состоялась встреча министров обороны России и США, на которой, в частности, обсуждалась проблема участия Российской Федерации в миротворческих силах в Боснии после вступления в силу нового соглашения. На Западе все были согласны с тем, что Россия должна принять участие в этой акции, единственной проблемой было несогласие Москвы поставить свои войска под командование НАТО, а Североатлантический союз не хотел и слышать о совместном командовании. Официальные лица в Пентагоне говорили о том, что рассматривались четыре возможности: предоставление Россией войск поддержки или исполнение ею стратегических функций, предоставление России особого района для регуляции или постановки ее войск под командование Франции, которая не участвует в военном союзе НАТО, или под управление любых войск ООН, но ни одна из этих инициатив не устраивала Россию.¹¹

Существует распространенное (в России) мнение, что в борьбе «за новый передел мира» Россию унижали и оттесняли. Однако на самом деле даже Дейтонские соглашения (в подготовке которых Россия действительно почти не участвовала) были выработаны в рамках Контактной группы усилиями всех входящих в нее государств, с учетом и российских предложений.¹²

Итогом многолетних усилий миротворцев стал к всеобщей радости мирный договор, на который согласились все воевавшие стороны. Этот мирный договор обеспечил прекращение кровопролития на боснийской земле. Критиковать Дейтонские соглашения можно по многим пунктам: например, отсутствие реальной возможности для беженцев вернуться домой или вообще результат, не соответствующий усилиям мирового сообщества. Миротворцы хотели сохранить Боснию и Герцеговину единым государством, фактически же она стала тремя разными государствами, объединенными лишь номинально. Но в процессе миротворчества не это главное, главное — достижение мира. Результат был достигнут: США в очередной раз получили лавры государства, ратующего за мир, Россия их в очередной раз упустила из-за плохо спланированных действий. Впрочем, как пишет журнал «Time», идея «получить после Дейтонского мира многонациональную Боснию без проблем и противоречий кажется нелепой даже в теории».¹³

Нельзя не заметить, что и США, и Российская Федерация, и все остальные миротворцы упустили одну важную деталь — в Дейтоне можно было также положительно решить проблему Косова, но это не было сделано. Через 4 года повисший в воздухе косовский вопрос настолько обострился, что НАТО сочла возможным нанести массированные бомбовые удары по территории Югославии в ходе операции «Решительный удар», продолжавшейся 78 дней и вызвавшей глубокий резонанс всего мирового сообщества. Это еще раз доказывает, что миротворческий процесс должен быть направлен не только на решение сиюминутных задач, но и на профилактику возникновения новых кризисов. Гораздо легче (и дешевле!) предусмотреть болезнь, чем лечить ее в стадии острой вспышки.

Нельзя не согласиться с известным писателем А. Кабаковым, который считает, что в подходах к проблемам бывшей Югославии соединились, казалось бы, несопоставимые принципы, отражающие западный и российский менталитеты: «Это хуже, чем преступление — это ошибка» и «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Сон грешников родил их жутковатое дитя: «Хотели как лучше, а получилось хуже, чем преступление».¹⁴

Развитие балканского кризиса поставило под угрозу само существование нынешней мировой системы как мультиполярной. События того времени и последующих лет в Югославии показали, что стремительное движение мира в сторону политической гегемонии США завершилось, и вряд ли можно сказать, что подобный результат политических взаимоотношений

на планете за последнее десятилетие, оказывающий огромное влияние на международные отношения, удовлетворяет все стороны, участвующие в них.

¹ Associated Press. February 9. 1994. Цит. по: *Cohen L. J., Lenard J. Broken Bonds: Yugoslavia's disintegration and Balkan politics in transition.* Poulder. West-view Press, 1995. P. 300.

² Сысоев Г. Логика войны и шансы на мир // Новое время. 1994. № 8. С. 24.

³ Политическая хроника // Правда. 1994. 22 февраля.

⁴ *Cohen L. J., Lenard J. Broken Bonds.* P. 301.

⁵ Русские пришли в Сараево не как враги // Санкт-Петербургские ведомости. 1994. 23 февраля.

⁶ *Nelan B. W. Silence of the guns* // Time. 1995. Vol. 146. N 13.

⁷ <http://www1.umn.edu/humanrts/dayton/daytonsum.html>.

⁸ Арбатова Н. Мир или перемирие // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 9. С. 80.

⁹ Кортунов С. Россия—США: путь к партнерству // Там же. 1996. № 7. С. 76.

¹⁰ Сабов Д. Бегущие по горам // Итоги. 1999. № 15. С. 36.

¹¹ *Jackson J. O. Silencing the guns* // Time. 1995. Vol. 146. N 16.

¹² Романенко С. Мир с подвохом // Новое время. 1995. № 41. С. 26.

¹³ *Church G. J. Divided by hate* // Time. 1995. Vol. 146. N 25.

¹⁴ Кабаков А. НАТО как вооруженный отряд КПРФ // Коммерсантъ-Власть. 1999. № 13. С. 19.

Б. А. ФИЛИППОВ*

ВОЙЦЕХ ЯРУЗЕЛЬСКИЙ: ДИКТАТОР, КОТОРОГО МУЧАЕТ СОВЕСТЬ

Я всегда знал, что диктаторы плохо кончают.

Аугусто Пиночет

Войцех Ярузельский — последний президент Польской Народной Республики (ПНР). Год рождения — 1923-й. По происхождению — дворянин. Корни его рода восходят к XV столетию. Его дед — участник восстания 1863—1864 гг. — провел 10 лет в сибирской ссылке. Отец добровольцем пошел на польско-советскую войну 1920 г. В. Ярузельский учился в католической гимназии. После начала второй мировой войны

* В 1982—1989 гг. автор статьи был экспертом у одного из руководителей Международного отдела ЦК КПСС и неоднократно бывал в ПНР.

оказался вместе с родителями на территории Литвы, которая вскоре вошла в состав СССР. 14 июня 1941 г. семья Ярузельских, как и сотни тысяч других поляков, была выслана в Сибирь. Отец умер от истощения после освобождения из лагеря (1942 г.). Чтобы прокормить семью (мать и сестру), В. Ярузельский работал грузчиком, лесорубом в алтайской тайге. В мае 1943 г. он записывается добровольцем в организуемое с согласия советских властей польскими коммунистами Войско Польское (ВП). Далее — военное училище в Рязани, участие в военных операциях 1-й армии ВП, награждение высшим польским военным орденом — *Virtuti militari*.

После войны — долгие годы учебы, в том числе и в академиях Генерального штаба в Варшаве и Москве. В 33 года В. Ярузельский становится самым молодым польским генералом, довольно быстро проходит путь от командира дивизии (1957 г.) до начальника Главного политического управления ВП (1960 г.), начальника Генерального штаба (1965 г.) и министра национальной обороны (1968 г.). Параллельно с военной развивается и его партийная карьера: в 1964 г. Ярузельский становится членом ЦК ПОРП, а в 1971 г. — членом Политбюро.

На политическую арену его выдвинули события августа 1980 г. В феврале 1981 г. Ярузельский берет на себя обязанности главы польского правительства. В октябре 1981 г. избирается первым секретарем ЦК ПОРП (сохраняя посты главы правительства и министра обороны). В ночь на 13 декабря 1981 г., после введения военного положения в стране, он возглавил Военный совет национального спасения. Военное положение было отменено 22 июня 1983 г. Ярузельский был одним из инициаторов переговоров «круглого стола» и последующего соглашения с политической оппозицией (5 апреля 1989 г.), в результате которого в Польше мирно осуществился выход из социалистической системы. 19 июля 1989 г. на заседании Национального собрания большинством в один голос он был избран президентом ПНР. В сентябре 1990 г. добровольно подал в отставку. 12 декабря, после проведения президентских выборов, покинул президентский дворец. В настоящее время пенсионер, живет в Варшаве. Женат, имеет дочь.

В середине августа 1980 г. социалистический мир был потрясен событиями в польском городе Гданьске. В ночь с 16 на 17 августа на верфи им. Ленина был создан Межзаводской стачечный комитет, с которого берет начало «Солидарность». Выступивший вечером 17 августа по телевидению первый секретарь ЦК ПОРП Э. Герек признал ошибки, пообещал реформы и призвал бастующих вернуться на работу. Но его выступление

не произвело ожидаемого впечатления. Впервые в истории ПНР публично были произнесены роковые для власти слова. «Нас это не касается, — заявил лидер бастующих Лех Валенса. — У нас есть свое 21 требование, о котором мы будем разговаривать с правящей группировкой, а пока мы бастуем и ждем, когда власти к нам явятся».

Отныне на бастующих не окажут никакого влияния ни перемены в составе Политбюро, ни смена на посту премьера, ни смена на посту первого секретаря. Власть была вынуждена уступить. Так появилось независимое общенациональное профобъединение «Солидарность», вобравшее в свои ряды, по разным оценкам, до 10 млн человек. Мало кто тогда мог поверить, что его основание было прелюдией к краху мировой системы социализма.

На события в ПНР руководство СССР отреагировало традиционно. «Мы братскую Польшу в беде не оставим», — заявил Л. Брежнев. К этому времени не было в стране и социалистической системе политически грамотного человека, который бы после событий 1968 г. в Чехословакии не понимал значения слов о «братской помощи».

Ощущение исходящей из Польши угрозы существованию системы привело к подготовке планов вооруженной интервенции. В первые месяцы кризиса московские полонисты еще получали прессу. В декабре 1980 г. моя знакомая из Гданьска привезла в Ленинград туристическую группу и для меня чемодан с местной прессой и специфическими сувенирами: значками, листовками, конвертами со спецгашениями. В 1981 г. это стало уже невозможно. Вокруг ПНР была установлена информационная блокада. Таможенные службы СССР получили строжайшее указание не пропускать из ПНР любую печатную продукцию. Даже польский сектор в Международном отделе ЦК КПСС не получал польской прессы. В дальнейшем (после 13 декабря 1981 г.) поступающая в страну в нескольких экземплярах польская пресса и политическая литература направлялись в отделы спецхранения главных библиотек. Когда мне удалось в декабре 1982 г. в составе делегации ЦК ВЛКСМ попасть в Варшаву, то я основательно запасся легальной и нелегальной литературой. Перед нашей границей на всякий случай чемодан с ней я поставил в купе одного из руководителей делегации, будущего министра культуры Российской Федерации В. Егорова. И после введения военного положения отношение к ПНР не изменилось. Президиум Академии наук СССР принял специальное постановление, запрещающее поездки беспартийных гуманитариев в ПНР. При этом командируемые должны были указывать имена польских ученых, с которыми они хотели бы там встретиться. Первое

время разрешение на такие поездки давал польский сектор Международного отдела ЦК. Он же (по консультации с нашим посольством в Варшаве) определял имена поляков, на которых можно было сослаться и которые разрешалось упоминать в работах советских ученых. Эта ситуация сохранялась вплоть до «перестройки». Не только Польша, но и полонисты стали объектом интереса КГБ. Вообще власти полонистам не доверяли. Как мне говорили, до введения военного положения никого из известных полонистов-политологов не привлекали в качестве экспертов ЦК из-за их *«необъективности»*.

Можно утверждать, что на первых порах «Солидарность» была типичным «протестным» движением за социализм «с человеческим лицом». «Социализм — да, искажения — нет». Никакой созидательной программы у нее не было ни тогда, ни потом. Средством давления на власти была забастовка. И по мере развития кризиса забастовки во все большей степени парализовали экономику страны. Польские власти попытались ввести «Солидарность» в контролируемое русло. Тем более, что такой опыт был: после кровавых событий в декабре 1970 г. в Гданьске властям удалось заручиться поддержкой рабочего класса. За вживание «Солидарности» в социалистическую систему выступал и глава католической церкви Польши кардинал Стефан Вышиньский. Параллельно с этим вариантом с самого начала кризиса разрабатывался план введения военного положения. Это был «нормальный» вариант, создаваемый по своим польским причинам и не учитывавший внешнее давление.

Но польскому руководству не дано было возможности разрешить свой кризис по своему усмотрению.

В истории возникновения «Солидарности», как и вообще в истории летних забастовок 1980-х гг., до сих пор не все понятно. Над всеми польскими кризисами висит подозрение в их «рукотворности», в том, что они были спровоцированы участниками борьбы за власть в руководстве страны. Так было в декабре 1970 г. Заговор с участием первых лиц в государстве против своего лидера был почти «нормальным» вариантом смены власти в социалистических странах. Таким образом, к примеру, дважды происходила смена власти в ГДР. Особенностью «польского варианта» было подозрительное совпадение смены власти с социальным кризисом и народными волнениями. В свою очередь «чехословацкий опыт» вселял надежду на удачу «заговору» претендентов второго эшелона. В период кризиса 1980—1981 гг. он оказался соблазнительным для некоторых членов партийного руководства ПНР во внутрипартийной борьбе за власть. В Москву потоком пошли

доносы и предложения услуг от кандидатов в польские билянки и индры. Использовались любые каналы. Об одном предложении своих услуг, полученном через Совет по делам религии при Совете министров СССР осенью 1980 г., я услышал от председателя Совета В. А. Куроедова.¹

Но Москва, казалось, всеми силами пыталась избежать интервенции. Силовое решение, как и в августе 1968 г., было бы для нее исключительной мерой. Как свидетельствуют сегодня документы, советское руководство было связано авантюрой в Афганистане.² Поэтому оно предпочитало разгромить «Солидарность» польскими руками. Речь шла лишь о поиске «сильного человека», который сумеет с этим справиться. В руководстве Чехословакии такого человека не нашлось.

Новый (с августа 1980 г.) лидер ПОРП С. Каня был партийным бюрократом и не годился на роль «сильного человека». Его стремление к компромиссу с «Солидарностью», нежелание изгнать из руководства партии «либералов» — все это не внушало Кремлю доверия. Да и в партии он быстро терял позиции, тем более что кризис затронул и ее. В ПОРП выделились и организационно оформились реформаторское («горизонтальные структуры»³) и ориентированное на Москву консервативное («бетон») течения.

В октябре 1981 г. Каню на посту первого секретаря ЦК сменил генерал Ярузельский. Как и Каня, генерал занимал умеренную центристскую позицию. Но у него было военное прошлое,⁴ и в партии надеялись, что он сумеет принять необходимые для выхода из кризиса жесткие решения.

У этого избрания были все черты дворцового переворота. Со слов одного из свидетелей происшедшего, дело выглядело следующим образом. Перед Пленумом ЦК С. Каня решил укрепить свои позиции при помощи постановки вопроса о доверии. Ему сказали, что предварительный зондаж членов ЦК в его пользу. Но Каню обманули. Результаты опроса свидетельствовали, что члены ЦК готовы к избранию нового лидера. Когда после голосования председатель счетной комиссии пришел сообщить Кане печальное известие, тот не сразу понял, о чем идет речь. «Что, много голосов против?» — весело спросил он. Когда же осознал, то побледнел, сел, обхватил голову руками и заплакал.

Генерал не был «человеком Москвы». И в дальнейшем заручиться полным доверием кремлевского руководства ему не удалось.⁵ Одной из причин недоверия было его стремление к компромиссу с умеренными в лагере «Солидарности». Интересно, что для поддержки умеренного крыла в нее по рекомендации партийного руководства вступило около 2 млн членов ПОРП. Не меньшее недовольство Кремля вызывали

люди из окружения Ярузельского, прежде всего вице-премьер М. Раковский и второй человек в партии К. Барчиковский. Они были персонификацией враждебного Москве «польского ревизионизма», и Кремль в течение нескольких лет неустанно требовал от Ярузельского их удаления из руководства страны.⁶

С первых дней кризиса из Москвы шло непрекращающееся ни на минуту психологическое давление на польских лидеров с целью принудить их к решительному выступлению против «Солидарности». В Варшаву один за другим прибывали высокопоставленные советские эмиссары: военные и штатские. Их речи содержали плохо скрытые угрозы. Параллельно с этим советские представители вели подготовку новой команды власти, на случай если придется менять польское руководство. Послания из Москвы в адрес польского руководства стимулировали сторонников силового решения к выступлению против Кани, а затем генерала. Давление не ограничивалось обработкой руководства ПНР, массовой атаке подвергалось и все общество. Военные маневры, демонстрационные полеты советских военных самолетов, информационная война. Военное давление было усилено экономическим шантажом. Например, советский ультиматум Польше гласил: с 1 января 1982 г. на 70 % будет сокращена поставка нефти, на 50 % — газа и соответственно другого сырья: никеля, алюминия, целлюлозы и т. д.

Архивные материалы ГДР и Чехословакии свидетельствуют о том, что готовые к интервенции дивизии стояли на границах Польши до середины 1982 г. Они были снабжены спецсредствами (дубинками, водными пушками) для борьбы с уличными демонстрациями.

Победа в руководстве «Солидарности» радикалов — сторонников конфронтации с правительством (ноябрь 1981 г.) сделала неизбежным решение о силовом варианте. Приняв принципиальное решение, Ярузельский выбирал лишь время для нанесения удара. Победа радикалов совпала со стремительным падением влияния «Солидарности». Настроение масс все больше склонялось на сторону сторонников компромисса с властями. С соответствующими предостережениями в адрес руководства на I съезде «Солидарности» выступила главный социолог движения Я. Станишкис. Но ее выступление не было учтено лидерами «Солидарности». С призывами к умеренности в адрес лидеров «Солидарности» выступил новый глава Церкви архиепископ Юзеф Глемп.

Сложившуюся ситуацию генерал описывает в своих мемуарах следующим образом: «Температура бурно поднималась, а „бензин был разлит“. Кто первый бросит спичку? Кто будет

гасить? Сами? Чувствовал, что приближается момент, когда будет необходимо принять окончательное решение».⁷

Как рассказывал на страницах парижского журнала «Культура» полковник Р. Куклиньский, бывший до своего бегства в США одним из координаторов подготовки к введению военного положения, руководство армии внимательно наблюдало за падением авторитета «Солидарности». Так, информация о падении престижа ниже 50 % опрошенных (ноябрь 1981 г.) была передана генералу В. Ярузельскому в Будапешт, где он находился на встрече военного руководства Варшавского Договора. Она была воспринята генералом как сигнал к переходу в наступление.

К введению военного положения ни лидеры «Солидарности», ни само польское общество психологически не были подготовлены. Хотя формальное решение о нем было принято Государственным советом ПНР, практически это был военный переворот. О нем не были предупреждены ни члены правительства, ни члены Политбюро ЦК ПОРП, но был информирован кардинал Юзеф Глемп.⁸ Были арестованы и интернированы практически все в той или иной степени авторитетные общественные деятели страны, региона или даже института: в 79 местах интернирования содержалось 5937 человек. Тем самым военные власти стремились избежать возможности какого-либо сопротивления своим действиям.

Но Москва и ее союзники просчитались. То, что сделали польские генералы, мало походило на ожидаемую борьбу с антисоциалистической оппозицией. Лучше всего стремление генералов к компромиссу с обществом отразил характер интернирования. Валенса был помещен на правительственной вилле. На ней в свое время под домашним арестом содержался В. Гомулка. Остальные были размещены в превращенные в места заключения дома отдыха и пансионаты МВД. Единственный случай применения оружия произошел на шахте «Вуек», где в результате конфликта погибли 9 шахтеров.

Ту сложную психологическую обстановку, в которой оказались армия и ее руководство, достаточно ярко отражает история ареста одного из деятелей «Солидарности» варшавского Политехнического института. Во время ареста была сломана дверь в квартиру, которую на следующий день отремонтировали. А чтобы ремонт не бросался в глаза, одновременно был проведен косметический ремонт за государственный счет для всего подъезда.

После освобождения значительная часть интернированных либо эмигрировала (меньшинство), либо вернулась на свои рабочие места (с сохранением стажа и денежной компенсацией в зарплате). Репрессии были направлены только против тех,

кто, не будучи интернирован, открыто выступал против военных.

Введение военного положения подавалось официальной пропагандой как необходимое, хотя и болезненное, средство для спасения страны от хаоса и экономической катастрофы. Ни о какой защите партии, социализма в выступлениях генералов не говорилось. Введение военного положения практически уничтожило правящую партию как политическую организацию и как институт власти. Формально она продолжала существовать, созывать и проводить пленумы и съезды, но практически была мертва. После 13 декабря ее покинули свыше 1 млн членов, вся интеллигенция и рабочая молодежь.

Введение военного положения генерал воспринял как свою личную трагедию. По словам жены генерала, он сказал своей семье: «Другие заварили кашу, а я должен расхлебывать».⁹ В этой самооценке ключ к пониманию позиции генерала. Сразу после 13 декабря и спустя много лет он снова и снова возвращается к проклятому вопросу: следовало или нет польским генералам вводить военное положение?¹⁰

*«Минули годы, а я по-прежнему мысленно возвращаюсь к тому дню — к 12 декабря 1981 г. По-прежнему меня мучает вопрос: почему это случилось? Должно ли это было случиться? Можно ли было поступить иначе?.. Это вопрос к собственной совести — он необходим как моральный ключ к тогдашним решениям и переживаниям». И далее: «Совершил в жизни много ошибок, но это решение я не считаю ошибкой... Было ли все, связанное с его выполнением, правильно? К сожалению, нет... Знаю, что слово „прошу прощения“, — это не слишком много. Но я обращаю его вновь ко всем тем, кто имеет право сожалеть, кто чувствует себя обиженным. Понимаю их горечь и боль. И это самое тяжкое мое бремя, а совсем не само решение».*¹¹

Рискну высказать гипотезу, что необходимость введения военного положения была связана не столько с угрозой военной интервенции (притом, что советские танки действительно стояли в боевой готовности на границе), сколько с тупиковой ситуацией в самой стране. Ни власть, ни руководство «Солидарности» не были способны (даже перед лицом интервенции) разрешить конфликт политическими средствами и обеспечить выход страны из кризиса. Это была патовая ситуация, из которой страну на время вывело военное положение. «Никто не владел ситуацией — ни власть, ни „Солидарность“, ни Церковь», — так прокомментировал тогда ситуацию академик Ян Щепаньский.

Спустя десять лет после описываемых событий я беседовал о Ярузельском с одним из руководителей Международного отдела

ЦК КПСС Рафаэлем Петровичем Федоровым.¹² В годы кризиса он был консультантом по польским проблемам. По его мнению, генерал — самый достойный человек среди лидеров социалистических стран, «трагическая фигура» и «история его оправдает». Он знал, о чем говорил. За годы работы в ЦК (свыше 20 лет) он встречался со всеми руководителями Восточной Европы.

В этой истории был еще один примечательный момент. Впервые в истории польских кризисов в 1980—1981 гг. власть не использовала «немецкую карту». Дело не только в реваншистских претензиях «Союза изгнанных» ФРГ (а это несколько миллионов человек) на Северные и Западные территории. Дело в том, что западногерманский парламент никогда не выказывал энтузиазма по поводу необходимости гарантировать западную польскую границу. Но ФРГ необходимо было изменить свой негативный имидж в мире, и в качестве доказательства, что немцы стали «другими», ее правительства время от времени гарантировали искомую незыблемость. Но им не верили ни на Западе, ни на Востоке.

Как показала недавняя история объединения Германии, проблема западных польских границ в этом процессе занимала далеко не последнее место. В канун подписания исторического договора первый секретарь ЦК ПОРП М. Раковский посетил главные европейские столицы (включая Москву), где его заверили, что объединение в ближайшее время не состоится. Тем не менее оно состоялось. Правда, как советские, так и западные участники переговоров «убедили» канцлера Г. Коля в необходимости подтвердить незыблемость этих границ.

В треугольнике Германия—Польша—СССР на протяжении всей истории существования ПНР Советский Союз выступал в роли физического гаранта незыблемости польских границ. Старшее поколение это хорошо знало, и аргумент о «немецкой угрозе» действовал на людей отрезвляюще даже в период острейших социальных конфликтов (например, в декабре 1970 г.). Именно поэтому польская оппозиция потратила немало сил, чтобы изменить (ослабить) влияние этого психологического фактора и тем самым подорвать основы «вечной дружбы» с Россией. И ей это удалось. Говорить о «немецкой угрозе» стало в Польше «неприличным», так же как и о дружбе с Москвой. Это стало ясно в период кризиса 1980—1981 гг.

Ярузельский и его коллеги-генералы относились к тому поколению польских руководителей, которые воспринимали «немецкую угрозу» как дамоклов меч над Польшей. Но только после распада СССР и Варшавского Договора стало ясно, что под «немецкой угрозой» понималось стремление к реваншу не только со стороны определенных сил в ФРГ, но и со стороны

ГДР.¹³ Бывший начальник польской военной разведки, бывший министр внутренних дел ПНР и ближайший коллега Ярузельского по периоду военного положения Я. Кишак заметил, что «дополнительной тяжестью было для нас сознание, что там, куда войдут ГДРовские дивизии, оттуда они уже не выйдут. По крайней мере с части занятых земель». И пояснил. После второй мировой войны вопреки решениям Потсдамской конференции о западной границе Польши по рекам Одер и Нейсе (Ниса Лужицкая) польские войска вышли за указанный рубеж в районе г. Щецина. И остались там без какого-либо юридического оформления, на основе доброй воли Советов. «Не лучше выглядели наши контакты с чехами». С ними спорной территорией является район Клодзка. Это понимание, по словам генерала Кишака, также внесло свою лепту в решение о введении военного положения.¹⁴

И спустя годы после событий 13 декабря генерал Ярузельский призывает поляков реалистически смотреть на карту и на место Польши в Европе. При этом он ссылается на мнение З. Бжезинского, которого в сегодняшней Польше цитируют с благоговением как оракула. *«Враждебные коммунизму и России поляки не должны забывать, что могла бы значить Польша в рамках западного союза. Занимала бы место после Америки, Германии, Франции, Италии и многих других государств. С точки зрения принципиального значения Германии для Америки она проигрывает в каком-либо польско-немецком конфликте. В социалистическом лагере ситуация прямо противоположная. Польша самая большая страна народной демократии, третья после Советского Союза и Китая и вторая в Европе».* Так писал Бжезинский в 1964 г. в книге «Единство и конфликты». Это же говорил он, выступая перед американской Полонией в начале 70-х гг. С тех пор многое изменилось. Прежде всего изменилось место Германии в западном союзе. Сегодня, по словам бывшего канцлера ФРГ Г. Коля, все боятся Германии и пытаются сдержать ее при помощи НАТО и Объединенной Европы. Полагаю, что именно в этом один из секретов «продвижения НАТО на Восток» для Польши.¹⁵

Введение военного положения принесло в конце концов умиротворение стране. Гораздо хуже обстояло дело с результатами экономических реформ, которые пытались проводить генералы. В связи с этим возникло новое обвинение в адрес Ярузельского. Почему он не пошел по пути Пиночета? Отвечая, генерал не устает напоминать, что за сегодняшнее процветание Чили заплатили 4 тыс. убитых и 20 тыс. пропавших без вести, не говоря уже о других формах репрессий, 250 тыс. чилийцев эмигрировали. В Польше «применение террора не предвиделось прежде всего по моральным соображениям, но также и

по рациональным — в польских условиях это не имело смысла...».¹⁶ «Должны ли мы были убить тысячи поляков — пропорционально числу жертв в насчитывающих 10 миллионов жителей Чили — ради процветания экономики?» И добавил: «Мы до сих пор не можем политически, морально и уголовно справиться с трагедией, повлекшей смерть 9 шахтеров шахты Вуек».¹⁷

Прошло уже немало лет. Полностью распалась мировая коммунистическая система. Почил могущественный «старший брат». Современная «Солидарность» перестала быть «гордостью» поляков и превратилась в тормоз социально-экономических реформ. Полностью или частично открытые архивы подтверждают правильность исторического выбора генерала. А он все оправдывается. Перед своим народом? Перед историей? Перед самим собой?

Приложение.

Горбачев и Ярузельский.

К моменту избрания генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачева репутация генерала в Москве максимально ухудшилась. Это проявилось в подготовке визита Горбачева в Варшаву по случаю 30-летия организации Варшавского Договора. Одновременно исполнилось 40 лет Договору о дружбе и сотрудничестве между ПНР и СССР. По этому поводу Польская Академия наук организовала научную конференцию, в оргкомитет которой вошли директора институтов, а возглавил его один из секретарей ЦК ПОРП. Советскую делегацию составляло несколько докторов наук во главе с директором ИНИОН академиком В. А. Виноградовым. Почувствовав нарушение протокола, Виноградов позвонил куратору Польши в ЦК КПСС Г. Х. Шахназарову и услышал в ответ: «Так надо». На мой вопрос о причине столь явной демонстрации советского неудовольствия Р. П. Федоров ответил мне: «Подождите пару дней и все поймете».

Визит Горбачева готовили две рабочие группы в ЦК. Одна — официально, другая — неофициально. Полагаю, что во вторую входили и Шахназаров, который стал помощником Горбачева, и Федоров, который занял место Шахназарова в Международном отделе ЦК КПСС. Первая группа стремилась поставить Ярузельского на место. В этом варианте Горбачев должен был после окончания официальной части вернуться в Москву, не встречаясь с Ярузельским. Вторая группа хотела превратить генерала в союзника новой политики Горбачева в Восточной Европе, а визит должен был продемон-

стрировать всем особо теплые отношения с опальным генералом-реформатором. В практике ЦК КПСС уже были соответствующие прецеденты: для Андропова также готовили два варианта доклада по идеологии. И в том и другом случае был принят вариант, подготовленный неофициальной группой. «Незапланированная» встреча Ярузельского с Горбачевым с глазу на глаз продолжалась несколько часов. При этом советский посол Б. И. Аристов сидел в приемной и пил чай. О содержании беседы он узнал от одного из польских воеводских первых секретарей, с которыми поделился информацией Ярузельский.

Весь период перестройки генерал был верным и единственным союзником Горбачева среди лидеров социалистического содружества. Он был первым, кто реализовал в своей стране мирный выход из социалистической системы.

¹ Как рассказывал автору сотрудник советского посольства в Варшаве, к ним стояла очередь донощиков.

² Именно так оценивали ситуацию советники «Солидарности», которые убедили Л. Валенсу и его соратников не бояться военного вмешательства со стороны СССР.

³ Так называли установление прямых (минуя ЦК), с целью координации действий, связей между партийными организациями крупнейших промышленных предприятий регионов. Это совершенно необычное для компартий явление, свидетельствовавшее о жизнеспособности ПОРП. Но после введения военного положения их участники в массовом порядке покинули партию.

⁴ Он представлял армию, которая, подобно Церкви и организации харцеров, воспринималась населением как национальный институт.

⁵ Отношение изменилось только после избрания на пост генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева.

⁶ На это Ярузельский, по свидетельству Р. П. Федорова, отвечал: «Когда они перестанут быть для меня необходимыми, они уйдут». По отношению к требованиям Кремля генерал применил очень интересный прием: одновременно с удалением «правого», с точки зрения Москвы, члена руководства удалялся и «левый», промосковский. Таким образом генерал сохранял равновесие сил.

⁷ *Jaruzelski W. Stan wojenny. Dlaczego...* Warszawa, 1992. S. 2.

⁸ К примасу Ю. Глемпу с информацией о введении военного положения по поручению Ярузельского ездил Е. Куберский.

⁹ Об этом жена Ярузельского сказала директору магазина «Мода Польска». После введения военного положения дочь генерала (она только что окончила гимназию) отказывалась выходить на улицу.

¹⁰ Эта проблема превратилась для Ярузельского в род мании. И в Москву потекли доносы, что генерал «не в себе».

¹¹ *Jaruzelski W. Stan wojenny.* S. V, 10.

¹² Рафаилом Петровичем Федоровым. О том, что у него христианское имя Рафаил, а не Рафаэль, я узнал только после его смерти.

¹³ *Kiszczyk J. General Kiszczyk mówi... prawie wszystko.* Warszawa, 1991.

¹⁴ *Ibid.* S. 121.

¹⁵ Об отношении в Западной Европе к ФРГ см.: *Дарендорф Р.* После 1989 г. Размышления о революции в Европе. М., 1998. Гл. 4.

¹⁶ Из интервью генерала еженедельнику «Polityka» (1992. N 21. 23 maja).

¹⁷ Из интервью Ярузельского «Gazeta wyborcza» (1997. 11—12 stycz.).

ПРОВАЛ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ: КОМИНТЕРН И ЭВОЛЮЦИЯ ЛЕВОГО ДВИЖЕНИЯ МЕКСИКИ В 1919—1921 гг.

На обсуждение темы дипломной работы мы с Юрием Васильевичем времени потратили немного: предварительно сделанный на спецсеминаре доклад о колумбийской герилье предстояло развить и дополнить. Но едва я успел выйти из здания факультета и пройти полсотни метров, как Ю. В. меня нагнал. «А знаешь-ка, что, — внезапно заявил он, — займись лучше анализом биографии Михаила Бородина, тем более что и публикация про него у тебя уже есть». Удивление, должно быть, было написано у меня на лице, и Ю. В. не замедлил пояснить: «Из этого ты потом диссертацию легче сделаешь. А если она у тебя будет только по Латинской Америке, где же ты в Питере работу найдешь?» Студенту пятого курса это тогда и в голову не приходило, да и какая разница, казалось, могла существовать между работой исключительно по всеобщей истории и междисциплинарным исследованием. Но то, что непонятно было мне, увидел умудренный опытом Юрий Васильевич. И если бы не его совет, автору этих строк оказалось бы действительно намного сложнее войти в число вузовских преподавателей.

И еще одно. Юрий Васильевич Егоров оказался одним из немногих историков, кому еще в советское время оказался доступным архив Коммунистического Интернационала в Москве. Он прекрасно знал, какие неизмеримые богатства таят его фонды для исследования истории зарубежных и российской компартий. Однако настоящее знание всегда включает в себя элемент предвидения. И Ю. В. предсказал задолго до сего дня: московские архивы великолепны, но не всеобъемлющи; узнать и понять историю левого движения можно, только обратившись одновременно и к архивам полиции. Мне довелось коснуться мечты моего учителя — поработать и с коминтерновскими материалами, и с документами мексиканской полиции. И во многом статья эта — дань памяти Юрию Васильевичу.

В 1919 г. Мексика не относилась к числу стран, где Коминтерн мог рассчитывать на благоприятные перспективы для развертывания своей работы. В отличие от ряда европейских стран и США здесь в начале столетия не существовало общенациональной социалистической партии. В то же время несколько групп разной степени влияния именовали себя со-

циалистическими (в частности, созданная в 1911 г. А. Сантибаньесом и немецким эмигрантом, социал-демократом П. Цирольдом немногочисленная Рабочая Социалистическая партия Мексики, фактически прекратившая свою деятельность в 1915 г.). Мексиканские рабочие охотнее откликались на анархистские и анархо-синдикалистские идеи. Более или менее сильной являлась Социалистическая партия Юкатана, возглавлявшаяся Ф.Каррильо Пуэрто и контролировавшая законодательные органы штата.

Радикализация рабочего движения ускорила с появлением в Мексике в 1917—1918 гг. группы эмигрантов из США, бежавших сюда из-за нежелания служить в армии. Многие из них являлись левыми социалистами либо были радикально настроены и вскоре начали участвовать в местном социалистическом движении, способствуя формированию внутри него левого крыла. Активнее других были обосновавшиеся в столице супруги Л. и М. Гэйл, публиковавшие «Журнал Гэйла», Ф. Симэн и И. Гранич, работавшие в англоязычном отделе газеты «Эль Эральдо де Мехико», и их приятель-журналист К. Билс. Вскоре к этой группе присоединился индийский эмигрант М. Н. Рой, постепенно эволюционировавший под влиянием Симэна в сторону социализма. Вступив в небольшую Социалистическую партию Мексики (СПМ), энергичный Рой быстро добрался до вершин партийного Олимпа, в чем, не исключено, сыграл свою роль и денежный вопрос — именно он финансировал издание газеты «Эль Сосиалиста».¹

В марте 1919 г. СПМ выдвинула идею созвать Первый национальный социалистический конгресс. После одобрения этой идеи еще несколькими организациями она стала реальностью: в заседаниях конгресса, прошедшего в августе—сентябре, участвовали представители и социалистов, и анархистов, и реформистских профсоюзов. Форум принял решение создать Мексиканскую Социалистическую партию (МСП) и провозгласил Декларацию Принципов революционного социализма и Программу Действий. Генеральным секретарем МСП стал Х. Аллен.²

Декларация Принципов провозглашала, что социалистическое движение в Мексике будет бороться за полное уничтожение капиталистического строя посредством социальной революции; указывала на необходимость установления «временной диктатуры пролетариата и трудящихся земли, единственных классов, которые заинтересованы... в установлении социализма» как первого шага на пути к полной победе коммунизма. В Декларации осуждались утратившие «пролетарский и революционный характер» социалисты Западной Европы, отвергался парламентский путь борьбы рабочего класса

за свои права. Однако допускалось использование права голоса для выбора революционных представителей на публичные посты, когда это не отражается на эффективности классовой борьбы.³

На конгрессе вспыхнул диспут по вопросу о предоставлении делегатского места на конгрессе лидеру реформистской КРОМ (Мексиканской Региональной рабочей конфедерации) Л. Моронесу, против чего резко выступил член СПМ Л. Гэйл. Моронес ответил заявлением о связях последнего с правительством. Решающий голос в пользу допуска на конгресс реформистов «в целях гармонии» был отдан Роем. Сантибаньес в знак протеста покинул конгресс, а его место занял заместитель делегата Симэн. Демарш Сантибаньеса, впрочем, был лишен смысла: Моронес со товарищи оказались на конгрессе в абсолютном меньшинстве, отказались подписывать его итоговые документы и войти в МСП.

Уже после завершения конгресса, 7 сентября, двое делегатов из участвовавших в принятии Декларации — Гэйл и филиппинец Ф. Луна вместе с некоторыми другими активистами отделились от МСП и провозгласили создание Коммунистической партии Мексики (КПМ). Серьезных политических и теоретических расхождений у обеих партий не было: непосредственной причиной подобного шага явился, как представляется, вопрос о составе руководства и делегации на II Конгресс Коминтерна. Деятельность КПМ осенью 1919 г. заключалась прежде всего в борьбе против большинства Первого Национального социалистического конгресса, борьбе, выразившейся в ожесточенных личных нападениях.

Так, в середине сентября Гэйл опубликовал памфлет, в котором заявил, что Моронес абсолютно доминировал на конгрессе при активной помощи Роя и Симэна, «делавших вид, что находятся в оппозиции к Моронесу и идеям Американской федерации труда, а на деле тайно осуществлявших планы этого человека Гомперса». Высказав сомнения в социалистических убеждениях Роя и Симэна, руководители КПМ в принципе отвергли право МСП считаться леворадикальной партией; одновременно Гэйл начал и международную кампанию за признание, апеллировав за помощью к Дж. Риду.⁴

Когда в октябре в Мехико прибыл представитель Коминтерна М. Бородин, оказалось, что часть порученной ему в Москве работы уже выполнена. 13 октября его переводчик, американский социалист, провел беседу с Симэном и Граничем и, убедившись в их левосоциалистических взглядах, предложил им встретиться с Бородиным, который открыл им, что представляет Москву. Симэн свел заокеанского гостя с Роем, и Бородин поселился в его доме.⁵

Для коммунистического движения Мексики приезд Бородина бесспорно оказался судьбоносным. Было бы непростительным для историка не задать вопрос: как повернулось бы развитие событий в радикальном течении мексиканского левого движения, если бы Бородин не приехал в страну именно в этот период? Посланник Москвы оказался в Мехико, когда в стане потенциальных сторонников Коминтерна произошел раскол, фактически приведший к появлению двух партий, ориентирующихся на Москву: КПМ во главе с Гэйлом и МСП, руководимую Роем, Симэном и Алленом.

Именно Бородин убедил лидеров МСП преобразовать ее в Коммунистическую партию и направить делегатов на конгресс Коминтерна. Ни Роя, ни Симэна долго уговаривать не пришлось, и неофиты коммунистической идеи энергично приступили к делу. По словам Роя, он вместе с Бородиным набросал план предстоящего съезда партии. Бородин составил приветствие от имени ИККИ.⁶ Для самих Роя и Симэна все, однако, сложилось не так просто, как они описывают в своих мемуарах. Против изменения названия партии выступил член Исполкома МСП Ф. Сервантес Лопес. Внутри мексиканского леворадикального движения произошел уже второй раскол. Однако, невзирая на оппозицию, на заседании Исполкома МСП 24 ноября единогласно было провозглашено создание на основе МСП Мексиканской коммунистической партии (МКП). Правда, на заседании присутствовали лишь 7 из 22 первоначальных членов Исполкома; Бородина на заседании не было. Генеральным секретарем партии стал Аллен.⁷ МКП была весьма немногочисленной (несколько десятков человек). Лишь в 1920 г. создаются первые партийные ячейки за пределами Мехико — в Веракрусе, Орисабе, Тампико, Гуанахуато, Сакатекасе и Соноре, практически не связанные между собой. Впрочем, и влияние сторонников Гэйла в штатах вопреки их заявлениям было незначительным.

МКП, естественно, не была обязана своим появлением лишь усилиям Бородина. Как показано выше, в социалистическом движении Мексики к началу осени 1919 г. наличествовало достаточно радикальное крыло, выразившее свои симпатии большевикам. В начале октября группа членов МСП во главе с Алленом и Э. Камачо начала издавать еженедельный журнал «Эль Совет», название которого не оставляло сомнений, в каком направлении движется руководство партии. Однако революционные группы имели весьма отдаленное представление о деталях пролетарской революции, событиях в РСФСР, сущности Советской власти; большинство мексиканских левых находилось под влиянием анархизма и революционного синдикализма. Революционные события в России, как

справедливо указывает Б. Карр, зачастую попросту интерпретировались в соответствии с анархистскими и синдикалистскими верованиями и стереотипами; для мексиканских социалистов русская революция «была великолепным примером прямого действия, осуществленного активным меньшинством под привычными анархистскими и либертарианскими лозунгами».⁸ Именно приезд Бородина и его влияние на некоторых лидеров социалистов, прежде всего Роя и Симэна, ускорили процессы, назревавшие в левом движении страны. Полномочия же эмиссара Москвы были, видимо, достаточно весомы, если позволяли подписать от имени Исполкома Коминтерна обращение к МКП и уверенно говорить о признании партии III Интернационалом к моменту приезда ее делегации в Москву, едва он (Бородин) поставит вопрос перед ИККИ.⁹

Бородин решительно и бескомпромиссно продолжал поддерживать созданную при его участии МКП, способствуя тому, что и Амстердамское бюро Коминтерна признало ее единственной секцией III Интернационала в Мексике. В феврале 1920 г., указав членам Амстердамского бюро на необходимость финансовой помощи МКП и газете «Эль Совет», сообщив имена и адреса для связей с коммунистическим движением в Мексике и Испании, эмиссар III Интернационала не забыл упомянуть о том, что КПМ возглавляется «потенциальным полицейском шпионом» Гэйлом. Вряд ли тогда внимательный наблюдатель мог разглядеть серьезные расхождения в идейных позициях Роя и Гэйла. Они оба (как и многие другие неопиты Коминтерна) имели смутное представление о большевистской идеологии. А по чисто внешним показателям группа Гэйла была даже несколько ближе к Коминтерну: ее название — Коммунистическая партия Мексики — в точности соответствовало одному из выработанных чуть позже Лениным «21 условию» приема в Коминтерн; он вел оживленную переписку с видными деятелями только зарождавшегося коммунистического движения. В некоторых европейских компартиях его группу воспринимали как братскую организацию в Мексике, стоящую на позициях III Интернационала.

Удивительно, что Бородин, по праву считавшийся мастером разрешения сложнейших внутрипартийных и межпартийных конфликтов (именно для решения сложных коллизий руководство большевистской партии и Коминтерна посылали его позднее в Германию, Англию, Китай, а руководители Панамериканского бюро настоятельно просили направить его вновь в западное полушарие для урегулирования противоречий между компартиями в США и в Мексике), в столкновении групп Роя и Гэйла однозначно встал на защиту первой, даже не по-

пытавшись понять логику второй. Хотя понять что-либо было вообще непросто, ибо обе были зеркальным отражением друг друга, выдвигая одни и те же обвинения друг против друга, применяя одну и ту же лексику в дискуссии.

Сумел же посланец Москвы разглядеть при оценке почти такой же ситуации в коммунистическом движении США суть не менее сложной проблемы, сообщив в Амстердамское бюро и о «тройном расколе в Социалистической партии, и о Коммунистической и Коммунистической рабочей партиях», и о том, что «Коммунистическая партия превзошла самого царя Ирода». Бородину было, по его словам, «непостижимо» существование двух коммунистических партий, и он настаивал на необходимости срочного разрешения этого опасного вопроса руководством III Интернационала.

Что же касается Латинской Америки, то он лишь оптимистично сообщил о том, что «Мексиканская Социалистическая партия, а ныне Коммунистическая партия, высказалась за Третий Интернационал. На Кубе организована Коммунистическая секция. В обеих странах испытывается большой энтузиазм».¹⁰

Скорее всего, объяснение аномального поведения Бородина лежит за пределами сути противоречий КПМ и МКП. Дело, видимо, было в личности Роя. В нем посланец Москвы увидел человека, который мог бы стать душой и организатором коммунистической деятельности на направлении, рассматривавшемся в Коминтерне в тот момент как приоритетном, — удар по могуществу империалистических империй через их колонии. Л. Д. Троцкий писал 5 августа 1919 г., в момент, когда Бородин находился на пути в Новый Свет: «Нарушить неустойчивое равновесие азиатских отношений колониальной зависимости, дать прямой толчок восстанию угнетенных масс и обеспечить победу такого восстания в Азии может такая армия, которая на европейских весах сейчас еще не может иметь крупного значения... международная обстановка складывается, по-видимому, так, что путь на Париж и Лондон лежит чрез города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии».¹¹

По мнению Бородина, лидером антиколониального восстания в Азии вполне мог стать Рой. В письме руководителю Амстердамского бюро С. Ю. Рутгерсу он пояснил, что Рой — коммунист, верящий в то, что «спасение Индии лежит не в националистическом движении Индии, а в индусском пролетариате, который должен бороться за то же самое, что и пролетариат остальной части мира. Он, таким образом, рассматривает работу в Индии как часть работы Коммунистического Интернационала». Именно Бородин предложил, чтобы Рой не только «представил свою мексиканскую партию, сделал сообщение относительно Латиноамериканского бюро», но и подго-

товил бы доклад по проблеме «работы Интернационала среди колониального пролетариата».¹²

Сам мексикано-индийский коммунист с энтузиазмом ухватился за идею Бородина, предложив в свою очередь Рутгерсу возглавить Восточное бюро III Интернационала где-нибудь в Центральной Азии, что должно было естественным образом дополнить существующее в Мексике Латиноамериканское бюро. Такое предложение свидетельствует об известной доле революционного романтизма, присущего Коминтерну в начальный период его деятельности. Рой был уверен в том, что имеет право вносить такого рода предложения о структурной перестройке его аппарата и кадровых назначениях, невзирая на свой почти нулевой стаж пребывания в рядах международной компартии. Правда, с другой стороны, это говорит и о неумемых амбициях Роя, в основе которых были не только некие черты его характера, но и авансы, выданные ему Бородиным.

Если учесть все эти обстоятельства, мотивы признания Бородиным группы Роя и абсолютного игнорирования КПМ очевидны: политический расчет перевесил остальное.

Сделав ставку на Роя как лидера антиколониального движения в Азии, Коминтерн фактически отказался от тех потенциальных возможностей, на которые мог рассчитывать в Мексике с момента создания компартии. И, судя по документам, возражений это не вызвало и у представителей МКП на II Конгрессе Коминтерна — именно они предложили Президиуму III Интернационала (индийская делегация лишь поддержала это предложение) назначить Роя (под именем Рой Аллен) в национально-колониальную комиссию, с которой он и начал свою бурную деятельность на восточном направлении работы Коминтерна.¹³

Между тем у мексиканских левых и представителя Коминтерна осенью 1919 г. были и свои достаточно амбициозные планы. Бородин предложил руководителям МКП создать Латиноамериканское бюро III Интернационала — для ведения пропаганды по всему континенту и укрепления связей между коммунистическими организациями и группами.¹⁴ Название газеты МКП «Эль Совет» было изменено на «Эль Комуниста», и она была провозглашена одновременно органом партии и бюро. Временный комитет бюро, избранный в составе мексиканцев Х. Аллена, А. Руиса, Е. Торрес, перуанца Л. Урмачеа и американца М. Брустера, издал Манифест (опубликованный 8 декабря — вероятно, после отъезда Бородина, фактически же бюро было конституировано в конце ноября), призвавший трудящихся Латинской Америки принять участие в коммунистическом конгрессе, который объединил бы пролетариат региона на принципах классовой борьбы и создал бы постоянный Ис-

полком Латиноамериканского бюро III Интернационала.¹⁵ Показательно то, что идея бюро была предложена Бородиным во время неофициальной встречи и президенту В. Каррансе. Москва и мексиканское левое движение всерьез полагали, что деятельность бюро не может испортить отношения между двумя революционными правительствами, напротив, его антиимпериалистическая позиция будет, очевидно, совпадать с антиамериканизмом мексиканских властей. Фактически мексиканские радикальные левые и их коминтерновский наставник попытались обрести некоторое подобие полуофициального патронажа со стороны правительства. Реакция президента, уклонившегося от прямого ответа и ограничившегося выражением теплых пожеланий Ленину, также была характерна. Мексиканские власти прекрасно знали, что среди лидеров новорожденного коммунистического движения немало иностранцев, что прямо противоречило статье 33 Конституции, запрещающей участие поданных других государств в мексиканской политике. Власти были в курсе, но ограничивались пассивным наблюдением, поскольку тогдашние радикальные левые (и КПМ, и МКП) не вели фактически резкой конфронтации с правящей элитой, ограничиваясь словесными декларациями (и взаимными обвинениями друг друга в коллаборационизме с правительством). Мексиканские левые могли при желании одновременно найти почву и для сотрудничества с властями, и для противоборства с ними. Так, революционные власти пошли в 1917 г. навстречу рабочему движению, включив в Конституцию статью 123, являвшуюся сводом весьма прогрессивного трудового законодательства. Загвоздка заключалась в том, что статья могла быть введена в действие лишь после принятия соответствующих законодательных актов штатов, а к 1920 г. лишь четвертая часть из них совершила необходимые процедуры. Это не могло не раздражать радикальный сектор левого движения, еще не забывшего роспуск властями в 1916 г. «рабочих батальонов» и закрытие профцентра «Дом рабочих мира». Решительно настроенные коммунисты Мексики балансировали на грани сотрудничества и разрыва с правительством, внимательно наблюдавшим за своими новыми оппонентами.

Проинформировав секретаря ИККИ А. Балабанову о создании партии и бюро, руководитель обеих структур Х. Аллен без обиняков указал, что их деятельность будет уже в ближайшем будущем развернута в континентальных масштабах, и настаивал на официальном признании Латиноамериканского бюро.¹⁶

Соответствующие планы имелись и у Москвы. Осенью 1920 г. штаб-квартира Коммунистического интернационала молодежи известила своего представителя в Мексике А. Штирнера (Э. Воога) о решении поручить ему возглавить субсекре-

тариат КИМа для Центральной и Южной Америки, который должен был действовать в тесном контакте с Латиноамериканским бюро III Интернационала.

В то время Латинская Америка и Восток многими руководителями Коммунистического Интернационала и компартий воспринимались как весьма схожие регионы. Мексиканский опыт Роя с их точки зрения вполне мог пригодиться на более приоритетном азиатском направлении, и поэтому в Коминтерне не стали делать ставку на его личное участие в развитии уже достигнутого в Западном полушарии.

Новое назначение Роя несомненно повлияло на поведение Симэна на II Конгрессе Коминтерна. Бородин в декабре 1919 г. в сопровождении Симэна, игравшего роль его секретаря и переводчика, отправился в Европу, куда примерно тогда же отбыли и супруги Рой в качестве делегатов МКП на конгресс Коминтерна. Они встретились уже на заседаниях коминтерновского форума, куда прибыли под именами Р. Аллен (Рой), Х. Б. де Аллен (Э. Рой) и Х. Рамирес (Симэн). Последний имел официальный мандат делегата Коммунистической партии Испании и попытался выступить в роли представителя Коммунистической секции Кубы. После того как 17 июля мандатная комиссия конгресса дала Рою и Трент-Рой решающий голос как делегатам Мексики, но отложила вопрос о предоставлении мандата Симэну, вплоть до представления официального документа, жена Роя сочла необходимым делегировать свои полномочия члену Исполнительного комитета МКП Симэну, оставив за собой лишь право представлять женскую секцию МКП на Женском конгрессе III Интернационала. Таким образом, делегатами МКП с правом решающего голоса стали Рой и Симэн, а у Трент-Рой сохранился совещательный голос.¹⁷

Рой представлял на конгрессе Мексику и Индию, но от обсуждения мексиканских проблем практически отошел, передоверив эту миссию Симэну, направив все свои усилия на решение проблем антиколониального движения в Азии. Именно тогда началось «вознесение» Роя на вершину коминтерновского Олимпа. Неизвестному прежде в рабочем движении «новичку» поручается подготовка важнейшего теоретического документа — тезисов по национально-колониальному вопросу (в дополнение к ленинским). Уже в следующем году он оказывается в составе ИККИ. Случайность? Отнюдь. Руководство Коминтерна с подачи Бородина (поддержанного главой Амстердамского бюро Рутгерсом) стало рассматривать Роя как весьма перспективную фигуру для развертывания революционного движения в колониях. Ленину и ИККИ было очевидно, что индийский эмигрант, сумевший стать влиятель-

ным в чужой для него Мексике, был способен организовать и возглавить антибританскую борьбу в колониальном мире. У Роя не было мандата делегата коммунистов Индии, да и само коммунистическое движение в этой стране начало формироваться позже и при его участии. В тот момент были важны не столько способности Роя как теоретика и организатора (хотя и их значения не стоит отрицать), сколько уникальное стечение обстоятельств: делегат МКП был коммунистом и индийцем, что позволило ему мгновенно затмить своего наставника Бородина. И если во время первой встречи Роя с московскими лидерами, в частности с Лениным, в центре внимания были вопросы Латинской Америки, то во время второй встречи (со Сталиным) речь шла в основном уже об Азии.¹⁸

По воспоминаниям Роя и Симэна, на заседаниях конгресса они выступали оба (последний — «лишь однажды и очень коротко»). Документы конгресса тем не менее содержат лишь стенограмму выступления Роя, представившегося делегатом Британской Индии, и известные тезисы по национально-колониальному вопросу. Однако в материалах делегации МКП хранится короткий документ, подтверждающий слова Симэна (не представляется возможным определить, является ли это записью выступления представителя МКП на конгрессе, не вошедшей по какой-то причине в стенограмму заседаний, или же текстом его выступления на заседании одной из комиссий). Важно отметить, что данный документ посвящен не общей стратегии III Интернационала в колониях и полуколониальных странах (в отличие от выступления Роя), а задачам международной коммунистической партии непосредственно в Западном полушарии. По мнению Симэна, «свержение капитализма в Америке» требует хорошо скоординированного движения во всей Америке, работать же в отдельных странах Центральной и Южной Америки по образцу II Интернационала «смешно», отсюда насущной задачей Коминтерна (в соответствии с программой Латиноамериканского бюро) провозглашалась борьба за объединение континентального рабочего движения.¹⁹

Делегация Мексики оказалась единственной, представлявшей Латинскую Америку на конгрессе, что способствовало росту престижа мексиканских коммунистов в глазах руководства ИККИ. Эта роль МКП сделала Мексику, хоть и на короткое время, центром коммунистического движения в Латинской Америке, местом работы созданного вскоре Панаме-риканского бюро (Американского агентства) Коминтерна (ПАБ), заменившего Латиноамериканское бюро. Внутри мексиканского революционного движения такая позиция давала в руки МКП козырь в борьбе за лидерство с партией Гэйла.

Между тем конфликт внутри леворадикального сектора рабочего движения Мексики отнюдь не был исчерпан, и его разрешение оставалось одной из важнейших задач Коминтерна в Западном полушарии, ибо продолжавшиеся распри фактически парализовали деятельность Латиноамериканского бюро и явно нарушали решения II конгресса всемирной компартии, предусматривавшие наличие в стране лишь одной секции Коминтерна. Значение Мексики для Москвы в тот момент вышло за рамки урегулирования отношений между КПМ и МКП ввиду того, что Исполком Коминтерна, находясь под давлением американских коммунистов Л. Фрайны и К. Янсона и основываясь на оптимистических докладах Бородина, Роя и Симэна, сделал ставку на объединение коммунистического движения региона в компактную панамериканскую компартию, что в будущем должно было дать III Интернационалу «перспективную базу работы». Именно такой вектор развития событий определил новый подход руководства всемирной компартии к левому движению Западного полушария (и в частности, Мексики): в сентябре 1921 г. на политической сцене появилось Панамериканское бюро в составе С. Катаямы (председатель), Л. Фрайны и К. Янсона (Ч. Скотта).²⁰ В непосредственные задачи новой коминтерновской структуры входили помимо распространения литературы и информации помощь в создании коммунистических партий и групп в тех странах полушария, где их не было, и обеспечение единства действий коммунистических сил по всей Америке; материальная помощь секциям Коминтерна; издание журнала «Коммунистический Интернационал» на испанском и английском языках. Принимая во внимание наполеоновские планы Москвы, неудивительным покажется выделение существенной суммы на деятельность представительства III Интернационала в Западном полушарии — 100 тыс. долларов только на первые три месяца работы.

Уже в декабре 1920 г. Катаяма занялся сбором информации и опросом участников событий прежней осени, пытаясь разобраться в сути конфликта, охватившего леворадикальное движение Мексики. Немедленно связавшийся с ним Гэйл в очередной раз сообщил свою версию возникновения КПМ и МКП, отвергая претензии МКП на право создания Латиноамериканского бюро Коминтерна в Мексике, якобы предоставленное ей Амстердамской конференцией.²¹ Руководитель КПМ заявил о раскольнической деятельности «группы Роя—Алле-на—Рамиреса» в профсоюзах, создавшей в противовес контролируемому КПМ Мексиканскому управлению Индустриальных Рабочих Мира и реформистской КРОМ Моронеса собственную профорганизацию. Подтвердив свое неприятие Моронеса как рабочего лидера осенью 1919 г., Гэйл тем не менее высказал

мысль о постепенной радикализации взглядов Моронеса, приветствуя это. Парадоксально, но теперь он упрекал МКП в оппозиции Моронесу, указывая, что ей следовало бы, продолжая линию Первого Национального социалистического конгресса, присоединиться к КРОМ. Учитывая размах противостояния параллельных компартий, оказалось неудивительным то, что Гэйл совершенно не обратил внимания на противоречивость собственных слов — если ему и Моронесу можно было менять свои взгляды, то почему такого права должны были лишиться руководители МКП?

Руководитель КПМ привел явно завышенные данные о количестве членов своей партии — свыше 1100 человек (добавив при этом, что в случае успеха переговоров, ведущихся с рядом левых организаций, число его сторонников увеличится более чем на сотню человек только в Мехико); сколько членов насчитывает МКП, ему не было известно, однако он предположил, что последняя партия меньше. Гэйл возложил вину за срыв переговоров об объединении с МКП на ее руководителей, предложивших членам КПМ вступать в МКП как «единственную Коммунистическую партию в Мексике». Одновременно за Гэйла вступился американский радикал Дж.Коулмэн, подтвердивший искреннюю идеологическую эволюцию Гэйла от членства в Демократической партии до коммунизма, свидетельством чему должен был послужить издававшийся Гэйлом журнал.²²

Столь же методично, как и прежде, Гэйл буквально заваливал Катаяму письмами, настаивая на своей искренности и клеймя оппонентов, называя их «злонамеренными змеями» и «платными орудиями капиталистов», а тех, кто прислушивается к их словам, — «ослами, глотающими ложь негодяев». Автор письма из осторожности, вероятно, решил обойтись без поименного перечисления «ослов», ведь ему пришлось бы включить в список неплохо знакомых Катаяме Бородина и Рутгерса, что вызвало бы вполне определенную реакцию председателя ПАБ. Вместо этого Гэйл вновь попытался добиться финансовой помощи. Явно собираясь произвести впечатление на адресата, лидер КПМ не только сообщил о постоянно ведущейся в армии советской пропаганде, но и отнес на счет возглавляемой им партии отказ солдат разгонять недавнюю забастовку в Веракрусе.²³

Первые собранные председателем ПАБ материалы, основанные преимущественно на информации Гэйла и близких к нему лиц, позволили ему направить отчет секретарю ИККИ М. Кобецкому, где он указал, что, несмотря на то что Гэйл и его журнал являются объектом резкой критики «среди товарищей» в Нью-Йорке, та во многом преувеличена, однако грубые

письма американского радикала, вызванные обидой, лишь усилили распространенное мнение о том, что он — провокатор. Сославшись на мнение знакомого ему лично японского коммуниста К.Ишимото (побывавшего в Мехико и сблизившегося с КПМ), Катаяма, однако, выразил уверенность в искренности Гэйла.

В отношении Роя Катаяма сообщил, что, по сведениям, поступившим от индийских революционеров Даса и Б. Роя (Дас же получил информацию от секретаря Индийской революционной организации А. Смедли, а та — от приятеля Гэйла Р. Хабермана), «партия Роя» «очень сомнительна» и была создана лишь для того, чтобы послужить его собственным целям; после отъезда делегата МКП из Мексики она практически развалилась. Председатель ПАБ, не обративший достаточного внимания на то, что полученные им сведения на практике исходили из одного источника — от самого Гэйла, высказал мнение о том, что, хотя Рой и проделал довольно быстрый путь от ультранационалиста до коммуниста, его искренность подтверждается тем, что он не раз рисковал собственной жизнью.²⁴ Окончательный вердикт, по словам Катаямы, можно было вынести лишь после поездки в Мексику и получения письма Симэна.

Пока находившийся в США руководитель ПАБ занимался сбором информации о коммунистическом движении Мексики, лидеры КПМ предприняли попытку его унификации, пойдя на переговоры с левым крылом МСП (по их словам, составлявшим до половины членов партии), завершившиеся договоренностью о совместном проведении коммунистического конгресса. Гэйл немедленно в самых радужных красках расписал Катаяме предстоящее объединение и ведущиеся КПМ переговоры с имеющими реальное влияние социалистическими партиями штатов Кампече и Юкатан (при этом лидер партии был преисполнен надежд на грядущее установление контроля над Социалистической партией Юкатана при посредстве ячейки КПМ в штате). Способствовать большей степени доверия должно было и упоминание о том, что корреспонденцию КПМ можно направлять и через руководителя Коммунистической партии Франции Л. Фроссара.²⁵ Гэйл совершенно сознательно вводил в заблуждение председателя ПАБ, о чем свидетельствует брошюра, распространяемая КПМ в Мексике (автором которой был Гэйл), сообщавшая, что большинство членов МСП в конечном итоге отказались от объединения, несмотря на предварительное соглашение от 8 января.²⁶

Катаяме так и не удалось лично встретиться с Гэйлом. Менее чем через неделю после приезда председателя ПАБ в

Мехико (где он появился вечером 31 марта²⁷) руководитель КПМ был выслан властями.²⁸ Впрочем, это не помешало объединительной работе под эгидой представительства Коминтерна: Катаяма провел ряд встреч с Д. Таннером (Симэном); в ходе первой из них (9 апреля) Симэн указал собеседнику на Гэйла как единственное препятствие в деле объединения параллельных компартий в Мексике. С момента его депортации становилось возможным создание единой партии, о чем он готов был объявить на митинге КПМ. На другой день Симэн, правда, попытался «отыграть назад» и, подтвердив готовность своих оппонентов к широкому сближению, тут же повторил тезис МКП о том, что КПМ реальной партией не является и соответственно для достижения единства необходимо привлечение новых кадров в коммунистическое движение.²⁹

Процесс объединения, являвшийся одной из целей работы Панамериканского бюро и сдвинувшийся как будто с мертвой точки, рисковал вновь застопориться, и вмешательство Катаямы становилось неизбежным. 11 апреля председатель бюро направил составленное Симэном письмо руководителям обеих компартий. От лица руководства III Интернационала он призвал лидеров МКП и КПМ до начала III Конгресса Коминтерна объединиться в «сильную секцию» международной компартии по следующей схеме: не позднее 30 апреля исполкомами обеих партий должен быть издан совместный манифест с призывом к проведению объединительного съезда; новая партия в соответствии с уставом Коминтерна будет называться Коммунистической партией Мексики; участвовать в съезде и вступить в партию смогут все лица, признающие принципы III Интернационала и действующие в соответствии с ними; ЦИК КПМ должен быть организован из пяти человек — по одному от МКП и КПМ и троих, избранных на съезде; подготовка съезда и работа временного Исполнительного комитета новой партии осуществляются в сотрудничестве с мексиканским представителем ПАБ, которым стал Симэн.³⁰ Это представляется естественным по ряду причин — Симэн успел побывать в Москве, где и был прикомандирован к ПАБ в качестве помощника, был знаком с Л.Фрайной и, наконец, говорил по-испански. В тот же день председатель ПАБ заявил о создании единой партии как о свершившемся факте. Мысль о том, что вести работу в Мексике вообще проще, чем в США, а межпартийный конфликт окончательно урегулирован, он повторял и в последующих письмах.³¹

Катаяма и Симэн так уверились в силе будущей объединенной Коммунистической партии, что совершенно не обратили внимания на перемены, произошедшие в политической жизни

страны по сравнению с временами президента В. Каррансы. Обрегонистское движение против Каррансы завершилось триумфальным вступлением генерала А. Обрегона в столицу в ноябре 1920 г. Важнее, впрочем, было иное. В отличие от «дона Венустиано» сонорская группа политиков решила отказаться от идеи придерживать рабочих подальше от участия в политике. Обрегонисты (особенно сам Обрегон, а также Кальес и Де ла Уэрта) неоднократно демонстрировали симпатии к трудящимся, а позднее Обрегон (уже как кандидат в президенты) и руководители КРОМ подписали тайный пакт, согласно которому правительство в обмен на политическую поддержку во время избирательной кампании обещало создать Министерство труда, зарезервировав пост его руководителя за членами КРОМ. Победив, президент сдержал слово и не только выделял КРОМ тайную финансовую помощь, но и назначил губернатором Федерального округа С. Гаску, бывшего одно время рабочим руководителем. Сам генерал Обрегон провозгласил себя сторонником социализма, целью которого являлось «распределение на равной основе ресурсов, которыми природа наделила человечество».³² Подобный альянс не только обеспечивал правительству поддержку со стороны существенной части организованного рабочего класса, но и оставлял ему свободу рук для действий против радикальных секторов последнего в любой момент, когда это понадобится правящей политической или профсоюзной элите (КРОМ). Но ни Катаяма (не говоривший по-испански и не читавший местных газет), ни Симэн не обратили внимания на недвусмысленные предупреждения, сделанные президентом А.Обрегоном и министром внутренних дел П. Э. Кальесом в их речах по поводу высылки Гэйла. Глава государства дал понять, что вышлет и других иностранцев, «которые распространяют... разрушительные идеи, открыто противоречащие конституционным устоям... не соответствующие социальному порядку...».³³ Окончательно демонстрируя независимость правящей элиты страны от социально-политических процессов, происходящих в Советской России, мексиканское правительство публично заявило, что «не думало и не думает назначить какое-либо дипломатическое представительство» в Москве.

Красные радикалы, вероятно, приняли депортацию руководителя КПМ за досадный инцидент. Сам Гэйл после высылки заявил мексиканскому консулу в Сан-Антонио, что его депортация стала актом мести со стороны генерала Кальеса и что они с президентом являются членами «большевистского объединения». Похожие утверждения о всемерной поддержке его деятельности Де Ла Уэртой и С. Гаской Гэйл сделал и агенту полиции А. Анайе в день ареста. Между тем правительство рас-

смаatrивало депортацию как акт, вызванный тем, что Гэйл «занимался написанием оскорбительных статей против Мексики и придерживался теорий разрушительного характера». Посольство в Вашингтоне получило указания соответствующим образом информировать американскую прессу.³⁴ Но все это ускользнуло от внимания по-прежнему обитавших в мире своих фантазий мексиканских коммунистов и представителя Коминтерна в стране.

Итоговый отчет Кобецкому Катаяма направил 22 апреля, указав, что документы, которыми он располагает в данный момент, подтверждают, что Рой «злоупотребил» мандатом МКП, не представляя на деле ни партию, ни пролетариат, а только себя самого с единственной целью оказаться на конгрессе Коминтерна, поступив «в лучшем случае по-иезуитски». Такое мнение председатель бюро составил среди прочего и со слов Симэна. Поведение последнего, около восьми месяцев назад подписавшего вместе с Роем в Москве заявление против КПМ, вряд ли можно объяснить тем, что у него внезапно «открылись глаза». Представляется, что дело в ином: бывший делегат МКП мог испытывать обиду на то, что не его, а индийца включили в состав руководства Коминтерна, полагая, что их опыт и заслуги мало чем отличаются. Кроме того, в отсутствие Роя он, также побывавший в Москве, мог продвигнуться на высшие роли в руководстве МКП (а в случае объединения коммунистов страны — и единой партии), умение же вовремя продемонстрировать гибкость могло оказаться полезным. С этим же связан конфликт Симэна с руководителем МКП Алленом, которого проинформировали о приезде представительства Коммунистического Интернационала, лишь когда потребовалась его подпись под мандатом М. Диаса Рамиреса как делегата партии на будущем конгрессе III Интернационала. Вопреки настоянию Аллена мексиканский представитель ПАБ не явился на организованную им же встречу Катаямы с генеральным секретарем МКП. Беседа закончилась безрезультатно: представителя Москвы не удалось убедить в необходимости сосредоточиться на развитии организационной структуры партии, а не на скоропалительном объединении. Встречи более не повторялись, а Аллен постепенно оказался отодвинут от фактического руководства.³⁵ Катаяме, слепо доверявшему Симэну, оказалось проще положиться на его мнение, отбрасывая в сторону любые возражения других мексиканских левых радикалов, смазывавших благостную картину будущего объединенного и влиятельного коммунистического движения страны.

Катаяма не ограничился жесткой критикой в адрес Роя, указав, что протестовавшие против последней организации и собственно инспирировавший протесты Гэйл вели себя ничем

не лучше, если не хуже, за исключением мексиканского управления ИРМ. Учитывая планы ПАБ, рассчитывавшего на развертывание широкой и активной деятельности внутри профсоюзного движения Мексики, неудивительна лояльность коминтерновского представителя в отношении этой организации. Отметив энергию и активность Гэйла, Катаяма указал на его крайнюю непопулярность в американской колонии в Мексике и охарактеризовал его как «типичного американского молодого выскочку» типа Дж. Рида и М. Истмана (причем Гэйла он счел наихудшим примером данного психологического типа людей). Признав, что обе компартии представляют собой лишь «горстку товарищей», председатель бюро под влиянием Симэна все же отнесся чуть благосклоннее к МКП, в которой насчитал побольше «хороших товарищей», не обнаруженных им среди сторонников Гэйла.³⁶ Именно этим следует объяснить то, что назначенный в феврале 1921 г. на I расширенном пленуме Исполнительного комитета МКП делегатом партии на III Конгресс Коминтерна, а затем, 5 апреля, предложенный в качестве такового на рассмотрение Катаямы один из ее руководителей — Диас Рамирес — был вскоре утвержден ПАБ в качестве представителя всей Мексики.³⁷ А опубликованная руководством МКП и КПМ резолюция о предстоящем объединении, почти дословно повторявшая письмо Катаямы, обращала особое внимание на необходимость сохранения практически в неизменном виде Федерации коммунистической молодежи (работавшей ранее под эгидой МКП) в качестве структуры, действующей в союзе с компартией и не подлежащей роспуску.³⁸ Правильность последнего решения выяснилась довольно быстро.

Коммунисты и их союзники из анархо-синдикалистской Всеобщей конфедерации трудящихся, воодушевленные толерантностью обрегонского правительства в отношении их деятельности, приняли это за свидетельство собственной силы и 1 мая организовали ряд столкновений с силами правопорядка в столице, а через несколько дней ворвались в Палату депутатов, водрузив красный стяг над зданием. Подобные акты произошли и в г. Морелия (штат Мичоакан). Такое развитие событий переполнило чашу терпения Обрегона, решительно ответившего на уличные выступления репрессивными мерами. В середине мая правительство осуществило высылку ряда иностранных радикалов в Гватемалу и США.³⁹ Первыми были арестованы Симэн и профсоюзный активист и член МКП С. Сан-Висенте, практически сразу после этого — профсоюзные работники Х. Рубио и М. Пэйли (первый также входил в МКП), В. Фортмайер, К. Лимон и Х. А. Санчес. Жена Симэна Н. Михайлова добровольно сдалась влас-

тям, чтобы быть депортированной вместе с мужем, что вызвало резкое неудовольствие Катаямы. Заодно с иностранцами был выслан и мексиканец Х. Аллен, не имевший отношения к организации вышеупомянутых мероприятий.⁴⁰ Позицию Обрегона несколько не поколебали протесты рабочих организаций: президент ответил протестующим, что «если бы не было достаточного количества фактов, оправдывающих депортацию», то он не издал бы соответствующих указов; глава государства еще раз подчеркнул, что иностранцам воспрещено участвовать в деятельности мексиканских политических организаций.⁴¹ Аллену удалось вернуться в страну несколько месяцев спустя, однако ему пришлось доказывать факт своего мексиканского гражданства из-за попытки президента повторно его выслать в сентябре 1921 г.⁴²

После этой акции правительства работа по объединению левого движения Мексики, проделанная председателем ПАБ, фактически пошла насмарку: он наконец убедился, что информация, имевшаяся у ИККИ и бюро, была неполной, а попытка создать новую КПМ на основе фантомных партий изначально вела представителей Коминтерна в тупик — обе компартии почти исчезли вместе со своими лидерами. Катаяме предстояло искать иные способы работы. Именно тогда он выдвинул идею создания компартии посредством реорганизации Федерации коммунистической молодежи Мексики (ФКММ). По мнению эмиссара Москвы, высказанному им в письме ФКММ, подобные действия не только способствовали вступлению в новую компартию оставшихся членов «старых» партий, но и привлекли бы тех пролетариев, которые до сего времени сторонились коммунистического движения из-за раздражавших его ссор и склок.

Катаяма предложил ФКММ назначить комитет по созыву съезда или же выступить в роли такового самому ЦИК Федерации, специально указав в манифесте о созыве съезда, на котором должна быть создана компартия. Этому комитету предстояло разработать программу и устав партии в соответствии с нормами III Интернационала и подготовить повестку дня форума (чтобы делегаты заранее знали круг обсуждаемых вопросов), обеспечить делегатов документами III Интернационала. По мнению председателя ПАБ, новая партия, будучи сильной и энергичной, смогла бы в будущем заняться организацией компартий в странах Центральной и Южной Америки, которые впоследствии объединились бы в Панамериканскую коммунистическую федерацию (с участием коммунистов США и Канады) как одно из сильнейших отделений Коминтерна.⁴³ В другом письме, подготовленном прибывшим в Мексику в июле Томпсоном (Фрайной), ПАБ вновь призвало ФКММ принять

непосредственное участие в деле образования КПМ, назначив трехчленный комитет, который бы установил контакт со всеми группами коммунистов в стране, добавив в свой состав их представителей, а затем созвал бы учредительный конгресс компартии. ПАБ подчеркнуло, что речь не идет о переименовании Федерации в КПМ, ее следует сохранить для проведения работы среди молодежи, хотя некоторые члены ФКММ могли бы стать членами партии. Представители III Интернационала предполагали просто использовать имеющиеся организационные структуры ФКММ и ее ячейки.⁴⁴

Эмиссарам Коминтерна в Западном полушарии необходимо было объяснить собственному руководству причины перемен в тактике в отношении мексиканского левого движения. Комментарии не заставили себя ждать: руководители ПАБ указали, что Рой и Гэйл не были опытными коммунистами и не оставили после себя достаточного количества последователей, в то же время молодежь «более заинтересована коммунистическим движением», чем старшие рабочие, находящиеся под влиянием анархо-синдикализма. Созданная в январе 1920 г. ФКММ в 1921 г. была реорганизована на коммунистических принципах, ее газета стала выходить регулярно, а численность — постоянно расти. Федерация, по мнению бюро, являлась дисциплинированной и состоящей из лучших рабочих.⁴⁵

Состоявшийся в августе конгресс ФКММ принял рекомендации представителей Москвы, назначив оргкомитет КПМ, работавший в сотрудничестве с ПАБ (вероятно, этим занимался Л. Фрайна), которому представлялись на утверждение решения и манифесты.⁴⁶ Здесь, видимо, сыграл свою роль неудачный опыт унификации радикального левого движения, осуществлявшийся формально под эгидой Катаямы, но фактически так, как того хотели лидеры МКП, действовавшие на собственный страх и риск. Второй раз коминтерновские представители подобную ошибку допускать не собирались. Планировавшийся сперва на сентябрь—октябрь учредительный форум был даже перенесен на декабрь, дабы осуществить подготовку тщательно и не сорвать мероприятие снова, что, по мнению членов бюро, «задержало бы на годы всю работу».

Нельзя не отдать должное аналитическим способностям Л. Фрайны, подготовившего доклад с оценкой процесса создания новой компартии. Он сумел выделить объективные и субъективные препятствия в создании КПМ: двухлетняя склока среди мексиканских коммунистов надолго отвратила ряд сторонников от идеи участия в партии, следовало также учесть отсутствие в стране традиций политических партий с четкой структурой и преобладание среди рабочих анархо-синдикалистских тенденций при практически полной неизвестности марк-

систской литературы. Впрочем, объективность Фрайны имела свои пределы: в его докладе не прозвучало ни слова самокритики предшествовавшей тактики ПАБ в отношении радикального левого движения страны.

Сотрудниками бюро были созданы курсы подготовки коммунистических организаторов. Учитывая степень влияния анархистов и анархо-синдикалистов в рабочем движении в целом и в собственно леворадикальном движении страны, представляется разумным решение привлечь их к совместной работе, до той поры пока они будут осуществлять партработу в соответствии с директивами ИККИ; однако было специально оговорено, что конгресс будет созван лишь тогда, когда появится уверенность в доминировании коммунистов. Предполагалось разделить страну на шесть регионов, направив в них делегатов для организации коммунистических групп.⁴⁷

Уходя от прежней малопродуктивной тактики опоры на «бумажные партии», Панамериканское бюро попыталось найти внутри мексиканского левого движения реальных союзников в деле создания объединенной коммунистической партии. Помимо ФКММ посланцы Коминтерна рассматривали в качестве партнера Социалистическую партию юго-востока Мексики (СП Юкатана), о чем свидетельствует письмо Катаямы ее конгрессу летом 1921 г., переданное специальным представителем ПАБ Р. Селисом, в котором председатель Бюро призвал своих адресатов к сотрудничеству в деле организации коммунистического движения в стране и ведения пропаганды с целью организовать Панамериканскую компартию. По оценке Катаямы, «настоящая массовая» КПМ оказала бы решающее воздействие на развитие коммунистического движения на Кубе и в Центральной Америке и в значительной степени влияла бы на страны Южного конуса, ибо в силу близости Мексики к американскому империализму революционное движение страны должно было «непосредственно вдохновлять» движение всей Америки.⁴⁸

Планируемый на декабрь коммунистический конгресс должен был представлять 25 коммунистических групп общей численностью до 1000 человек. Уже в ходе его подготовки Л. Фрайна выразил серьезные сомнения по поводу возможности одобрения конгрессом тезисов Коминтерна о парламентаризме, предположив необходимость не спешить, дабы сохранить лицо и не оттолкнуть от будущей партии потенциальных сторонников. Представитель бюро в оргкомитете КПМ полагал возможным пойти на компромисс — одобрение конгрессом тезисов «в принципе» с одновременным заявлением об отказе партии от участия в выборах при настоящих условиях. Указав на лишь кажущуюся прочность абсен-

теистских лозунгов, он заявил, что рост численности коммунистических кадров и прямое давление со стороны ИККИ позволят позднее отказаться от соблюдения компромисса.⁴⁹ Следует отметить, что, несмотря на оптимизм Фрайны относительно размаха агитации в преддверии конгресса, из его же отчета следует, что оргкомитет КПМ и ПАБ постоянно запоздывали, успевая реагировать на события выпуском соответствующих манифестов постфактум. Так, лишь после завершения кризиса с закрытием всех предприятий в городе Пуэбла Л. Фрайна подготовил воззвание «Уроки Пуэблы», без возражений опубликованное оргкомитетом. Это повторялось несколько раз. Подобная ситуация могла лишь ослабить прочность аргументов представителей Коминтерна в пользу парламентаризма ввиду неспособности будущей партии оперативно реагировать на развивающиеся события. Среди важных факторов, явившихся дополнительным аргументом мексиканских коммунистов в споре с ПАБ, стало возвращение Диаса Рамиреса, беседовавшего в числе нескольких делегатов конгресса III Интернационала с Лениным, согласившимся в ходе разговора с мнением мексиканцев о том, что в плохо развитой в промышленном отношении Мексике антипарламентарная позиция может использоваться как тактическое средство.⁵⁰

На состоявшемся 25—30 декабря учредительном конгрессе КПМ, по официальным данным, была представлена 21 коммунистическая группа общей численностью до 1000 человек, однако в отчете Фрайна завысил цифры примерно на треть и указал на низкий процент делегатов, хорошо разбирающихся в коммунистической теории, признав, таким образом, что ПАБ не удалось в полной мере достигнуть цели по подготовке кадров будущей компартии. Несмотря на отмеченные представителем Интернационала трезвость и обстоятельность конгресса, эмиссару Москвы удалось преуспеть лишь в деле окончательного организационного оформления КПМ. В то же время, как он и предполагал ранее, несмотря на признание в общем тезисов и устава Коминтерна и согласие партии с принятыми его руководством решениями, она отказалась в настоящий момент участвовать в выборах («мне было сказано, что сперва мы построим партию, а когда рабочие обретут к ней доверие, тогда мы сможем принять программу участия в выборах»). Признавая провал своих усилий и компромиссность достигнутой формулировки, Фрайна предположил, что на ближайшем конгрессе III Интернационала удастся убедить делегата Мексики в ошибочности подобного подхода к электоральным вопросам.⁵¹ Он указал и на иную опасность в теоретических воззрениях руководства новорожденной компартии — эйфории по поводу

возможности проведения «новой революции», к которой призывали анархисты и анархо-синдикалисты, разделявшей в том числе и делегатом оргкомитета на севере Мексики Валадесом. Дискутируя данное положение с Валадесом, Штирнером и Диасом Рамиресом, Фрайна заявил, что такая революция может закончиться лишь провалом в силу недостаточной организации потенциальных участников и приведет к крушению и без того не слишком значительных результатов, достигнутых Коминтерном в стране. Добившись внесения в резолюцию съезда пункта о необходимости для КПМ сосредоточиться на мирной конструктивной деятельности по организации рабочих и ведению пропаганды, он счел необходимым подстраховаться, обратившись к руководству III Интернационала с просьбой издать соответствующее заявление по получении всех материалов конгресса.⁵²

Меньше чем через полтора года после создания ПАБ Л. Фрайна был вынужден признать, что «Мексика не находится накануне революции. Она не заслуживает репутации большевистской страны. Здесь нет социального класса, способного консолидировать политическую власть, этого не может сделать даже буржуазия, управляющая благодаря слабости прочих классов и благодаря иностранному капиталу. Катаяма и я ошиблись в оценке ситуации, мы думали, что движение шире и что оно в состоянии вырасти больше, чем то произошло на деле, соответствующими были и расходы».

Характеризуя руководство КПМ, Фрайна выделил трех человек: Диаса Рамиреса как «наиболее солидного», Валадеса, «молодого и восторженного, но быстро обретающего опыт», и Штирнера, лучше всех разбирающегося в теории, но не обладающего задатками лидера. Четвертый из упомянутых им, С. Родригес, секретарь профсоюза железнодорожников, был малоактивен, однако эмиссар Москвы предположил хорошие перспективы для вовлечения его в работу. Констатируя общую слабость кадров партии и громадный масштаб стоящих перед ней задач, Фрайна счел невозможным для КПМ самостоятельно справиться со всеми проблемами, рекомендуя ИККИ направить в страну кого-либо из членов РКП(б) в качестве своего представителя с целью возглавить работу по выработке и корректировке программы партии и координации ее деятельности; одновременно он настаивал на организационной помощи со стороны «бойкотировавшей коммунистов Мексики» Коммунистической партии США, заметив необходимость соответствующих указаний со стороны ИККИ.⁵³

Между тем ИККИ уже принял решение, о котором членам ПАБ еще предстояло узнать. Москву совершенно не ус-

траивали результаты работы своих представителей в Западном полушарии. И успехи по созданию или объединению левого движения в США, Канаде и Мексике, установление ряда контактов на Кубе и в Центральной Америке ничего не могли изменить в этой оценке. Неспособность регионального представительства Коминтерна организовать из Мексики именно **общую панамериканскую** работу подтолкнула лидеров ИККИ к решению порекомендовать координацию коммунистической деятельности в южной части Западного полушария Коммунистической партии Аргентины, распустив одновременно ПАБ.⁵⁴

Несмотря на печальную и недолговечную историю деятельности региональной структуры Коминтерна в Мексике, представляется не совсем верным вывод авторов, полагающих, что «в 1921 году повторилась та же история, что и в 1919 году», когда Национальный социалистический конгресс не полностью пошел за коммунистами и партия была создана «за спиной социалистов», а в обоих случаях не обошлось без участия эmissара Коминтерна.⁵⁵ На практике новая партия, хотя по-прежнему немногочисленная, на этот раз все-таки была создана реальными представителями регионов, а не была сформирована группой радикалов в столице, не обладающих скольконибудь заметным числом сторонников даже в Мехико. Важнее в тогдашнем радикальном левом движении Мексики, пожалуй, иное. Антипарламентаризм КПМ оказывался в явном противоречии со стратегией, принятой на вооружение Коминтерном в 1921 г. Пошедшая на спад революционная волна в Европе и необходимость восстановления экономики Советской России, выразившаяся в провозглашении НЭПа, вызвали перемены в позиции III Интернационала, выдвинувшего теперь лозунг «единого фронта». Ультрареволюционизм и «детская болезнь „левизны“» оказывались отныне не в чести у ИККИ, пытавшегося впредь склонить коммунистов к установлению контактов с рабочей массой посредством прессы и работы в парламенте и существующих профсоюзах. В случае мексиканского левого движения у московской штаб-квартиры всемирной коммунистической партии не оказалось рычагов влияния. После роспуска ПАБ и отзыва представителей Коминтерна убеждать мексиканских коммунистов в неверности избранной ими тактики было попросту некому; сказывалась и фактическая изоляция КПМ от мирового коммунистического движения и Москвы. Отсутствие прочной социальной базы партии после исключения коммунистов из Всеобщей конфедерации трудящихся и разрыва КПМ с анархо-синдикалистами осенью 1921 г. также не способствовало формированию у мексиканской секции III Интернационала желания попробовать свои

силы на выборах. ИККИ понесли еще около полутора лет и немалые усилия для того, чтобы радикальный сектор мексиканского левого движения постепенно отказался от политики абсентеизма.⁵⁶

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 108, д. 4, л. 5—8; д. 5, л. 17—19; д. 25, л. 18; *Beals C. Glass Houses*. New York, 1938. P. 43—44; *Gomez M. From Mexico to Moscow* // Survey. London, 1964. N 53. P. 33; [*Roy M. N.*] *M. N. Roy's Memoirs*. Calcutta; New Delhi, 1964. P. 106—121.

² *Martínez Verdugo A. (ed.). El comunismo en México*. México, 1985. P. 24.

³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 108, д. 1, л. 6; Declaración de Principios Aceptados por el Primer Congreso Nacional Socialista; Programa de Acción. Adoptado por el Primer Congreso Nacional Socialista // Oposición. 1979. 19—25 de Julio.

⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 108, д. 6, л. 1; д. 3, л. 13—14.

⁵ *Taibo II P.I., Vizcaino R. La Memoria Roja. Las luchas sindicales en México en los años 20*. México, 1984. P. 14.

⁶ *Roy M. N. M. N. Roy's Memoirs*. P. 211.

⁷ *Márquez Fuentes M., Rodríguez Araujo O. El Partido Comunista Mexicano (en el periodo de la Internacional Comunista. 1919—1943)*. México, 1973. P. 62.

⁸ *Carr B. Los orígenes del Partido Comunista Mexicano* // Nexos, 1981. N 37. P. 39.

⁹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 108, д. 1, л. 9—10.

¹⁰ Там же, ф. 497, оп. 2, д. 1, л. 1.

¹¹ Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., 1998. С. 146—147.

¹² РГАСПИ, ф. 497, оп. 2, д. 1, л. 39.

¹³ Там же, ф. 489, оп. 1, д. 24, л. 30, 42.

¹⁴ Там же, ф. 495, оп. 108, д. 1, л. 6.

¹⁵ Manifiesto del Buro Latinoamericano de la III Internacional a los trabajadores de América Latina // Oposición. 1979. 23—28 de Agosto.

¹⁶ РГАСПИ, ф. 495, оп. 108, д. 3, л. 1—2.

¹⁷ Там же, ф. 489, оп. 1, д. 27, л. 1—2; д. 30, л. 90; II Конгресс Коммунистического Интернационала: Стенографический отчет. Пг., 1921. С. 354.

¹⁸ *Das Gupta B. N. M.N.Roy. Quest for freedom*. Calcutta, 1970; *Хейфец В. Л., Хейфец Л. С.* Псевдоним — Бородин. Настоящая фамилия? Лафайет! // Латинская Америка. 1993. № 3. С. 107—115.

¹⁹ РГАСПИ, ф. 489, оп. 1, д. 24, л. 43.

²⁰ Там же, ф. 495, оп. 2, д. 3, л. 97—97 об.

²¹ Там же, оп. 108, д. 5, л. 6—8.

²² Там же, л. 12—13 об.

²³ Там же, д. 15, л. 1—2.

²⁴ Там же, д. 11, л. 2.

²⁵ Там же, д. 14, л. 2а—2б.

²⁶ Там же, д. 5, л. 16.

²⁷ *Kublin H. Asian Revolutionary. The Life of Sen Katayama*. Princeton; New Jersey, 1964. P. 280—287.

²⁸ Гэйл был выслан в Гватемалу 3 апреля, а после того как гватемальские власти его вернули, был депортирован в США (РГАСПИ, ф. 5, оп. 3, д. 371, л. 44—45); Se Aplicó el Art. 33 al Sr. Linn A. E. Gale // Excelsior. 1921. 3 de April; El Agitador Norteamericano Linn Gale Será Deportado a la República Guatemalteca // Ibid. 6 de Abril.

²⁹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 18, д. 65, л. 109.

³⁰ Там же, л. 98—99, 109; оп. 108, д. 16, л. 2; *Gomez M. From México to Moscow*. P. 47.

³¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 18, д. 65, л. 150.

³² *Matute A.* La carrera del caudillo. Historia de la Revolución mexicana. 1917—1924. México, 1988. P. 67—68; *Valadés J. C.* Historia general de la Revolución Mexicana. México, 1985. Vol. VII. P. 58—60; *Araiza L.* Historia del movimiento obrero en Mexico. Mexico, 1965. Vol. IV. P. 45—48.

³³ Agitador Linn A. E. Gale fue llevado a Guatemala // *Excelsior*. 1921. 8 de Abril; No se ha Nombrado Ministro para Rusia // *Ibid.* 7 de Abril.

³⁴ Archivo General de la Nacion (AGN), Ramo A. Obregón—P. E. Calles, exp. 429-S-1; exp. 421-G-2; Acervo Histórico de la Secretaría de Relaciones Exteriores (AHSRE), exp. 17-10-221.

³⁵ РГАСПИ, ф. 495, оп. 108, д. 25, л. 27—28.

³⁶ Там же, д. 11, л. 18—19; ф. 521, оп. 1, д. 17, л. 2—4.

³⁷ Пленум избрал Секретариат МКП в составе М. Диаса Рамиреса, Х. К. Валадеса и Х. Аллена (*Díaz Ramírez M.* Hablando con Lenin en 1921) // *Liberación* (México). 1957. N 8. P. 41; РГАСПИ, ф. 534, оп. 1, д. 4, л. 139—140, 143.

³⁸ РГАСПИ, ф. 495, оп. 18, д. 66, л. 260—261; оп. 108, д. 16, л. 21—23.

³⁹ Un Siglo de Relaciones Internacionales de México a través de los mensajes presidenciales. Archivo Histórico de la Secretaría de Relaciones Exteriores. México, 1935. P. 329; El Sr. Presidente de la República, General Obregón, con Toda Energía, Está Dispuesto a reprimir los actos que Desprestiguen a Nuestro País // *Excelsior*. 1921. 17 de Mayo.

⁴⁰ AGN, Ramo A. Obregón—P. E. Calles, exp. 421-P-8, 421-M-3, 421-R-7; РГАСПИ, ф. 495, оп. 108, д. 25, л. 28—33; д. 14, л. 16—16 об; оп. 18, д. 65, л. 190—191; д. 66, л. 8—12; оп. 261, д. 2376, л. 5; Fueron Expulsados por Perniciosos 2 Extranjeros // *Excelsior*. 1921. 17 Mayo; Expulsión de Extranjeros // *Ibid.* 18 de Mayo; Expulsión de 2 Extranjeros Aprehendidos en Monterrey // *Ibid.* 22 de Mayo. — Интересно отметить, что правая столичная пресса сочла вышеупомянутые меры совершенно недостаточными. См., например, редакционную статью «Hay o no Bolshevismo en México?» // *Excelsior*. 1921. 24 Mayo).

⁴¹ AGN, Ramo A. Obregón—P. E. Calles, exp. 811-S-13, 711-S-13.

⁴² *Ibid.*, exp. 813-A-811; AHSRE, exp. 9-4-172.

⁴³ РГАСПИ, оп. 108, д. 10, л. 1—2.

⁴⁴ Там же, оп. 18, д. 66, л. 42а.

⁴⁵ Там же, л. 82—83.

⁴⁶ Там же, л. 83. — В начале декабря комитет состоял из М. Диаса Рамиреса, Х. Гомеса, Ф. Эрнандеса, Г. Лоренсо, Х. Берналя, М. Л. Гонсалеса и Р. Каррильо (*El Obrero Comunista* (México). 1921. 10 de Diciembre), т. е. из «исторических» лидеров МКП и КПМ, руководителем будущей партии становился лишь М. Диас Рамирес.

⁴⁷ РГАСПИ, оп. 18, д. 66, л. 92—93. — На деятельность Организационного комитета с 8 июля по 24 декабря были выделены более 13 500 долларов, а непосредственно МКП были переданы более 3000 долларов (третья часть этой суммы была вручена 22 декабря А. Штирнеру). См.: там же, оп. 108, д. 11, л. 52; д. 22, л. 15.

⁴⁸ Там же, л. 94; д. 10, л. 14—15.

⁴⁹ Там же, д. 22, л. 11.

⁵⁰ *Díaz Ramírez M.* Hablando con Lenin en 1921. P. 53.

⁵¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 108, д. 17, л. 19; д. 22, л. 1—2.

⁵² Там же, л. 2.

⁵³ Там же, л. 3—4.

⁵⁴ Там же, оп. 2, д. 66, л. 1, 4, 11, 85.

⁵⁵ *Spenser D.* «México no está al borde de la revolución». Los primeros tropiezos del comunismo mexicano // *Memoria. Boletín de CEMOS*. 1999. N 121 (marzo). P. 20.

⁵⁶ В выборах 1924 г. мексиканская секция III Интернационала не только участвует, но и поддерживает официального кандидата П.Э.Кальеса, надеясь продемонстрировать банкротство буржуазной политики и установить контакт

с массами в масштабе всей страны. Рекомендации III Интернационала коммунистическому сектору левого движения Мексики были опубликованы Американской рабочей (коммунистической) партией в 1923 г. См.: *Strategy of the Communists: A Letter from the Communist International to the Mexican Communist Party*. Chicago, 1923. — Подробнее о переменах политики КПП в отношении мексиканского государства в 20-е гг. см.: *Carr B. La izquierda mexicana a través del siglo XX*. México, 1996. P. 43—44, 51—56.

Л. С. ХЕЙФЕЦ

ИНТЕРНАЦИОНАЛ МОСКВЫ ИЛИ ИНТЕРНАЦИОНАЛ БУЭНОС-АЙРЕСА?

(III ИНТЕРНАЦИОНАЛ,
ЮЖНОАМЕРИКАНСКИЙ СЕКРЕТАРИАТ КОМИНТЕРНА
И КОМПАРТИЯ ПАРАГВАЯ)

Одна из самых серьезных проблем, которую решали историки коммунистического движения Латинской Америки, состояла в том, что из-за нелегальных условий, жестоких репрессий многие партии не сохранили своих архивов. В некоторых случаях их деятельность прерывалась, а возобновляли ее уже новые люди, которые с чистого листа начинали историю партии, искренне считая себя ее основателями. История Коммунистической партии Парагвая (КПП) одна из самых таинственных, ибо она дважды (в начале 30-х гг. из-за репрессий правительства и в 60-е гг. в связи с внутрипартийной борьбой между «марксистско-ленинским» ядром и группой «ренегата Крейдта») начинала все сначала. И для восстановления исторической истины парагвайским партийным историкам пришлось обращаться к архиву Коминтерна.¹ Созданные на документальной основе работы помогли по-новому осветить некоторые аспекты деятельности КПП, но тогда их авторы не могли (да, судя по всему, и не хотели) в полном объеме рассказать о некоторых сюжетах, в первую очередь связанных с характером взаимоотношений партии с Коминтерном.

Парагвайская коммунистическая группа еще в конце 1924 г. направила своего делегата в Буэнос-Айрес для обсуждения с руководством Коммунистической партии Аргентины (КПА)² вопросов о положении в стране и развитии коммунистического и профсоюзного движения, о возможности направить в Парагвай несколько аргентинских товарищей для оказания помощи в создании партии.³ Однако КПА и Южноамериканский секретариат Коминтерна (ЮАСКИ) практически ничего

не сделали для поддержки зарождавшегося в Парагвае коммунистического движения. Лишь в связи с подготовкой IV Конгресса Профинтерна генеральный секретарь КПА П. Ромо установил контакты с одним из руководителей парагвайских коммунистов М. Б. Дрелихманом, чтобы выяснить состояние рабочего движения и возможности коммунистической работы в этой стране. Ромо направил в Асунсьон пропагандистскую литературу и инструкции по реорганизации существовавшей там коммунистической группы. Ромо удалось то, чего не смог добиться многолетний лидер КПА и секретарь ЮАСКИ Х. Пенелон, — КПП объявила 19 февраля 1928 г.⁴ о присоединении к Коминтерну, провозгласив своей политической целью «создание посредством социальной революции правительства рабочих, крестьян и солдат как первого этапа в деле достижения полного социализма... и дальнейшего перехода к коммунизму».⁵ Эта декларация по сути не меняла ничего в деятельности маленькой группы коммунистов Парагвая, кроме вовлечения ее в орбиту международного коммунистического движения.⁶ Хотя лидер парагвайских коммунистов Л. Ибаррола и проинформировал Коминтерн о наличии 3 тыс. сторонников по стране, реально действовала лишь группа из 20 человек в Асунсьоне, избравшая из своих рядов Центральный Комитет. Даже новых членов в партию принимали на заседаниях ЦК, что явно свидетельствовало о малочисленности КПП. Практически все члены партии были знакомы друг с другом.

Констатируя отсутствие программы, проведение работы «от случая к случаю», попытки сплотить массы под лозунгом: «Землю ее старым владельцам — индейцам, которых периодически изгоняют с земли», руководитель КПП был все же вынужден признать, что «п[артия]... как организация не существует».

Однако Буэнос-Айрес в тот момент интересовало совсем другое. В период паралича деятельности ЮАСКИ, связанного с кризисом в КПА, лидер большинства ЦК Аргентинской компартии П. Ромо смог продемонстрировать, таким образом, Москве, что Южноамериканский секретариат Коминтерна может эффективно действовать, и дал понять, что тормозом в организации его работы был Пенелон, подчеркивая в докладе ИККИ свою роль в создании новой секции Коминтерна и в руководстве ею. Ромо особо отмечал, что вынужден заниматься этим **«в связи с отсутствием Южноамериканского секретариата, сводящегося сегодня к тому, что делаю я лично»**⁷ (выделено автором). Констатируя, что манифест парагвайских коммунистов — плод исключительно их работы и подготовлен по их собственной инициативе, он снимал с себя поли-

тическую ответственность за деятельность КПП, заметив: «Я не высказываю по данному поводу своего мнения, **ибо не имею соответствующих полномочий**» (выделено автором), — недвусмысленно намекая Исполкому Коминтерна, что готов к принятию таких полномочий для возрождения активности ЮАСКИ.

В Москве с энтузиазмом восприняли сообщение о создании новой секции III Интернационала в Южной Америке. Это было особенно важно для пропагандистского обеспечения подготовки VI Конгресса, одним из центральных вопросов которого было состояние и перспективы революционного движения в колониальных и полуколониальных странах. Секретариат ИККИ оперативно откликнулся на манифест КПП, направив послание ее Исполкому, в котором, выразив надежду на успешное развертывание революционной деятельности партии среди эксплуатируемых рабоче-крестьянских масс Парагвая, просил поддерживать с ним постоянные и регулярные отношения и одновременно продолжать контакты с Южноамериканским секретариатом.⁸

Одновременно секретарь ИККИ Ж. Эмбер-Дро указал ЮАСКИ на необходимость сохранять отношения с молодой партией и помогать ей по мере возможности, направляя коммунистическую литературу.⁹ Показательным при этом представляется то обстоятельство, что этот призыв фактически направлялся в пустоту: Секретариат Пенелона практически не функционировал, новый его секретарь В. Кодовилья и один из лидеров большинства Р. Гиольди, также входивший в состав ЮАСКИ, находились на пути из Москвы, где разбирался аргентинский кризис, в Буэнос-Айрес. Единственным действующим членом ЮАСКИ был Ромо, который и являлся инициатором обращения КПП в Коминтерн.

О новом кандидате в III Интернационал в Москве не знали почти ничего, что лишний раз подтверждало неэффективность деятельности Пенелона в ЮАСКИ. Поэтому глава Латинского секретариата ИККИ просил генерального секретаря КПП Л. Ибарролу послать руководству Коминтерна отчет об экономико-политическом положении страны, сведения о количестве членов партии и ее организационной структуре, о наличии газеты, возможностях легальной работы, наличии в Парагвае профсоюзов и крестьянских организаций, влиянии коммунистов в этих организациях. Интересовало Москву и то, какой иностранный империализм эксплуатирует страну, имеется ли в ней антиимпериалистическое движение.¹⁰

В докладе в Москву Л. Ибаррола достаточно реалистично оценил состояние парагвайского рабочего движения, существовавшего давно, но развивавшегося в неорганизованной

форме, без «конкретной программы действий» и не сумевшего сориентироваться на «достижение определенного идеала». Причиной создания партии, констатировал лидер КПП, стало убеждение, что эффективного достижения целей рабочего движения можно достичь, следуя «по дороге, уже открытой в Европе», самокритично признав отсутствие связей с международным коммунистическим движением существовавшими в Парагвае страхами, что «наш Комитет подпадет под влияние Коммунистического Интернационала, в связи с чем за нами постоянно следят и власти, и даже буржуазная пресса». ¹¹ Считая, что не следует провоцировать правительство, «опасавшееся аргентинского и русского влияния», на антикоммунистические преследования, парагвайские коммунисты стремились осуществлять пропагандистскую работу в «осторожной форме... не называя при этом доктрины и не устанавливая международных связей, столь раздражающих правительство и буржуазные партии». ¹² Немаловажным для нежелания коммунистической группы Парагвая поддерживать отношения с КПА была личная позиция Ибарролы, считавшего ее «партией крикунов» и ограничившего международные контакты КПП перепиской с Пенелопом. ¹³

Пропагандистская работа почти не выходила за пределы самой группы, рабочие редко приходили туда из-за отсутствия свободного времени: рабочий день в Парагвае нормировался просто — от восхода до заката. Сами коммунисты в этот период не пытались активно работать в массах, ограничившись несколькими митингами, разрешенными властями. Наставники из Буэнос-Айреса предупреждали, что невозможно просто говорить рабочим о социальной революции, когда они столько работают, надо говорить им о самых непосредственных требованиях, учили азбуке пропагандистской и организационной деятельности партии и профсоюзов.

Коммунизм в среде крестьян индейцев члены парагвайской партии пропагандировали как «простое отражение крестьянских общинных идей»: земля принадлежит всем вместе с орудиями труда, животными, а эксплуататоры должны исчезнуть. На таком же уровне проводилась и работа с рабочими: им говорили о социализации, о восьмичасовом рабочем дне, повышении зарплаты, разъясняли, что разница «между социализмом и коммунизмом состоит в том, что первые добиваются парламентских постов, как и остальные партии, а коммунисты ведут постоянную и открытую борьбу за освобождение трудящихся». ¹⁴

Парагвайские коммунисты считали обстановку, в которой они развертывают свою борьбу, неблагоприятной из-за экономического положения страны. Пролетариат, «неплохо встреча-

ющий коммунистические идеи», был с их точки зрения «плохо приспособлен к борьбе, неохотно следуя долгу самопожертвования для защиты нашего дела». ¹⁵ При этом Ибаррола «скромно» отмечал, что имеющиеся успехи — «плод усилий тех немногих, кто возглавляет Комитет» КПП, и в явном противоречии с установками Коминтерна считал, что руководители партии должны быть интеллектуалами: «Рабочие еще не подготовлены». ¹⁶

Идейные установки и практическая деятельность КПП не вызвали энтузиазма у нового руководства Южноамериканского секретариата. Причин было по меньшей мере три: во-первых, молодая компартия мало соответствовала «21 условию», во-вторых, Кодовилья явно не хотел соглашаться с ролью П. Ромо как создателя новых секций Коминтерна, в-третьих, его не устраивал и лидер компартии Л. Ибаррола, которому секретарь ЮАСКИ немедленно объявил войну. Однако, считая Ибарролу не обладающим коммунистическим менталитетом и не отвечающим требованиям, поставленным перед КПП при выборе делегата на VI Конгресс Коминтерна, Кодовилья вынужден был согласиться на его поездку в Москву, так как «рабочие товарищи с более высоким политическим уровнем» ¹⁷ по различным причинам, в том числе из-за отсутствия документов для поездки, не могли выехать из Парагвая. Попытки вернуть Ибарролу из Аргентины, куда он приехал по дороге в Москву, в Асунсьон и найти ему замену пришлось оставить — для этого нужны были время и затраты, эквивалентные поездке в Европу. Поэтому, с грустью констатировал Кодовилья, надо довольствоваться направленным делегатом, являющимся, «к сожалению, также и секретарем партии». ¹⁸ ЮАСКИ расценил ситуацию в КПП как характерную для колониальных стран, где рабочее и коммунистическое движение вначале возглавляется мелкобуржуазными интеллектуальными элементами, и поставил задачу оказать партии «персональную помощь», чтобы обучить и сформировать кадры для руководства возникшего в Парагвае массового движения.

Возникла парадоксальная ситуация. Ибаррола вместе с делегацией КПА следовал в Европу, чтобы своим участием во Всемирном конгрессе Коминтерна подтвердить рост влияния коммунизма в Южной Америке, а региональная структура ИККИ в это время готовила его отстранение от руководства партией. 1 сентября VI Конгресс Коминтерна принял решение считать компартию Парагвая национальной секцией Коммунистического Интернационала без всяких условий, ¹⁹ а Южноамериканский секретариат уже 5 июля планировал двухнедельную поездку представителя компартии Бразилии в ЮАСКИ А. Перейры в Асунсьон для «реорганизации и подъема политического уровня» ²⁰ компартии Парагвая.

«Делом Ибарролы» Южноамериканский секретариат (и в первую очередь его секретарь) стремился продемонстрировать новый характер отношений между высшей инстанцией Коминтерна на континенте и национальными секциями, показать, что такое международная партийная дисциплина в действии. Однако опытный партаппаратчик Кодовилья хорошо понимал, что в таком деликатном деле необходимы серьезные аргументы: одной инициативы даже столь авторитетного для Москвы органа, как ЮАСКИ, может оказаться недостаточно. Поэтому было инициировано обращение группы парагвайских коммунистов к Уругвайской компартии, а через нее — к ЮАСКИ, извещавшее о недовольстве Ибарролой, связанном с его поездкой в СССР,²¹ что якобы побудило Секретариат подтвердить решение о направлении своего делегата для ознакомления с ситуацией и «ориентирования товарищей».

Тем не менее эта рекомендация не выполнялась достаточно долго и противоречия в руководстве КПП после возвращения Ибарролы из Москвы переросли во внутрипартийный кризис, потребовавший оперативного вмешательства Южноамериканского секретариата и реакции Коминтерна. Эта необходимость была вызвана событиями, не связанными с рабочим движением, но создавшими принципиально новые условия для его существования. Резко ухудшившиеся после атаки парагвайским отрядом боливийского форта Вангвардия в декабре 1928 г. отношения между двумя странами поставили обе страны на грань войны,²² а парагвайскую секцию Коминтерна — в центр внимания руководства всемирной компартии. Молодая партия оказалась, по оценке Ж. Эмбер-Дро, «в весьма ответственном положении... ей первой из всех наших секций выпало историческое обязательство применить коммунистическую тактику против войны».²³

Л. Ибаррола сформулировал свое понимание влияния парагвайско-боливийского конфликта на классовую борьбу в стране еще в первом докладе Коминтерну: захват американцами и англичанами земель в спорной зоне развивает чувство патриотизма граждан, протестующих против иностранного давления, что создает «плодотворную почву для нашей деятельности»²⁴ (выделено автором). При этом Ибаррола подчеркивал, что «антиянкизм стал почти что патриотическим культом у населения в силу международных проблем, в которых американцы играют важную роль»,²⁵ оказывая моральную поддержку Боливии.

В тот момент в ИККИ не заметили или не захотели заметить «немарксистского» подхода генсека КПП к принципиально важной проблеме. И только в условиях разгоравшегося

противостояния, когда шовинистические настроения подогревались и правительствами обеих стран, и соперничавшими в борьбе за влияние в спорных районах английскими и американскими монополиями,²⁶ Южноамериканский секретариат резко осудил его позицию. Боливийско-парагвайский конфликт был расценен ЮАСКИ как представившаяся партии возможность деятельности с целью вырвать массы из-под влияния правительственного шовинизма, для объяснения подлинной сути конфликта — межимпериалистических противоречий, для проведения антивоенной деятельности в стране. Руководители южноамериканской региональной структуры III Интернационала, сосредоточившись на межимпериалистических спорах как причине конфликта двух государств, отвергали даже попытки иного подхода к анализу. В. Кодовилья призвал к решительной борьбе против позиции директора газеты Коммунистической партии Уругвая Х. Греко, указавшего на агрессивность Боливии, «как будто бы она была единственной виновницей конфликта». Представитель КИМа З. Рабинович («Пьер») настаивал на необходимости избежать рассмотрения конфликта как «войны между страной — агентом империализма и антиимпериалистической страной».²⁷

Отношение же к этой проблеме КПП, т. е. Ибарролы, стремившегося не вызывать правительственного террора и призывавшего к осторожности, было, по оценке Секретариата, пассивным, в то время как надо было выдвинуть лозунги борьбы против империалистической войны и за превращение империалистической войны в войну антиимпериалистическую и классовую, за братство парагвайско-боливийских трудящихся и в конечном итоге призвать к борьбе за рабоче-крестьянское правительство и за федерацию рабоче-крестьянских республик Латинской Америки.²⁸

КПП оказывалась в замкнутом кругу: принятие подобной стратегии в тогдашних условиях означало для коммунистов Парагвая угрозу подвергнуться остракизму в обществе, которое захлестывал ура-патриотический угар; попытки же приспособиться к ситуации, как это предлагал Ибаррола, трактуя борьбу против Боливии как антиамериканское движение, неизбежно вели к разрыву с генеральной линией континентального, да и всего мирового, коммунистического движения и ставили партию в положение изгоя среди единомышленников. Кроме того, положение КПП осложнялось и фактором субъективным: секретарь ЮАСКИ явно невзлюбил Ибарролу и прилагал все усилия для его отстранения от руководства партией. Это выражалось не только в политической оценке деятельности парагвайского генсека.²⁹ Ибаррола был охарактеризован ЮАСКИ как мелкобуржуазный деклассированный «интеллектуал», тщеслав-

ный и неспособный проводить серьезную работу, как каудильо индивидуалистского типа, не имеющий абсолютно ничего общего с коммунизмом, а руководимая им газета «Лос Комунерос» — как скандальная, способствовавшая деморализации коммунистического движения. На него была возложена ответственность за то, что КПП являлась «небольшой группой товарищей, нежели чем действительно партией, в органическом смысле этого слова». Оценка организационного состояния партии лишь повторяла выводы, к которым приходил и сам Ибаррола в отчетах Коминтерну, но ответственность за это теперь персонифицировалась и возлагалась на него самого.

Фактически Кодовилья просто игнорировал Ибарролу, обращаясь к руководству КПП через его голову. Практически Южноамериканский секретариат нарушал основополагающие принципы взаимоотношений во всемирной коммунистической партии, подрывая внутрипартийную дисциплину в КПП. Это не могло не вызвать ответной реакции парагвайского генсека, не желавшего даже знакомиться с документами ЮАСКИ, которые содержали критику концепций, изложенных Ибарролой в статье «Моя поездка в Россию», и были направлены не в Секретариат партии или ему лично.³⁰ Парагвайский лидер публично оскорбил Кодовилью, назвав его «мошенником и старым итальянцем».³¹ Кодовилье же такое поведение Ибарролы было фактически на руку, ибо давало повод еще раз серьезно обдумать вопрос о направлении делегата в Парагвай для ликвидации кризиса, им самим на деле и спровоцированного. Явно нагнетая атмосферу, он убеждал членов ЮАСКИ в том, что Ибаррола «запугал всех хороших товарищей и опирается на группу сторонников из числа студентов», грозит исключением элементов, демонстрирующим коммунистические позиции. «Это представляет собой тяжелую угрозу в момент явной военной опасности», — утверждал Кодовилья. И в конце концов он добился решения о немедленной поездке посланца Секретариата в Парагвай. Чтобы избежать совершения партией тяжелых ошибок, требовалось, считал Р. Гиольди, направить человека, «облеченного властью», т. е. Кодовилью, немедленно попросившего наделить его полномочиями для оказания помощи товарищам в антивоенной работе. Ради ревизии дел в Парагвае была санкционирована поездка в Бразилию вместо секретаря ЮАСКИ уругвайца Э. Гомеса (в случае невозможности его выезда — Р. Гиольди или П. Ромо).³²

Важным элементом атаки на Ибарролу секретарь ЮАСКИ сделал саботаж финансирования КПП. Не передавая КПП выделенные Исполкомом Коминтерна для Парагвая средства,³³ Кодовилья подогревал таким образом в ЦК партии негативное отношение к впадшему в опалу генеральному секретарю,³⁴

давая понять, что до устранения Ибарролы деньги в Асунсьон поступать не будут. Ибаррола вообще считал финансовые вопросы основой своих разногласий с секретарем ЮАСКИ, утверждая, что Кодовилья требовал, чтобы парагвайский делегат в Москве просил у Интернационала денег, в то время как Ибаррола считал, что едет туда «для представления партии и пролетариата страны... составления плана атаки на капитал и против войны».³⁵

Кодовилья приехал в Асунсьон, не поставив в известность Ибарролу, и немедленно вступил в контакт с его оппонентами. На заседании ЦК КПП 28 декабря 1928 г., организованном без санкции генерального секретаря партии, Кодовилья **«указал политическую платформу, которой должна следовать Коммунистическая партия в соответствии с международной дисциплиной, и одновременно пообещал помочь материально и морально в рамках возможностей Ю. А. Секретариата К. И.»**, после чего присутствующие «товарищи признали свои ошибки до настоящего момента и пообещали коллективно работать для расширения нашей партии **под контролем Ю. Американского Сек. К. И.»** (выделено автором).³⁶ В ходе произошедшей реорганизации руководства партии генеральным секретарем был избран М. Баэс, а Ибаррола, оставаясь в руководстве, был понижен в статусе и назначен ответственным секретарем редакции «Лос Комунерос».³⁷ Очевидно, это было не чем иным, как умелым тактическим ходом. Учитывая значительное влияние бывшего генсека среди парагвайских коммунистов, Кодовилья решил не торопить события и подождать, когда обиженный Ибаррола совершит ошибку. Ждать пришлось недолго.

6 января 1929 г. Ибаррола единоличным решением исключил сторонников линии ЮАСКИ (Баэса, Дрелихмана и Валенсуэлу) из партии, обвинив их в расколе партии «в тот самый момент, когда она работает подпольно во время начавшейся войны между Боливией и Парагваем», а Южноамериканский секретариат — в «поддержке мятежа» членов партии, «не пользующихся авторитетом, так как они невежды, неспособные руководить политической партией».³⁸ Причиной подобной позиции Секретариата он объявил «скверное отношение» лично к нему Кодовильи, не простившего парагвайскому коммунисту упреки в невыполнении финансовых обязательств перед семьей Ибарролы и заявления в связи с этим, что «коммунисты, как братья, должны похоронить ложь».³⁹

Апеллируя к Коминтерну, Ибаррола обвинил секретаря ЮАСКИ в создании «разногласий и расколов» и просил положить конец его «недостойному вмешательству» во внутренние вопросы партии, особо отметив, что не возражает против

участия Южноамериканского секретариата в вопросах «политической линии, чтобы выполнить задачи партии, которая сегодня как никогда укрепила свою доктрину и развивает деятельность среди городских рабочих и крестьян».⁴⁰ Тем самым, не выступая формально против международной дисциплины, Ибаррола дал понять, что южноамериканская структура Коминтерна превысила свои полномочия, взяв на себя функции высшей иерархии, действуя против секретаря партии, «признанного конгрессом К. И.»⁴¹ и вмешиваясь во внутрипартийные дела. «Партия сама знает, как ей действовать, исключать иуд, а не повышать их, как это пытаются сделать», — писал Ибаррола в Москву.⁴² Проявив готовность подчиняться «Интернационалу Москвы», парагвайский коммунист не считал для себя и своей партии возможным принимать диктат «Интернационала из Буэнос-Айреса».⁴³

Противники же Ибарролы объявили, что он 2 января принял решение о своей отставке «и предложил создать новую коммунистическую партию, не примыкающую к К. И., и снова опубликовать газету в качестве органа Коммунистической партии Парагвайской респ.» (подчеркнуто в тексте. — Л. Х.)», обещав одновременно сообщить в Коминтерн о произошедшем и сохранить все в тайне до появления решения Москвы.⁴⁴ Исключив Ибарролу из КПП,⁴⁵ ее новые руководители обратились в ЮАСКИ с просьбой объявить, что представляемая ими партия является единственной секцией, признанной Исполкомом Коминтерна в стране, чтобы разоблачить «предательство Ибарролы», «узурпировавшего название партии, используя его в своих интересах».⁴⁶ Южноамериканский секретариат немедленно ратифицировал исключение бывшего генсека КПП, публично объявив об этом через свой журнал. Чтобы южноамериканские «партийные массы» осознали важность этого решения, «Ла корреспонденсия сюдамерикана» опубликовала изложение доклада Кодовильи об экономическом и политическом положении в Парагвае, а затем — в трех номерах — материалы по «делу Ибарролы».⁴⁷

Бывший генеральный секретарь, так же как незадолго до этого Пенелон в Аргентине, надеясь на поддержку ИККИ, категорически отказался передать печати и архив партии новому руководству.⁴⁸ Однако в отличие от случая с Пенелоном, разногласия которого с большинством ЦК несколько месяцев обсуждались в высших инстанциях Коминтерна, Латиноамериканский секретариат ИККИ отказался выслушивать доводы Ибарролы, полагая, что ЮАСКИ «следит за положением», и заявив о своем невмешательстве и поддержке деятельности в Парагвае своей южноамериканской структуры.⁴⁹ Эмбер-Дро разъяснил, что ни ЮАСКИ, ни ИККИ не имеют намерений

бороться против ЦК парагвайской партии, если он будет «следовать коммунистическим путем и выполнять свой долг в качестве руководства секции Коммунистического Интернационала», обещая помощь и советы, чтобы КПП могла «ориентироваться в трудных проблемах... революционной борьбы и развития коммунистической партии в настоящую пролетарскую партию». Все действия Кодовильи в Асунсьоне Москва безоговорочно одобрила, а Ибаррола был провозглашен «ренегатом, пребывающим вне рядов Коммунистического Интернационала и не имеющим с ним ничего общего».⁵⁰ Стремясь укрепить авторитет ЮАСКИ и показать обязательность для национальных секций принятых им решений, Секретариат ИККИ обвинил Ибарролу в отказе подчиниться решениям ЮАСКИ, подчеркнув недопустимость предпринятых Ибарролой попыток **«использовать Исполнительный Комитет К. И. против Южноамериканского секретариата...»**⁵¹ (выделено автором), и предостерег всех революционных рабочих от работы внутри «коммунистических сил, ведомых Ибарролой», заявив, что «любое использование имени Коммунистического Интернационала и его авторитета Ибарролой является узурпацией и ложью».

Причины столь различного отношения к двум лидерам компартий соседних стран были очевидными. Если при решении «дела Пенелона» ИККИ исходил из необходимости сохранения единства КПА как основы всего южноамериканского коммунистического движения, а сам Пенелон — член ИККИ и секретарь ЮАСКИ — был фигурой, значимой не только в масштабах континента, но и для всей мировой компартии, то в случае с Ибарролой, возглавлявшим малоизвестную и лишенную влияния партию, эти доводы не играли роли. Кроме того, ситуация значительно изменилась после VI Конгресса Коминтерна, и Москве было важно показать, что инакомыслие в международном коммунистическом движении будет пресекаться самыми решительными мерами. При этом Ибаррола совершил и серьезную тактическую ошибку, свидетельствовавшую о явном непонимании ситуации в Коминтерне. Он подавал себя как «доверенное лицо» Коминтерна, который после его возвращения из Москвы подтвердил ему «свое абсолютное личное доверие при посредстве „комиссара по иностранным делам Эмбер-Дро“».⁵²

Апелляция к поддержке опального швейцарского коммуниста не давала Ибарроле никаких шансов на победу в противостоянии с Кодовильей хотя бы потому, что Эмбер-Дро, который в другой ситуации мог бы попытаться объективно разобраться в ситуации, сейчас должен был думать о сохранении своих позиций в Коминтерне, и защита парагвайского «шови-

ниста» могла ему только помешать. Кроме того, Кодовилья не преминул обратить внимание ЮАСКИ и ИККИ на то, что «для Ибарролы „совет” и „Коммунистический Интернационал” одно и то же, поэтому он называет Эмбер-Дро „комиссаром по иностранным делам”, совершая эту ошибку неоднократно». По мнению Кодовильи, это характеризовало Ибарролу как «человека с ограниченными способностями», «не обладающего политической серьезностью».

Личная победа Кодовильи — удаление Ибарролы из руководства и из партии — была подана ЮАСКИ как акт, имеющий фундаментальное значение: было объявлено, что только после визита главы Секретариата в Парагвай **«начались сколь-либо серьезные действия по образованию К. П. Парагвая»** (выделено автором), создано новое руководство, состоящее из рабочих, начавшее проводить коллективную работу в пролетарском духе.⁵³ Таким образом, была фактически дезавуирована работа, проделанная П. Ромо, зачеркнуто все то, что было сделано парагвайскими коммунистами в 20-е гг. История КПП теперь начиналась с чистого листа, а у ее истоков оказывался секретарь ЮАСКИ В. Кодовилья, «скромно» отмечавший: «...мы заложили основу для развития будущего коммунистического движения».⁵⁴ Второй раз всего за год (сначала в деле Пенелона, затем в случае Ибарролы) ему удалось так повернуть ход событий для укрепления своих собственных позиций и создания образа идеолога и лидера южноамериканского коммунистического движения, что вполне соответствовало тенденциям развития Коминтерна, где укреплялись позиции Сталина, а следовательно, возникала необходимость такого же вождя в континентальных масштабах.

Между тем личный триумф Кодовильи неизбежно становился «пирровой победой» с точки зрения развития южноамериканского коммунистического движения с опорой на мощные и влиятельные национальные секции, пользующиеся доверием в своих странах и не склонные к авантюризму. И это напрямую было связано со сделанным секретарем ЮАСКИ анализом боливийско-парагвайского конфликта, на базе которого Секретариат пришел к выводу о том, что для КПП, несмотря на ее малочисленность,⁵⁵ в условиях, когда межимпериалистическая борьба за завоевание Латинской Америки провоцирует вооруженные конфликты, имеющие серьезные внутривнутриполитические последствия, при выдвижении «адекватных лозунгов» вполне реальна задача «стать единственным руководителем приближающейся борьбы» и превратить массовые движения в «борьбу за народно-демократическую революцию».⁵⁶

Эту же линию Кодовилья проводил и на Первой конференции компартий Латинской Америки, упрекая парагвайских и

боливийских коммунистов в «провинциализме», проявлявшемся в недооценке международных проблем, центром которых был вопрос о войне, и мешавшем им проводить среди трудящихся масс своих стран агитацию с целью довести до их сознания вопрос о предотвращении этой войны, об ее империалистической сущности. Секретарь ЮАСКИ обвинил коммунистов стран — участников конфликта в том, что они из-за недостатка политического опыта и несогласованности идеологических позиций не сумели выполнить до конца свой революционный долг, в то время как объективные условия для проведения антивоенной пропаганды имелись.⁵⁷ Коммунистам обеих стран ставилась прямая задача проявить решительную готовность бороться против империализма и его агентов — национальных правительств.

Делегат КПА на Первой конференции компартий Латинской Америки П. Гонсалес Альберди отметил, что их поведение не соответствовало представлениям о действиях последовательных коммунистов: «...коммунисты побоялись репрессий, не развернули активной работы среди масс и в армии...»⁵⁸ Обвинения в трусости вызвали явный шок у только что поставленного самим Кодовильей во главе КПП руководства, и оно поспешило реабилитироваться в глазах Южноамериканского секретариата. При этом новые лидеры КПП абсолютно утратили чувство реальности и, стремясь зарекомендовать себя настоящими коммунистами, сами не заметили, как впали в эйфорию в предвкушении своих грядущих побед. Но этот путь в конечном итоге закончился катастрофой как для них самих, так и для партии.

Для решения столь масштабных задач у коммунистов не было сил и средств. Но они, вдохновляемые на борьбу из Буэнос-Айреса и Москвы, резко изменили тактику, считая, что сфера деятельности партии расширилась, что профсоюзная борьба полностью провалившихся «анархизма и „социализма“ ведет рабочих от одного поражения к другому».⁵⁹ Единственным препятствием на пути к успеху парагвайские коммунисты видели отсутствие средств и рассчитывали, получив достаточное количество пропагандистских материалов, быстро добиться «чрезвычайных результатов, принимая во внимание высокую степень недоверия рабочих как к правительству, так и к буржуазным партиям». ЦК КПП полагался на то, что «Латинский секретариат, а за ним и И.К., изучив латиноамериканский вопрос, заметят нашу партию и постараются помочь всеми средствами», учитывая важную роль, которую Парагвай должен сыграть «в борьбе империализмов». ЦК КПП считал, что эта помощь позволит развивать работу «в должной форме».⁶⁰

Условия, в которых КПП собиралась проводить свою антивоенную работу, были абсолютно неблагоприятными. И надо отдать Кодовилье должное: он вполне адекватно оценил их в анализе положения в Парагвае после своей поездки туда. Только выводы были сделаны Кодовильей и ЮАСКИ неверные. Парагвайское правительство проводило идеологическую обработку общественного мнения под лозунгом «оборонительной» войны, и война в Парагвае сразу же была воспринята как безусловно народная. Это определялось, по мнению Кодовильи, несколькими факторами. Правительство Либеральной партии (разновидности иригойенизма), долгие годы боровшейся против олигархических режимов, располагало поддержкой народных масс. Кампании против Боливии был придан характер антиимпериалистического движения в форме борьбы против американского империализма. Официальная пресса выставляла Боливию непосредственным орудием США, призывая массы встать на защиту страны, которой угрожает иностранное вторжение.⁶¹ Чтобы покончить с внутренней оппозицией, правительство дало широкие гарантии своим политическим противникам, арестованным за участие в провалившихся мятежах, и регулярно заверяло народ в том, что его свобода является неоспоримой константой. Такая идеологическая кампания под лозунгом «священного союза ради защиты родины» позволила правительству добиться поддержки практически всех политических сил страны, в том числе и большинства рабочих организаций, например Лиги морских рабочих. Даже те из них, кто и не занял патриотической позиции (социалисты и анархисты), не оказывали сопротивления подготовке к войне, за исключением индивидуального дезертирства некоторых анархистов.⁶²

Для организации антивоенной пропаганды коммунисты установили контакты с одной из немногих организаций, не принимавших шовинистического угара, царившего в Парагвае, — с действовавшим в Национальном университете анархистским Советом рабочих и студентов, среди руководителей которого были О. Барте и О. Крейдт. Для установления сотрудничества пришлось преодолеть господствовавшее среди членов Совета негативное отношение ко всем политическим партиям. Симпатизируя коммунистическим идеям, Совет не хотел поддерживать отношений ни с компартией Парагвая, ни с Южноамериканским секретариатом Коминтерна. В результате переговоров КПП и Совета был создан смешанный комитет, организовавший антивоенную пропагандистскую кампанию на основе лозунгов, присланных ЮАСКИ, с добавлением ряда требований национального характера.⁶³

Если до наступления нового этапа в деятельности КПП, начавшегося под давлением ЮАСКИ, правительство придавало

партии, как докладывал Кодовилья, «столь малое значение, что фактически „игнорировало” ее, не трогая наших товарищей»,⁶⁴ то теперь власти исправили эту «ошибку», начав наступление против партии, в ходе которого был арестован ряд ее сторонников.⁶⁵ А впоследствии, после подавления восстания 1931 г., возглавлявшегося новыми союзниками коммунистов, правительство развернуло репрессии против оппозиции, в ходе которых коммунистическая партия была практически уничтожена. Возрожденную же после Национальной конференции 1934 г. в Лобосе (Аргентина) КПП возглавили бывшие лидеры анархистов (А. Алькарас, О. Барте, О. Крейдт), что и позволило им впоследствии говорить об основании компартии в 1934 г.⁶⁶

¹ *Campos H.* Panorama del Paraguay. S. l., 1970; Relatorio sobre la actividad enemiga de Oscar Creydt. [S.l.], 1967.

² Руководители КПА решали задачи по координации деятельности коммунистического движения под эгидой Бюро пропаганды Коммунистического Интернационала для Южной Америки. В 1925 г. по решению ИККИ был создан Южноамериканский секретариат Коминтерна (ЮАСКИ).

³ Парагвай // РГАСПИ, ф. 495, оп. 117, д. 2, л. 3. — В материалах Национальной подготовительной конференции III съезда ПКП, «восстановившего историческую правду» об основании партии, базировавшихся на документах архива Коминтерна, говорится о действиях марксистской группы Асунсьона в 1922—1923 гг. и ее борьбе против правительства, «выполняющего роль лакея американского и английского империализма» (*Campos H.* Panorama del Paraguay. P. 205; Relatorio... P. 16).

⁴ Этот день компартия Парагвая считает официальной датой своего основания, хотя коммунистическая активность в стране началась значительно раньше. См.: Из первых рук. Коммунисты и революционные демократы мира рассказывают о своих партиях. Прага, 1988. С. 199.

⁵ A los habitantes de la República. Partido Comunista. Sección paraguaya de la Internacional Comunista // Los Comuneros. Asunción. 1928. 19 de Febrero. — Цит. по: *Петрухин А. А., Чурилов Е. М.* Кебрачо — значит стойкий. М., 1981. С. 9.

⁶ Заявления и информация товарища Лукаса Эвангелисты Ибарролы... из Парагвая. 1928 г. // РГАСПИ, ф. 495, оп. 117, д. 5, л. 1; Протокол № 3 заседания ЦК КПП 27 января 1929 г. // Там же, д. 6, л. 18; Протокол № 4 заседания ЦК КПП 5 февраля 1929 г. // Там же, л. 20.

⁷ Доклад П. Ромо в ИККИ 12 марта 1928 г. // Там же, д. 6, л. 2 об.

⁸ Обращение Секретариата ИККИ к Исполнительному комитету КП Парагвая 19 апреля 1928 г. // Там же, д. 1, л. 2.

⁹ Письмо Ж. Эмбер-Дро Южноамериканскому секретариату Коминтерна 19 апреля 1928 г. // Там же, д. 19, л. 1.

¹⁰ Обращение Секретариата ИККИ к Исполнительному комитету КП Парагвая 19 апреля 1928 г. Л. 2.

¹¹ Письмо Л. Ибарролы Ж. Эмбер-Дро 5 июня 1928 г. // РГАСПИ, ф. 495, оп. 117, д. 6, л. 4—5.

¹² Меморандум [Л. Ибарролы]. 1928 г. // Там же, д. 5, л. 3.

¹³ Письмо ЦК КПП Латинскому секретариату ИККИ 5 июля 1929 г. // Там же, д. 6, л. 39.

¹⁴ Заявления и информация товарища Лукаса Эвангелисты Ибарролы... Л. 1—2.

¹⁵ Письмо Л. Ибарролы Ж. Эмбер-Дро 5 июня 1928 г. Л. 4.

¹⁶ Заявления и информация товарища Лукаса Эвангелисты Ибарролы... Л. 2.

В руководство КПП входили: налоговый инспектор, мелкий торговец, два ремесленника-ювелира, сапожник. Кроме того, в партийной группе столицы были служащий и два студента. По оценке Ибарролы, социальный состав Исполкома соответствовал социальному составу партии (там же, л. 2).

¹⁷ Одним из требований было пролетарское происхождение делегата.

¹⁸ Доклад №4 Южноамериканского секретариата Латинскому секретариату Коминтерна 5 июля 1928 г. // РГАСПИ, ф. 503, оп. 1, д. 19, л. 21.

¹⁹ В случае с КП Эквадора и СРП Колумбии, например, такие условия были предусмотрены резолюцией конгресса (VI Конгресс Коминтерна. Стенографический отчет. Выпуск шестой. Тезисы, резолюции, постановления, воззвания. М.; Л., 1929. С. 174).

²⁰ Доклад №4 Южноамериканского секретариата... Л. 21.

²¹ Протокол заседания Южноамериканского секретариата Коммунистического Интернационала 14 июля 1928 г. // РГАСПИ, ф. 503, оп. 1, д. 21, л. 53.

²² История Латинской Америки. 1918—1945 / Отв. ред. Н.П. Калмыков. М., 1999. С. 239—240.

²³ Письмо секретаря Латиноамериканского секретариата Коминтерна Секретариату КП Парагвая 18 февраля 1929 г. // РГАСПИ, ф. 495, оп. 117, д. 1, л. 5.

²⁴ Письмо Л. Ибарролы Ж. Эмбер-Дро 5 июня 1928 г. Л. 7.

²⁵ Меморандум [Л. Э. Ибарролы]. 1928 г. Л. 3.

²⁶ Подробнее см.: *Кораблева Л. Ю.* Вмешательство Лиги Наций в урегулирование боливийско-парагвайского конфликта 1928—1938 гг. // Латиноамериканский исторический альманах. М., 2000. № 1. С. 133.

²⁷ Протокол №15 заседания ЮАСКИ 19 декабря 1928 г. // РГАСПИ, ф. 503, оп. 1, д. 21, л. 121, 123.

²⁸ Материалы о деятельности партий к ближайшему пленуму. (Для комиссии по подготовке 1-го пункта повестки дня). К.П. Парагвая // Там же, ф. 495, оп. 117, д. 2, л. 16.

²⁹ Там же, л. 19.

³⁰ Протокол № 15 заседания ЮАСКИ 19 декабря 1928 г. Л. 120.

³¹ Письмо ЦК КПП Латиноамериканскому секретариату ИККИ 5 июля 1929 г. Л. 40.

³² Протокол №15 заседания ЮАСКИ 19 декабря 1928 г. Л. 122.

³³ О. Пятницкий в телеграмме выразил надежду, что «Том Аугустин» (условное обозначение ЮАСКИ в секретной переписке) временно поможет КПП до получения ей «тысячи игрушек» из Москвы (РГАСПИ, ф. 495, оп. 117, д. 1, л. 4). Деньги эти, однако, не поступали в Асунсьон, пока КПП возглавлял Ибаррола. Но уже на заседании ЦК, обсуждавшем его отставку, казначей партии Валенсуэла сообщил, что «получил 100 \$ в арг. н.в. (1875 \$ в м. парагвайской в.) от т. Кодовилья в качестве помощи от Аргентинской коммунистической парт. нашей партии», которые было решено использовать на покупку принадлежностей, мебели, издание газеты и аренду помещения для партии (Протокол заседания № 2 ЦК КПП 6 января 1929 г. // РГАСПИ, ф. 495, оп. 117, д. 6, л. 17).

³⁴ Более того, Кодовилья отказался от обязательств материально обеспечить семью Ибарролы (жену и шестерых детей) во время его поездки в Москву. По словам Ибарролы, Кодовилья в течение двух месяцев из пяти не присылал средств, в результате чего «семья чуть не умерла от голода» (Письмо Л. Ибарролы в Коммунистический Интернационал 30 января 1929 г. // РГАСПИ, ф. 495, оп. 117, д. 6, л. 28).

³⁵ Письмо Л. Ибарролы Секретариату Коммунистического Интернационала (январь 1929 г.) // РГАСПИ, ф. 495, оп. 117, д. 6, л. 25.

³⁶ Протокол № 1 заседания ЦК КПП // Там же, л. 14.

³⁷ Там же, л. 15.

³⁸ Письмо Л. Ибарролы в Коммунистический Интернационал 30 января 1929 г. Л. 28.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Письмо Л. Ибарролы Секретариату Коммунистического Интернационала (январь 1929 г.). Л. 27; Письмо Л. Ибарролы в Коммунистический Интернационал 30 января 1929 г. Л. 29.

⁴¹ Письмо ЦК КПП Латиноамериканскому секретариату ИККИ 5 июля 1929 г. Л. 40.

⁴² Письмо Л. Ибарролы Секретариату Коммунистического Интернационала (январь 1929 г.). Л. 27.

⁴³ Стенограмма доклада Ж. Эмбер-Дро в Южноамериканском секретариате об итогах профсоюзной конференции в Монтевидео и о Первой конференции коммунистических партий Латинской Америки. 12 июля 1929 г. // РГАСПИ, ф. 495, оп. 79, д. 53. — Цит. по: Коминтерн и Латинская Америка: Сборник документов. М., 1998. С. 119.

⁴⁴ Протокол № 2 заседания ЦК КПП. 6 января 1929 г. // РГАСПИ, ф. 495, оп. 117, д. 6, л. 15.

⁴⁵ Решение об исключении гласило: «...за абсолютное отсутствие коммунистической дисциплины: трансформацию органа Партии в персональный орган и его присвоение; нарушения решений ЦК; борьбу против ЦК и против Партии» (*La expulsión de Ibarrola // La correspondencia sudamericana*. 1929. N 9. P. 21).

⁴⁶ Письмо ЦК компартии Парагвая в Южноамериканский секретариат Коминтерна 16 февраля 1929 г. // РГАСПИ, ф. 495, оп. 117, д. 6, л. 32.

⁴⁷ *La correspondencia sudamericana*. 1929. N 7, 9, 10, 11.

⁴⁸ Протокол N 2 заседания ЦК КПП. 6 января 1929 г. Л. 15; Протокол № 3 заседания ЦК КПП 27 января 1929 г. Л. 17—18.

⁴⁹ Письмо секретаря Латиноамериканского секретариата ИККИ в Южноамериканское Бюро 11 марта 1929 г. // РГАСПИ, ф. 495, оп. 117, д. 1, л. 6; Проект резолюции по делу Ибарролы, предложенный Латиноамериканским лендер-секретариатом // Там же, л. 8.

⁵⁰ Даже установление контактов не с генеральным секретарем КПП, а с его оппонентами Ж. Эмбер-Дро объяснил предосторожностью Кодовильи в условиях подготовки к войне и полицейской слежки за революционными организациями Парагвая и строго указал, что «было бы ошибкой жаловаться на такие меры элементарной безопасности» (Письмо секретаря Латиноамериканского секретариата ИККИ Секретариату Коммунистической партии Парагвая 18 февраля 1929 г. // РГАСПИ, ф. 495, оп. 117, д. 1, л. 6).

⁵¹ Резолюция Секретариата К.И. по делу Ибарролы // РГАСПИ, ф. 495, оп. 117, д. 1, л. 13.

⁵² Доклад В. Кодовильи о Коммунистической партии Парагвая 18 января 1929 г. // Там же, д. 3, л. 7.

⁵³ Материалы о деятельности партий к ближайшему пленуму... Л. 16.

⁵⁴ Доклад В. Кодовильи о Коммунистической партии Парагвая 18 января 1929 г. Л. 10.

⁵⁵ После Первой конференции компартий Латинской Америки Ж. Эмбер-Дро констатировал, что вся парагвайская партия насчитывала не более нескольких десятков человек.

⁵⁶ Доклад В. Кодовильи о Коммунистической партии Парагвая 18 января 1929 г. Л. 11.

⁵⁷ *Кодовилья В.* Избранные статьи и речи. М., 1970. С. 63—64.

⁵⁸ Цит. по: *Харитонов В. А.* Парагвай: военно-полицейская диктатура и политическая борьба. М., 1970. С. 156.

⁵⁹ Письмо ЦК КПП Латиноамериканскому секретариату ИККИ 5 июля 1929 г. Л. 41.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Так, например, газета «Эль Либераль» писала: «...боливийцы смеются над всем миром, так как им хорошо с янки, вонзившими зубы в нефтяные месторождения парагвайского Чако, предоставляющими им оружие и средства для внедрения на эту территорию для основания там колонии под протекторатом „звездно-полосатого флага“».

⁶² Доклад В. Кодовильи о Коммунистической партии Парагвая 18 января 1929 г. Л. 5—6.

⁶³ Протокол заседания ЦК КПП 5 июля 1929 г. // РГАСПИ, ф. 495, оп. 117, д. 6, л. 43—44.

⁶⁴ Доклад В. Кодовильи о Коммунистической партии Парагвая 18 января 1929 г. Л. 7.

⁶⁵ Письмо ЦК КПП Латиноамериканскому секретариату ИККИ 5 июля 1929 г. Л. 40—41.

⁶⁶ См.: Коммунистический Интернационал перед VII Всемирным конгрессом: (Материалы). М., 1935. С. 407; *Campos H. Panorama del Paraguay*. P. 207.

Н. Л. КОРСАКОВА

ДЕ ГОЛЛЬ И КУБИНСКИЙ КРИЗИС 1962 г.

Став в 1958 г. президентом Франции, Шарль де Голль радикально изменил курс внешней политики своей страны, стремясь усилить ее роль на международной арене. Внешняя политика при де Голле стала фактически сферой деятельности исключительно президента Республики. Она практически не обсуждалась в правительстве, важные решения в этой области принимались без одобрения парламента.

Краеугольным камнем внешнеполитического курса де Голля явилась идея национальной независимости, а также принципы самостоятельной национальной обороны и свободной системы союзов с учетом существующих международных отношений. Большое значение придавалось усилению роли Франции в Атлантическом блоке и предоставлению ей равных с США и Великобританией прав в этой организации. По мнению де Голля, существовавшая система обороны НАТО лишала Францию независимости, так как «в соответствии с ней Вашингтон распоряжался обороной, как следствие — политической и даже территорией своих союзников».¹ Исходя из этих соображений, де Голль приступил к осуществлению политики неуклонного сокращения участия Франции в военной организации НАТО: из-под командования Атлантического союза был выведен французский средиземноморский флот, американцам было запрещено держать на территории Франции атомные бомбы и строить установки для запуска ракет. Во-

преки прежним соглашениям Франция отказалась передавать под командование НАТО французские соединения, выведенные из Северной Африки. Под французское командование вернулись войска противовоздушной обороны, была создана система контроля за полетами военных самолетов над территорией Франции.

Предложенная де Голлем реорганизация системы коллективной безопасности была отвергнута союзниками по НАТО, что дало основание Франции принять решение об активизации работ по созданию собственных ядерных сил. По мнению де Голля, превращение Франции в ядерную державу позволило бы ей возглавить борьбу за освобождение Европы из-под влияния США.

Де Голль придавал особое значение проведению своего политического курса в Европе, независимого от диктата США. Он категорически отказался от принципа наднациональности в международных делах, на основе которого лидеры Четвертой Республики пытались строить объединенную Европу и который президент считал «подчинением Франции чужим законам». Де Голль был убежден, что объединение Европы возможно только на основе сохранения национальных государств.

Среди европейских проблем более других де Голля занимал германский вопрос. И тут у него имелись серьезные разногласия с США, что оставалось характерным для франко-американских отношений в течение длительного времени. Об основах своего подхода к германской проблеме президент откровенно высказался советскому послу С. А. Виноградову. «Французы, — говорил ему де Голль, — не хотят сильной Германии, прекрасно понимая, что такая Германия будет неизбежно милитаристским и реваншистским государством. Исходя из этого, Франция не желает объединения Германии и создания единого германского государства».² Такая позиция радикально отличалась от позиции США, которые были готовы вести переговоры с СССР по тем вопросам, которые де Голль не считал возможным даже обсуждать с советскими руководителями, — по вопросу о возможности заключения мирного договора с Восточной Германией и изменению статуса Западного Берлина.

Надо сказать, что с самого начала непросто складывались личные отношения де Голля с Кеннеди. Во-первых, сказывалась давняя неприязнь де Голля к американцам за их стремление навязывать свою политику европейским странам. Об этом позднее сам де Голль писал в «Мемуарах надежды»: «В каждом случае, когда Кеннеди мне что-либо предлагает, — он предлагает это в порядке участия в его действиях. В ответ он

от меня слышит, что Париж безусловно готов к обсуждению о согласованности действий с Вашингтоном, но все, что делает Франция, она действует как хозяйка своей политики».³ Во-вторых, 70-летний опытный политик, де Голль довольно скептически относился к избранному в 43 года президенту США Кеннеди, распространяя на него свою неприязнь к его отцу Джозефу Кеннеди, послу США в Лондоне, которого де Голль невзлюбил со времен войны.

Вместе с тем Франция сохраняла членство в НАТО и не отказывалась от союзнических обязательств. Верность союзническому долгу она продемонстрировала в период кубинского ракетного кризиса 1962 г., который явился апогеем холодной войны.

Несмотря на то что Куба находилась на периферии французской политики и ракетный кризис не затрагивал непосредственно интересов Франции, ее позиция не была нейтральной. Открытая для исследователей по истечении 30-летнего срока секретности переписка МИД Франции свидетельствует, что донесения французских дипломатов в период кризиса служили важным источником информации для госдепартамента США и ЦРУ. Особую важность этот источник информации приобрел для Вашингтона, после того как Соединенные Штаты 4 января 1961 г. разорвали дипломатические отношения с Кубой. Франция же, несмотря на давление США, сохранила свои отношения с Кубой, и в период кризиса американцы только от этого выиграли. В противном случае они не получали бы столь ценной информации в то время, когда они в этой информации крайне нуждались.⁴

Соединенные Штаты в свою очередь не спешили делиться информацией с союзниками. Об установке на Кубе ядерных ракет де Голль узнал лишь в разгар кризиса от эmissара американского президента Кеннеди. Дин Ачесон, бывший госсекретарь США, прибыл 22 октября в Париж с секретной миссией. Рассказ Ачесона о его визите к де Голлю записан и хранится в архиве Джона Кеннеди. Американский историк Джеймс Чейс приводит его в своем исследовании.⁵

«На следующий день, в понедельник,⁶ встал вопрос о том, как встретиться с де Голлем. Ачесон предложил, чтобы Лайон⁷ сказал главе кабинета, что Ачесон приехал в город в полночь с очень важной секретной миссией к президенту Франции по поручению президента США. Лучше всего было бы, если бы никто не знал, что он находится во французской столице.

В 5 часов вечера служебный автомобиль прибыл за Ачесоном, Лайоном и Шерманом Кентом,⁸ чтобы доставить их в Елисейский дворец. Оказавшись в дворцовом дворе, они не поднялись по главной лестнице, а прошли к боковому входу,

где их провели через извилистые проходы, мимо винных чуланов и стальных дверей с маленькими „глазками” в них.

На полпути лабиринта Кент сказал Ачесону: „Д'Артаньян, Ваша рапира наготове?”

Ачесон ответил: „Да, Портос”. И добавил: „Будьте готовы. Люди кардинала могут нас поджидать”.

У кабинета президента Ачесону сказали, что генерал примет только его и переводчика Сесилия Лайона. Когда они вошли в личный кабинет, держа в руках фотографии, де Голль стоял слева от письменного стола и приветствовал их: „Ваш президент оказал мне великую честь, послав такого выдающегося эмиссара”.

Ачесон передал ему письмо от Кеннеди и текст речи президента, которая должна была быть произнесена примерно через 8 часов и призвана была информировать американский народ о советских ракетах на Кубе и о намерении провозгласить блокаду. После того как де Голль прочитал бумаги, — а его умение читать по-английски было превосходным, — он сказал: „Правильно ли я понимаю, что Вы приехали информировать меня о решении, принятом президентом? Или Вы приехали посоветоваться со мной о решении, которое он намерен принять?” Ачесон объяснил, что он приехал только для того, чтобы его информировать. „Я за независимые решения”, — сказал де Голль. Затем Ачесон предложил показать ему фотографии. „Не нужно, не сейчас”, — сказал генерал. „Это неопровержимое доказательство, а великие нации, такие как Ваша, не предпринимают серьезных шагов, если нет бесспорных оснований. Позднее было бы интересно посмотреть эти фотографии, и я посмотрю их потом”.

Де Голль спросил: „Не думаете ли Вы, что русские попытаются ответить силой на блокаду?”

Ачесон ответил: „Нет, я не думаю”.

Затем генерал спросил: „Не думаете ли Вы о том, что они сразуотреагируют, если Ваш президент предпримет более резкие действия?”

Ачесон ответил: „Нет, я не думаю, что они это сделают”.

Де Голль согласился. Оба они считали, что русские не ответят блокадой Берлина и не предпримут каких-либо акций в отношении американских ракетных баз в Турции.⁹

Затем генерал задал более трудный вопрос: „Предположим, они не предпримут ничего. Предположим, что они не попытаются разорвать блокаду. Предположим, что они не уберут ракеты. Что тогда предпримет президент?”

Никто в Вашингтоне не уполномочивал Ачесона отвечать на такой вопрос. У него не было представления о том, существовал ли какой-либо план. Но он считал неблагоприятным

ным позволить де Голлю считать, что у американцев нет ясного представления относительно следующей стадии своих действий. Поэтому он сказал: „Мы немедленно ужесточим блокаду”.

Де Голль кивнул. „Это очень хорошо”. Ачесон в заключение добавил: „Если мы должны идти дальше, что ж, конечно, мы пойдем дальше”.

Затем они начали рассматривать фотографии при помощи увеличительного стекла, так как у де Голля было слабое зрение. Фотографии произвели на него глубокое впечатление. Они были получены с высоты 65 тыс. футов. „Это потрясающе! — воскликнул он. — Это потрясающе!” Когда они закончили, де Голль с легкостью произнес: „Вы можете передать Вашему президенту, что Франция поддержит его во всех отношениях в этом кризисе”.

Провожая Ачесона до дверей, он произнес единственную за весь разговор фразу по-английски: „Мне было бы приятно, если все это было бы передано Вами лично”.

Известный французский историк Морис Вайс не без иронии прокомментировал рассказ Ачесона о визите к де Голлю. «Рассказ, — пишет Вайс, — весьма живописен и содержит элементы романов разных эпох и жанров — шпионского (секретная атмосфера, человек из ЦРУ), „плаща и шпаги” (подвал Елисейского дворца, думается, Ачесон взял из романа Александра Дюма) и Великого Века (напоминает визит посла турецкого султана к Людовику XIV)».¹⁰ Французский исследователь не подвергает, однако, сомнению достоверность рассказа. Он пишет: «Дипломат Клод Лебель, который играл роль переводчика, подтвердил нам, что отчет, сделанный Дином Ачесоном, верен по сути и буквально».¹¹ «Официальный отчет французской стороны несколько отличается, — продолжает Вайс. — До сих пор он был известен из двух источников — Жана Лакютюра (De Gaulle. Т. III. Р. 364—365) и Этьена Бурэн де Розьера (Retour aux sources. Р. 135). Последний, хотя и не присутствовал на переговорах, но был вызван сразу же после них в кабинет де Голля».¹²

Рассказ Ачесона о реакции де Голля подтверждает Чарлз Болен, в то время только что назначенный послом США во Франции. В своих мемуарах он вспоминает: «В субботу утром¹³ я был принят генералом де Голлем и французским министром иностранных дел Кув де Мюрвиллем, которого я знал в течение многих лет. После нескольких вступительных замечаний, которыми обмениваются обычно в таких случаях, о поддержании дружеских отношений де Голль усадил меня на диван и сел сам. Он дал мне те же самые заверения, которые он уже дал Ачесону, что Франция будет вместе с Соединенными Шта-

тами в случае войны. Эти заверения, которые я передал президенту, никогда не были обнародованы де Голлем».¹⁴

Эрве Альфан, бывший во время кубинского кризиса послом Франции в США, вспоминал, что еще в субботу, 20 октября, Роберт Кеннеди «не скрывал своей тревоги», а сам Альфан предчувствовал «что-то важное, даже тяжелое». Той же ночью Альфан созвонился с Рестоном.¹⁵ «Методом исключения мы пришли к выводу, — пишет Альфан, — что причиной тому Куба, возможно прибытие туда большого конвоя с советским оружием. Мы были недалеко от истины, и я мог бы телеграфировать той же ночью в Париж на сорок восемь часов раньше моих коллег».¹⁶ Альфан не сделал этого, и «де Голль узнал о советской угрозе, исходящей с Кубы, от Ачесона, которого Кеннеди специально направил к нему, в понедельник 22 октября, в день, когда президент произнес свою речь, из которой мир узнал о блокаде Кубы».

Реакция де Голля была, по мнению Альфана, «превосходной». «Я констатирую, что Вы меня ни о чем не спрашивали, что Вы не советовались со мной. Я одобряю твердую политику Вашего президента. Я понимаю, что, когда великой державе угрожают, она использует все свои силы, чтобы себя защитить. Тем не менее всеобщей атомной войны не будет. Но если она разразится, Франция будет рядом с Соединенными Штатами в соответствии с подписанными ею обязательствами по Атлантическому пакту».¹⁷

Нетрудно заметить, что дневниковая запись французского дипломата почти дословно воспроизводит рассказ Ачесона. По-видимому, Альфан получил соответствующую информацию из Парижа. Во всяком случае 23 октября МИД Франции направило Альфану телеграмму за подписью генерального секретаря МИД Эрика де Карбоннеля и с пометками «только для посла» и «для других адресатов — только для личной информации послу». В телеграмме говорилось: «Президент Республики принял днем 22 октября Дина Ачесона, прибывшего от президента Кеннеди с тем, чтобы информировать, какие решения последний вынужден принять в вопросе о Кубе и которые он только что огласил в своей речи, адресованной американскому народу. Ачесон заявил также, что американское правительство собирается незамедлительно проинформировать об этих мерах и просить Совет Безопасности санкционировать уничтожение ракет под контролем ООН. Президент Республики... заявил, что он понимает и считает нормальными меры, которые американское правительство сочло необходимым принять для обеспечения собственной безопасности. Поддержите же Ваших американских коллег при обсуждении вопроса в Совете Безопасности».¹⁸

В официальном издании французского правительства имеется лишь краткое сообщение о том, что «Вашингтон направил союзникам официальные сообщения и Дин Ачесон был уполномочен отправиться в Париж, чтобы объяснить ситуацию генералу де Голлю, а также Атлантическому пакту». О реакции де Голля не сказано ни слова.¹⁹

Таким образом, несмотря на имеющиеся серьезные разногласия с союзниками, Франция продемонстрировала свою верность Атлантическому сообществу в период кубинского кризиса 1962 г. По его завершении государственный секретарь США Дин Раск посетил Париж и от имени президента США выразил благодарность де Голлю и министру иностранных дел Кув де Мюрвиллю за поддержку во время кризиса. Бурэн де Розьер записал в своих мемуарах, что «незамедлительная и решительная поддержка со стороны Франции произвела на Вашингтон большое впечатление. Франция показала себя образцовым союзником».²⁰

Позиция, занятая де Голлем в кубинском кризисе, не изменила, однако, основной тенденции внешней политики Франции, — политики, направленной на выход из-под влияния НАТО. Именно в результате кризиса президент принял решение о необходимости вывода американских войск с территории Франции. Более того, президент использовал кубинский кризис как аргумент в пользу защиты идеи о самостоятельной европейской обороне.

¹ *Gaulle Ch. de. Memoir d'espoir. Le Renouveau. 1958—1962. Paris, 1970. P. 212.*

² Запись беседы с президентом Французской республики генералом де Голлем. 13 июля 1961 г. // Архив внешней политики Российской Федерации, ф. 0136 (референтура по Франции), оп. 51, кор. 6, п. 287, л. 34—41.

³ *Gaulle Ch. de. Memoir d'espoir... P. 268.*

⁴ Подробнее об этом см.: *Корсакова Н. Л.* Кубинский кризис 1962 года в донесениях французского посла на Кубе Робера дю Гардые // *Россия в XIX—XX вв.: Сборник статей к 70-летию со дня рождения Рафаила Шоломовича Ганелина.* СПб., 1998. С. 370.

⁵ Рассказ Ачесона находится в коллекции «*Oral History*» Библиотеки Джона Ф. Кеннеди в Кембридже (Массачусетс). Приводится по: *Chace J. Acheson. The Secretary of State Who Created the American World. New York, 1998. P. 402—403.*

⁶ 22 октября 1962 г.

⁷ Сесил Лайон — сотрудник госдепартамента США, переводчик.

⁸ Сотрудник Бюро информации ЦРУ.

⁹ Речь идет о том, что ранее США разместили свои ракеты на территории Турции, граничащей с СССР. Подробнее об этом см.: *Фурсенко А. А.* Турецкие ракеты в кубинском кризисе // *Россия в XIX—XX вв. С. 376—386.*

¹⁰ *Vaïsse M. Une hirondelle ne fait pas le printemps. La France et la crise de Cuba // L'Europe et la crise de Cuba. Paris, 1993. P. 94.* — По мнению М. Вайса, легкость, с которой де Голль принял решение о поддержке США, могла простекать из уверенности де Голля в том, что кубинский кризис не приведет к войне.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid. — Бурэн де Розьер — в то время глава администрации президента.

¹³ 27 октября 1962 г. Болен вручил де Голлю верительные грамоты.

¹⁴ *Bohlen Ch. E. Witness to History: 1929—1969.* New York, 1973. P. 404.

¹⁵ Джеймс Рестон — ведущий обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс».

¹⁶ Подробнее об этом см.: *Корсакова Н. Л.* Джон Кеннеди на страницах дневника Эрве Альфана // Проблемы всемирной истории. Сборник статей в честь Александра Александровича Фурсенко. СПб., 2000. С. 62.

¹⁷ *Alphan H. L'étonnement d'être.* Journal (1939—1973). Paris, 1977. P. 388.

¹⁸ МИД — Альфану. Телеграмма № 17731/32. 23 X 1962 // *Archives du Ministère des Affaires Etrangères.* 4-2-3 Cuba.

¹⁹ *L'Année politique.* 1962. *Revue chronologique diplomatique, économique et sociaux de la France du 1er janvier au 31 décembre 1962.* Paris, 1963. P. 552.

²⁰ *Burin de Rosiers E.* 1962. *L'anne décisive.* Paris, 1985. P. 136.

И. А. ЦВЕТКОВ

ТАЙВАНЬСКИЙ КРИЗИС 1995—1996 гг. И ПОЛИТИКА США

Еще задолго до того как я стал задумываться над тем, что представляет собой наука история, как, зачем и ради чего ею следует заниматься, Юрий Васильевич Егоров в моих глазах эту историю олицетворял. Неудивительно, что впоследствии, сталкиваясь с новой теорией, методикой или подходом к изучению и преподаванию истории, я всегда невольно сравнивал их с тем, что делал Юрий Васильевич.

Для Юрия Васильевича в истории был прежде всего важен сюжет. Он обладал удивительным чутьем на драму, накал страстей — умел находить их там, где большинство людей не усматривали ничего мало-мальски интересного и занимательного. В начале 1990-х гг., когда я слушал его курс новейшей истории, ему удавалось собирать полную аудиторию и буквально зачаровывать студентов лекциями по истории международного коммунистического движения — теме в то время, мягко говоря, немодной. Юрий Васильевич всегда уделял огромное внимание деталям. Фантастическая память позволяла ему за три часа, пока шла спаренная лекция, воспроизводить сотни имен, цифр, дат — и ничто не выглядело лишним. Я помню, как мы пытались «уличить» профессора Егорова в неточности, специально залезали в справочники и энциклопедии — безрезультатно.

Списки литературы к своим курсам Юрий Васильевич всегда начинал с художественных произведений. Несколько раз он приносил на лекции книги любимых авторов, иногда не удерживался и, начав с короткой цитаты, зачитывал целые страницы. Чаще всего

это были сочинения И. Эренбурга, Л. Фейхтвангера, Х. Фаллады. Видно было, что для Юрия Васильевича литература и история существуют, как бы переливаясь друг в друга. Однако в романах и кинофильмах Юрий Васильевич искал прежде всего эмоциональную правду о прошлом, ни в коем случае не пытаясь подменить исторические факты художественными образами.

Историография новейшей истории в изложении Юрия Васильевича оказывалась ничуть не менее занимательной и интригующей, чем сама история. Идеи, теории, многотомные монографии и их авторы становились действующими лицами грандиозного спектакля. После лекций в библиотеке образовывалась очередь, хотя иногда тех, кто первым успевал заказать монографию, о которой рассказывал профессор Егоров, ждало жестокое разочарование — воочию автор не дотягивал до уровня интерпретации.

Довольно популярен тезис о том, что история как наука в отличие от математики, физики и прочих «точных» дисциплин значительно сильнее привязана к личности ученого. И уход настоящего историка невосполним не только в человеческом, но и в научном смысле. В случае с Юрием Васильевичем Егоровым это представляется бесспорным. Его стиль исторического мышления был возможен лишь в сочетании с особым даром, который был у него и который ничем нельзя заменить.

Со времени возникновения тайваньской проблемы Соединенные Штаты неоднократно меняли курс своей политики по отношению к Китаю и Тайваню, но основа американского подхода (заключающаяся в обеспечении гарантий существования фактически самостоятельного правительства «Китайской республики на Тайване») оставалась неизменной. Именно поэтому тайваньская проблема пережила «холодную войну» и остается сегодня одним из пунктов напряженности в мировой политике.

К началу 1990-х гг. Соединенным Штатам удалось добиться некоторой стабилизации ситуации вокруг Тайваня с помощью так называемой «политики стратегической неопределенности». Суть этой политики заключалась в нескольких моментах: в особом механизме отношений США с двумя соперничающими режимами (в официальном признании КНР и отказе от дипломатических контактов с Тайванем при сохранении в полном объеме культурных, торговых, экономических отношений с островом); в воздержании от прямого вмешательства в ход отношений между материковым Китаем и Тайванем («тайваньская проблема должна быть разрешена самими китайцами»¹); в констатации заинтересованности США в мирном способе решения

китайско-тайваньского спора;² в законодательных гарантиях безопасности Тайваня (в законе об отношениях с Тайванем 1979 г. угроза Тайваню приравнивалась к угрозе интересам США в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), хотя решение о наличии угрозы и мерах для ее ликвидации американский президент должен был принимать на основе оценки конкретной ситуации, а не исходя из однозначных, четко оформленных обязательств. Кроме того, закон фиксировал право США снабжать Тайвань оружием защитного характера).³

Кризис 1995—1996 гг., затронувший как китайско-тайваньские, так и американско-китайские отношения, явился результатом изменения политической ситуации на Тайване, в Китае, в мировой системе международных отношений, а также новых ориентиров во внешней политике США.

Влияние деформаций глобальной системы отношений после окончания «холодной войны» проявилось здесь в опосредованном виде, прежде всего через изменившуюся оценку перспектив развития АТР руководством США и КНР. Китай, опираясь на бурный экономический рост, в 1990-е гг. стал активно наращивать свой военный потенциал, явно бросая вызов американскому лидерству в регионе. Выбор варианта реакции на подобные действия Пекина превратился в важнейшую задачу для Вашингтонских политиков. Администрация президента Б. Клинтона предложила в качестве способа противодействия китайским амбициям так называемую «политику вовлечения». Эта политика стала проводиться с 1993 г. и была нацелена на расширение участия Китая в жизни мирового сообщества, что должно было, по замыслу ее авторов, привести в конечном счете к выгодной для США корректировке поведения пекинских лидеров, причем не только на международной арене, но и внутри страны.⁴ Естественно, что «вовлечение» Китая требовало значительного укрепления американско-китайских отношений, серьезно пострадавших в результате событий 1989 г. на площади Тяньаньмэнь.

Как часто бывало и раньше, на пути роста взаимопонимания между Вашингтоном и Пекином встала тайваньская проблема. Однако теперь ситуация осложнялась некоторыми существенными переменами, произошедшими на Тайване.

В первую очередь здесь конечно следует отметить влияние радикальных политических реформ на Тайване, которые привели к превращению политической системы острова из жестко-авторитарной в либерально-демократическую. Этот процесс имел несколько основных последствий для развития ситуации вокруг тайваньской проблемы.

1. Тайваньские сепаратисты получили возможность легальной политической деятельности, участия в выборах; ими бы-

ло создано несколько политических партий, одна из которых, Демократическая прогрессивная партия (ДПП), с начала 1990-х гг. завоевывала на выборах неизменно высокую поддержку избирателей. По итогам декабрьских выборов 1995 г. в Законодательный юань (так называется тайваньский парламент) правящий гоминьдан получил в нем 85 мест из 164, ДПП — 54 места, 21 место досталось Новой партии, которая выступает за ускорение процесса воссоединения Тайваня с материком.⁵ Ничто на Тайване теперь не могло формально воспрепятствовать приходу к власти сепаратистов в случае их победы на свободных парламентских или президентских выборах. В результате любые подобные выборы теперь означали резкое повышение напряженности отношений через пролив и как следствие этого возрастание значимости явно выраженной или подразумеваемой, прогнозируемой, политики Соединенных Штатов.

2. Изменилась официальная политика Тайваня по отношению к Китаю. В мае 1991 г. Тайбэй официально признал существование КНР как особого политического режима, осуществляющего фактический контроль над материковой территорией Китая. В связи с этим лозунг «возвращения на материк» силовым способом был отвергнут. Взамен на Тайване приняли «Программу национального объединения», в которой говорилось о возможности и желательности воссоединения Китая, но только в отдаленном будущем, после либерализации и демократизации политической жизни на материке.⁶ Пока же тайваньские власти стали постепенно ослаблять (но не снимать совсем) существующие запреты на культурные, торговые и экономические связи Тайваня с материком. Очень быстро это привело к тому, что тайваньские инвестиции превратились в главный внешний источник капиталовложений в экономику КНР (ок. \$ 20 млрд к 1995 г.), и заинтересованность тайваньцев и материковых китайцев в двухсторонних контактах резко возросла, подчас отводя на второй план сдерживающие факторы политического характера.

3. Тайбэйские лидеры сочли благоразумным изменить старую внешнеполитическую установку, которая предписывала Тайваню отказываться от каких бы то ни было отношений с теми государствами, которые официально признают КНР. Президент Ли Дэнхуэй, вступивший на этот пост в январе 1988 г., провозгласил о начале проведения так называемой «прагматической дипломатии», которая была направлена на «возвращение Тайваня в мировое сообщество в качестве полноправного его члена».⁷ Тайваньские лидеры решили использовать имеющиеся у Тайваня козыри в виде мощной экономики, развивающейся демократии, статуса «обиженного и оскорбленного»

для привлечения на свою сторону симпатий всего мира, а не только своего старого друга, Соединенных Штатов. Основной задачей в рамках «прагматической дипломатии» были названы восстановление членства Тайваня в ООН и других международных правительственных организациях, а также борьба за установление дипломатических контактов с максимально большим количеством стран. Среди методов проведения этой новой политики особое место занимала так называемая «отпускная дипломатия», когда тайваньские лидеры разъезжали по всему миру во время своего отпуска в статусе частных лиц, избегая таким образом обвинений Пекина в адрес принимающей стороны, что она нарушает обещания, данные во время установления дипломатических отношений с КНР. Надо заметить, что подобные уловки помогали мало, и Пекин все последние годы не устал клеймить «клику Ли Дэньхуэя» за тайное стремление «отвратить неминуемое воссоединение страны с помощью навязывания мировому сообществу политики «двух Китаев».⁸ Так или иначе, повышение активности Тайваня на международной арене вносило очень серьезный дисбаланс в устоявшуюся трехстороннюю систему отношений США—КНР—Тайвань.

К началу 1995 г. накопившиеся противоречия еще не вышли на поверхность. 30 января 1995 г. китайский президент Цзян Цземинь выступил с очередным предложением к тайваньскому руководству («8 пунктов»), в котором призывал ускорить процесс воссоединения Китая на основании формулы «одна страна — две системы».⁹ Хотя тайваньский президент и отказался пойти навстречу китайскому лидеру в этом вопросе,¹⁰ «неофициальные» отношения между сторонами пролива активно развивались, на июль 1995 г. была намечена встреча лидеров двух неправительственных агентств по связям острова с материком (вторая в истории, первая состоялась в апреле 1993 г.).

Со стороны американской администрации в сентябре 1994 г. был сделан очевидный реверанс в сторону Пекина — в обнародованном госдепартаментом «Обзоре тайваньской политики» содержалось обещание не принимать в США официальных лиц с Тайваня.¹¹

Однако весной 1995 г. ситуация осложнилась, и причиной тому как раз и послужил намечавшийся на июнь визит Ли Дэньхуэя в США (тайваньский президент собирался принять участие в торжествах по поводу юбилея Корнельского университета, где он в 1968 г. получил докторскую степень). Первоначально президентская администрация в соответствии с «Обзором тайваньской политики» отказала Ли в выдаче визы. Но в начале мая в палате представителей и сенате американского конгресса были приняты резолюции, требующие

впустить Ли Дэнхуэя в страну. В силу того что за подобное решение проголосовало подавляющее большинство конгрессменов (лишь один голос «против» в сенате, единогласно — в палате представителей), администрация вынуждена была свой запрет отменить и выдать визу тайваньскому лидеру. 9 июня 1995 г. он нанес «частный» визит в США.¹²

Реакция Пекина была чрезвычайно острой. В КНР опасались, что в случае успеха визита Ли Дэнхуэя и остальные страны по примеру США могут начать принимать у себя официальных лиц с Тайваня с вытекающей из этого угрозой приобретения им независимого статуса. Для предотвращения подобного развития событий китайские политики начали действовать по двум направлениям: во-первых, оказывать давление на США, во-вторых, — на Тайвань. Из Вашингтона был отозван китайский посол (США ответили на это отзывом своего посла из Пекина), были отменены намечавшиеся обмены делегациями высокопоставленных военных. Через месяц американский госсекретарь Уоррен Кристофер говорил об американо-китайских отношениях как о «находящихся в состоянии свободного падения».¹³

В отношении Тайваня первым делом была отменена намечавшаяся встреча лидеров организаций по связям через пролив. В китайской прессе началась кампания острой критики Ли Дэнхуэя. А 18 июля впервые было объявлено о намерении провести военно-морские учения в окрестностях Тайваня. Впоследствии до 23 марта 1996 г. — дня президентских выборов на Тайване — было проведено несколько серий таких учений, каждый раз все ближе и ближе к тайваньским берегам (в марте 1996 г. китайские военные производили учебные запуски боевых ракет в 30 км от второго по значимости тайваньского порта Гаосюн и на таком же расстоянии от тайваньской столицы Тайбэя; учения проводились одновременно у северной и южной оконечностей острова, при этом фактически отрабатывались детали операции по полной блокаде Тайваня).¹⁴ Один раунд учений был приурочен к декабрьским выборам в Законодательный юань. Несмотря на тревожную обстановку, выборы состоялись и принесли вполне ожидаемые результаты (см. выше). В целом можно сказать, что, кроме непродолжительного падения курса акций и перебоев в осуществлении торговых коммуникаций (Тайвань в 1995 г. находился на 14-м месте в мире по объему торговли), никаких практических последствий для тайваньской экономики проводимые Китаем учения не имели.

На первой стадии кризиса, до его непосредственной увязки с президентскими выборами на Тайване, представители клин-тоновской администрации даже не упоминали о возможности

военного вмешательства для ликвидации угрозы Тайваню. Напротив, основные усилия Белого дома были направлены на восстановление и стабилизацию американо-китайских отношений. Уже в августе 1995 г. была достигнута договоренность о возвращении послов. В октябре того же года Цзян Цземинь и Б. Клинтон встретились для проведения двухчасовой беседы в ходе празднования 50-летия ООН в Нью-Йорке.

Однако 10 марта 1996 г., после того как были обнародованы планы китайского руководства о проведении широко-масштабных учений вблизи Тайваня накануне и во время проведения там президентских выборов, У. Кристофер и несколько других высокопоставленных чиновников президентской администрации выступили с жестким осуждением действий Пекина. Госсекретарь Соединенных Штатов назвал их «безрассудными» и объявил о решении направить подразделения американского 7-го флота в район проведения учений для предотвращения возможной эскалации напряженности. 11 марта Б. Клинтон лично разъяснил американскую политику и отдал приказ о дополнительном усилении американской военно-морской группировки. Из слов президента и из других официальных комментариев следовало, что целью шагов Белого дома было более четкое обозначение рамок «политики стратегической неопределенности», предотвращение возможного просчета со стороны китайских лидеров, если бы они подумали, что своим бездействием Вашингтон фактически дает санкцию на силовой вариант воссоединения Китая.¹⁵

Выборы 23 марта прошли без серьезных эксцессов, хоть и под гром китайских пушек. Президентом снова был избран Ли Дэньхуэй, на этот раз всенародно. Несмотря на ожесточенную критику в адрес тайваньского лидера, для Пекина его избрание было меньшим злом, нежели избрание его соперника, кандидата от сепаратистской ДПП. Учения у тайваньских берегов прекратились в срок и больше не возобновлялись.

Кризис 1995—1996 гг. наглядно продемонстрировал вашингтонской администрации, насколько острой остается тайваньская проблема и какую значительную деструктивную роль она может сыграть в развитии американо-китайских отношений. Учитывая новые тенденции во внешней и внутренней политике Тайваня, в дальнейшем можно было ожидать только усиления дестабилизирующего воздействия тайваньского фактора. Однако оценка ситуации американскими политиками, экспертами, комментаторами очень сильно зависела от тех базовых принципов, из которых они исходили, рассматривая американо-китайские отношения. Если эти принципы содержали в себе «мягкий» подход к Китаю, то стремящийся к независимости Тайвань представлял источником проблем. В слу-

чае предпочтения жесткой позиции, не «вовлечения», а «сдерживания» Пекина, проблемой становился сам Китай, а Тайвань превращался в передовое, демократическое государство, несправедливо лишаемое полагающегося ему статуса в международном сообществе. Надо сказать, что в целом после кризиса 1995—1996 гг. в администрации Клинтона возобладал первый вариант подхода к тайваньской проблеме, хотя быстрого и однозначного разрыва со старым островным союзником и не произошло.

Такой подход проявился в нескольких практических шагах. Во-первых, Вашингтон продемонстрировал стремление активно развивать отношения с Пекином. В октябре 1997 г. и в июле 1998 г. состоялись две официальные встречи на высшем уровне между Цзян Цземинем и Б. Клинтон. Во-вторых, Соединенные Штаты предприняли попытку отойти от политики невмешательства в процесс развития отношений Тайваня с материком, и в январе 1998 г. несколько отставных чиновников клинтоновской администрации (Дж. Най, Р. Холбрук, В. Перри) были направлены на Тайвань с целью склонения тайбэйского руководства к скорейшему возобновлению переговоров с Китаем. И наконец, во время своего визита в КНР в июле 1998 г. Б. Клинтон сделал заявление, характеризующее современный подход США к тайваньской проблеме, который получил известность под названием «политики трех нет». В ходе встречи с китайской интеллигенцией в Шанхае Клинтон сказал, что Соединенные Штаты не будут поддерживать независимость Тайваня, политику «двух Китаев» или «одного Китая, одного Тайваня», а также членство Тайваня в международных правительственных организациях.¹⁶

Все эти действия Белого дома вызвали бурные протесты со стороны противников «мягкого» подхода к Китаю, причем центром оппозиции Б. Клинтону в этом вопросе, как и во многих других, стал американский конгресс. Резолюции в поддержку Тайваня в большинстве случаев принимались там единогласно или подавляющим большинством голосов, т. е. и конгрессмены-демократы голосовали против политики, проводимой президентской администрацией.¹⁷

Оценивая современную ситуацию, можно констатировать, что никаких кардинальных сдвигов в политике США по отношению к тайваньской проблеме после кризиса 1995—1996 гг. не произошло. Начало в 1998 г. американо-японского сотрудничества по разработке и сооружению регионального комплекса противоракетной обороны, охватывающего радиус 3000 км от Токио, еще раз подтверждает факт сохранения обязательств США по обеспечению безопасности Тайваня. Таким образом, кризис 1995—1996 гг. лишь стимулировал процесс поиска но-

вых способов стабилизации ситуации вокруг Тайваня, но не привел к резким движениям в американской политике, способным разрубить «гордиев узел» тайваньской проблемы раз и навсегда.

¹ The Joint U.S.-China Communiqué, Shanghai, February 27, 1972 // American Institute on Taiwan (<http://ait.org.tw/shanghai.html>).

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Betts R. Wealth, Power and Instability: East Asia and the United States after the Cold War // International Security. Winter 1993/94. Vol. 18, N 3.

⁵ Taiwan Communiqué. January 1996. N 69 // New Taiwan, Ilha Formosa: The Homepage for Taiwan's History, Present and Future // <http://www.taiwandc.org/twcom/69-no1.htm>.

⁶ Guidelines for National Unification // Republic of China Government Information Office // <http://www.gio.gov.tw/info/yb97/html/ch7.htm>.

⁷ Lee Teng-hui. The Taiwan Experience and China's Future: Address to the American Chamber of Commerce in Taipei and the American University Club // The Office of the President of the Republic of China // <http://www.oop.gov.tw/presid/statment/abroad/eabroad.htm>.

⁸ Ранний образец подобной критики см.: *Jing Wei*. Overstretched: Taiwan's «Elastic Diplomacy» // Beijing Review. 1989. N 4. April 3—9.

⁹ Taiwan Communiqué. April 1995. N 65 // <http://www.taiwandc.org/twcom/65-no2.htm>.

¹⁰ Taiwan Communiqué. June 1995. N 66 // <http://www.taiwandc.org/twcom/66-no4.htm>.

¹¹ См.: Testimony of Assistant Secretary of State Winston Lord and others in hearings. Review of U.S. Policy Toward Taiwan. Subcommittee on East Asian and Pacific Affairs, Committee on Foreign Relations, U. S. Senate, 103rd Cong., 2nd Sess., September 27, 1994.

¹² Far Eastern Economic Review. 1995. N 22. June 1. P. 14.

¹³ Ibid. N 32. August 10. P. 19.

¹⁴ Chronology of recent events in U.S.-Taiwan and U.S.-China Relations // <http://www.taiwandc.org/hst-9596.htm>.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Feldman H. In Clinton's China Shuffle, Taiwan Loses // Washington Post, 1998. July 19.

¹⁷ См.: Congressional actions // Taiwan Security Research // <http://www.taiwan-security.org/TSR-Clinton.htm>.

В. В. НОСКОВ

ОБРАЗ АМЕРИКИ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

Размышления об Америке были постоянной темой русской философии истории с момента ее зарождения вплоть до крушения исторической России в 1917 г. На протяжении столетия

лучшие умы России пытались осмыслить исторический феномен Америки, образ которой приобрел принципиальный оценочный характер.

Рождение русской философии истории стало одним из следствий того духовного подъема, который начался в России после военного столкновения с наполеоновской Европой. В процессе формирования национального самосознания, получившего в результате этого мощнейший импульс, зарождавшаяся философия истории сыграла важнейшую роль. Центральной для русской философии истории стала проблема «Россия и Запад», в рамках которой осмыслялись взаимоотношения России с отдельными народами и державами на арене всемирной истории. Особое место в размышлениях такого рода заняла Америка. От фрагментарных суждений о далекой заокеанской стране русская философско-историческая мысль постепенно перешла к систематической рефлексии относительно ее мировых судеб в соотношении с судьбой России, что стало одной из характерных черт русской философии истории на всем протяжении ее существования.

К началу 1820-х гг. в Европе все шире распространялась неудовлетворенность существовавшим положением, что нашло выражение в целой серии революций на Пиренеях и в Италии. На этом фоне США выглядели как образец успешного развития. На основе сравнения ситуаций в Старом и Новом Свете получила распространение литература, в которой предсказывалось постепенное угасание Европы и возвышение Америки. В России эта общая тенденция проявлялась в особой форме, объяснявшейся спецификой формирующегося национального сознания. Русские мыслители, соглашаясь с выводом о печальной судьбе Европы, поначалу не спешили признавать Америку державой будущего. Они отделяли Россию от угасающей Европы и именно в ней видели достойного претендента на европейское наследство. Однако в поисках вдохновляющих идей для обновляющейся России они нередко обращались к опыту США, что нашло наглядное отражение, в частности, в идеологии декабризма.¹

Зарождение философии истории в России связывается с именем П. Я. Чаадаева, со всей остротой поставившего на обсуждение проблему «Россия и Запад». «Еще Чаадаевым и славянофилами была задана русской мысли тема по философии истории, — писал Н. А. Бердяев, — ибо загадка России и ее исторической судьбы была загадкой философии истории».² Однако П. Я. Чаадаев лишь повторил традиционные для тогдашней русской мысли критические оценки некоторых сторон американской действительности. В своем первом «Философическом письме» (1829) он писал: «Взгляните на племена

Северной Америки, которые так усердно старается истребить материальная культура Соединенных Штатов».³

Наряду с этим в русской мысли постепенно формировалась традиция сопоставления исторических судеб России и Америки. Описывая встречу Д. И. Фонвизина с Б. Франклином в Париже в 1778 г., П. А. Вяземский замечал в том же 1829 г.: «...представитель юного просвещения России был собеседником с представителем юной Америки. В лице их два новые мира сошлись в виду старого как высокие предвещения, что есть еще много грядущего в судьбе человеческого рода».⁴ В том же духе высказывался тогда один из ведущих идеологов славянофильства И. В. Киреевский: «Изо всего просвещенного человечества два народа не участвуют во всеобщем усыплении: два народа, молодые, свежие, цветут надеждо: это Соединенные Американские Штаты и наше Отечество». Но, подчеркивал он, «отдаленность местная и политическая, а более всего односторонность английской образованности Соединенных Штатов всю надежду Европы переносят на Россию».⁵

Сильным импульсом для размышлений целого поколения русских мыслителей об Америке стало появление книги А. Токвиля «О демократии в Америке», поскольку «мысль Токвиля о сходстве России и Америки затронула живой нерв русской общественной мысли, размышляющей о путях развития русской истории. Опыт Америки, ее достижения и недостатки корректировали образ будущего, о котором мечтали передовые мыслители России. Образ Америки служил способом осмысления мировой истории и формирования национального самосознания».⁶ Хорошо известны замечания об Америке А. С. Пушкина, сделанные под впечатлением от книги его французского современника. А. И. Герцен писал в 1836 г.: «Америка — страна без истории, без аристократического происхождения, страна рагвеупе, имеющая одну статистику».⁷ После знакомства в 1838 г. с книгой французского мыслителя он отметил: «„Об Америке“ соч. Токвиля нагнало скорбь и грусть на меня. Он в заключение говорит: „Две страны несут в себе будущее: Америка и Россия“. Но где же в Америке начало будущего развития? Страна холодная, расчетливая».⁸

В этот период нелестное мнение об американцах нередко высказывали и славянофилы, называя их, как М. П. Погодин, не нацией, а торговой компанией или подчеркивая, подобно И. С. Аксакову, отсутствие у них духовного содержания.⁹ И. В. Киреевский в 1845 г. оценивал Америку таким образом: «Развились одни внешние формы общества и, лишённые внутреннего источника жизни, под наружную механику задавили

человека». В его представлении, характерными особенностями американского общества стали «совершенное бесчувствие ко всему художественному, явное презрение всякого мышления, не ведущего к материальным выгодам»; «наружное уважение к внешней стороне законов при самом наглом их нарушении; дух сообщничества из личных выгод... при явном нарушении всех нравственных начал». А «в основании всех этих умственных движений, — полагал Киреевский, — очевидно лежит самая мелкая жизнь, отрезанная от всего, что поднимает сердце над личной корыстью, утонувшая в деятельности эгоизма и признающая своей высшей целью материальный комфорт со всеми его служебными силами». Ни за что на свете не хотел бы русский мыслитель оказаться «в этой прозе фабричных отношений, в этом механизме корыстного беспокойства». ¹⁰

После поражения европейской революции 1848—1849 гг. отношение к Америке начало меняться. Разочаровавшись в Европе, Герцен пришел к заключению: «...не думаю также, что судьбы человечества и его будущее привязаны... к Западной Европе. Если Европе не удастся подняться путем общественного преобразования, то преобразуются иные страны», под которыми он подразумевал Россию и США. ¹¹

Поворот в русской мысли относительно США ускорила Крымская война, составившая помимо прочего эпоху в духовной и интеллектуальной истории России. Трагический опыт войны стимулировал размышления об исторических судьбах родины вообще и об ее отношениях с Америкой в частности. США, имевшие на международной арене тех же противников, что и Россия, оказались единственной державой, поддержавшей ее в тяжелые годы Крымской войны. Это привело к небывалому прежде сближению двух стран и как следствие к переосмыслению многих сложившихся в России представлений об Америке. В начале Крымской войны Герцен писал: «Взгляните, например, на эти две огромные равнины, которые соприкасаются затылками, обогнув Европу. Зачем они так пространны, к чему они готовятся, что означает пожирающая их страсть к деятельности, к расширению? Эти два мира, столь противоположные и все же в чем-то схожие, — это Соединенные Штаты и Россия». Однако в его представлении Америка — это «продолжение европейского развития и не более как его продолжение»; она «представляет собою последний вывод из республиканских и философских идей Европы XVIII века». ¹²

Отметив в письме Дж. Мадзини в феврале 1857 г., что «вне Европы в настоящее время есть только две страны, которые живут деятельной жизнью, — это Соединенные Штаты и Россия», Герцен развил эту тему в «Полярной звезде»: «Вне Европы есть только два деятельных края — Америка и Рос-

сия, разве еще начинающаяся Австралия». При этом Америка — это «Европа колонизированная, то же племя и преимущественно англосаксонское, но при других условиях... Это продолжение векового движения на Запад». Поэтому «Америка как переселение не представляет новых элементов, это дальнейшее развитие протестантской Европы, освобожденной от исторического быта и приведенной в иные условия жизни». Будущая «история толкается именно в наши ворота», указывал Герцен: «Если мы бессильны их отворить», то «дальнейшее развитие прошедшего найдет, вероятно, более способные органы в Америке, в Австралии, где гражданственность складывается совсем на иной лад».¹³ Россия и Америка рассматривались им как различные, хотя и одинаково возможные альтернативы оказавшейся в историческом тупике Европе.

Герцен обращал особое внимание на переплетение интересов России и США на Дальнем Востоке, делая из этого факта далеко идущие выводы. В письме Ч. Лиленду в июле 1858 г. он напоминал: «...после неудачи революции 1848 г. я не переставал твердить, что Запад Европы... не замечает, что история начинает перемещаться. Я указывал... что Россия и Америка сходятся затылками, и осмеливался утверждать, что Тихий океан — Средиземное море будущего». Напомнив, что со времен Крымской войны Россия вступила в новую фазу своего развития, Герцен отмечал: «...и в соприкосновении Сибири с Америкой в устьях Амура — во всем этом — зародыш будущего».¹⁴ В процессе развития всемирной истории, писал Герцен в «Колоколе» 1 декабря 1858 г., становилось очевидным, что «черед был явным образом за Америкой и Россией. Обе страны... бедны прошедшим, — продолжал он, — обе начинают вполне разрывом с традицией, обе распливаются на бесконечных долинах, отыскивая свои границы, обе с разных сторон доходят через страшные пространства... до берегов Тихого океана, этого „Средиземного моря будущего“».¹⁵

«Россия только что вступает на плац, на народное место истории. Самое имя России — оно начинает повторяться в Европе вместе с именем Америки», — писал Герцен в 1859 г. Россия и Америка «нарождались по сторонам ее, как два огромных флигеля». «Смысл и значение Америки и России только теперь начинает проясняться, особенно с 1848 года. До того времени аристократическая Европа не вводила в свои общие схемы ни Америки, ни России», различие между которыми заключалось в том, что «Америка росла на воле, мы росли в колодке».¹⁶ Представление о США как наилучшем для России партнере на арене всемирной истории уживалось у Герцена с критическим отношением к этой стране. В статье, опублико-

ванной в конце 1859 г. на страницах «Колокола», он с иронией замечал: «Зато в Американских Штатах осуществилось все, о чем либералы мечтали, да сверх того, такое развитие невольнического труда, его признания, его оправдания, о котором они и не мечтали... Рабство, только терпимое прежде, сделалось органическим законом, на котором покоится американская демократия».¹⁷

После окончания Гражданской войны в США Герцен продолжал развивать свои взгляды на общность исторических судеб России и Америки с учетом кардинальных перемен, которые произошли в обеих странах на протяжении первой половины 1860-х гг. «Бессословная, демократическая Америка и идущая к бессословности крестьянская Русь, — писал он в 1865 г., — остаются для меня по-прежнему странами ближайшего будущего. История, вопреки агрономам, заводит трехпольное хозяйство, и пока Европа, истощенная своими богатыми урожаями, лежит под парами, она пашет и боронит два другие поля». Американский и русский народы «призваны к деятельному совершению своих судеб именно теперь». «Северо-Американские штаты и Россия, — продолжал Герцен, — два полюса той социально-гражданской антиномии, к которой примыкает западное развитие со всеми своими перестройками»; они «оба за границей старой арены, представляют два противоположные, но неоконченные решения и потому скорее дополняющие друг друга, чем исключают». «Северная Америка и Россия не решили задачи, — отмечал он, — а разрешают ее на разных основаниях»; постановка задачи взята ими «из тех же источников, из той же западной школы, но материал для разрешения явился под руками совсем другой». Оттуда, где Европа останавливается, «идут новые народы... и вот почему для меня гораздо интереснее все, что творится в Америке и в России, чем все, что делается в Европе», — заключал Герцен. Все, что в Европе было сдано в архив за неимением средств к разрешению, оказывалось на первом плане и в Америке, и в России. «Америка, — пояснял он, — родилась из готовой головы и в полном вооружении. Новая колония, она глубоко пустила старые англосаксонские корни в непочатую почву. Нового принципа она с собой не принесла», это был «выселок меньшинства», людей, «недовольных старыми порядками». Но эта, привезенная колонистами «цивилизация явилась в Америке при совершенно новых условиях развития и в совершенно новой среде».¹⁸

В письме Герцена от 13(25) декабря 1865 г. повторяется его убеждение, что «Европа сходит со сцены. Будьте уверены — более, чем когда-либо, — что окровавленные Россия и

Америка поднимаются с обеих сторон океана, как я и предсказываю с 1849 г.». ¹⁹ Обоснованию этой мысли Герцен посвятил специальную статью, опубликованную в «Колоколе» 1 октября 1866 г. ²⁰ Статья писалась в момент наибольшего сближения между двумя странами, ознаменованный прибытием в Россию миссии под руководством Г. Фокса. Выступая на обеде, устроенном властями Москвы в честь американской делегации, М. П. Погодин говорил о сходстве «в наших отношениях к Европе», о «всей нашей истории вообще», которая свидетельствовала о том, что «обоим государствам предстоит великая будущность». ²¹ «Америке и России принадлежит преимущественно будущее, как Европе прошедшее», — подчеркнул русский историк. ²²

Американская проблематика заняла заметное место на страницах одного из самых значительных произведений в истории русской философии истории — книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», впервые опубликованной в 1869 г. В представлении автора «существование самобытного государства Соединенных Штатов указывает... на зародившееся только образование новой национальности, совершенно различной от английской». Вместе с тем он отмечал: «Государственный характер их развился очень сильно... но особого народного характера еще не выразилось, или он выразился еще очень слабо». ²³ «Америке, — полагал Данилевский, — прилична федеративная форма, потому что самое географическое положение уже обеспечивает ей независимость, а не выяснившаяся еще народность, находящаяся в периоде своего этнографического образования, делает возможною всякую провизуарную форму государственности, которой еще не с чем сообразовываться». ²⁴

Касаясь распространившихся в России представлений о сходстве между Россией и США, Данилевский высказывал несколько иное мнение: «Америка, с которою нередко сравнивают Россию, составляет с нею... полнейшую противоположность. Не имея врагов вокруг себя, она могла экономизировать все то, чего стоило другим охранение политической самобытности». А если бы «Америка находилась в положении Европы, то делать такие чрезвычайные усилия приходилось бы слишком часто и американская система обошлась бы дороже европейской и даже просто-напросто была бы невозможна». ²⁵

Размышляя о взаимоотношениях в треугольнике Россия—Европа—Америка, он высказывал мнение, ставшее традиционным для русской философии истории: «...по мере того как падали... старые препятствия к всемирному владычеству Европы, возникли два новых, которые одни только и в состоянии остановить ее на этом пути, положить основание истинному все-

мирному равновесию. Эти два препятствия: Американские Соединенные Штаты и Россия». При этом «Американские Штаты благодаря своему заокеанскому положению совершенно достаточно сильны для успешного выполнения доставшейся на их долю задачи». Сложившееся в мире примерное равновесие сил делало возможным «справедливый раздел власти и влияния между теми народами или группами народов, которые в настоящем периоде всемирной истории могут считаться активными деятелями: Европою, Славянством и Америкой, которые сами находятся в различных возрастах развития».²⁶

Что касалось внешней политики, то русский мыслитель рассматривал США как страну, которую не пугает «мысль о безраздельном владычестве от Гренландии до Огненной Земли».²⁷ Наиболее примечательным достижением американской государственности он считал доктрину Монро, позволившую Соединенным Штатам занять достойное место в сообществе наций. «Америка считает между своими великими людьми одного человека, — писал Данилевский, — который... произнес только с высоты президентского кресла, что Америка принадлежит американцам, что всякое вмешательство иностранцев в американские дела сочтут Соединенные Штаты за оскорбление. Это простое и незамысловатое учение носит славное имя учения Монроэ и составляет верховный принцип внешней политики Соединенных Штатов. Подобное учение должно бы быть и славянским лозунгом», — добавлял он.²⁸

После Берлинского конгресса, лишившего Россию значительной доли плодов победы в русско-турецкой войне 1877—1878 г., Данилевский вновь призвал соотечественников избавиться от европейских иллюзий и заимствовать американский опыт утверждения своих национальных интересов посредством доктрины Монро. «У нас на глазах Америка, — напоминал он, — которая в культурном отношении есть уже бесспорно... плоть от плоти европейской. Самые прогрессивные элементы Европы XVII столетия переселились за океан, затем освободились от своей метрополии, и население штатов постоянно пополнялось переселенцами из всех образованнейших, культурнейших стран Европы. И что же? Принадлежат ли Северо-Американские штаты к европейской политической системе? Ответом на это служит один из политических догматов американцев — учение Монроэ!»²⁹

Интересные суждения о США высказывал и другой замечательный мыслитель, оставивший глубокий след в русской философии истории, — К. Н. Леонтьев. В наиболее известной своей работе он затронул вопрос об исторических особенностях формирования американского государства: «Люди, которые, ушедши из старой Англии, полагали основы Штатам Аме-

рики, были все люди крайне религиозные, которые уступать своей горячей личной веры не хотели и не подчинялись государственной англиканской епископской Церкви не из прогрессивного равнодушия, а из набожности.

Католики, пуритане, квакеры — все были согласны в одном — во взаимной терпимости, не по холодности, а по необходимости. И потому государство, созданное ими для примирения всех этих горячих религиозных крайностей, нашло центр тяжести своей вне религии. Была вынужденная обстоятельностью терпимость, не было внутреннего индифферентизма.

Славяне, — добавлял Леонтьев, — вступая в подобную федерацию, не внесли бы в нее тех высоких чувств, которые на просторе Нового Света одушевляли прежних европейских переселенцев Северной Америки... Там, в Америке, чтобы жить согласно, нужно было помнить о недавних гонениях за личную веру».³⁰ «Англии, — продолжал он, — посчастливилось сначала тем, что она долго сбывала свои горючие материалы в обширные колонии. Англия *демократизировалась на новой почве* — в Соединенных Штатах Америки.

Соединенные Штаты относятся к Великобритании *в пространстве* точно так же, как Франция XIX века относится *во времени* к Франции XVII. Америка Вашингтона и Линкольна и Франция Наполеона I, Наполеона III — это одинаково демократически *смешанные* страны, вышедшие посредством процесса вторичного смешения, первая из Англии Елизаветы, Вильгельма III и Питта, вторая из Франции Франциска I, Ришелье и Людовика XVI». Согласно характеристике Леонтьева, «Соединенные Штаты — это Карфаген современности. Цивилизация старая, халдейская, в упрощенном республиканском виде на новой почве в девственной земле».*

«Вообще Соединенные Штаты не могут служить никому примером, — заключал русский мыслитель. — Они слишком еще недолго жили: всего один век. Посмотрим, что с ними будет через 50—25 лет. (И у них было прежде *больше прочного, несмешанного — было рабство*, а теперь упрощение и смешение)».³¹ «Аристократическое начало», указывал он, «было и в Америке в лице южных рабовладельцев, южных помещиков-демократов».³²

В одной из своих работ Леонтьев упомянул о «демократической грубости наций более молодых, как Америка или Греция».³³ В качестве иллюстрации к своей концепции «вторичного смешения, ведущего к однообразию» и как следствие к гибели культуры, он приводил такие примеры, рассматривае-

* Курсив здесь и далее принадлежит авторам текстов.

мые им как равнозначные: «Приготовления к шлезвиг-гольштейнской племенной (т.е. смесительной) войне в Германии и к либерально-эгалитарным реформам в России. В 61-м году начало того и другого. В то же время начало междоусобной войны в Америке, кончившейся политическим *смешением* южан с северянами, и социальное уравнивание черных с белыми». Ссылаясь на рассуждения Прудона о США, Леонтьев добавлял: «...а форма смешанная, уравненная и несосредоточенная — самая непрочная и духовно бесплодная».³⁴

Возвращаясь позднее к американской теме, Леонтьев, отнеся США к числу «наилиберальнейших государств Запада», замечал: «Французы — *защитники монархии* были почти позорно изгнаны из Америки *республикой* Соединенных Штатов... Республика же Соединенных Штатов в то время только что вынесла упорную междоусобную брань, к концу которой Север *промышленный, более буржуазный, более эгалитарно-демократический (освободивший, кстати, и рабов)* победил и подчинил себе *помещичий и рабовладельческий*, то есть несколько более *аристократический, Юг*».³⁵

Русский мыслитель категорически не принимал «того капиталистического мещанства, которое исключительно господствует в таких республиках, как нынешняя французская и все без исключения республики Нового Света». В связи с этим возникал вопрос: «Где *новые*, сильные духом неизвестные племена?», — на который следовал ответ: «Их нет нигде. Азиатские народы — древни, африканские — бездарны, Америка — это все та же Европа, более грубая и более бедная историческим содержанием. Америка, — заключал Леонтьев. — молодая государственно, национально и культурно очень стара».³⁶

Достаточно важное место отводилось Америке в схеме развития всемирной истории оригинального русского философа Н. Ф. Федорова, сводившейся к извечной борьбе христианства с исламским миром: «...на Америку следует смотреть как на станцию по пути к магометанскому востоку, как на резерв для осуществления христианского единства, как на новую Европу, идущую рука об руку со старою к той же общей цели, которая выразилась в постоянной борьбе с магометанством». «Ни Америка, ни Австралия, — полагал русский мыслитель, — не могут, не должны отказываться от исполнения завещания, оставленного древним миром, потому что в нем заключается общее, т. е. праотеческое, дело, а никакая отдаленность не избавляет от участия в таковом, т. е. от исполнения долга. Название „Новый“ Свет вовсе не значит отречение от старого; „новый“ значит сыновний, т.е. выражает долг к старому, отцовскому континенту»; «а если ближайшие предки жителей Нового Света (для Америки пуритане) и видели в христианстве только сво-

боду, т. е. отречение от прошедшего, разрушение связи, соединявшей их со Старым Светом, то на их потомках лежит обязанность восстановить эту связь, а не поддерживать учение, очевидно, не согласное с христианством, ибо христианство есть собрание, а не разъединение, а также и не подчинение, которого добивается католицизм».³⁷

Однако в сомнениях Федорова относительно того, как Америка поведет себя в случае глобального столкновения России с Западом и окончательного крушения христианского единства в противостоянии с исламом, проявилось его двойственное отношение к заокеанской республике: «Останется ли она тогда, не признавая нравственной солидарности и общего дела человечества, равнодушной зрительницей катастрофы старого, отцовского света, или же и она примет участие в дележке России, захватив, например, Камчатку? А может быть, не сделает ли она диверсии в пользу славянства, против торговой монополии Англии, находящейся в союзе с исламом?»³⁸ Как предупреждал Федоров, «Дальний Запад — Америка, в которой недостатки ближнего Запада, Европы (каковы, напр., отрицание пятой заповеди, конкуренция, спекуляция), доведены до высшей степени, уже по этому самому может предупредить соединение наших соседей с теми, кои сохранили еще традиции христианства и завет отцов в своем родовом и общинном быту».³⁹

В конечном итоге он стал воспринимать Америку преимущественно как неотъемлемую часть враждебной человеческому духу западной цивилизации. В связи со Всемирной выставкой 1889 г. Федоров отмечал, что она, будучи «изображением земного града», выступала *«как указание значения города (или городской, европейско-американской цивилизации и культуры), — значение города, заключающееся в отрицании цели и смысла жизни»*.⁴⁰ Между тем для него «искание смысла жизни есть философия истории».⁴¹ Русский мыслитель был готов обвинить Америку и американцев во всех смертных грехах. Даже в американской помощи жертвам русского голода 1891 г. он усмотрел стремление к спекуляции.⁴² Америка оказывалась виновной даже в поддержке противостоящего истинному христианству «буддизма», «в коем, — согласно его концепции, — сосредоточиваются, соединяются дарвинизм и спиритизм, агностицизм как продукт позитивизма, пессимизм Шопенгауэра, Гартмана и других, т. е. буддизм западный и восточный».⁴³ Столь же своеобразное толкование Федоров давал «марманизму», который не имел в действительности ничего общего с американским мормонизмом. Критикуя буржуазный «прогресс», он заключал: «Истинная религия XIX века есть марманизм (религия американцев, этих истинных представлений нашего века), мар-

монизм, и в будущем веке награждающий богатствами за богатства, приобретенные в настоящей жизни; на мармонском небе нет места, надо полагать, для Лазарей; Вандербильды, Ротшильды — святые этой религии. Блаженны богатые, ибо им принадлежит царство земное, и горе бедным, слабым, больным — им нет места на пиру жизни, на выставке, двери этого рая мармонов для них закрыты».⁴⁴

Новым явлением в пореформенной России становилось то, что русская общественная мысль начала отдавать должное достижениям американцев в духовной сфере, которые до того практически игнорировались. Такое отношение было характерно в первую очередь для русского позитивизма, став одной из его интеллектуальных традиций. Один из первых его представителей, В. В. Лесевич, даже вступил в полемику с Ж. Э. Ренаном, который, имея в виду Америку, писал в 1854 г.: «Умственное развитие перестает подниматься тогда, когда оно расширяется, вступление толпы в среду образованного общества всегда почти понижает уровень развития этого последнего». «Что такое вся Америка в сравнении с одним лучом той бесконечной славы, которой блещет второстепенный или третьестепенный итальянский город?» — вопрошал французский историк. Приведя эти строки, Лесевич возражал: «...нам кажется смешным и жалким усилие Ренана умалить славу Америки перед славой какого-нибудь итальянского города. Кто не знает теперь, что Америка представляет живой и могучий протест против всех возгласов, тянувшихся в тоне с теми, которые мы теперь разбираем. Америка фактами... доказывает, что развитие масс не исключает возникновения гениальных личностей и что всеобщность распространения образования в ней послужила не к падению, а к возвышению ее уровня».⁴⁵ И в последующем он неизменно давал высокую оценку «умственному развитию Америки».

Помимо ученых-позитивистов положительное отношение к Америке демонстрировали «легальные марксисты» и либералы, для которых она становилась примером для подражания. Именно анализ американского опыта стал одним из оснований для вывода П. Б. Струве: «...признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму».⁴⁶ Известный историк и идеолог русского либерализма П. Н. Милюков так воспринимал «преимущества и достоинства Америки»: «...страна свободы, новая рождающаяся нация, быстрый рост и постоянное обновление, огромные размеры мирового эксперимента».⁴⁷

В противоположность таким подходам среди деятелей русского духовного возрождения преобладало неприятие Америки. Еще В. С. Соловьев определил как «рационализм *пошлый*» «тот пустейший *деизм*, которым доселе пробавляется популяр-

ная философия и либеральная теология во Франции, Англии и Америке». ⁴⁸ Следуя за ним, Н. А. Бердяев так же критически оценивал труды крупнейших американских мыслителей своего времени. Проблему Америки он рассматривал как часть более широкой проблемы Запада, как ее концентрированное выражение. Бердяев был убежден, что только «Россия может соединить восточное созерцание Божества... с исторической динамикой культуры»; но Россия окажется в силах исполнить свое историческое предназначение, если только она сумеет охранить себя от «американской безличности». Русский мыслитель явно не ждал ничего хорошего от «американо-европейской цивилизации» в будущем. «Говорю о культуре, а не об американской цивилизации», — специально подчеркивал он. ⁴⁹ «Восточно-монгольская стихия безличности проникла и в западную цивилизацию, под формой нивелирующего американизма. Крайний Восток и крайний Запад торжественно сошлись», — замечал он в другой работе. ⁵⁰ В этом суждении традиционное для русской философии истории противопоставление России Западу парадоксальным образом соединялось с указанием В. С. Соловьева на грядущую «желтую опасность», что наложило отпечаток на последующие размышления Бердяева об Америке.

Начало мировой войны сопровождалось пересмотром или уточнением многих представлений об Америке в России. В русской общественной мысли Америка окончательно приобрела значение великой страны, которая имела все шансы превратиться в ведущую державу мира. В статье, в которой была предпринята попытка обрисовать последствия мировой войны, Г. А. Ландау указывал: «Вторая половина XIX в. ознаменовалась... сформированием в тиши Японии и Северной Америки», а «смена века увидела небывалое в истории последних веков: победы внеевропейских держав над державами европейскими». Поэтому для «исхода сегодняшней борьбы» главным становилось то, что «вне Европы создались могучие державы — Япония и Северная Америка, затем — сильная Россия». Итог — «ослабленная Западная Европа и расцветающие молодые державы». Г. А. Ландау напоминал также, что иные «американцы, Поэ и Уистлер, Туэн и Джемс, завоевателями вторглись в Европу со своим столь различным и столь единым американизмом». ⁵¹

Несмотря на заметные перемены во взглядах на Америку, духовная элита России, по мнению которой мировая война призвала их родину к историческому служению на благо всего человечества, по-прежнему демонстрировала последовательное неприятие американской цивилизации. В такой ситуации Америка, ставшая для нее олицетворением бездуховной материаль-

ной цивилизации Запада, которая и довела человечество до вселенской катастрофы, становилась антиподом обновлявшейся России. В статье, опубликованной 12 июня 1915 г., Бердяев с тревогой писал о возможной альтернативе: «Центр тяжести Западной Европы, по всей вероятности, передвинется еще более на Запад, в Америку, могущество которой очень возрастет после окончания войны. Да и американизм новейшей цивилизации тянет Европу в Америку. Восток — один выход за пределы европейской культуры, Америка — другой выход».⁵² «Война должна раздвинуть Европу, с одной стороны, на Восток, с другой стороны, на крайний Запад, — указывал он в другой статье. — В последних результатах войны не может не усиливаться Америка».⁵³ К 1918 г. Бердяев окончательно утвердился в мысли, что «в результате мировой войны выиграть, реально победить может лишь крайний Восток, Япония и Китай... да еще крайний Запад, Америка. После ослабления и разложения Европы и России воцарится китаизм и американизм, две силы, которые могут найти точки сближения между собой. Тогда осуществится китайско-американское царство равенства, в котором невозможны уже будут никакие восхождения и подъемы».⁵⁴

В своем основном труде по философии истории, в котором подводились итоги развития цивилизации нового времени, Бердяев писал: «Цивилизация Европы и Америки, самая совершенная цивилизация в мире, создала индустриально-капиталистическую систему. Эта индустриально-капиталистическая система не была только могущественным экономическим развитием, она была и явлением духовным, явлением истребления духовности. Индустриальный капитализм цивилизации был истребителем духа вечности, истребителем святых». «Цивилизация вообще ведь прагматична, — добавлял Бердяев. — Не случайно прагматизм так популярен в классической стране цивилизации — в Америке».⁵⁵

Хотя либеральная интеллигенция после Февраля 1917 г. внимательно изучала исторический опыт США в поисках рецептов для решения собственных проблем, возможность использования американского опыта в России, с ее спецификой и в условиях поразившего страну всестороннего кризиса, для многих мыслителей продолжала оставаться спорной. К числу таких скептиков принадлежал известный историк Р. Ю. Виппер.⁵⁶ «Россия может составить особый мир, сам по себе самостоятельный и ни от кого не зависимый. Россия имеет все данные, чтобы стать европейской Америкой», — так первоначально оценивал русский историк открывавшиеся перед его страной перспективы, используя понятие «Америка» как символический образ успешно развивавшейся страны.⁵⁷ Позднее

Виппер уточнил свою позицию. Возражая тем, кто надеялся, что «Россия станет новой Америкой», он писал: «Американист ссылается в доказательство на неистовый порыв к наживе, заявивший себя в новой буржуазии», но «какие явления у нас могут предвещать развитие американизма? Неужели та всеобщая спекуляция, которой по нужде занялись опустившиеся бывшие классы общества?

Допустим, однако, — продолжал Виппер, — что американизация России возможна. Обещает ли эта перемена что-нибудь прочное в будущем? Каковы перспективы Америки?» Ответ для русского ученого очевиден — нет, поскольку сама американская культура «стоит на опасном уклоне». А причина заключалась в том, что Америка «сохраняет и даже усиливает ту же самую европейскую систему», которая привела старую цивилизацию к гибели.⁵⁸ Он указывал совершенно иное направление поиска вдохновляющих для России идеалов: «...наша своеобразность именно в нашей связи с Азией... Там сложная, глубокая своей стариной культура». ⁵⁹ Для Виппера «Соединенные Штаты Америки с конца XIX века обращаются в империалистическую завоевательную державу I-го ранга». И в новой войне Америка «ринулась в бой под давлением... изобилия капиталов, чрезмерного накопления свободных денежных средств». ⁶⁰

Очень резко, в привычной для него манере, высказывался об Америке такой своеобразный русский мыслитель, как В. В. Розанов. Америка была для него страной бедной духовной культуры, рациональных людей и торговцев. В статье «Американизм и американцы», опубликованной в 1904 г., он так определял суть «янки»: «...торжественно поставив огромный сапог из американского бизона на академический стол, он увенчал его лаврами, снятыми с голов Гомера, Данта, Шекспира, Мильтона». После начала мировой войны Розанов саркастически замечал по поводу увлечения либералов Америкой: «Помните, в 60-е годы, когда русские образованные люди толпами бросились в Соединенные Штаты, в тамошнюю „гражданскую свободу“ и „свободный труд“, создавая своеобразный «культ к новому отечеству» и «легенды, столь непохожие на все, что писал о Соединенных Штатах Ч. Диккенс». ⁶¹ Позднее, в момент исторического самоопределения России, Розанов дал США такую характеристику: «Ведь отвратительные Соединенные Штаты всеконечно не есть республика, а Торговая Компания, союз торгующих городов и „штатов“, соединенных по мотивам удобства и выгоды»; «Штаты даже и не государство, а уродство. Просто — БЯКА. Это — колонии, воистину „европейские колонии“, счастливо расторговавшиеся и которые не покорены никем, потому что

около них нет рядом сильной власти. Она была республикой при Вашингтоне и еще немного дальше», превратившись потом, «незаметно для глупых и неразвитых людей, просто в политическое и духовное и всяческое культурное „ничто”». ⁶²

Для контраста можно привести мнение историка и философа Л. П. Карсавина, который полагал, что «наиболее важную для нас Америку можно рассматривать как ответвление христианско-западной культуры, весьма, впрочем, поучительное как раз в своих религиозно-философских обнаружениях». ⁶³ Такие суждения, однако, оставались исключением из правила в среде духовной элиты России. Русская философия истории давно признала Америку великой державой, которой предстояло великое будущее и которой суждено было сыграть громадную всемирно-историческую роль. Она была даже готова признать многие конкретные достижения американской цивилизации, но она не принимала ее дух и те принципы, которые лежали в основе этой цивилизации.

¹ См.: *Saul N. E. Distant Friends : The United States and Russia, 1763—1867.* Lawrence, 1991. P. 149—150.

² Бердяев Н. А. Смысл истории. М., 1990. С. 3.

³ Чаадаев П. Я. Философические письма // Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М., 1989. С. 47.

⁴ Вяземский П. А. Фон-Визин // Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского. СПб., 1880. Т. V. С. 91.

⁵ Киреевский И. В. Обзорение русской словесности 1829 года // Киреевский И. В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 78—79.

⁶ Шестаков В. П. Русское открытие Америки // Взаимодействие культур СССР и США. XVIII—XX вв. М., 1987. С. 24—25.

⁷ Герцен А. И. Собрание сочинений в 30-ти т. М., 1954. Т. I. С. 69.

⁸ Там же. Т. XXI. С. 386.

⁹ См.: Куропятник Г. П. Россия и США. Экономические, культурные и дипломатические связи. 1867—1881. М., 1981. С. 45.

¹⁰ Киреевский И. В. Обзорение современного состояния литературы // Киреевский И. В. Критика и эстетика. С. 184—185.

¹¹ Герцен А. И. Россия // Герцен А. И. Собрание сочинений. Т. VI. С. 190.

¹² Герцен А. И. Старый мир и Россия // Там же. Т. XII. С. 169, 172.

¹³ Герцен А. И. Собрание сочинений. Т. XII. С. 349, 427, 429, 433.

¹⁴ Герцен и Огарев. I // Литературное наследство. М., 1953. Т. 61. С. 246.

¹⁵ Герцен А. И. Америка и Сибирь // Герцен А. И. Собрание сочинений. Т. XIII. С. 398—400.

¹⁶ Герцен А. И. Россия и Польша // Там же. Т. XIV. С. 20, 32.

¹⁷ Герцен А. И. Русские немцы и немецкие русские // Там же. С. 180—181.

¹⁸ Герцен А. И. Письма к путешественнику // Там же. Т. XVIII. С. 349—353, 357.

¹⁹ Герцен А. И. Собрание сочинений. Т. XXVIII. С. 128.

²⁰ Герцен А. И. Америка и Россия // Герцен А. И. Собрание сочинений. Т. XIX. С. 139—140.

²¹ См.: Тимошук В. В. Американское посольство в России в 1866 году // Русская старина. 1887. Январь. С. 62.

²² См.: Яковлев С. П. Чрезвычайное американское посольство в Москве. М., 1866. С. 35.

- ²³ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1995. С. 189—191.
- ²⁴ Там же. С. 363.
- ²⁵ Там же. С. 422.
- ²⁶ Там же. С. 360.
- ²⁷ Там же. С. 349.
- ²⁸ Там же. С. 249.
- ²⁹ Данилевский Н. Я. Горе победителям. М., 1998. С. 220.
- ³⁰ Леонтьев К. Н. Византизм и Славянство // Леонтьев К. Н. Избранное. М., 1993. С. 66.
- ³¹ Там же. С. 99.
- ³² Там же. С. 31.
- ³³ Леонтьев К. Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Леонтьев К. Н. Избранное. С. 138.
- ³⁴ Там же. С. 147—148.
- ³⁵ Леонтьев К. Н. Племенная политика как орудие всемирной революции // Леонтьев К. Н. Избранное. С. 311, 324.
- ³⁶ Леонтьев К. Н. Записки отшельника // Там же. С. 283, 285.
- ³⁷ Федоров Н. Ф. Философия общего дела // Федоров Н. Ф. Сочинения. М., 1982. С. 266—269.
- ³⁸ Там же. С. 295.
- ³⁹ Там же. С. 312.
- ⁴⁰ Там же. С. 442, 461.
- ⁴¹ Там же. С. 197.
- ⁴² Там же. С. 57, 108.
- ⁴³ Там же. С. 113, 126.
- ⁴⁴ Там же. С. 454.
- ⁴⁵ Лесевич В. В. Философия истории на научной основе // Отечественные записки. 1869. № 1. С. 193—195.
- ⁴⁶ Струве П. Б. Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России. СПб., 1894. С. 288.
- ⁴⁷ Миллюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 172.
- ⁴⁸ Соловьев В. С. Критика западной философии (против позитивистов) // Соловьев В. С. Философское начало цельного знания. Минск, 1999. С. 161.
- ⁴⁹ Бердяев Н. А. Философия свободы. М., 1911. С. 201—202, 254, 275.
- ⁵⁰ Бердяев Н. А. Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Вл. Соловьева // Сборник первый. О Владимире Соловьеве. М., 1911. С. 125.
- ⁵¹ Ландау Г. А. Сумерки Европы // Северные записки. 1914. № 12. С. 49—50, 52.
- ⁵² Бердяев Н. А. Конец Европы // Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. С. 125.
- ⁵³ Бердяев Н. А. Задачи творческой исторической мысли // Там же. С. 131.
- ⁵⁴ Бердяев Н. А. Судьба России. С. XII.
- ⁵⁵ Бердяев Н. А. Смысл истории. С. 170.
- ⁵⁶ См.: Листииков С. В. Конец самодержавия и проблема выбора пути (русская пресса 1917 года об американском опыте) // Первая мировая война : пролог XX века. М., 1998. С. 307, 310.
- ⁵⁷ Виппер Р. Ю. Война и демократия. М., 1917. С. 44.
- ⁵⁸ Виппер Р. Ю. Конец индустриальной системы // Виппер Р. Ю. Круговорот истории. Берлин, 1923. С. 15—16.
- ⁵⁹ Виппер Р. Ю. Национальность и культура // Там же. С. 77.
- ⁶⁰ Виппер Р. Ю. Теория прогресса и всемирная война 1914 г. // Виппер Р. Ю. Кризис исторической науки. Казань, 1921. С. 30.
- ⁶¹ Розанов В. В. Война 1914 года и русское возрождение. Пг., 1915. С. 152.
- ⁶² Розанов В. В. Черный огонь. 1917 год // Розанов В. В. Мимолетное. М., 1994. С. 375—376.
- ⁶³ Карсавин Л. П. Восток, Запад и русская идея. Пб., 1922. С. 18.

ПАРТИЯ КАДЕТОВ И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ ПОСЛЕ 17 ОКТЯБРЯ 1905 г.

Партия кадетов образовалась в дни политического кризиса в октябре 1905 г., когда верхи в поисках выхода вынужденно встали на путь правительственного конституционализма. Демократические же либералы изначально отстаивали необходимость преобразования самодержавия в конституционно-правовое государство, руководствуясь принципиальными соображениями. Их программа, сформулированная Союзом освобождения в 1903—1904 гг., не претерпевала конъюнктурных колебаний. Выступая на учредительном съезде кадетов 14 октября 1905 г., П. Н. Милюков говорил о двух организационных предтечах партии (Союзе освобождения и Союзе земцев-конституционалистов), которых объединяло не только стремление к политическому освобождению России, но и демократическое настроение, тяга к социальным реформам. Принятая съездом 18 октября программа кадетов провозглашала свободу совести, вероисповедания, слова, печати, собраний, союзов, передвижения и места жительства, неприкосновенность личности и жилища, а также полагала необходимым ввести права граждан в основной закон и обеспечить их судебной защитой. Государственный строй России программа усматривала в виде конституционной и парламентарной монархии, в которой народное представительство формировалось бы всеобщим голосованием, участвуя в законодательной власти, установлении бюджета и контроле за деятельностью администрации, при этом подразумевалась ответственность министров перед народным представительством.

Сформулированная в Манифесте 17 октября программа правительственного конституционализма была вынужденной уступкой обществу, сделанной под давлением революции, и содержала положения, не устраивавшие в полной мере демократических либералов. Им казались недостаточными расплывчатые обещания Манифеста о даровании населению основ гражданских свобод, развитии начала общего избирательного права и участия народных представителей в надзоре за закономерностью действий поставленных короной властей. Кадеты требовали от правительства С. Ю. Витте немедленного законодательного закрепления статей Манифеста, одновременно указывая на их неопределенность и двусмысленность. Как вспо-

минал И. В. Гессен, кадеты встретили Манифест 17 октября с разочарованием, ожидая от него большего. Их лидеры изначально подозревали С. Ю. Витте в неискренности и усматривали в его деятельности не попытку реформирования самодержавия, а политическое маневрирование с целью укрепления собственной власти и борьбы с революцией. Возможность диалога с правительством они обуславливали жесткими критериями.

Когда С. Ю. Витте обратился к располагавшемуся в Москве Бюро земских съездов с предложением о встрече, то руководство кадетов настояло на включении в состав делегации земцев своего представителя, — Ф. Ф. Кокошкина, который, по словам П. Н. Милюкова, выступил гарантом невозможности заключения с С. Ю. Витте компромиссных соглашений. С. Ю. Витте ожидал от делегации земцев поддержки в осуществлении начал Манифеста и согласия ее на формирование коалиционного кабинета, однако просчитался. Прибывшие в Петербург 21 октября Ф. А. Головин, Ф. Ф. Кокошкин и князь Г. Е. Львов предложили С. Ю. Витте, как считал П. Н. Милюков, точку зрения партии народной свободы: немедленный созыв Учредительного собрания всеобщим голосованием, провозглашение политической амнистии, осуществление заявленных в Манифесте свобод. 22 октября С. Ю. Витте сообщил Д. Н. Шипову о невозможности переговоров на указанной платформе. Д. Н. Шипов полагал занятую кадетами позицию на переговорах недальновидной, свидетельствующей о непонимании ими необходимости поддержки авторитета государственной власти и исключившей для правительства вероятность договориться с земскими кругами. Вместе с тем Д. Н. Шипов считал крайне нужным участие кадетов в коалиционном правительстве, о чем и заявил Николаю II на аудиенции, состоявшейся 23 октября. Наряду с упреками в адрес кадетов, сводившихся к обвинениям в доктринерстве и отказе от сотрудничества с властью в целях достижения общественного спокойствия, Д. Н. Шипов признавал, что на переговорах с земцами С. Ю. Витте обнаружил отсутствие искренности и неспособность освободиться от привычек и приемов бюрократического строя. П. Н. Милюков отводил те упреки в направлении кадетов, согласно которым партия, следуя доктрине (т. е. отстаивая созыв Учредительного собрания), принесла ей в жертву редкую возможность создания правительства с участием общественных деятелей. По его мнению, водораздел между обществом и властью в октябре 1905 г. проходил в отношении к вопросу о немедленном установлении конституционного правления и преодолеть его кадеты не могли, поскольку С. Ю. Витте отказывался обсуждать вопрос о принятии конституции.

Тем не менее после неудавшихся переговоров С. Ю. Витте с земцами кадеты приняли предложение председателя Совета министров о взаимных консультациях, намереваясь в их ходе подробнее выяснить политическое мировоззрение С. Ю. Витте, а если удастся, то и убедить его открыть дорогу для конституционной реформы. Встреча С. Ю. Витте с П. Н. Милюковым, И. И. Петрункевичем, И. В. Гессеном и Л. И. Петражицким вызвала у представителей кадетов глубокое разочарование и подтвердила их мнение о бесплодности правительственного конституционализма. С. Ю. Витте пригласил к себе домой И. И. Петрункевича для того, чтобы просить его убедить А. И. Гучкова взять портфель министра торговли в планируемом С. Ю. Витте коалиционном кабинете, однако получил в посреднических услугах отказ. Разговор по существу складывавшегося после 17 октября политического положения состоялся у С. Ю. Витте с И. В. Гессеном. Как писал С. Ю. Витте в своих воспоминаниях, И. В. Гессен пришел на встречу с ним, чтобы узнать отношение главы правительства к партии кадетов. С. Ю. Витте заявил И. В. Гессену о своей симпатии к кадетам и высказал готовность их поддержать при условии, что кадеты отрежут свой «революционный хвост» и откровенно выступят против революционеров, с чем И. В. Гессен категорически не согласился. Иную версию беседы с С. Ю. Витте составил И. В. Гессен, опубликовав ее в собственных воспоминаниях. Согласно ей, встреча состоялась по инициативе С. Ю. Витте и в ее ходе И. В. Гессен предложил немедленно объявить обещанную в Манифесте свободу печати и тем самым сразу успокоить общественное мнение, поскольку отмена предварительной цензуры не составила бы большого труда. Но С. Ю. Витте раздраженно отмахнулся, сказав: «Ах, оставьте! У меня и без этого достаточно забот». Не нашел И. В. Гессен у С. Ю. Витте понимания, когда посоветовал ему добиться отставки Д. Ф. Трепова с поста товарища министра внутренних дел как предварительного условия вхождения в коалиционный кабинет общественных деятелей. И. В. Гессен пришел к выводу о непонимании главой кабинета тяжести и существа складывавшейся политической ситуации. По его наблюдениям, С. Ю. Витте прежде всего занимала концентрация власти в собственных руках. Еще раз в своем мнении И. В. Гессен утвердился, когда у него совместно с Л. И. Петражицким 24 октября около 1 ч ночи состоялось свидание с С. Ю. Витте, которое И. В. Гессен назвал историческим. По впечатлению И. В. Гессена, председателя Совета министров целиком поглотили текущие дела и он совершенно не представлял себе возможного хода исторических событий. С. Ю. Витте не обнаружил понимания того, что судьба русского конституционализ-

ма зависела от компетенции будущей Государственной думы, походя бросив реплику о том, что думцам следует самим себе установить собственные полномочия. Опомнился С. Ю. Витте лишь после разъяснения И. В. Гессена, согласно которому Дума в этом случае превратится в Учредительное собрание.

С. Ю. Витте не упомянул в своих воспоминаниях о встрече с П. Н. Милюковым, который подробно описал ее в нескольких работах, в том числе в статье «Три попытки (из истории русского лжеконституционализма)». По версии П. Н. Милюкова, С. Ю. Витте пригласил его к себе в ноябре как эксперта в политических делах и задал вопрос: «Что делать?» П. Н. Милюков отвечал: оставить попытки приглашать в бюрократический кабинет популярных общественных деятелей, поскольку они не верят правительству, и создать «деловой» кабинет из товарищей министров, который немедленно приступил бы к осуществлению обещаний Манифеста 17 октября. По мнению П. Н. Милюкова, «деловое правительство» могло бы привести Россию к конституции, ради чего кадеты не отказались бы пожертвовать собственной тактикой, предусматривавшей принятие будущей цензовой Думой закона о всеобщих выборах, созыв на его основе Учредительного собрания, провозглашение последним конституции и формирование парламента на ее основе. Взамен П. Н. Милюков предложил С. Ю. Витте убедить царя ввести конституцию высочайшим повелением, взяв за образец хотя бы основной закон Болгарии. Но С. Ю. Витте не согласился с П. Н. Милюковым, сославшись на полное равнодушие народа к конституционной форме правления и указав на неприятие Николаем II конституционного строя, после чего П. Н. Милюков посчитал тему своей беседы с главой правительства исчерпанной. Итоги консультаций с С. Ю. Витте побудили П. Н. Милюкова еще более укрепиться в мнении о бесплодности правительственного конституционализма и о бесперспективности сотрудничества с С. Ю. Витте. Как полагал П. Н. Милюков, С. Ю. Витте не понимал всей сложности своего положения и не осознавал необходимости немедленного перехода к конституционному правлению, без которого, по мнению П. Н. Милюкова, Россия выйти из кризиса не могла. Кроме того, по впечатлению лидера кадетов, С. Ю. Витте не имел властных полномочий для осуществления даже собственной программы и действовал с оглядкой на позицию двора. Как заключал П. Н. Милюков: «Ему не хватило знания, но ему не хватило и власти».

Жесткую позицию по отношению к правительству С. Ю. Витте кадеты заняли на проходившем в Москве 6—13 ноября 1905 г. съезде земских городских деятелей. Несмотря на мнение умеренных земцев, выступавших за безоговорочную под-

держку кабинета, кадеты настояли на принятии съездом резолюции, подготовленной П. Н. Милюковым и предусматривавшей содействие правительству лишь постольку, поскольку оно «будет проводить конституционные начала Манифеста правильно и последовательно». Резолюция предупреждала, что «всякое отступление от этих начал встретит в земских и городских сферах решительное противодействие». Резолюция требовала от правительства проведения всеобщих равных выборов в Государственную думу, предоставления Думе статуса Учредительного собрания для принятия конституции, отмены исключительных положений и смертной казни, объявления амнистии революционерам, осуществления провозглашенных Манифестом 17 октября свобод. Для передачи резолюции правительству съезд избрал делегацию, в состав которой вошли только представители кадетов — С. А. Муромцев, И. И. Петрункевич, Ф. Ф. Кокошкин. Разумеется, занятая съездом последовательная конституционная позиция оказалась совершенно неприемлемой для С. Ю. Витте, не считавшего возможным обсуждать вопрос о введении конституционной формы правления. 1 декабря он направил руководителям земских кругов ответ на резолюцию съезда, в котором говорилось о недопустимости расширительного толкования начал Манифеста 17 октября, невозможности отмены исключительных положений и расширения компетенции Государственной думы.

Письмо С. Ю. Витте не содержало откровений для лидеров кадетов, но стало для них еще одним доказательством в пользу вывода о бесперспективности правительственного конституционализма. Расхождение кадетов с правительством С. Ю. Витте становилось необратимым, и в декабре 1905 г. П. Н. Милюков выступил против председателя Совета министров с несколькими статьями, в которых резко осудил репрессии правительства против участников революционного движения и высказал суждение, согласно которому С. Ю. Витте упустил свой шанс, так как отвергнул переход к конституционной форме правления. В статье «Основные задачи момента», опубликованной в январском номере «Свободного народа», П. Н. Милюков и вовсе выдвинул лозунг отставки правительства С. Ю. Витте, как обманувшего общественные ожидания.

СПРОС НА РЕВОЛЮЦИЮ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ И МАССОВАЯ КУЛЬТУРА В 1917 г.

К началу XX в. в России сформировалась особая субкультура революционного подполья. Был создан ряд символов и ритуалов, игравших важную роль в воссоздании структур подполья, воспитании новых поколений революционеров. Красные флаги и революционные песни, прежде всего «Рабочая марсельеза», становились эффективным инструментом организации массовых протестных акций.

В годы Первой российской революции революционные символы были растиражированы и противопоставлены официальной символике. Тексты песен публиковались в периодических изданиях и на специальных открытках, в моду входили красные банты. Даже лица, далекие от радикальных политических воззрений, волей-неволей знакомились со всевозможными значениями революционных символов. На какое-то время модные революционные символы становились элементом массовой культуры. «Рабочая марсельеза» проникала в быт различных социальных групп: выпившие простолудины, например, порой пели ее под аккомпанемент балалаек и гармоний.¹ Революционные песни доходили во время революции и до деревни, а сельские учительницы разучивали их со своими питомцами. Со знакомства с революционными песнями начинался порой процесс политизации, в некоторых слоях становилось весьма престижным знать запрещенные тексты. «В 1905 году мне было 14 лет, но я уже знал много революционных песен», — вспоминал Э. Иогансон, матрос крейсера «Баян» в 1917 г. Песни становились важным элементом агитации. «Рассказывал товарищам содержание революционных песен», — так описывал свою пропагандистскую деятельность другой моряк.² Во многих других случаях песни становились основой устных выступлений и листовок.

В послереволюционной России граница между легальной и нелегальной политической деятельностью становилась порой весьма неопределенной. Это отражалось и на отношении к революционным символам. С одной стороны, символы революции преследовались, порой исключение не делалось даже для гимна союзной Франции. Так, в театре при петроградском Путиловском заводе в годы первой мировой войны перед каждым спектаклем играли российский гимн «Боже, царя храни» и

гимны союзных держав. Однако «дружественный» французский гимн при этом не исполнялся.³ Но в то же время символы революции продолжали жить в массовом сознании. Песни подполья проникали и в казармы. Полицейский осведомитель в начале 1917 г. докладывал, что в помещении 2-го взвода нестроевой роты Кронштадтского крепостного артиллерийского склада «распеваются революционные песни и насмеваются над развешенными в казарме царскими портретами и портретами начальствующих лиц».⁴

Символы революции играли необычайно важную роль в дни Февраля. Красные флаги и революционные песни преобразовывали толпу в демонстрацию, превращали зрителей в участников событий.⁵

Рынок необычайно быстро откликнулся на новые запросы «революционизирующегося» потребителя. В Москве уже во время революционных событий уличные торговцы, быстро реагиовавшие на спрос, стали предлагать невиданный доселе товар: красные ситцевые ленточки, по 2 коп. за штуку. В революционной толпе товар расходился за несколько секунд. Счастливые обладатели дефицитных эмблем разрывали ленточки и делились со своими товарищами, которые также желали украсить себя символом революции.⁶ На улицах Петрограда появились продавцы, торгующие красными бантами и флажками (в середине марта стоимость красного банта составляла уже 20—30 коп.).⁷

Мода на красный цвет проявилась и в увеличении спроса на красную материю. Современный поэт-сатирик писал, обращаясь к «барышням-демократкам»:

Точно с тягостной потери
Гложет барышень тоска:
Боже, красных нет материй
В магазинах ни куска!

Как все это, право, гадко,
Точно свет пришел к концу!
Я — такая демократка,
И... мне красное к лицу! ⁸

Февральская революция привела к резкой политизации массового сознания.⁹ В условиях моды на политику, господствующую в первые месяцы революции 1917 г., революционная символика вновь становилась элементом народной культуры. Важнейшей чертой общественной жизни стала политизация досуга. Это сразу же проявилось в политизации театра. Порой

даже самые обычные спектакли превращались в политические манифестации.

13 марта 1917 г., впервые после свержения монархии, вновь открылись бывшие императорские театры Петрограда. В Мариинском театре шли увертюра Н. Н. Черепнина «Памяти павших борцов за свободу» и «Майская ночь». По требованию публики хор и оркестр несколько раз исполняли «Памяти павших», «Эй, ухнем» и «Марсельезу». 15 марта «Спящей красавицей» открылись балетные спектакли театра, публика также постоянно требовала «Марсельезу», при ее выступлении все присутствовавшие вставали. Спектакли «старорежимные» отменялись. Звучали предложения исключить из репертуара «Жизнь за царя», а то и все пьесы, в которых фигурировали члены дома Романовых. В менее серьезных театрах репертуар был быстро «революционизирован». Уже 12 марта сообщалось, что в Литейном театре Е. А. Мосоловой идет спектакль «Крах торгового дома Романов и Ко». Кабаре «Би-Ба-Бо» предлагало своим зрителям инсценировку «Марсельезы» и революционную песнь «Здравствуй, Россия свободная». Завершали программу «Песнь об Алисе», «Американский роман» и цыганский хор.¹⁰

Иногда же революционизировались старые постановки, переделялись сценарии, менялось музыкальное сопровождение. Так, в Благовещенске в начале апреля труппа Народного дома играла «Рабочую слободку», в пьесу были включены революционные песни.¹¹

После Февраля появился и новый театральный жанр, пользовавшийся первоначально огромной популярностью, — митинги-концерты: выступления оркестров и хоров, художественные декламации чередовались с речами популярных ораторов, и именно на них шла порой публика, их имена печатались на афишах и рекламных плакатах. Звездой таких митингов-концертов был А. Ф. Керенский. На митинге-концерте в петроградском цирке Чинизелли «популярный министр», встреченный овацией, предложил спеть «Марсельезу». Корреспондент одной из газет сообщал: «А. Ф. Керенский затягивает первые слова. В это время дирижер оркестра дает министру юстиции смычок, и он продолжает им дирижировать. В заключение к Керенскому обращается капельмейстер Волынского полка: „Вы не только блестящий министр, но и дирижер“».¹²

В митингах-концертах участвовали и виднейшие деятели русского искусства, которые порой представляли на суд публики собственные революционные произведения. На концерте-митинге гвардейского Преображенского полка Ф. И. Шаляпин исполнил «гимн революции», автором стихотворного текста был сам певец, а музыка была частично заимствована из

военной песни гарибальдийцев. В Севастополе, во время грандиозного концерта под открытым небом, Шаляпин исполнял «гимн революции» с красным знаменем в руках.¹³

«Революционизировался» и «демократизировался» жанр благотворительных балов. 22 апреля в Русском общественном собрании Ревеля был организован бал-маскарад в пользу «борцов революции». Приглашенный оркестр 2-го артиллерийского полка, разумеется, начал свое выступление с исполнения «Марсельезы».¹⁴

Революционная традиция сразу же повлияла на кинематограф: на сеансах играли «Марсельезу». Удивительно быстро появились и новые кинофильмы. Уже 21 марта можно было видеть рекламные сообщения о том, что в кинотеатре «Художественный» идет фильм «Гришка Распутин», а кинематограф «Нирвана» предлагал ленту «Темные силы и Григорий Распутин». Было быстро выпущено несколько соответствующих «революционных» фильмов, названия многих лент цитировали революционные песни: «Отречемся от старого мира», «Вы жертвою пали в борьбе роковой», «Не плачьте над трупами павших бойцов». Подчас под одним названием такого рода конкурирующими фирмами снималось сразу несколько фильмов. Девиз партии эсеров «В борьбе обрешь ты право свое» дал также название фильму. В 1917 г. снималась картина с актуальным названием «Буржуй. (Враг народа): Социальная драма». Несколько фильмов знакомили зрителей с историей освободительного движения, обличая павший режим и прославляя «борцов за свободу».¹⁵

Символически революция отразилась и на деловой жизни: владелец кафе, например, дал своему заведению название «Свобода». Дельцы кинобизнеса также ориентировались на политическую конъюнктуру; появились фирмы «Воля» и «Свобода», а новый кинотеатр получил название «Республика».¹⁶

Организовывались и революционные экскурсии, которые могли перерасти в внушительные политические демонстрации.

В воскресенье, 6 августа, состоялась поездка большой группы петроградских рабочих в Кронштадт, ее организатором был В. Володарский, один из лучших большевистских агитаторов, а среди участников были делегаты VI съезда партии. Экскурсанты, которых сопровождало несколько оркестров, погрузились на три парохода и под звуки «Марсельезы» отправились в путь. Духовая музыка играла то на одном корабле, то на другом, а в промежутках тысячи рабочих пели «Интернационал» и другие революционные песни. Кронштадтцы также встретили прибывших гостей музыкой. Три духовых оркестра и один струнный, расположенные в различных местах, один за другим играли

«Интернационал» и «Марсельезу». У могил жертв революции 1905 г. был исполнен революционный похоронный марш «Вы жертвою пали». Данная политическая экскурсия выделяется своим размахом, но можно привести и массу других примеров «революционного туризма». Кронштадтцы нанесли ответный визит рабочим Сестрорецка.¹⁷

Печаталось множество брошюр и открыток, на которых изображались поверженные карикатуры на царя и портреты деятелей революции, символы «старого режима» и победоносные символы революции, прежде всего красное знамя.

Выпускались специальные значки-жетоны в форме медалей. На них также часто были изображены красные флаги. Выделяются жетоны, посвященные Керенскому. Они копировали соответствующие жетоны и медали с изображениями Николая II и других членов императорской фамилии; насколько нам известно, ни один другой деятель Февраля не удостоился подобной «чести», впрочем, несколько жетонов было выпущено в честь генерала А. А. Брусилова. Один жетон в честь «революционного министра» особенно показателен: на лицевой стороне было помещено «изображение А. Ф. Керенского в растительном орнаменте, вправо обращенное», а на оборотной — надпись: «Славный — мудрый — истинный и любимый вождь народа 1917 г.». Средства, вырученные от продажи жетонов, поступали на патриотические нужды. В атмосфере распространения культа революционного вождя появились даже слухи о выпуске новых медалей с изображением Керенского. «Зато появились медали с выбитым на них римским профилем, которые носятся рядом с Георгиевским крестом», — сообщала в своем письме от 20 июня аристократка своим близким. Из контекста ясно, что речь идет о Керенском, а упоминание о «римском профиле» имеет антисемитскую направленность (распространялись разнообразные домыслы о еврейском происхождении министра). Любопытно, что слухи в этой среде преувеличивали воздействие монархической традиции на формирование культа революционного вождя, предвосхищая тем самым своеобразную частичную символическую реставрацию, осуществленную Сталиным в 40-е гг., когда на медалях СССР появился профиль живого вождя. Некоторые жетоны с изображением Керенского стали образцом для значков советского времени, на которых уже с 1918 года изображался В. И. Ленин. Они создавались в тех же мастерских, похоже, что при этом использовались те же формы и штампы.¹⁸

В обстановке «моды на политику» и «моды на революцию», в атмосфере политизации частной жизни образ популярного вождя революции стал элементом китча. При этом образцы

массовой культуры пользовались известным спросом и у представителей культуры «высокой». «Есть у меня такой сувенир: бирюзовая картонная книжечка с золотым ободком, распахнешь: слева — разбитое зеркало, справа — Керенский. Керенский, денно и нощно глядящийся в дребезг своих надежд. Эту реликвию я получила от няньки Нади в обмен на настоящее зеркало, цельное, без Диктатора», — вспоминала М. И. Цветаева.¹⁹

Некоторое время подобные бюсты пользовались большим спросом и стали даже своеобразным дефицитом. Так, бюсты Керенского, исполненные скульптором Дмитриевским, стали премией для лиц, приобретающих облигации «Займа Свободы». В июле многие лица, изъявившие желание подписаться на 15—20 тыс. руб., узнав, что премия выдается только подписавшимся на 25 тыс., увеличивали сумму подписки.²⁰

Большим спросом пользовались и открытки с изображениями «народного министра», его портреты появлялись в витринах магазинов, его фотографии выставлялись на аукционах. На улицах во время импровизированных патриотических аукционов продавались портреты «народного вождя», звучали слова: «Товарищ Керенский — двести рублей! Кто больше?» В Ростове-на-Дону, например, портрет «лучшего гражданина» был продан за 390 руб. На концерте-митинге, организованном Центральным комитетом по организации революционной добровольческой армии ударных батальонов, был устроен американский аукцион, на котором портрет Керенского был продан за 12 тыс. руб. Но своеобразный рекорд, по-видимому, был установлен в Москве: после знаменитого выступления Керенского в Большом театре его фотография была продана за 16 тыс. руб. На других аукционах продавались и бюсты «первого гражданина».²¹

Издатели приступили к выпуску литературы, соответствующей требованию момента. Большим спросом пользовались песенники, в которые включались революционные песни. Революционные песни пели, их стремились выучить, они становились модными. Различные же политические силы пропагандировали песни, публикуя, как и в 1905 г., их тексты в виде отдельных листовок и открыток. Так, например, большевистское издательство «Прибой» выпустило серию открыток с портретами Маркса, Энгельса и текстом «Интернационала».²² О популярности революционных песен свидетельствует и спрос на соответствующие песенники.²³ Солдат-фронтовик писал в редакцию меньшевистской газеты, он просил о посылке политических книг, «а также политических песенников, и не мешает напомнить мотив песни, на какую старую будет сходен».²⁴ Участники первых демонстраций пели мало-знакомые песни, заглядывая в небольшие песенники.²⁵

Нам удалось выявить 82 песенника, изданных в 1917 г.²⁶ Однако можно с уверенностью предположить, что некоторые издания остались нам неизвестными.

В целом можно выделить два типа сборников песен: собрания старых песен революционного подполья и сборники стихотворений поэтов (часто — поэтов-любителей), написанных в 1917 г. после Февраля. В последнем случае стихи часто создавались под влиянием популярных песен (не обязательно революционных). Некоторые же брошюры представляли собой комбинацию двух подобных типов изданий. Издавались и песенники традиционного типа, включавшие народные песни, цыганские и городские романсы и т. п. Показательно, что в 1917 г. в этих песенниках публиковались и революционные песни, это служит подтверждением их популярности.

Песенники издавались самыми разнообразными издательствами. Их печатали и социалисты-революционеры, и социал-демократы — меньшевики, большевики, объединенные организации. Песенники выпускали и издательства всевозможных Советов и комитетов, и частные, коммерческие издательства. Это само по себе свидетельствует о популярности революционных песен; очевидно, предполагалось, что выпуск подобных брошюр будет приносить прибыль.

Ситуацию сразу же уловили производители граммофонных пластинок, немедленно приступившие к выпуску соответствующих дисков. Реклама фирм обещала: «...вскоре Свободная Россия услышит на знаменитых пластинках „Пишущий Амур” все лучшие и любимые номера революционного репертуара». Киевская фирма «Электрофон» гордилась тем, что начала выпускать «свободные» пластинки «с первых дней революции». Реклама завлекала: «Русский соловушко — Мария Александровна Каринская исполнила весь свой новый репертуар цыганских романсов и песен свободы». Фирма выпустила, разумеется, запись «Рабочей марсельезы» в исполнении хора А. А. Кошица под аккомпанемент оркестра С. Т. Аббакумова. «Электрофоном» были выпущены также украинский национальный гимн и гимн сионистов. Московское акционерное общество «Грамофон» подготовило серию пластинок «Гимны, песни и речи свободы». Поступили в продажу несколько записей «Марсельезы». «Русская марсельеза» звучала в исполнении хора Московского государственного театра. Было также выпущено не менее трех записей революционного похоронного марша («Вы жертвою пали»). Чаще всего в 1917 г., разумеется, выпускались пластинки с записями «Марсельезы», затем следовали записи революционного похоронного марша («Вы жертвою пали»). Известно также не менее двух записей «Варшавянки» и двух — «Интернационала».²⁷ Безусловно был спрос на пластинки такого рода.

Революционные песни проникали в частную жизнь, политизируя досуг, их, например, играли и пели в ресторанах. Солдаты же разучивали их подчас по собственной инициативе, в свободное время, пели «для души». Офицер-монархист записал 17 апреля в дневнике о своих драгунах-малороссах: «Но не украинские песни поют они, не старые полковые песни, которые мы слушали среди турецких пустынь, персидских степей и перевалов и среди снегов Западного фронта. Нет — они изволят петь „Марсельезу“, да и поют они ее плохо, иногда ошибаются и в словах, и в напеве. Но стараются, как дети, и все стройнее и стройнее звучит нерусский напев... Надо закрыть окно, в которое врывается новая, победная, гордая песнь».²⁸

«Мода на революцию» продолжалась несколько месяцев. Революционная эйфория затем сменилась разочарованием и апатией, внимание все большего числа людей было сосредоточено на житейских, бытовых проблемах своих семей. Однако сам факт участия рыночных структур в распространении символов революции необычайно важен. Он отражал огромный массовый спрос. Производители и продавцы, естественно, были заинтересованы в сбыте своего товара — революционных символов, рекламировали его, провоцировали спрос различными способами. Парадоксально, но наряду с социалистическими политическими партиями именно рыночные структуры немало сделали для распространения революционной и социалистической символики, которая нередко провоцировала затем борьбу против «буржуазии» и «буржуев».

Проникновение революционных политических символов в массовую культуру поддерживалось затем советским режимом. Это порой рассматривалось как профанация священных символов революции (коммерческое использование национальной символики в США считалось ярким проявлением буржуазной политической культуры). Но А. В. Луначарский выступил в 1925 г. за самое широкое распространение революционных символов: «Надо сказать, что такой грубый символ для нашего пролетариата является часто полным волнующей прелести и заставляет его трепетать. Впечатление красного знамени, Интернационала может быть не всем понятно, но нет ничего пошлого в том, что пролетариат на них реагирует».²⁹

¹ В такой атмосфере легко было перейти к оскорблению императора, а это влекло судебное преследование (РГИА, ф. 1405, оп. 521, л. 476, л. 349). Впрочем, и простое исполнение песен влекло репрессии.

² Иогансон Э. Где я принимал активное участие в Октябрьской социалистической революции в 1917 г. // Рукописно-документальный фонд Центрального военно-морского музея, № В-7763/1, л. 57; Мясин А. С. [Воспоминания] // Там же, № В-9111.

³ Лемешов Ф. На Путиловском заводе в годы войны // Красная летопись. 1927. № 2(23). С. 5.

⁴ РГА ВМФ, ф. Р-315, оп. 1, д. 18, л. 18 об.

⁵ Корнаков П. К. 1917 год в отражении вексиллологических источников. (По материалам Петрограда и действующей армии) : Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989; Колоницкий Б. И. «Марсельеза» по-русски: песни в политической культуре революции 1917 года // Russian Studies : Ежеквартальник русской филологии и культуры. 1996. Т. II. № 2. С. 7—47.

⁶ Dune E. M. Notes of a Red Guard. Urbana; Chicago, 1993. P. 35.

⁷ Русская воля. 1917. 17 марта.

⁸ Дон-Жуан. Барышням-демократкам // Развлечение : Приложение к иллюстрированному журналу «Родина». 1917. № 12. С. 2.

⁹ См.: Соболев Г. Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. (Период двоевластия). Л., 1973. 330 с.

¹⁰ Петроградская газета. 1917. 12, 14 марта.

¹¹ Безпалов В. Театры в дни революции. Л., 1927. С. 39, 41; Суханов Н. Н. Записки о революции. М., 1991. Т. 1. С. 263, 264; Амурское эхо. Благовещенск, 1917. 8 апреля; Русская музыкальная газета. 1917. № 17—18. Стб. 358; № 19—20. Стб. 380.

¹² Цит. по: Соболев Г. Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда. С. 162—163.

¹³ Безпалов В. Театры в дни революции. С. 43—44. — Тексты гимна публиковались в сборниках революционных песен: Песни свободы. Армавир, 1917. Вып. 1. С. 17; Песни и гимны свободной России. М., 1917. С. 12—13; Известия Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов. 1917. 13 июля.

¹⁴ РГА ВМФ, ф. Р-402, оп. 2, д. 119, л. 105 об.

¹⁵ Петроградская газета. 1917. 21 марта; Кине-журнал. 1917. № 11/16. С. 137, XIV; Сине-фоно. 1917. № 11—12. С. 31, 64, 97, 120.

¹⁶ Кине-журнал. 1917. № 7/10. С. 71; № 11/16. С. 15, 122; Сине-журнал. 1917. № 17—20. С. 88.

¹⁷ Пролетарий. 1917. 15, 18 августа; Колбин И. Н. Кронштадт от Февраля до корниловских дней // Красная летопись. 1927. № 2(23). С. 155; Флеровский И. П. Большевицкий Кронштадт в 1917 году. (По личным воспоминаниям). Л., 1957. С. 79.

¹⁸ Рафальский С. Что было и чего не было. Лондон, 1984. С. 59; Русская армия, 1917—1920 : Обмундирование, знаки различия. Награды и нагрудные знаки / Сост. О. В. Харитонов, В. В. Горшков. СПб., 1991. С. 47—48; Кривцов В. Д. Аверс № 2 : Советские значки и жетоны : (Каталог для коллекционера). М., 1996. С. 172—173; РГИА, ф. 1623, оп. 1, д. 613, л. 37 об.

¹⁹ Цветаева М. И. Собрание сочинений. М., 1994. Т. 4. С. 521.

²⁰ Биржевой курьер. 1917. 28 июля; Смирнова Е. Ю. Язык революции в финансовых периодических изданиях. С. 5. (Машинопись). — Благодарю Е. Ю. Смирнову за сообщенные мне сведения.

²¹ Русский инвалид. 1917. 28 июня; Труд. 1917. 10 августа; Петроградская газета. 1917. 1, 2 августа; Abraham R. Alexander Kerensky. London, 1987. P. 207.

²² Дрейден С. Д. Музыка — революции. М., 1981. С. 131.

²³ Спрос на песенники пыталось использовать в своей пропаганде германское командование. Издательство берлинской газеты «Русской вестник», выпустившей немецкими властями для российских военнопленных в Германии, напечатало песенник с нотами для балалайки (само издание нам не удалось просмотреть, подбор песен неясен). Брошюра использовалась в 1917 г. для фронтовой пропаганды. Так, в конце мая—начале июня только на участке 2-й Баварской ландверной дивизии, дислоцированной в Латвии, в русские окопы разными способами переправлялось по нескольку десятков песенников в день. Немецкие разведчики доносили, что русские солдаты встретили песенник «с пением и радостью» (Баварский военный архив (Мюнхен), ф. 2-й Баварской ландверной дивизии, оп. 5, д. 2, 9).

²⁴ Рабочая газета. 1917. 11 мая.

²⁵ Русский инвалид. 1917. 28 июня.

²⁶ Источники: «Книжная летопись» за 1917 г., картотеки РНБ, каталоги издательств. Подробный список изданий песенников содержится в монографии Н. И. Миронец (*Миронец Н. И.* Революционная поэзия Октября и гражданской войны как исторический источник. Киев, 1988. С. 167—174).

²⁷ Граммофонный мир. 1917. № 6—7. С. 6—9, 14—15; № 8. С. 8—9.

²⁸ *Столыпин А. А.* Записки драгунского офицера. 1917—1920 гг. // Русское прошлое. 1992. Кн. 3. С. 14—15.

²⁹ Судьбы русской интеллигенции : Материалы дискуссий 1923—1925 гг. / Отв. ред. В. Л. Соскин. Новосибирск, 1991. С. 54.

Г. Л. СОБОЛЕВ

«НЕМЕЦКИЙ КЛЮЧ» К РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ПОЛИТИКА, ИСТОРИЯ, МИФОЛОГИЯ

Современные исследователи Русской революции сходятся в том, что сегодня наблюдается глубокий кризис ее интерпретации как в России, так и на Западе. Истоки этого кризиса — утрата веры в объективные исторические законы, размывание методологических основ исторической науки, отсутствие сколько-нибудь удовлетворительных новых концепций и подходов. Как справедливо полагает американский историк Л. Хаймсон, «этим можно объяснить появление таких стереотипов в интерпретации исторических процессов, как объяснение падения царского режима срывом реформ П. А. Столыпина из-за убийства его террористом, изображение Февральской революции следствием подпольной деятельности масонов, сужение трактовки Октябрьского переворота к заговорщической деятельности большевиков».¹

Особый интерес в общественном мнении начала эпохи гласности приобрел вопрос о «германском золоте» и «немецких агентах-большевиках». Теперь, когда этот сюжет потерял свою остроту и актуальность, полезно с открытыми глазами заглянуть в политический и исторический арсенал, накопленный с 1917 г. Сразу же следует отметить, что ведущая роль в разработке проблемы финансирования Германией большевиков в течение длительного времени принадлежала западным специалистам. Основываясь на документальных публикациях разной степени достоверности и ценности, современные западные историки приходят здесь к разным наблюдениям и заключениям. Спектр их мнений размещается между крайними точками зрения американских историков Р. Пайпса и А. Рабиновича. Если

первый не сомневается в том, что большевики были платными агентами Германии и в октябре 1917 г. в Петрограде произошел германо-большевистский заговор на немецкие деньги, то второй полагает, что, «хотя сам Ленин, видимо, знал о „немецких деньгах“, нет никаких свидетельств того, что эти деньги как-либо повлияли на его позиции или политику партии. В конечном счете эта помощь не оказала существенного влияния на исход революции».²

Что касается отечественных историков, то в течение длительного времени эта тема была для них запретна, и им позволялось только отметить с порога обвинения в финансовых связях большевиков с Германией как клеветнические. Неудивительно поэтому, что в новой политической ситуации первыми и единственными специалистами стали оперативные публицисты, испытывавшие радость приобщения к неведомой им дотоле западной литературе, а затем и новые «официальные историографы», вынесшие окончательный приговор большевикам.³ Но оттого что массовое общественное сознание легко и охотно поглотило запретный плод, оно не перестало быть ложным.

Чтобы ответить на вопрос о том, насколько обоснованны обвинения большевиков в «преступных связях» с Германией, необходимо принять во внимание совокупность всех выявленных сегодня источников и фактов, преодолеть избирательный и тенденциозный подход к ним, использовать все достижения новейшей западной и отечественной историографии. В связи с этим следует остановиться на ряде эпизодов, по поводу которых существуют противоречивые, а часто и просто спекулятивные суждения. Во-первых, относительно «открытия» наших публицистов, будто бы Ленин стал платным агентом германского Генерального штаба еще до возвращения в Россию в апреле 1917 г. По авторитетному мнению современного американского исследователя С. Ляндреса, авторы этих отчетливо политизированных публикаций «совершенно не стремятся разобраться в существовании этой далеко не однозначной темы, над которой вот уже на протяжении 30 лет работают историки и архивисты в Западной Европе и США».⁴ В самом деле, из опубликованного в 1958 г. в Лондоне под редакцией З. А. Земана сборника документов германского МИД «Германия и революция в России. 1915—1918» стало известно, что германский Генеральный штаб использовал в качестве платных агентов в Швейцарии эсера Цивина и финского социалиста Кескюлу, эстонца по происхождению. Оба они доставляли немецкой стороне сведения о политических настроениях российских эмигрантов, включая большевиков. И хотя в этих документах не содержится прямых фактов о том, что получаемые Цивином

и Кескюлой от немцев денежные средства попадали и к большевикам, тем не менее они вместе с фантастическими и нереализованными планами Парвуса используются недобросовестными авторами для прямых обвинений Ленина и большевиков в измене.⁵

Первой реальной помощью, которую немцы действительно оказали большевикам, было их энергичное содействие в переезде Ленина и его сторонников из Швейцарии через Германию в Россию. Опубликованные документы в сборниках В. Хальвега «Возвращение Ленина в Россию» и З. А. Земана «Германия и революция в России. 1915—1918» показывают, что главным объединяющим стимулом было совпадение интересов принципиальных противников продолжения войны — большевиков и германского правительства, кровно заинтересованного в прекращении боевых действий на Восточном фронте. Но во всех этих документах нет ни слова о деньгах, которыми якобы снабдили эмигрантов-большевиков их «немецкие друзья». Показательно, что сторонники этой версии предпочитают не обращаться к документам противоположной стороны, а зря. Из опубликованной впервые в 49-м томе Полного собрания сочинений В. И. Ленина конфиденциальной переписки за этот период можно узнать, что «крамольная» мысль добраться до России через Германию появилась у вождя большевиков независимо от немецкой стороны. Делясь этой мыслью с И. Ф. Арманд, он писал 19 марта 1917 г.: «Вы скажете, может быть, что немцы не дадут вагона. Давайте пари держать, что дадут! Конечно, если узнают, что сия мысль от меня или от Вас исходит, то дело будет испорчено... Нет ли в Женеве дураков для этой цели?»⁶ Из этой переписки видно, какие усилия прилагал Ленин, чтобы достать деньги для проезда для себя и своих сторонников.⁷ Так, в телеграмме Я. С. Ганецкому от 1 апреля 1917 г. Ленин просит: «Выделите две тысячи, лучше три тысячи, крон для нашей поездки. Намереваемся выехать в среду минимум 10 человек. Телеграфируйте».⁸ Любопытно, что телеграммы, связанные с получением этих денег, были впоследствии использованы против Ленина его соратником Сталиным. После того как последнему стало известно, что Ленин в своем «Письме к съезду» предложил переместить Сталина с поста генсека, он дал своему личному секретарю И. П. Товстухе, направленному помощником Л. Б. Каменева по изданию сочинений Ленина, щекотливое задание найти компромат на вождя революции. В 1923 г. в журнале «Пролетарская революция» (№ 9) были опубликованы две телеграммы Ленина из Петрограда в Стокгольм от 12 и 21 апреля 1917 г. В первый из них Ленин писал Ганецкому и Радеку: «До сих пор ниче-

го, ровно ничего: ни писем, ни пакетов, ни денег от вас не получили».⁹ Во второй он сообщал, что деньги — 2 тыс. шведских крон — получены.¹⁰ Эти телеграммы, выхваченные из контекста всей переписки давали повод для их превратного толкования, к которому неоднократно прибегали сторонники версии о большевиках как немецких агентах.

Разумеется, возвращение Ленина и его сторонников в Россию через Германию не могло не стать козырной картой в руках его политических противников, увидевших реальные очертания большевистской опасности. Перспектива дискредитации большевиков в глазах симпатизировавших им рабочих и солдат была настолько привлекательной, что Временное правительство поручило контрразведке начать сбор компромата на руководителей большевистской партии, установив с этой целью постоянный контроль над их перепиской и телефонными разговорами. Позднее, в эмиграции, А. Ф. Керенский станет утверждать, что идея устроить судебную расправу над Лениным и партией большевиков возникла у него в апреле 1917 г. в результате встречи с французским министром Альбертом Тома, который посоветовал ему называть большевиков «агентами германского Генерального штаба».¹¹ Так или иначе, но к началу июля 1917 г., когда Временному правительству в условиях нависшей над ним опасности пришлось «преждевременно» открыть его козырную карту, с компроматом на большевиков было не так уж густо. Помимо показаний пресловутого прапорщика Ермоленко, заявившего, что Ленин — один из многих немецких агентов, заброшенных в Россию,¹² достоянием контрразведки стала переписка между торговой фирмой Парвуса—Фюрстендерга и его финансовым агентом в Петрограде Е. М. Суменсон. Но в условиях, когда, по словам взявшего на себя инициативу министра юстиции Временного правительства П. Н. Переверзева, «предстояло сделать выбор между предполагавшимся (когда неизвестно) окончательным выяснением всех корней и нитей грандиозного преступления и немедленным и верным подавлением мятежа, грозившего ниспровержением власти», организаторам акции пришлось пойти на подлог и обман солдат Петроградского гарнизона, от которого зависело, удастся ли Временному правительству удержаться у власти. Вместо мало что говорящей коммерческой переписки в прессу было запущено составленное на ее основе в бюро печати при Временном правительстве «сообщение» о преступных связях большевиков с германским Генеральным штабом, подписанное двумя «возмущенными гражданами» — бывшим депутатом большевистской фракции II Государственной думы Г. Алексинским и эсером В. Панкратовым. И хотя содержащиеся в этом «сообщении»

нии» обвинения в адрес большевиков, по свидетельству другого министра Временного правительства И. Г. Церетели, «поражали своей поверхностью и необоснованностью»,¹³ они произвели на доверчивых солдат должное впечатление и спасли тогда положение властей. Бульварное «Живое слово», первым опубликовавшее 5 июля 1917 г. «материалы о преступных связях большевиков», назвало даже и сумму полученных большевиками от немцев денег — 20 млн руб., которую, однако, на следующий день пришлось скорректировать в «поправке» до 20 тыс. руб.¹⁴

Что же касается, по терминологии П. Н. Переверзева, «окончательного выяснения всех корней и нитей грандиозного преступления», то специальная следственная комиссия прокурора Петроградской судебной палаты, расследовавшая дело Ленина по обвинению в получении немецких денег в июле—октябре 1917 г., не смогла обнаружить прямых доказательств, подтверждающих финансирование большевиков через торговую фирму Парвуса—Фюрстенберга. Не смогли этого сделать впоследствии и русские историки-эмигранты, и их западные коллеги. Специально занимавшийся этим вопросом С. П. Мельгунов опубликовал в 1940 г. в Париже книгу «Золотой немецкий ключ большевиков». Анализ 29 опубликованных в июле 1917 г. по распоряжению П. Н. Переверзева телеграмм привел его к предположению о том, что они содержат закодированную информацию о «какой-то подозрительной деятельности» большевиков, и к выводу о том, что «в кармане Парвуса, связанного и с социалистическим миром, и с Министерством иностранных дел, и с представителями Генерального штаба, надо искать тот „золотой немецкий ключ“, которым открывается тайна необычайно быстрого успеха ленинской пропаганды».¹⁵ Однако все, кто в последующем обращался к этой проблеме, считали, что этот ключ уже найден самим Мельгуновым, и немецкое субсидирование большевистской печати в 1917 г. стало аксиомой зарубежной, а теперь и отечественной историографии.¹⁶

Однако теперь, после выхода в 1995 г. книги американского профессора С. Ляндреса «К пересмотру проблемы „германского золота“ большевиков. Расследование обвинений 1917 г.»,¹⁷ похоже, придется искать другие источники финансирования большевистской печати. Основываясь на источниковедческом анализе 66 телеграмм, отобранных и подготовленных к публикации в июльские дни 1917 г., в том числе и 29 телеграмм, тогда появившихся в прессе, С. Ляндрес пришел к выводу, что их содержание не подтверждает июльских обвинений в адрес большевиков. «В действительности, — пишет он, — телеграммы не содержат свидетельств о переводе каких-либо капиталов

из Стокгольма в Петроград».¹⁸ С. Ляндрес отвергает предположения о закодированном характере корреспонденции между Стокгольмом и Петроградом, настаивает на том, что деятельность фирмы Парвуса—Фюрстенберга носила «чисто коммерческий характер».¹⁹ Упомянутые в этих телеграммах переводы огромных по тем временам сумм денег — до 100 тыс. руб., подчеркивает он, представляли собой плату за товары, экспортированные фирмой Парвуса—Фюрстенберга из Стокгольма в Петроград. Товары направлялись в Петроград, а вырученные за них деньги — в Стокгольм, но никогда эти средства не шли в противоположном направлении.²⁰

Отвечая на вопрос о том, почему подлинное содержание этой коммерческой переписки не было раскрыто в 1917 г., С. Ляндрес считает, что, возможно, нежелание большевиков разъяснять содержание телеграмм можно объяснить крайне отрицательным отношением большинства руководства партии к коммерческой деятельности Ганецкого и Козловского, особенно к их сотрудничеству с Парвусом. Подобное замалчивание, справедливо полагает он, послужило поводом для всевозможных кривотолков со стороны политических противников большевиков, а также подозрений, догадок и предположений со стороны западных последователей, занимавшихся изучением этой проблемы.

Так или иначе, но теперь, после выхода этой книги С. Ляндреса, придется критически переосмыслить все ранее вышедшие по этой проблематике работы, исходившие из прямо противоположных предположений, не доказанных в 1917 г. и опровергнутых теперь. Но особенно должны быть огорчены сторонники теории заговора «мировой закулисы», центральной фигурой которой в борьбе против России был якобы Парвус. Для обоснования подобной теории требуются бесспорные факты, а не меморандумы с рекомендациями, «каким образом вызвать беспорядки в России и подготовить революцию, которая заставит царя отречься от престола». Пока же не обнаружено ни одного документа, который бы свидетельствовал о том, что Парвус перекачивал немецкие деньги в Россию и именно большевикам.²¹

Единственным известным на сегодня реальным лицом, через которое большевики получали на партийные нужды деньги иностранного происхождения, является швейцарский социал-демократ Карл Моор. Однако в течение многих лет, основываясь на опубликованных протоколах ЦК большевиков 1917 г., которые давали определенные основания считать, что предложение К. Моора о финансовой помощи было отклонено большевистским руководством «ввиду невозможности проверить действительный источник предлагаемых средств»,²² историки партии твердо стояли на том, что это предложение

было отвергнуто. Наконец, в 1990 г. журнал «Коммунист» признал, что «крупный денежный заем» большевики получили в 1917 г. от швейцарского социал-демократа К. Моора, ставшего незадолго до этого обладателем «большого наследства». Была названа и сумма возвращенного К. Моору долга в 38 430 долларов.²³ Опубликованные в 1993 г. документы из так называемых «особых папок» секретариата ЦК и Оргбюро за 1923—1927 гг. подтверждают, что Заграничное бюро ЦК большевиков в течение 1917 г. неоднократно получало денежные субсидии от К. Моора — всего около 40 тыс. долларов.²⁴ Но попытка представить получение этих денег как заем от внезапно разбогатевшего сторонника большевиков выглядела в 90-х гг. довольно неуклюжей: ведь еще в 60—70-е гг. западные исследователи установили, что в годы первой мировой войны Моор не только поддерживал в Швейцарии большевиков-эмигрантов идейно и материально, но и информировал о них представителей германского правительства. С марта 1917 г. он имел уже прямые контакты с германским посланником в Берне фон Ромбергом, по заданию которого Моор выезжал в Стокгольм, где и передал Заграничному бюро ЦК большевиков указанную выше сумму в несколько приемов летом 1917 г.²⁵ Интересно, что подозрения относительно источника происхождения денег Моора возникли тогда и у Ленина, который в ответ на запрос членов Заграничного бюро, как поступить с полученными от Моора деньгами, советовал им быть крайне осторожными. «Но что за человек Моор? — спрашивал он. — Вполне ли и абсолютно ли доказано, что он честный человек? Что у него никогда и не было и нет ни прямого, ни косвенного сношения с немецкими социал-империалистами?»²⁶ Видимо, по этой причине ЦК большевиков и принял в сентябре 1917 г. решение отказаться от предложенной Моором финансовой помощи. Полученные же в Стокгольме деньги, как установил все тот же С. Ляндрес, в Россию не пересылались, а были употреблены с ведома Ленина на организацию состоявшейся в сентябре 1917 г. 3-й Циммервальдской конференции. «Принимая во внимание цели конференции и состав ее участников, — пишет он в связи с этим, — можно с уверенностью сказать, что „немецкие деньги“, на которые она была устроена, были использованы в неменьшей степени против правительства кайзеровской Германии, чем против Временного правительства А. Ф. Керенского, предпринявшего неудачную попытку юридически доказать измену большевиков, организовавших на „немецкие деньги“ антивоенную пропаганду в России».²⁷

Итак, конкретных документов о немецком финансировании большевистской пропаганды пока обнаружить не удалось, и за-

падные историки вынуждены приводить всякий раз в качестве «убедительного свидетельства» такого финансирования письмо министра иностранных дел Германии Рихарда фон Кульмана Вильгельму II от 3 декабря 1917 г., в котором утверждается, что «только когда большевики начали получать финансовые средства на постоянной основе через различные каналы и под разными предложениями»,²⁸ им удалось сделать свою пропагандистскую кампанию эффективной. Однако попутно здесь возникает ряд вопросов: почему правые эсеры, получившие осенью 1917 г. на антибольшевистскую пропаганду от США по меньшей мере 1 млн долларов,²⁹ не смогли сделать ее эффективной? Почему выходявшая на американские деньги в Петрограде в октябре 1917 г. «Народная правда», печатавшая многочисленные статьи о германском шпионаже, так и не смогла «достать» большевиков? Почему распорядившийся этим миллионом Комитет гражданского просвещения во главе с «бабушкой русской революции» Е. К. Брешко-Брешковской, располагая двумя десятками печатных органов по всей России и четырьмя изданиями,³⁰ не смог помочь Временному правительству удержаться у власти?

Отвечая на эти непростые вопросы, профессиональный историк в отличие от политиков и пропагандистов должен оставаться на почве реальных исторических фактов, помня о том, что тот, кто присваивает себе право на абсолютную истину, рано или поздно будет разоблачен. Яркий тому пример — печальная история с так называемыми «документами Сиссона», опубликованными в 1918 г. в США под названием «Германо-большевистский заговор» и являвшимися в течение длительного времени главным доказательством «торжества германских интриг» в России в 1917 г. Хотя первым, кто поставил вопрос о подложности этих «документов», был еще в 1956 г. американский историк Дж. Кеннан.³¹ Только теперь, с выходом в 1994 г. блестящего исследования профессора В. И. Старцева,³² поставлена точка в многолетнем споре как о подлинности или подложности «Документов Сиссона», так и об источниках их происхождения. В. И. Старцев убедительно раскрыл личность настоящего автора этих «документов» — российского журналиста польского происхождения Ф. Оссендовского, занимавшегося прямой фальсификацией фактов и событий в угоду политической конъюнктуре того времени. Обнаружив в Национальном архиве США еще сотню вышедших из-под пера Ф. Оссендовского «документов», никогда ранее не публиковавшихся, петербургский историк внес полную ясность в этот запутанный вопрос, окончательно разрушил опорный элемент политической и исторической мифологии о германско-большевистском заговоре в 1917 г. Как

убедительно показал В. И. Старцев, назначение этих «документов» состояло в том, чтобы доказать, что коварная Германия, готовясь к первой мировой войне, уже имела план использования в своих целях «предателей-большевиков» и поэтому заблаговременно обеспечила их финансирование в нейтральных странах. Однако имеющиеся в этих «документах» весьма существенные «проколы» исторического и политического характера позволили исследователю прийти к обоснованному заключению, что они были сочинены позднее, ретроспективным методом, исходившим из политической обстановки и расстановки сил в России и Европе осенью 1917 г.³³

Таким образом, имеющиеся на сегодня документы и факты о финансировании большевиков Германией в дооктябрьский период не позволяют серьезным исследователям утверждать, что Русская революция в своих обеих фазах — Февральской и Октябрьской — совершилась на немецкие деньги.³⁴ Другое дело, когда партия большевиков пришла к власти и Германия прежде всего в своих интересах стала оказывать большевикам систематическую серьезную финансовую помощь, но это уже совсем другая тема, ключ от которой не лежит в области политической и исторической мифологии.

¹ Хаймсон Л. Исторические корни Февральской революции // *Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть*. СПб., 1994. С. 21—22.

² Пайнс Р. Русская революция / Пер. с англ. М., 1994. С. 84—85 и др.; Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде / Пер. с англ. М., 1989. С. 41.

³ Наиболее показательной, по нашему мнению, здесь может служить книга Д. А. Волкогонова «Ленин. Политический портрет» (М., 1997. Кн. 1. С. 197—232).

⁴ Ляндрес С. Новые документы о финансовых субсидиях большевикам в 1917 году // *Отечественная история*. 1993. № 2. С. 132.

⁵ См., например: Был ли Ленин немецким агентом? Документы. СПб., 1994. С. 20—24.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 405—406.

⁷ Там же. С. 424—427 и др.

⁸ Там же. С. 425.

⁹ Там же. С. 437.

¹⁰ Там же. С. 438.

¹¹ Последние новости (Париж). 1932. 11 июня.

¹² Оценивая это заявление, А. Рабинович полагает, что «даже при очень богатом воображении его нельзя назвать надежным источником» (Рабинович А. Кровавые дни. Июльское восстание 1917 года в Петрограде / Пер. с англ. М., 1992. С. 207).

¹³ Церетели И. Г. Воспоминание о Февральской революции. Париж, 1963. Т. 2. С. 332—333.

¹⁴ См.: Живое слово. 1917. 5, 6 июля.

¹⁵ Мельгунов С. П. Золотой немецкий ключ большевиков. Нью-Йорк, 1989. С. 157.

¹⁶ См., например: Журавлев В. А. Без веры, царя и Отечества. Российская периодическая печать и армия в 1917 г. СПб., 1999. С. 47.

¹⁷ Lyandres S. The Bolshevik «German Gold» Revisited. An inquiry into 1917 accusations. Pittsburg, 1995.

¹⁸ Ibid. P. 94.

¹⁹ Ibid. P. 95.

²⁰ Ibid. P. 94—95.

²¹ Этой теме посвящена едва ли не половина брошюры И. Я. Фроянова «Октябрь семнадцатого. (Глядя из настоящего)» (СПб., 1997). «Современный взгляд» позволил автору разглядеть, что «за Парвусом стояли мощные и в высшей степени могущественные надмировые силы, замысел и планы которых он, похоже, осуществлял» (там же. С. 101). И. Я. Фроянов не сомневается в том, что «поступление немецких денег в партийную кассу большевиков обеспечивал Парвус» (там же. С. 86). Однако из множества приводимых им «доказательств» в обоснование своей версии достоверным и бесспорным является лишь факт присвоения и растраты Парвусом партийных денег (там же. С. 88—89).

²² См.: Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). Август 1917—февраль 1918. М., 1958. С. 70. (Протокол заседания ЦК от 24 сентября 1917 г.).

²³ Коммунист. 1990. № 5. С. 64.

²⁴ Отечественная история. 1993. № 2. С. 137—142.

²⁵ Ляндрес С. Новые документы о финансовых субсидиях большевикам в 1917 году. С. 128—130.

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 447.

²⁷ Ляндрес С. Немецкое финансовое участие в Русской революции // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды. СПб., 1993. С. 63.

²⁸ Germany and Revolution in Russia. 1915—1918 : Documents from the Archives of German Foreign Ministry. London, 1958. P. 94—95.

²⁹ См.: Ганелин Р. Ш. Россия и США. 1914—1917 : Очерки истории русско-американских отношений. Л., 1969. С. 380—382.

³⁰ Там же. С. 363—386.

³¹ Kennan G. The Sisson Documents // The Journal of Modern History. 1956. Vol. XXVIII. N 2. P. 130—154.

³² Старцев В. И. Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. СПб., 1994.

³³ Там же. С. 101—200.

³⁴ Там же. С. 6—7.

И. М. КРИВОГУЗ

МЕСТО И РОЛЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В МИРОВОМ СООБЩЕСТВЕ*

Российская Федерация, ставшая действительно суверенной в результате распада СССР, является его основной наследницей. Отождествляющие Россию с Советским Союзом считают, будто она «потеряла больше факторов силы, чем приобрела», «в значительной мере утратила свой социально-поли-

* Статья написана в 2000 г. Редколлегия считает, что ряд положений этой, как и некоторых других статей, носит дискуссионный характер.

тический и военный статус в системе межгосударственных отношений».¹ Вопреки модным идеологическим спекуляциям Советский Союз не являлся своеобразной формой существования России. Россия была лишь крупнейшей частью идеократической, а не Российской Империи, не считалась субъектом межгосударственных отношений и не имела никаких факторов силы и никакого статуса, даже в ООН. Только с обретением независимости в 1990 г. она вновь после 1922 г., но уже в новом качестве стала субъектом международных отношений. В изменившемся мире РФ не унаследовала ни места, ни роли СССР.

Место и роль Советского Союза как одной из двух сверхдержав, конфронтация между которыми в 50—60-х гг. была главным стержнем мировой политики, определялись не столько его гигантской территорией, занимавшей северо-восток Евразии, и даже не столько его огромными людскими и природными ресурсами, которыми он располагал изначально. Все это было важно, но определяющее значение имел его «социалистический выбор», воплощенный тоталитарным режимом, уничтожившим десятки миллионов сограждан² ради идеологического господства коммунистической олигархии, и мобилизация ресурсов для наращивания мощи вооруженных сил, поддержки контролировавшихся идеократической империей союзников в Европе и на других континентах, содействия продвижения к социализму во всем мире и противостояния его противникам под привлекательными лозунгами «интернационального долга» защиты мира и прогресса.

Однако «реальный социализм», стремившийся превратить личность в особь, жесткая государственная эксплуатация, ограничивавшая потребление и интересы людей и народов, и манипуляция сознанием и поведением населения оказались неспособными добиться превращения индустриального производства в электронно-информационное, к которому в 70—80-х гг. перешло более 40 стран, стали непреодолимым препятствием прогрессу. Это обусловило отставание СССР в производительности труда и совершенствовании вооружений, несостоятельность его социальных программ и невозможность успеха в «холодной войне».

Добившись относительного военно-стратегического паритета, выдвинувшись за счет изготовления вооружений и добычи стратегического сырья на 3-е место в мировом производстве, Советский Союз оказался в седьмом десятке стран по потреблению благ на душу населения, а почти шестая часть его территории с 40 % всего населения превратилась в зону экологического бедствия с вымиранием малых этносов.

Попытки перестроить «реальный социализм» путем провозглашения ряда прав и свобод граждан и этносов, а затем и от-

каза от «интернационального долга» и продолжения «холодной войны» оказались несостоятельными, так как не гарантировали людям и этносам желанные свободы и удовлетворение неотложных потребностей. Разногласия в олигархии, разброд в КПСС, дезорганизация управления и нараставшие выступления граждан за расширение свобод и удовлетворение потребностей сорвали попытки перейти к «направляемой демократии». Разложение общества и власти привело к крушению «реального социализма» и распаду СССР.

Созданный и выросший в сверхдержаву для реализации в стране коммунизма и содействия его победе во всем мире, Советский Союз не смог добиться ни того ни другого. Это обнаружило не только просчеты вождей и заблуждения масс, но и главное — несостоятельность, утопичность социалистического выбора. Повторить его суверенная Европа не могла.

Российской Федерации досталось 75 % территории СССР с богатейшими природными ресурсами, с 53 % населения, около 60 % производства, самые многочисленные в мире вооруженные силы, а также место СССР в ООН и Совете Безопасности, взаимные обязательства по 16 тыс. договоров и соглашений с другими странами, включая международные долги и кредиты. Но это огромное наследство представляло собой лишь крупные обломки распавшихся советского общества, власти и производства. Поэтому решающее значение для определения в мировом сообществе места и роли РФ, коренным образом отличающихся от места и роли СССР, имеет не само это наследие, а переустройство и использование его на основе нового выбора, сделанного большинством народа в 1991 и 1993 гг., подтвержденного в 1996 и 1999 гг.

Принятие на референдуме 1993 г. новой Конституции, каковы бы ни были ее недостатки, поставило Россию в ряд стран либерально-демократической ориентации. Конечно, в РФ, заваленной идеологическими, хозяйственными, административными и другими обломками «реального социализма», воплощать либеральные идеи и демократические принципы очень трудно. Несмотря на это, в стране в результате конституционной реформы сложился новый государственный механизм, действует президентский режим, формируется асимметричный федерализм, реформируется судебная система, создается местное самоуправление.

Государство сохранило только 30 % производства и от прежнего непосредственно-директивного руководства в основном перешло к законодательно-экономическим рычагам регулиро-

вания хозяйством. С 1994 г. преобразования оказались заторможены.

Стремящееся к переменам общество еще не освободилось от государственно-патерналистских и иждивенческо-уравнилельных иллюзий. Оно ошеломлено сложностью и болезненностью преобразований. Его новая структура еще не вполне сложилась. Людям нелегко усваивать новые ориентиры, преимущества которых еще недостаточно выявлены собственным опытом большинства. Политические настроения и предпочтения населения слишком пестры и неустойчивы, как и многочисленные партии и движения. Поэтому демократия еще не оправдывает надежд, общество еще недостаточно поддерживает и слабо контролирует власть, которой трудно обходиться без авторитарных решений.

Недостаточно эффективной остается российская власть в обеспечении конституционных гражданских и личных прав и свобод, соответствия Конституции местных и даже федеральных законов, соблюдения конституционных норм самой администрацией. Не удовлетворяет население борьба власти против преступности, особенно коррупции.

Высшая власть, остающаяся в руках реформаторов либеральной ориентации, без сильной поддержки населения и достаточной квалификации самих руководителей оказывается недостаточно эффективной. Она с трудом преодолевает свои внутренние разногласия и сопротивление противников преобразований, особенно свободно действующей непримиримой оппозиции.

Кроме активных противников власть сталкивается с силами, опирающимися на разнообразие уровней развития и характера унаследованных от СССР субъектов Федерации, на своеобразие положения и интересов более 130 этносов, а также различных религиозных общин. При этом многие субъекты Федерации слишком слабы, чтобы справляться с собственными функциями, а сильные не желают быть донорами для остальных. Составляющий более 80 % населения самый крупный этнос — русский — очень размыт и распадается на субэтноты, некоторые другие — в пассионарной фазе развития, а многие малые — на грани выживания. Православие не в состоянии восстановить свою объединяющую роль, а активизация ислама, как и других религий, увеличивает конфессиональную пестроту страны.

Тяжелым испытанием единства РФ стал вызов, брошенный Ичкерией. Но руководители мятежной республики после 1996 г. не смогли преодолеть центробежные силы тейпов и сплотить население в единое общество ни шариатом, ни исламом. Атаковавшие РФ авантюристы вынудили ее бросить против террористов вооруженные силы, которые стремятся избежать войны с чеченским народом. Очевидно, политиче-

ское урегулирование невозможно без взаимопонимания с большинством чеченского народа. Но преодоление других центробежных сил России представляется еще более сложным.

Центробежные силы будут угрожать единству страны, пока в ней нет всеохватывающих и пронизывающих все поры общества рыночных связей и недостаточно удовлетворяются разнообразные интересы различных групп населения. Субъекты федерации, сформированные в СССР для удобства централизованного руководства, как ягоды рябины: каждая связана с основанием грозди, а между собой почти не соприкасаются. Без непосредственных связей между ними их невозможно объединить сознанием необходимости друг другу в эффективном использовании ресурсов страны для удовлетворения своих потребностей, пониманием своей общности, необходимым гражданским консенсусом о выборе пути, укладе и государственном устройстве, зафиксированными Конституцией. Этому невозможно помочь изобретением некоей «национальной идеи» для многонационального народа. Гарантировать сохранение единства России не могут ни «историческая общность», ни «евразийство», ни административные меры, ни вооруженные силы.

Несмотря на существенные недостатки и срывы в реализации идей либерализма и демократии, продвижение России по этому пути получило признание мировой общественности. В последние годы специалисты относят ее уже не к «полусвободным», а к «свободным» странам, в которых свободы не только декларируются, но и в значительной мере реализуются. Россия принята в Совет Европы. Это свидетельствует, что Россия в мировом сообществе выходит на место и роль, качественно отличающиеся от тех, которыми обладал СССР.

Проводимые в РФ преобразования не могут изменить размеров, расположения и природных условий ее территории, но открывают возможность использовать их с иной целью и более эффективно, чем в Советском Союзе.

Иллюзий быть не должно. Расположенная на огромных пространствах Северо-Восточной Евразии, Россия удалена от атлантического очага мирового производства и торговли, хотя в ее внешнеторговом обороте доля стран Европейского Союза и США достигает 41 %. Ее основные центры далеки и от ставшего наиболее мощным и перспективным тихоокеанского очага мирового производства и торговли, к которому страна обращена слабо освоенными просторами. И все же на страны Азиатско-Тихоокеанского региона приходится 18.5 % российского внешнеторгового оборота.

При этом деловые связи индустриального запада России с атлантическим очагом значительно шире и интенсивнее, чем его торгово-финансовые отношения с российским дальневосточным регионом, а этот регион имеет с тихоокеанским зарубежьем экономические связи более тесные, чем с центральным регионом своей страны. При слабости внутренних связей между центральным и дальневосточным регионами России интенсификация и расширение сотрудничества их с разными — атлантическим и усиливающимся тихоокеанским — очагами мирового производства и торговли тоже ведет к активизации центробежных сил.

Все это не может не осложнять отношений России с атлантическим очагом производства и торговли, даже при расширении ее сотрудничества с Европейским Союзом. Вряд ли когда-либо решатся участники НАТО принять на себя ответственность за азиатские территории РФ и их проблемы, так же как и РФ не решится доверить им ее. Это не позволит России включиться в НАТО, а значит и полностью преодолеть унаследованное российскими лидерами от СССР недоверие к этой системе безопасности.

Как ни заинтересована РФ активно участвовать в мощном и перспективном тихоокеанском очаге производства и торговли, ее способности в этом ограничены недостаточной развитостью дальневосточных регионов страны. Этого не могут преодолеть все обнадеживающие соглашения России с США, Китаем, Корейской Республикой, Вьетнамом, поиски соглашения с Японией и даже принятие РФ в организацию Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества.

Почти половина южных границ РФ приходится на регионы с потенциальными или уже пылающими этнополитическими конфликтами (Турция, Грузия, Азербайджан), которые не могут не затрагивать Россию; другая половина — на Китай. Если Россия преодолест центробежные силы, но не сможет в ближайшие полтора-два десятилетия интенсивно использовать богатства и плотно заселить свой Дальний Восток и Сибирь, то в глазах мирового сообщества, прежде всего Китая, она окажется «собакой на сене». Контраст между слабым освоением РФ своих дальних регионов и быстрым ростом эффективности производства и населения, а также потребностей и возможностей Китая может породить серьезнейшую коллизию XXI в.

Контур российских границ побуждает некоторых патриотов делить надежду, что РФ сможет играть ведущую роль в Евразии. Однако то, что находится в этом контуре, лишает такие надежды реальности.

Во многом своеобразие России определяется давно возникшими коллизиями между огромными природными ресурсами

страны и неблагоприятными условиями, сдерживающими их освоение, между масштабами добычи сырья и энергоносителей и степенью их переработки, между развитием перерабатывающей промышленности и потребностями населения, между объемом производства и участием страны в международном обмене. Эти коллизии во многом формировали важные черты поведения населения и политику властей в прошлом и имеют решающее значение для настоящего и будущего РФ. Их преодоление открыло бы России в мировом сообществе совершенно замечательные перспективы, но оно требует огромных усилий и вряд ли возможно в обозримом будущем.

Существенно, что значительная часть территории России представляет собой окраину ойкумены. 70 % российских земель имеет климат, неблагоприятный для жизни и деятельности людей, и 80 % российских почв и вод не соответствуют стандартам необходимой для человека чистоты. Поэтому население, достигающее 148 млн, размещено на этой территории крайне неравномерно: 80 % сосредоточено в западной, европейской, части страны, а население азиатской части — в основном вдоль единственной трансазиатской железной дороги.

И наоборот, 80 % огромных разведанных природных богатств РФ, в целом составляющих 26 % мировых ресурсов, находится в ее азиатской части, в основном севернее трансазиатской магистрали. Отказ от массовых репрессий и роспуск ГУЛАГа лишили власти самого дешевого, сталинского способа соединения рабочей силы с природными ресурсами, освоения природных богатств сурового севера. А для других способов еще нет необходимых средств, хотя за счет разработки этих природных богатств страна продолжает получать наиболее значительную часть своих доходов.

Очевидно, что для более интенсивного использования огромных природных ресурсов в интересах своего населения и мирового сообщества, развития гражданской перерабатывающей промышленности и необходимых внутренних коммуникаций, а также повышения уровня благосостояния населения Россия нуждается в огромных инвестициях и новейших технологиях, без привлечения которых извне не обойтись. С возрастанием потребности мирового сообщества в ресурсах, которыми обладает РФ, создание в ней благоприятных условий для вложений капиталов и привлечения высоких технологий станут острой необходимостью не только для нее самой, но и для всего мирового сообщества.

Для упрочения РФ своего места и роли в мировом сообществе решающее значение имеют изменения характера и структуры доставшейся ей части советского хозяйства.

Россия унаследовала от СССР громадное индустриальное производство, дававшее около 8 % мировой продукции. Но в нем имелись лишь островки высоких технологий, хотя уже с 70-х гг. высокие технологии являются главной силой производства более чем 40 стран. РФ получила 12 % ученых мира, но у нее имеется лишь несколько из многих сотен современных макротехнологий. Поэтому в научно-производственном отношении РФ оказалась на целую ступень ниже, чем десятки постиндустриальных держав, и не может быть крупным экспортером высоких технологий и новейшей продукции, кроме отдельных видов вооружений, в мировой торговле которыми ей принадлежит второе место, и энергетического оборудования. Особенно отсталым и малопроизводительным остается сельское хозяйство, которое не в состоянии обеспечить население достаточным продовольствием.

Кроме того, ко времени распада СССР значительная часть — 40—60 % объема — оборудования доставшейся России индустрии была изношена или устарела, да и занятые в ней не вполне соответствовали современным требованиям. Хотя средний образовательный уровень трудоспособного населения России выше, чем у большинства стран, ему недостает подготовленных к высоким технологиям, а главное — у большей части работающих невысоки профессиональные ответственность и инициатива (этика труда), трудоспособность многих ослаблена нездоровым образом жизни и болезнями. Поэтому конкурентоспособность российского производства низка.

Наконец, только 24 % всей доставшейся России индустрии относилось к средствам потребления и услугам, большая часть которых не соответствовала мировым стандартам, а основная ее часть, включающая элементы высоких технологий, изготавливала оружие и военные материалы да еще средства производства, необходимые для увеличения их выпуска. Доставшееся от СССР превосходство разработки природных ресурсов над мощностями их переработки и возможностями потребления еще более увеличилось с сокращением перерабатывающей, прежде всего военной промышленности.

Всем этим и недостаточным опытом торговли затрудняется включение РФ в мировое хозяйство, в частности в Организацию экономического сотрудничества и развития и другие интернациональные хозяйственные учреждения, а также расширение ее участия в международной торговле. А без этого невозможно провести конверсию и преодолеть отставание, сделать высокие технологии основной силой производства.

Прекращение гонки вооружений лишило заказов почти 70 % индустрии, более всего самые современные предприятия

и очаги высоких технологий. Средств на конверсию не хватает, а конкурентоспособными из этих предприятий оказалось лишь 10 %, которые занялись экспортом оружия. Значительная часть производства средств потребления и услуг тоже остановилась из-за неконкурентоспособности с импортом или нехватки сырья, ставшего зарубежным и дорогим.

В результате производство сократилось в 2 раза, а инвестиции в него — почти в 4 раза. К 1999 г. на долю России приходилось лишь 1.2 % мирового валового продукта. Больше нее стали давать Индия, Бразилия, не говоря уже о Китае. А на США приходится более 25 % мирового ВВП.³

Доля РФ в мировой торговле меньше ее доли в мировом производстве. Широко импортируя разнообразные товары, включая продовольствие, она, как и Советский Союз, вывозит главным образом энергоносители, сырье да некоторые виды вооружения (составляющие 17 % в мировой торговле оружием) и энергетических установок. Отстраненность доставшегося ей хозяйства от мирового оборота и специфика его участия в нем еще далеко не преодолены.

Очевидно, что без коренного изменения структуры, без демилитаризации и обновления производства, без перехода к электронно-информационному производству Россия не имеет серьезных шансов на такое место и роль в мировом сообществе, которые принадлежат державам, превосходящим ее по этому важнейшему показателю. По числу персональных компьютеров на каждую тысячу жителей РФ находится в пятом десятке стран, в десятки раз отставая от США, Сингапура, Швейцарии и многих других.⁴ Дефицит высоких технологий, низкая эффективность производства не могут быть компенсированы ни обширностью территории, ни природными богатствами, ни многочисленностью населения.

Россия унаследовала от СССР большую часть его истощенной государственной экономики, развалины централизованно-планово-директивной системы хозяйства, в которых легализованные в конце 80-х гг. рыночные элементы были разрозненны и слабы: ни всероссийского рынка, ни его региональных и местных субъектов, ни рынков рабочей силы, капиталов, средств производства, земли не существовало. Имелись лишь разрозненные жалкие рынки потребительских товаров и примитивных услуг.

Разгосударствление цен, производства и обмена, приватизация значительной части финансовых средств и 70 % производства, несмотря на просчеты и издержки, положили начало переходу к преобладанию частной собственности, предпринимательству и рыночным отношениям. Вместе с тем резкое сокращение госзаказов и широкий импорт товаров для насе-

ления побуждают индустрию и сельское хозяйство к производству конкурентоспособных товаров и услуг, заставляют искать необходимые средства и технологии.

Эти изменения структуры и характера экономики открыли перспективу более эффективного использования ресурсов страны для удовлетворения потребностей людей. Но непосредственным следствием стали сокращение производства, маргинализация значительной части населения, рост преступности и коррупции.

Еще нет надежного обеспечения свободы собственности и предпринимательства, такие важнейшие элементы хозяйства, как рабочая сила (даже ограниченная цена которой не гарантирована), земля и жилища, только частично включены в рыночный оборот, многие люди еще не нашли своего места в изменившемся обществе. Но даже после подготовленного непомерными социальными требованиями Государственной Думы и государственными «кредитными пирамидами» правительства В. Черномырдина финансового краха, который в 1998 г. был вынужден объявить С. Кириенко, РФ удалось стабилизировать рубль, а предпринимателям — использовать для увеличения производства вздорожание импорта.

В ООН Россию вместе с большинством постсоциалистических стран, сделавших либерально-демократический выбор, относят к новой категории — к странам переходной экономики. РФ, как и другим странам переходной экономики, наиболее развитые державы и международные организации предоставляют льготные кредиты и другую поддержку. Но привлечение необходимых ей иностранных частных инвестиций, особенно после финансового краха 1998 г., затруднено высоким уровнем протекционизма и налогообложения, сильным вмешательством государства в экономику, его опосредованным контролем за зарплатой и ценами, политической и правовой неопределенностью, недостаточной защитой собственности и значительной коррупцией. По комплексному индексу экономической свободы, разработанному «Фондом наследия», Россия в мире остается во второй сотне стран с преимущественно несвободной экономикой.⁵

Конечно, развитие российской экономики направлено не на реализацию амбициозных планов олигархии, как было в СССР, а на «нормальные человеческие потребности самих россиян»,⁶ но вполне свободной и рыночной она может быть признана всеми лишь после преодоления названных выше ограничений рыночных отношений и проникновения их во все поры общества.

Конечно, Россия не является ни прихожей постиндустриального общества, ни его кочегаркой или складом сырья и от-

ходов. Но было бы заблуждением считать, что Россия может уже сейчас авансом получить в мировом сообществе место и роль, которые обеспечат ей в будущем переход к более эффективной экономике.

Реализация преимуществ и преодоление слабостей положения России в мире во многом зависят от ее внешней политики. В Советском Союзе характер и основные направления внешней политики, как и все остальное, определялись олигархией — Политбюро в соответствии с ее великой целью и обеспечивались всеобщим одобрением. Конституция РФ требует соответствия характера внешней политики интересам многонационального народа, а основные направления внешней, как и внутренней, политики поручает определять Президенту в соответствии с его ответственностью перед избравшим его народом. Причем конституционные нормы исключают в этом произвол и односторонность, требуют утверждения международных договоров Федеральным собранием и т. п.

С началом либерально-демократического переустройства страны основой ее внешней политики стали не глобальные коммунистические амбиции, а общая заинтересованность ее многонационального народа в создании благоприятных условий для свободы развития людей и этносов и повышения эффективности производства ради удовлетворения потребностей населения.

Если олигархия СССР видела гарантию безопасности страны в глобальной конфронтации с противниками социализма, в достижении и сохранении относительного военно-стратегического паритета с ними, то безопасность РФ, ее независимость и целостность, а также реализация действительных интересов народа в мировом сообществе обеспечиваются ее сотрудничеством с другими странами на основе баланса интересов и сил, участием в системе соответствующих соглашений и договоров. Обусловленная неравномерностью развития конкуренция и конфликты между странами требуют постоянных усилий РФ и подстраховки ее позиций совершенствованием стратегических ракетно-космических войск и созданием современных мобильных вооруженных сил.

Интересы России, в частности в мировом сообществе, ее политику, экономику, безопасность и прочее (в СССР, как во всяком тоталитарном государстве, они считались государственными) политические деятели России обычно называют национальными, будто весь народ страны является единой нацией. При этом ими упускаются из виду два обстоятельства. Во-пер-

вых, российский народ является многонациональным, что зафиксировано в Конституции. Во-вторых, в отличие от Западной Европы и США, где нация понимается как согражданство, а этническая принадлежность гражданского значения не имеет, в России нациями большинство считает этносы, вопреки разъяснениям В. Жириновского, В. Тишкова и других, и склонно определять гражданство этнической принадлежностью, а не наоборот, что выражается в стремлении считать всех зарубежных русских гражданами, включить в паспорта указание этнической принадлежности и т. п. Это не идеально, но реально, нескоро изменится и потому не может не учитываться.

В таких условиях называть общие интересы многонационального народа России национальными, тем более конструировать «национальную идею» многонациональному народу значит давать повод для недоразумений и коллизий, провоцировать центробежные силы. Название общих интересов народа РФ должно соответствовать представлениям о народе большинства населения и Конституции.

Относительно интересов, места и роли России в мировом сообществе, о характере и основных направлениях внешней политики в РФ в отличие от СССР в стране открыто высказываются очень различные суждения.

Влиятельная непримиримая коммунистическая оппозиция стремится к возвращению России на путь социализма, восстановлению советской власти и Советского Союза. Сумев с 1995 г. затормозить либерально-демократические преобразования, коммунисты мешают преодолению последствий конфронтации СССР с другими державами, добиваются поддержки его идейно-политических союзников (КНДР, Кубы), стремятся противопоставить РФ наиболее развитым странам, принимают различные меры для реанимации Советского Союза, его величия и «исторической роли».

Менее влиятельна, но не менее активна националистическая оппозиция. Часть ее стремится сплотить всех граждан в единую нацию «во главе с русскими» и превратить Россию в империю в границах 1914 г. Другая добивается превращения страны в этнократическое государство русских. Все националисты считают, что обеспечить величие России помогут установление в ней авторитарного режима и укрепление вооружений, противостояние наиболее крупным державам, подчинение соседних стран и участие в новом разделе мира. Оказывая сопротивление достижению и реализации ряда соглашений о сотрудничестве РФ с некоторыми странами и международными

организациями, они пытаются навязать власти свои внешне-политические амбиции и толкнуть на реализацию гегемонии РФ в постсоветском пространстве, на защиту всех «русскоязычных», на преувеличение расхождений с другими державами и конфронтацию с ними.

Националистические и некоторые другие течения, приверженные сверхдержавным амбициям, пытаются привлечь население различными новыми утопиями и призывами сплотиться против преувеличиваемой ими опасности русофобии. Одни мечтают создать в России такое идеальное устройство общества и производства, которое было бы совершенно не похоже на все известные и намного превосходило бы их, чтобы мы опять «прокладывали путь всему человечеству». Другие выступают за превращение переживающей разброд России в нравственно-духовный авангард человечества. Третьи видят своеобразное величие России в ее «евроазиатской цивилизации», которую конструируют из разнородных обломков истории, призраков прежних традиций и верований ее народов, абстрагируясь от реальных проблем противоречивой действительности.

Силы либерально-демократической ориентации, придерживающиеся различных представлений о путях и способах проведения преобразований, подчиняют отношения РФ с другими странами и международными организациями задачам переустройства России, стремятся к созданию наиболее благоприятных для них внешних условий. Но и в этом у них нет единого духа.

Немногие из них высказываются за ограничение международной активности РФ ради сосредоточения внимания на решении внутренних проблем. Как говорится, «зачем в люди (к соседям) по печаль, когда дома навзрыд». Однако это суждение не может оправдывать изоляционизм, мешать использованию возможностей сотрудничества РФ с другими странами.

Гораздо больше склонных преувеличивать место, роль и возможности РФ в мировом сообществе.

Даже либерально-демократическим деятелям, не говоря уже о других, нелегко оовободиться от мессианства и амбициозного сверхдержавия. Видимо, некоторые придерживаются устаревшего представления о величии страны, недооценивая значение эффективности современного производства и благосостояния населения, явно недостающих России. Замечательная идея (Б. Ельцин, Н. Моисеев)⁷ — сделать Россию посредником или мостом между центрами мирового производства и обмена (между Востоком и Западом) — не может быть реализована, пока давние непосредственные связи между странами этих центров намного интенсивнее и шире связей России как с теми, так и с другими. Да и коммуникации между западными

и восточными регионами России едва ли удовлетворяют даже их собственные потребности и не соответствуют мировым стандартам.

Непросто преодолеть синдром конфронтации — продолжать видеть врагов в нынешних партнерах, испытывать ностальгию по «братским союзам», сочувствовать и предоставлять льготы союзникам бывшего СССР вместо сотрудничества ради интересов России, также склонность эксплуатировать представление руководителей некоторых держав о России как уменьшившимся СССР и продолжателе его сверхдержавного курса, чреватую опасностью невыполнимых обещаний и отклонения от действительных интересов народов РФ.

Отголоском советского глобализма представляются мечтания о том, чтобы «присутствие России» на Ближнем Востоке, в Латинской Америке или в любом другом регионе было таким же, как США или Японии, стало противовесом и альтернативой их влиянию, чтобы ни одно крупное международное событие не происходило без участия РФ. Для этого у РФ нет и в обозримом будущем не будет ни реальных потребностей, ни сил (капиталов, продукции, вооруженных сил), ни возможностей.

Нет достаточных оснований у желания сохранить для РФ советскую зону влияния в Восточной и Центральной Европе, где теперь отношения строятся не на основе «социалистического интернационализма» или «холодной войны». Хотя интенсивность хозяйственных отношений между бывшими европейскими странами «реального социализма» была ниже, чем между странами ЕЭС, односторонняя ориентация их большинства на СССР препятствовала широкому участию в международном обмене и тормозила совершенствование их производства и технологий. При нынешней возможности свободно выбирать партнеров эти страны, заинтересованные в приобретении у РФ энергоносителей, вовсе не отгораживаясь от нее, все же предпочитают тех, от кого можно получить больше кредитов, инвестиций, новейшего оборудования и высоких технологий, чтобы наверстать упущенное. Тем более что их настораживают попытки России ограничивать их свободу выбора. Это предопределяет расширение НАТО не против РФ, но несмотря на ее протесты.

Далеко не все понимают, что состояние РФ не дает основания для претензий на ее гегемонию в постсоветском пространстве, на ведущую роль в СНГ, которая некоторым кажется само собой разумеющейся.

Общность многих проблем переходного периода является основой сотрудничества стран СНГ. Однако, как свидетельствует низкая эффективность соглашений между ними (из мно-

гих сотен подписанных соглашений реально действует не более 15 %) и немалые расхождения, возможности взаимной помощи в этом «колхозе бедняков» весьма ограничены: каждому, в том числе и РФ, недостает того самого, что и другим, — кредитов и инвестиций, новейшего оборудования и высоких технологий. И каждый участник СНГ вынужден искать недостающее там, где оно имеется, — у более развитых стран. Доля РФ в кредитах, полученных другими странами СНГ, всего несколько процентов, а в инвестициях — не превышает 1%, и на долю стран СНГ приходится лишь около 12 % ее внешнеторгового оборота. В целом доля экспортной продукции в каждой из стран СНГ, в которой нуждаются другие страны Содружества, так мала, что основой серьезной экономической интеграции быть не может.

Это относится и к Союзу Белоруссии и России. Доля Белоруссии во внешнеторговом обороте РФ всего 6.8 %. И только крайняя нужда белорусской индустрии в дешевых — по «внутренним ценам» — энергоносителях и сырье из России, а также амбиции многих российских политиков породили, вопреки различиям в характере экономики и режимов стран, утопический договор о Союзном государстве.

Даже поддержка вооруженных сил РФ и ее топливно-энергетического комплекса, в которых у нее явное преимущество, не всегда оправдывает надежды нуждающихся, и тогда некоторые новые независимые государства обращаются за помощью к иным державам.

Несостоятельны мечты о восстановлении прежних экономических связей между бывшими советскими республиками: у них не было национальных хозяйств, и не они, а централизованные отрасли милитаризированной экономики являлись субъектами «единого народнохозяйственного комплекса» СССР. Его разрушила не столько суверенизация хозяйства республик, сколько прекращение производства вооружений и военных материалов. Разбросанные в постсоветском пространстве фрагменты этого хозяйства в каждом новом независимом государстве демилитаризируются и объединяются в национальные экономики, нуждающиеся в формировании новых хозяйственных отношений. Желание обеспечить в них предпочтение связям с Россией не имеет достаточных экономических оснований, как и попытки «ввести» единое экономическое пространство СНГ до того, как сложатся в странах Содружества их собственные хозяйственные системы.

Их не могут заменить воспоминания ни о «дружбе народов СССР», ни о колониальной политике Российской Империи. А склонность руководства РФ рассматривать «ближнее зарубежье» как зону интересов России — сферу ее господства противоре-

чит принципам равноправия и уважения суверенитета соседей. Тем более что РФ, не согласовывая с соседями свою внешнюю политику, добивается, чтобы их внешняя политика согласовывалась с нею. Пока в ней самой многие права и свободы людей продолжают нарушаться, ее выступления в защиту прав и свобод «соотечественников» по этническому признаку в соседних странах многими воспринимаются как опасные этногегемонистские амбиции и вряд ли способны упрочить международный авторитет РФ.

Такие различные подходы, тенденции и взгляды не имеют глубоких корней и серьезной поддержки населения, хотя многие деятели стремятся выдать их за «глас народа», апеллируя к предрассудкам различных слоев. Но они сказываются на внешней политике РФ. Их влияние вызывает шатания и отклонения внешней политики от общего интереса многонационального народа России и мешает уточнению и укреплению РФ своего места и роли в мировом сообществе.

Природа и характер международных авторитета и возможностей России принципиально отличаются от тех, которыми обладал СССР. Авторитет и возможности РФ основываются на демократической природе и прогрессивном характере интересов ее многонационального народа.

Отказавшись от социализма, тем более от содействия его победе во всем мире, РФ окончательно отказалась от конфронтации с его противниками и избежала конфронтации с его поборниками. Это обусловило пересмотр и корректировку РФ международных договоров и соглашений СССР, не соответствовавших ее интересам, а в целом ее активизацию в мировом сообществе, особенно в международных организациях и совместных действиях.

От амбициозной, истощавшей страну внешней политики СССР внешняя политика РФ отличается преобладанием реализма и рентабельности. Она сосредоточена на конкретных интересах страны в постсоветском пространстве, в Европе и Америке, в странах Азии и Тихого океана, в Африке и во всех других регионах мира, где имеются кредиты и долги, унаследованные РФ от СССР, привлекательные для нее капиталы и товары, особенно высокие технологии, или спрос на ее продукцию и сырье, особенно энергоносители, оборудование и вооружение. Роль РФ в каждом регионе может и должна быть пропорциональна этой заинтересованности и обеспеченных ресурсами потребностям и возможностям. Хотя возможности России увеличиваются сравнительно медленно,

ее внешняя политика не поспевает за их ростом и сталкивается с возрастающей конкуренцией. Пожалуй, еще ни в одном регионе возможности повышения ее роли не исчерпаны. Их реализации нередко мешают амбициозные декларации о «национальных интересах» России без четкого выяснения их конкретного содержания и убедительного обоснования. Отступления от реализма выражаются, с одной стороны, в недооценке и недостаточном использовании новых сил и возможностей России, с другой — в их переоценке и стремлении авансом получить то, для чего еще нет или вовсе не будет сил, но потребуется немало средств и усилий, например в стремлении к глобальности внешней политики России.

Как великая держава Евразии РФ вносит существенный вклад в поиски решения глобальных проблем современности. Более 46 % ее внешнеторгового оборота приходится на страны Европы, 18,5 % — на государства Азиатско-Тихоокеанского региона. Несмотря на непреодоленную слабость экономики, она является крупным поставщиком энергоносителей, некоторых видов оборудования и вооружений, а также кредитором, участвующим в Парижском и Лондонском клубах. Россия получает кредиты, увеличивающие ее задолженность, и может стать более привлекательным партнером для иностранных инвестиций, которые не будут для нее бременем.

Как один из крупнейших членов мирового сообщества РФ вносит посильный вклад и несет соответствующую долю ответственности за решение волнующих человечество глобальных проблем: предотвращение и прекращение вооруженных конфликтов — войн, нераспространение и сокращение ядерного оружия и ликвидация других видов оружия массового уничтожения, обеспечение экологической безопасности — реализация программ «устойчивого развития», преодоление голода, нищеты, эпидемий, огромной волны наркомании и преступности, от которых страдают сотни миллионов людей, освоение космоса и т. п. РФ участвует в миротворческих и других акциях ООН, выдвигает инициативы в поисках мирного решения проблем на Ближнем и Среднем Востоке и т. д. Такая внешняя политика России получила широкое признание. Известный аналитик всемирной «большой шахматной доски» З. Бжезинский считает, что на этой доске Россия, станет ли она европейской демократией или азиатской империей, во всяком случае «остается игроком первого плана».⁸

1998—1999 годы стали полосой испытаний международной роли России. Дефолт пошатнул доверие мирового сообщества к ее финансово-экономической системе. Неудачу потерпела и ее попытка компенсировать этот провал политико-пропагандистским натиском.

В 1999 г. в РФ все партии, движения и блоки — от самых правых до крайних левых — наперебой под лозунгами защиты интересов и величия РФ, особенно в связи с выборами Государственной Думы, демонстрировали свою готовность вступить в союз не только с Белоруссией, но и с Югославией, даже с Ираком и бросить российские силы — оружие и добровольцев, возможно, и дивизии — против НАТО. Казалось, нет в мире ни одной обездоленной страны с разбойным режимом, с которым они не желали бы объединиться ради возвеличивания России в противоборстве с США и их союзниками.

Еще больший шум подняли патриоты, когда руководители стран ОБСЕ осудили действия войск РФ в Чечне, представлявшие им нарушением прав и свобод людей.

Спокойное игнорирование псевдопатриотических позиций Соединенными Штатами Америки и другими державами показало всю несостоятельность таких амбиций, их несовместимость с реальными ресурсами застрявшей в реформах страны. Реальное величие России может быть обеспечено только эффективностью производства и благосостоянием населения.

¹ Доклад информационно-аналитической группы дирекции клуба «Реалист» // Информационный бюллетень. Спецвыпуск. М., 1994. С. 5.

² См.: *Courtois S., Werth N., Panne J.-L., Paczkowski A., Bartosek K., Margolin J. L.* Le livre noir du communisme. Paris, 1997. P. 14, 49—298.

³ См.: Российская газета. 1999. 2 октября.

⁴ См.: World Development Indicators. 1999.

⁵ The Heritage Foundation. Index of economic freedom. 1997. Vol. 4. P. 293.

⁶ Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию. М., 1998. С. 7.

⁷ См., например: *Моисеев Н. Н.* Россия — мост между Западом и Востоком // Информационно-аналитический бюллетень клуба «Реалист», № 17. Европейский проект : реальность, проблемы, концепции. М., 1996.

⁸ *Brzezinski Z.* Le grand echiquier. Paris, 1997. P. 72.

В. Л. ШЕЙНИС

РОССИЯ ГОЛОСУЮЩАЯ

(ТРЕТИЙ РАУНД)*

Завершился третий цикл федеральных выборов в постсоветской России. Календарно он совпал с концом десятилетия и XX в. Избрание нового лидера, конечно, подводит черту под

* Статья написана в 2000 г.

«эпохой Бориса Ельцина», взлеты и падения, надежды и разочарования, прорывы, поражения и позор которой несправедливо было бы связывать только с именем первого президента России. Что показали и какие перспективы открывают прошедшие выборы?

Мнения об этом решительно расходятся. Отличные результаты, усиливающие тенденцию к поиску конструктивных компромиссов, создающие примерно равновесный политический баланс в парламенте и выведшие на вершину власти единственного дееспособного политика страны, умеющего решать самые острые ее проблемы, утверждают одни.¹ Нет, возражают им другие, к власти пришел человек, прошедший школу в самом одиозном подразделении советского госаппарата, и если режим Ельцина еще можно было назвать терпимым авторитаризмом, то режим, который приходит ему на смену, будет гораздо менее толерантен и гораздо более репрессивен: победители на прошедших выборах могут пойти очень далеко, так как бессильное общество смирилось со всеми бесчинствами власти.² Голосование за «Единство», пишет Н. Петров, — «это выбор, сходный с национал-социализмом, голосование за хорошего царя и сильного фюрера в образе на сей раз не шута, как в 1993 г., и не генерала-киборга, как в 1996-м, а, скажем, следователя КГБ».³

Обратимся к динамическим рядам, характеризующим итоги выборов последнего десятилетия, и попытаемся уяснить смысл происходящих изменений.

Парламентские выборы.

Выборы стали неотъемлемой частью жизни страны.

Первые, как президентские, так и парламентские, выборы происходили при форс-мажорных обстоятельствах, и число участвовавших в них показало громадный разброс: от трех четвертей до чуть более половины избирателей. Но с 1995 г. порог электоральной активности остановился на отметке в две трети с отклонением в несколько процентов: немного выше на президентских выборах и ниже на парламентских.

Избиратель привыкает не просто ходить на выборы. Он учится ценить свой голос, не расходовать его на партии, которые не имеют шансов преодолеть заградительный барьер, а подчас и узнавать те из них, которые соответствуют его политическим предпочтениям (нередко, впрочем, неустойчивым и поверхностным).

В научной литературе предложен ряд вариантов классификации партийных и предпартийных образований в России. Логическое пространство рассекают оси: демократия—авторитаризм, рынок—государственно-распределительная система,

национализм—западничество, унитаризм—федерализм (конфедерализм) и т. д. В соответствующих секторах между этими осями размещаются «политические семьи — организации, занимающие сходное место в системе идеолого-политических координат».⁴ Но в массовом сознании электоратов этих партий политические приоритеты значительно более аморфны.

В России довольно заметно выделяются четыре умонастроения, каждое из которых в несколько огрубленном виде можно представить как ориентированное на свою идеальную модель.

1. Стабильное и по минимуму обеспеченное (хотя унылое и скудное с иной точки зрения) бытие нашего общества в 60—80-е гг. (а в радикальных разновидностях этого идеала — ленинская либо сталинская эпоха).

2. Дореволюционная эпоха, тоску по которой ярче других выразил С.Говорухин в знаковом фильме «Россия, которую мы потеряли».

3. Улучшенный и освобожденный от очевидных дефектов и несуразностей сегодняшний образ жизни.

4. Демократический идеал, ориентированный на ценности и достижения европейской цивилизации.

В мире партийной политики этим четырем основным типам предпочтений соответствуют четыре идеолого-политические позиции, которые занимают соответственно коммунисты, некоммунистические националисты, квазицентр (партии властной или стремящейся к овладению федеральной властью номенклатуры) и демократы.⁵ Конечно, эта, как и любая иная, классификация схематизирует картину. Но даже при самом беглом взгляде на табл. 1 легко заметить, что от выборов к выборам избиратели посылали в Думу партийные и предпартийные образования, которые охватывают преобладающую часть всего спектра политических предпочтений, существующих в обществе. Что бы там ни говорили о жесткости и несправедливости пятипроцентного барьера, за чертой партийной половины Думы ни разу не оставалось ни одного влиятельного политического течения. Внутри каждого сектора менялись фавориты, но разделение электорального поля на несколько крупных секторов оставалось довольно устойчивым. Причем в федеральном округе избирателю легче определиться с выбором партии, чем с выбором кандидата в одномандатном округе: в 1999 г. против всех партий проголосовали 3.3 % избирателей, против всех кандидатов — 11.6 %.⁶ Это устойчивая тенденция, проявляющаяся на всех выборах в Думу.

Не следует, однако, переоценивать самостоятельность и осознанность выбора, который делали избиратели. Люди постепенно привыкают к партийным выборам: к тому, что именно партии (точнее — избирательные объединения, в качестве

**ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ, БЛОКИ НА ПАРЛАМЕНТСКИХ
ВЫБОРАХ 1993, 1995, 1999 гг.***

	1993		1995		1999	
	число	% голо- сов	число	% голо- сов	число	% голо- сов
Доля избирателей, приняв- ших участие в выборах		54.3		64.7		61.8
Коммунисты						
Всего объединений, блоков	2	19.0	4	32.2	4	27.7
Преодолевшие барьер	2	19.0	1	22.3	1	24.3
КПРФ	1	11.6	1	22.3	1	24.3
Аграрная партия	1	7.4	—	—	—	—
Некоммунистические националисты						
Всего объединений, блоков	1	21.4	6	19.8	5	7.2
Преодолевшие барьер	1	21.4	1	11.2	1	6.0
ЛДПР	1	21.4	1	11.2	1	6.0
Квазицентр («партии власти»)						
Всего объединений, блоков	4	20.7	4	16.2	4	39.9
Преодолевшие барьер	3	18.9	1	10.2	2	36.6
Женщины России	1	7.6	1	4.6	1	2.0
ПРЕС	1	6.2	1	0.4	—	—
Демократическая партия России	1	5.1	—	—	—	—
Наш дом — Россия	—	—	1	10.1	1	1.2
Единство («Медведь»)	—	—	—	—	1	23.3
Отечество—Вся Россия	—	—	—	—	1	13.3
Демократы						
Всего объединений, блоков	3	25.6	8	15.3	3	15.0
Преодолевшие барьер	2	21.8	1	6.9	2	14.4
Выбор России	1	14.5	—	—	—	—
Демократический выбор России—Объединенные демократы	—	—	1	3.9	—	—
Союз правых сил	—	—	—	—	1	8.5
Яблоко	1	7.3	1	6.9	1	5.9
Социалисты						
Всего объединений, блоков	—	—	3	5.7	3	0.7
Преодолевшие барьер	—	—	—	—	—	—
Маргинальные образования						
Всего объединений, блоков	3	2.6	18	6.1	7	4.2
Преодолевшие барьер	—	—	—	—	—	—

Таблица 1 (продолжение)

	1993		1995		1999	
	число	% голо- сов	число	% голо- сов	число	% голо- сов
Все объединения, блоки						
Всего	13	89.3	43	95.3	26	94.7
Преодолевшие барьер	8	81.1	4	50.5	6	81.3
Не преодолевшие барьера	5	8.2	39	44.8	20	13.4
Против всех	—	3.9	—	2.8	—	3.3
Недействительные бюллетени	—	6.8	—	1.9	—	2.0

* Составлено и подсчитано по: Политический альманах России. 1997. Т. 1 / Под ред. М. Макфола и Н. Петрова. Московский центр Карнеги. 1998. С. 396; Выборы депутатов Государственной Думы. 1995. Электоральная статистика. Центральная избирательная комиссия РФ. М., 1996. С. 90—91, 144; Выборы депутатов Государственной Думы ФС РФ третьего созыва. 19 декабря 1999 г. Итоги. Центральная избирательная комиссия РФ. М., 2000.

которых выступают партии, движения и т. п.) являются основными субъектами на парламентских выборах, что большинство депутатов, избираемых в одномандатных округах, выдвинуты партиями и т. д. Это уже немало с точки зрения перспектив формирования в России каркаса партийно-политической системы. Но границы между основными идеолого-политическими секторами размыты. Между ядерными группами избирателей, которые от выборов к выборам отдают голоса представителям одних и тех же политических сил, располагаются обширные промежуточные зоны, избиратели которых делают свой выбор в последний момент. Качания этих больших массивов электората от выборов к выборам заметно видоизменяют политическое лицо Думы.

В самом общем виде результаты выборов в Думу третьего созыва выглядят следующим образом.

Во-первых, произошло **укрупнение основных идеолого-политических составляющих**, на которые разделено общество. В 1999 г. совершился переход от четырехсекторной (в основном) структуры электората к трехсекторной. Отдельный сектор, который был занят некоммунистическими националистами, дробится и вымывается.

Во-вторых, решительно **преобразился организационно и персонально**, существенно расползся и разросся **квазицентр**.

В-третьих, **не осталось даже скромного места для отдельного социалистического сектора**. В этом одно из существенных отличий российской ситуации от восточноевропейской, где из бывших компартий образовалось влиятельное социалистическое крыло.

В-четвертых, как и ожидал законодатель, корректируя избирательный закон, **резко возрос удельный вес результативных голосов.** Как показано в табл. 1, доля избирательных объединений и блоков, преодолевших барьер, по сравнению с 1995 г. увеличилась с 50.5 до 81.3 %, а процент избирателей, чьи голоса подверглись перераспределению между победителями, сократился с 44.8 до 13.4 %.

В-пятых, как и прежде, проявилась важная **структурообразующая роль пропорциональной составляющей избирательной системы:** все без исключения прошедшие объединения и блоки (даже те из них, которые были скроены наскоро) получили больше мандатов по своим федеральным спискам, чем по одномандатным округам.

Среди шести партий, преодолевших барьер, на первое место, как и в 1995 г., вышла КПРФ, улучшившая свой прежний результат на 2 %. На этом, однако, их успех заканчивается. Увеличение числа голосов, поданных за КПРФ, произошло исключительно за счет их перераспределения внутри коммунистического сектора. Число же голосующих за все партии коммунистической ориентации сократилось на 4.5 % и более чем на 3.8 млн человек. В 1993 г. КПРФ подпирал влиятельный союзник — аграрная партия. В 1995 г. аграрии и в особенности радикальные коммунисты Анпилова были в непосредственной близости от порога. В 1999 г. все мелкие прокоммунистические группировки оказались разгромленными, а структуры аграрной партии, которая на этот раз не решилась выступить самостоятельно, дрейфуют в сторону центра.

Дело, однако, не только в этих показателях. На протяжении ряда лет КПРФ пыталась сконструировать то Народно-патриотический союз (НПСР), то блок «За победу!» — аналоги послевоенных народных фронтов в Восточной Европе, в которые вошли лояльные коммунистам, некогда самостоятельные политические организации. С их помощью коммунистам удалось совершить прорыв к власти в 40-х гг. Ныне стало для всех очевидно, что электоральный потенциал возможных союзников КПРФ (включая ее оппонентов «слева») — величина незначительная, а провозглашаемые коммунистами блоки — фикция. Можно считать, что первый предупредительный звонок для этой партии уже прозвенел.⁷

В отличие от КПРФ, неизменно доминировавшей в коммунистическом секторе, «**партии власти**» — политические объединения, связанные с главной ветвью российской власти: президентом, его окружением, правительством либо состоящие при них, — основательно обновлялись на каждом выборах. Сами эти организации, как правило, считают себя центристскими. Поскольку радикализм вызывает отторжение и большинство выступает за осторожные перемены, сохраняющие многое из того, что пришло в нашу жизнь в последнее десятилетие, в по-

литике самая заметная тенденция — «бег к центру». Центристами, левыми, правыми или самыми что ни на есть центровыми торопится объявить себя большинство политиков по мере приближения выборов. Точнее было бы говорить о **квазицентре** (ибо в России, где нет ни левых, ни правых в европейском понимании, нет и центра в собственном смысле). В 1993 г. этот сектор как особая часть политического ландшафта впервые заявил о себе. То была реакция на резкую поляризацию сил, чуть было не ввергнувших страну в новую гражданскую войну. Три «центристские» партии, раздробившие голоса избирателей, все вместе получили тогда чуть меньше 20% голосов. Кроме того, «партию власти» значительная часть избирателей увидела в лице «Выбора России». Его положение было двойственным. С одной стороны, он был генетически связан с демократическим движением конца 80-х—начала 90-х гг., с другой — он присутствовал в правительстве в переломные месяцы 1993 г. и претендовал на роль парламентской опоры президента. Не менее двух третей из 14.5 % голосов были поданы за «Выбор России» теми, кто видел в нем правительственную партию или еще не уяснил, что между властью и российской демократией совершился развод.

Не случайно поэтому крайне разнородная фракция «Выбора России» в конце двухлетнего срока Думы первого созыва сократилась в полтора раза. Значительная часть его актива перетекла в «Наш дом — Россия», главную партию правящей бюрократии, созданную под выборы 1995 г. Ее избирательные успехи, впрочем, оказались более чем скромными. В целом все партии, ориентированные на поддержку власти, получили в 1995 г. примерно вдвое меньше голосов, чем в 1993 г.

Отсюда «центристами», шедшими на выборы в 1999 г., был сделан вывод: «партию власти» надо формировать на чистом поле, демонстративно дистанцируясь от президента, его ближайшего окружения, «семьи». Первым был запущен проект «губернаторской» партии, ядро которой — «Отечество» — было срочно оформлено в декабре 1998 г., в последний день, когда еще можно было зарегистрировать организацию, претендующую на участие в парламентских выборах под собственным флагом.

Перед выборами «Отечество» объединилось с другой губернаторской группировкой — «Всей Россией» и залучило в лидеры Е. Примакова. С его помощью рассчитывали оторвать часть избирателей у коммунистов. Еще за месяц-полтора до выборов коалиция **«Отечество—Вся Россия» (ОВР)** была безусловным фаворитом избирательной кампании — все опросы предрекали ей решительную победу.

Разнородность сил, объединившихся в ОВР, бросалась в глаза: ни одна другая коалиция не демонстрировала столь же

великолепной легкости блокирования кого угодно с кем угодно. Централисты-державники из «Отечества» объединились с автономистами из «Всей России», открыто бросающими вызов общероссийским законам и решениям федеральных судов. Сторонники частной собственности, в том числе на землю, — с осколками аграрной партии, отстаивающей реликты колхозно-совхозного строя. Яростные антикоммунисты — с людьми, на мирозерцание которых наложило глубокий отпечаток длительное прохождение всех ступеней советской карьеры. Люди, лояльные по отношению к Кремлю, — с теми, кто был настолько озлоблен, что не стеснялся грозить Ельцину и его семье «румынским вариантом». Все это делало объединение непрочным и не обещало ему долгожития. Тем не менее ОВР, опиравшееся на мощные властные, финансовые и информационные ресурсы, поглощавшее, как Гаргантюа, региональные элиты одну за другой да вдобавок собравшее когорту влиятельных лидеров с международным признанием, долго казалось главной партией правящей бюрократии, ее союзников и клиентов, единственным перспективным претендентом в квазицентристском секторе.

Все попытки кремлевских политиков создать противовес ОВР, как казалось, были обречены на неудачу. Создание «Единства», или «Медведя», было третьей попыткой, предпринятой, когда по календарю избирательной кампании перед новопришельцами вот-вот должен был зажечься красный свет. Результат, однако, превзошел самые смелые ожидания: один лишь «Медведь» получил в полтора раза больше голосов, чем все четыре объединения квазицентра в 1995 г.

Сенсационная победа выросла вроде бы на пустом месте. «Единство» не имело ни сколько-нибудь внятной программы, ни заслуг, которые можно было бы предъявить обществу, ни лидеров, испытанных на ниве публичной политики, ни партийных оргструктур, ни волонтеров-активистов. Избирателю было предложено виртуальное чучело «Медведя», и почти четверть избирателей польстились на наживку. Конечно, для достижения такого результата были мобилизованы колоссальные административные, материально-финансовые и информационные ресурсы. Но это само по себе не может объяснить результат такого масштаба за столь короткое время, если только не была произведена грандиозная по величине и филигранная по скрытности подтасовка. Новообразование попало в струю тектонического социально-психологического сдвига: истосковавшемуся по порядку обществу было преподнесено если не само чудо возрождения державной воли, то его уверенное ожидание. И уверенность эта была удачно персонифицирована в лице стоявшего за кадром думских выборов В. Путина, неожиданно

заговорившего с обществом не на языке скучных формул и надоевших лозунгов, а на привычном, «утепляющем» образ сленге, и в лице номинального лидера коалиции С. Шойгу, который не имеет никаких политических заслуг, но про которого достоверно известно, что он человек дела, не болтун, не вор, не коррумпант и не мафиози.

В основе размежевания между кремлевской и московской группировками финансово-административной олигархии лежали не социально-экономические и даже не столько политические различия, сколько противоречия клановые и личностные, выведенные на верхний политический уровень. Антагонизм, предельный накал борьбы между ними определил главный сценарий всей предвыборной кампании. Основные удары наносились не по коммунистам, как в 1995 г., а по «социально близким» соперникам. Но так же, как и тогда, на стратегию основных участников борьбы решающий отпечаток накладывало **приближение следующей кампании — президентской**. В 1995 г. надо было предельно ослабить шансы коммунистического кандидата, который тогда казался серьезным претендентом на президентский пост. В преддверии президентских выборов 2000 г. эта опасность уже не казалась серьезной. Лидеры ОВР рассчитывали привлечь избирателей, поставив в центр своей кампании жесткую критику непопулярных кремлевских политиков и магнатов. Кремлевская же группировка опасалась, что на президентских выборах главным соперником ее выдвигенца станет не коммунист, а заявивший свои претензии Евгений Примаков, который мог бы во втором туре выборов, если бы он состоялся, получить поддержку и ОВР, и КПРФ. Политический конфликт окрашивался столкновениями по поводу раздела и передела собственности между номенклатурно-финансовыми кланами, принадлежащими к разным группировкам.

В этом конфликте центр, как это почти всегда бывает, оказался сильнее. Он обладал такой свободой маневра в проведении энергичной избирательной кампании, какой не было у его конкурентов. Его кампания была неплохо сориентирована в пространстве (выбор союзников в регионах) и во времени (выбор такого момента для своих акций, когда вчера было рано, а завтра будет поздно). Он искусно дистанцировался от президента, когда это обещало выигрыш, и не менее искусно использовал всю инфраструктуру, которой располагали президент и его администрация. В его распоряжении были не только каналы государственных телерадиокомпаний, программы которых имеют наиболее широкую аудиторию, но и федеральные финансовые ресурсы, которые были использованы и на непосредственное ведение избирательной кампании, и на поддержку «верных» регионов, переманивание местных элит и т. п.

Впрочем, итоговый результат ОВР на выборах оказался разочаровывающим лишь потому, что сильно разошелся с первоначальными рейтингами и ожиданиями. За этот блок было подано голосов больше, чем за НДР в 1995 г., почти столько же, как за «Выбор России» в 1993 г. В целом же партии квазицентра получили почти 40% голосов — такого никогда не было раньше.

Одно из самых примечательных явлений прошедшей избирательной кампании — **завершение процесса трансформации ЛДПР** из протестной силы некоммунистической части националистического электората в своеобразный бубенчик на сбруе одной из пристяжных правящего режима. В отличие от КПРФ, за которой стоят интересы, хотя бы и искривленные, хотя бы и уходящих слоев общества, ЛДПР, а точнее — ее лидер мастерски использует, эксплуатирует, канализирует настроения, бессознательные эмоции, а подчас и просто тягу к яркой зрелищности, политической клоунаде. До недавнего времени ЛДПР принадлежала монополия в секторе некоммунистических, отчасти антикоммунистических националистов-державников.

Однако после ошеломительного успеха в 1993 г. Жириновский на каждых следующих выборах терял половину своих избирателей и с ловкостью фокусника менял русло своей демагогии, заостряя ее то против коммунистов, то против демократов, то против тех или иных высокопоставленных чиновников. В то же время он умело компенсировал свои электоральные неудачи политическим бартером, средством обмена в котором являются голоса послушной ему думской фракции ЛДПР.

ЛДПР, вопреки первоначальным прогнозам и оценкам, на выборах 1999 г. сумела преодолеть барьер не только потому, что она (и в первую очередь ее лидер) умеет приспосабливаться и артистически потрафлять вкусам самой невзыскательной части избирателей (которые присутствуют в некотором количестве в любой стране), но и потому что она на деле в ряде критических голосований доказала свою полезность существующей власти. Поэтому она и получила в свое распоряжение немеренные финансовые ресурсы и административную поддержку. Кроме того, следует по достоинству оценить способность ее актива к самоорганизации на местах, к проведению массовой политической работы с использованием шумовых эффектов. Несмотря на сократившуюся полезность этой партии для власти, она в ближайшей перспективе, вероятно, еще не распадется и не исчезнет. Знаменательно, что показателей заметно более высоких, чем в среднем по стране, ей удалось достичь в армии и в экономически зависимых регионах Востока.

Но значительно важнее политической траектории ЛДПР **перемены, связанные с усилением национал-державнических склонений** и в политическом классе, и в обществе. Самостоятельный сектор некоммунистических националистов-державников постепенно вытесняется. Никто не в состоянии монопольно завладеть электоральным пространством, которое первоначально застолбил Жириновский. Потерпело сокрушительное поражение отпочковавшееся от КПРФ «Духовное наследие», сходят с политической сцены Российский общенародный союз С. Бабурина, Конгресс русских общин Д. Рогозина, не смогли включиться в избирательную кампанию мелкие национал-экстремистские группы.

Но в умеренном, чуть облагороженном виде «особого пути России», «обиды за державу» национал-державническую риторику взяли на вооружение партии и объединения, выросшие на ином поле. В первую очередь это относится к сегодняшним российским коммунистам. Близкая риторика звучала в программных документах и предвыборных выступлениях многих «центристов» и демократов. Это опасные игры, так как грань между умеренным и агрессивным национализмом тонка и подвижна.

Опасность, которую несет с собой подъем националистических настроений, ни в коем случае не следует недооценивать. Конечно, агрессивная националистическая и державническая демагогия способна завоевывать сторонников и в странах с устоявшейся демократией. Примеры тому — сторонники Ле Пена во Франции, Фрея в Германии, Хайдера в Австрии, стяжавшие оглушительный успех на последних выборах. В России электоральная ниша для подобных настроений существует и, вероятно, будет расширяться, если ведущие демократические страны будут считаться с нами не более чем версальские победители с Германией. Более того, именно в этом секторе высиживаются, как в знаменитом фильме И. Бергмана, «змеиные яйца», из которых может вылупиться главная угроза демократическому развитию России, идущая на смену увядающему коммунизму.

Существенные сдвиги произошли также и в **демократическом секторе**. Выборы 1995 г. нанесли демократам существенный урон. Ушли примерно 10 % избирателей, которые в 1993 г. голосовали за «Выбор России», ценя в нем не столько демократическое начало и происхождение, сколько прикосновенность к власти. Но, кроме того, в котел перераспределения были брошены более 8% голосов избирателей, проголосовавших за ДВР и еще 7 мелких демократических образований. Число претендентов в этом секторе в 1995 г. было наибольшим (если не считать маргиналов), и рассеяние голосов стало неизбежным воздаянием.

В 1999 г., как и в 1995 г., демократические партии получили свои 15 %. На большее, видимо, трудно было рассчитывать в стране, застрявшей в переходном периоде. Демократы несут ответственность не только за свои и чужие просчеты и ошибки, но и за объективный ход вещей, который не мог быть простым и легким для народа, за несбывшиеся ожидания.

Но внутри демократического сектора произошло неожиданное перераспределение сил. Один из самых больших сюрпризов избирательной кампании — **успех Союза правых сил (СПС)**, который не только преодолел пятипроцентный барьер (в чем были уверены далеко не все прогнозисты), но и выдвинулся на четвертое место. Среди слагаемых успеха СПС обычно называют четкую и изобретательную организацию избирательной кампании и поддержку со стороны власти. Это, конечно, так. Но интереснее другое: электоральный результат СПС выявил, что откровенно либеральная политика, чуть окрашенная в неорганичные для нее национально-имперские тона, хотя и подвергалась чуть ли не всеобщему поношению, имеет в нашей стране свою социальную базу в лице рационально и исторически мыслящего избирателя.

Таких избирателей всегда меньшинство. Но это меньшинство организаторы избирательной кампании СПС сумели консолидировать и увеличить. Они сумели объединить силы — создать один, хотя и не очень прочно сколоченный блок на месте семи «неяблочных» демократических организаций, выступивших порознь и не преодолевших барьер в 1995 г. Им удалось также преодолеть синдром поражения на прошлых выборах и последствия изоляции в Думе нескольких депутатов от «Демократического выбора России», лишенных возможностей, которые давало объединение в регламентно признанные группы. Молодые, отлично выглядевшие на экранах телевизоров лидеры СПС сумели вселить в своих избирателей веру в то, что их голоса не будут брошены, как в 1995 г., в общий котел перераспределения. Часть электората СПС отобрал у «Яблока», особенно в столицах и среди молодежи. По данным ВЦИОМ, возрастной контингент от 18 до 24 лет в электорате СПС составил 25,4 %, у «Яблока» — только 11,6 %.⁸

«Яблоко» получило меньше голосов на 1 % по сравнению с 1995 г., потеряв свыше 900 тыс. избирателей, в том числе 300 тыс., почти половину, в Москве и 190 тыс., более половины, в Санкт-Петербурге — своих главных оплотах.⁹ Ему удалось провести существенно меньше депутатов-одномандатников. Рейтинги «Яблока», стоявшие на уровне 12—15 % в начале кампании, постепенно снижались и резко покатались вниз¹⁰ в ее конце, несмотря на привлечение С. Степашина, несмотря на все усилия придать им обратную динамику.

Почему эти усилия оказались недостаточны, неэффективны, а порою и контрпродуктивны? Можно указать на информационную блокаду «Яблока» на государственных каналах телевидения, на кампанию дезинформации, посильный вклад в которую внесли все его противники, на тактические ошибки в агитационной работе. Это правда, но не вся правда.

«Яблоку» не удалось создать сеть достаточно эффективных организаций в регионах. Акцент был сделан на публичные выступления лидера и еще 3—4 эмиссаров, без устали колесивших по стране. Кампания, в которой десятки и сотни убежденных активистов идут «от двери к двери», столь важная для оппозиционной партии, не располагающей неограниченными финансовыми ресурсами, не получилась. Есть подозрения, что часть голосов, поданных за «Яблоко», была украдена. Но если и так — это тоже упирается в его кадровую и организационную слабость.

«Яблоку» не удалось — несмотря на активную законодательную работу: законы о соглашениях по разделу продукции, альтернативный бюджет, конституционные поправки, избирательные законы и многое другое¹¹ — преодолеть широко распространенное представление как о только критикующей партии. Люди не могли понять, почему, оставаясь верным своей принципиальной позиции, «Яблоко» не могло послать своих представителей в правительство на тех условиях, которые ему предлагались. Важно не то, что образ капризной, не способной к конструктивной работе, «недоговороспособной» партии не соответствовал действительности, а то, что именно такой образ был широко внедрен в людское восприятие.

В избирательной стратегии «Яблока», на мой взгляд, также был допущен существенный просчет. По идеологии, генезису, социальной природе «Яблока» его главный противник — коммунисты и националисты. Однако это было вынесено как бы за скобки, произносилось скороговоркой, а основная, наиболее резкая, подчас выходившая за пределы приличия и потому сильнее всего врезавшаяся в память полемика адресовалась лидерам и кандидатам СПС.

Представляли ли парламентские выборы откат в политическом развитии страны, как оценили их результаты некоторые политологи? Я склоняюсь к более осторожной оценке. Выборы не оправдали надежд на продвижение к гражданскому обществу. Они зафиксировали отделение политического класса от глубинных пластов общества. Поведение больших масс избирателей, не имеющих ни осознанных интересов, ни устоявшихся взглядов, оказалось если и не вполне предсказуемым, то достаточно управляемым государственными структурами и обслуживающими их средствами массовой информации. Обществен-

ный активизм на уровне «корней травы» был слабым и не дал всходов, на которые рассчитывали демократы. Доминирующие позиции в новой Думе заняли квазипартии, представляющие по сути объединения иерархически организованных бюрократов, привлеченной ими для реализации избирательных технологий интеллигентской obsługi и примкнувших к ним избирателей.

Все это так. Но итоги выборов 1999 г. едва ли свидетельствуют о регрессе. Их надо сопоставлять не с ожиданиями и надеждами, а с аналогичными кампаниями в прошлом, которые отнюдь не были праздниками демократии. О политической культуре нашего общества в 1993 г. более всего свидетельствует неожиданный успех партии Жириновского, которая тогда получила почти столько же голосов, сколько «Единство» в 1999 г.

В 1995 г. около 45 % голосов было подано за партии, не преодолевшие барьера, в том числе около 20 % — за мало кому известные, неполитические образования, не имевшие даже отдаленных шансов приблизиться к барьеру. Такое голосование принесло колоссальную премию КПрФ и позволило ей в течение четырех лет занимать доминирующие позиции в Думе. В 1999 г. квазипартии «Единство» и ОВР, победительница и побежденная, сумели привести под свои знамена чуть более трети электората. Эта часть избирателей всегда была подвержена манипуляциям власти либо уличных демагогов. На предыдущих выборах большинство из них голосовало за НДР, за маргиналов да еще за жириновцев. Основная же часть коммунистических и демократических избирателей, т. е. тех, кто обладал большим иммунитетом по отношению к манипуляциям «партии власти», осталась верна своему прежнему выбору. Государственная Дума третьего созыва такова, каково наше общество, а изменяется оно медленно.

Расстановка сил в новой Думе.

В итоге выборов Россия получила Государственную Думу, с которой ей, вероятно, придется жить четыре года. Противостояние президента и Думы начиная с 1994 г. определяло течение политической жизни, блокировало деятельность государственных институтов. Каждая из сторон вносила в это свой вклад.

Новая Дума заметно отличается политически и, по всей видимости, профессионально от своих предшественниц. Подавляющее большинство кандидатов-одномандатников, было зарегистрировано в качестве независимых — так выигрышнее вести избирательную кампанию. 112 мандатов (из 224) досталось кандидатам, выдвинутым группами избирателей или в порядке самовыдвижения. Но когда произошло первичное

распределение по депутатским объединениям, депутатов, не вошедших ни в одно из них, осталось лишь 18 человек.¹² Вообще же не так выступление от имени партий, как поддержка или афронт местных властей играли решающую роль на выборах в округах. Поэтому политическая окраска депутатов, избранных в большинстве одномандатных округов, отвечала известному принципу позднего средневековья: «чья страна, того и вера». Дефицит же привлекательных публичных политиков у всех партий нередко приводил к избранию случайных людей, профессионально слабо подготовленных к депутатской работе.

Изменения в партийно-политической принадлежности депутатов Думы представлены в табл. 2.

Самую большую фракцию вновь создали коммунисты. Кроме того, делегировав часть депутатов к аграриям, они подавили актив аграрной партии, присоединившейся к «партиям власти»,

Таблица 2

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ
I, II, III СОЗЫВОВ**

(в скобках — число депутатов, избранных по партийным спискам)*

	1994	1996	2000
Фракции	8	4	6
Депутатские группы (зарегистрированные)**	2	3	3
Депутаты			
Коммунисты	100	220	130
КПРФ	45(32)	146(99)	88(67)
Аграрии*** — Агропромышленная группа	55(21)	36(—)	42(.)
Народовластие****	—	38(—)	—
Некоммунистические националисты	76	51	16
ЛДПР	60(59)	51(50)	16(17)
Держава	6(—)	—	—
Российский путь	10(—)	—	—
Квазицентр («партии власти»)	134	109	230
Женщины России	23(21)	—	—
ПРЕС	30(18)	—	—
Демократическая партия России	15(14)	—	—
Наш дом — Россия	—	66(45)	—
Новая региональная политика—Российские регионы—Регионы России	66(—)	43(—)	41(—)
Единство («Медведь»)	—	—	83(64)
Народный депутат	—	—	58(—)
Отечество—Вся Россия	—	—	48(37)

Таблица 2 (продолжение)

	1994	1996	2000
Демократы	135	46	53
Выбор России—Демократический выбор	73(40)	9(—)	32(24)
России—Союз правых сил	—	—	—
Яблоко	27(20)	46(31)	21(16)
Либерально-демократический «Союз 12 декабря»	35(—)	—	—

* Составлено по: Пятая Государственная Дума. М., 1994. С. 10, 176—197; Государственная Дума второго созыва. М., 1996. С. 8, 14, 270—305; Государственная Дума. Количественное голосование (распечатка результатов голосования с использованием электронной системы голосования). 2000. 12 апреля; Новая Государственная Дума накануне первой сессии. М., 1996. С. 4; Выборы депутатов Государственной Думы ФС РФ третьего созыва 19 декабря 1999 г. Итоги. Центральная избирательная комиссия РФ. М., 2000.

Структура Государственной Думы I созыва — по состоянию на 1 июня 1994 г., II созыва — на 1 октября 1996 г., III созыва — на 12 апреля 2000 г.

** В 1995 г. депутатская группа «Союз 12 декабря» распалась. В результате политических миграций депутатов возникли 2 новые зарегистрированные группы — «Россия» и «Стабильность» центристской ориентации и 2 незарегистрированные (не достигшие регламентной численности) — «Держава» и «Российский путь» националистической ориентации.

*** Аграрная группа в Думе II и III созывов могла существовать лишь благодаря тому, что ее численность постоянно подпитывалась фракцией КПРФ, делегировавшей часть своих депутатов к аграриям.

**** «Народовластие» было образовано на основе договоренности между коммунистами и националистами (группа С. Бабурина). Разнородность группы нередко порождала напряженности и конфликты.

и организовали одну (правда, одну, а не две, как в предыдущей Думе) сателлитную группу. Однако результат коммунистов оказался далек от их ожиданий.

Обещание Г. Зюганова привести в Думу 300 «патриотов», повторялось слишком часто, чтобы изгладиться из памяти. Не будем придираться к словам: ведь терминология коммунистического лидера — типичный оруэлловский «новояз»; так и его предшественники именовали «интернационалистами» интервентов, брошенных в Чехословакию и Афганистан. 300 сторонников нужны были, чтобы проводить конституционные законы, беспрепятственно преодолевать вето, самостоятельно инициировать перекройку Конституции и т. д.

Вместе с ближайшими союзниками — аграриями и «народовластниками» коммунисты владели почти абсолютным контрольным пакетом: всего нескольких мандатов не хватало до большинства в 226 голосов.

Сейчас положение изменилось. Создалась теоретическая возможность образования в Думе некоммунистического большинства, способного, хотя и с известным напряжением, принимать даже конституционные законы. От «партии власти»

можно было ожидать шагов, направленных на консолидацию политических сил, провозгласивших на выборах ориентацию на продолжение реформ. Однако прокремлевская фракция «Единство» и ее сателлитная группа «Народный депутат» (а точнее — Кремль, потому что «Единство» не вырабатывает своей парламентской линии, как не вело и собственной избирательной кампании) повели иную, более сложную игру. Было принято решение объединиться с коммунистами и их союзниками для раздела парламентских постов. При конституировании новой думской структуры была разыграна достаточно топорная партия, принесшая игрокам тактический успех в виде 2—3 дополнительных комитетов.

Акция эта, однако, преследовала более далеко идущие цели: показать, кто в Думе хозяин. Приведя в Думу многочисленные «центровые» депутатские объединения, Кремль начал осваивать пилотаж, при котором крен может осуществляться то «вправо», то «влево» и который открывает наибольший простор для дальнейших политических маневров. Одновременно был произведен расчет с недавними противниками и попутчиками. Лидерам ОВР было наглядно показано, что ни на какую самостоятельную роль они претендовать не могут. Это вскоре же привело к тому, что предводители ОВР в регионах один за другим заторопились выражать лояльность победителю, а идеологи — разъяснять тот очевидный, впрочем, факт, что никаких существенных различий между ОВР и «Единством» ни в программных установках, ни в реальных намерениях, ни в действиях, ни в социальной базе нет.¹³ «Медведь» дистанцировался также от СПС, руководители которого, действительно обладая интеллектуальным и профессиональным превосходством перед новобранцами — «медвежатами», рассчитывали по отношению к ним играть роль гуру — мудрых наставников. Наконец, примерное наказание было назначено строптивому, вечно шагающему не в ногу с остальными «Яблоку», которому в нарушение всех традиций не досталось ни одного комитета.

В результате фракционно Дума оказалась разделенной на три составляющие, причем разделение это не совпадает с идеолого-политическими границами.

В центре — «Единство» и «Народный депутат», владеющие 141 мандатом, плюс 16 жириновцев, готовых оказывать власти необходимые услуги за соответствующее воздаяние, итого 157 депутатов, занявших стратегические высоты в Думе. Депутаты шойгу-путинского призыва — люди без политического роду и племени, в основной своей массе директора предприятий, чиновники разного ранга из регионов да еще руководители отделений воинов-афганцев. Стоит ли удивляться тому, что они

беспрекословно и без всяких обсуждений скрепили сговор с коммунистами своими голосами, а чуть позже столь же бесцеремонно оставили в меньшинстве и этих незадачливых партнеров, вообразивших, что фортуна неожиданно вновь повернулась к ним лицом. Это не политики, а «голосующая баранта», как назвал сталинских приверженцев в большевистской партии в 20-х гг. один из лидеров оппозиции. Впрочем, их верность президенту и приближенным к нему лицам, не владеющим в отличие от Сталина инструментами страха и террора, не следует переоценивать. В зависимости от поворотов в ситуации большинство из них может мигрировать куда угодно и к кому угодно.

Все остальные депутатские объединения различаются по степени благоволения или отторжения и, следовательно, удаленности от властной группировки, причем то и другое власть может изменить в каждый данный момент.

На одном фланге — 130 коммунистов и агропромышленников, получивших в виде аванса щедрую ренту — пост председателя Думы и несколько дополнительных комитетов. Они, конечно, постараются выжать максимум возможного из сложившейся ситуации. Но на очереди целый ряд экономических и социальных законов, ратификаций международных договоров, которые коммунисты по определению поддержать не смогут, так что о прочном альянсе с коммунистами говорить не приходится.

На другом фланге — около 140 представителей по-разному ущемленных при разделе комитетов депутатских объединений, которые, однако, со временем получили некоторые кадровые компенсации и обещания на будущее. Но было бы наивно думать, что кремлевская благосклонность всегда будет обращена в одну сторону.

Складывающаяся расстановка сил в Думе — воплощение классической формулы бонапартизма, когда властная группировка может сохранять господство, балансируя на противостоянии двух крайних сил. Как и следовало ожидать, ОВР продемонстрировало готовность к капитуляции, в СПС наметился раскол, а над «Яблоком» в очередной раз нависла угроза политической изоляции. Как государственный институт Дума утратила самостоятельную роль, и В. Рыжков не без оснований уподобил ее обанкроченному предприятию с внешним управлением. Однако хуже или лучше такая конструкция для государственного строительства и преодоления сепаратистских тенденций, законодательного процесса, прохождения конституционных поправок, для сохранения демократических свобод, нежели это было при резко оппозиционной Думе с национал-коммунистическим почти большинством, покажет время. Ре-

зультаты парламентских выборов во многом предопределили ход и исход президентских выборов.

Выборы президента.

Президентские выборы 2000 г. в отличие от выборов 1996 г. были лишены острой политической интриги. От них никто не ждал больших неожиданностей, и неожиданностей они не принесли. Вопрос о власти был решен еще в августе и закреплён в декабре 1999 г. Отсюда вытекало нагнетавшееся в средствах массовой информации представление о «выборах без выбора». Как и парламентские, президентские выборы отразили слабость, зачаточный характер структур гражданского общества. Но это не должно затемнять главный их итог, смысл и значение. **Впервые в истории** в нашей стране состоялась **мирная, конституционная, демократическая передача власти**. Можно возразить на это, что то была формальная процедура, что к содержанию процесса могут быть предъявлены серьезные претензии, что за безальтернативностью выборов стоят слабость, неукорененность демократических традиций и незрелость избирателей. Пусть так, но самое рождение небывалой у нас формы политического развития не нейтрально к становлению демократических традиций, без которых современное общество выжить не может.

Заведомо предопределен был только основной итог выборов. Пока не были объявлены итоги голосования, открытыми оставались по меньшей мере четыре вопроса, немаловажных для последующего политического развития. Во-первых, состоятся ли выборы, придут ли на избирательные участки, раз исход выборов известен, требуемые 50 % избирателей. Во-вторых, с каким счетом выйдет к финишу победитель: потребуются ли второй тур, удастся ли Путину приблизиться, скажем, к показателю Ельцина 1991 г. В-третьих, удастся ли Зюганову повторить свой результат 1996 г., т. е. собрать под свои знамена весь протестный электорат. В-четвертых, кто и с каким результатом займет третье место (как вытекало из разных опросов, на него были три претендента: Явлинский, Тулеев, Жириновский) и удастся ли «бронзовому» призеру конвертировать поданные за него голоса в приобщение к власти, как это произошло с Лебедем в 1996 г.

Голосование 26 марта дало ответ на все эти вопросы.

В табл. 3 представлена динамика голосования на трех президентских выборах: в 1991, 1996 и 2000 гг. Сверх того, сопоставление показателей в последних колонках табл. 1 и 3 позволяет увидеть, как на федеральном уровне соотносятся голоса, поданные за партии и кандидатов в президенты, какие партийно-политические электораты стояли за победителем и его

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 1991, 1996, 2000 гг.*

	1991 г.	1996 г.		2000 г.
		I тур	II тур	
Доля избирателей, принявших участие в выборах	77.7	69.8	68.9	68.7
Количество кандидатов	6	10	2	11
Доля полученных голосов:				
Б. Ельцин	57.3	35.3	53.8	—
В. Путин	—	—	—	52.9
Н. Рыжков	16.8	—	—	—
Г. Зюганов	—	32.0	40.3	29.2
В. Жириновский	7.8	5.7	—	2.7
А. Лебедь	—	14.5	—	—
Г. Явлинский	—	7.3	—	5.8
А. Тулеев	6.8	—	—	3.0
Остальные кандидаты**	7.1	2.2	—	3.8
Против всех	1.9	1.5	4.8	3.8
Недействительные бюллетени	2.2	1.4	1.0	0.9

* Подсчитано по: Политический альманах России. 1997. Т. 1. Под ред. М. Макфола и Н. Петрова. Московский центр Карнеги. 1998. С. 381; Выборы Президента Российской Федерации. 1996. Электоральная статистика. М., 1996. С. 128—130; Российская газета. 2000. 7 апреля.

** В порядке убывания голосов: в 1991 г. — А. Макашов, В. Бакатин; в 1996 г. — С. Федоров, М. Горбачев, М. Шакум, Ю. Власов, В. Брынцалов; в 2000 г. — К. Титов, Э. Памфилова, С. Говорухин, Ю. Скуратов, А. Подберезкин, У. Джабраилов.

соперниками. Необходимо при этом иметь в виду, что на президентских выборах по сравнению с парламентскими проголосовали дополнительно 8.4 млн избирателей (около 7% списочного состава).¹⁴

Путин вплотную приблизился к итогу Ельцина во втором туре выборов 1996 г. и лишь на 4 пункта отстал от его показателя 1991 г. — наивысшего из всех кем-либо достигнутых на трех президентских выборах. Это означает, по-видимому, что ему уже в первом туре удалось на федеральном уровне собрать голоса, поданные в 1999 г. за все партии квазицентра (включая ОВР), преобладающую часть голосов СПС (за вычетом 1.5 %, отданных за Титова), половину голосов ЛДПР, почти все голоса, отданные маргиналам, а также значительную часть голосов новопришельцев. Иными словами, Путина поддержал почти весь некоммунистический и неяблочный электорат.

Зюганов на 1.5 % превзошел показатель всего коммунистического сектора, но почти на 3 % не дотянул до собственного показателя в первом туре в 1996 г. Можно, конечно, считать,

что это как раз те голоса, которые ушли к Тулееву, но важнее подчеркнуть другое. В масштабе страны Зюганов не сумел отнять сколько-нибудь значимую толику голосов ни от протестного, ни от квазицентристского электората (ему почти ничего не досталось по сравнению с думскими выборами), ни от наследства ОВР и наследства Жириновского. Расширение коммунистического электората в ряде зауральских регионов было компенсировано сокращением его в зоне «красного пояса» России.¹⁵

Нельзя считать удовлетворительными и результаты **Явлинского**. Он получил тот же процент голосов, что и «Яблоко» на декабрьских выборах, но существенно меньше, чем на выборах 1996 г. Правда, по сравнению с декабрем его поддержало на 400 тыс. больше избирателей, но это произошло главным образом за счет общего повышения явки и потому дела не меняет. Хотя избирательная кампания Явлинского, в особенности в последние недели, по общему мнению, велась на высоком уровне и отвечала сложившимся пиаровским стандартам, она не принесла желаемого результата — объединения демократических сил под эгидой «Яблока». Электорат «Яблока» показал одновременно устойчивость и неспособность к расширению. «Неяблочный» демократический электорат не воспринял посылавшиеся ему сигналы.

Жириновский и его партия никогда еще не получали так мало голосов. Оказываемая ему поддержка сократилась более чем в два раза по сравнению и с 1996 г., и с 1999 г., не говоря о 1993 г. По мере того как национал-державническую ориентацию усваивали все сколько-нибудь значимые политические силы, кроме «Яблока», собственное поле жириновцев сжималось. На нем остались в основном поклонники клоунады и любители политической экзотики.

СПС встретил президентские выборы по сути дела неподготовленным. Его лидеры не смогли выработать общую линию: большая часть организации оказалась в обозе у Путина, меньшая пошла на выдвижение **Титова**, заведомо бесперспективное даже для того, чтобы продемонстрировать сколько-нибудь заметную электоральную поддержку. Коалиция, сравнительно успешно выступившая на парламентских выборах, показала свою рыхлость и неустойчивость.

Региональный аспект выборов не является предметом рассмотрения в данной статье. Необходимо, однако, отметить, что устойчивость политических предпочтений избирателей, как будто бы проголосовавших одинаково на парламентских и президентских выборах, т. е. за ту или иную партию в декабре и за поддержанного ею лидера в марте, в регионах не так велика, как это следует из общероссийских показателей. Они сложи-

лись в результате взаимного погашения отклонений электро-
рального поведения в регионах от среднероссийских показате-
лей. Особенно заметны были такие отклонения в Москве.
Здесь Путина поддержало 46 % избирателей, тогда как только
за «Единство», ОВР и СПС проголосовало свыше 59 %, Зюга-
нов получил более 19 % (КПРФ в 1999 г. — менее 12 %) и Яв-
линский — почти рекордные 19 % («Яблоко» в 1999 г. — 9.5 %).
В Санкт-Петербурге, напротив, Путин получил 62 % (его «ба-
зовые» партии — 51 %), Зюганов — 17 % (против 14 % КПРФ
в 1999 г.), Явлинский — 10.6 % (против 11.1 % «Яблока» в
1999 г.), самый низкий показатель, когда-либо полученный в
одном из главных оплотов «Яблока». Вообще же на долю Моск-
вы, Санкт-Петербурга и Московской области приходится поч-
ти треть голосов, поданных за Явлинского.

Правда, внимательные наблюдатели отметили два загадоч-
ных момента: списочный состав избирателей всего лишь за три
месяца по сравнению с декабрьскими выборами увеличился со
108 072 до 109 372 тыс. человек; было объявлено, что за два ча-
са до конца голосования явка избирателей на участки соста-
вила 54 %, а итоговый показатель подошел к 69 %. Это озна-
чает что каждый пятый избиратель пришел на участок незадолго
до его закрытия, что никак не соответствует устоявшейся
модели поведения наших сограждан.¹⁶

Есть и еще одно обстоятельство, заставляющее усомниться
в том, что данные, на которых основан наш анализ, достаточно
исчерпывающи и надежны. Я располагаю копиями протоколов,
полученных наблюдателями на 11 избирательных участках Са-
ратовской области непосредственно после подсчета голосов.
Согласно этим данным, за Путина было подано не 66.1 % го-
лосов, вошедших в официальные сводные таблицы по итогам
голосования на этих участках, а 51.8 %, за Зюганова — не 24.3,
а 27.3 %, за Явлинского — не 3.4, а 9.4 % голосов. Эти иска-
жения, конечно, не таковы, чтобы изменить общие результаты
выборов, но если такого же масштаба фальсификации имели
широкое распространение, можно предположить, что для по-
беды Путина мог понадобиться еще один тур, а демократичес-
кий кандидат имеет заметно более весомую поддержку в об-
ществе. Готова ли была масса местных начальников и рядовых
функционеров пойти на большой личный риск ради того,
чтобы обеспечить выход на контрольные цифры, спущенные
сверху, да еще ради такого существенного, но не критически
важного результата, как победа Путина в первом, а не втором
туре, — открытый вопрос.

Итак, президентские выборы принесли внушительную, хотя
и ожидавшуюся, победу Путина и сохранение — в отличие от
думских выборов — биполярной в основном структуры элек-

тората (даже более отчетливо сгруппировавшегося вокруг двух полюсов, чем в 1996 г., не говоря уж о 1991 г.). Они не оправдали надежды на то, что демократическая оппозиция сумеет получить в обществе поддержку, сопоставимую с той, которую оказывает коммунистам их традиционный электорат.

Слагаемые победы Путина достаточно очевидны. С одной стороны, продолжали действовать факторы, предопределившие успех «Единства» на парламентских выборах, о которых шла речь выше, и сверх того — на Путина работала не погашенная еще инерция того политического сдвига, который был внятно продемонстрирован в декабре.

С другой стороны, фактор, который на парламентских выборах оставался как бы за кадром, стал действовать в полную силу. Избиратели истосковались по порядку, они испытывали ностальгию по утраченному имперскому величию сверхдержавы и мучительно переживали снижение жизненного уровня. В то же время они привыкли уповать на власть и уже по всем этим причинам были склонны проголосовать за тех, на кого укажет власть, пообещавшая стать сильной. И на этот раз им был представлен не список безвестных статистов «Единства» во главе с тройкой, ни один из членов которой не зарекомендовал себя как публичный политик, а человек относительно молодой, сильный, подкупающий своей решительностью и динамизмом, особенно контрастировавшими с обликом уходящего президента.

С третьей стороны, в пользу Путина работала общая конъюнктура в стране. Переход к решительным действиям в Чечне сыграл роль своего рода стартера в запуске его избирательной кампании. Но затем на настроения в обществе стали оказывать влияние более значимые для большинства обстоятельства: некоторое оживление в экономике, замедление инфляции и падения доходов, сокращение задолженности и своевременные выплаты зарплат и пенсий. По данным ВЦИОМ, 1998 г. по сравнению с предыдущим сочли более трудным 83 % опрошенных (самый высокий показатель после 1990—1991 гг.), тогда как 1999 г. — 51 % (более низкий показатель был только в 1997 г.). В то же время более легким назвали 1998 г. 3 %, а 1999 г. — 16 % (примерно таким же был показатель 1997 г.). В 1999 г. надежда на лучшие времена появилась или окрепла по сравнению с предыдущим годом у 28 % опрошенных (самый высокий показатель с 1992 г.).¹⁷ В силу хотя бы этих обстоятельств избирательная кампания коммунистов, нагнетавших ощущение катастрофы, разошлась с ощущениями, которые все шире распространялись в обществе, и не способствовала росту их электората.

Сдвиг в общественных настроениях, наметившийся к марту 2000 г., был связан в значительной мере с преходящими, конь-

юнктурными обстоятельствами: кратковременным эффектом импортзамещения на узком внутреннем рынке после дефолта 1998 г., взлетом нефтяных цен, позволившим сбалансировать бюджет, и т. п. Однако ни одна из главных проблем, стоящих перед нашим обществом, по-прежнему не решена.

Выборы прошли. Что дальше?

Три обстоятельства — конституционное устройство, которое закрепило дисбаланс власти в пользу президента, российская историческая традиция, в соответствии с которой политический курс в решающей степени всегда определялся первым лицом, и внушительные победы, которые Путин одержал на парламентских и президентских выборах, — открывают перед новым президентом немалые возможности. Поэтому характер дальнейшего развития страны большинство и политиков, и политологов связывает с действиями вновь избранного президента. Но вопрос, заданный российской делегации в Давосе в январе 2000 г.: «Кто такой мистер Путин?» — сводится в сущности к двум другим: что захочет делать второй президент России и что позволят ему сделать обстоятельства.

Менее всего однозначный ответ на первый из этих вопросов можно найти в программных заявлениях, с которыми выступал и.о. президента во время избирательной кампании. И писанные тексты, которые могли прочесть немногие, и публичные заявления, которые радио и телевидение торопились донести до миллионов, отличались **предельной амбивалентностью**. Путин говорил то, что от него хотели услышать. Либералам-западникам: «...почти семь десятилетий мы двигались по тупиковому маршруту движения, который проходил в стороне от столбовой дороги цивилизации». Патриотам: «...опорная точка консолидации российского общества — то, что можно назвать исконными, традиционными ценностями российского общества» (а ценности эти — «патриотизм, державность, государственничество, социальная солидарность»; однако державность тут же приобретала весьма неожиданную интерпретацию: «В современном мире державная мощь страны проявляется не столько в военной силе, сколько в способности быть лидером в создании и применении передовых технологий, обеспечении высокого уровня благосостояния народа...» и т. д.). Рыночникам: «Люди дорожат тем, что могут иметь собственность, заниматься предпринимательством, создавать состояние... надо сделать все, чтобы зарубежный капитал пошел в нашу страну». Дирижистам: «...ситуация требует от нас большей степени государственного воздействия на экономические и социальные процессы». Человеку с улицы: «Основная часть народа проявляет больше мудрости и ответственности, чем многие политики».

Правозащитникам: «...главная опасность для прав и свобод человека, демократии в целом исходит от исполнительной власти». Тем, кто ждет и надеется на перемены: «Кончилось старое время. Начинается новый отсчет времени». Тем, кто опасается, что перемены будут слишком круты: «Изменение Конституции не представляется неотложной и первоочередной задачей. Мы имеем по-настоящему хорошую Конституцию».¹⁸

Если к этому добавить, что и. о. президента положил цветы на могилу Сахарова и лично открыл мемориальную доску в честь Андропова, отдал дань памяти Собчака и позаботился о жизненных условиях Ельцина и его семьи, то можно прийти к заключению, что **Путин пообещал всем все**. Во всей этой артикуляции разнородных ценностей, намерений и знаковых поступков был, конечно, солидный элемент избирательной стратегии, ориентированной на привлечение максимума голосов. В электоральном плане это принесло успех, и теперь почти любые действия нового президента могут быть истолкованы как выполнение предвыборных обязательств. Каждому, кто отдал за него голос, президент вправе будет сказать то, что услышал некогда ошарашенный мольеровский герой: «Ты этого хотел!»

Со страниц подоспевшей к выборам книги, основанной на многочасовых интервью, проступают некоторые характерные черты человека, несомненно закрытого при всей его внешней контактности. Перед нами юноша из плохо обеспеченной, неразговорчивой, но крепкой семьи, который самостоятельно выстраивает свой путь на основе не слишком богатого круга представлений о собственной стране и мире — чтение книг во всяком случае не упоминается в числе его любимых занятий в детстве и юности. Единственным исключением является посредственный боевик, оказавший влияние на выбор его жизненного пути. В поведении Путина, по рассказам его школьных и университетских друзей, действие всегда превалировало над рефлексией. Неоформленность политических оценок, готовность подчиниться чужой игре, когда это предписывалось правилами закрытой службы и субординации, наталкивались все же, судя по самохарактеристике, на нравственные ограничители, личную порядочность и всерьез воспринятое уважение к закону. Книга, как и снятый параллельно телефильм, вброшенные под конец избирательной кампании, закрепляли образ сильного, волевого, самостоятельного человека, неизменной доминантой поведения которого являются решительность и готовность добиваться поставленных целей.¹⁹ Методом проб и ошибок, будораживших политическую жизнь страны, Ельцин подобрал наконец преемника, адекватного, как он полагал, складывавшейся ситуации.

Никто, однако, в том числе и сам Путин, в точности не знал, что он будет делать после выборов, как будет расставлять акценты в экономической, социальной, внешней политике. Теперь наступило время определять приоритеты и методы подхода к проблемам, которые стоят перед страной. С одной стороны, проблемы эти неимоверно трудны, не имеют быстрого решения, а коридор возможностей воздействия на экономику, внешнюю среду и т. д. узок. С другой стороны, вновь избранный президент может прокладывать путь в политически комфортных для него условиях. **В сочетании того и другого заключается своеобразие момента.**

Сам психологический эффект победы Путина в первом же туре над всеми оппонентами сопоставим с избирательной победой Ельцина в 1991 г. и возвращает президентской власти утраченную с годами легитимность. Правда, и мировой, и наш собственный опыт свидетельствуют, что, если ожидания и надежды, вспыхнувшие в связи с приходом новой власти, оказываются обманутыми, а средства массовых коммуникаций не подавлены, народное признание оказывается довольно-таки скоропортящимся продуктом. Об этом немало могли бы рассказать Горбачев и Ельцин.

Впрочем, общественная поддержка, поскольку она выражается в рейтингах, отношении негосударственных СМИ, просто в восприятии граждан, — важный, но не абсолютно непреложный элемент политического климата, в котором предстоит действовать новой власти. Значительно важнее для Путина то, что он занял президентский пост, располагая помимо одобрения большинства избирателей **исключительно благоприятным для него соотношением сил в государственных и окологосударственных структурах.**

Победив на выборах, он получил карт-бланш на формирование **правительства чиновников и хозяйственников**, не претендующего на самостоятельную политическую роль. Камнем преткновения, осложнявшим жизнь Ельцина, была неподвластная ему Государственная Дума с контрольным пакетом голосов у коммунистов и их союзников, выстраивавших свою стратегию на противостоянии президенту. Первые месяцы работы новой Думы показали, что для контроля над нею Кремлю вовсе не требуется столь же значительное число голосов, так как возникновение в ней объединенного фронта от коммунистов до демократов, способного заблокировать прохождение законов, в которых заинтересован Кремль, — ситуация если и представляемая, то исключительная, кратковременная. Не предвещают пока резких осложнений и отношения с Советом Федерации. В преддверии полосы выборов в субъектах Федерации региональные «бароны», в том числе губернаторы, которые еще

вчера считались «красными», выстраивались в очередь за честь стать доверенными лицами или заслужить иные знаки благосклонности со стороны тогда еще и. о. президента. Заметно снизились после августовского дефолта экономическая мощь и, следовательно, политическое влияние так называемых олигархов, в особенности тех, кто входил в «ближний круг» отставленной от дел «семьи». В связке банкир—чиновник доминирующая роль последнего проявилась с новой силой. Ослабленными вышли из избирательного цикла 1999—2000 гг. политические партии и протопартии. Бюрократические методы партийного строительства «сверху» и «по призыву» наглядно продемонстрировали свое превосходство перед «низовыми» инициативами. Политтехнологи, овладевшие искусством политического маркетинга, сумели продать нашему обществу даже наспех изготовленное виртуальное чучело «Медведя». Наконец, тяжелая длань власти лишь слегка притронулась к негосударственным средствам массовой информации. И этого было достаточно, чтобы показать, сколь обратимы могут оказаться все наши достижения, связанные со свободой печати.

Казалось бы, не имея на ногах гирь, которые почти все время отягощали действия Ельцина, новый президент может свободно передвигаться в политическом пространстве. Однако это впечатление обманчиво. Свобода его маневра на деле ограничена не только узким, но и извилистым коридором заданных экономических, социальных, внешних условий, изменчивых обстоятельств, так что никакой прямолинейный курс вообще невозможен.

В наследство от прежних режимов новая власть получила экономику, которая продолжает катиться вниз, опуская Россию все ниже на шкале мирового экономического развития. Необходимость выплаты процентов по внешним займам (которые были так же бездарно промотаны, как нефтяные доходы 70—80-х гг.) выросла едва ли не в главную проблему внешнеэкономических отношений. Коррупция, по масштабам и изощренности далеко превзошедшая все то, что вызвало в прошлом веке знаменитое восклицание Н. Карамзина: «Воруют!», — безнаказанность творящих произвол чиновников, нераскрываемые заказные убийства, вал преступлений, подпадающих едва ли не под все статьи уголовного кодекса, сковывают нормальную хозяйственную деятельность, приток зарубежных инвестиций, нагнетают чувство незащищенности у предпринимателя, вкладчика, политика, общественного деятеля, да и рядового гражданина. Серьезной общенациональной проблемой остается Чечня. Распространенное утверждение, что решительные действия в Чечне проложили Путину путь к президентству, верно только отчасти. С каждым месяцем стано-

вится все более очевидно, что он заложник ситуации, доставшейся ему по наследству.

Путин унаследовал также немало других трудноразрешимых проблем. Региональные «бароны», не готовые к открытому бунту на чеченский манер, упрямо выламывают подчиненные им территории из общероссийского правового пространства. Абсурдно разросшийся чиновничий аппарат выказывает внешнюю лояльность начальству, но действует — и бездействует — в соответствии с паркинсоновскими закономерностями. Общее понижение профессионализма, ответственности и исполнительской дисциплины блокирует нормальную деятельность органов власти в центре и на местах. Продолжается «утечка мозгов» из страны и падение трудовой морали большинства остающихся в ней.

Таким образом, что будет делать новый президент, в меньшей степени определяется его намерениями и представлениями о должном, но в большей мере — реальными возможностями, конкретными обстоятельствами.

Режим Бориса Ельцина был симбиозом авторитаризма, олигархии и демократии. «В российской конструкции власти заложен мощный структурный источник неразрешимого противоречия — между демократическим и авторитарным началами», — справедливо отмечает Л. Шевцова.²⁰ Закрепленные в Конституции демократические свободы, гражданские инициативы и правовые процедуры, сохранившиеся от преобразований, пришедших в нашу жизнь на рубеже 80—90-х гг., ограничены и деформированы, но не являются пустой формальностью.

В каком направлении будет идти эволюция этого режима? Современная демократия, как мы знаем еще из М. Вебера и Й. Шумпетера, может утверждаться и базироваться не на предполагаемой доброй воле и благих пожеланиях просвещенного правителя, обаяние которого подавило критицизм и осторожность у значительной части нашей интеллигенции,²¹ а на соревновании элит, противостоящих организованной бюрократии, конкурирующих и уравнивающих друг друга в борьбе за политическое лидерство, представляющих и умеющих согласовывать различные интересы.

На первый взгляд, некоторые основания для умеренного оптимизма можно было бы усмотреть в итогах парламентских и президентских выборов, на которых, как мы видели, весомую поддержку значительных групп избирателей получила политическая оппозиция. В этом вопросе, однако, необходимо разобраться отдельно. Оппозиций на самом деле, действительных или потенциальных, две, причем друг от друга они отстоят дальше, чем каждая из них — от власти.

Национал-коммунистическая оппозиция, оставаясь оппозицией — и только поэтому, — в отдельных случаях противостояла и противодействовала таким поползновениям власти, которые могли бы отбросить общество назад (так, при активном участии КПрФ были сорваны попытки восстановить мажоритарную избирательную систему; коммунисты противодействуют, как могут, избирательным фальсификациям, расцветающим в национал-феодалных заповедниках). Но, аппаратно-бюрократически организованная, опирающаяся на отмирающие силы и идеи, эта оппозиция выполняет в основном **деструктивную** роль. Сегодня она — не коммунистическая, не социалистическая, не революционная и не левая (в европейском понимании) партия. Это националистическая, державническая, идейно аморфная партия. Это консервативная партия, вобравшая в себя кадры и традиции поздней КПСС. Эксплуатируя ностальгические мечтания обездоленных стариков о прошлом и фантазии малообразованных юнцов об имперской мощи и социальной справедливости по-коммунистически, она по праву является «наследницей по прямой» сталинизма. Это один из обломков сверхдержавы с ее ярко выраженной антизападной ориентацией в идеологии и политике.

Хотя в парламентской фракции этой партии есть и разумные, достойные уважения люди, не они, к сожалению, задают тон в решении главных политических вопросов. «Мертвый хватает живого», костяк кадров КПрФ в массе составляют руководители второго, третьего эшелона КПСС, наследники выдвинувшейся после «большого террора» номенклатуры, те, кто не сумел приспособиться к новым правилам игры. Надежда на прорыв к власти, упрямое стремление во что бы то ни стало получить главный государственный пост, внутривидовая борьба за протестный электорат с совсем уж экстремистскими течениями типа Движения в поддержку армии или группы Анпилова не позволяет партии цивилизоваться, отсеять звенья и личности, на которых лежит каинова печать сталинизма. Один из наиболее бессодержательных и вредных мифов — версия о том, что КПрФ встала на путь превращения в современную социал-демократическую партию. Версия эта имеет в основном экспортное назначение. Она отсутствует в официальной идеологии партии, но стыдливо предлагается западным интеллектуалам, имеющим весьма смутное представление о российских реалиях. Наши беды в значительной мере проистекают как раз из неререформируемости КПрФ. И дело, к сожалению, не только в нежелании и неспособности ее руководящих кадров встать на путь социал-демократизации (как это произошло в Польше и Венгрии, в отличие, например, от Чехии). Формированию влиятельной

социал-демократии препятствуют объективные условия: сегодня в России нет ни организованного рабочего класса, как в Европе XIX—начала XX в., ни «нижнего среднего» класса, как на Западе сегодня, ни ресурсов для масштабного социального перераспределения.

Поэтому давление национал-коммунистической оппозиции на власть, будь то в виде прямого мятежа осенью 1993 г. или в виде формально парламентских, но по существу авантюристических акций вроде «денонсации» беловежских соглашений, яростных атак на правительство или затей с импичментом, провоцирует властную часть политической элиты на подавление или зажим. Причем именно давление коммунистов позволяет власти выступать перед обществом в роли защитника прогресса, рынка, либерализма, интеграции в мировое сообщество, и в известной мере это так и есть.

Впрочем, оппозиционность КПрФ не следует переоценивать. В ее отношениях с властью **конфликты нередко перемежались сговором**. Фракция КПрФ в Думе своими дозированными голосованиями обеспечивала принятие бюджетов, утверждение всех премьеров и т. д. Без голосов, выделенных коммунистами, не мог бы быть принят ни один бюджет и не могло бы работать ни одно правительство. Это давало основания критикам «слева» и «справа» говорить об оппортунизме КПрФ, о ее принадлежности к утвердившейся системе. Но гораздо важнее то, что парадокс системности КПрФ заключается в ее своего рода «антисистемности». Именно потому, что власть имела мощный противовес в лице КПрФ, ей удавалось консолидировать силы в свою поддержку. Победа Ельцина на выборах 1996 г. в решающей степени определялась тем, что миллионы избирателей проголосовали за него как за «меньшее зло» против Зюганова. С начала 90-х гг. стержнем политической жизни России было противостояние коммунистов и некоммунистов, которое сплачивало разнородные некоммунистические силы под эгидой бюрократии и было самым серьезным препятствием на пути к созданию нормальной двухпартийной (или малопартийной) системы, в рамках которой цивилизованные силы цивилизованными средствами оспаривают власть и периодически сменяют друг друга у власти.

И парламентские, и президентские выборы показали слабость **российских демократов**, их неспособность стать балансирующей силой по отношению к властным группировкам. Более того, вполне реально обрисовалась **опасность маргинализации демократических партий**, их вытеснения на дальнюю периферию политической жизни или же растворения в более крупных квазипартийных структурах, имеющих мало общего с демократическими принципами. В этих условиях рядом известных де-

ятелей первой демократической волны вновь была выдвинута идея создания широкой демократической коалиции.²² Идея, как это, впрочем, не раз бывало в прошлом, встретила положительный отклик. Открытым, однако, остается фундаментальный вопрос: коалиция — под какую стратегию? До сих пор мы имели два разных варианта, ни один из которых не стяжал особых успехов.

Один из них — **вхождение во власть или поддержка власти в роли младшего партнера**, «партии влияния», по Немцову. Это многократно испытанная линия «Демократического выбора России», Чубайса, Кириенко и их политических друзей. Если эта линия после 1993 г. в чем-то и помогла ослабить опасность коммунистической реставрации, то идентификация с режимом Ельцина, приспособление либерального курса к интересам олигархов и бюрократов немало способствовали дискредитации демократии в глазах народа.

На данном этапе эффективность этого курса зависит во многом от того, таков ли Путин, каким его хочет видеть оппортунистически ориентированная часть демократической интеллигенции. В основе этой позиции — вера в доброго и мудрого царя-реформатора, которая, вообще говоря, не всегда бывала обоснованной. Однако Путин, как уже говорилось, не свободен в выборе своего курса, а некритическое следование в фарватере власти даже на коротком послевыборном отрезке времени не раз ставило лидеров Союза правых сил в приниженное положение, а сам СПС — перед угрозой распада и утраты политического лица.

Иной опыт — **давление на власть извне, временами жесткое противостояние власти** — был продемонстрирован «Яблоком». «Яблоко» зарекомендовало себя как гражданская партия демократической альтернативы, неизменно занимавшая принципиальную позицию по всем вопросам политической жизни. Самое существование «Яблока» позволило четырем или более миллионам избирателей, представляющих нарождающееся в России гражданское общество, выражать собственную позицию на каждых выборах. Однако успешность жесткой линии зависит от умения сохранять и развивать организацию, привлекать новые группы сторонников. Здесь «Яблоко» заметных успехов не добилося. Надежда на то, что представители демократической оппозиции будут приглашены в исполнительную власть на их собственных условиях, не осуществилась.

Таким образом, избирательный цикл 1999—2000 гг. снова подтвердил одну тривиальную, но из-за нетерпения слишком часто игнорируемую истину: путь к осознанию большинством народа своих социальных интересов, к гражданскому обществу, к политической системе, опирающейся на партии, имеющие

свою историю и устойчивый электорат, в стране, где никогда не было ни первого, ни второго, ни третьего, долго и труден. В итоге этого цикла политическую сцену вновь заняла перестроенная свои ряды и объединившаяся вокруг счастливо найденного лидера «партия власти», которая, конечно, партией в собственном смысле не является, ибо не нуждается ни в программе и уставе, ни в партийных организациях, ни в активистах, ни в членской массе, — все это спокойно замещается властной вертикалью государства. Политологи дискутируют, как будет выглядеть режим, который утверждается в России: станет ли он «управляемой»,²³ «манипулятивной»²⁴ демократией или какой-либо еще. За различием этих терминов, на мой взгляд, стоят лишь ценностные предпочтения авторов. Для страны, конечно, небезразлично, насколько жестким будет курс государства и в какой мере сохраняются демократические свободы и процедуры. Я не думаю, что нас ждет какая-то разновидность пиночетовского режима, возвращение «большого террора». Правящая бюрократия в этом не нуждается. Но наиболее вероятной (хотя, возможно, и не единственной) перспективой остается усиление авторитарной тенденции в управлении государством и обществом.

¹ См.: Независимая газета. 1999. 21 декабря. С. 1; 2000. 28 марта. С. 3; Общая газета. 2000. 27 января—2 февраля.

² См.: Общая газета. 1999. 23—29 декабря. С. 3; 2000. 2—8 марта. С. 15; 6—12 апреля. С. 7.

³ Парламентские выборы 1999 года в России. Московский центр Карнеги. Бюллетень № 4. 2000. Январь. С. 17.

⁴ См.: *Гордон Л.* Область возможного. М., 1995. С. 8—11; *Холодковский К.* Политические партии России. Гражданское общество в России. Структуры и сознание. М., 1998. С. 189—202.

⁵ Некоторое представление о количественном соотношении сторонников этих воззрений (речь идет, разумеется, лишь о порядке величин) могут дать результаты опросов, которые проводил ВЦИОМ в 1997—1999 гг. Респондентам был задан вопрос, какого типа государством они хотели бы видеть Россию. Империей, монархией, подобной той, какой она была до 1917 г., хотели бы видеть страну 3—5 %, социалистическим государством с коммунистической идеологией — от 17 до 25 %. Число респондентов, предпочитающих государство, подобное странам Запада, но с собственным путем развития, сократилось за два года с 47 до 36 %, а ориентированных на государство с совершенно особым устройством и особым путем развития увеличилось с 18 до 26 %. См.: *Время МН.* 1999. 26 октября.

⁶ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Бюллетень № 1(449). Ч. 1. 2000. 18 января. С. 11.

⁷ По данным ВЦИОМ, более половины избирателей, голосующих за КПРФ, старше 55 лет и лица с образованием ниже среднего. См.: *Общественное мнение-1999.* ВЦИОМ. М., 2000. С. 108. — Эта устойчивая характеристика электората КПРФ неоднократно отмечалась в литературе. См., например: *Холодковский К.* Политические партии России. С. 185—187.

⁸ *Общественное мнение-1999.* ВЦИОМ М., 1999. С. 108.

⁹ Выборы депутатов Государственной Думы. 1995. Электоральная статистика. М., 1996. С. 139, 141; Вестник ЦИКРФ. 2000. № 7(97). С. 315—338.

¹⁰ Известия. 1999. 22 ноября; Независимая газета. 1999. 15 декабря.

¹¹ См.: Фракция «Яблоко»: Что мы смогли сделать в Государственной Думе? М., 1995; Законы «Яблока». М., 1999.

¹² Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Бюллетень № 1(449). Ч. 1. 2000. 18 января. С. 11; Известия. 2000. 31 марта; Государственная Дума. Количественное голосование (распечатка результатов голосования с использованием электронной системы подсчета голосов). 2000. 12 апреля.

¹³ См., например: Ципко А. «Отечество» опаздывает. Наш шанс — в союзе с Путиным // Независимая газета. 2000. 3 марта.

¹⁴ Выборы депутатов Государственной Думы ФС РФ третьего созыва. 19 декабря 1999 г. Итоги. Центральная избирательная комиссия РФ. М., 2000; Российская газета. 2000. 7 апреля.

¹⁵ НГ-Сценарии. № 4. 2000. 12 апреля. С. 2.

¹⁶ Выборы депутатов Государственной Думы ФС РФ третьего созыва. 19 декабря 1999 г.; Российская газета. 2000. 7 апреля.

¹⁷ Левада Ю. 1999: взорванный год // Общественное мнение-1999. С. 5—6. — Этот сдвиг получил продолжение в 2000 г. На вопрос об оценке текущей ситуации ответ «все не так плохо, можно жить» выбрали в сентябре 1999 г. 11 % респондентов, а в марте 2000 г. — 20 %, а ответ «терпеть наше бедственное положение уже невозможно» — 42 и 23 % соответственно (Московская правда. 2000. 18 апреля).

¹⁸ Путин В. Россия на рубеже тысячелетий: Программная статья председателя правительства России, опубликованная на Интернет-сайте правительства РФ // Независимая газета. 1999. 30 декабря; Открытое письмо Владимира Путина к российским избирателям // Известия. 2000. 25 февраля.

¹⁹ От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным. М., 2000.

²⁰ Шевцова Л. Режим Бориса Ельцина. М., 1999. С. 511.

²¹ См., например: Земляной С. Проблема Путина. Этический постскрипtum к мартовским выборам // Независимая газета. 2000. 14 апреля; Ципко А. Берегите Путина // Литературная газета. 1999. 20—26 октября.

²² См.: Общая газета. 2000. 6—12 апреля. С. 1.

²³ Под «управляемой демократией» В. Третьяков понимает «всего лишь (!) игнорирование главным институтом власти — президентом — слов и действий парламента, оппозиции, прессы, если президент сочтет это необходимым в интересах развития страны...» (Третьяков В. Россия: последний прыжок в будущее // Независимая газета. 2000. 24 февраля. С. 8).

²⁴ См.: Марков С. Манипулятивная демократия // Независимая газета. 2000. 2 марта. С. 8.

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ЗАПАД» И «ЕВРОПА» В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Вопрос о принадлежности России к Европе не случайно находится в центре внимания современных авторов. Начиная по крайней мере со времен дискуссий между западниками и славянофилами в XIX в., если не ранее, понятие «Европа» всегда было центральным для российского национального самосознания: оно фиксировало точку отсчета, вокруг которой строилось определение России. Трудно представить себе ответ на вопрос: «Что такое Россия?», — который не строился бы — явно или подспудно — вокруг тех или иных представлений об отношении России к Европе, к тем ценностям и формам организации общества, которые принято связывать с европейской цивилизацией. В этом смысле неразрывность понятий «Россия» и «Европа» имеет еще более глубокие исторические корни, поскольку вся российская политическая культура, государственная идеология России со времен великого княжества Московского во многом строилась на противопоставлении «истинной веры» (т. е. православия) и «западной ереси» — достаточно вспомнить доктрину «третьего Рима» или уваровскую триаду «самодержавие, православие, народность».

Все попытки найти альтернативную отправную точку для самоопределения России в мире — будь то идеи о «Евразии» или о самодостаточности русской цивилизации — были обречены на провал уже хотя бы потому, что строились на отрицании европейского пути для России. Идея Европы едва ли не более необходима для того, чтобы сказать «Россия не есть Европа», чем для противоположного утверждения. Кроме того, отрицание принадлежности России к Европе сегодня, как и на всем протяжении XX в., характерно, скорее, для маргинальных идейных течений. Точка зрения, господствующая в среде российской политической и интеллектуальной элиты, может быть сведена к следующей цитате из статьи министра иностранных дел И. С. Иванова: «...Россия — неотъемлемая часть Европейского континента и его цивилизации. Не может быть России без Европы, как и не может быть Европы без России».¹

Настоящая статья представляет собой попытку исследования одного из аспектов современных российских дискуссий о месте страны в Европе и мире, а именно о взаимосвязи понятий «Европа» и «Запад» во внешнеполитическом дискурсе.

Изучение этой полемики в широком культурно-историческом контексте позволяет глубже понять философские и идеологические основы внешней политики России и, таким образом, создать условия для ее критической оценки.

Под внешнеполитическим дискурсом мы понимаем совокупность высказываний по вопросам внешней политики, авторы которых принадлежат к так называемой внешнеполитической элите, т. е. имеют возможность напрямую влиять на принятие внешнеполитических решений. Не вдаваясь в социологические подробности, мы причисляем к внешнеполитической элите в первую очередь политиков и дипломатов, а также исследователей, выступающих в качестве экспертов, и журналистов тех изданий, которые пользуются особым влиянием среди принимающих решения. Такое определение предмета исследования обуславливает круг источников, в который вошли в первую очередь профессиональные публикации российского внешнеполитического сообщества — журналы «Международная жизнь» и «Мировая экономика и международные отношения», пользующаяся особым влиянием в этих кругах «Независимая газета», официальные публикации Министерства иностранных дел России, а также другие материалы.

Слова «Европа» и «Запад» в контексте дискуссий об отношении России к западной цивилизации существовали как синонимы, вероятно, вплоть до второй мировой войны, поскольку Соединенные Штаты до этого момента не играли самостоятельной роли в европейских делах, и потому не было объективных предпосылок для выделения Европы в качестве отдельного «центра силы», отличного от «Запада» в целом. Однако и в послевоенные десятилетия термин «Запад» был не только и даже не столько родовым понятием, которое обозначало бы США и Западную Европу в совокупности — взаимодействие этих концепций было гораздо более сложным. Терминологическая система, характерная для сегодняшнего российского внешнеполитического дискурса, по всей видимости, сформировалась именно в советский период, хотя этот вопрос и требует более детального исследования. Как бы то ни было, после крушения советского строя и исчезновения искусственных ограничений свободы высказывания собственного мнения о вопросах внешней политики, особенности восприятия европейской (или западной) цивилизации в России стали гораздо более очевидны.

Наиболее явное различие в употреблении понятий «Европа» и «Запад» в современном российском внешнеполитическом дискурсе состоит в том, что первое из них практически никогда не употребляется для обозначения враждебных России сил: в рассуждениях отечественных геополитиков России против-

стоит Запад, но никак не Европа. С другой стороны, в приведенном выше высказывании И. С. Иванова едва ли возможно заменить слово «Европа» словом «Запад»: если утверждения о принадлежности России к Европе давно стали в российской полемике едва ли не общим местом, никто из более или менее известных политиков, журналистов или исследователей не решается заявить о принадлежности России к Западу. Даже такие провозгласившие себя западниками политики, как Е. Т. Гайдар или А. В. Козырев, высказываются лишь о *необходимости* создания в России «системы институтов гражданского общества и защиты гражданских свобод», присоединения страны к «полюсу самых развитых и уважаемых государств современного мира». ² Здесь мы имеем дело с модальностью долженствования, а не с утверждением свершившегося факта, и самопонятие «Запад» в подобном контексте, как правило, употребляется очень осторожно.

Уже это простое наблюдение опровергает предположение о соотношении понятий «Запад» и «Европа» как о двух множествах, первое из которых полностью включает второе. Ближе к реальности оказывается схема с двумя *пересекающимися* множествами, в которой «Запад» включает лишь западную часть Европы, в то время как страны Центральной и Восточной Европы и Россия входят в множество «Европа», но не в множество «Запад». Однако и эта картина при дальнейшем рассмотрении оказывается чрезмерно упрощенной. «Европа» и «Запад» предстают как самостоятельные понятия, каждое из которых играет свою собственную роль в дискуссиях о месте России в современном мире.

Для выступлений российских официальных лиц весьма характерно противопоставление Европы и Запада, в котором Запад выступает как своего рода деструктивная сила, постоянно стремящаяся нарушить европейское равновесие. В этом контексте синонимом термина «Запад» выступает уже не «Европа», а «НАТО». Упреки «наших западных партнеров» в «на-тоцентризме» ³ сочетаются с утверждениями, что «именно на европейском континенте сейчас отрабатываются возможные схемы взаимоотношений государств и организаций в XXI веке». ⁴ Эта точка зрения характерна и для многих представителей научного мира. Вот, например, как ректор МГИМО(У) А. В. Торкунов характеризует действия США и НАТО в Югославии в ходе косовского конфликта 1999 г.: «...Это попытка рецидива „политики силы“ и подрыва всей системы современного международного права, в том числе воплощенного в самой идее международно-правового „Рух Europeana“, т. е. „мира по-европейски“, которой противопоставляется новая, основанная не на праве, а на силе, модель мира — „Рух НАТО“» ⁵ (выделено в оригинале).

В этой связи интересно отметить, что в рассуждениях российских политиков Запад чаще всего предстает как активное, действующее начало, в то время как Европа — как начало пассивное, страдательное, как арена дипломатической борьбы и военного противостояния. Вот одно из наиболее характерных высказываний, принадлежащее сотруднику московского Института социально-политических исследований В. Левашову: «Когда Соединенные Штаты предпочли проигнорировать российские надежды на партнерство после распада Советского Союза и решили *перекроить Европу*, используя НАТО — военный альянс — в качестве инструмента, были созданы предпосылки для катастрофы»⁶ (здесь и далее курсив автора). Статья руководителя Центра международных исследований Института США и Канады РАН А. И. Уткина «Может ли Россия снова *войти в Европу*» имеет характерный подзаголовок: «*Запад* многое потеряет, если изолирует Москву».⁷ Для сравнения можно привести также заявления И. С. Иванова по поводу косовского кризиса: «...Защищая сегодня право Югославии на суверенитет, мы защищаем будущее *мира и Европы* от новейшей формы неокOLONиализма — т. н. *натокOLONиализма*».⁸ «*Военные действия НАТО...* войдут в историю *Европы* конца XX века как одна из самых трагических страниц... Косово остается *кровооточающей раной на теле Европы...* Неужели всего этого не видят в столицах *западных стран?*»⁹ Во всех этих высказываниях Запад (или США, НАТО) выступает субъектом действия, тогда как Европа представляет собой объект, на который это действие направлено.

Такое распределение ролей между Европой и Западом отнюдь не случайно и имеет гораздо более важное значение, чем может показаться на первый взгляд. Оно во многом отражает теоретические представления, лежащие в основе российской внешней политики и опирающиеся на политико-философскую традицию романтического национализма, уходящую корнями в XIX в. Эта традиция исходит из предпосылки органического единства народа или в некоторых других случаях цивилизации как субъекта мировой истории и в том, что касается взаимоотношений России и Европы, имеет своим прямым идейным предшественником Н. Я. Данилевского и его учение о культурно-исторических типах. Современные российские авторы, однако, выдвигают на первый план тезис о стремлении западной цивилизации охватить собой и, таким образом, «унифицировать» весь мир под знаменем технократического рационализма и о необходимости сохранения культурного многообразия. Приводимые при этом аргументы заставляют вспомнить не только о философии жизни, но и о таком типично западном явлении, как постмодернизм, с его

критическим отношением к рациональности, апологией многообразия, альтернативности и терпимости.¹⁰

В то же время в отличие от постмодернистов отечественные авторы строят свои рассуждения вокруг понятия идентичности (самосознания, самоопределения, самобытности), причем в первую очередь идентичности национальной и(или) «цивилизационной», а не персональной. При этом понятие идентичности несет немалую ценностную нагрузку: сохранение идентичности России в противовес «вненациональным силам», исповедующим философию «единого мира», становится одной из главных задач российского государства, в том числе его внешней политики. При этом Западная Европа может восприниматься как союзник в этой борьбе с атлантизмом, воплощенным в блоке НАТО. В качестве примера можно привести следующее высказывание Н. А. Нарочницкой: «Не случайно в начале 90-х годов в Европе всплывали идеи реанимации Западноевропейского союза (ЗЕС), отражавшие остатки самоощущения Западной Европы как отдельной от США геополитической и культурно-исторической величины, что... совершенно не вписывалось в философию „единого мира“».

...Произошло окончательное замещение идеи Священной Римской империи германской нации идеей *Rex Americana*. Эта подмена внутри самого Запада отражает капитуляцию романо-германской доминанты прошлой Европы, обладавшей бесспорной культурной инициативой, перед „атлантической“ цивилизацией без культуры. Когда ради совладчества над миром Европа провозглашает теперь устами своего атлантического пресвитера единое „постхристианское общество“, Европа отрекается от себя самой и собственно великого прошлого». ¹¹

Напрашивается вывод о необходимости искать в Европе опору в лице тех сил, которые могли бы противостоять натиску универсальной массовой культуры, размывающей национальную самобытность и ведущей в конечном итоге к социальной энтропии, к «иссяканию источников человеческой энергии в мире». ¹²

Эта необходимость становится еще более насущной при учете того, насколько глубоко в российской культуре укоренена потребность ощущать свою принадлежность к Европе и, таким образом, к «цивилизированному миру». Уже тот факт, что российские политики, ученые, общественные деятели считают необходимым постоянно настаивать на принадлежности России к Европе, ¹³ свидетельствует о том, что эта принадлежность воспринимается обществом как глубоко проблематичная. В самом деле, среди социальных явлений наиболее устойчивы те, по поводу которых большинство людей не за-

думывается без особого повода (таковы обычай приветствовать друг друга при встрече или, например, использование денег в качестве универсальной меры стоимости и средства платежа). Если какой-то факт постоянно приходится постулировать в качестве непреложного, это немедленно заставляет поставить непреложность факта под сомнение.

Кроме того, язык повседневной речи и средств массовой информации в отличие от взвешенных высказываний политиков и ученых-специалистов постоянно выдает двойственность представлений россиян о своей стране и ее месте в Европе: помимо противостояния «Европа—Запад» в российском самосознании присутствует не менее острое противопоставление «Россия—Европа». Не случайно обозреватель «Независимой газеты» Д. Горностаев, пытаясь успокоить читателей в день голосования Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) по вопросу о нарушении прав человека в Чечне, выдвигает среди прочих доводов следующий: «Решение депутатов ПАСЕ, если оно будет не в нашу пользу, вовсе не будет означать, что *Европа отвернулась от России*».¹⁴ Перед нами — лишь одно из бесчисленного множества высказываний, подтверждающих, что принадлежность России к Европе вовсе не воспринимается россиянами как непреложный факт: Россия и Европа рассматриваются как самостоятельные сущности не реже, чем как единое целое.¹⁵

В то же время это замечание журналиста иллюстрирует и потребность в сближении с Европой, которую невозможно объяснить исключительно прагматическими соображениями, такими как торговля, кредиты и т. п. В сущности мало кто из представителей господствующих тенденций в российском внешнеполитическом дискурсе готов согласиться с мнением И. Н. Куклиной, что «в настоящее время Россия осталась один на один с миром, где у нее нет ни союзников, ни надежных партнеров»,¹⁶ — хотя бы потому, что такое признание предполагает необходимость нести профессиональную ответственность за сложившуюся ситуацию. Следствием этого являются непрекращающиеся попытки доказать, что у России есть надежные партнеры на Западе, и в первую очередь в Европе.

Пытаясь отыскать партнеров для совместного противостояния «натиску атлантизма», консервативные российские авторы не видят и не могут видеть союзника в разного рода пост- и антикапиталистических движениях, таких как внепартийное «зеленое» движение, коренные народы, борющиеся за свои права, разного рода молодежные субкультуры и т. д., несмотря на то что почти все они также выступают с критикой современного западного образа жизни. Большинство этих движений,

за исключением правых радикалов и некоторых этнических объединений, проповедуют самоценность и независимость личности, и потому с точки зрения романтиков-националистов они являются носителями западного индивидуализма, который как раз и несет в себе главную угрозу органическому единству народа. Кроме того, господствующие в России (да и в других странах) направления международных исследований нацелены на обслуживание внешнеполитического аппарата государства, и потому сама логика рассуждений этих авторов подталкивает к тому, чтобы искать возможных союзников среди привычных субъектов международных отношений. Поэтому выбор потенциальных союзников оказывается невелик: в поисках Европы, противостоящей «агрессивному Западу», российские стратеги обращаются к тем или иным межправительственным организациям и к отдельным европейским государствам.

Вплоть до того момента, когда косовская и чеченская кампании 1999 г. серьезно изменили отношение российской внешнеполитической элиты к окружающему миру, на роль «надежных партнеров» в Европе претендовали одновременно Европейский Союз, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе и Совет Европы, а также Франция и Германия. В январе 1999 г. И. С. Иванов писал, например, что ЕС и Россию связывает «стратегическое партнерство, основанное на общих ценностях и интересах», и противопоставлял «обще-европейский» подход к проблеме европейской безопасности, опирающийся на ОБСЕ, «натоцентристскому».¹⁷ В мае того же года, отмечая юбилей Совета Европы, российский министр подчеркивал: «Растет понимание того, что от присоединения к СЕ Россия только выиграла. Это вполне закономерно, так как направленность продиктованных самой жизнью изменений внутри нашего государства и в его внешней политике совпадает с „освященными“ Советом Европы принципами демократического развития и соответствует европейской модели».¹⁸

К концу года ситуация резко изменилась. Накануне Стамбульского саммита ОБСЕ (18—19 ноября) российская печать предупреждала, что «США хотят сделать ОБСЕ инструментом давления на Россию», и даже высказывала предположение о готовности российской делегации сорвать подписание Хартии европейской безопасности, которая была одной из стратегических целей российской дипломатии на протяжении нескольких лет.¹⁹ После завершения саммита, на котором российской делегации все же удалось добиться некоторых успехов, тон публикаций стал несколько менее алармистским, однако не газеты должны с осуждением писать о переговорах между председателем ОБСЕ Кнутом Воллебэком и Асланом Масхадовым.²⁰ Заседание Европейского совета в Хельсинки (10—11 декабря), на

котором были введены некоторые ограничения на сотрудничество с Россией, породило волну публикаций об «угрозах» со стороны Запада.²¹ Причем термин «Запад» использовался гораздо более активно, чем термин «Европа» или даже «Западная Европа», несмотря на то что позиция США по чеченскому вопросу была гораздо более мягкой, чем позиция многих европейских государств. В связи с принятым в Хельсинки решением о создании собственных миротворческих сил появились даже сравнения ЕС с НАТО,²² хотя традиционно в России эти две организации принято противопоставлять друг другу как институциональные воплощения «мирной Европы» и «агрессивного Запада».

После голосования ПАСЕ по чеченскому вопросу в апреле 2000 г. маятник качнулся в другую сторону. Министерство иностранных дел, в частности, заявило, что «своим решением Парламентская ассамблея нанесла серьезный удар по усилиям Совета Европы, направленным на создание единого европейского пространства»,²³ а в прессе появились даже высказывания такого рода: «...Россия... является основным вкладчиком в казну Совета Европы, внося в нее ежегодно 25 миллионов долларов! И что мы с этого имеем? Оплеухи в виде нападок и предвзятой критики. Теперь и откровенную дискриминацию, фактическое отстранение от работы в этой финансируемой нами организации».²⁴ В то же время «Независимая газета» дает целую серию материалов о важности и продуктивности сотрудничества с ЕС, всячески подчеркивая успешность третьего заседания Совета сотрудничества, состоявшегося 10—11 апреля в Люксембурге.²⁵ С другой стороны, на звание дружественного государства после событий 1999—2000 гг. с гораздо большим успехом претендует Великобритания, нежели Франция или Германия: именно в таком ключе были выдержаны комментарии прессы о визите Владимира Путина в Лондон в апреле 2000 г.²⁶

Можно долго спорить о том, насколько подобные зигзаги во внешней политике и в ее легитимации внутри страны отвечают национальным интересам России, — неопределенность данного понятия позволяет толковать его в соответствии с политическими убеждениями автора. Проведенный в данной статье анализ российской полемики по внешнеполитическим вопросам заставляет, однако, предположить, что эта полемика развивается по своим собственным законам, которые определяются устойчивыми представлениями российской элиты о России и о ее внешнем окружении. Противопоставление враждебного Запада дружественной Европе не так безобидно, как может показаться на первый взгляд, так как ведет к восприятию окружающего мира в черно-белых тонах, к бесконечному

поиску «подлинных» партнеров и к стремлению полностью отмежеваться от «агрессоров» и «врагов». Вследствие этого становится трудно говорить о прагматической и предсказуемой внешней политике, что в свою очередь ведет к закреплению представлений об иррациональности поведения России на международной арене и значительно осложняет процесс интеграции России в мировое сообщество.

¹ Иванов И. С. За большую Европу без разделительных линий: (К 50-летию Совета Европы) // Международная жизнь. 1999. № 5. С. 4.

² См.: Егор Гайдар об отношениях России с Западом // Телеканал «РТР». Перед зеркалом. 1999. 12 декабря. URL: www.pravdelo.ru/sps5-30.htm; Козырев А. В. Бессмыслица «многополюсного мира» // Московские новости. 2000. № 7. 22–28 февраля. С. 5.

³ См.: Чижов В. А. Стамбульский саммит // Международная жизнь. 1999. № 12. С. 40; Иванов И. С. Косовский кризис: год спустя // Дипкурьер НГ. 2000. № 5. 23 марта. С. 1 (9).

⁴ Иванов И. С. Вступительное слово министра иностранных дел Российской Федерации И. С. Иванова на пресс-конференции по итогам внешнеполитического 1998 года. М., 22 января 1999 г. URL: www.mid.ru.

⁵ Торкунов А. В. Международные отношения после косовского кризиса // Международная жизнь. 1999. № 12. С. 45.

⁶ Цит. по: Weir F. Russia's uneasy place in Europe // Christian Science Monitor. 1999. Vol. 91. N 115. 11 May. P. 6.

⁷ Уткин А. И. Может ли Россия снова войти в Европу? // Независимая газета. 1999. 17 декабря. С. 3.

⁸ Выступление министра иностранных дел Российской Федерации И. С. Иванова на заседании Государственной Думы 27 марта 1999 г. URL: www.mid.ru.

⁹ Иванов И. С. Косовский кризис. С. 5 (13).

¹⁰ См. в особенности: Панарин А. С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 1998.

¹¹ Нарочницкая Н. А. Избежать нового передела мира // Международная жизнь. 1999. № 11. С. 27.

¹² Панарин А. С. Реванш истории. С. 50.

¹³ Вот лишь несколько наиболее характерных примеров из недавних лет. «Мы — европейцы», — заявляет М. С. Горбачев в своей программной книге (Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987. С. 200). В. К. Кантор взял в качестве названия для своей книги цитату из «Наказа» Екатерины II («Россия есть европейская держава») и подчеркнул в подзаголовке стремление страны к вступлению в «цивилизованный мир» (Кантор В. К. «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации. Историософские очерки. М., 1997). А. И. Уткин начинает свою уже упоминавшуюся статью с утверждения: «Россия была, есть и будет европейской страной». См. также вышеприведенную цитату из статьи И. С. Иванова.

¹⁴ Горностаев Д. Обидно, но не более // Дипкурьер НГ. 2000. № 6. 6 апреля. С. 1 (9). — См. также статью с подзаголовком «Европа высказалась против отлучения России» (Мироненко В. ПАСЕ не идет на поправку // Коммерсантъ. 2000. 28 января. С. 1, 3).

¹⁵ Эта ситуация не уникальна для России. В Великобритании, Норвегии и Швеции, например, часто говорят и пишут о событиях «в Европе», имея в виду материковую Европу к югу от Ла-Манша и Скагеррака.

¹⁶ Куклина И. Н. Деформация глобальных структур безопасности и Россия // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 11. С. 40.

¹⁷ *Иванов И. С.* Европа в преддверии XXI века // *Международная жизнь*. 1999. № 1. С. 8, 12.

¹⁸ *Иванов И. С.* За большую Европу без разделительных линий. С. 4.

¹⁹ *Горностаев Д.* США хотят сделать ОБСЕ инструментом давления на Россию // *Независимая газета*. 1999. 13 ноября. С. 1, 6; *Трегубова Е.* Хартия — наш рулевой // *Коммерсантъ*. 1999. 18 ноября. С. 1.

²⁰ См., в частности: *Горностаев Д.* Грозный и ОБСЕ ведут переписку за спиной Москвы // *Независимая газета*. 1999. 27 ноября. С. 1, 6.

²¹ См., например: *Горностаев Д., Реутов А.* Запад угрожает России экономическими санкциями // *Независимая газета*. 1999. 8 декабря. С. 1, 6.

²² *Михеев В.* Евросоюз создает свой спецназ // *Известия*. 1999. 16 ноября. С. 7; *Черняков П.* ЕС расширяется и критикует Россию // *Независимая газета*. 1999. 16 декабря. С. 6.

²³ Заявление МИД России. № 258. 7 апреля 2000 г. URL: www.mid.ru.

²⁴ *Горностаев Д., Катын В.* Россию не могли наказать, поэтому попытались оскорбить // *Независимая газета*. 2000. 8 апреля. С. 6.

²⁵ См. «Независимую газету» за 11 апреля 2000 г. и в особенности «Дип-куррьер НГ», № 5 и 6, за 23 марта и 6 апреля 2000 г.

²⁶ *Горностаев Д., Касаев А.* Россия проводит ревизию внешнеполитических приоритетов // *Независимая газета*. 2000. 12 апреля. С. 1.

Т. В. КУДРЯВЦЕВА

М. С. КУТОРГА И ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА. О ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ В ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В 20-е—НАЧАЛЕ 30-х гг. XIX в.

Безвременная кончина в конце июня 1999 г. профессора кафедры всеобщей истории РГПУ им. А.И. Герцена Ю. В. Егорова потрясла многих петербургских историков — друзей, коллег, учеников, студентов Юрия Васильевича. Ушел из жизни блестящий ученый, обладавший невероятной исторической эрудицией и кругозором, выразительной и меткой речью, одобренной изящным остроумием. Человек, который мог с легкостью процитировать по-латыни стихотворение Катулла или Горация, попутно порассуждать об античной коллекции Эрмитажа, а затем, перейдя к истории современной, дать обстоятельный и в то же время образный анализ какого-либо события или явления, — таким я не раз наблюдала Ю. В. Егорова на заседаниях нашей кафедры. Интереснейший собеседник, который, шутя по-французски или по-немецки, галантно отпускал комплименты дамам, завораживал своими воспоминаниями из студенческой жизни или преподавательской работы, украшал беседу элегантными «заграничными зарисовками» по собственным впечатлениям, — таким он запом-

нился на наших кафедральных «посиделках». По моему мнению, профессор Ю. В. Егоров был одним из последних подлинных представителей петербургской исторической школы. In memoriam об этом замечательном человеке мне захотелось обратиться к ее истокам. Эта статья — мой дар Ю. В. Егорову, поднесенный с глубочайшим почтением, увы, *post mortem*.

Возникший в 1819 г. университет находился под особым покровительством попечителя Санкт-Петербургского учебного округа молодого Сергея Семеновича Уварова. Будущий творец теории официальной народности относился к университету как к своему детищу. В первом составе профессоров Петербургского университета действительно был ряд выдающихся ученых того времени — А. П. Куницын, А. И. Галич, К. И. Арсеньев, Ф. Б. Грефе и др. К этому ряду едва ли возможно причислить ординарного профессора всеобщей истории Эрнста Раупаха: в этом смысле кафедре истории повезло менее других.¹ Раупах по окончании курса богословских наук в Галльском университете со степенью доктора философии переселился в Россию, где он 11 лет был воспитателем в частном доме, затем в 1817 г. был определен ординарным профессором немецкой словесности и всеобщей истории в Главный Педагогический институт. В немецкой литературе он известен как плодовитый драматург и романист, но ни одно научное историческое сочинение не вышло из-под его пера. Студентам читал он преимущественно древнюю историю начиная с «истории египтян и эфиопов», весьма поверхностно излагал средневековье, а новой истории вовсе не касался, отсылая слушателей к популярным тогда учебникам И. К. Кайданова или Ф. Штрекка. Изложение было вполне научным и критическим, главное внимание обращалось на религию, учреждения и быт народов. Правда, не владея русским языком, лекции Раупах читал по-латыни. Помощником его был Трофим Осипович Рогов, который отличался «не столько способностями, сколько трудолюбием и весьма недостаточно обладал даром слова».²

Греческую и латинскую словесность преподавал выпускник Лейпцигского университета, известный классик-филолог, прежде также преподававший в Главном Педагогическом институте, Ф. Б. Грефе. Он считался первостепенным знатоком древнегреческого языка и литературы, пользовался почетной известностью в научном мире благодаря нескольким превосходным изданиям эллинских поэтов с собственным комментарием. К сожалению, Грефе принадлежал к тому направлению в классической филологии, последователи которого не находили

нужным давать реальный комментарий при чтении текстов, т. е. не вдавались в исторические, археологические и прочие подробности, ограничиваясь исключительно грамматическим и эстетическим комментированием авторов. Лекции он читал сухо, к тому же по-латыни, к студентам был требователен и придиричив. Неудивительно, что последним он не нравился. По воспоминаниям профессора Н. М. Благовещенского, им казался оскорбительным презрительный тон, принятый Грефе в отношении казеннокоштных студентов, а при обращении к студентам немецкого происхождения с баронскими титулами «и грубый голос его становился мягок, и черты лица, выражавшие постоянно брюзгливость, складывались в любезную улыбку».³

Несмотря на отдельные недостатки, начало университетской науки и образования на берегах Невы было многообещающим. Но в 1821 г. грянула катастрофа. С. С. Уваров был уволен с поста попечителя, и вместо него тогдашним министром народного просвещения и духовных дел князем А. Н. Голицыным на этот пост был назначен Д. И. Рунич — человек, чье имя (вместе с именем казанского попечителя М. Л. Магницкого) стало символом ханжества и мракобесия, обрушившихся на российские университеты. 3 ноября 1821 г. в университетском собрании Рунич заявляет, что в университете господствуют разрушительные учения с явным намерением преподавателей поколебать алтари и троны, а в заключение назвал четырех главных виновников: ординарных профессоров Э. Раупаха (истории), К. Ф. Германа (статистики), экстраординарного профессора философии А. И. Галича и адъюнкта статистики К. И. Арсеньева. Основанием для этих обвинений служили выписки из тетрадей, отобранных у студентов.⁴ То, что случилось с Петербургским университетом после этого достопамятного собрания, историки иначе как разгромом не называют. Профессора, оказавшиеся в «черном списке», покинули университет. После отставки Раупаха всеобщую историю разделили между А. А. Дегуровым, избранным в деканы историко-филологического факультета, и Т. О. Роговым, ставшим экстраординарным профессором.

Дегуров — полуавантюрист, полуученый — во многом типичная фигура того времени: бежав из революционной Франции, он поступил в русскую службу, превратившись из Dugour в Антона Антоновича Дегурова (при этом ни слова не говоря по-русски). В начале своей преподавательской карьеры он предлагал свои услуги Харьковскому университету в качестве профессора то сельского хозяйства, то истории. В Петербургском университете он преподавал французскую словесность. Став преемником Раупаха по кафедре всеобщей истории, Дегуров вскоре отказался читать лекции, мотивируя

это тем, что студенты не понимают ни по-французски, ни по-латыни. На помощь был призван только что окончивший университет А. Л. Крылов, читавший с 1825 по 1830 г. древнюю историю по Кайданову, а средневековую — по руководству Коха. Т. О. Рогов читал отечественную и новую историю (тоже по Кайданову или Коху). Недавний выпускник А. И. Брут читал историческую географию древнего мира и средних веков. Будучи тогда одним из самых добросовестных и трудолюбивых преподавателей исторических наук, он по крайней мере составил собственный учебник по древней географии, но, к несчастью, читал этот предмет усыпительно-монотонным голосом.⁵ Крылов попробовал было также написать собственное руководство по всеобщей истории под заглавием «Исторические записки», но в итоге ограничился одним «Введением в историю» на 28 страницах. Рогов же был не в состоянии произвести на свет и такой брошюры.

Таким образом, в конце 20-х—начале 30-х гг. историческое образование в Петербургском университете находилось в самом безотрадном запущении: «...далее сухого изложения фактов по отжившим век школьным или непригодным учебникам без малейшего проникновения в причины и соотношения событий никто из преподавателей здесь не шел».⁶ Хотя проворовавшийся Рунич был уволен в отставку еще в 1826 г., более десяти лет университет нес на себе оставленное им клеймо. Преподавателей, способных к самостоятельному научному творчеству, на весь университет было человек 5—6, да и то частью из иностранцев, читавших лекции по-латыни, малопонятной для большинства слушателей. Высокомерно, а иногда с презрением относясь к России, они были не способны ни привить студентам любовь к науке, ни тем более создать научную школу.⁷ В остальной массе преподавателей, как выразился один из студентов, «не было ни духа науки, ни ученого достоинства».⁸ Как печально отмечал учившийся в те годы историк Петербургского университета В. В. Григорьев, «при отсутствии надлежащей учебной подготовки царствовало поклонение тому или иному учебнику, в котором заключалось почти все сокровище знаний самого преподавателя... От студентов не требовалось ничего, кроме заучивания этих учебников наизусть... Считалось даже за дурную склонность к вредному свободомыслию, если студент на экзамене отвечал из учебника „своими словами“».⁹ Причинами подобной деградации были не только слабая подготовка преподавателей или их леность, но и страх, поселившийся в университетских аудиториях после учиненного Руничем погрома. Скука витала в стенах университета: тогда-то (в 1834 г.) со скуки на скучных лекциях и был написан студентом III курса

философско-юридического факультета Петром Ершовым искрометный «Конек-Горбунок».¹⁰

К Петербургскому университету тех лет можно отнести характеристику, данную А. И. Герценом Московскому университету. Хотя речь в ней шла о временах более ранних, оценка давалась язвительная и нарочито заостренная, кое-что автор безусловно уловил в тогдашней вузовской атмосфере и передал со свойственным ему талантом: «Профессора составляли два стана, или слоя, мирно ненавидевшие друг друга: один состоял исключительно из немцев, другой — из немцев. Немцы, в числе которых были люди добрые и ученые... отличались незнанием и нежеланием знать русского языка, хладнокровием к студентам, духом западного клиентизма, ремесленничества, неумеренным курением сигар и огромным количеством крестов, которых они никогда не снимали. Немеццы, со своей стороны, не знали ни одного (живого) языка, кроме русского, были отечественно раболепны, семинарски неуклюжи, держались в черном теле и вместо неумеренного употребления сигар употребляли неумеренно настойку. Немцы были больше из Гёттингена, немцы — из поповских детей».¹¹

Понимание того, что надо предпринять некие решительные меры для реанимации университетского образования и в столице, и в других городах России, проникло даже в высшие сферы. Проблему собирались решить, пополнив университеты высококвалифицированными преподавателями европейского уровня. В ноябре 1828 г. следует высочайшее повеление: избрать в Санкт-Петербургском, Казанском, Харьковском и Московском университетах человек 20 способных студентов и послать их учиться сначала на три года в Дерпт в Профессорский институт, создававшийся специально для этой цели на базе Дерптского университета, а затем для завершения образования отправить их на два года в Европу, в Берлин или Париж. Собственноручная приписка Николая I гласила: «...чтобы непременно все были природные русские». Петербургским университетом в профессоранты было представлено 6 воспитанников, изъявивших желание и одобренных профессорами. В их числе был Михаил Семенович Куторга и его старший брат Степан.¹²

По своему происхождению М. С. Куторга относился к разночинцам.¹³ Предки его белорусского происхождения проживали в г. Мстиславле и его окрестностях; среди Куторг попадаются православные священники, мелкие чиновники. К числу последних относился отец Михаила Куторги, который в момент рождения сына (в 1809 г.) был канцелярским чиновником в г. Черикове, а перед своей ранней смертью в 1817 г. имел скромный чин губернского секретаря. Наступившие после

смерти отца материальные трудности удалось каким-то образом преодолеть. Оба брата закончили Третью Петербургскую гимназию, где преподавал лучший из тогдашних педагогов России Ф. И. Миддендорф. Именно ему был обязан Куторга своей отличной подготовкой и, следовательно, возможностью поступить в Профессорский институт.¹⁴ Собственные усилия юного студента по самообразованию также сыграли положительную роль, чего никак нельзя сказать о бездарных лекциях Рогова или Крылова, которые пришлось слушать Куторге в alma mater. Проучившись полтора года в Петербургском университете и сдав приемные экзамены в Профессорский институт, проводимые при Академии наук, с оценкой «весьма надежен» Куторга был зачислен в дерптские профессоранты 21 июля 1828 г. Своей специальностью он избрал античную историю, посему ему предстояло обучение на историко-филологическом отделении (классе) философского факультета.

Профессорский институт в Дерпте. Заграничная стажировка.

Почему именно Дерпт был избран в качестве «кузницы научных кадров» для российских университетов? Очевидно, тому было несколько причин: заграничные (немецкие) университеты были нежелательны — не хотелось посылать русских профессорантов сразу в Западную Европу, где они могли бы нахвататься негожих либеральных идей. С другой стороны, Дерптский университет вместе с немецкими профессорами, работавшими по большей части в его стенах, приобрел в наследство многие традиции немецкой высшей школы и в то же время, находясь на российской территории, обеспечивал надлежащий надзор за своими воспитанниками. Ректор (с 1818 по 1830 г.) университета профессор Л. Эверс сумел собрать в Дерптском университете, наверное, лучший в тогдашней России профессорско-преподавательский состав.¹⁵ Сам Л. Эверс, имевший репутацию прекрасного лектора, читал русскую историю. С всеобщей историей обстояло хуже: «по совместительству» ректору пришлось взять на себя и эту дисциплину, ибо профессура по этой кафедре оставалась вакантной в течение 16 лет. Когда было принято решение о создании на базе университета Профессорского института, проблема заполнения вакансий стала как никогда актуальной. Одно время переговоры велись с известнейшим немецким историком Леопольдом Ранке, а после его отказа профессором всеобщей истории в Дерпт был приглашен Фридрих Крузе, специалист в области греческих древностей и исторической географии, автор сочинения «Hellas, oder geographisch-antiquarische Darstellung des alten Griechenlandes und seiner Kolonien» (Bd I—II), написанного с замечательной немецкой ученостью, с мелочно-дотошной критикой ис-

точников. Именно Крузе стал наставником М. Куторги, так как каждый воспитанник Профессорского института имел своего профессора — руководителя.

Одной из проблем, которую пришлось решать руководству Дерптского университета в отношении воспитанников Профессорского института, была проблема свободного владения классическими языками (древнегреческим и латынью) и немецким языком, на котором велось преподавание в Дерпте. С последним проблема быстро отпала: уже после первого семестра преподаватель, занимавшийся с воспитанниками, положительно отзывался о владении немецким языком большинства своих студентов, включая Куторгу, и специальные занятия были прекращены. Гораздо более сложным был вопрос о классических языках: от профессорантов ожидали не просто их знания, требовалось активное владение «элегантной» (изысканной) устной и письменной латынью. В Дерпте были сильны позиции неогуманистов — адептов модного тогда в Германии и некоторых европейских странах течения, считавшего альфой и омегой образования именно свободное владение древними языками. Рефераты, представляемые профессорантами по окончании семестра, и итоговая диссертация должны были быть написаны на латыни.

Учеба Куторги шла весьма успешно с самого начала: на экзаменах он получал отличные оценки; профессор Крузе был также доволен прилежанием и трудолюбием своего ученика. Подготовка профессорантов шла по обычной методике: общие лекционные курсы, экзамены, практические занятия, дискуссии на так называемых «historico—practico» и «disputatorio», где предусматривалась тщательная проработка первоисточников и литературы по теме. Рефераты, представляемые воспитанниками, коллективно обсуждались. Участие Куторги в подобных диспутах происходило с неизменным успехом; его собственные рефераты вызывали порой восхищение у Крузе. Особенно восторженно руководитель Куторги оценил его реферат «*Regni Troiani imprimis secundum Homerum descriptio*» («Описание Троянского царства преимущественно по Гомеру» — 80 стр. in folio) — первый настоящий научный труд молодого ученого. К сожалению, это сочинение не сохранилось, но из отчета Крузе явствует, что его 20-летнему студенту при помощи конъектурной критики источников, используя для истолкования гомеровского текста астрономические наблюдения, описания и картографические работы географов, удалось уточнить расположение двух горных вершин — Котила и Горгары; таким образом, он смог внести уточнения в изданную самим его наставником карту Трояды.¹⁶ Благосклонность Крузе была обеспечена: Куторга стал участником не

только ежедневных практических занятий по изучению источников и литературы, организованных Крузе для своих учеников, но и двухчасовых субботних *Privatissima*.

Официальные итоги обучения Куторги в Профессорском институте не совсем соответствовали многообещающему блестящему началу. Причиной тому были субъективные (конфликт с влиятельным профессором К. Л. Блюмом) и объективные обстоятельства: в начале 30-х гг. в университете усилились позиции сторонников неогуманизма. В ноябре 1830 г. умер ректор Эверс, чей трезвый подход ограничивал их влияние; в том же году скончался профессор классической филологии И.-В. Франке, который был вполне доволен успехами Куторги в области древних языков. В мае 1832 г. Куторга сдает экзамены на ученую степень, а в ноябре представляет совету факультета свою диссертацию «*De tribubus Atticis earumque cum regni partibus nexu*» («Об аттических племенах и их связи с частями царства»). Какую степень присудить диссертанту — магистра или доктора наук, — должен был решить ученый совет, исходя из результатов экзаменов и представленной работы, которая должна была быть написана на безупречной латыни. В предыдущие годы Куторга несколько раз экзаменовался по латыни, и если сначала и были определенные проблемы, то после проведенных дополнительных занятий даже самый строгий неогуманист Дерптского университета профессор Карл Моргенштерн высказывал свое полное удовлетворение относительно сделанных им и другими воспитанниками успехов.¹⁷ При вынесении решения о степени для Куторги дело было не в благозвучности его латыни: за свои письменные ответы на латинском языке на вопросы, задаваемые Моргенштерном, Куторга получил *satis bene* («достаточно хорошо») — и это были самые низкие его оценки. По всем другим дисциплинам (за одним исключением — см. ниже) он получил высший балл, лучше всех сдав экзамены. Дело было в интриге, которую против строптивого профессоранта вел мстительный профессор К. Л. Блюм.

В начале первого семестра (в Дерпте — второе полугодие) 1831 г. вышел конфликт между профессором Блюмом, читавшим курсы географии и статистики, и воспитанниками Профессорского института, отказавшимися посещать его лекции. Точные причины и ход скандала неизвестны,¹⁸ но несомненно, что с тех пор негодование и злоба мстительного Блюма неизменно были направлены против Куторги: в сводном отчете за 1831 г., видимо со слов Блюма, отмечается, что «Куторга имеет слишком высокое мнение о своих убеждениях и о своих умственных способностях».¹⁹ На итоговом экзамене на степень Блюм поставил Куторге, единственному из экзаменуемых, «хо-

рошо» (хотя на семестровых экзаменах всегда оценивал его знания на «отлично»), сделав роковое примечание к протоколу: способ изложения Куторгой познаний при ответах показывает отсутствие у него способностей суждения. При голосовании в ученом совете это примечание стало основным аргументом, выдвигаемым некоторыми профессорами-неогуманистами против предложения Крузе присудить Куторге степень доктора философии и в пользу предложения Моргенштерна присудить ему степень магистра.²⁰ Вопрос был решен простым большинством голосов. Поражает полное равнодушие ученых мужей к самой диссертации — она попросту не обсуждалась, хотя это латинское сочинение молодого ученого на 48 страниц²¹ стало событием не только в отечественной, но и европейской науке и в течение многих десятилетий признавалось одним из основных трудов по ранней истории Афин.²² Решение было столь очевидно несправедливым, что Куторга не мог не отреагировать на него: в январе 1833 г. он подает два прошения, в которых выражает желание отказаться от специальности (древняя история), чтобы вместо заграничной поездки подготовить в течение года в Петербурге докторскую диссертацию по русской истории.²³ Единодушно отклонив оба прошения, факультет направляет Куторгу за границу для работы по избранной специальности и совершенствования в классической филологии.

Подводя итоги дерптскому периоду в жизни Куторги, отметим, что именно тогда он приобрел навыки научно-исследовательской работы, с блеском применяемые в течение всей его научной жизни: пристальная проработка источников, сдержанно-критический (без огульного отрицания) подход к традиции, использование обширной научной литературы в сочетании с выдвижением и разработкой собственных смелых гипотез. В Профессорском институте были заложены основы его обширной исторической эрудиции: письменные ответы на «строгом» экзамене 1832 г. демонстрируют более чем основательные знания по русской истории. Именно в Дерпте Куторгой был усвоен новый тогда сравнительно-исторический метод, разработанный великим немецким ученым Б.-Г. Нибуром; с вниманием он изучал работы и представителей французской исторической школы, в частности Ф. Гизо, которого всегда высоко ценил. Куторга, рано сформировавшись как ученый, видимо, сознавал, что он уже перерос не только своего дерптского руководителя Крузе, но и большинство современных ему немецких ученых: во всяком случае, отправляясь за границу, он не считал нужным выбрать себе там руководителя для занятий по античной истории. Это сознание превосходства, которое зачастую вредило ему в отношениях с коллегами, Куторга пронес до конца жизни. Итак, в мае 1833 г. Дерпт покидал зрелый

не по годам ученый, с большим чувством собственного достоинства, радующийся освобождению от того гнета, который он ощущал последние годы.²⁴

По предписанию Министерства народного просвещения воспитанники Профессорского института направлялись в Берлин. Там российских стажеров ожидали строжайший контроль и разветвленная система слежки, осуществляемые надзирающим чиновником, присланным из Петербурга; даже во время каникул нельзя было покидать город.²⁵ Для себя Куторга так определил цель заграничной командировки: работа в библиотеках, знакомство с преподаванием в Берлинском университете и посещение занятий, налаживание личных связей с западноевропейскими учеными. В прусскую столицу он приезжает одним из первых среди дерптских профессорантов, в то время как многие его товарищи, пользуясь разницей в распределении семестров в российских и германских университетах, под этим предлогом разъезжали туристами по Германии. В декабре 1833 г. Куторга представляет первый семестровый отчет о работе в Берлине и просит разрешение на поездку в Мюнхен и Париж, ссылаясь на тамошние прекрасные библиотеки и желание свести знакомство с французскими профессорами Ф. Гизо, О. Тьери, Ж. Мишле. Эта просьба была встречена в министерстве «с неприязнью и растерянностью»,²⁶ и вопрос так и не был решен. Раздосадованный Куторга подает прошение, в котором выражает желание уехать в Петербург под предлогом помощи матери, собираясь работать там над трудом по русской истории под руководством академика Ф. И. Круга. Прощение, видимо, оказало определенное действие: во всяком случае, Куторге была разрешена поездка в Италию, куда он и отправляется в начале августа 1834 г. Однако до Апеннинского полуострова Куторга так и не доехал: в Вене он тяжело заболел оспой, две недели лежа в беспмятстве и находясь между жизнью и смертью. Оправившись от болезни, он некоторое время проводит в Вене, работая в библиотеках, а на обратном пути в Берлин заезжает в Мюнхен.

Судя по отчетам Куторги за три семестра, проведенных в Берлине (летний 1833 г., зимний 1833/34 г., зимний 1834/35 г.), он использовал заграничную стажировку весьма плодотворно, с большим рвением и прилежанием работая в Королевской библиотеке, где в основном читал литературу по раннесредневековой истории Франции и Германии и собирал материалы для своей будущей книги о политическом устройстве германцев.²⁷ Усердие русского студента было вознаграждено: снискав благосклонность директора Королевской библиотеки, специалиста по истории крестовых походов профессора

Ф. Вилькена, Куторга получил особое разрешение на работу в библиотеке в те часы, когда она была закрыта для публики.

Если Королевская библиотека оставила самые приятные воспоминания у молодого российского ученого, то этого нельзя сказать о немецких профессорах. Куторге пришлось пережить определенное разочарование. С методической точки зрения ничего нового в Берлине он не увидел: те же общие лекционные курсы и семинары, досконально знакомые по Дерпту. Спецсеминары и спецкурсы — самое примечательное немецкое достижение в методике преподавания истории в высшей школе — тогда еще не практиковались в Берлинском университете. Несмотря на обилие историков — 4 профессора и 8 приват-доцентов, — среди них не было ни одного приличного, с точки зрения М. Куторги, специалиста по древней истории, к тому же, как это часто бывало в немецких университетах и позже, античная история была полностью поглощена классической филологией. Поэтому курсы, на которые записывался Куторга, по тематике относились к средневековой и новой истории. Достаточно критически оценивая берлинских профессоров, Куторга не щадил и Л. Ранке, которого ставил гораздо выше, чем прочих местных историков. Придирчивый русский стажер отмечал, что Ранке приходит на лекции неподготовленным, что он весьма плохой лектор и является профаном во всех областях истории, кроме избранной им узкой специальности.²⁸ Но даже это определенное разочарование в немецкой высшей школе пошло на пользу Куторге: он вырабатывает собственный взгляд на университетское обучение, на практике примененный им в ближайшем будущем в Петербургском университете. Еще в его первом берлинском отчете главный принцип преподавательской деятельности был сформулирован следующим образом: «...профессор, имея обязанность научать студентов, должен по возможности следить целую науку, дабы преподавать ее в том виде, в каком она находится».²⁹

М. С. Куторга в Петербургском университете.

Незадолго до возвращения М. Куторги в Россию, в 1834 г., для преподавания древней и средневековой истории в Петербургский университет был приглашен в адъюнкты воспитанник Нежинского лицея Н. В. Гоголь (Яновский). Случай этот из биографии великого писателя почти курьезный: новый преподаватель не знал ни классических, ни новых языков, т. е. был лишен возможности приобрести необходимые познания, не владел он и определенными преподавательскими навыками и приемами. И Гоголь, и студенты почувствовали взаимную неудовлетворенность, и писатель через год покинул университет.³⁰ По-прежнему «жиденькое знание профессорских тетра-

док или печатных учебников, испарявшееся со сдачею каждого экзамена и оставлявшее в голове только название пройденных наук, смутное представление об их содержании и объеме да случайно застрявшие в памяти факты и положения» были «всем, что обыкновенно выносили тогда студенты из университета».³¹ Но примерно с 1835 г. Петербургский университет постепенно возрождается: причинами было возвращение молодых профессорантов, изменения в университетском уставе и вступление в должность министра народного просвещения покровителя университета графа С. С. Уварова.

В январе 1836 г. Михаил Куторга приступил к чтению лекций в Петербургском университете на историко-филологическом факультете сначала в качестве преподавателя, затем адъюнкта, а после защиты докторской диссертации (в 1838 г.) экстраординарного, с 1844 г. — ординарного профессора. Его вступление на кафедру всеобщей истории В. В. Григорьев назвал «живительною и плодотворною новостью», оно явилось, по выражению профессора В. В. Бауера, другого ученика Куторги, «эпохою».³² «Воздухом науки повеяло на исторической кафедре университета, когда преподавание русской истории перешло в руки Н. Г. Устрялова, а всеобщей — М. С. Куторги», — так пишет историк Петербургского университета уже XX в. С. Н. Валк.³³ С появлением Куторги в преподавании всеобщей истории в университете произошел перелом, — отмечает Э. Д. Фролов.³⁴

Воспоминания даже достаточно критически (обычно *post factum*, по прошествии многих лет) настроенных к Куторге бывших студентов несут на себе отпечаток того восхищения, с которым был встречен в университете молодой профессор. «Никто из профессоров Петербургского университета моего времени не был предметом таких восторженных оваций, как... Куторга», — утверждает один из них.³⁵ О Куторге уже шла слава, как о передовом преподавателе и либерале, что не могло не импонировать студентам. Молодой преподаватель быстро становится кумиром молодежи. Один из его студентов вспоминает такой случай, относящийся примерно к 1838 г.: «Пронесся слух, что к филологам назначается новый профессор истории (вместо Куторги. — *Т. К.*), из преподавателей юнкерского училища, protégé нелюбимого Шульгина (тогдашнего ректора. — *Т. К.*). И вот на вступительную лекцию ни в чем неповинного г. Шакеева нахлынула... огромная гурьба студентов всех факультетов и всех курсов с единственной, кажется, целью ошибаться нового профессора». Вышел полный скандал; не помогло и присутствие начальства — попечителя, ректора и инспектора, которые, так и не утихомирив студентов, были вынуждены покинуть аудиторию, полную шума и гама. На сле-

дующей лекции Куторга «был встречен восторженными рукоплесканиями и по окончании оной вынесен студентами на руках с лестницы». Эти аплодисменты были первыми, которые раздались в аудиториях университета и которые с тех пор стали применяться студентами кстати и некстати.³⁶

После первых восторгов наступила пора рабочих будней, и тут оказалось, что у некоторых, не самых радивых школяров, привыкших к безмятежной жизни на лекциях прошлых лет, необыкновенная ученость молодого преподавателя порой вызвала раздражение. Один из них пенял впоследствии Куторге на то, что тот, хотя ему было хорошо известен невысокий уровень лингвистических познаний большинства первокурсников, на своих лекциях постоянно потчевал их сентенциями на древнегреческом, латинском и даже готском языках, а немецких ученых цитировал, пользуясь чисто германским произношением, а в России тогда в ходу по преимуществу было остзейское.³⁷ Тем не менее большинство студентов Куторги преклонялись перед своим преподавателем, и лекции его были необыкновенно популярны: аудитория была всегда наполнена и часто переполнена слушателями, внимавшими лектору в благоговейной тишине — «раздавался лишь внятный голос профессора, да слышался скрип перьев».³⁸ Куторга не терпел шума и при малейших его признаках в аудитории немедленно прекращал занятие.³⁹

Студентов привлекала в первую очередь манера чтения Куторгой лекций: «...речь его была плавная, выработанная, нередко уснащенная пикантными подробностями и либеральными выходками вроде объяснения чудес Моисея естественными причинами».⁴⁰ Но главным было не то, что Куторга обладал ценным педагогическим даром увлечь и развлечь своих слушателей, — наконец-то в университетской аудитории из уст молодого преподавателя «послышалась строгая наука», как говорит один из первых слушателей Куторги, впоследствии профессор греческой литературы в Петербургском университете Г. С. Дестунис. «Перед нами явились не арабески, а великие мировые идеи в их последовательном проявлении в истории».⁴¹ Лекции, к которым молодой преподаватель тщательно готовился (это чувствовали и студенты), излагались «просто, сжато, ясно и систематично», упор делался на внутреннее развитие государства.⁴² Куторга настаивал на необходимости изучения истории по источникам, критической их оценки, знакомил студентов со сборниками хроник и документов, учил привлекать современную научную литературу — словом, делал то, что теперь делает любой преподаватель и научный руководитель и что по тем временам было новшеством, не имевшим ничего общего с методами преподавания его предшественников по ка-

федре.⁴³ Сначала он читал древнюю, средневековую и новую историю в более или менее полном объеме, впоследствии он нередко ограничивался наиболее интересными «проблемными» эпохами — кризисными, переходными, переломными. Так, из греческой истории он освещал обыкновенно классический период — V и IV вв. до н. э., а из римской — первые два века существования республики, борьбу патрициев и плебеев; в курсе средневековья упор делал на образование и развитие феодальной системы. В последующие годы преподавания в университете Куторга читал и историософский курс «Введение в Науку истории». «Не груз имен и чисел выносили слушатели из его аудитории, а знакомились... с методом научных занятий, с требованиями научного исследования».⁴⁴

В 1838 г. Куторга защитил свою докторскую диссертацию. Защита проходила в актовом зале старого университета (на Кабинетской улице). Слушателей собралось очень много: студенты, публика, профессора университета и Педагогического института; приехал и сам министр Сергей Семенович Уваров. Возражения и защита происходили по принятому тогда порядку на трех языках — русском, немецком и латыни. Возражали профессора А. И. Райковский, П. Д. Калмыков, Ф. Лоренц и сам министр. Вспоминает Дестунис, присутствовавший на защите: «Стоявшему на кафедре молодому человеку еще не исполнилось и 29 лет; наружность его была внушительная, благородная и приятная. Он выражался с достоинством и вполне изящно. Из защищаемой им почвы он не уступил, как нам тогда казалось, ни одной пяди... Таковую блистательную оборону диссертации, основанную на глубоко обдуманном взгляде, подкрепленную подлинными словами источников, редко приходилось слышать впоследствии в течение почти полувека».⁴⁵ В своей докторской диссертации «Колена и сословия аттические» Куторга расширил и дополнил дерптское магистерское сочинение. Это исследование, тотчас переведенное на французский язык, а впоследствии помещенное в переработанном виде на немецком языке в «Бюллетене» Петербургской Академии наук, принесло Куторге европейскую известность; долгое время оно было одним из основных по данному вопросу — на него ссылались, им пользовались Дж. Грот, А. Бек, К.-Ф. Герман, Э. Корнеманн, Г. Бузольт и другие светила западной науки XIX в.⁴⁶ Куторга уже в этом сочинении применил сравнительный метод, приводя для объяснений древнегреческих институтов аналогии из быта германцев и славян. С точки зрения современной науки работа Куторги устарела, но она сыграла свою важную роль в становлении науки об античности, ибо опровергала бытующее тогда мнение о кастовом характере афинских фил.

Создание петербургской исторической школы.

Не только виртуозная лекторская работа, не только триумфальная защита докторской диссертации вписали имя Михаила Куторги золотыми буквами в анналы университета. Важнейшим результатом уже первых лет его преподавательской деятельности явилось появление в Петербургском университете первой исторической школы, школы Куторги, или петербургской исторической школы.⁴⁷ Преподавание Куторги, привлекающая студентов, побуждало их к самостоятельным занятиям. Чтобы укрепить и поддержать эту тягу к науке, Куторга с конца 40-х гг. завел у себя дома для особо интересующихся и «продвинутых» студентов вечерние беседы, или занятия. Эти Куторговы «семинарии» и стали питомником петербургской исторической школы. На них, по воспоминаниям В. Бауера, профессор и его гости занимались разбором и обсуждением тех или иных исторических проблем; студентам давались темы для самостоятельной исследовательской работы, результаты которой потом коллективно обсуждались. Усилия Куторги не пропали даром: некоторые из трудившихся в его семинаре заняли впоследствии исторические кафедры в университете, но даже те, кто впоследствии избрал себе иные специальности, обязан был Куторге строго научным направлением собственной исследовательской деятельности.⁴⁸

Среди питомцев «гнезда Куторгова» — известнейший русский историк и общественный деятель М. М. Стасюлевич. В 1849 г. вышла в свет его магистерская диссертация «Афинская игемония», которую он посвятил своему учителю; в 1851 г. он защитил докторскую диссертацию «Ликург Афинский». Впоследствии Стасюлевич стал заниматься средневековьем, по сути дела являясь зачинателем медиевистических штудий в Петербургском университете. Его успешная преподавательская деятельность была прервана во время студенческих волнений и временного закрытия университета в 1861 г., когда он вместе со своими товарищами К. Д. Кавелиным, А. Н. Пыпиным и В. Д. Спасовичем покинул его стены. В течение многих лет М. М. Стасюлевич был редактором и издателем «Вестника Европы». Другой прославившийся ученик Куторги — В. В. Бауер. Его магистерская диссертация «Об афинской игемонии» была защищена в 1858 г. По возвращении из заграничной командировки он представил докторскую работу «Эпоха древней тирании в Греции» (в 1863 г.). Читая в Петербургском университете древнюю историю, Бауер через несколько лет перешел на новую историю и, по словам его ученика В. Г. Васильевского, поставил этот отдел исторического преподавания в Петербургском университете на прочную основу,⁴⁹ став по сути основоположником кафедры новой истории.

Из не столь именитых учеников можно назвать следующих: Н. А. Астафьев, окончил курс в 1847 г., в 1850 г. защитил магистерскую диссертацию («Правление 400 в Афинах»), в 1856 г. — докторскую диссертацию («Македонская игемония и ее приверженцы»), работал приват-доцентом в университете, читал историю средних веков и нового времени; В. М. Ведров («Жизнь афинского олигарха Крития», 1848 г.; «Поход афинян в Сицилию и осада Сиракуз», 1857 г.), профессор Александровского лицея и известный цензор; П. И. Люпер-сольский («Храмовый город Дельфы с оракулом Аполлона Пифийского в Древней Греции», 1869 г.; «Очерк государственной деятельности и частной жизни Перикла», 1877 г.), экстраординарный профессор Варшавского университета, с 1875 г. ординарный профессор Нежинского историко-филологического института.

Влияние Куторги ощущали на себе непосредственно не учившиеся у него, но слушавшие лекции его учеников В. Г. Васильевский, выдающийся отечественный византист, и Ф. Ф. Соколов, основоположник историко-филологического направления в отечественном антиковедении, создатель первой русской эпиграфической школы и, пожалуй, самый авторитетный российский историк античности конца XIX в. Формирование Соколова как ученого происходило под воздействием Куторги, в том числе личных бесед с ним⁵⁰ по возвращении последнего из заграничной командировки. Об этом свидетельствует магистерская диссертация Соколова, где автор благодарит Куторгу за доставленные ему сведения по литературе предмета.⁵¹ Васильевский защищал свою диссертацию по теме «Политическая реформа и социальное движение в Древней Греции в период ее упадка», выбор которой был не случаен и объяснялся, по его собственным словам, преемственностью научных занятий в университете, идущей от Куторги.⁵² Последний «был горячим поборником той мысли, что ученая русская самостоятельность в области всеобщей истории, навык каждого отдельного начинающего в самостоятельной работе, ознакомление его с методом исторической критики всего удобнее могут достигаться посредством занятий в области классической истории».⁵³ Это весьма любопытное замечание Васильевского показывает, почему Куторга так настаивал на том, чтобы его ученики и ученики его учеников брали себе в качестве тем для первых научных сочинений (магистерских и докторских диссертаций) проблемы и сюжеты античной истории.

Итак, нетрудно заметить, что все ученики Куторги дебютировали работами по античной истории, но дело было не только в темах, которые они выбирали, следуя своему наставнику.

Много размышляя об истории как науке,⁵⁴ Куторга прививал своим ученикам необходимые, по его мнению, приемы преподавательской и исследовательской работы историка, научный метод, которые составили суть петербургской исторической школы и которые отчетливо выступают в сравнении с московской школой, школой Т. Н. Грановского, с представителями которой Куторга и его ученики много лет вели заочную полемику. Ф. Н. Устрялов, племянник жены Куторги и его студент, не любивший дядюшку, следуя семейной традиции,⁵⁵ но отдававший ему должное как великолепному лектору, отмечал в своих воспоминаниях, что такие московские светила науки, как Т. Н. Грановский, П. Н. Кудрявцев, П. М. Леонтьев, а также и В. Г. Белинский, или служили Куторге поводом к «злобным насмешкам и несправедливым нареканиям, или выставлялись им личностями, которых он как будто игнорировал».⁵⁶ Однако дело было не в излишней возбудимости и эмоциональности профессора или его непомерном самомнении (как казалось Ф. Н. Устрялову⁵⁷) — спор с московской профессурой носил принципиальный характер, что убедительно показал в своей статье «Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет» С. Н. Валк. Свидетельство тому — литературный инцидент, взволновавший ученую публику двух столиц в 1850 г., который анализирует в своей работе ленинградский ученый.

М. М. Стасюлевич, недавно защитивший в Петербургском университете магистерскую работу, осмелился покуситься на любимца московской публики, кумира студентов, профессора Т. Н. Грановского, подвергнув в журнале «Москвитянин» критическому анализу его докторскую диссертацию «Аббат Сугерий». Ученик Куторги утверждал, что Грановский своей работой не достиг тех целей, «которые могли быть достигнуты в истинном ученом, критическом, специальном сочинении», однако «без сомнения рассуждение г. Грановского займет одно из почетных мест в нашей повествовательной литературе».⁵⁸ Эта рецензия вызвала взрыв негодования в московских университетских кругах. П. М. Леонтьев в письме к редактору «Москвитянина» М. П. Погодину назвал ее «неблагоданеренной статьей» и потребовал поместить в следующем номере журнала его отзыв на диссертацию Стасюлевича. В нем он незаслуженно обвинил автора в элементарном непонимании греческих текстов и неверном истолковании мнений современных ученых.⁵⁹ Другим заступником Грановского стал один из самых любимых его учеников И. К. Бабст. Ссылаясь на то, что феодализм «мало известен» Стасюлевичу, он упрекал его в «произвольных искажениях», грозя молодому автору «судилищем» науки.⁶⁰ Вероятно, жесткая и местами очевидно несправедли-

вая отповедь, полученная Стасюлевичем от московских коллег, стала потом причиной его специальных занятий медиевистикой.

Перед дружным отпором москвичей Стасюлевич не чувствовал себя одиноким — в письме к Куторге он назвал свою рецензию явлением «нашего общего дела», отмечая, как «много обязан» он лекциям Куторги в выработке «своих собственных мнений». ⁶¹ Суть же разногласий между складывающейся петербургской и московской историческими школами тогда (в 50-х гг. прошлого века) состояла в следующем. В предисловии к «Аббату Сугерию» Грановский выразил свое мнение по поводу задач исторической науки в России: он исходит из «существенных потребностей русских читателей», а сравнивая свою родину с Германией, приходит к выводу, что Россия не имеет права «на научную роскошь»; ученые монографии у нас не могут «принести существенной пользы», поэтому и собственному сочинению он не приписывает «особенной важности», зато оно «не лишено некоторой занимательности». ⁶² Ему вторит Бабст, утверждая, что ученый историк должен исходить из интересов «просвещенной публики» и «большинства читателей», тогда ученая литература не будет обречена на «вечное одиночество в кабинетах и шкафах людей ученых». Ученое сочинение «обращает на себя внимание не столько массою знаний, сколько пользою, которую оно приносит обществу»; надо сделать науку «занимательною, полезною». ⁶³

Полемизируя с московскими учеными, Стасюлевич восстает против двух мерок научности, одной — годной для Германии, а другой — по печальной необходимости применяемой для России. ⁶⁴ «Наука везде остается наукой, и ее характер не определяется никакими местностями». ⁶⁵ Те принципы, которые защищает Грановский (польза и занимательность) относятся не к науке, а к образованию. ⁶⁶ «Ученый, заботящийся о всеобщей занимательности своих ученых трудов, подвергается опасности изменить науке и впасть в беллетристику; еще менее должна наука заботиться о пользе». ⁶⁷ Единственно возможный для нее путь — путь исторической критики, состоящей «в предварительном и всестороннем исследовании и разборе источников», без которой «история всегда оставалась бы в области фантазии». ⁶⁸

Итак, научность, строгость изложения, обоснованность выводов, опора на источники — принципы научного метода, внушаемые Куторгой своим ученикам, сделавшиеся *symbolus fidei* научного направления, восходящего к Куторге, которое мы можем с полным правом называть петербургской исторической школой. ⁶⁹

Подводя некоторые итоги нашей работе, отметим следующее: М. С. Куторга был бесспорно первым самостоятельным

российским исследователем в области античной истории; в его лице русская историческая наука становится вровень с тогдашней европейской.⁷⁰ Перефразируя известное выражение Ф. М. Достоевского, можно сказать, что петербургская университетская историческая наука «вышла вся» из Куторги. Мы не касались проблемы так называемой измены Куторги тому либерализму, знаменем которого он явился в университете с первых дней его появления в нем и которому, как казалось некоторым, он впоследствии изменил, получив «начальственный окрик».⁷¹ Если Куторга и стал более осторожен в замечаниях, отпускаемых им на лекциях, это не означает, что он изменил своим убеждениям, — об этом свидетельствуют его сочинения разных лет,⁷² в том числе и самые последние. Вот отрывок из письма престарелого Куторги к Г. Дестунису «от 30 января 1883 г.», «почти предсмертная научная исповедь»:⁷³ «В своем постепенном и долговременном изучении „Истории Греции“ я дошел до вывода, что Πολιτεία, т.е. гражданство или гражданская община, была высшим государственным строем, до коего достигли древние эллинские республики; и что в этой Политии эллины выработали две идеи, составляющие их величие и их неоспоримую собственность: идею свободного гражданина и идею свободы мысли. Эти две идеи и доставили эллинам всемирно-историческое значение, ибо они послужили основанием последовавшего успеха».⁷⁴

Last, but not least. Еще один завет М. С. Куторги из того же письма: «Я указывал и постоянно выставлял необходимость изучения Древней Греции, вернее говоря, эллинизма, для знания нашей собственной русской народности, ибо ни одно начало не произвело на русскую народность такого сильного влияния и не проникло так глубоко, как начало эллинское».

¹ См.: *Валк С. Н.* Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // ЛГУ. Труды юбилейной научной сессии. Л., 1948. С. 3. — О преподавательской деятельности Э. Раупаха см.: Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых 50 лет его существования / Сост. В. В. Григорьев. СПб., 1870. С. 15.

² Там же. С. 18. — Отзыв о Рогове его бывшего студента, впоследствии известного историка, академика Н. Г. Устрялова, еще более уничижителен: «...человек бездарный, в высшей степени робкий, охотник до картежной игры, засыпавший не раз на кафедре после бессонно проведенной ночи; впрочем, добряк...» (*Соловьев И. М.* Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. Вып. 1. Университеты до эпохи 60-х годов. СПб., 1914. С. 103).

³ Императорский Санкт-Петербургский университет... С. 73.

⁴ См.: Рунич и Петербургский университет. Из воспоминаний А. В. Никитина // *Соловьев И. М.* Русские университеты... С. 104.

⁵ Там же. С. 72.

⁶ Там же.

⁷ См.: *Фролов Э. Д.* Русская наука об античности. СПб., 1999. С. 149.

⁸ Императорский Санкт-Петербургский университет... С. 67.

⁹ Там же. С. 67—68.

¹⁰ Там же. С. 106.

¹¹ *Герцен А. И.* Былое и думы. Л., 1978. С. 121—122.

¹² *Степан Семенович Куторга*, окончивший дерптский Профессорский институт по медицинскому факультету со степенью доктора медицины, впоследствии занял кафедру зоологии в Петербургском университете, где и работал профессором до своей кончины в 1861 г.

¹³ Сведения о происхождении М. С. Куторги, а также подробный рассказ о его обучении в Дерптском университете и заграничной командировке содержатся в статье Ю. К. Мадиссона «Молодой Куторга» (Учен. зап. Тартуского государственного университета. Таллин, 1956. Вып. 43. С. 3—37). Автор собирал материалы в исторических архивах Ленинграда и Тарту, а также работал с личным архивом М. С. Куторги, который хранится в Публичной библиотеке (ныне РНБ).

¹⁴ Пять из шести профессорантов Петербургского университета были выпускниками Третьей гимназии и учениками Миддендорфа: оба Куторги, Лапшин, Шкляревский, Калмыков (см.: Императорский Санкт-Петербургский университет... Примечания. С. 47. Здесь же — высокая оценка деятельности Миддендорфа).

¹⁵ См.: *Мадиссон Ю.* Молодой Куторга. С. 10; *Фролов Э. Д.* Русская наука об античности. С. 149.

¹⁶ *Мадиссон Ю.* Молодой Куторга. С. 19.

¹⁷ Там же. С. 20—21.

¹⁸ Вызывает большие сомнения истолкование А. Д. Константиновой этого скандала как выступления «передовых воспитанников Профессорского института» против «реакционеров в науке», находившегося «в тесной связи с растущими прогрессивными настроениями молодого исследователя античности» (т. е. Куторги) (Общественно-политические и историко-философские взгляды М. С. Куторги // Вопросы историографии всеобщей истории. Казань, 1968. Вып. 3. С. 114).

¹⁹ Цит. по: *Мадиссон Ю.* Молодой Куторга. С. 23.

²⁰ Там же. С. 24. — Интересно, что товарищу Куторги М. Лунину присудили степень доктора, хотя за один из ответов Моргенштерну он получил *po male* («удовлетворительно»).

²¹ Объем предписывался Министерством просвещения: диссертации подлежали публикации, и министерство сэкономило.

²² Это исследование впоследствии было расширено и дополнено в докторской диссертации «Колена и сословия аттические».

²³ См.: *Мадиссон Ю.* Молодой Куторга. С. 24.

²⁴ Из письма М. Куторги к брату: «...странная судьба моя: в Дерпте все меня теснили, гнали, но только лишь я выехал из него, как будто волшебством все переменялось» (Архив Куторги, IV, 5, л. 67). Цит. по: *Константинова А. Д.* Общественно-политические и историко-философские взгляды М. С. Куторги. С. 114.

²⁵ См.: *Мадиссон Ю.* Молодой Куторга. С. 31.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 33. — Книга Куторги «Политическое устройство германцев до шестого столетия» была опубликована в 1837 г.

²⁸ См.: *Мадиссон Ю.* Молодой Куторга. С. 35 (со ссылкой на архивные материалы). — Впрочем, М. С. Куторга всегда высоко ценил Л. Ранке как историка-исследователя и отдавал должное его заслугам перед исторической наукой (как известно, именно Л. Ранке первым стал серьезно работать с архивами). Подробнее об этом см. статью М. С. Куторги «Очерк новейших историков Западной Европы. Леопольд Ранке», опубликованную в «Библиотеке для чтения» (1850. Т. 99, ч. 2. С. 107—132).

- ²⁹ Цит. по: *Мадиссон Ю.* Молодой Куторга. С. 35.
- ³⁰ Императорский Санкт-Петербургский университет... С. 93.
- ³¹ Там же. С. 104.
- ³² Там же. С. 213, 214.
- ³³ *Валк С. Н.* Историческая наука в Ленинградском университете... С. 4.
- ³⁴ *Фролов Э. Д.* Русская наука об античности. С. 162.
- ³⁵ Некий А. Ч., опубликовавший свои мемуары «Петербургский университет полвека тому назад. Воспоминания бывшего студента» в «Русском архиве» (1888. № 9. С. 120—150). Его же: Из воспоминаний бывшего студента Э-г // Русская старина. 1881. Февраль. С. 367—380.
- ³⁶ См.: Из воспоминаний бывшего студента Э-г. С. 371.
- ³⁷ См.: *А. Ч.* Петербургский университет полвека тому назад... С. 140.
- ³⁸ *Устрялов Ф. Н.* Воспоминания о Санкт-Петербургском университете в 1852—1856 гг. // Исторический вестник. 1884. Т. XVII. С. 298—299.
- ³⁹ Там же. С. 299.
- ⁴⁰ *А. Ч.* Петербургский университет полвека тому назад... С. 139.
- ⁴¹ *Дестунис Г. С.* М. С. Куторга. Воспоминания и очерки // ЖМНП. 1886. Июль. С. 4.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ См.: Императорский Санкт-Петербургский университет... С. 215.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ *Дестунис Г. С.* М. С. Куторга. Воспоминания и очерки. С. 5.
- ⁴⁶ См.: *Бузескул В. П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Л., 1929. Ч. I. С. 101.
- ⁴⁷ См.: *Валк С. Н.* Историческая наука в Ленинградском университете... С. 8.; *Фролов Э. Д.* Русская наука об античности. С. 171.
- ⁴⁸ См.: Императорский Санкт-Петербургский университет... С. 216.
- ⁴⁹ См.: *Бузескул В. П.* Всеобщая история и ее представители в России... С. 109.
- ⁵⁰ Предположение Э. Д. Фролова (см.: Русская наука об античности. С. 179).
- ⁵¹ *Соколов Ф. Ф.* Критические исследования, относящиеся к древнейшему периоду истории Сицилии. СПб., 1865. С. 50; см.: *Фролов Э. Д.* Русская наука об античности. С. 179—180.
- ⁵² См.: В. Г. Васильевский. В. В. Бауер // ЖМНП. 1884, № 12. С. 134—135.
- ⁵³ Там же; см. также: *Валк С. Н.* Историческая наука в Ленинградском университете... С. 20.
- ⁵⁴ См. его работы: Об историческом развитии понятия истории от древнейшей эпохи на Востоке до нашего времени // ЖМНП. 1868. Кн. 2, 3; Историческое развитие понятия истории от начала XVI ст. до нашего времени // Московские университетские известия. 1870. № 3; О науке и ее значении в государстве // Русский вестник. 1873. Кн. 3.
- ⁵⁵ Н. Г. Устрялов и М. С. Куторга, коллеги и родственники, встречаясь в университете, никогда не разговаривали друг с другом. См.: *А. Ч.* Петербургский университет полвека тому назад... С. 142.
- ⁵⁶ *Устрялов Ф. Н.* Воспоминания о Санкт-Петербургском университете... С. 298.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ *Стасюлевич М. М.* Рецензия на «Аббата Сугерия» // Москвитянин. 1850. Ч. III. Отд. IV. С. 67—96.
- ⁵⁹ См.: *Валк С. Н.* Историческая наука в Ленинградском университете... С. 9. — Рецензию П. М. Леонтьева см.: Москвитянин. 1850. Ч. III. Отд. IV. С. 130—140. — Стасюлевич напечатал свой «Ответ П. М. Леонтьеву на его исторические и филологические замечания к рассуждению „Афинская игемония“» также в «Москвитянине» (1850. Ч. V. Отд. IV — антикритика. С. 69—94).
- ⁶⁰ *Бабст И. К.* Несколько замечаний по поводу критики г. Стасюлевича на книгу «Аббат Сугерий. Историческое рассуждение Т. Грановского» // Отече-

ственные записки. 1850. Т. 71. Отд. VIII. С. 54—67; См. также: *Валк С. Н.* Историческая наука в Ленинградском университете... С. 10.

⁶¹ М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке / Под ред. М. К. Лемке. СПб., 1911. Т. 1. С. 238 (письмо от 10 июля 1850 г.).

⁶² *Грановский Т. Н.* Аббат Сугерий. Историческое исследование. М., 1849. С. III—IV.

⁶³ *Бабст И. К.* Несколько замечаний... С. 54—56.

⁶⁴ См.: *Валк С. Н.* Историческая наука в Ленинградском университете... С. 13.

⁶⁵ *Стасюлевич М. М.* Рецензия на «Аббата Сугерия». С. 72.

⁶⁶ Там же. С. 69.

⁶⁷ Там же. С. 70.

⁶⁸ Там же. С. 72.

⁶⁹ Кстати, и многие нынешние петербургские историки причисляют себя к этой исторической школе — во всяком случае, мои учителя, преподававшие на истфаке университета в 70—80-х гг. Что касается московских коллег, они всегда болезненно относились к теме «московская и петербургская исторические школы». Показательны утверждения М. А. Алпатова, автора статьи о Куторге в «Очерках исторической науки в СССР» (М., 1955. Т. 1.), назвавшего «легендой» существование различных школ: «Принадлежность историка к той или иной школе определяется, как известно, содержанием его политических взглядов и его исторической концепции. С этой единственно правильной точки зрения (sic! — Т. К.) Куторга и Грановский принадлежат к одной и той же школе историков-либералов первой половины XIX в. ... Кроме того, никто из сторонников „петербургской“ и „московской“ школ не сформулировал „признаков“ этих школ. Нельзя же всерьез считать, что в Петербурге сидели эрудиты, излагавшие историю по источникам, а в Москве — мастера повествовательного жанра» (с. 480). В монографии «Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков» (СПб., 1995) Б. С. Каганович рассуждает о петербургской исторической школе как о реальном явлении, отмечая ее конкретный историзм и присущие ей филигранные методы источниковедческого анализа (с. 108). Интереснейшие замечания о петербургской исторической школе, восходящей к Куторге, и многочисленные упоминания о ней в связи с последующими поколениями петербургских историков см. в монографии Э. Д. Фролова «Русская наука об античности» (с. 171, 179, 184, 337, 398—399 и др.). Г. П. Мягков («Русская историческая школа. Методологические и идейно-политические позиции». Казань, 1988) дипломатично замечает, что правомерность утверждения о существовании петербургской исторической школы «должны показать специальные исследования» (с. 70), однако сам автор, как кажется, не расположен признавать сей факт.

⁷⁰ См.: *Бузескул В. П.* Всеобщая история и ее представители в России... С. 100.

⁷¹ См.: *А. Ч.* Петербургский университет полвека тому назад... С. 141.

⁷² Анализ сочинений Куторги в рамках данной работы не входил в мои цели — для этого понадобилась бы, по меньшей мере, еще одна такая же статья. В отечественной историографии научные взгляды и достижения М. С. Куторги разбирались и оценивались в следующих публикациях: *Бузескул В. П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Ч. 1. С. 99—109; *Алпатов М. А.* Исторические взгляды П. Н. Кудрявцева, С. В. Ешевского и М. С. Куторги // Очерки исторической науки в СССР. Т. 1. С. 474—492; *Константинова А. Д.* 1) Проблема античного рабства в трудах М. С. Куторги // Вопросы историографии всеобщей истории. Казань, 1964. Вып. 1. С. 58—88; 2) Общественно-политические и историко-философские взгляды М. С. Куторги // Там же, 1968. С. 113—144; *Фролов Э. Д.* Русская наука об античности. С. 162—169.

⁷³ Слова Дестуниса. Куторга умер в 1886 г.

⁷⁴ *Дестунис Г. С.* М. С. Куторга. Воспоминания и очерки. С. 13—14.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ДЕЛЬФАМИ И АМФИКТИОНАМИ НА ПРИМЕРЕ ПРОВЕДЕНИЯ ПИФИЙСКИХ ИГР

«В Фокиде», как сообщал Страбон, «наиболее знамениты были два города, Дельфы и Елатея. Дельфы — своим святилищем Аполлона и оракулом, имеющим глубокую древность» (IX, 3, 2). Тесная связь с общегреческим святилищем и знаменитым оракулом Аполлона, привлекавшим паломников со всего древнего мира, определила специфику дельфийского полиса в экономике, в политической и социальной сферах.¹

Так же как все другие греческие полисы, Дельфы стремились к независимости. Своеобразие дельфийской автономии заключалось в том, что контроль над святилищем и оракулом Аполлона, а также над священными землями осуществляли не дельфийцы, а члены Пилейско-Дельфийской амфикитии — союза двенадцати греческих племен.² Дельфы даже не всегда имели своего представителя в амфикитии. Только в списках членов амфикитии IV в. до н.э. дельфийцы названы отдельно от фокидян.³ Пилейско-Дельфийская амфикития, которая в отдельные периоды древнегреческой истории играла важную роль в политических делах Греции, формально была религиозным союзом, главной целью которого была охрана общих святилищ: святилища Аполлона в Дельфах⁴ и святилища Деметры в Антеле. При этом, правда, предусматривались взаимные обязательства членов союза не воевать друг против друга. Афинский оратор IV в. до н. э. Эсхин в речи «О преступном посольстве» (II, 115) приводит текст клятвы амфикитионов: «...наши предки обязывались не разрушать ни одного города, входившего в состав амфикитии, и не отводить у него источников ни во время войны, ни во время мира; а если кто-нибудь нарушит это постановление, против того идти войной и поднять против него союзные города,⁵ и если кто-нибудь будет грабить принадлежащее богу имущество, или будет участником в каком-либо преступлении, или задумает что-либо против святынь, того наказывать и силой оружия, и постановлениями, и всеми мерами».

Дельфы могли стать одним из самых значительных в Элладе центров земледелия, ремесла и торговли,⁶ так как в пределах Дельф было относительно много (для горной страны) плодородной земли — Крисейская равнина и некоторые места на Парнасе. Дельфийскому богу Аполлону принадлежала также

удобная гавань в Крисейском заливе, от которой начиналась дорога, ведущая в Дельфы. Однако, несмотря на все это, жители Дельф испытывали трудности с землей. В схолиях к Аристофану («Осы», 1446—1448) сохранился рассказ о том, что знаменитый баснописец Эзоп, прибыв в Дельфы, издевался над дельфийцами, говоря, что у них нет земли, от обработки которой они могли бы прокормиться, поэтому они вынуждены жить от жертв богу. Это противоречие объясняется тем, что земли Крисейской равнины были объявлены посвященными Аполлону, эти земли нельзя было никому, в том числе и жителям Дельф, ни обрабатывать, ни застраивать.⁷ Эсхин в речи «Против Ктесифонта» (III, 109) напоминает афинянам, что «амфиктионы, собрав большое войско, обратили в рабство этих людей (жителей Крисы), город и гавань их разрушили дотла, а землю в согласии с оракулом посвятили (богам). Затем они поклялись страшной клятвой, что ни сами не будут обрабатывать священную землю, ни другим не позволят и будут помогать богу и священной его земле и руками, и ногами, и голосом, и всеми своими силами». В афинской копии 380 г. до н. э. «Закона амфиктионов»⁸ также указывается, что гиеромнеоны (представители общин — членов амфиктионии) должны следить за тем, чтобы никто не занимал священные земли и не обрабатывал их.⁹ Правда, нельзя утверждать, что у Дельф совсем не было городской земли. Данные источников показывают, что наряду со священными землями были и частные земельные владения, хотя определить размеры городской земли невозможно.¹⁰

В руках амфиктионов находились также верховное наблюдение и контроль за храмовой казной.¹¹ Как утверждает Страбон (IX, 3, 7): «Образовался союз амфиктионов для обсуждения общих дел и для более беспристрастного надзора над святилищем, так как там хранились большие денежные суммы и много посвятительных приношений, а все это требовало тщательной охраны и благоговейного попечения».

Амфиктионии создавались не только для попечения над общими святилищами, но и для совместного проведения обрядов в этих святилищах. Главным празднеством, которое проводилось в Дельфийском святилище, были Пифийские игры — по значению и популярности в эллинском мире вторые после Олимпийских игр.¹² Как и на Олимпийские игры, на Пифийский праздник раз в четыре года съезжались эллины, чтобы почтить сребролукого бога Феба Аполлона жертвоприношениями и разнообразными состязаниями, в том числе в пении торжественного гимна — пеана в честь хозяина святилища. Сведения о подготовке и проведении этого празднества рассеяны в сочинениях античных авторов, в первую очередь Павсания

и Страбона, а также в многочисленных эпиграфических памятниках, относящихся к разным векам. Если собрать их воедино, то можно не только восстановить картину подготовки и проведения празднества, но и конкретизировать общие представления об особенностях дельфийской автономии и характере взаимоотношений объединения эллинов и города, где находилось общеэллинское святилище, показав как распределялись обязанности и выгоды, извлекаемые из празднества, между амфикионами, с одной стороны, и дельфийцами — с другой. К сожалению, фрагментарность этих сведений не позволяет представить последовательную историю проведения Пифийских игр. На протяжении столетий, естественно, происходили изменения и внутри амфикитии, и в самих Дельфах. Это отражалось и на взаимоотношениях между ними. Однако наши источники редко дают возможность увидеть, как эти изменения влияли на проведение празднества. Чаще приходится ограничиваться констатацией тех или иных фактов, сведения о которых относятся к разным эпохам, допуская, что также могло быть и в другие века.

Проведение первых игр амфикионами античная традиция связывает с событиями первой Священной войны,¹³ когда объединенные силы нескольких греческих племен во главе с фесалийцем Еврилохом установили контроль над святилищем Аполлона. В источниках Пифийские игры часто называются «амфикионовыми», чем подчеркивается, что их учредителями являются амфикионы, а не дельфийцы. Например, Павсаний (X, 7, 6) описывает медный треножник и приводит текст надписи на нем: «Ехемврот, аркадянин, посвятил сей дар Гераклу, победив на играх амфикионов».

Пифийские игры проводились в месяц Букатий дельфийского календаря (август—сентябрь). В это же время проходила осенняя сессия (пилея) амфикионов, на которую съезжались представители греческих общин. Эсхин в речи «Против Ктесифонта» (III, 254) напоминает афинским слушателям: «И не забывайте, в какое время вы голосуете. Через несколько дней будут проходить Пифийские игры и соберется конгресс эллинов». Очевидно, это совпадение не было случайным. Оба мероприятия были взаимосвязаны. Собравшиеся на сессию гиеромнеоны — посланцы полисов распоряжались и во время игр. В сложных отношениях греческих полисов, союзов друг с другом и с соседними государствами (например, Македонией) вопрос о руководстве играми иногда приобретал большое политическое значение. В 371 г. до н. э. тиран города Феры Ясон готовился к походу на Дельфы ко времени Пифийских состязаний, как пишет Ксенофонт, «сам имея в виду распоряжаться празднеством и состязаниями» (Hell. VI, 4, 30).

Э. Д. Фролов видит в этом стремлении Ясона прибыть в Дельфы на Пифийские игры «форму достижения гегемонии — восстановление древней руководящей роли фессалийцев в Дельфийской амфикинии» и объясняет тем, что Ясон хотел лишь громко заявить об этом на первом же Пифийском празднестве.¹⁴ Однако в 370 г. до н. э., как сообщает далее Ксенофонт, Ясон был убит заговорщиками в разгар подготовки похода (VI, 4, 31f.).

То, что не удалось Ясону, удалось царю Македонии. В результате третьей Священной войны, которую амфикионы вели с фокидянами, захватившими святилище Аполлона, в 346 г. до н.э. Филипп Македонский, получив голоса в совете амфикионов, стал председателем совета амфикионов и как председатель руководил Пифийскими играми. Именно это среди других обвинений предъявлял ему оратор Демосфен (IX, 32): «Но чего же еще не хватает ему до последней степени наглости? Да, помимо того, что он разорил города, разве он не устраивает Пифийские игры, общие состязания всех греков, и, когда сам не является на них, разве не присылает своих рабов руководить состязаниями в качестве агонифетов». О том, что амфикионы передали Филиппу руководство Пифийскими играми, говорит и Диодор (XVI, 60, 2): «Решено членами Совета, чтобы Филипп вместе с беотийцами и фессалийцами устраивал агон Пифий». Проведение Филиппом Пифийских игр фактически закрепляло за ним руководящую роль в амфикинии.¹⁵ Рассказывая далее о результатах Священной войны, Диодор упоминает, что за союз с фокидянами амфикионы отлучили от участия в Пифийских играх Коринф (XVI, 60). В свою очередь Афины отказались послать делегацию на Пифии, которые проводились Филиппом. Как утверждает Демосфен (XIX, 128), афиняне считали участь фокидян настолько ужасной, «что не стали посылать ни феоров от лица Совета, ни фесмофетов на праздник Пифий, но отказались от этого спокон веку отправляемого посольства». Таким образом, Пифийские игры оказались важным инструментом политической борьбы в Элладе после победы амфикионов в третьей Священной войне.

Примером использования Пифийских игр для политической демонстрации служит и эпизод периода борьбы за власть между эллинистическими правителями, союзами и полисами начала III в. до н. э., когда впервые в истории Греции, насколько известно, было перенесено отправление культа, связанного с определенным местом мифом и многовековой традицией, в другой город.¹⁶ По свидетельству Плутарха (Dem. 40), Деметрий, сын Антигона, прозванный Полиоркетом, в 294 г. до н.э. провозглашенный царем Македонии, завладев боль-

шой частью Греции, в том числе и Афинами, в 290 г. до н. э., «когда подошло время Пифийских игр, отважился на дело, до того дня неслыханное и небывалое: так как перевалы, ведущие в Дельфы, были заняты этолийцами, он устроил состязания и всенародное празднество в Афинах». Эта беспрецедентная акция лишний раз подчеркивает, что Пифийские игры — это праздник амфикитионов. Большая часть амфикитионов подвластна Деметрию, но не Дельфам, где в это время хозяйничали этолийцы. Перенесение Пифий в Афины было протестом против этолийской оккупации Дельф.¹⁷ Но, помимо всего, Деметрий, незадолго перед этим захвативший после длительной осады Фивы, вероятно, хотел утвердить свою власть в глазах греков в том числе и тем, что он как македонский царь, будучи председателем амфикитии, может руководить проведением игр по своему усмотрению, таким образом он показывал, кто хозяин в Элладе.

Совет амфикитионов решал и вопросы, связанные с программой праздника. Страбон (IX, 3, 10) пишет, что «во времена Еврилоха амфикитии установили конное и гимнастическое состязания, наградой в которых был венок. Они называли их Пифийскими играми. Они добавили к кифаредам флейтистов и кифаристов без пения, которые должны были исполнять мелодию под названием пифийский номос». Об утверждении программы празднества амфикитиями говорит и Павсаний (X, 7, 4): «На третьем году сорок восьмой олимпиады... амфикитии учредили награды за пение под кифару, как было и прежде, а кроме того, присоединили состязания в пении под флейту и в одной игре на флейте».

Сохранилось много почетных постановлений в честь гиеромнеонов и их помощников, проявивших особое усердие при проведении игр или заботу о гостях праздника. В надписи 194 г. до н.э. амфикитии хвалят Сосикла — гиеромнеона, представителя Магнезии-на-Меандре (город в Малой Азии) за прекрасное выполнение своих обязанностей во время Пифий: «...жертвоприношения совершил достойно города магнетян и союза амфикитионов и то, что относится к агону Пифий, исполнил хорошо, заботился об агонистах и коллегах гиеромнеонах» (Syll³. 598 В. 1.6—8). За это ему дается золотой венок. В 227 г. до н.э. Тимократ, гиеромнеон Хиоса, по мнению амфикитионов, «совершил блестяще жертвоприношение... заботился об агонах вместе с гиеромнеонами в соответствии с решением амфикитионов достойно города хиосцев и помогал всем прибывающим в город» (Syll³. 506.1. 6—13). В одной из надписей (Syll³. 436), которую датируют 266 г. до н.э., сообщается, что амфикитии воздают почести своему помощнику, который долгое время помогал гиеромнеонам во время Пифийских

игр. Среди обязанностей гиеромнемонов было и судейство во время состязаний. В Пифийской оде Пиндара в честь Гипокла (Pyth. X, 8—9) говорится о герое оды, что «он назван толпой амфикионов высшим среди дважды бегущих отроков». В почетном декрете I в. до н. э. (Syll³. 719. l. 4) в честь Фрасикла, сына Архиклея, афинянина, гиеромнемона среди его заслуг называется то, что он «судил агон Пифий благочестиво и справедливо».

Многие почетные декреты, принимавшиеся амфикионами, подтверждают то, что жители Дельф не имели решающего голоса при проведении игр, в частности в распоряжении местами зрителей, зданиями на территории святилища. Амфикионы, например, часто даруют своим благодетелям такую почесть, как проэдриа, — право сидеть на почетных местах во время состязаний. Обычная формула декретов в таких случаях: «проэдриа во всех агонах, которые устанавливают амфикионы».¹⁸ В одном из почетных декретов (Syll³. 419), принятых советом амфикионов, они обязали дельфийцев предоставить сокровищницу, где Евдокс из Аргоса мог бы поместить подаренные им для Пифийских состязаний щиты. В данном случае очевидно, что дельфийцы выступают только как хранители святилища, а не владельцы.¹⁹

Большое значение для определения круга обязанностей амфикионов и дельфийцев во время игр имеет уже упоминавшаяся надпись 380 г. до н.э. (CID. Vol. 1, N 10), содержащая текст «Закона амфикионов». По этому «Закону» гиеромнемонам, а не дельфийцам поручается проведение работ в святилище перед началом праздника. Представителям городов предписывается привести в порядок храм Аполлона, стадион, святилище Афины Пронайи, источник (l. 35—37). За невыполнение им грозит штраф, который должны уплатить или сам гиеромнемон, или город, который он представляет (l. 37—40). Однако надпись 247 г. до н. э. представляет уже иной порядок.²⁰ Надпись содержит счета с указанием имен подрядчиков и работ в порядке следования памятников, начиная с гимнасия, в частности, указывается, какие работы выполнены на пифийском стадионе. Деньги на проведение работ в святилище даются из кассы амфикионов, и казначеи амфикионов проверяют исполнение контрактов. Но подрядчиками работ являются дельфийцы,²¹ которые, вероятно, извлекали определенную выгоду из этих подрядов. В любом случае, будь то правила 380 или 247 г. до н. э., бремя расходов по подготовке к празднеству лежало на полисах, которые входили в состав амфикионии, а не на дельфийцах.

Гиеромнемоны, а следовательно, и их полисы также были обязаны привести в порядок дороги и мосты, ведущие к свя-

тилищу (I. 40—41). Вероятно, работы велись на трех больших дорогах, которые шли от Дельф в разных направлениях и соединяли со святилищем ряд полисов и областей Греции. Таким образом, почти вся Эллада была занята подготовкой к общему торжеству. И эти совместные приготовления объединяли греков не меньше, чем само празднество. Члены амфикитии должны были также заботиться о безопасности на этих дорогах, охранять паломников, направлявшихся на Пифию. В одной из надписей начала III в. до н.э. (FD III. 1.479), правда плохо сохранившейся, амфикитии восхваляют самих себя за то, что они обеспечили безопасность грекам, которые ехали на Пифию, хотя шла война Птолемея и Антигона.²²

На жителей Дельф «Законом амфикитионов» налагалась только одна обязанность во время подготовки к празднику — отправить священных послов (феоров) ко всем эллинам, где бы они ни жили. Дельфийцы должны были отправить послов с извещением о Пифиях в месяц Бисий (февраль) дельфийского календаря, т. е. за шесть месяцев до начала праздника. Если же они не пошлют феоров, то должны заплатить штраф (CID. Vol. 1. N 10, l. 45—46). Эти послы должны были объявить о священном месяце и перемирии,²³ которое необходимо для проведения игр, чтобы гости и участники игр смогли безопасно добраться до Дельфийского святилища и вернуться потом домой. Сам факт, что амфикитии предписывают дельфийцам отправить послов и даже грозят штрафом за невыполнение, говорит вроде бы о феории как о повинности. Однако на этот вопрос можно посмотреть с другой стороны. Что давала дельфийцам эта обязанность отправлять священные посольства? Что это — тягостное бремя или привилегия? Дельфийцы должны были оповестить всех греков, а следовательно, нужно было отправить делегации феоров не только к грекам Балканского полуострова, но и в Азию, и к берегам Италии, и Понта Эвксинского. Каждая делегация, вероятно, посещала несколько мест, лежащих в одном направлении.²⁴ Сохранилась надпись, содержащая составленный по географическому принципу список феородоков — людей, принимавших дельфийских послов с 245 до 150 г. до н. э.²⁵ Список показывает, что дельфийские феоры посещали не только большие города и столицы, но и небольшие селения. Это может говорить как о тщательно организованной пропаганде, так и о личной заинтересованности дельфийцев.

Путешествия могли оказаться тяжелыми для священных послов. Как явствует из надписи (Syll². 281) 192 г. до н. э., два феора были посланы в Херсонес Понтийский с объявлением о Пифиях, видимо, 194 г. до н. э. В пути они, как предполагают исследователи, были захвачены пиратами.²⁶ В надписи

говорится, что жители Херсонеса выкупили послов и окружили их заботой и почитанием. По возвращении на родину феорам, вероятно, пришлось оправдываться за двухлетнюю задержку перед гражданами: «И сами они, защищаясь, рассказывали соответственно написанному» (в письме от жителей Херсонеса). Несмотря на все тяготы путешествия, опасности, которые поджидали феоров, вряд ли можно считать эту обязанность тяжелой повинностью. Судя по данным источников, дельфийские феоры встречали самый радушный прием в тех местах, куда прибывали. Специально назначенные общинами люди для приема священных послов — феородоки обеспечивали им жилье, угощение, подарки. Как пишет Афиней (IV, 173 с), феородоки «оказывали им надлежащую заботу: крышу, хлеб-соль, масло, уксус, еще светильник, ложе, постель, стол, дрова». Получали послы и подарки от общины. Им давались жертвенное животное, подарки, почетное угощение, возможно, они получали и денежные дары как для дельфийского храма, так и для себя.

О приеме, какой по обычаю оказывали дельфийским феорам, можно составить представление из надписи о феорах города Магнезии-на-Меандре. Хотя речь идет о феорах Магнезии, в тексте оговаривается, что им должны предоставляться такие же привилегии, как феорам Пифий. «Дать феорам... лучшую долю от жертвоприношений и подарки, какие даются объявляющим о Пифиях». Вероятно, жертвенное мясо относилось к почетному угощению феоров в пританее города. Общины, куда прибывали дельфийские феоры, обеспечивали их всем необходимым для совершения положенных обрядов жертвоприношения. Для сравнения: жители Херсонеса, выкупившие дельфийских послов, тем не менее по прибытии вместе с феорами в Дельфы совершали жертвоприношение за свой счет: «совершили жертвоприношение гекатомбу богу (Аполлону) и сто животных Афине и мясо быков разделили между гражданами» (Syll³. 281. L. 8—9). В свою очередь благодарные дельфийцы дали жителям Херсонеса право обращения к оракулу вне очереди, а послам — покровительство в городе и подарки (I. 14—16). Это явно меньше, чем расходы херсонеситов на выкуп послов и сотни жертвенных животных. Дельфийские феоры, возвратившиеся от Антиоха Эпифана, сообщили, что некий Дикеарх, житель Лаодикеи, «был хорош к городу и храму в Дельфах и оказал большие услуги городу в целом и отдельным гражданам, приходящим к Антиоху, он содействует с рвением». Видимо, был прав А. Никитский, когда он говорил, что «дельфийские феоры, пользуясь городским угощением и гостинцами и приемом со стороны феородоков, не только приглашали на праздники, но и собирали всякий раз при своих

поездках по всему греческому миру, очевидно, довольно крупные суммы в виде всякого рода пожертвований на пользу дельфийского бога». ²⁷ Феории были скорее привилегией, чем обязанностью дельфийцев. Они способствовали росту благосостояния не только святилища, но и дельфийских граждан. В эти посольства вовлекалось большое число людей. Можно предположить, что одновременно в разные концы света отправлялись примерно 50—60 человек. Дельфийская община была небольшой. По подсчетам ученых, число взрослых мужчин в V—IV вв. до н.э. было от 700 до 1200. ²⁸ Феории посылались каждые четыре года. И вполне возможно, что значительная часть дельфийских семейств, если не все, участвовала в этом и имела возможность улучшить к тому же и свое материальное положение.

Дельфийцы были благодарны своим феородокам. Представление об этом может дать декрет 150/49 г. до н. э. в честь Бийаса, сына Аристодама из Навпакта, который, «избранный феороδοком нашего города, принял феороδοкию Пифий и Сотерий... он все делал и словом и делом по своим возможностям. За это благодарны ему феоры... Чтобы видно было, что город благодарен тем, кто хорош к нему и богу, похвалить Бийаса, дать венок бога за благодеяние городу и храму и богу... Быть ему проксеном (гостеприимцем) и евергетом (благодетелем) храма и города. Дать ему асфалию (безопасность), промантию (право обращения к оракулу вне очереди), продикию (первоочередное право на судебное разбирательство), ателию (освобождение от налогов) и асилию (неприкосновенность), исполитию (права, равные гражданским правам дельфийцев) и право владения землей и домом». ²⁹

Большие доходы должен был приносить дельфийцам сам праздник. Дельфийцы не меньше, чем амфикионы, были заинтересованы в том, чтобы хорошо провести Пифийские игры. Об этом говорит хотя бы тот факт, что почетные постановления в честь особенно отличившихся гиеромнемонов принимали не только амфикионы, но и дельфийские граждане. Уже упоминавшийся гиеромнемон Хиоса Тимократ был удостоен почестей и от амфикионов, и от дельфийцев. Жители Дельфа в отдельном постановлении даровали ему все почести, какими они обычно награждали своих благодетелей. В этом перечне и право первоочередного обращения к оракулу и судебного разбирательства, освобождение от налогов, неприкосновенность и др. (Syll³. 508).

Главной частью Пифий был обряд жертвоприношения. Делегации греческих полисов приносили в жертву Аполлону огромное количество животных, которых они или везли с собой

или покупали на месте — в Дельфах. О размахе жертвоприношений можно судить по приготовлениям Ясона, тирана Ферского. Подвластные ему города, как говорит Ксенофонт (Hell. VI, 29), приготовили к Пифиям «не менее тысячи быков и более десяти тысяч голов прочих жертв». Но помимо городов Фессалии на праздник приезжали делегации и от других полисов Эллады. Недаром Пиндар (фрагмент 193) назвал Дельфы в период Пифийского праздника «бычий скотогон» или (другой перевод) «шествие быков». Значительная часть жертвенного мяса доставалась дельфийцам. Посетителям святилища продавали жертвенных животных из священных стад (Syll³. 636). Возможно, дельфийцы имели определенный процент от этой продажи, но финансовые взаимоотношения города и амфикинии очень запутаны, и этот вопрос требует отдельного рассмотрения.³⁰ Жители Дельф также получали, вероятно, доходы от сдачи в аренду жилья на время празднеств прибывающим в Дельфы паломникам. «Законом амфикионов» (CID. Vol. 1. N 10, l. 22) регулируется порядок пребывания в гостиницах, расположенных на священной земле. Там не полагается находиться более 30 дней. Но в период праздника этих гостиниц, скорее всего, не хватало, и приехавшие на праздник должны были арендовать помещения у жителей Дельф.

Если подвести итог сказанному, можно сказать, что, хотя формально г. Дельфы не имел решающего голоса при проведении главного дельфийского праздника — Пифий, дельфийские граждане извлекали больше всего выгод из него. Деньги на организацию и проведение игр шли из общесоюзной казны, привлекались также финансы полисов, но доходы доставались в значительной степени дельфийцам. Таким образом, исследование вопроса об организации общееллинского праздника подтверждает уникальность положения Дельф в системе греческих полисов и своеобразие дельфийской автономии, экономической основой которой были доходы, получаемые от многочисленных паломников и почитателей дельфийского бога. Дельфы только принимали дары и практически не несли никаких расходов. Они лишь благодарили привилегиями: правом первоочередного обращения к оракулу, почетным званием проксена (гостеприимца), разрешением поставить статую в Дельфах или сделать посвятительную надпись благодетелю за его же счет.

¹ О специфике Дельфийского полиса см.: Глускина Л. М. Дельфийский полис в IV в. до н. э. // Античная Греция. М., 1983. Т. 2. С. 48.

² Амфикионы — «живущие вокруг», союзы, создававшиеся соседними общинами для совместного проведения обрядов и охраны общих святилищ. О Пилейско-Дельфийской амфикинии см.: Roux G. 1) L'Amphictionie, Delphes

et le Temple d'Apollon au IV-e siecle. Lyon, 1979; 2) Delphes. Son oracle et ses Dieux. Paris, 1976.

³ В Совет амфикионов входили не полисы, а племена (Aeschin. II, 116; Theoromp. Fg. Hist. 115 F 63). В IV в. до н.э. Дельфы — единственный полис в Совете. Известно, что Дельфы получили два голоса в Совете в 346 г. до н.э., отняв по одному голосу от перребов и долопов. Но неизвестно, имели ли они представительство и раньше. См., например: *Flaceliere R. Les Aitoliens a Delphes*. Paris, 1937. P. 38. — Ж. По считает, что Дельфы были в составе амфикионии еще во время первой Священной войны — конец VII—начало VI в. до н.э. (*Roux G. L'Amphictionie...* P. 19).

⁴ Контроль амфикионии над Дельфийским святилищем был установлен, вероятно, в результате победы в первой Священной войне, которую в конце VII в. до н.э. амфикиония вела с г. Крисой (Киррой) (Strab. IX, 3, 4; Paus. 2,9,6 etc.). После разгрома Крисы ее земли были посвящены Аполлону Пифийскому. См.: *Flaceliere R. Les Aitoliens a Delphes*. P. 32; *Parke H.M., Wormell D. E. W. The Delphic oracle*. V. I—II. Oxford, 1956. Vol. 1. P. 99—112; *Глукина Л. М.* Дельфы в период первой Священной войны // ВДИ. 1951. № 2. С. 213—221.

⁵ Употребляя в данном месте слово «город» (точнее, «полис»), Эсхин не противоречит своему же утверждению, что в союз амфикионов входили двенадцать племен (II, 116), так как имеет в виду города как представителей того или иного племени, а не как самостоятельных членов амфикионии.

⁶ См., например: *Люперольский П.* Храмовый город Дельфы с оракулом Аполлона Пифийского. СПб., 1869. С. 22.

⁷ *Глукина Л. М.* Эзоп и антидельфийская оппозиция в VI в. до н. э. // ВДИ. 1954. № 4. С. 151.

⁸ Надпись, хранящаяся в Лувре, переиздавалась неоднократно. В данной статье используется публикация 1977 г.: *Corpus des Inscriptions de Delphes*. T. 1. *Lois sacrees et reglements religieux* par G. Rougemont. Paris, 1997 (далее — CID). Vol. 1. N 10.

⁹ CID. Vol. 1. N 10, l. 16.

¹⁰ *Глукина Л. М.* Дельфийский полис в IV в. до н. э. С. 46.

¹¹ *Bourquet E.* L'administration financiere du sanctuaire Pythique au IV-e siecle. avant J. C. Paris, 1905. P. 16.

¹² Олимпийские, Пифийские, Истмийские и Немейские празднества или игры были общеэллинскими. Наградами победителям служили не ценные призы, как на других играх, а венки из оливы (Олимпийские игры), лавра (Пифийские), сосны (Истмийские), оливы (Немейские). Победа на этих состязаниях была особенно значимой, она приносила победителю общеэллинскую славу.

¹³ Об учреждении Пифийских игр см.: *Шарнина А. Б.* Пифийские игры в Дельфах // *ΜΟΥΣΕΙΟΝ*. Профессору Александру Иосифовичу Зайцеву ко дню семидесятилетия. СПб., 1997. С. 63—73.

¹⁴ *Фролов Э. Д.* Греческие тираны (IV в. до н.э.). Л., 1972. С. 96—97.

¹⁵ Там же. С. 161.

¹⁶ *Flaceliere R. Les Aitoliens a Delphes*. P. 76.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ *Sylloge Inscriptionum Graecarum* / Ed. W. Dittenberger (Syll.). 444 A; 461. Ср.: *Никитский А.* Исследования в области греческих надписей. Юрьев, 1901. С. 25.

¹⁹ Ср.: *Flaceliere R. Les Aitoliens a Delphes*. P. 32. — Он высказывает предположение, что казна Аполлона доверена городу на хранение, но только как вклад. Дельфы были обязаны предоставлять ее в распоряжение амфикионов.

²⁰ *Pouilloux J.* Travaux a Delphes a l'occasion des Pythia «Les comptes de Dion» 247/6 // *Etudes delphiques*. P. 103—123.

²¹ Ibid. P. 121.

²² О датировке этих событий см.: *Flaceliere R. Les Aitoliens a Delphes*. P. 86.

²³ Представление о «священном месяце» в Греции дают слова Демосфена (XXIV, 29): «Его ничуть не потревожило то, что все вы соблюдали в это время правила священных дней месяца, когда законом предписывалось не творить никаких обид друг другу ни в частном, ни в общественном деле, не заниматься никакими другими делами, кроме связанных с праздником».

²⁴ В науке высказывалось мнение, что знаменитый «каталог кораблей» во второй песне «Илиады» основан на путеводителе дельфийских феоров (Giovannini A. Etude historique sur les origines du Catalogue des Vaisseaux. Berne, 1969).

²⁵ Daux G. La grande liste delphique de thearadoques // American Journal of Philology. 1980. Vol. 101. N 3. P. 318—323.

²⁶ Никитский А. Исследования в области греческих надписей. С. 43.

²⁷ Там же. С. 47.

²⁸ Глушкина Л.М. Дельфийский полис в IV в. до н.э. С. 58.

²⁹ Fouilles de Delphes. III, 1. N 152, l. 1—4; 11—16.

³⁰ Daux G. Delphes au II-e et I-e siecle depuis l'abaissement de l'Etolie jusqu'à la paix romaine, 191—31 avant J.C. Paris, 1936. P. 9—10.

С. Е. КРЫЛОВА

ИРЛАНДСКАЯ КАМПАНИЯ ГЕНРИХА II ПЛАНТАГЕНЕТА И ПАПСТВО

Ирландская военная экспедиция, предпринятая английским королем Генрихом II Плантагенетом в 1171 г., является, несмотря на свой, казалось бы, формальный характер, исходным пунктом дальнейшей ирландской политики Англии.

Согласно традиционным представлениям, выраженным в английских хрониках XII в., а затем и в современной историографии, Плантагенет вмешался в распри племенных вождей Ирландии и подчинил ее своей власти в 1171 г.¹ Создается впечатление, что ирландская экспедиция Генриха II была лишь случайным эпизодом внешнеполитического курса английского короля. Однако, изучая взаимоотношения государства и церкви в Англии XII в., можно увидеть эту кампанию Генриха II в Ирландии в несколько ином свете. Военная экспедиция 1171 г., которая закончилась фактическим подчинением ирландской церкви папскому престолу, на наш взгляд, находится в тесной связи с многолетней борьбой английского короля и церкви.

Генрих Плантагенет, граф Анжу, Мэна и Турени, герцог Нормандии и Аквитании, которого современники называли «самым могущественным и известным государем от моря до моря»,² стал английским королем Генрихом II в 1154 г. Едва утвердившись на английском престоле, он в 1155 г. попросил

благословения папы на завоевание Ирландии. Иоанн Солсберийский, английский философ и церковный деятель XII в., который в то время находился при Римской курии, позднее писал: «...по моей просьбе папа Адриан IV уступил Генриху Ирландию на наследственном праве. И через меня переслал ему перстень, которым давал разрешение на завоевание Ирландии, ибо все острова с давних времен, согласно дарению Константина, принадлежат римской церкви».³ Хронист Ральф де Дицето в своей хронике под 1155 г. приводит текст папской буллы, в которой Адриан IV благославлял Генриха на завоевание: «Любезнейший сын, я хочу, чтобы ты отправился на остров Ирландию, подчинил его народ законам и вырвал оттуда рассадники порока. Я хочу также, чтобы ты платил ежегодно святому Петру один денарий с каждого двора в Ирландии, а права церкви той страны сохранял в целостности и сохранности».⁴

До сих пор остается спорным вопрос о достоверности этой буллы. Однако независимо от того, существовал такой документ или нет, можно с уверенностью сказать, что римская церковь была заинтересована в подчинении ирландской церкви и доходах с нее. Христианская церковь, основанная в Ирландии св. Патриком в V в., не подчинялась римскому папе. Эта церковь была хорошо приспособлена к клановому обществу. Духовенство клана большей частью жило в общинах, подчинявшихся своему епископу. Ирландская церковь одновременно носила родовой и монастырский характер.

Возвращаясь к папской булле, отметим, что условия, на которых Генриху II разрешалось завоевание Ирландии, когда все острова, а следовательно, и сама Англия должны быть в сфере верховной власти папы, не могли быть приняты в то время могущественным английским королем. Он не собирался быть вассалом римского папы. Более того, основной задачей этого короля в церковной политике стало возвращение церкви под власть государства, из-под которой она фактически вышла в период смуты, предшествовавшей правлению Плантагенета. Может быть, поэтому Иоанн Солсберийский, которого Генрих II, вероятно, считал вдохновителем вышеупомянутого папского решения, последователем и пропагандистом теории папской верховной власти, был в 1156 г. лишен в Англии всех своих пребенд и изгнан из страны. Борьба Генриха Плантагенета за ограничение церковной юрисдикции в Англии во второй половине XII в. является одним из кульминационных моментов борьбы королевской власти с теократическими притязаниями церкви в период становления национальных государств в Западной Европе.

В раннем средневековье в Англии не было резкой грани между светской и церковной властями. До XII в. английское

духовенство не было организовано в строго иерархическую структуру: епископы и аббаты были прежде всего вассалами короля. Король был заинтересован в обеспечении себе безраздельной верности своих епископов и аббатов, в своем контроле над их личностью и собственностью, в поддержании своих феодальных и фискальных прав. Королю принадлежало право инвеституры, право опеки вакантных епископств. Он участвовал и председательствовал на церковных советах. Церковь освящала эти права короля, присвоив ему титул «викарий Христа». До конца XI в. папа не имел никакой юридической власти в Англии. Он получал только 299 марок серебра в качестве денария св. Петра и знал, что английские епископы должны испрашивать у него паллий. Никакого влияния на назначение архиепископа, а тем более епископов и аббатов папа не имел.⁵

После нормандского завоевания 1066 г. произошли глубокие перемены в английской церкви. Однако связаны они были не столько с нормандским завоеванием, сколько с общими изменениями, происшедшими к этому времени в западноевропейской церкви. Пользуясь слабостью европейских государей, опираясь на широкое клунийское движение, римские папы в период с середины XI по конец XII в. значительно расширили прерогативы папской власти. Изменился статус и даже природа церкви как института. Основной целью церковных вождей того времени стало создание церковной организации, не только свободной от светского подчинения, но и подчинившей себе светскую власть.

Конечно, в жизни все зависело от обстановки и реального соотношения сил, но такая тенденция начинает проявляться и в английской церкви со второй половины XI в. Уже папа Григорий VII пытался сделать Вильгельма I (1066—1087) своим вассалом. Он требовал, чтобы английские архиепископы получали в Риме инвеституру, а папские легаты контролировали деятельность английской церкви. Завоеватель и его сыновья еще успешно боролись с этими притязаниями папства, держали духовенство в строгом подчинении своей власти. Однако английское духовенство во главе с кентерберийским архиепископом Ансельмом все же добилось уже при Вильгельме I отделения церковного суда от светского. При Вильгельме Рыжем (1087—1100) шла борьба за право назначать высших должностных лиц церкви. В 1107 г. удалось прийти к соглашению, по которому корона присвоила себе право намечать кандидатуры новых епископов, которые затем избирались капитулом кафедральных церквей, формально утверждались папой и в конце концов приносили клятву верности королю как вассалы. По существу это была победа короны. Генрих I (1100—1135) на словах допускал, чтобы из-

бование духовенства было свободным, но в действительности оно всегда происходило под влиянием короля. Генрих признавал также юридические привилегии церкви, однако он ограничивал их, утвердив право королевского суда определять природу держания и право патроната, запретив отлучение от церкви графов, баронов и рыцарей без своего разрешения.⁶

В период смуты середины XII в. (время правления Стефана Блуасского) английское духовенство добилось многих привилегий, особенно в области юрисдикции. Она совершенно обособилась от светской, границы ее расширились, захватив значительную часть гражданских правоотношений: церковь одна могла теперь решать дела о собственности лиц, умерших без завещания, во всех случаях спорного наследования решать вопрос о законности наследника, разбирать дела о завещаниях и браках. Имея в своем распоряжении выработанную систему права и судебного процесса, церковь всегда могла рассчитывать на победу в столкновениях, происходивших между ее юрисдикцией и юрисдикцией светских судов, руководствовавшихся обычным общим правом, разработка которого еще только начиналась. Апелляции к папе достигли с этого времени неслыханных прежде размеров. Вопросы, совершенно ничего общего не имеющие с верой и моралью, в большинстве связанные с собственностью, поступали на решение папского трибунала. Английская церковь в противоположность прежним временам, когда она стояла в стороне от Рима, все больше и больше подчинялась римскому влиянию. Английское духовенство, владельцы обширных земель, все больше отделялось от мирян и своим верховным судом считало не королевскую курию, а курию римскую. Фактически оно оказалось изъято из-под действия общего права страны.⁷

Ограничить церковную юрисдикцию, вернуть церковь под власть государства — эти задачи стали основными в церковной политике Генриха II Плантагенета. В 1162 г. король сделал канцлера Томаса Бекета, своего доверенного и друга, одного из образованнейших юристов того времени, кентерберийским архиепископом, надеясь, что тот, занимая два важнейших поста в государстве, будет успешно проводить в жизнь королевские замыслы. Бекет уже зарекомендовал себя ревностным защитником государства. В источниках неоднократно упоминается вмешательство канцлера в церковные выборы, церковную юрисдикцию, нарушение церковных финансовых прав, наконец, обложение 1159 г., когда по инициативе Бекета церковь принуждена была заплатить сумму, в четыре раза превысившую обычные щитовые деньги.⁸

Однако, как отмечает хронист, «изменив одежды, Бекет изменил и душу. Он отказался от канцлерства, посвятив себя мо-

литвам и церковным делам».⁹ По этому поводу Иоанн Солсберийский писал в одном из своих писем: «Томас знал, что, если он примет предложенное ему архиепископство, то либо потеряет любовь короля, либо любовь Бога, ибо он не мог одновременно оставаться верным Богу и слушаться короля, не мог защищать законы церкви и быть другом королю».¹⁰ С этого времени началась многолетняя борьба между королем и архиепископом из-за судебных привилегий духовенства, «каковые король хотел уменьшить или уничтожить, архиепископ же всеми средствами пытался сохранить».¹¹

Королевские требования, зафиксированные впоследствии в «Кларендонских конституциях», убедительно свидетельствуют о намерении короля подчинить духовенство своей власти. Согласно этим требованиям, только королевская курия могла решать споры о церковном патронате и о праве представления на приход; ей же принадлежало право судить любого клирика, обвиняемого в уголовном преступлении; все тяжбы о долгах, о земельных владениях также должна была решать королевская курия. Духовные лица, имеющие в Англии бенефиции, не могли покидать страну без разрешения короля; без ведома короля церковь не могла накладывать интердикт на земли его вассала, без согласия короля она не имела права апеллировать к папе; архиепископы, епископы и все другие владельцы бенефициев, державшие их непосредственно от короля, должны были считаться вассалами короля, как и другие бароны: за свои владения они должны отвечать перед судьями короля, являться к нему на судебные заседания и, как и другие бароны, отбывать повинности, полагающиеся королю по праву и обычаю.¹²

По своему духу постановления Генриха II не были чем-то новым. Недаром хронисты называют их «дедовскими», так как они выражали старые идеи англо-нормандского государства. Однако восстановление старых норм для церкви времени Плантагенетов представлялось ей нарушением прав и привилегий, которыми она уже владела. Началась борьба между государством и церковью, считавшей себя властью, не подчиненной государству, а равной ему и даже большей. Именно стойкая позиция английского духовенства в борьбе за церковные привилегии определила и дальнейшее поведение Томаса Бекета. Он выступил решительным противником «Кларендонских конституций», а Генрих Плантагенет всеми средствами пытался заставить английское духовенство соблюдать их. Видимо, с этой целью в октябре 1165 г. был созван большой совет баронов и духовенства в Нортгемптоне для суда над архиепископом, которого обвиняли в растрате королевских доходов в период его канцлерства. Архиепископ был присуж-

ден к большому штрафу. Однако, как отмечает хронист, «все епископы, за исключением лондонского, выступили поручителями за Томаса Бекета».¹³

Поведение епископов на совете в Нортгемптоне, их отказ судить своего сеньора и архиепископа свидетельствуют, что «Кларендонские конституции» они не приняли. И все же, как отмечает Иоанн Солсберийский, «английские епископы были чрезвычайно обеспокоены и напуганы».¹⁴ Архиепископ Томас Бекет и многие его сторонники вынуждены были оставить Англию. Их имущество было конфисковано, и король предписал шерифам «арестовывать и держать в заключении всякое духовное лицо, апеллирующее к папе. Генрих потребовал также, чтобы родственники всех духовных лиц, единомышленников архиепископа, предоставили ему надежный залог».¹⁵

Однако при неблагоприятном положении дел на континенте, где Генриху Плантагенету постоянно угрожала война с Францией, борьба его с английским духовенством после бегства архиепископа во Францию приобрела еще более острый характер. В эту борьбу активно включились папа и французское духовенство. Папа Александр III начиная с 1165 г. неоднократно угрожал Генриху II интердиктом. Во французских владениях Плантагенета не прекращались баронские мятежи, которые французский король Людовик VII не только поддерживал, но и во многих случаях инспирировал.¹⁶

В Рождество 1170 г. Томас Бекет был убит четырьмя королевскими рыцарями. По свидетельству хронистов, это убийство поставило Генриха II в чрезвычайно трудное положение. «Все обвиняли английского короля в убийстве блаженного мужа, — пишет Вильям Ньюбургский, — но больше всех французский король, который всегда ревниво относился к успехам Генриха. Весть о столь большом преступлении разнеслась по всему латинскому миру и очернила блеск английского короля и его славу».¹⁷ По свидетельству Р. Говдена, «Людовик VII, архиепископ Санса и блуасский граф требовали отомстить Генриху за смерть кентерберийского архиепископа и призывали папу отлучить английского короля от церкви. В Нормандию прибыли папские легаты Грациан и Вивиан, чтобы наложить интердикт на владения Генриха».¹⁸ Возможность отлучения от церкви и наложения интердикта на все его владения была для английского короля в то время совершенно реальной, поэтому не случайно он спешно направил к папе посольство, умоляя Александра III повременить с принятием крутых мер.¹⁹

Между тем все хроники сообщают, что в это же время Генрих предпринял военную экспедицию в Ирландию. «Генрих апеллировал к папе, — пишет Говден, — затем предписал судьям и бэйлифам всех морских портов Нормандии следить,

чтобы ни одно духовное лицо без разрешения не переправилось в Англию, а сам, собрав большое войско, поспешил в Ирландию».²⁰ Свидетельства хронистов об ирландском походе Генриха Плантагенета в трудной для него обстановке 1171 г. могли бы показаться странными, если бы не отдельные их замечания, позволяющие задуматься о связи этой кампании с предыдущими событиями.

Так, Говден пишет: «Пришли к Генриху ирландские короли и бароны и принесли ему оммаж. Все архиепископы и епископы Ирландии признали его королем и господином. От каждого архиепископа и епископа Генрих получил хартии, в которых они признавали его и его наследников ирландскими королями. Как только это было сделано, английский король отправил своих послов к папе Александру III. Папа высшей апостольской властью санкционировал Генриху и его наследникам это королевство и утвердил их навечно королями Ирландии. Король собрал также большой собор ирландского духовенства, на котором были приняты некоторые статуты относительно десятины и церковных обрядов».²¹ По словам Ральфа де Дицето, «архиепископы и епископы Ирландии обещали принять и сохранять английские церковные обычаи, и все единодушно подчинились власти короля».²²

Таким образом, в рассказе об ирландском походе хронисты особое внимание обращают на подчинение свободной ирландской церкви папскому престолу. Не случайно Говден подчеркивает, что, «получив оммаж от побежденных ирландских королей, Генрих заставил архиепископов и епископов Ирландии не только устно поклясться в верности, но и записать эту клятву. Письма же с печатами ирландского духовенства он направил римскому папе».²³

Отношение папы к ирландской кампании английского короля лучше всего выражено в его письмах к ирландскому духовенству, ирландским баронам и Генриху Плантагенету. Во всех них английский король, над которым еще недавно гремели папские проклятия, назван «благороднейшим королем, дражайшим сыном во Христе». Например, в одном из писем к Генриху Александр III пишет: «Мы узнали, что Вы, благочестивый и могущественнейший король, одержали удивительнейшим образом победу с помощью Бога, по чьему внушению Вы действовали; распространили полноту Вашего мира на варварский и дикий народ... Мы умоляем Вас вернуть этот народ к вере Христа и Вашей властью удержать его в ней. Таким путем Вы искупите свои настоящие и будущие грехи».²⁴ Уже весной 1172 г. по распоряжению папы в Нормандию прибыли кардиналы Альберт и Теодин. «Король поспешно оставил Ирландию, — сообщает Говден, — чтобы встретиться с папскими ле-

гатами». А в мае 1172 г. на совете в Авранше Генрих II, по словам хрониста, «очистился от подозрения в убийстве архиепископа».²⁵

Условия авраншского соглашения совершенно ясно свидетельствуют о том, что английский король фактически отказался от всех требований, за которые так долго боролся с английской церковью. Однако он восстановил свою репутацию, что являлось важным козырем в обстановке сознательной травли, которую вело против него духовенство. В 1173 г. Томас Бекет был канонизирован, а летом 1174 г. Генрих II, «дабы окончательно очистить и успокоить свою совесть», совершил униженное покаяние у могилы святого Томаса.²⁶

Церковный собор в Кашеле, созванный в 1175 г., узаконил реформу ирландской церкви и подчинение ее Риму. Таким образом, ирландское завоевание 1171 г. оказывается неразрывно связанным не только с церковной политикой Генриха II Плантагенета, но и с общеевропейской борьбой между папством и светскими государями, выступая как один из эпизодов этой борьбы. Вместе с тем нельзя отрицать, что именно это завоевание положило начало английскому господству в Ирландии.

¹ *Hoveden R. Chronica*. London, 1868; *Diceto R. Imagines historiarum*. London, 1876; *Newburgh W. Historia rerum Anglicarum*. London, 1885; *Brooke Ch. From Alfred to Henry III*. Edinburgh, 1961; *Mac Neill E. Theses of Irish History*. Dublin, 1968; *Ocuonosa T. C. Ирландский город и экспансия Англии XII—XV вв.* М., 1973.

² *Hoveden R. Chronica*. I, 215.

³ *Salisbury I. Metalogicon*. Oxford, 1928. IV, 42.

⁴ *Diceto R. Imagines historiarum*. I, 300.

⁵ *Barlow F. The English Church 1000—1066*. London, 1963.

⁶ *Barlow F. The English Church 1066—1154*. London, 1979.

⁷ *Richardson H., Sayles G. The Governance of Medieval England from Conquest to Magna Carta*. Edinburgh, 1963. P. 285—302.

⁸ *Materials for the history of Th. Becket*. London, 1876. II, 305.

⁹ *Diceto R. Imagines...* I, 307.

¹⁰ *Materials...* II, 305.

¹¹ *Hoveden R. Chronica*. I, 219.

¹² *Materials...* IV, 71—78.

¹³ *Ibid.* III, 49.

¹⁴ *The Letters of John of Salisbury*. Oxford, 1979. II, 132.

¹⁵ *Materials...* V, 152.

¹⁶ *Diceto R. Imagines...* I, 339.

¹⁷ *Newburgh W. Historia...* P. 163—165.

¹⁸ *Hoveden R. Chronica*. II, 18—29.

¹⁹ *Benedict Gesta regis Henrici Secundi*. London, 1867. I, 19.

²⁰ *Hoveden R. Chronica*. II, 29

²¹ *Benedict...* I, 351.

²² *Diceto R. Imagines...* I, 351.

²³ *Hoveden R. Chronica*. II, 31

²⁴ *Liber niger scaccarii*. London, 1728. I, 47—48.

²⁵ *Diceto R. Imagines...* I, 351.

²⁶ *Newburgh W. Historia...* P. 164.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

- Андреевская Елена Александровна** — кандидат исторических наук, доцент РГПУ.
- Багров Яков Юрьевич** — доктор медицинских наук, заведующий лабораторией Института эволюционной физиологии им. И. М. Сеченова РАН (Санкт-Петербург).
- Барыгин Игорь Николаевич** — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета им. В. И. Ульянова (Ленина).
- Ганелин Рафаил Шоломович** — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.
- Гоголевский Александр Владимирович** — доктор исторических наук, профессор, директор Республиканского гуманитарного института СПбГУ.
- Горфункель Александр Хаймович** — доктор философских наук (Бостон, США).
- Захаров Александр Михайлович** — кандидат исторических наук, доцент РГПУ.
- Измозик Владлен Семенович** — доктор исторических наук, профессор Северо-Западного технического университета, заместитель главного редактора журнала «Клио».
- Кен Олег Николаевич** — кандидат исторических наук, ученый секретарь Европейского университета (Санкт-Петербург).
- Колоницкий Борис Иванович** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.
- Комиссаров Борис Николаевич**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой СПбГУ.
- Копыловский Григорий Симонович** — адвокат, член Ленинградской областной коллегии адвокатов.
- Корсакова Наталья Леонидовна** — старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.
- Кривогуз Игорь Михайлович** — доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета печати.
- Крылова Светлана Ефремовна** — кандидат исторических наук, доцент РГПУ.
- Кудрявцева Татьяна Владимировна** — кандидат исторических наук, доцент РГПУ.
- Мешанинова Лариса Ивановна** — кандидат исторических наук, доцент, ученый секретарь СЗАГС.
- Морозов Вячеслав Евгеньевич** — кандидат исторических наук, доцент СПбГУ.
- Наринский Михаил Матвеевич** — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой МГИМО (У).
- Носков Владимир Витальевич** — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой РГПУ.
- Петров Владимир Александрович** — кандидат исторических наук, ответственный редактор издательства «Симпозиум».
- Пленков Олег Юрьевич** — доктор исторических наук, профессор РГПУ.
- Плешков Виктор Николаевич** — доктор исторических наук, директор Санкт-Петербургского института истории РАН.
- Рупасов Александр Иванович** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

Смирнов Виталий Павлович — доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета.

Соболев Геннадий Леонтьевич — доктор исторических наук, профессор СПбГУ.

Филиппов Борис Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент Свято-Тихоновского православного богословского института (Москва).

Фурсенко Александр Александрович — действительный член РАН, академик-секретарь Отделения истории РАН.

Хейфец Вера Лазаревна — корреспондент информационного агентства «Росбалт» (Санкт-Петербург).

Хейфец Виктор Лазаревич — кандидат исторических наук, докторант Института Латинской Америки РАН.

Хейфец Лазарь Соломонович — кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ИЛА РАН, научный руководитель кабинета Иbero-американских исследований СПбГУ.

Цветков Иван Александрович — кандидат исторических наук, старший преподаватель СПбГУ.

Чернецовский Юрий Михайлович — доктор исторических наук, профессор СЗАГС.

Чубинский Вадим Васильевич — доктор исторических наук, профессор, действительный член Академии гуманитарных наук, ректор СЗАГС.

Шарнина Ариадна Борисовна — кандидат исторических наук, доцент РГПУ.

Шейнис Виктор Леонидович — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АТР	— Азиатско-Тихоокеанский регион.
ВДИ	— Вестник древней истории.
ВКТ	— Всеобщая конфедерация труда Франции.
ВПШК	— Высшая профсоюзная школа культуры.
ВЦИОМ	— Всероссийский центр исследования общественного мнения.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения.
ЕС	— Европейский Союз.
ЕЭС	— Европейское экономическое сообщество.
ИККИ	— Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала.
ИЛА РАН	— Институт Латинской Америки РАН.
ИМЛ	— Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.
ИНИОН	— Институт научной информации по общественным наукам.
ИРМ	— Индустриальные Рабочие Мира.
КИМ	— Коммунистический интернационал молодежи.
КНР	— Китайская Народная Республика.
КПРФ	— Коммунистическая партия Российской Федерации.
КПСС	— Коммунистическая партия Советского Союза.
КПХ	— Коммунистическая партия Хорватии.
КПЮ	— Коммунистическая партия Югославии.
ЛВПШ	— Ленинградская высшая партийная школа.
ЛГПИ	— Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена (ныне — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена).
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет.
МГИМО (У)	— Московский государственный институт международных отношений (университет).
МИД РФ	— Министерство иностранных дел Российской Федерации.
НКВД	— Народный комиссариат иностранных дел.
НРБ	— Народная Республика Болгария.
НСДАП	— Немецкая национал-социалистическая рабочая партия.
НЭП	— новая экономическая политика.
ОБСЕ	— Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе.
ОК КПСС	— Областной комитет Коммунистической партии Советского Союза.
ПАСЕ	— Парламентская ассамблея Совета Европы.
РАН	— Российская Академия наук.
РГА ВМФ	— Российский государственный архив Военно-Морского Флота.
РГАСПИ	— Российский государственный архив социально-политической истории.
РГИА	— Российский государственный исторический архив.
РГПУ	— Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.
РФ	— Российская Федерация.
СДПГ	— Социал-демократическая партия Германии.

СЕ	— Совет Европы.
СЗАГС	— Северо-Западная Академия государственной службы.
СНГ	— Содружество независимых государств.
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет.
СПбГУЭиФ	— Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов.
СФИО	— Французская социалистическая партия (Французская секция Рабочего Интернационала).
УВКТ	— Унитарная Всеобщая конфедерация труда Франции.
ФКП	— Французская коммунистическая партия.
ФНРЮ	— Федеративная Народная Республика Югославия.
ФРГ	— Федеративная Республика Германия.
ФСП	— Французская социалистическая партия.
ХКП	— Хорватская крестьянская партия.
ЦИК РФ	— Центральная избирательная комиссия Российской Федерации.
ЦК ВПК (б)	— Центральный Комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков).

СОДЕРЖАНИЕ

Р. Ш. Ганелин. Юрий Васильевич Егоров (1932—1999)

5

I

<i>Ю. В. Егоров.</i> К вопросу о роли новой России в международных отношениях конца XX в.	13
<i>Ю. В. Егоров.</i> Генерал де Голль	23
<i>Ю. В. Егоров.</i> Франсуа Миттеран	50
Список научных трудов Ю. В. Егорова (<i>сост. А. М. Захаров</i>)	70

II

<i>Я. Ю. Багров.</i> Он никогда не говорил о себе	76
<i>А. Х. Горфункель.</i> Памяти друга	77
<i>В. С. Измозик.</i> Девять дней и 43 года	85
<i>Г. С. Копыловский.</i> «Он человек был в полном смысле слова...»	89
<i>Л. С. Хейфец.</i> Уроки Юрия Егорова	92
<i>Ю. М. Чернецовский.</i> Спасибо, что Ты был	98
<i>М. М. Наринский.</i> Памяти Юрия Васильевича Егорова	103
<i>В. Л. Шейнис.</i> Памяти друга	105
<i>Е. А. Андреевская.</i> Юрий Васильевич Егоров как преподаватель и исследователь	107

III

<i>Б. Н. Комиссаров.</i> История нового времени и новистика: соотношение понятий	124
<i>В. Н. Плешков.</i> Последний приют генерала Моро	134
<i>М. М. Наринский.</i> Коминтерн и вооруженное Сопротивление во Франции	149
<i>В. П. Смирнов.</i> Коммунисты и французское движение Сопротивления в 1940—1941 гг.	162
<i>В. А. Петров.</i> «Аксьон франсэз» и германский вопрос в 1918—1924 гг.	168
<i>О. Ю. Пленков.</i> Экономика и общество в Германии при нацистах	179
<i>В. В. Чубинский, Л. И. Мещанинова.</i> «За свободу и хлеб». Песни немецких фашистов	197
<i>И. Н. Барыгин.</i> К истории создания фашистской партии народов кавказских стран. (Партия «Боз-курт» — «Серые волки»)	205
<i>А. М. Захаров.</i> КПЮ, усташеское движение и проблема федерализма в Югославии в 1941—1945 гг. (Некоторые аспекты взаимоотношений)	214
<i>О. Н. Кен, А. И. Рупасов.</i> Московский протокол или «Варшавский пакт»?	223
<i>В. Л. Хейфец.</i> Путь к Дейтону и его итоги	233
<i>Б. А. Филиппов.</i> Войцех Ярузельский: диктатор, которого мучает совесть	240
<i>В. Л. Хейфец.</i> Провал континентальной революции: Коминтерн и эволюция левого движения Мексики в 1919—1921 гг.	252
<i>Л. С. Хейфец.</i> Интернационал Москвы или Интернационал Буэнос-Айреса? (III Интернационал, Южноамериканский секретариат Коминтерна и компартия Парагвая)	277
<i>Н. Л. Корсакова.</i> Де Голль и кубинский кризис 1962 г.	294

<i>И. А. Цветков.</i> Тайваньский кризис 1995—1996 гг. и политика США . . .	301
<i>В. В. Носков.</i> Образ Америки в русской философии истории	309
<i>А. В. Гоголевский.</i> Партия кадетов и правительственный конституциона- лизм после 17 октября 1905 г.	326
<i>Б. И. Колоницкий.</i> Спрос на революцию: политические символы и мас- совая культура в 1917 г.	331
<i>Г. Л. Соболев.</i> «Немецкий ключ» к Русской революции: политика, исто- рия, мифология	340
<i>И. М. Кривогуз.</i> Место и роль Российской Федерации в мировом сооб- ществе	349
<i>В. Л. Шейнис.</i> Россия голосующая. (Третий раунд)	366
<i>В. Е. Морозов.</i> Соотношение понятий «Запад» и «Европа» в современном русском внешнеполитическом дискурсе	399
<i>Т. В. Кудряцева.</i> М. С. Куторга и петербургская историческая школа. О преподавании истории в Петербургском университете в 20-е —на- чале 30-х гг. XIX в.	408
<i>А. Б. Шарнина.</i> Отношение между Дельфами и амфикионами на приме- ре проведения Пифийских игр	430
<i>С. Е. Крылова.</i> Ирландская кампания Генриха II Плантагенета и папство	441
Сведения об авторах и членах редколлегии	449
Список сокращений	451

Научное издание

РОССИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Сборник статей

Утверждено к печати

Санкт-Петербургским институтом истории

Российской Академии наук

Российским государственным педагогическим университетом

имени А. И. Герцена

Редактор издательства *Г. А. Альбова*

Художник *А. И. Слепушкин*

Технический редактор *М. Л. Водолазова*

Корректоры *Н. И. Журавлева, М. П. Корнакова,*

Ф. Я. Петрова и Е. В. Шестакова

Компьютерная верстка *Л. Н. Напольской*

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г.

Сдано в набор 15.02.2002. Подписано к печати 25.07.2002.

Формат 60 × 90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 28.5. Уч.-изд. л. 30.8. Тираж 1000 экз. Тип. зак. № 3383. С 152

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН

199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1

main@nauka.nw.ru

Санкт-Петербургская типография «Наука» РАН

199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12

ISBN 5-02-028511-0

9 785020 128511 8

